Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы XVI международной научно-практической конференции молодых ученых

Екатеринбург
2019

УДК 332.14
ББК 65.049(2 Рос)
Р 17

Ответственный редактор д. э. н. Ю. Г. Лаврикова
Рецензенты д. э. н. Дорошенко С. В., д. э. н. Макарова И. В.

Подготовлен в рамках НИР Института экономики Уральского отделения РАН за 2019–2020 гг.

Развитие территориальных социально-экономических систем. Вопросы теории и практики: Мат-лы
Р 17 XVI науч.-практ. конф. молодых ученых / Рос. акад. наук, Урал. отд., Ин-т экономики; отв. ред. Лаврикова Ю. Г. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. — 289 с.
ISBN 978-5-94646-619-6

Сборник сформирован по итогам работы XVI международной научно-практической конференции молодых ученых «Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики». Материалы сборника содержат результаты исследований по следующим направлениям: промышленное развитие территориальных социально-экономических систем, оценка и прогнозирование социоэкономической динамики развития регионов России, стратегия развития зеленой экономики в регионах России, повышение эффективности пространственного развития экономики регионов, экономическая безопасность, место и роль регионов в условиях геополитической и глобальной экономической конкуренции, развитие цифровой экономики, роль государства в социально-экономическом развитии территорий, предприятия в турбулентной экономике (отраслевые и региональные аспекты), национальные цели и глобальные вызовы и социальное развитие регионов России.

Публикуемые материалы могут содержать спорные авторские идеи и помещены в сборнике для дискуссии.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов экономических факультетов вузов.

УДК 332.14
ББК 65.049(2Рос)

ISBN 978-5-94646-619-6

© Институт экономики УрО РАН, 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

Промышленное развитие территориальных социально-экономических систем

Барыбина А. З. Анализ проблем сохранения конкурентоспособности промышленных предприятий на региональных рынках цифровой экономики 6
Бойко А. Н., Баланда Б. В. Роль прямых иностранных инвестиций в социально-экономическом развитии Российской Федерации 9
Вялых М. А. Индустрия 4.0: Друг или враг технологической безработицы? 13
Ефименко А. В. Методические подходы к формированию стратегии внешнеэкономической деятельности топливно-энергетических компаний в условиях неопределенности 17
Завгородняя Ю. В. Государство как один из основных факторов, определяющих условия формирования стратегического потенциала предприятий сельского хозяйства 20
Манько А. А., Бойко А. Н. Особенности развития нефтяной отрасли РФ в современных условиях 23
Новицкий В. В., Дорошенко С. В. Влияние процесса реиндустриализации на экологию регионов России 26
Пешкова А. А. Механизм государственно-частного партнерства в сфере развития цифровых технологий 29
Пономарева А. О. Роль цифровой инфраструктуры в формировании платформы пространственного развития промышленного региона 33
Рахмеева И. И. Технологическое развитие регионов: хаотичное или детерминированное 37
Реутова Е. А. Особенности и перспективы развития растениеводства в РФ 41
Страдымова А. Е. Сравнительный анализ динамики валового внутреннего продукта ведущих экономических держав 44

Повышение эффективности пространственного развития экономики регионов

Барыбина А. З. Пространственный аспект развития цифровой экономики в России 47
Горочная В. В. Территориальное распределение, циклическая динамика и метаболизм приморских инновационных кластеров в условиях геоэкономической турбулентности (на примере Ростовской агломерации) 51
Дубровская Ю. В., Пестерева Т. А., Козоногова Е. В. Пространственная кластеризация регионов России как фактор снижения неравномерности экономического развития 55
Квитко К. Б. Формирование транспортно-логистического кластера как драйвера пространственного развития экономики региона 59
Тихонова А. Д. Направления развития региона с точки зрения категориально-системной методологии 63
Чумляков К. С. Формирование стратегической конкурентоспособности и тенденции развития транспортной инфраструктуры России 67
Чусова М. Е. Трансформация современного глобального хозяйства сквозь призму мир-системного подхода 71
Юренский Д. А. Развитие туристских кластеров в РФ: проблемы и перспективы 74

Экономическая безопасность: место и роль регионов в условиях геополитической и глобальной экономической конкуренции

Буданцева Ю. И., Старых С. А. История становления партнерских отношений России и Китая. Основные направления сотрудничества 78
Горбунов А. А. Базовый доход — теория и практика концепции 81
Захарова В. В. Методические подходы к оценке уровня развития национальных инновационных систем стран-партнеров 85
Квашнина К. В. Анализ масштабов неформального сектора теневой экономики в стране (на примере России) 88
Кошеленко В. В. Место энергетической безопасности в системе национальной и экономической безопасности 92
Кривенцова Л. А. Трансформация подходов к определению экономической безопасности 95
Михайлова А. А. Инновационная безопасность в фокусе ученых стран постсоветского пространства 98
Наслунга К. С. Обзор существующих методик оценки финансовой безопасности региона 102
Оникийчук Ю. А. Коваленко Н. В. Экономическая безопасность как условие обеспечения и повышения конкурентоспособности регионов с особым статусом 105

Панкова Е. И. Роль Российской Федерации в мировом экспорте продукции пищевой промышленности 109
Печеркина М. С. Определение рисков для благосостояния личности и территории проживания 112
Смирнова О. П. Угрозы экономической безопасности межотраслевого регионального комплекса 115
Чупина Д. А. Протекционизм как угроза восстановления международной торговли в посткризисный период 117
Юрьева Л. В., Марфицына М. С. Обеспечение комплексной безопасности бизнеса на основе бенчмаркинга 120

Проблемы и перспективы развития цифровой экономики

Авилова В. В., Равилова А. Р. Цифровая трансформация в Республике Татарстан 123
Иванова А. И. Детерминанты развития цифровой экономики на региональном уровне 125
Красных С. С. Использование блокчейн-технологий как фактора экономического развития территории 129
Костина Т. В., Николайченко М. Р. Тенденции развития биткоина в современных условиях 131
Патутина С. Ю. Цифровизация процесса поиска мест практики и трудоустройства для студентов и выпускников вузов 134
Рабчевский Н. И., Кузьмичев И. А. Как развитие цифровой экономики вытеснило слово «инновации» из СМИ 137
Семячков К. А., Файрузова Д. Ю. Сравнительный анализ программ развития цифровой экономики 140

Роль государства в социально-экономическом развитии территорий

Богатырев Е. Е. Бюджетная децентрализация: Россия и Китай 143
Василенко Д. В. Механизм государственной поддержки субъектов предпринимательства в условиях ограниченного финансирования 147
Докукина И. А., Жуков А. А. Проблемы государственного регулирования цифровизации и рекомендации по их устранению 151
Епанешникова Д. С. Инструменты государственного регулирования импортозамещения для стратегически важных отраслей экономики 155
Журавлев Д. М. Алгоритм реализации стратегии устойчивого развития социально-экономической системы региона 159
Ковров Д. Ю. Особенности разработки и согласования стратегических документов арктических регионов 163
Орешкина Т. А., Одегов А. С. Роль муниципальной власти в процессе формирования экологического сознания жителей Екатеринбурга 167
Русинова М. Р. Эволюционный анализ развития бенчмаркинга: региональный аспект 170
Седельников В. М. Процесс создания ценности в традиционном маркетинге и маркетинге взаимоотношений 173

Предприятия в турбулентной экономике: отраслевые и региональные аспекты

Амирова Э. Ф., Галлямов Э. А. Роль крестьянско-фермерских хозяйств в экономике региона 177
Болатбекова Д. Г. Бенчмаркинг как один из этапов внедрения аутсорсинга 180
Глухих П. Л. Осинцев С. И. Роль экспортоориентированного предпринимательства в формирующейся российской экспортной экосистеме 183
Ильенкова К. М. Взаимосвязь, суть и основные принципы товарной и ассортиментной политики 187
Невская А. Д. Особенности сегментирования рынка продукции высокотехнологичного предприятия 191
Нюренбергер Л. Б., Севостьянова О. Г. Концептуальная модель обеспечения конкурентоспособности торговых предприятий 194
Реутов Р. В. Дефекты банковской системы: понятие и содержание 199
Синянская Е. Р., Балина А. В. Совершенствование управления затратами предприятий, участвующих в программах импортозамещения, за счет оптимизации методов калькулирования 204
Хисамутдинова Д. Ю. Методические подходы к оценке конкурентоспособности организаций региона 208

Ющук В. Е. Основные источники репутационных рисков организации и способы их снижения в конкурентной экономике 211

Национальные цели и социальное развитие регионов

Багирова А. П., Южакова Э. В. Родительский труд как механизм передачи компонентов социального капитала между поколениями (на примере гражданской активности) 215
Веретенникова А. Ю., Пинженина Д. В. Особенности развития социального предпринимательства в российских условиях 218
Волкова Н. В., Позднякова Т. В. Диагностика территориальной лояльности жителей сельских территорий Алтайского края: первые результаты 223
Кононова Д. С. Мониторинг профессионально-квалификационной структуры иностранной рабочей силы и оценка ее влияния на рынке труда Свердловской области 227
Коробейников А. Г. Противоречивость социально-культурных установок молодежи Уральского региона: традиционалистские предпосылки и вызовы времени 230
Телепаева Д. Ф. Роль спортивного волонтерства в достижении национальных целей и социальном развитии регионов 233
Шмарова И. В. Изучение прямых затрат родительского труда: потенциал и ограничение исследовательских методов 237

Регионы России: национальные цели и глобальные вызовы

Барейчева М. А., Степанова Н. Р. Город будущего — креативный 241
Байда Н. Е. Эволюция подходов к оценке персонала в теории управления персоналом в XX в. 244
Гончарова К. С. Анализ зависимости дифференциации доходов от уровня образования населения (на примере Южного федерального округа) 246
Джагарян Г. Е. Предпринимательская экосистема: сущность, понятие 250
Зайцева Е. В., Казанцева А. Е. Роботизация производств как ответ на демографические вызовы современности (на примере Свердловской области) 253
Зыкин Н. С. Национальная политика содействия добровольчеству: методика оценки реализации в регионе 256
Кошеленко В. В., Белик М. А. Международная миграция молодежи и ее социальные последствия в современном мире 259
Кубина Е. А., Степанова Н. Р. Цифровой город будущего 2035: комфортный 263
Лопатин В. М. Эконометрический анализ уровня экономической активности населения России 267
Мальцев А. А. «Конец» экономической истории? 271
Нагнойная-Орлова А. П. Роль социально-экономической политики местного самоуправления в развитии муниципальных образований 274
Печенская М. А. Основные тенденции социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа 276
Россошанский А. И., Белехова Г. В. Оценка финансовой грамотности населения регионов Северо-Западного федерального округа 279
Фурсенко Н. О. Динамика экономической диверсификации регионов РФ 282
Хлыстова М. К. Взаимосвязь профессионального образования и уровня экономического развития регионов России: эконометрический анализ 286

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Барыбина А. З.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ СОХРАНЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКАХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ [1]

В начале XXI в. получили развитие цифровые технологии на основе информационной революции и процессов глобализации экономики. Информация стала основным ресурсом. В руках человека она преобразуется в знания, а социально-экономические отношения все больше переносятся в сетевое пространство. Ключевым фактором цифровой трансформации в деятельности субъектов промышленного бизнеса становится развитие цифровой культуры. В данной ситуации, как показывает зарубежный и российский опыт экономической деятельности, цифровизация хозяйствующих субъектов становится тем необходимым инструментом, который может стимулировать восприимчивость промышленных структур к нововведениям, а также повысить их инновационную активность в целом. Автор статьи показал сущность и особенности цифровой экономики, провел анализ влияния процессов цифровизации на конкурентоспособность промышленных предприятий.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, конкурентоспособность, промышленные предприятия, промышленный бизнес инновации, передовые технологии

Начало XXI в. принесло развитие цифровых технологий на основе информационной революции и процессов глобализации экономики. Информация стала основным ресурсом. В руках человека она преобразуется в знания, а социально-экономические отношения все больше переносятся в сетевое пространство.

Методика исследования включает рассмотрение основных тенденций развития цифровой экономики. Рассматриваются основные факторы, влияющие на конкурентоспособность организаций на рынке. В современных условиях уровень конкурентоспособности предпринимательских структур определяется уровнем их цифровизации. Внедрение цифровых технологий влечет за собой ужесточение конкуренции, создавая для существующих лидеров угрозы, исходящие от новых волн инноваций.

Термину конкурентоспособность дано очень много определений. Так Ю. Б. Рубин [2] под конкурентоспособностью фирмы понимает ее способность применять совокупный конкурентный потенциал для борьбы с соперниками и достижения конкурентных преимуществ. Л. Н. Качалина [1] отмечает, что конкурентоспособность организации определяется тремя факторами: конкурентоспособностью страны и отрасли, собственным потенциалом и местом организации на мировом рынке. А. А. Чурсин [3] под конкурентоспособностью организации понимает ее способность поддерживать высокие темпы экономического роста в средне- и долгосрочном плане.

В 1995 г. американский информатик Николас Негропонте (Массачусетский университет) ввел в употребление термин «цифровая экономика». Сейчас этим термином пользуются во всем мире, он вошел в обиход политиков, предпринимателей, журналистов [2]. Цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами, позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [3].

Медленный рост производительности и растущее неравенство в доходах формировали мировую экономику во времена быстрых технологических изменений. Данному явлению было дано множество различных объяснений, но при этом так остается и нерешенной проблема снижения конкуренции. Сочетание все более концентрированных рынков, растущей рыночной власти крупных фирм и замедления деловой активности позволяет предположить, что конкуренция между фирмами ослабевает. Опасение заключается в том, что рост доминирующих фирм будет препятствовать распространению технологий и усугубит неравенство в доходах.

---

[1] © Барыбина А. З. Текст. 2019.

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019 г.

[2] https://finance.rambler.ru/economics/37159885/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_ source =copylink.

[3] «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203.

В дополнение к этим проблемам есть две ключевые особенности цифровой экономики — потенциал масштабирования с помощью цифровых платформ и растущее значение нематериального капитала, свойственны крупным и доминирующим фирмам.

Концентрация рынка особенно высока на рынках с большой отдачей от масштаба и сетевых эффектов [4]. Переход на цифровое вещание может сопровождаться высокими капитальными затратами, такими как установка центров обработки данных и другой цифровой инфраструктуры. Но это также дает возможность мгновенно воспроизводить цифровые предложения при низких или нулевых предельных затратах, что подразумевает большую отдачу от масштаба и более низкие цены для потребителей. Когда задействованы сетевые эффекты, потенциальная отдача от масштаба еще выше.

Малый бизнес и предприниматели также выигрывают. Цифровые гиганты, такие как Amazon, Google и Microsoft, среди прочего, сокращают начальные затраты для небольших компаний, предлагая облачные сервисы и программное обеспечение с открытым исходным кодом, облегчая доступ к удаленным рынкам через свои платформы и предлагая венчурное финансирование и финансирование.

Частично из-за возможности быстрого наращивания угроза сбоев в цифровой экономике выше, чем в прошлом. Многие утверждают, что эта угроза усиливает конкуренцию между крупными фирмами, а также более мелкими фирмами, которые могут сместить гигантов [5].

Перед политиками и регулирующими органами возникает задача оценки того, кто действительно является крупнейшими бенефициарами. Дайана Койл из Университета Манчестера отмечает [6], что, хотя сетевые эффекты цифровых платформ приносят реальную экономическую выгоду, неясно, насколько велики эти выгоды и кто их фиксирует. Рекламодатели также придают большое значение бесплатным услугам, и, как отмечают [7] Луиджи Зингалес и Гай Ролник из Чикагского университета, пользователи платят за эти услуги в форме очень ценной информации.

Необходимы дополнительные экономические инструменты для количественной оценки потребительских выгод на таких рынках, где традиционное ценообразование не дает таких же сигналов о рыночной власти, как в других отраслях [8]. Такие оценки будут лучше помогать политикам и регулирующим органам обеспечивать равные условия игры и лучше различать конкурентное и антиконкурентное поведение.

Второй особенностью цифровой экономики, которая дает преимущество крупным фирмам, является растущее значение нематериального капитала.

В отличие от материального капитала, такого как здания и оборудование, нематериальный капитал не является физическим. Он состоит из идей, брендинга, бизнес-процессов, программного обеспечения, отношений с поставщиками, лицензионных соглашений и других нематериальных активов, которые создают ценность для фирмы.

Поскольку оцифровка меняет бизнес-модели, фирмы все больше внимания уделяют нематериальным активам. В США, Великобритании и некоторых европейских странах нематериальные инвестиции уже превышают инвестиции в материальные ценности [9].

Как описывают Джонатан Хаскель и Стиан Вестлейк в своей книге «Капитализм без капитала» [10], существует четыре ключевых экономических свойства нематериальных активов, которые отличают их от материальных. Такими свойствами являются «масштабируемость» (несколько человек могут использовать их одновременно), «утонувшая» (затраты на их производство в основном потоплены), «вторичные эффекты» (их легко использовать другим) и «синергизм» (их можно эффективно комбинировать).

С этими свойствами фирмы могут достичь гораздо больших масштабов, пойти на все, чтобы предотвратить побочные эффекты для конкурентов, которые могут присвоить свои потраченные инвестиции, и приобрести другие фирмы с нематериальными активами, которые предлагают синергетический эффект (например, человеческий капитал или брендинг). Хаскель и Вестлейк утверждают, что эти свойства помогают объяснить рост фирм суперзвезд, увеличение количества слияний и поглощений и более высокую концентрацию рынка в отраслях с большей долей нематериальных инвестиций.

В отраслях с большими нематериальными инвестициями мелким фирмам может быть труднее найти финансирование для инвестиций и повышения производительности. Небольшие фирмы обычно полагаются на банковское кредитование, которое часто требует залогового обеспечения от заемщиков. Но нематериальные активы не могут предложить физическое обеспечение, их трудно измерить, и, в случае инвестиций в знания, исследования и разработки, они могут легко быть присвоены другими.

---

[4] http://www.hamiltonproject.org/charts/concentration_is_high_in_markets_with_large_returns_to_scale_and_ network_ef.

[5] https://www.brookings.edu/blog/up-front/2018/06/28/competition-challenges-in-the-digital-economy.

[6] https://www.ft.com/content/9dc80408–81e1–11e7–94e2-c5b903247afd.

[7] https://www.nytimes.com/2017/06/30/opinion/social-data-google-facebook-europe.html.

[8] https://www.ft.com/content/9dc80408–81e1–11e7–94e2-c5b903247afd.

[9] https://www.ft.com/__origami/service/image/v2/images/raw/http%3A%2F%2Fcom.ft.imagepublish.prod.s3.amazonaws.com%2F26e67158-d448–11e7-a303–9060cb1e5f44?source=next&fit=scale-down&quality=highest&width=700.

[10] https://press.princeton.edu/titles/11086.html.

Эти характеристики нематериальных активов делают финансирование частного акционерного капитала более привлекательным для компаний с нематериальными активами не только для осуществления инвестиций в активы, стоимость которых в основном снижается, но и для того, чтобы легче защищать интеллектуальную собственность в частном владении.

Кроме того, частное акционерное финансирование и венчурный капитал для небольших фирм могут быть трудно масштабируемыми. Эти трудности отчасти связаны с важностью социальных отношений и большой ролью государственных субсидий в поддержке динамичной индустрии венчурного капитала, развитие которой занимает много времени.

Крупные фирмы могут использовать эффект масштаба (и покупательную способность для приобретения фирм), чтобы уловить вторичные эффекты и использовать синергизм. Они также легче привлекают капитал.

Необходимая составляющая развития конкуренции в условиях цифровой экономики — установление единых недискриминационных требований и стандартов. А также создание единой среды доверия, включая оптимизацию электронного документооборота. Говоря об особенностях защиты конкуренции в цифровой экономике, Людмила Борисова (руководитель Саратовского УФАС России) отметила «необходимость специальных знаний, специальных методов анализа, помощи экспертов». Она также обратила внимание на то, что «при выявлении недобросовестной конкуренции на трансграничных рынках специалистам также требуется знание национального законодательства и законодательства ЕАЭС».

Опасными для конкуренции могут быть предложения по разделению технологии оказания услуг, рассмотрению рынков не как единой цифровой системы, а как различных технологических укладов, по регулированию правоотношений в цифровой экономике по технологическому принципу.

Необходимы надлежащие меры по обеспечению формирования взаимоувязанных распределенных экосистем цифровой экономики, оптимизация электронного документооборота и установка единых требований и стандартов.

«Нужна разработка надлежащих мер защиты конкуренции в условиях все нарастающей глобализации экономики, в том числе корректировка антимонопольного законодательства. Для успешного развития конкуренции в условиях цифровой экономики необходимо обеспечить недискриминационный доступ к цифровым ключевым мощностям, открытый доступ к информации, установить разумные и справедливые условия такого доступа, включая его цену.» — подчеркнула Елена Заева [11].

Цифровизация позволит создать открытые и доступные закупочные процедуры, сформировать информационную систему закупок, соблюсти универсальность систем и безвозмездность доступа к информации о закупках.

«В повестке дня стоят вопросы совершенствования антимонопольного законодательства. Обсуждаются вопросы применения антимонопольного законодательства на трансграничных рынках и обеспечения исполнения предписаний на этих рынках. Защита конкуренции требуется на рынках, где рыночная власть возникает в силу использования компаниями пулов прав интеллектуальной собственности, больших данных, алгоритмов, с помощью которых координируется экономическая деятельность. Для этого нужны новые походы к анализу рынка, учет особенностей рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства и контроль сделок слияний и приобретений. Важно разрабатывать общие рекомендации и вести постоянный обмен практиками», — резюмировал обсуждение доклада заместитель руководителя ФАС России Анатолий Голомолзин.

Мы движемся в экономику, в которой доминируют крупные фирмы? Даже технооптимисты [12], которые считают, что это лишь вопрос времени [13], прежде чем потенциал современных технологических достижений привода быстрого роста, пессимистичны в отношении последствий для распределения. Концентрированные рынки могут стать новой нормой. Политики должны быть скорректированы, чтобы обеспечить уровень игровых полей. Кроме того, лучшая защита интеллектуальной собственности, широкие и инклюзивные финансовые экосистемы, новые стандарты измерения и большие инвестиции в навыки — примеры политики, лучше подходящей для нематериальной экономики, которая является динамичной и инклюзивной. Возможности безграничны, но обещание не осуществится.

Список источников

1. *Качалина Л. Н.* Конкурентоспособный менеджмент. — М.: Эксмо, 2006. — 459,с.

2. *Рубин Ю. Б.* Теория и практика предпринимательской конкуренции: учебник / Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. — М., 2003 — 584 с.

3. *Чурсин А. А.* Управление конкурентоспособностью в условиях инновационного развития экономики. — М.: Экономика, 2017.

[11] https://fas.gov.ru/news/25020.

[12] https://www.brookings.edu/research/the-productivity-outlook-pessimists-versus-optimists.

[13] https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/is-the-solow-paradox-back.

Бойко А. Н., к. э. н., Баланда Б. В.
Донецкий национальный университет, г. Донецк

РОЛЬ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [1]

В исследовании рассмотрены основные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации, а также выяснено, что перспективным направлением их устранения является привлечение инвестиций. Рассматривается внешняя инвестиционная деятельность России, ее проблемы, перспективы и пути развития. Оценено влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономический рост страны. Установлено, что потенциальным направлением усиления инвестиционной активности РФ является активизация сотрудничества со странами АТР.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, прямые иностранные инвестиции, инвестиционная активность, Азиатско-Тихоокеанский регион

На современном этапе экономического развития все большую актуальность приобретают аспекты международного передвижения капитала. Особое место в данном вопросе отводится инвестициям, дающим реальные и потенциальные возможности для развития не только отдельных субъектов хозяйственной деятельности, но и государств в целом. В условиях нестабильности мировой экономики данный процесс играет важную роль для Российской Федерации, обремененной санкционными ограничениями со стороны Западной Европы и США, и перспективным направлением для которой явилась активизация сотрудничества со странами АТР.

Целью работы является анализ основных социально-экономических проблем и тенденций международной инвестиционной деятельности России, а также оценка их влияния на развитие страны.

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд таких задач:

— проанализировать основные социально-экономические проблемы России и рассмотреть пути их решения;

— оценить значимость инвестиций для социально-экономического развития страны;

— рассмотреть перспективные направления обеспечения социально-экономического развития, препятствия их реализации и пути устранения.

Проблемам международного движения капитала и инвестиционной деятельности посвящено много работ отечественных и зарубежных ученых, среди которых: Л.П. Гончаренко, В.П. Орешин, А.З. Астапович, С.А. Маковецкий, А. Кейн, У.Ф. Шарп и др. Тем не менее недостаточно исследованными остаются вопросы реализации инвестиционной политики и ее влияния на экономику страны в современных условиях.

В процессе выполнения работы использовались такие методы экономических исследований, как анализ и синтез, метод научной абстракции, исторический, структурного-функциональный, диалектический подходы, а также математико-статистический метод.

Информационный базой для проведенного исследования явились работы российских и зарубежных ученых в виде методической литературы, научных статей, опубликованных в периодической печати, данных официальной статистики международных организаций.

На сегодняшний день мировая экономическая система характеризуется определенной степенью нестабильности, что задевает не только экономико-политические, но и социальные аспекты жизни стран и отдельных субъектов международных отношений. Одной из таких стран можно считать и Российскую Федерацию, переживающую в последние годы ряд социально-экономических трудностей, среди которых особенно выделяются:

— диспропорции в социально-экономическом развитии различных регионов;

— нехватка квалифицированных кадров в стратегически важных отраслях;

— коррупция;

— зависимость от экспорта нефти и газа;

— потребность в импорте оборудования, машин и некоторых видов продуктов питания [1].

Говоря о вышеперечисленных социально-экономических проблемах, нельзя не сказать и о влиянии санкций, наложенных на Россию со стороны Западной Европы и США, а также позволивших в значительной степени ощутить насущность данных проблем для экономики страны. В особенности эти ограничения сказались на промышленности, строительстве и торговле потребительскими товарами, создав дефицит на некоторые виды продукции, производство которых отсутствует или слаборазвито в самой России. Однако в свою очередь данная ситуация дала стимул для налаживания собственного производства и развития некоторых отраслей.

[1] © Бойко А. Н., Баланда Б. В. Текст. 2019.

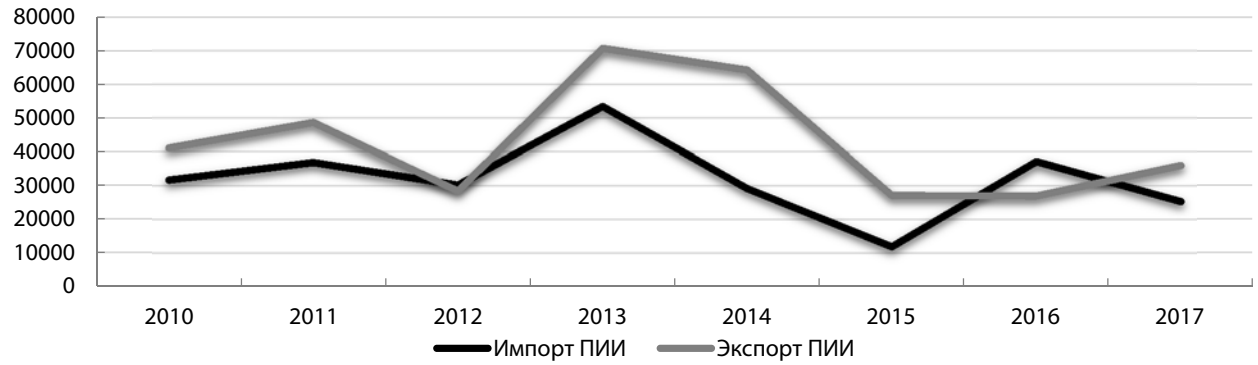


Рис. *Динамика объемов ПИИ в России за 2010–2017 гг., млн долл. США (см.: ЮНКТАД (http://unctadstat.unctad.org))*

Тем не менее, собственных средств для достижения этих целей и решения социально-экономических проблем у России может быть недостаточно, что делает важным пунктом в разработке промышленной политики страны привлечение иностранных инвестиций. Особое значение здесь играют прямые иностранные инвестиции (ПИИ), которые позволили бы обеспечить не только приток дополнительных капитальных вложений, но и международного опыта в ведении бизнеса, технологий, устранить существующие диспропорции в развитии отдельных регионов путем использования имеющихся там ресурсов для усиления их производственного потенциала, что в свою очередь позволило бы создать новые рабочие места, привлечь высококвалифицированные кадры, снизить существующую зависимость от импорта различной продукции и экспорта углеводородов.

Таблица 1

Коэффициенты попарной корреляции объемов ВВП и ПИИ

	ВВП	**Импорт ПИИ**	**Экспорт ПИИ**
ВВП	1	0,6734	0,9182
Импорт ПИИ		1	0,7645
Экспорт ПИИ			1

Однако на данный момент, рассматривая динамику объемов экспорта и импорта ПИИ, можно отметить ее неустойчивость. Так, после 2013 г. — наивысших значений объемов импорта и экспорта ПИИ в 53397 и 70685 млн долл. США, соответственно, на протяжении 2014–2015 гг. данные показатели значительно снижались до рекордно низких значений и в конце 2015 г. составили 11858 и 27090 млн долл. США. Однако в 2016–2017 гг. последовало восстановление объемов ПИИ с небольшими колебаниями, которые на конец 2017 г. составляли 25284 и 36032 млн долл. США (рис.).

Снижение значений объемов ПИИ в 2014–2015 гг. обусловлен такими причинами, как нестабильность рубля, ухудшение делового климата, спад эффективности экономики, сложившаяся геополитическая напряженность и санкции, ограничивших приток капиталовложений из стран Западного мира.

Для большей конкретики и наглядности важности ПИИ для социально-экономического развития России было проведено построение корреляционно-регрессионной эконометрической модели. Показателем, наиболее ярко характеризующим социальное благополучие и экономический рост государства, является внутренний валовый продукт (ВВП), который и был выбран как зависимая переменная. В свою очередь, независимыми переменными стали объемы экспорта и импорта ПИИ в России в период 1992–2017 гг. В связи со специфичностью инвестиций как экономической категории, выражающейся в запаздывании социально-экономического эффекта, импорт ПИИ был включен в модель с временным лагом в 3 года.

При проведении расчетов были получены следующие результаты:

— коэффициент множественной корреляции показал тесную, прямую связь рассматриваемых показателей ($R = 0{,}94$), что свидетельствует о том, что при увеличении объемов ПИИ возрастает и ВВП;

— коэффициенты попарной корреляции показали, что связь между объемами ВВП и импортом ПИИ прямая средняя, а экспортом ПИИ прямая тесная, что свидетельствует о достаточно сильной зависимости учтенных показателей (табл. 1).

— скорректированный коэффициент множественной детерминации стремится к 1 ($R_2 = 0{,}87$), что характеризует построенную модель как адекватную;

— все коэффициенты и уравнение регрессии в целом ($GDP_t = 290421{,}8 + 8{,}88IMP_{t-3} + 23{,}72EXP_t$) оказались значимыми.

Таким образом, проведенный анализ показал важность ПИИ для социально-экономического развития Российской Федерации, что доказывает необходимость страны в иностранном капитале и разработке мер по стимулированию его притока. На сегодняшний день одним из перспективных направлений в урегулировании данного вопроса для России является активизация инвестиционного сотрудничества со странами АТР.

Среди ярких примеров таких взаимоотношений можно выделить следующие:

Таблица 2

Инвестиционные проекты между Российской Федерацией и АТР

Проект	Сумма	Год	Инвесторы
Строительство завода по производству метанола на базе завода «Химпром» в Волгограде. Начало строительства ожидается в 2020 г., а окончание — в конце 2022 г.	Более 800 млн долл. США	2018	РФПИ, и АЕОН (Россия), Marubeni Corporation (Япония)
Строительство целлюлозно-бумажного комбината в городе Амурск Хабаровского края [4, с. 35]	145 млн долл. США	2017	АПИ (Россия), China Paper (Китай)
«Ямал СПГ» — крупный проект по сжиганию газа в Арктике на полуострове Ямал [5]	Около 23,4 млрд долл. США	2013–2018	CNPC (Китай), Фонд шелкового пути (Китай), Китайский банк развития, Экспортно-импортный банк Китая
Строительство лесообрабатывающего комплекса по производству пиломатериалов для деревянных домокомплектов и строительство и продажа деревянных малоэтажных домов*	14,96 млрд руб.	2018	АНО АПИ (Россия), Iidagroup (Япония)

* Итоги работы Восточного экономического форума — 2018 (см. https://forumvostok.ru).

I. Легкая промышленность — природные ресурсы. Данное направление особенно актуально для российско-китайского партнерства и характеризуется тем, что в номенклатуре российских потребительских товаров существует дефицит на продукцию легкой промышленности, которую активно производит Китай. В свою очередь, для КНР с каждым днем все более острой становится проблема нехватки природных ресурсов, необходимых для промышленности. Такая взаимодополняемость сможет способствовать наращиванию деловой активности между странами, что, в конечном итоге, усилит их инвестиционные связи [2].

II. Инновации — энергоресурсы. Важное значение это направление имеет для российско-японских взаимоотношений. Япония — это высокотехнологичная развитая страна, насыщенная капиталом и технологиями, которые так нужны России для ускорения развития промышленности. Однако рассматривая ее энергетический баланс можно отметить, что 90 % потребляемых энергоресурсов приходится на импорт, что увеличивает заинтересованность Японии в России как инвестиционном партнере [3].

Кроме того, уже сейчас можно говорить о налаживании инвестиционного сотрудничества между этими странами, что подтверждает некоторые актуальные инвестиционные соглашения (табл. 2).

Несмотря на многие положительные стороны данного партнерства главная потребность стран АТР в Российской Федерации состоит в природных ресурсах. На такой тип сотрудничества не следует рассчитывать в долгосрочной перспективе, так как в таком случае Россия займет позиции сырьевого придатка, что не даст ей возможности для стабильного и устойчивого развития, а также для решения существующих социально-экономических проблем. Такая ситуация создает потребность в развитии других направлений инвестиционного сотрудничества, а именно, в освоении и внедрении инноваций в производственный процесс, а также развитии несырьевых отраслей.

Тем не менее, в сотрудничестве РФ и АТР остается ряд препятствий, замедляющих активизацию российско-азиатских инвестиционных отношений. Так, среди них можно выделить следующие:

1. Недостаточная информированность об существующем инвестиционном климате, что выражается в снижении степени осведомленности потенциальных инвесторов об существующих выгодных предложениях, льготах и инвестиционном климате в целом.

2. Геополитическая напряженность и санкции, сокращающие уверенность и доверие инвесторов в благонадежности российской экономики.

3. Ограниченность отраслевой разветвленности, ограничивающая круг интересов азиатских инвесторов в связи с превалированием сельского хозяйства и добывающей промышленности в структуре экономики [2].

4. Неразвитость российской инфраструктуры, характеризующаяся высокими затратами на организацию и функционирование бизнеса, несовершенством законодательства, коррупцией, бюрократизацией и таможенными барьерами.

5. Волатильность рубля, создающая дополнительные валютные риски для инвесторов и ситуацию непредсказуемости работы инвестиций, которая затрудняет прогнозирование доходов от капиталовложений.

Нивелирование влияния от перечисленных факторов требует от государства главенствующей роли и принятия ряда мер:

— внедрение инноваций в производственный процесс и развитие высокотехнологических отраслей;

— создание информационных центров с целью непрерывного информирования потенциальных инвесторов [6];

— разработка оптимальной законодательной базы, отвечающей потребностям инвесторов и экономической безопасности государства;

— урегулирование экономико-политических проблем путем расширения деловых отношений с другими странами.

Проведенное исследование показало, что на сегодняшний день в Российской Федерации существуют ряд социально-экономических трудностей, усугубляемые наложенными санкциями. Построение корреляционно-регрессионной эконометрической модели доказало, что в решении данной проблемы немаловажное значение играют ПИИ. Тем не менее в этой сфере на протяжении многих лет сохраняется нестабильность, несмотря на это, на данный момент для России существуют перспективные направления урегулирования данной проблемы, которые выражаются в активизации инвестиционного сотрудничества со странами АТР.

Список источников

1. *Шихатов А. П.* Социально-экономические проблемы развития России // Мир на пороге пороге перемен. Экономика. Управление. Право. Мат-лы науч.-практ. конф. «Студенческая наука», М., 25 нояб. 2015 г. — М: МИЭП, 2016. — 320 с. — С. 129–142.

2. *Ярков Д. А.* Анализ модели развития российско-китайских инвестиционных отношений на современном этапе // Общество. Политика, экономика, право. — 2017. — Вып. № 3.

3. *Кузнецов А. В.* Особенности инвестиционной стратегии Японии и перспективы сотрудничества с Россией // Финансы. Теория и практика. — 2017. — Вып. № 21, т. 6. — С. 108–117.

4. *Крутаков Л.* АТР как новая зона роста мирового рынка // Официальный журнал Восточного экономического форума. — 2018. — С. 34–39.

5. *Рычагов М.* Поднебесная экспансия. Китайцы инвестируют миллиарды в российский бизнес // Журнал Forbes. — 2018. [Электронный ресурс]. URL:http://www.forbes.ru/biznes/368233-podnebesnaya-ekspansiya-kitaycy-investiruyut-milliardy-v-rossiyskiy-biznes.

6. *Самойленко П. Ю.* Проблемы интеграции России в АТР в контексте имиджевой и инвестиционной привлекательности регионов Дальнего Востока // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2015. — № 73. — С. 46–53.

Вялых М. А.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ИНДУСТРИЯ 4.0: ДРУГ ИЛИ ВРАГ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ?[1]

В статье анализируются основные вызовы и возможности, генерируемые Индустрией 4.0 для мировой экономики. Показаны причины возрождения популярности концепции технологической безработицы. Опираясь на работы современных российских и зарубежных специалистов, автор выявляет изъяны в аргументации сторонников технологического алармизма. Особое внимание уделяется анализу воздействия технологического прогресса на глобальный рынок труда и экономику России.

Ключевые слова: технологический прогресс, спрос на труд, Индустрия 4.0, технологическая безработица

В эпоху Индустрии 4.0 все больше кажется, что к 2030 г. наш мир станет воплощением самых страшных предсказаний писателей-антиутопистов, поскольку то, что казалось фантастическим и невероятным, становится все более реальным.

Что же нас ждет к 2030 г.? Какие подводные камни таит в себе Индустрия 4.0? Материальной основой Индустрии 4.0 выступают технологии, способные привести к глобальным изменениям мира, но можно ли однозначно быть оптимистом или пессимистом в отношении их будущего (табл. 1)?

Помимо новых производственных возможностей, эти технологии также несут риски, из которых главный — возможность технологической безработицы. Аддитивные технологии способны полностью изменить парадигму промышленного производства — необходимость в заводе исчезает, поскольку трехмерные компьютерые модели можно передавать в любую точку мира. Производство, возможно, перейдет в сервисный сегмент, из-за чего большие фабрики с малообразованной рабочей силой потеряют свою актуальность, что особенноо проблематично для стран Юго-Восточной Азии. Могут ли аддитивные технологии заменить традиционные методы металлобработки или они лишь дополняют их? Аналитики Boston Consalting Group (BCG) полагают, что традиционные технологии не исчезнут, а будут дополняться. Например, стоимость персонального 3D-принтера к 2022 г. может упасть до 490 долл. (в 2007 г. — 4 900 долл.), что сделает технологию более доступной[2].

Наибольшую обеспокоенность вызывает развитие и удешевление робототехники. Первоначально роботы использовались для грязных и рутинных задач, то сейчас, роботы способны выполнять работу,требующую исключительной точности и гибкости. Так, постоянное удешевление стоимость роботов привело к тому, что уже к 2025 г. расходы на покупку роботов увеличатся до 67 млрд долл (BCG).

Тем не менее, технологическую безработицу прогнозируют уже достаточно давно. На протяжении истории можно выделить три волны технологического алармизма, когда страх потерять работу приобретал характер фобии. Первая, начавшаяся в начале XIX в., связана с движением луддитов, разбивающих машины из-за боязни потерять работу. Вторая волна наступила в 1960 г. из-за страха перед автоматизацией производства, а третья — на рубеже 1980–1990-х гг. была обусловлена компьютеризацией. Что интересно, пессимистичные прогнозы так ни разу и не сбылись [1].

Приведет ли Индустрия 4.0 к резкому ухудшению нашей жизни? Аналитики BCG Group провели количественную оценку влияния Индустрии 4.0 на экономику Германии, которая показала, что Индустрия 4.0 принесет пользу в четырех областях. Прежде всего, технологии приведут к росту производительности на 5–8 % [2]. Также прогнозируется рост выручки примерно на 30 млрд евро в год, или 1 % от ВВП страны, обусловленный спросом производителей на улучшенное оборудование, а также спросом потребителей на более широкий ассортимент кастомизированных продуктов. По результатам анализа было спрогнозировано повышение занятости на 6 % в течение следующих 10 лет. Кроме того, на 10 % вырастет спрос на сотрудников в секторе машиностроения [2].

Может ли действительно произойти так, что новые технологии будут создавать рабочие места в экономике, а предсказания техноалармистов окажутся ложными? По мнению Р.И. Капелюшникова, такое заблуждение вполне объяснимо (рис. 1).

Кроме того, существует ряд компенсационных механизмов, способных нейтрализовать трудосберегающий эффект новых технологий. (рис. 2).

Итоговый же эффект технологических инноваций на занятость будет зависеть от соотношения между «продуктовыми» и «процессорными» инновациями.

Наконец, технологическая безработица представляется маловероятной еще по ряду причин. Многие алармистские прогнозы строятся исходя из упрощенного деления всех занятых на две группы — низко- и высококвалифицированных. Однако существует огромное множество градаций в зависимости качества рабочей силы. Нет ничего невозможного в том, чтобы при определенных условиях работники, находившиеся на дне профессиональной иерархии, смогли подняться на одну ступеньку вверх и так

[1] © Вялых М. А. текст. 2019.

[2] Составлено по: https://www.bcg.com/ru-ru/default.aspx.

Таблица 1

Основные технологические тренды и их последствия*

Основополагающая технология	Сущность	Последствия использования	Варианты применения
Аддитивые технологии	Технология обработки, построенная на добавлении материала	1. Снижение веса готовой детали 2. Экономия исходного сырья и минимизация отходов 3. Модели можно передывать мгновенно в любую точку мира	Беспилотный летательный аппарат
Интернет вещей	Сеть, объединяющая все предметы вокруг нас и позволяющая собирать информацию о потребителях	1. Возможность обнаружить и прогнозировать, когда оборудование нуждается в обслуживании. 2. Оптимизация и корректировка производственных процессов	Интеллектуальные счетчики, связанные автомобили
Big data + блокчейн	Технология, способствующая автоматизированному принятию решений	1. Возможность оказывать услуги в режиме реального времени предприятиями и правительством. 2.Открытые данные для инноваций	Замена переписи населения источниками больших данных
Беспилотные автомобили	Автомобили без водителей	1. Уменьшение числа заторов. 2. Минимизация ДТП. 3. Освоение электромобилей	Создание беспилотных автомобилей Google
Развитие робототехники и ИИ	Создание роботов, способных выполнять более точную и опасную работу	1.Повышение производительности. 2.Менее затратное производство. 3. Управление сложной логистикой	Развитие оборонного комплекса, сельскохозяйственные роботы

Составлено автором по: [1].

* Составлено по: https://www.bcg.com/ru-ru/default.aspx.

Рис. 1. *Эффект «ошибки фиксированности объема труда» (сост. автором по [1])*

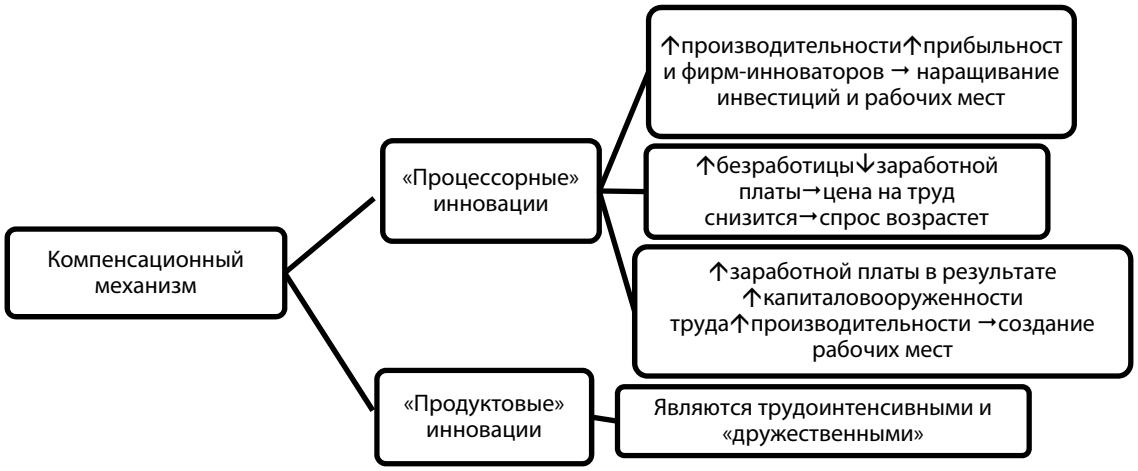


Рис. 2. *Влияние компенсационных механизмов на занятость (сост. автором по [1])*

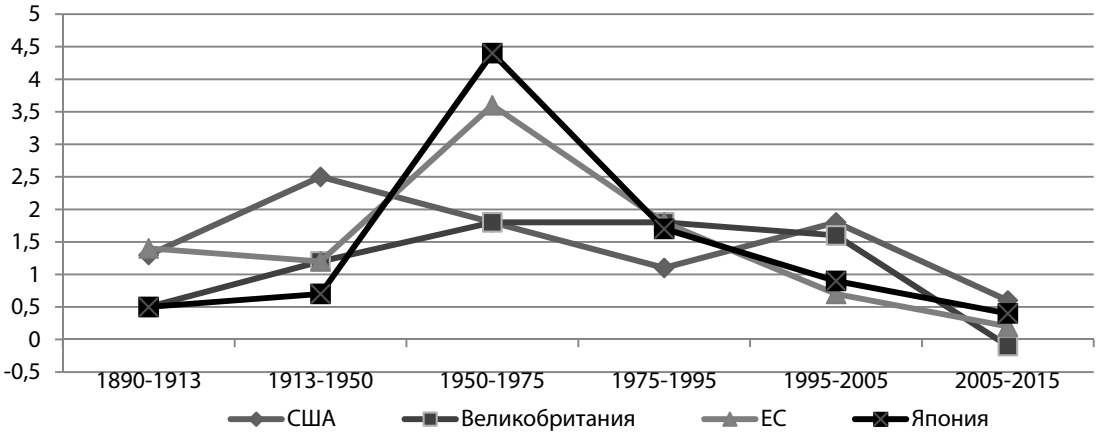


Рис. 3. *Темпы совокупной факторной производительности развитых стран (сост. автором по [6])*

далее. Возможность такой «цепной» субституции между различными группами работников резко снижает риск возникновения внезапного всплеска технологической безработицы[1].

Кроме того, необходимо сказать, что традиционным является предсказание о том, что технологическая безработица угрожает низкоквалифицированным работникам. Гипотеза SBTC (*skill-biased technological change*), выдвинутая в 1992 г. Л. Катцом и К. Мерфи, гласила о том, что новые технологии будут вытеснять низкоквалифицированных работников и, напротив, повышать спрос на высокую квалификацию. Однако круг обязанностей может варьироваться даже у рабочих одной квалификации — это стало отправной точкой концепции RBTC (routine-biased technological change). В соответствии с этой концепцией было выделено три укрупненных кластера видов занятий: нерутинные когнитивные, нерутинные физические и рутинные. Рутинные трудовые операции носят монотонный повторяющийся характер и легче всего поддаются кодификации с помощью ИКТ. Такие операции наиболее характерны для специалистов средней квалификации. В то же время низкоквалифицированные профессии автоматизировать трудно, поскольку здесь необходимо уметь вступать в контакты с клиентами. Еще хуже поддаются кодификации высококвалифицированные специальности. В связи с этим следует ожидать сдвига от рутинных операций к нерутинным, так как рутинные операции все больше будут забирать машины. Следствием этой тенденции будет выступать поляризация структуры занятости: в середине профессиональной шкалы будет наблюдаться провал, а рост занятости будет наблюдаться на наименее (до 11 процентиля) и наиболее оплачиваемых (с 86 процентиля) рабочих местах [4].

Технологии неодинаково влияют на рынок занятости: если компьютеризация по большей части способствует отмиранию рутинных интеллектуальных видов занятий, то роботизация — физических. Так, в ряде работ утверждается, что роботизация, в отличие от компьютеризации, ведет к снижению спроса на низкоквалифицированную и увеличению спроса на высококвалифицированную рабочую силу, но не к падению спроса на работников средней квалификации. Иными словами, от роботизации следует ожидать скорее улучшения структуры рабочих мест, чем ее поляризации[2].

Очень важным является и то, что в ближайшем будущем не ожидается резкого ускорения технологического прогресса. Темпы совокупной факторной производительности развитых стран в последнее десятилетие являются одними из худших. Многие эксперты говорят о том, что резкое ухудшение динамики производительности — это не краткосрочный эпизод, а некая «новая нормальность» экономики. Если это действительно так, то в скором времени никак не стоит ожидать какого-либо скачка технологической безработицы (рис. 3).

Совсем недавно людей стал волновать вопрос, как технологии влияют на общий уровень занятости. Наибольший резонанс получило исследование двух британских экономистов К. Фрея и М. Осборна. По оценкам авторов, в ближайшие десять-двадцать лет высокому риску полной автоматизации будет подвержено огромное множество самых разных профессий, на долю которых в настоящее время приходится суммарно почти половина (47 %) всех занятых в США.

Тем не менее, прогнозы Фрея и Осборна не выглядят убедительно: за несколько лет, прошедших после высказанного ими прогноза, из 37 профессий, которым они сулили скорую смерть, не была автоматизирована ни одна. Главный недостаток расчетов Фрея и Осборна был выявлен недавно. Неоднородность рутинных и нерутинных задач в любой профессии способствует тому, что чаще всего автоматизации подвергаются лишь некоторые функции.

В России цифровая экономика начала развиваться совсем недавно — в 2017 г. была принята национальная программа «Цифровая экономика», предусматривающая развитие цифровизации в промышленности: указом президента было определено, что не менее 50 % компаний должны инвестировать в инновационную деятельность.Так, например, «Сбербанк» в 2018 г. сократил 70 % менеджеров среднего

звена (14 тыс. чел.) путем внедрения нейросети «Интеллектуальная система управления». Сообщается, что потерявшие работу сотрудники прошли переобучение и теперь работают на других направлениях в банке. К 2025 г. количество сотрудников должно уменьшиться до 150 тыс. чел. (в 2018 г. — 296 тыс. чел.). Оператор «Билайн» в октябре 2018 г. принял на работу робота RobBee для проверки кассовых документов и операций, что позволило заменить 101 бухгалтера, снизить трудоемкость процесса в 4 раза и повысить скорость выполнения действий на 30 %[3].

В цифровой экономике России есть проблемы. Например, отставание в доле пользователей интернета (76,1 %, 7-е место); кроме того, видится необходимым и воспитание культуры поведения граждан в интернете. Наконец, размер вложений в научные исследования и разработки не носит регулярного характера.

Таким образом, новые технологии Индустрии 4.0 превнесут в нашу жизнь в будущем больше хорошего, чем плохого. Прежде всего, возможно, они активизируют расходы на развитие человеческого капитала и помогут высвободить творческие силы каждого человека. Очень важно и то, что технологии не должны попасть в руки авторитарного государства, ограничивающего свободу людей. В свою очередь, предсказания техноалармистов пока кажутся не более чем ужастиками, поскольку в каждой модели игнорируется природа человека, чьи потребности никгода не будут удовлетворены, а значит, недостатка в рабочих местах также не предвидится.

Список источников

1. *Капелюшников Р. И.* Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. — 2017. — № 11. — С. 111–140.

2. Industry 4.0: The Future of Productivity and Growth in Manufacturing Industries / Gerbert P., Lorenz M., Rüßmann M., Waldner M. // 09 April 2015. — P. 1–10.

3. *Autor H. D.*, *Levy F.*, *Murnane G.* Richard The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // The Quarterly Journal of Economics. — 2003. — Vol. 118, iss. 4. — P. 1279–1333.

4. Bergeaud A., Cette G., Lecat R. Total Factor Productivity in Advanced Countries: A Long-term Perspective // International Productivity Monitor. — 2017. — № 32. — P. 6–24.

[3] https://hightech.fm/2018/11/10/sberbank-ai.

Ефименко А. В.
ГУ «Институт экономических исследований», г. Донецк

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ [1]

В период, когда мир находится на пороге серьезных энергетических трансформаций и кардинальных изменений геополитической ситуации, модель поведения предприятий топливно-энергетического комплекса должна формироваться с учетом все большего количества факторов. В таких условиях наилучшим научно-методическим базисом будет являться системно-интеграционный подход, который позволит понять природу глобальных вызовов, определить состояние и характер влияния факторов внешней среды для каждого звена цепочки создания добавленной стоимости интегрированных структур топливно-энергетического комплекса и выработать на этой основе эффективную стратегию внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: методический подход, стратегия внешнеэкономической деятельности, топливно-энергетический комплекс, цепочка создания добавленной стоимости

Внешнеэкономическая деятельность предприятий топливно-энергетического комплекса осуществляется в условиях качественных изменений в мировой энергетической системе, происходящих под воздействием неоднородности экономического роста, повышения роли геополитических и инновационных факторов, диверсификации энергетических ресурсов. Предприятия топливно-энергетического сектора Российской Федерации реагируют на происходящие изменения во внешней среде со свойственной им инертностью. Как результат — недостаточная эффективность процессов восполнения запасов углеводородов за счет геологоразведочных проектов на внешних рынках, низкая глубина переработки ресурсов, преимущественная ориентация экспорта на зрелые рынки с низким потенциалом роста спроса на продукцию.

Следовательно, трансформация энергетического рынка, с одной стороны, и пространственная неоднородность внутренней среды сложных хозяйственных структур, с другой, определяют объективную потребность обновления методических подходов к формированию стратегий внешнеэкономической деятельности игроков топливно-энергетического рынка.

Цель статьи состоит в развитии научно-методического базиса формирования стратегии внешнеэкономической деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса, позволяющего максимально учесть внешние вызовы и угрозы с учетом пространственной разрозненности и функциональных задач каждого звена глобальной цепочки приращения стоимости. Задачами настоящего исследования являются систематизация современных подходов к формированию стратегии внешнеэкономической деятельности в условиях неопределенности и их дополнение с учетом пространственной неоднородности звеньев хозяйственной деятельности топливно-энергетических компаний.

Идейное многообразие существующих методических подходов, лежащих в основе формирования стратегий внешнеэкономической деятельности, основано на инструментах стратегического анализа, теориях глобализации и интернационализации бизнеса. Их можно условно систематизировать по этапам формирования стратегии внешнеэкономической деятельности: подходы, дающие представление о состоянии факторов внешней среды, подходы, позволяющие проводить диагностику рынка, и подходы, направленные на оценку внутренней среды субъекта хозяйствования.

Анализ внешней среды предполагает глубокую исследовательскую работу, направленную на изучение факторов, которые будут воздействовать на внешнеэкономическую деятельность предприятия. В данном случае эксперты часто применяют PEST-анализ (акроним политических, экономических, социальных и технологических факторов), результаты которого дают представление о влиянии факторов на внешнеэкономическую деятельность в каждом регионе присутствия компаний и учитываются при выборе модели поведения фирмы в условиях нестабильной внешней среды разной локализации [1, с. 12]. В последнее время существует и более расширенный вариант PEST-анализа — PESTLE диагностика, дополняющаяся изучением правовых и экологических факторов.

Методические подходы, направленные на диагностику рынка, позволяют выявить характер изменений спроса и предложения, расстановку конкурентных сил и поведение основных игроков. В этом контексте информативным инструментов выступает гарвардская концепция «структура — поведение — результат» [2, с. 3]. Она базируется на детальном изучении факторов рыночной среды (базовых условий развития рынка), анализе поведения фирм-конкурентов, государственных инструментов регулирования конкретного рынка, результативности рынка и его структуры (рис. 1).

Гарвардская парадигма предоставляет широкие возможности для оценки и совершенствования стратегий внешнеэкономической деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса.

[1] © Ефименко А. В. Текст. 2019.

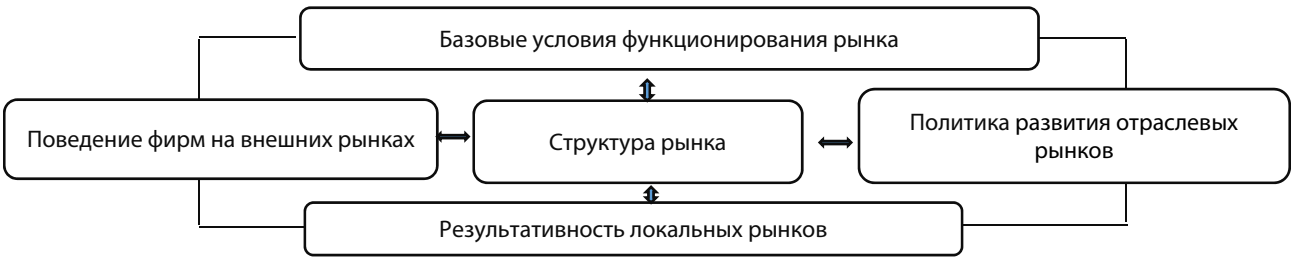


Рис. 1. *Гарвардская парадигма исследования рынков [2, с. 3]*

Во-первых, она позволяет охарактеризовать поведение крупнейших операторов углеводородных продуктов, количество которых многие годы остается неизменным (то есть появление других крупных игроков маловероятно). Во-вторых, дает возможность учесть политику развития топливно-энергетических рынков в разных границах (мировой, национальные рынки).

Широко признанным в современной научной литературе и практике стало положение о сильном влиянии государственной политики страны базирования на формирование стратегий внешнеэкономической деятельности крупнейших операторов топливно-энергетического рынка.

Поддерживая сложившуюся в современных условиях причинно-следственную связь между энергетической стратегией государства и присутствием крупнейших операторов топливно-энергетического комплекса на рынках других стран, в качестве дополнительного аналитического инструмента может быть использована «алмазная схема» М. Портера [3, с. 82]. Она позволяет проанализировать тенденции национального производства и конкуренции в отрасли, особенности развития вспомогательных отраслей, а также государственную политику и непредвиденные события.

Важнейшим этапом формирования стратегий внешнеэкономической деятельности является оценка внутренней среды субъекта хозяйствования. Ориентируясь на классические вариации системного подхода, анализ может включать цели, структуру, технологии производства, персонал и другие внутренние компоненты.

Традиционно заключительным этапом формирования стратегии внешнеэкономической деятельности предприятий является выработка стратегических решений. Инструментом для этого часто служит SWOT-анализ, который основывается на таких аналитических группировках [4, с. 576]:

1. Систематизация возможностей и угроз внешней среды предприятия посредством идентификации факторов, оказывающих положительное или отрицательное влияние на стратегию развития внешнеэкономической деятельности.

2. Изучении внутренней среды предприятия посредством определения точек потенциального роста (сильных сторон), которые можно использовать в стратегии развития внешнеэкономической деятельности и точек ограничения (слабых сторон), которые отрицательно сказываются на работе субъекта хозяйствования.

3. Сопоставления возможностей и угроз внешней среды со слабыми и сильными сторонами промышленного предприятия и идентификация на этой основе ключевых стратегических направлений развития внешнеэкономической деятельности.

Рассмотренные методические подходы вполне могут использоваться для формирования стратегий внешнеэкономической деятельности промышленных предприятий, однако они слабо учитывают специфику функционирования сложных хозяйственных структур топливно-энергетического комплекса, которая заключается полифункциональности и глобальном разнообразии. В результате воспроизводится только общая (поверхностная) картина факторов внешнего влияния и внутреннего потенциала интегрированных компаний. На практике же отдельные структурные единицы сложных хозяйственных структур отрасли могут располагаться в разных странах, что определяет разность воздействующих факторов внешней среды, а также выполнять различные функциональные задачи в рамках интегрированной системы (обеспечение восполняемости запасов, переработку сырья или же транспортировку продукции к заказчикам).

Следовательно, эффективный методический подход к формированию стратегии внешнеэкономической деятельности топливно-энергетических компаний должен учитывать как пространственную разрозненность, так и внутреннюю целостность внутренней среды. Такие возможности открываются в рамках цепочки создания добавленной стоимости, которая представляет собой согласованный набор видов хозяйственной деятельности: начиная от исходных источников сырья (сферы разведки и добычи) и вплоть до сбыта готовой продукции (услуги) [5, с. 362] (табл.).

Однако использование методического подхода, основанного на цепочке создания добавленной стоимости, не должно ограничиваться только внутренней средой.

Учитывая высокую зависимость внешнеэкономической деятельности топливно-энергетических компаний от факторов внешней среды, следует детально анализировать ключевые вызовы в развитии мировой энергетической системы (геополитические, глобализации и регионализации, рыночные,

Таблица

Основные звенья цепочек добавленной стоимости топливно-энергетических компаний

Стратегия	Характеристика	Способы реализации
Разведка и добыча (*upstream*) — «вверх по течению»	Формируется и реализуется в рамках необходимости непрерывного воспроизводства ресурсной базы	Ведение в других странах и регионах мира геологоразведочных работ и реализация международных проектов на выгодных условиях
Переработка (*midstream*) — «середина реки»	Отвечает за производственные функции предприятий топливно-энергетического комплекса	Организация эффективного производства, стандартизация, включение в цепочку новых звеньев (НПЗ) разных стран, обеспечение товарного экспортного ассортимента
Сбыт (*downstream*) — «вниз по течению»	Характеризует этап доставки продукции потребителям и получение обратной связи (в виде прибыли, новых заказов и т. д.)	Расширение рынков сбыта, обеспечение диверсификации портфеля заказов, грамотная логистика, увеличение доли на целевых внешних рынках

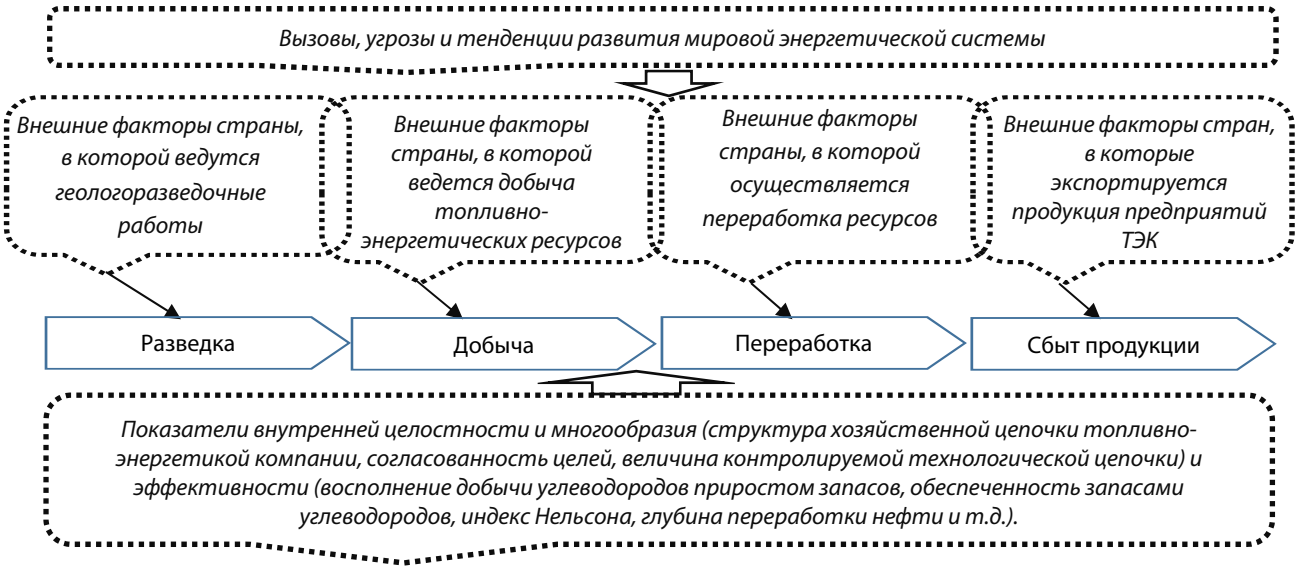


Рис. 2. *Методический подход к формированию стратегии внешнеэкономической деятельности топливно-энергетических компаний в условиях неопределенности*

инновационно-технологические, регуляторные [6]) и причины их возникновения, а затем переходить к диагностике факторов внешней среды государств, в которых размещены отдельные компоненты (звенья) глобальных цепочек создания стоимости [7]. Такой подход позволит системно подойти к изучению множества факторов влияния и оценить внутренний потенциал топливно-энергетических компаний (рис. 2).

Таким образом, стратегии внешнеэкономической деятельности топливно-энергетических компаний в условиях неопределенности должны формироваться с учетом результатов диагностики состояния и потенциала всей цепочки добавленной стоимости (начиная от проектов в области геологоразведки и добычи и заканчивая объемами сбыта на конкретных рынках разной локализации) и принимать во внимание глобальные вызовы и состояние факторов внешней среды по каждому звену хозяйственной деятельности. Это даст топливно-энергетическим компаниям возможность своевременно реагировать на происходящие изменения, выработать адекватные времени принципы использования внутренних ресурсов и взаимодействия с деловым сообществом на внешних рынках.

Список источников

1. *Гевлич Л. Л.* Стратегическая диагностика предприятия. — Донецк; СПб.: Знание, 2006. — 392 с.

2. *Ежова В. А.* Теория отраслевых рынков : учебное пособие. — СПб. : СПбГТУРП, 2015. — 40 с.

3. *Porter M. E.* The Competitive Advantage of Nations. — New York : The Free Press, 1990. — 122 p.

4. *Агаджанян Т. В.* Прогнозная оценка внешней среды предприятия // Известия Тульского государственного университета. — 2011. — № 2. — С. 574–583.

5. *Авдашева С. Б.*, *Буданов И. А.*, *Голикова В. В.* Модернизация российских предприятий в цепочках создания добавленной стоимости // Экономический журнал ВШЭ. — 2005. — № 3. — С. 361–377.

6. Проблемы обеспечения энергетической безопасности в условиях высокой геополитической, экологической, экономической и технологической неопределенности / А. М. Мастепанов, В. В. Бушуев, Н. И. Воропай, А. М. Сумин // Актуальные проблемы нефти и газа. — 2017. — № 3.

7. *Дебердиева Е. М.* Подходы к обоснованию стратегии нефтегазовых компаний // Нефть, газ и бизнес. — 2014. — № 6. — С. 10–14.

Завгородняя Ю. В.
Донецкий национальный университет, г. Донецк

ГОСУДАРСТВО КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА [1]

Статья посвящена изучению факторов внешней среды предприятия и степени влияния на них государственной политики. Рассматриваются основные направления государственной поддержки. Решение вопросов социально-экономической безопасности.

Ключевые слова: государственная поддержка, аграрный сектор, формирование стратегического потенциала, факторы развития

В современных условиях хозяйствования состояние предприятия зависит от того, насколько быстро и правильно оно способно реагировать на различные воздействия, как негативные, так и благоприятные. Для успешного развития предприятия необходимо постоянно и своевременно проводить анализ ситуации как внутри фирмы, так и в окружающей среде. Внешняя среда предприятия мало поддается воздействию со стороны хозяйствующего субъекта, но при этом имеет огромное влияние на работу предприятия, и соответственно на степень успешности бизнеса.

Одним из важнейших факторов внешней среды предприятий мясной промышленности является воздействие государства. Деятельность предприятий сельскохозяйственного сектора — всегда сложный специфический бизнес, остро нуждающийся в особом отношении, так как от него напрямую зависит социально-экономическая безопасность страны. Предприятия продуктовой направленности характеризуются сильным влиянием природно-климатических условий, спецификой производства, низкой рентабельностью, жесткими ограничениями по ценам на продукцию и т. д. В этих условиях сельскохозяйственные предприятия остро нуждаются в государственной поддержке. Как показал многолетний опыт развитых стран, ни одно государство не может оставить агропромышленный комплекс без внимания, а если это случается, то последствия столь негативны, что на их преодоление уходят слишком большие ресурсы. Это плачевно сказывается на социально-экономическом состоянии всей страны, ставит ее в кабальную зависимость от импорта, влияет на благосостояние ее граждан.

Данное исследование проводилось с целью определения роли государственной политики в отношении предприятий агропромышленного комплекса Российской Федерации, степени влияния государственной поддержки в формировании стратегического потенциала предприятий, производящих мясо птицы, особенностей проведения анализа факторов внешней среды функционирования птицефабрик, а также выявления ключевых конкурентных преимуществ предприятий аграрной отрасли, позволяющих успешно функционировать в условия санкций и жестких экономических ограничений. Основной задачей исследования было определить внешние факторы, формирующие стратегический потенциал предприятий агропромышленного комплекса, и значение для них государственной поддержки.

Методы исследования: наблюдения, сбор фактов; позитивный и нормативный анализ; системный подход.

О.В. Чепик отмечает, что организационно-экономический механизм государственного регулирования сельского хозяйства является составной частью системы регулирования экономики страны. Исторически сложилось, что при любой политической и социально-экономической системе агропромышленный комплекс в той или иной степени поддерживался государством [1].

Большое число статей в современных источниках посвящено вопросу членства России в ВТО. Если ранее ученые делали акцент на выявлении положительных и отрицательных сторон вступления Российской Федерации в эту организацию, то сегодня уже анализируются результаты и делаются выводы. Статьи таких авторов, как Н.В. Прахин, Н.И. Прока посвящены выработке системы адаптации действующего механизма государственной поддержки к требованиям ВТО.

Сравнивая ожидания от вступления с фактическими результатами авторы приходят к выводу, что ни ожидания сторонников, ни ожидания противников вступления в ВТО полностью не оправдались, а отечественный агробизнес может успешно приспосабливаться к изменяющимся условиям. Например, для защиты отечественных производителей Российская Федерация активно использовала возможность ограничения ввоза продукции из-за нарушения санитарных и фитосанитарных норм в рамках соответствующего соглашения ВТО. На сегодняшний день интерес к вопросу взаимодействия России и ВТО менее актуален после введения Российской Федерацией ответных санкций в отношении ряда стран Запада. Вопросом перспектив развития Российского сельского хозяйства в условиях антисанкций занимаются такие ученые, как С. Киселев, Т.И. Себекина, Ю.С. Кондратенкова, С.А. Лосевская, которые рассматривают данную ситуацию как толчок для развития отечественного АПК. Они отмечают

[1] © Завгородняя Ю. В. Текст. 2019.

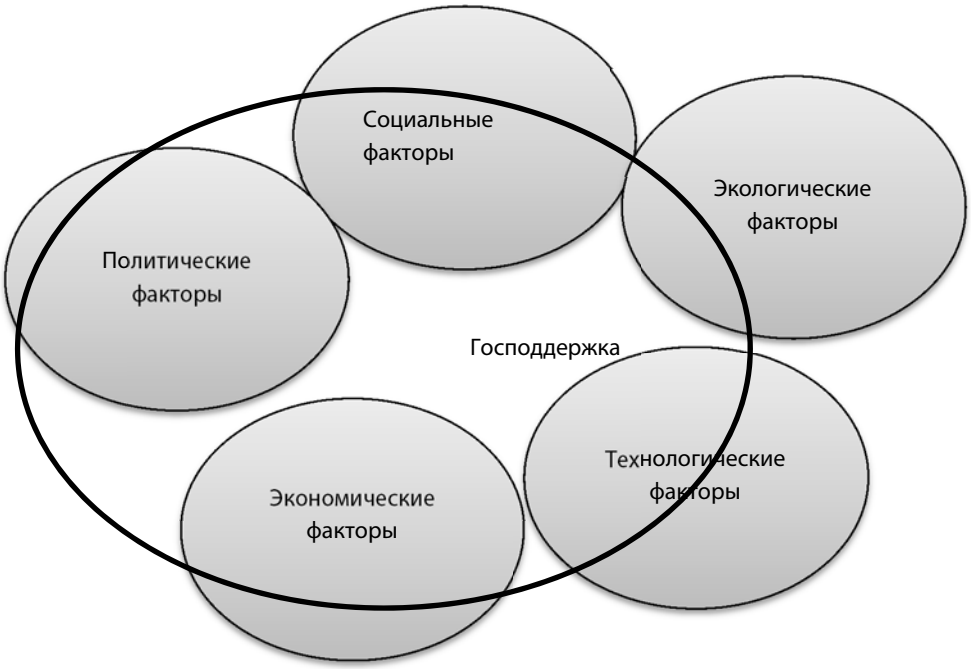


Рис. *Степень влияния государственной поддержки на факторы внешней среды предприятий АПК*

положительные результаты данной меры, такие как рост активности государства в сфере поддержки АПК, рост индекса инновационной активности, возросшее число стартапов в данной отрасли.

Многие авторы подчеркивают насущную необходимость поддержки АПК со стороны государства ввиду объективных особенностей функционирования данной отрасли, а также сложных внешнеэкономических условий.

Указ Президента РФ «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства» стал основополагающим для сельхозпроизводителей и источником надежды на возрождение отрасли в полном, необходимом для России объеме.

В связи с усилением санкций со стороны иностранных государств была разработана Государственная программа развития сельского хозяйства Российской федерации. Она рассчитана с 2013 по 2020 гг. Эта программа преследует несколько целей, главной из которых является поддержание высокого уровня продовольственной безопасности России, а также ее независимости от импорта. Эта программа включает все основные направления в сфере деятельности предприятий аграрного сектора.

Программа развития сельского хозяйства включает ряд мер, направленных на поддержание отрасли:

— особый налоговый режим в отношении сельскохозяйственных товаропроизводителей;

— закупки, хранение, переработка и поставки сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных и муниципальных нужд;

— таможенно-тарифное и нетарифное регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;

— информационное обеспечение сельскохозяйственных товаропроизводителей и других участников рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, консультационная помощь;

— антимонопольное регулирование;

— обеспечение участия общественных организаций в формировании и реализации государственной аграрной политики;

— проведение государственных закупочных интервенций, товарных интервенций на рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также залоговых операций;

— финансирование приобретения средств профилактики болезней животных, удобрений, составов для обработки посевов;

— софинансирование приобретения основных фондов предприятий.

Развитие сельского хозяйства проводится достаточно гармонично. Однако при финансировании отдельных структурных элементов АПК наблюдается ряд проблем и несоответствий. Так, значительные средства выделяются на субсидирование животноводства. При этом кормопроизводство, без которого эта отрасль не может функционировать, недостаточно охвачено программой господдержки. Уровень развития сельского хозяйства в стране полностью зависит от грамотной политики государства в этой области.

Государственная программа предусматривает поддержку научных исследований, а также модернизацию инфраструктуры и автоматизацию технологических процессов, внедрение инновационных технологий на предприятия агропромышленного комплекса. Большое внимание уделяет экологическим особенностям и проблемам аграрного сектора. Улучшение социально-экономических условий — одна из основных задач государственного регулирования. Государственная поддержка не просто важна в формировании потенциала предприятий мясного производства, она — одно из основных условий функционирования предприятий агропромышленного комплекса страны (рис.).

Несмотря на благоприятные условия, создаваемые законодательством России, большая часть сельхозмашин используется по истечении предельных сроков амортизации. Очевидной угрозой стала зависимость Российского АПК от поставок зарубежной сельхозтехники, соответственно, запчастей и комплектующих. При разработке программы государство стремится создать благоприятные условия для ведения бизнеса в этом секторе народного хозяйствования, а также повысить уровень конкурентоспособности его продукции на внутреннем и внешнем рынке. Также уделяется внимание стабильному развитию сельской местности.

Таким образом, на современном этапе на развитие агропромышленного комплекса оказывают влияние многочисленные факторы, не зависящие от предприятия. Эти факторы нужно изучать в динамике, использовать их на благо предприятия, учитывать при стратегическом планировании.

Достичь значительных успехов в развитии АПК возможно лишь благодаря комплексу инструментов государственной поддержки, которые позволят создать оптимальные условия для повышения конкурентоспособности субъектов АПК.

При разработке данной темы исследования были выделены основные направления деятельности государственной программы развития сельского хозяйства Российской Федерации. Рассмотрены факторы влияния внешней среды на предприятия сельского хозяйства и участие в них государства.

Список источников

1. *Чепик О. В.* Некоторые экономические аспекты государственного регулирования и поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей // Вестник Ростовского государственного экономического университета РИНХ. — 2011. — № 35. — С. 79–87.

2. *Адуков Р. Х.*, *Алтухов А. И.* Совершенствование государственного управления агропромышленным комплексом страны // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2007. — № 1. — С. 40–53.

3. *Дощанова А. И.*, *Синько О. В.* Информационно-консультационное обеспечение АПК в новых экономических условиях // Инновационное развитие АПК. Механизмы и приоритеты. — М. : Научный консультант, 2015.

4. *Мансуров Т.* Евразийская интеграция. Опыт, проблемы и тенденции развития // Экономические стратегии. — 2013. — № 1.

5. Организация инновационной деятельности в АПК / Нечаев В. И., Бирман В. Ф., Санду И. С., Бершицкий Ю. И., Боговиз А. В. — М.: КолосС, 2012. — 296 с.

6. *Петрова С. Ю.* Механизм государственного регулирования аграрного сектора России // Вестник НГИЭИ. — 2012. — № — С. 28.

7. Инновационная деятельность в аграрном секторе экономики России / Ушачев И. Г., Трубилин И. Т., Оглоблин Е. С., Санду И. С. — М.: КолосС, 2007. — 363 с.

Манько А. А., Бойко А. Н., к. э. н.
Донецкий национальный университет, Г. Донецк

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ РФ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ [1]

В процессе исследования установлено, что развитие нефтяного сектора происходит в условиях современной неопределенности глобальной экономической среды. В статье предложены вероятные сценарии развития мирового нефтяного рынка. Определено, что нефтяная промышленность России находится в тесной взаимосвязи со многими другими отраслями экономики. Нефтяная отрасль России — это не только добыча ресурсов из недр земли, но и сложная система комплексов по очистке топлива и производству продукции. Сделан вывод, что развитие нефтяной отрасли в Российской Федерации является стратегической целью государства, предусматривающей дальнейшую ее модернизацию, появление новых инновационных технологий и открытие новых месторождений.

Ключевые слова: неопределенность глобальной экономической системы, нефтяная промышленность, мировой рынок нефти

В результате стремительной интернационализации хозяйственной деятельности большинство важнейших характеристик развития нефтяного сектора мировой экономики формируются под влиянием процессов глобализации, сопровождающихся неопределенностью мировой экономической среды. В данных условиях нефтяная отрасль является стратегическим форпостом экономики Российской Федерации, которая обеспечивает стабильность страны и является основой для дальнейшего развития, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Целью работы является определение тенденций развития нефтяной отрасли Российской Федерации в современных условиях.

Данной проблематике уделяли внимание такие ученые, как В. Бушуева, Л. Варшавский, Е. Телегина, Ю. Шафранова, Р. Марковиц, А. Тобин, М. Портер, В. Фишер, Дж. Форрестер, П. Хавранек, У. Шарп и др.

Несмотря на значительное количество работ по исследуемой проблематике, следует отметить, что вопрос развития нефтяного сектора в условиях современной неопределенности глобальной экономической среды требует дальнейшего исследования, что обусловило выбор темы исследования.

Нефтяная промышленность России — это не только добыча ресурсов из недр земли, но и система комплексов по очистке топлива и производству продукции высокого качества. Существенная роль в индустрии отводится специализированному техническому оснащению, а также инновационным и безопасным технологиям.

Россия обладает 5 % (80 млрд баррелей) мировых запасов нефти и на современном этапе развития нефтяного рынка является крупнейшим поставщиком данного сырья.

Решение стратегических задач обеспечения энергобезопасности страны и снижения сырьевой зависимости экономики обусловливает, в частности, управление развитием нефтегазового сектора экономики на основе сбалансированного использования управленческих инструментов на государственном и корпоративном уровнях. Одним из основных документов, определяющих стратегические ориентиры функционирования нефтегазового сектора экономики, а соответственно, и вектор развития корпоративных нефтегазовых структур, является Энергетическая стратегия России, разработанная до 2030 г. и скорректированная до 2035 г.

Среди стратегических приоритетов развития нефтяного сектора, закрепленных в Энергетической стратегии, можно выделить следующие приоритеты:

— обеспечение надежности энергообеспечения экономики Российской Федерации;

— своевременность геологоразведки, подготовки и освоения новых месторождений нефти;

— стимулирование развития отечественного производства энергоносителей с высокой добавленной стоимостью и повышения качества нефтепродуктов;

— модернизация нефтеперерабатывающих комплексов на территории Российской Федерации;

— стабильное, бесперебойное и экономически эффективное удовлетворение внутреннего спроса на нефть и продукты ее переработки;

— обеспечение стабильных поступлений в доходную часть консолидированного бюджета страны и ряд других.

Положение России на мировом рынке нефти и нефтепродуктов весьма значительно. Состояние и перспективы нефтяной отрасли в России чаще всего оценивают по добыче, запасам и экспорту. Россия является крупнейшим экспортером нефти в мире. В условиях серьезной конкуренции на мировых рынках колебания спроса и предложения даже в несколько сотен тысяч баррелей в сутки могут оказывать значительное влияние на цены на нефть.

[1] © Манько А. А., Бойко А. Н., Текст. 2019.

Доходы от экспорта нефти, которые в России в 2017 г. выросли на 30 % в сравнении с 2016 г. имеют исключительное значение для экспортеров нефти. Соглашение ОПЕК+ способствовало снижению волатильности цен на нефть и создает возможность стабилизации мирового рынка. Но направления инвестирования в отрасль (в мире и в РФ) сдвигаются от нескоординированного наращивания мощностей к модернизации и повышению эффективности добычи данного топлива.

Незначительное сокращение добычи нефти в России в 2017 г. не помешало российским нефтяным компаниям увеличить экспорт нефти. Так, экспорт нефти в 2017 г., по данным Министерства энергетики Российской Федерации, составил 256 млн т., что на 3 млн т. (+1,2 %) больше, чем в 2016 г. Росту экспорта нефти способствовало повышение привлекательности экспорта на фоне снижения ставки таможенной пошлины и роста цен на нефть, а также снижение рентабельности нефтепереработки [3].

Рост экспорта нефти из России в условиях повышения цен на нефть привел к росту бюджетных поступлений. Однако эффект увеличения доходов от экспорта нефти для бюджета и нефтяных компаний был частично ограничен укреплением курса рубля. Важным трендом 2017 г. в отношении экспорта стало перераспределение экспортных потоков российской нефти, в том числе марки Urals, в пользу потребителей АТР.

Добыча в РФ нефти в 2018 г. составила около 545 млн т. (что является максимумом, зафиксированным с 1992 г.). Экспорт нефти в 2018 г. составил около 260 млн т. [3]. Доля экспорта нефти составила 48 %.

Экспорт нефти в 2018 г. был направлен в основном в Китай (67 млн т.), Нидерланды (42,2 млн т., больше половины — фактически в другие страны ЕС, прежде всего Германию), Германию (23,3 млн т.), Белоруссию (18,3 млн т.), Польшу (17,6 млн т.), Республику Корею (15,3 млн т.), Италию (13,1 млн т.) и Финляндию (10,2 млн т.) [4].

В 2019 г. на мировом рынке нефти ожидается резкий скачок цен на нефть из-за дефицита в поставках из Венесуэлы. Таким образом, спрос на российскую нефть на мировом рынке увеличится, также возможно увеличение объема поставок российской нефти на мировой рынок.

Развитие нефтяной отрасли в Российской Федерации является главной целью Правительства РФ, данную отрасль в 2019 ожидается модернизация, появление новых инновационных технологий и открытие новых месторождений в северных морях и в Артике.

На развитие нефтяной отрасли Российской Федерации оказывают значительное влияния трансформационные тенденции развития мирового нефтяного рынка. В данных условиях возможно разработать 4 вероятных сценария развития мирового нефтяного рынка в течение следующих десятилетий [4].

Сценарий 1: устойчивое развитие глобализационных процессов. Согласно данному сценарию развития событий, относительная геополитическая стабильность будет благоприятствовать экономическому росту и торговому сотрудничеству между странами. Новые альтернативные источники энергии станут, наконец, экономически целесообразными, спрос на них вырастет, и компании станут активно использовать их наряду с традиционными видами топлива. В данном сценарии на геополитической оси преобладает стабильный устойчивый рост, а на оси конкуренции источников энергии преобладает зеленое топливо.

В связи с глобальными изменениями климата вырастет спрос на источники возобновляемой и чистой энергии. Будет наблюдаться расширение программ по сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу, все большее число стран будет активно работать над снижением уровня загрязнения окружающей среды.

Сценарий 2: падение спроса на нефть. При развитии данного сценария будет наблюдаться снижение удельного веса нефти в мировом энергобалансе: использование альтернативных источников энергии будет увеличиваться, в то время как спрос на нефть будет падать из-за низкого экономического роста, а также внедрения технологических инноваций и широкого применения альтернативных источников энергии. На геополитической оси будет преобладать стагнация в условиях конфликта, а на оси конкуренции источников энергии — зеленая инициатива.

Сценарий 3: господство традиционных добывающих компаний. С политической точки зрения данный сценарий похож на сценарий 2: политическая напряженность в ряде регионов сохранится, а экономика Китая и других активно развивающихся стран останется в стагнации, что приведет к снижению мирового спроса. Разница заключается в том, что ситуация в странах, доминирующих сегодня на нефтегазовом рынке, не изменится и в 2040 г.: нефть сохранит прочные и уверенные позиции в мировом энергобалансе. В данном сценарии на оси устойчивого развития глобализационных процессов будет преобладать стагнация в условиях конфликта, а на оси конкурентоспособности источников энергии ведущую роль будет играть серое топливо. Страны ОПЕК продолжают контролировать мировые поставки, практически не подвергаясь воздействию региональных политических конфликтов.

Сценарий 4: преобладание ископаемых ресурсов. В четвертом сценарии на геополитической оси большое значение снова приобретет устойчивый рост, а значения на оси конкурентоспособности источников энергии будут смещаться в сторону «серого вектора развития» ситуации. Альтернативные

источники энергии не станут экономически целесообразными, а нефть и природный газ не получит общемирового распространения. В то же время источников ископаемого топлива станет больше, и наряду с традиционной разведкой нефти они послужат удовлетворению растущего спроса активно развивающихся стран.

Независимо от того, какой сценарий развития мирового нефтяного рынка произойдет, долгосрочное развитие нефтяной индустрии в Российской Федерации должно предполагать решение следующих вопросов:

— обдуманное и расширенное использование имеющейся сырьевой базы;
— развитие энергосберегающего комплекса;
— рациональная транспортировка и хранение;
— максимальное применение всех полезных компонентов при переработке нефти;
— строительство новых баз и поиск новых месторождений.

Проанализировав современные тенденции и особенности развития нефтяной отрасли Российской Федерации, можно сделать вывод, что Российская Федерация является крупнейшим экспортером нефти на мировой арене, нефтяная отрасль является форпостом экономики Российской Федерации, которая является базой для стабильности и дальнейшего развития экономики.

Список источников

1. *Виноградова О.* Полвека под знаком ОПЕК // Нефтегазовая вертикаль. — 2010. — № 15–16. — С. 4–10.

2. *Винокуров Е.* Сценарий с падением цен на нефть // Международная экономика. — 2011. — № 9. — С. 50–51.

3. *Ершова Е. В.* SWOT-анализ реализации российских проектов по производству и экспорту // Конкурентоспособность в глобальном мире. Экономика, наука, технологии. — 2016. — № 1. — С. 50–57.

4. *Макаров А. А.*, *Григорьев Л. М.* Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / А. А. Макаров // ИНЭИ РАН — АЦ при Правительстве РФ. — 2013. — С. 59–140.

Новицкий В. В.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
Дорошенко С. В., д. э. н.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ЭКОЛОГИЮ РЕГИОНОВ РОССИИ [1]

Автор исследует проблему влияния процесса реиндустриализации на экологию регионов России. Построена эконометрическая модель панельных данных, оценивающая показатель экологии, контрольными переменными и индексом промышленного производства. Показатель реиндустриализации оказался статистически значим, его влияние на объем выбросов — положительное, это подтверждает вывод об усилении экологической нагрузки в результате роста промышленного производства.

Ключевые слова: реиндустриализация, модернизация, экология, эконометрический анализ, панельные данные

Понятия «реиндустриализация» и «модернизация» достаточно часто употребляются не только в научных публикациях, их можно услышать от политических деятелей, экономистов, встретить в нормативных документах и стратегиях развития. Часто термин «реиндустриализация» используется для обозначения нового этапа развития экономики, при котором человек исключен из производственного процесса, а его роль сводится к организации и обслуживанию автоматизированного производства.

В ряде современных исследований под процессом реиндустриализации понимается процесс восстановления ранее утраченных производственных мощностей. Авторы приводят в пример возврат производственных мощностей на территорию США [1]. По нашему мнению, данный взгляд является верным, но неполным. Реиндустриализация должна включать в себя не только возобновление старого производства, но и создание новых отраслей экономики на основе промышленных технологий пятого и шестого укладов. Такой подход применим в отношении Российской экономики.

Таким образом, в России реиндустриализация экономики подразумевает модернизацию существующих производственных мощностей и движение в сторону переформатирования промышленности. Основными источниками роста являются те наукоемкие отрасли, в которых сосредоточены новейшие технологии и наибольшее число высококвалифицированных кадров, особенно — оборонная промышленность. Переоснащение аграрного сектора, которое активно происходит в последние годы [2] также может стать драйвером реиндустриализации. Это связано с тем, что развитие аграрной отрасли стимулирует смежные отрасли, такие как химическая промышленность и машиностроение.

В современной литературе достаточно широко представлены исследования, в которых прогнозируются темпы данного процесса, регрессорами в них выступают такие социально-экономические показатели, как реальные доходы населения, уровень ВВП и безработицы.

Наше исследование направленно на то, чтобы оценить степень влияния данного процесса на экологию регионов России. Ведь, с одной стороны, расширение производства увеличивает выбросы в окружающую среду и вредит экологии, а с другой — новые виды оборудования и существующий тренд на безотходное производство могут оказывать положительное влияние на состояние окружающей среды.

Основной проблемой каждого эконометрического исследования является сбор релевантных данных, так как бывает очень сложно численно оценить тот или иной социальный или экономический процесс. В контексте данного исследования многие факторы приняты по умолчанию, так, за показатель, характеризующий процесс реиндустриализации был взят индекс промышленного производства. Данный показатель рассчитывается на основе отбора товаров-представителей, что может давать определенного рода искажения в результатах. За показатель, характеризующий состояние экологии, взято значение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников.

Цель исследования — оценить степень влияния процесса реиндустриализации на экологию регионов России.

Гипотеза исследования: показатель, характеризующий процесс реиндустриализации статистически значим и оказывает положительное влияние на объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

В основе исследования лежит эконометрический анализ панельных данных. Панельные данные содержат наблюдения нескольких показателей, полученных за несколько периодов времени для одних и тех же регионов.

---

[1] © Новицкий В. В., Дорошенко С. В. Текст. 2019.

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта фундаментальных исследований Уральского отделения Российской академии наук № 18-6-7-18 «Научно технологическое развитие регионов на принципах зеленой экономики».

В данной работе исследование проводилось по данным за период с 2005 г. по 2016 г. по 75 регионам Российской Федерации.

В выборку не вошли: республика Крым, г. Севастополь, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-Черкесская республика, Республика Северная Осетия — Алания, Чеченская республика, Ставропольский край, Республика Калмыкия.

Данные для исследования были взяты из ежегодного сборника «Регионы России. Социально экономические показатели».

Зависимая переменная: *vzv*-выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух отходящие от стационарных источников (млн т). Данная переменная бралась как показатель, характеризующий экологическое состояние региона. Подобная практика применяется в эконометрических исследованиях достаточно часто [3, 4].

В модели выступают следующие объясняющие переменные:

— *ipp* — индекс промышленного производства, % к предыдущему году;

— *unem* — уровень безработицы, %;

— *inv* — инвестиции в основной капитал на душу населения, в фактически действовавших ценах, руб.;

— *gdp* — валовой региональный продукт на душу населения, руб.;

— *rip*2 — затраты на НИОКР в периоде на 2 года предшествующем отчетному (млн руб.). Такое значение было взято в связи с тем, что отдача от затрат на НИОКР появляется не сразу, существует временной лаг. Данная процедура позволяет не только объяснить природу увеличения выбросов в окружающую среду, но и избавиться от возможной проблемы эндогенности при построении моделей на смежные темы в дальнейшем;

— *dmmyk* — Дамми-переменная, выделяющая кризисный год. За кризисные годы были приняты 2008 и 2009 гг., а также 2014 и 2015гг.;

— *ill* — число зарегистрированных заболеваний на 1000 чел.;

— *dmmym* — Дамми-переменная, выделяющая регионы, в которых есть город-миллионник.

В ходе работы была построена модель со случайными эффектами следующего вида:

$$\log(vzv) = \text{const} + x_1 \times ipp + x_2 \times unem + x_3 \times \log(inv) + x_4 \times ill + x_5 \times dmmym + e_i.$$

Логарифм от переменных в натуральном выражении брался для лучшей спецификации модели, данная процедура позволяет избежать асимметрии информации.

В результате модель получилась статистически значимой, несмещенной и состоятельной, что позволяет интерпретировать её результаты и делать выводы. В таблице представлены коэффициенты при переменных, которые оказались статистически значимыми. Переменная, характеризующая процесс реиндустриализации в регионах России, значима на 10 % уровне значимости (в 92 % случаев).

Таблица

Оценка эконометрической модели

Lgvzv	*Coef.*
Ipp	0.0013732
Unem	–0.0133513
Lginv	–0.0591639
Ill	0.0012241
Dmmym	0.1570273
_cons	4.279036

Интерпретация результатов.

При росте индекса промышленного производства в регионе на 1 % количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух увеличивается на 0,1 %, при прочих равных условиях. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что процесс реиндустриализации оказывает негативное влияние на состояние окружающей среды.

В ходе исследования поставленная гипотеза подтвердилась. Это говорит о том, что в России реиндустриализация проходит экстенсивным методом, а устаревшее оборудование и экономия на очистных сооружениях не позволяют наращивать производственные мощности без вреда для окружающей среды. Однако стоит отметить, что в России реиндустриализация, вероятно, еще находится не на том этапе, на котором средства перенаправляются с модернизации производства на защиту окружающей среды. Ведь если повысить штрафы за осуществление выбросов предприятиям или понизить нормы сбросов, многие производства могут этого не пережить.

Кроме того, с увеличением производства на 10 п. п. вред окружающей среде будет увеличен лишь на 1 п. п., при прочих равных, что можно охарактеризовать как процесс с убывающей отдачей от масштаба.

Список источников

1. *Захаров А. Н.* Перспективы реиндустриализации развитых экономик // Вестник МГИМО — 2018. — № 1(58), С. 213–246.

2. *Бурмистрова А. А., Кондрашова И. С. Родионова Н. К.* Проблемы технической и технологической модернизации агропромышленного комплекса России // Социально-экономические явления и процессы. — 2012. — № 1. — С. 33–37.

3. *Akberdina V. V.*, *Grebenkin A. V.*, *Barbakov O. M.* Modeling Response to Innovations in Industrialized Regions. The Russian Experience // International Journal of Economics and Financial Issues. — 2015. — № 5(4). — С. 910–921.

4. *Постников Е. А.* Эконометрическое моделирование развития регионов России на основе панельных данных // Управление в современных системах. — 2016. — № 2(9). — С. 3–12.

Пешкова А. А.
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ [1]

В условиях развития цифровой экономики одной из приоритетных государственных задач является информатизация государственных (муниципальных) услуг, а также внедрение информационных систем и аппаратно-программных комплексов в различные социально-экономические сферы с учетом соответствия требованиям безопасности. В целях создания и внедрения передовых отечественных технологий, требующих значительного объема капитальных вложений, для государства актуальны разработка и внедрение различных механизмов привлечения внебюджетных источников финансирования. Учитывая недавние изменения в законодательстве, одним из таких механизмов становится государственно-частное партнерство, эффективность выполнения которого во многом зависит от уровня реализации цифрового потенциала частного партнера. В связи с этим в настоящей статье представлено авторское понятие и состав цифрового потенциала предприятия, что является основой для построения аналитического инструментария оценки степени его развития.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, информационные технологии, цифровой потенциал промышленного предприятия

Главная цель государственной программы информатизации страны в рамках, к примеру, вектора импортозамещения в Российской Федерации, заключается в повышении эффективности экономики и производства всех видов отечественных товаров и услуг в целях улучшения социально-экономических условий жизни граждан. Достижение вышеназванной цели требует значительных капитальных вложений. Так, общий объем финансирования программы «Информационное общество» составляет 1,2 трлн руб. из средств федерального бюджета, в том числе план на 2019 г. — 131, 85 млрд руб., 2020 г. — 136,74 млрд руб. [2] Ежегодно на содержание и обновление 10 крупнейших ИТ-систем федеральных ведомств тратится 30 млрд руб., что составляет примерно 30 % от общего бюджета информатизации гос. органов [3]. В их числе автоматизированные информационные системы Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования, Федерального казначейства, таможенных органов, инфраструктура электронного правительства. Всего в настоящее время в реестре ФГИС Минкомсвязи России числятся 339 федеральных информационных систем; на региональном уровне функционирует более 1200 систем [4].

Дефицит финансирования в области развития цифровой экономики может привести к замедлению темпов внедрения инновационных ИТ-проектов и смещению фокуса на развитие уже существующих решений и оптимизацию инфраструктуры. В результате возможно усиление технологического отставания России от ведущих зарубежных стран. В связи с этим актуален поиск дополнительных источников финансирования. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов необходимо привлечение частных инвестиций к созданию и модернизации информационных систем и технологий, в том числе с использованием механизма государственно-частного партнерства (далее — ГЧП). Это, в свою очередь, способствует выполнению поручения Президента РФ по созданию правовых, технических, организационных и финансовых условий для развития цифровой экономики в РФ.

Долгое время развитие механизма ГЧП в информационно-коммуникационной сфере было ограничено ввиду отсутствия необходимого правового регулирования. В качестве объектов признавалось только движимое и недвижимое имущество (автомобильные дороги, мосты, объекты дорожного сервиса), транспорт общего пользования, объекты железнодорожного, трубопроводного транспорта, морские и речные порты, суда, аэропорты, объекты по производству, передаче и распределению электрической энергии, гидротехнические сооружения, платформы, искусственные острова, объекты здравоохранения, образования, культуры, спорта, отдыха и туризма и т. д. [1, с. 470].

Ситуация изменилась с утверждением Федерального закона от 29.06.2018 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 173),

---

[1] © Пешкова А. А. Текст. 2019.

[2] Информационное общество. 2011–2020 годы. Государственная программа // Портал Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/#section-finance (дата обращения: 28.11.2018).

[3] 10 самых дорогих ИТ-систем в госсекторе России сегодня // Аналитический портал «TAdviser» [Электронный ресурс]. URL: http://tadviser.ru/a/328134 (дата обращения: 25.11.2018).

[4] Исследование опыта государственно-частных партнерств в сфере ИТ в России // Портал фонда содействия развитию современных информационных технологий и цифровизации экономики [Электронный ресурс]. URL: «Атом»https://fondatom.ru/issledovanie-opyta-gosudarstvenno-chastnyh-partnerstv-v-sfere-it-v-rossii/ (дата обращения: 26.11.2018).

расширяющего перечень объектов соглашений о ГЧП и концессионных соглашений. В частности, в него были включены:

— программы для ЭВМ, базы данных, информационные системы и сайты в интернете или других сетях, либо технологически связанные ИТ-объекты и имущество;

— совокупность зданий, частей зданий или помещений, объединенных единым назначением с движимым имуществом, технологически связанными с ИТ-объектами, и предназначенных для автоматизации.

Например, в качестве таких объектов ГЧП могут выступать фото- и видеофиксация нарушений правил дорожного движения, системы весового и габаритного контроля за движением большегрузного автотранспорта, системы управления платным парковочным пространством, городским освещением и прочие элементы концепции *smart city*.

Среди новелл ФЗ № 173 следует отметить, что концессионером или частным партнером не могут являться иностранные физические и юридические лица, а также российские юридические лица, решения которых прямо или косвенно могут определять иностранные юридические лица и физические лица, иностранные государства и их органы за исключением случаев, определенных международным договором РФ, федеральным законом, решением Президента РФ. Данная мера позволяет предупредить утечку больших данных за рубеж. Помимо прочего, ФЗ № 173 устанавливает особенности регулирования отношений, возникающих в связи с подготовкой, заключением, исполнением и прекращением соглашений о ГЧП и концессионных соглашений, объектами которых являются ИТ-объекты и технические средства обеспечения их функционирования.

Эффективность реализации проектов ГЧП во многом зависит от вовлеченности в данный процесс крупных интегрированных структур, технически и финансово способных к реализации приоритетных программ и инвестиционных проектов в сфере государственной информатизации. В настоящее время интерес к применению механизма ГЧП в данной сфере проявляют государственные корпорации, крупные промышленные предприятия, банки и телекоммуникационные компании. Например, ГК «Ростех», российская телекоммуникационная компания «Ростелеком», ПАО «Сбербанк», группа компаний «Ланит», АО «Группа Систематика», группа компаний «Техносерв»[5]. В качестве их субподрядчиков могут выступать малые и средние ИТ-компании, которые располагают определенными конкурентными преимуществами (высокая адаптация к требованиям рынка, гибкость внутреннего управления, оперативность в выполнении принимаемых решений). По мнению А.А. Аузана, сотрудничество «больших» компании с «быстрыми» относится к условиям становления России одним из мировых лидеров в эпоху цифровой экономики[6].

Преимущество модели ГЧП для государства по сравнению, например, с госзаказом заключается в том, что затраты на создание или модернизацию и повышение эффективности работы ИТ-системы может взять на себя частная компания с возможностью коммерциализации конечного продукта. При этом сохраняется социальная значимость объекта, например, доступ населения к той или иной электронной системе госуслуг. Для частного партнера, концессионера к основным выгодам можно отнести возможность получения государственных гарантий и льгот, а также финансирования проекта из бюджета в объеме до 50 % [5, с. 163].

Независимо от организационно-правовой формы ГЧП обязательным условием является распределение рисков и ответственности между публичным и частным партнерами. Под рисками понимаются вероятные изменения показателей проекта, прежде всего, связанные с доходами и расходами. Общее правило таково — ответственность за каждый риск по проекту несет та сторона, которая способна наилучшим образом им управлять при наименьших затратах (с учетом общественных интересов и характеристик проекта)[7]. По большей части на частного партнера возлагается ответственность за риски, возникающие на стадии строительства и эксплуатации объекта, поскольку они с вязаны с изменениями рыночной конъюнктуры. На публичного партнера — предпроектные риски (выбор исполнителя проекта, расположение земельного участка), риски изменения политической ситуации, законодательства.

Эффективность выполнения возложенных на частного партнера обязательств по выполнению ИТ-проектов во многом зависит от степени реализации цифрового потенциала компании. В целях развития теоретических основ и аналитического инструментария оценки данного потенциала в качестве

[5] Исследование опыта государственно-частных партнерств в сфере ИТ в России // Портал фонда содействия развитию современных информационных технологий и цифровизации экономики, URL: «Атом» [Электронный ресурс]. URL: https://fondatom.ru/issledovanie-opyta-gosudarstvenno-chastnyh-partnerstv-v-sfere-it-v-rossii/ (дата обращения: 26.11.2018).

[6] Александр Аузан о наших шансах в цифровой экономике // Культурно-политический журнал «ЭВести» [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-vesti.ru/ru/aleksandr-auzan-o-nashih-shansah-v-tsifrovoj-ekonomike/ (дата обращения: 25.11.2018).

[7] Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации, Москва, 2013 // Платформа поддержки инфраструктурных проектов «Росинфра» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pppi.ru/sites/all/themes/pppi/img/pppsphere_managment1.pdf (дата обращения: 20.11.2018).

Рис. *Структура цифрового потенциала промышленного предприятия*

объекта исследования автором были выбраны крупные промышленные предприятия оборонной отрасли, являющиеся потенциальными участниками ГЧП на стороне частного партнера.

С применением общенаучного метода анализа автор исследовал существующие подходы к определению понятия и состава цифрового потенциала и пришел к выводу, что в экономической литературе не так много трудов посвящено данному вопросу. Смежным данному понятию является понятие «информационный потенциал», который Е. О. Дмитриева [3, с. 65] определяет как «совокупность информационных ресурсов, систем информационного взаимодействия различного уровня и их максимальных возможностей обеспечивать процесс принятия управленческих решений своевременной, достоверной и комплексной (полной) информацией» и выделяет три базовых составляющих информационного потенциала: 1) элементы потенциала взаимодействия предприятия с внешней информационной средой (например, анализ предприятием рынков информационной продукции, определение емкости и оценка доступности внешних информационных банков данных, пр.), 2) элементы внутреннего информационного потенциала предприятия (внутренние возможности предприятия по формированию и использованию информации и информационных ресурсов, их материальное, организационное, кадровое и финансовое обеспечение), 3) потенциал информационного развития, который интегрирует элементы из первых двух пунктов [3, с. 64–65].

Е. В. Попов, К. А. Семячков [4, с. 38–39] в состав цифрового потенциала включают совокупность данных, программных обеспечений и технических средств для создания, хранения и обработки данных, а также специалистов, обеспечивающих процесс управления данными. И отмечают, что способность наращивания цифирного потенциала зависит от ряда факторов, наиболее важными из которых является наличие технических и программных средств, финансового обеспечения, кадровой составляющей.

По итогам исследования теоретических основ развития цифрового потенциала и практической деятельности нескольких крупных промышленных предприятий автор получил следующие выводы и результаты [2, с. 76]:

1. Под цифровым потенциалом промышленного предприятия следует понимать способность предприятия к осуществлению деятельности по созданию, внедрению, интеграции, применению, сопровождению, развитию и реализации информационных технологий, а также обеспечению информационной безопасности с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей предприятия и субъектов, с которыми оно взаимодействует (потребители, поставщики, партнеры и т. д.) [16, с. 76].

2. Целью развития цифрового потенциала является повышение эффективности функционирования предприятия за счет получения дохода от реализации товаров, работ, услуг сторонним заказчикам и (или) качественного изменения бизнес-процессов, осуществляемых предприятием.

3. Наибольшая степень развития цифрового потенциала заключается в максимальном раскрытии способности предприятия по применению передовых информационных технологий во всех областях своей деятельности.

4. Структура цифрового потенциала промышленного предприятия может быть представлена единством трех его компонент: ресурсы, внутренние способности предприятия по осуществлению тех или иных этапов цикла развития информационных технологий, функциональные области деятельность предприятия, в которых могут применяться информационные технологии (рис.).

Для промышленных предприятий оборонной отрасли развитие цифрового потенциала в части реализации (продажи) информационных технологий может стать одним из направлений диверсификации бизнеса, а автоматизация и роботизация бизнес-процессов и операций позволят вывести деятельность предприятия на новый качественный уровень.

Список источников

1. *Городнова Н. В.*, *Воронов Д. С.* Эффективность управления компанией как критерий конкурентоспособности государственно-частного партнерства // Экономика и предпринимательство. — 2017. — № 1 (78). — С. 470–475.

2. *Городнова Н. В.*, *Пешкова А. А.* Развитие теоретических основ оценки цифрового потенциала промышленного предприятия // Дискуссия. — 2018. — № 5(90). — С. 74–84.

3. *Дмитриева Е. О.* Организационно-экономические направления повышения информационного потенциала промышленного предприятия // Вестник Самарского муниципального института управления. — 2010. № 3. — С. 64–69.

4. *Попов Е. В.* Институты. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — 712 с.

5. Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами / под ред. С. С. Чернова. — Новосибирск: ООО «ЦРНС», 2016. — 212 с.

Пономарева А. О.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

РОЛЬ ЦИФРОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПЛАТФОРМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА [1]

С ростом использования цифровых технологий изменяется не только повседневная жизнь человека, но и структура экономики в целом, в значительной степени меняется характер производственных отношений. В условиях цифровизации экономики новая роль отводится образованию, науке, а также возникают новые требования к системе коммуникаций, вычислительным и информационным системам и сервисам. Данные в настоящее время приобретают статус нового актива, главным образом, за счет их альтернативной ценности, то есть по мере применения данных в новых целях и их использования для реализации новых идей. В статье рассмотрена роль развития цифровой инфраструктуры в пространственном развитии промышленных территорий.

Ключевые слова: региональная экономика, цифровая инфраструктура, развитие территории, промышленность

Становится очевидно, что цифровизация российской экономики станет важным источником долгосрочного экономического роста. По мнению экспертов компании McKinsey, потенциальный эффект от цифровизации экономики к 2025 г. составит 4,1–8,9 трлн руб., прогнозный темп прироста ВВП 19–34 % [2]. Цифровизация экономики регионов России оказывает непосредственное влияние на уровень их развития. Создание условий для внедрения процессов цифровизации во все секторы экономики является сложной и значимой на национальном уровне задачей, для решения которой необходимо создание специальных условий институционального и инфраструктурного характера. Одним из главных участников создания этих условий должно стать государство.

В настоящее время в нашей стране принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на создание условий для развития общества знаний, повышение благосостояния и качества жизни человека путем повышения доступности товаров и услуг, созданных с использованием современных цифровых технологий. Среди основных целей этой программы можно отметить создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение препятствий и ограничений для создания или развития высокотехнологичного бизнеса, а также недопущения создания новых ограничений.

В России в настоящее время происходит регулирование многих вопросов, возникающих в процессе использования цифровых технологий в различных сферах деятельности. Остается ряд существенных барьеров на пути формирования новых институтов цифровой экономики, развития информационно-телекоммуникационных технологий и связанных с ними видов экономической деятельности.

Институциональная среда. Для цифровой экономики характерны новые экономические отношения субъектов, сокращающие длинные цепочки посредников. Использование интернета и информационно-коммуникационных технологий в промышленности ускоряют связи между компаниями, банками, органами власти и потребителями, упрощаются сделки купли-продажи, получения кредитов, аренды, уплаты налогов и штрафов и других платежей. Таким образом, компании получают огромные возможности для сокращения трансакционных издержек. Но на начальном этапе модернизации и цифровизации производства его перехода на новые передовые технологии предприятия несут огромные издержки, прежде всего на поиск новых технологических решений, их адаптацию и внедрение в свой производственный процесс, поиск новых специалистов, переквалификацию и реорганизацию кадрового потенциала.

В этих условиях все большую актуальность приобретает государственная поддержка отечественного бизнеса. Для скорейшего внедрения новых цифровых технологий, современных методов производства и управления, снятия институциональных и инфраструктурных барьеров цифровизации отраслей необходимо успешное взаимодействие бизнеса и органов власти. Однако по данным опроса Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей (СОСПП), целью которого было выявление отношения руководителей промышленных предприятий к актуальным проблемам экономики, оценке их взаимодействия с органами власти, более трети предприятий считает меры государственной поддержки бизнеса не эффективными (рис.).

---

[1] © Пономарева А. О. Текст. 2019.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проекта № 18–010–01156 «Моделирование технологической трансформации промышленного комплекса в условиях цифровизации экономики».

[2] Отчет «Цифровая Россия: новая реальность» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx.

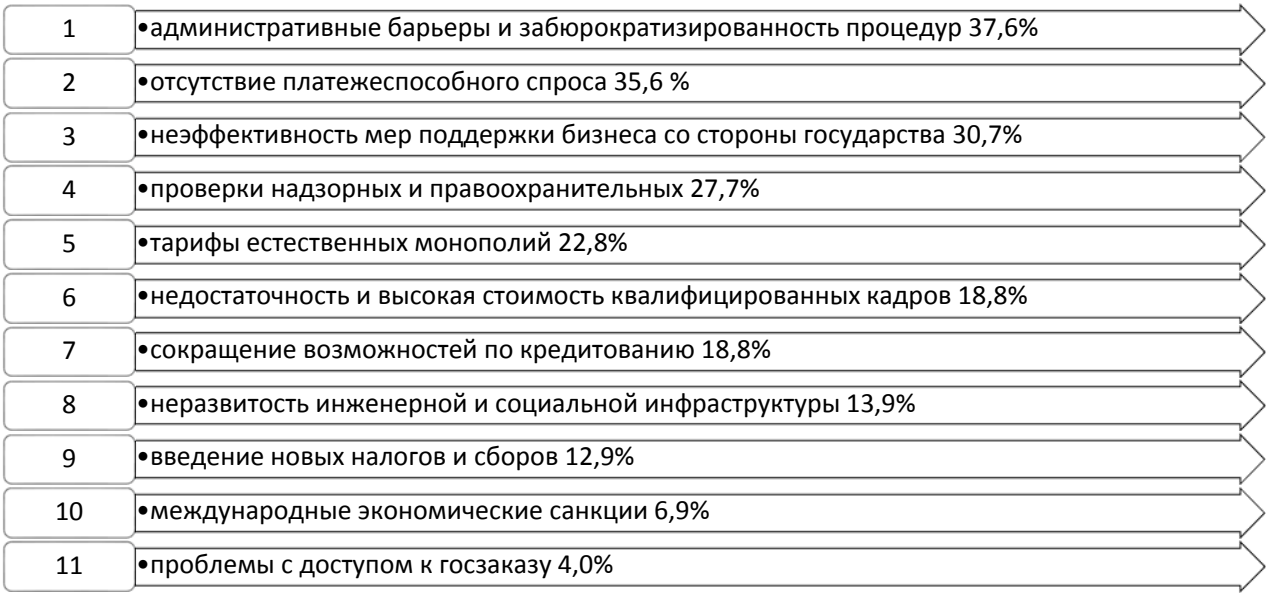


Рис. *Рейтинг негативных факторов, влияющих на экономическое положение промышленных предприятий в 2017 г., % (Отчет о результатах социологического опроса по изучению общественного мнения предприятий и организаций «Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей» [Электронный ресурс]. URL:http://sospp.ru/wp-content/uploads/%D0 %A1 %D0 %BE%D1 %86 %D0 %BE%D0 %BF%D1 %80 %D0 %BE%D1 %81–20181.pdf)*

Первое место в рейтинге негативных факторов занимают административные барьеры и «забюрократизированность» процедур, так считает 37,6 % опрошенных руководителей. Высокие тарифы естественных монополий отметили 22,8 % опрошенных промышленных предприятий. Высокие процентные ставки по кредитам и снижение возможностей кредитования также являются одним из главных препятствий успешного развития отечественного бизнеса. В связи с этим можно говорить о достаточно слабом взаимодействии органов государственной власти и бизнеса, о необходимости снижения административных и инфраструктурных барьеров со стороны властных структур. Инструменты региональной и федеральной промышленной политики должны стать более гибкими и реагировать на запросы бизнеса и общества.

Институты социального обеспечения и образования слабо развиты в нашей стране и пока не подготовлены к большим экономическим вызовам, в том числе цифровизации отраслей. По мере автоматизации производственных процессов все большее количество профессий будет видоизменяться. От образования потребуется новый подход к обучению и переподготовке специалистов. Все большее число граждан Российской Федерации признает необходимость обладания цифровыми компетенциями, однако уровень использования персональных компьютеров и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в России все еще ниже, чем развитых странах. В рамках Программы «Цифровая экономика РФ» предполагается достижение к 2024 г. следующих показателей: рост доли жителей, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, до 97 % (в 2016 г. — 18,77 %), средняя скорость покрытия широкополосным интернетом 100 Мб/сек. (в 2016 г. — 12,2 Мб/сек), устойчивое покрытие всех крупных городов России интернетом 5G.

Из внешней институциональной среды важно выделить нестабильность внешнеэкономических факторов, обостряющуюся геополитическую обстановку и введение новых санкций. Значительная зависимость промышленного комплекса от конъюнктуры мирового рынка и, следовательно, неустойчивость к резким изменениям на внешних рынках являются следствием существующих структурных проблем в промышленности. Россия встроена в мировые цепочки добавленной стоимости в основном как поставщик сырьевых ресурсов. Отечественные предприятия вынуждены импортировать передовые технологии (например, аддитивные), а также современное высокопроизводительное оборудование.

Цифровая и социальная инфраструктура. Создание цифровой инфраструктуры является неотъемлемой составляющей цифровизации отечественного промышленного комплекса. Под цифровой инфраструктурой понимается комплекс технологий и построенных на их основе продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности, работающих на цифровой основе. Иными словами — это все, что формирует цифровое пространство: компьютеры, сети, телефония, мобильные телефоны и др. Наличие и использование цифровой инфраструктуры позволяет компании развернуть локальную корпоративную сеть с доступом в Интернет и дает ряд неоспоримых преимуществ. Цифровая инфраструктура преобразует бизнес-среду, создает новые модели и способы ведения бизнеса, оптимизирует и автоматизирует многие бизнес-процессы.

В информационную структуру организации включаются следующие основные компоненты: программно-аппаратный комплекс, организация защиты и сохранности данных, коммуникации, организация управления, мониторинга и технической поддержки [1]. Неразвитость инженерной и социальной инфраструктуры в вышеотмеченном опросе СОСПП отметили 13,9 % опрошенных руководителей. В настоящее время наиболее широкое распространение цифровые технологии получили в государственном секторе экономики. Значительно упростились многие государственные услуги и процедуры. Компании получили возможность в режиме удаленного доступа подавать налоговую отчетность, оплачивать налоги, штрафы. В то же время цифровая инфраструктура частного сектора, в том числе промышленного, развивается значительно меньшими темпами.

Промышленная политика является инструментом по стимулированию создания цифровой инфраструктуры промышленности. В 2018 г. на базе Фонда развития промышленности запущена Программа «Цифровизация промышленности». Программа ориентирована на оптимизацию существующих производств за счет внедрения цифровых технологий, в том числе автоматизированных систем проектирования и разработки изделий, что позволит повысить эффективность производственных и технологических процессов на предприятиях. Сумма предоставляемых Фондом займов от 20 до 500 млн руб. сроком до 5 лет. Ставка для займов по данной программе может составлять от 1 до 5 % годовых. Ставка 1 % будет применяться при приобретении отечественного программного обеспечения. Займы ФРП по программе «Цифровизация промышленности» ориентированы на оптимизацию производства, прежде всего за счет использования программного обеспечения, Их можно будет использовать по трем направлениям:

1. Системы управления производством и обработки баз данных. В них включаются управление производственными процессами и активами предприятия, планирование производства, диспетчерское управление, мониторинг обслуживания и ремонта оборудования, автоматизация систем управления производственными процессами, обработка и анализ больших данных.

2. Системы проектирования и разработки. Которые включают автоматизацию проектирования и инженерного анализа, управление станками и инженерными данными, систем для создания цифрового двойника изделия или технологического процесса. Применение такого рода систем позволит моделировать некоторые технологические процессы, стадии испытаний, тем самым сократить время на разработку технологического процесса или изделия.

3. Внедрение промышленных роботов и внедрение 3D-печати. Развитие цифровой инфраструктуры на промышленных предприятиях позволит им стать более конкурентоспособными, повысить скорость реакции на мировые технологические вызовы, стать более гибкими и способными более быстро проводить реорганизацию производства в современных быстро меняющихся условиях.

Социально-экономическая инфраструктура. Для развития цифровой инфраструктуры важно отметить как базу для ее успешного повсеместного внедрения развитие общей социально-экономической инфраструктуры. На данный момент инфраструктура многих промышленно развитых территорий, особенно моногородов, находится в довольно плачевном состоянии [2].

Для примера можно привести ряд проблем развития инфраструктуры городского округа Верхняя Салда, где расположено одно из крупнейших металлургических предприятий Свердловской области ВСМПО-Ависма. По производству титана оно занимает первое место в мире, единственное осуществляет полный цикл его переработки от сырья до выпуска конечной продукции. Компания глубоко интегрирована в мировую авиакосмическую среду, активно развивает и модернизирует свое производство, применяя передовые, в том числе цифровые технологии.

Тем не менее, в ближайшее время компания может столкнуться с проблемой наличия высококвалифицированных кадров, необходимых для развития цифровой инфраструктуры предприятия. Причиной этого является слабое развитие общей социально-экономической городской инфраструктуры. Среди главных инфраструктурных проблем можно отметить возрастающее сокращение численности постоянного населения (за последние 10 лет смертность почти в 2 раза превышает рождаемость), дефицит кадров, отток молодых, в большей части высококвалифицированных специалистов на территории с более развитой инфраструктурой. Тенденция старения населения характерна для всего городского округа, ежегодно 350–500 чел. из числа работников увольняется с основного производственного комплекса ВСМПО-Ависма в связи с достижением пенсионного возраста.

Уровень развития социальной сферы также остается довольно низким. Устаревшая материально-техническая база медицинских и учебных заведений, низкий уровень информатизации школ, отставание темпов развития транспортной инфраструктуры, высокий уровень износа объектов коммунальной инфраструктуры (износ подводящих водоводов 78 %, износ тепловых сетей 67 %, износ водоотводящих сетей 56 %. Износ внутридворовых дорог 90 %). Ухудшение экологической обстановки также имеет большое влияние на привлекательность имиджа территории для комфортного проживания.

Можно отметить, что, с одной стороны, средние зарплаты в городе превышают средне областные показатели, предприятие активно развивает социальную и производственную сферы, с другой — инфраструктура города остается неразвитой и ведет к оттоку молодых кадров в более благоприятные для жизни городские агломерации. Проблемы развития инфраструктуры данного городского округа характерны для большинства промышленных территорий страны.

По словам Министра промышленности и торговли РФ Дениса Мантурова, цифровизация промышленности — это объективное настоящее и даже успешное прошлое для многих иностранных компаний. Следовательно, все большее значение приобретает создание условий институционального и инфраструктурного характера для обеспечения этого процесса. Успех цифровизации промышленных компаний требует активного сотрудничества с образовательными, исследовательскими организациями, а также высокотехнологичными компаниями.

Создание и развитие цифровой инфраструктуры — одно из главных условий пространственного развития промышленных регионов России. Важной предпосылкой этого процесса является развитие общей социально-экономической среды как важнейшей базы формирования кадрового потенциала промышленности. Решение проблем цифровой инфраструктуры территорий невозможно без непосредственного участия органов федеральной и региональной власти, органов местного самоуправления, представителей бизнеса и гражданского сообщества. Необходимы разработка и реализация долгосрочных программ по трансформации экономики городской среды, улучшению экологического ландшафта, формирование четкой законодательной платформы, что позволит повысить привлекательность промышленных территорий для молодых перспективных кадров как основных акторов цифровизации промышленности.

Список источников

1. *Барышев Р. С.* Планирование и оптимизация информационной инфраструктуры организации // Социально-экономические явления и процесс. — 2013. — № 6. — С. 49–52.

2. *Орлеанская Э. К.* Моногорода проблемы и пути решения // Проблемы местного самоуправления. Журнал Московского экономико-правововового ин-та. — 2009. — № 35 [Электронный ресурс]. URL: samoupravlenie.ru.

Рахмеева И. И., к. э. н.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ: ХАОТИЧНОЕ ИЛИ ДЕТЕРМИНИРОВАННОЕ [1]

В период высокой глобальной конкуренции на мировой арене и формирования нового технологического уклада крайне актуально выявление факторов успешного инновационного развития территории. В рамках методологии региональной и институциональной экономики автором проанализированы результаты естественного эксперимента по формализации инновационной промышленной политики на уровне субъектов Уральского макрорегиона вслед за федеральными властями. Выявлена положительная корреляция высокой инновационной активности региона и включения инновационной экономики как приоритета в стратегию развития территории. Вместе с тем автором отмечается слабая детерминированность конкретных путей технологического развития в регионах.

Ключевые слова: региональное развитие, технологический уклад, инновационная экономика, регулирование развития, технологическое развитие, промышленная политика

В эпоху IV промышленной революции именно инновации и технологии составляют основу конкурентоспособности территории. Учитывая отставание России от мировой экономики на один технологический уклад, особую актуальность имеют вопросы преодоления такого разрыва и выход на устойчивую траекторию экономического развития [4, с. 16; 6, с. 30–31]. Исследователи [2, 3, 6] выделяют базовые технологии ядра V технологического — электроника, информационные и телекоммуникационные технологии, и VI технологического уклада — нано- и биотехнологии, мембранные и квантовые технологии, фотоника, микромеханика, термоядерная энергетика.

Цель исследования — определить, какова роль формализации инновационной политики в технологическом развитии регионов.

Лидерами становятся исключительно территории, в которых есть задатки (ученые и разработчики, инфраструктура, финансовые и другие ресурсы) для роста инновационной экономики и создания новых технологий. Важность данного фактора не вызывает сомнений, или управление технологическим развитием, детерминация коридора такого развития со стороны региональных властей все же имеет значимую роль? Для ответа на поставленный вопрос установим корреляционную связь между уровнем инновационного развития регионов и детерминированностью такого развития со стороны региональных органов власти.

Полигоном исследования выбраны субъекты Российской Федерации, входящие в состав Уральского макрорегиона: Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области, Пермский край, республики Башкортостан и Удмуртия. Выбор обусловлен тем, что несмотря на лидирующее положение в России данного макрорегиона по экономическому потенциалу, острейший характер приобрела проблема деиндустриализации, выраженная в снижении удельного веса Уральского макрорегиона в общероссийских значениях показателей [8, с. 2]. Кроме того, как отмечают многие исследователи (С.Д. Бодрунов [2], А.Н. Лысенко [5], Н.В. Новикова [6], Т.Н. Тополева [9] и др.), государство играло роль ночного сторожа, полагаясь на представления об исключительно высокой эффективности рыночного саморегулирования, и лишь с 2014 г. правительство Российской Федерации путем принятия соответствующих правовых актов начинает активную промышленную политику, ориентированную на неоиндустриализацию, что приводит к скачкообразному увеличению темпов роста затрат на технологические инновации в 1,4 раза и объема инновационных товаров в 1,7 раза [9, с. 226]. Вслед за федеральными органами региональные власти также разрабатывают аналогичные документы. Вместе с тем, обладая необходимыми ресурсами, субъекты Российской Федерации, входящие в состав Уральского макрорегиона, заняли существенно различные позиции по уровню инновационного развития. Таким образом, они представляют собой подходящую базу для целей исследования и проведения естественного эксперимента — то есть выявления значимости институционального фактора в инновационном развитии территории.

Разработка методологии оценки уровня инновационности регионов не относится к задачам данного исследования, поэтому для такой оценки автор обращается к признанным российским рейтингам в данной сфере, в частности:

— Рейтинг инновационных регионов России, 2018 (методика Ассоциации инновационных регионов России совместно с Минэкономразвития России) [7], далее — РИР;

— Рейтинг субъектов Российской Федерации по значению российского регионального инновационного индекса, 2017 (методика Высшей школы экономики) [1], далее — РРИИ.

Уровни инновационного развития и детерминированности технологического развития в нормативных документах субъектов РФ, входящих в состав Уральского макрорегиона, представлены автором

[1] © Рахмеева И. И. Текст. 2019.

Таблица 1

Соотношение уровня инновационного развития и детерминированности технологического развития в нормативных документах субъектов Уральского макрорегиона

Регион	Информация об уровне инновационного развития и/или активности региона	Информация о детерминации технологического развития в нормативных правовых актах региона
Свердловская обл.	14-е место в РИР (2 группа «средне-сильные инноваторы»), 17-е место в РРИИ (2 группа)	Приоритеты:развитие базовых, перспективных, высокотехнологичных производств, обеспечивающих массовый переход на выпуск продукции нового технологического уклада, импортозамещение, цифровизация всех сфер производственной и общественной жизни, роботизация, новые материалы и способы конструирования, системы обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта. Приоритетные технологии: энерго- и ресурсосберегающие, рационального природопользования, ИКТ, химические и био-, нанотехнологии и новые материалы, включающие конструкционные и функциональные наноматериалы, металлы и сплавы со специальными свойствами
Челябинская обл.	22-е место в РИР (2 группа «средне-сильные инноваторы»), 21-е место в РРИИ (2 группа)	Приоритеты:развитие и модернизация базовых бюджетообразующих отраслей, обеспечивающих максимальный вклад в экономику региона;новая высокотехнологичная промышленность;цифровая экономика; формирование научных компетенций международного уровня и условий их коммерциализации в реальном секторе; обеспечение конкурентоспособных, в сравнении с другими регионами, условий энергоснабжения, сбережения и эффективности
Курганская обл.	52 место в РИР (3 группа «средние инноваторы»), 52-е место в РРИИ (3 группа)	Приоритет: повышение конкурентоспособности промышленного комплекса, прежде всего, базовых отраслей, способности к инновационному обновлению и привлечению инвестиций
Оренбургская обл.	61-е место в РИР (4 группа «средне-слабые инноваторы»), 51-е место в РРИИ (3 группа)	Приоритеты: формирование многоукладной диверсифицированной структуры промышленности с инновационным сегментом и занятостью преимущественно в секторах с высоким потенциалом роста, уровнем производительности и устойчивости к конъюнктурным колебаниям на сырьевых рынках; повышение конкурентоспособности и максимизация добавленной стоимости в традиционных отраслях. Приоритеты инновационной сферы: биотехнологии в АПК, инновации для медицины и фармацевтики, биотехнологии для экологической чистоты окружающей среды. Перечень критических технологий соответствует перечню критических технологий РФ
Пермский край	18-е место в РИР (2 группа «средне-сильные инноваторы»), 13-е место в РРИИ (2 группа)	Приоритеты: поддержка инновационных и наукоемких разработок и технологий; создание конкурентоспособной экономики знаний и высоких технологий; переход к новой технологической базе развития, основанной на инновациях; расширение глобальных конкурентных преимуществ в традиционных отраслях экономики; модернизация традиционных секторов экономики, обеспечение структурной диверсификации; поддержка и стимулирование инновационной деятельности
Республика Башкортостан	12-е место в РИР (2 группа «средне-сильные инноваторы»), 5-е место в РРИИ (1 группа)	Приоритеты: развитие эффективных производств с высокой долей добавленной стоимости и значительным экспортным потенциалом, импортозамещение передовых технологий и оборудования; отраслевая диверсификация и углубленная переработка сырья. Критические технологии: авиационные и транспортные системы, живые системы, наносистемы и материалы, ИКТ, рациональное природопользование, энергосбережение
Республика Удмуртия	29-е место в РИР (2 группа «средне-сильные инноваторы»), 62-е место в РРИИ (3 группа)	Приоритеты: определение направлений инновационного развития на период до 2025 г. Перечень критических технологий соответствует перечню критических технологий РФ

в таблице 1. В рамках исследования проанализированы стратегии социально-экономического развития субъектов РФ (либо их проекты) до 2030–2035 гг., законы субъектов РФ, концепции и программы развития в сфере инновационной деятельности, размещенные в свободном доступе на официальных сайтах органов государственной власти субъектов РФ.

По итогам анализа стратегических и программных документов можно отметить следующее.

Таблица 2

Матрица технологий, развитие которых считается приоритетным согласно нормативным правовым актам субъектов РФ Уральского макрорегиона

Регион	Технологии V технологического уклада	Технологии VI технологического уклада
Свердловская обл.	+	+
Челябинская обл.	+	
Курганская обл.		
Оренбургская обл.	+	+
Пермский край		
Рес. Башкортостан	+	+
Рес. Удмуртия	+	+

Стратегиям развития большинства субъектов РФ присущ общий характер поддержки инновационной деятельности, без выделения конкретных отраслей или технологий. Кроме того, следует отметить отсутствие региональных централизованных ресурсов в сети интернет, содержащих комплексную информацию о поддержке и приоритетах инновационного развития (в отличие от подобных ресурсов, посвященных инвестиционной политике, что, в свою очередь, еще раз подтверждает отсутствие целенаправленности технологического, промышленного развития территории).

Курганская область в своих стратегических документах ориентирована преимущественно на развитие базовых отраслей, что и обуславливает ее низкий инновационный рейтинг. Несмотря на принятие отдельных документов в сфере инновационной деятельности в Оренбургской области и Республике Удмуртия, данное направление не проходит красной линией в их стратегиях развития. Напротив, субъекты РФ, занимающие более высокие позиции в инновационных рейтингах, к приоритетам социально-экономического развития относят развитие инновационной экономики, модернизацию базовых отраслей на основе передовых технологий, внедрение во все сферы общественной жизни инноваций, в том числе ресурсосберегающего и экологического характера. Таким образом, наблюдается положительная корреляция уровня инновационного развития и формализации, нормативного закрепления инновационной политики в регионе.

Вместе с тем сам характер технологического развития в региональных документах можно описать как слабо детерменированный. В Свердловской и Оренбургской областях в стратегических документах указаны конкретные технологии новых технологических укладов, относящиеся к приоритетным для развития в данных регионах. В Челябинской и Свердловской областях указывается на развитие цифровой экономики как элемента комплексной стратегии социально-экономического развития. Отдельным специальным актом утвержден региональный перечень критических технологий в Республике Башкортостан и Республике Удмуртия, Оренбургской области. При этом следует отметить, что в последних двух регионах он дублирует федеральный перечень без учета региональной специфики и не находит своего отражения в базовой стратегии развития, что дополнительно характеризует региональную инновационную политику как фрагментарную. Матрица детерминации технологического развития субъектов РФ по технологическим укладам представлена в таблице 2.

По результатам проведенного исследования автором сделаны следующие выводы. Закрепление инновационной ориентации в стратегии развития субъекта РФ способствует повышению уровня его инновационной активности, имеет положительную корреляционную связь с данным параметром. Вместе с тем, региональные власти слабо детерминируют коридор технологического развития в рамках IV промышленной революции, что создает угрозу успешности выхода страны в лидеры инновационной экономики. Учитывая одновременно высокую степень неопределенности и значимости технологического развития регионов России и других государств в условиях IV промышленной революции, изучение особенностей такого развития, его факторов и механизмов управления им остается актуальной задачей.

Список источников

1. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Абдрахманова Г. И., Бахтин П. Д., Гохберг Л. М. и др. — М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 260 с.

2. *Бодрунов С. Д.* Российская промышленность на фоне мировой // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2018. — Т. 211. — № 3. — С. 29–35.

3. *Глазьев С.* Битва за лидерство в XXI веке. Россия — США — Китай. Семь вариантов обозримого будущего. — М. : Книжный мир, 2017. — 352 с.

4. *Карпенко О. А.*, *Степанников В. А.* Кластерный подход развития инновационной активности в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Вестник евразийской науки. — 2018. — Т. 10. — № 4. — С. 16.

5. *Лысенко А. Н.* Пути активизации инновационной деятельности региона // Современный стиль управления. Сб. науч. ст. — 2016. — С. 276–280.

6. *Новикова Н. В.* Новая индустриализация в экономическом пространстве макрорегиона. Теория и методология исследования : автореф. дисс. … д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 2018.

7. Рейтинг инновационных регионов России. Доклад, 2018. — М.: Ассоциация инновационных регионов России. — 52 с.

8. *Силин Я. П.*, *Анимица Е. Г.*, *Новикова Н. В.* Тенденции развития экономического пространства уральского макрорегиона // Управленец. — 2017. — № 2 (66). — С. 2–11.

9. *Тополева Т. Н.* Формирование инновационной модели развития предприятий промышленного комплекса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. — 2018. — № 4. — С. 220–232. — (Социально-экономические науки).

Реутова Е. А.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РАСТЕНИЕВОДСТВА В РФ [1]

В статье проведен корреляционный и регрессионный анализ факторов, оказывающих влияние на объемы производства продукции растениеводства в России. В результате исследования установлено, что главным фактором развития данной отрасли сельского хозяйства является объем инвестиций. Сформированная модель является достоверной и позволяет прогнозировать динамику производства продукции растениеводства на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: сельское хозяйство, растениеводство, эконометрическое моделирование

В современных условиях на территории России отрасль сельского хозяйства развивается в двух базовых направлениях:

— животноводство;

— растениеводство, которое на протяжение уже нескольких веков превалирует над первым и является ведущей отраслью.

На объемы производства продукции как растениеводства, так и других отраслей в Российской Федерации влияют различные факторы. Умение выявить и проанализировать наиболее существенные из них является главной задачей при поиске основных направлений и тенденций развития отрасли.

Для данного анализа были подобраны следующие факторы:

— объем инвестиций в отрасль;

— объем импорта растениеводческой продукции;

— индекс цен производителей;

— объем производства основных видов сельскохозяйственной техники;

— объем реализации основных продуктов растениеводства;

— индекс потребительских цен на продовольственные товары;

— индекс производства продукции.

Множественный регрессионный анализ по методу наименьших квадратов помог выявить наиболее значимые факторы (из отобранных ранее) в отрасли растениеводства. Статистические данные для анализа были взяты из Росстата с 2005 г. по 2017 г. (табл. 1).

На первом этапе исследования был определен оптимальный тип функциональной зависимости объема сбора продукции растениеводства от факторов, которые влияют на производство продукции. Исходные данные имеют линейную зависимость, а значит, позволяют построить линейную модель. На втором этапе проведен корреляционный анализ, результаты которого представлены в таблице 2.

В результате анализа была выявлена тесная связь между объемом сбора продукции растениеводства (У) и некоторыми влияющими на него факторами. Также это позволило определить наличие мультиколлинеарности в модели, что, в свою очередь, затрудняет процесс эконометрического исследования: не позволяет найти статистически достоверные параметры регрессии. Поэтому третьим этапом исследования было исключение из модели мультиколлинеарности. Полученная после исключения мультиколлинеарности модель позволила выявить влияние только одного фактора на общий объем сбора продукции растениеводства, объема инвестиций:

$$У = 142{,}5542 + 0{,}0010992 \times x_1,$$

где У — общий объем сбора продукции растениеводства; x_1 — объем инвестиций в отрасль.

Полные результаты проведенного анализа представлены в таблице 3.

Между объемом сбора продукции растениеводства и отобранными факторами наблюдается тесная, функциональная зависимость (R = 0,7627), что говорит о достоверности сформированной модели. Наблюдений для построения модели достаточно, выборка репрезентативна поскольку вероятность выполнения нулевой гипотезы незначимости коэффициента детерминации незначительна ($F < 0{,}05$). Р-значения по всем факторам имеют значения менее порогового (5 %), что означает значимость рассчитанных параметров регрессии. Существующий в модели выброс не оказывает серьезного влияния на ее качество из-за высокого значения коэффициента корреляции. Проверка сформированной модели на наличие автокорреляции остатков по критерию Дарбина — Уотсона (DW), значение которого находится в диапазоне от 1,5 до 2,5, дала отрицательный результат. Это позволило сделать вывод об отсутствии статистической зависимости между различными наблюдениями изучаемых показателей.

[1] ©Реутова Е. А. Текст. 2019.

Статья подготовлена под научным руководством к. э. н, доцента кафедры шахматного искусства и компьютерной математики Наумова И. В.

Таблица 1

Динамика факторов производства продукции растениеводства в России

Год	Общий объем сбора продукции растениеводства (млн т)	Объем инвестиций в отрасль (млн руб.)	Импорт продукции растениеводства (млн т)	Индексы цен производителей (в % к предыдущему году)	Объем производства основных видов сельскохозяйственной техники (млн штук)	Объем реализации основных продуктов растениеводства (млн т)	Индексы потребительских цен на продовольственные товары (в % к предыдущему году)	Индекс производства продукции (в % к предыдущему году)
	У	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7
2005	204,153	33687,3	2,7108	93,9	0,1545	60,800	109,57	103,7
2006	206,438	53201,4	4,0814	104,6	0,1839	63,200	108,67	102
2007	206,448	78154,7	2,8143	127,9	0,2022	69,600	115,56	102
2008	238,053	93670,7	6,4190	135,8	0,2640	97,815	116,45	118
2009	225,553	57336,5	5,9293	86,7	0,2107	101,646	106,08	98,6
2010	159,535	58550,9	6,9011	138,3	0,1447	82,753	112,89	74,6
2011	259,843	84350,4	8,3241	85,25	0,1799	113,172	103,87	146,9
2012	216,646	87853,1	7,2021	122,7	0,1732	115,430	107,48	129,7
2013	240,639	94901,9	6,3265	96,58	0,1443	114,636	107,32	144,2
2014	245,037	103286,9	5,7224	107,6	0,1208	125,579	115,43	151,3
2015	257,500	114345,2	5,1838	124,68	0,1287	131,473	114,00	102,9
2016	282,900	110123,3	4,5578	97,1	0,2662	150,640	104,57	107,8
2017	296,400	109478,4	5,0124	89,1	0,2591	164,050	101,07	102,1

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа

	У	$x_{\$1}$	$x_{\$1}$	$x_{\$1}$	$x_{\$1}$	$x_{\$1}$	$x_{\$1}$	$x_{\$1}$
У	1							
$x_{\$1}$	0,762747	1						
$x_{\$1}$	0,082068	0,269155	1					
$x_{\$1}$	–0,50701	0,073421	0,040072	1				
$x_{\$1}$	0,447008	0,205452	–0,10822	–0,13783	1			
$x_{\$1}$	0,848509	0,855688	0,332434	–0,28195	0,290291	1		
$x_{\$1}$	–0,48459	–0,04467	–0,18261	0,786519	–0,35762	–0,44815	1	
$x_{\$1}$	0,396777	0,396976	0,418819	–0,30496	–0,22605	0,285131	–0,07159	1

Таблица 3

Результаты исследования эконометрической модели сбора продукции растениеводства

Регрессионная статистика						
Множественный *R*	0,7627					
R-квадрат	0,5817					
Нормированный *R*-квадрат	0,5437					
Стандартная ошибка	24,6747					
Наблюдения	13					
Дисперсионный анализ						
	df	*SS*	*MS*	*F*	Значимость *F*	
Регрессия	1	9316,630	9316,630	15,302	0,002	
Остаток	11	6697,276	608,843			
Итого	12	16013,906				
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	*t*-статистика	*P*-Значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %
Y-пересечение	142,5542	24,3041	5,8654	0,0 %	89,0611	196,0474
x_1	0,001099	0,00028	3,9118	0,2 %	0,00048	0,001717

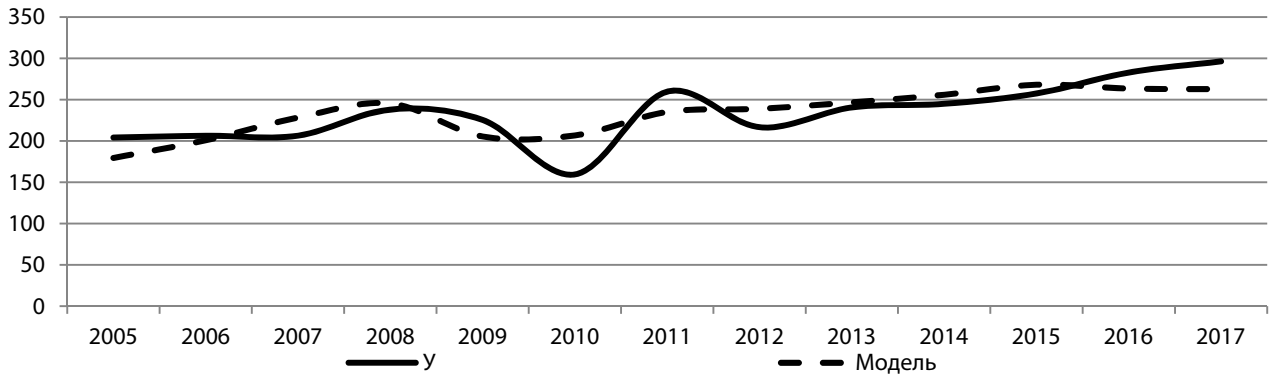


Рис. *Реальная и смоделированная динамика объема сбора продукции растениеводства в России за период 2005–2017 г., (млн т)*

Распределение остатков имеет случайный характер, отсутствует функциональная зависимость. Достоверность модели подтверждается и графически (рис.).

Полученная модель является достоверной и может быть применена в качестве опоры при построении прогнозов, так как кривая смоделированного объема сбора продукции растениеводства в Российской Федерации очень точно имитирует его реальную динамику на протяжении всего рассматриваемого периода за исключением двух периодов.

Данный анализ позволил выявить наиболее значимый фактор в развитии растениеводства по всей территории Российской Федерации, а именно показатель объема производства агропромышленной техники, который требует большего внимания. Увеличение этого и ряда других показателей позволит повысить уровень развития растениеводства в стране, при котором бы качественными продуктами питания было бы обеспечено все население, проживающее на территории России. Также необходимо учесть отсталость по объемам производства тех отраслей, которые не являются основными для нашей страны, но при этом находятся в дефиците и импортируются из зарубежья.

Список источников

1. *Наумов И. В.* Проблемы прогнозирования валового выпуска в региональной территориальной системе // Журнал экономической теории. — 2017. — № 4. — С. 68–83

2. *Наумов И. В.* Методический инструментарий оценки реализации финансовой стратегии территориальной системы // Известия УГГУ. — 2017. — № 3 (47). — С. 80–84.

Страдымова А. Е.

Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВАЛОВОГО ВНУТРЕННЕГО ПРОДУКТА ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ [1]

Целью исследования является проведение анализа состояния и динамики валового внутреннего продукта ведущих экономических держав, таких как Германия, Китай и США. Данная цель предопределила постановку следующих задач: уточнить понятие «валовой внутренний продукт», изучить состояние и динамику развития валового внутреннего продукта в ряде стран.

Ключевые слова: макроэкономический показатель, валовой внутренний продукт Германии, Китая, США

Ключевой макроэкономической характеристикой каждого государства выступает валовой внутренний продукт (ВВП), который измеряет стоимость конечной продукции, произведенной резидентами данной страны за определенный период времени [1].

Валовой внутренний продукт измеряется тремя способами:

а) по расходам (по конечному использованию);

б) по доходам (по распределительному способу);

в) по добавленной стоимости [2].

При расчете ВВП по расходам суммируются расходы всех экономических субъектов (домашних хозяйств, фирм, государства, иностранного сектора):

$$\text{ВВП} = C + I + G + NE,$$

где C — потребление (расходы); I — валовые частные внутренние инвестиции; G — государственные закупки товаров и услуг; NE — чистый экспорт.

Расчет валового внутреннего продукта по доходам осуществляется суммированием всех видов факторных доходов (заработная плата, премии, прибыль, рентные доходы, проценты) плюс два компонента, не являющихся доходами: амортизация и чистые косвенные налоги на бизнес, т. е. налоги минус субсидии. При расчете не включается выплата процентов по государственному долгу.

При расчете валового внутреннего продукта по добавленной стоимости суммируется стоимость, добавленная на каждой стадии производства конечного продукта. Этот метод дает возможность определить вклад различных фирм и отраслей в производство ВВП. Сумма добавленной стоимости равна стоимости конечных товаров и услуг.

Проведем анализ валового внутреннего продукта ведущих экономических держав, таких как Германия, Китай, США. Экономика Германии признается крупнейшей в Европе. По итогам 2017 года валовой внутренний продукт Германии составляет 3 700,61 млрд долл., что на 6 % больше, чем в предшествующем. Динамика валового внутреннего продукта Германии представлена на рисунке 1.

Мотор внешней торговли Германии — промышленность, составляющая большую долю ВВП. Также развито сельское хозяйство, энергетика: страна уверенно лидирует в производстве ветряных и солнечных генераторов, информационных и биотехнологиях. Германия обладает лидирующей в Европейском союзе экономикой и является основным кредитором для большинства государств Европы, большая часть продукции страны связана с техникой: это автомобили и оборудование. Также широко развернута химическая промышленность. Крупнейшие германские предприятия, работающие в этих отраслях, имеют свои филиалы, научно-исследовательские центры и производственные мощности по всему миру.

Китайская экономика самая быстро развивающаяся в мире. Роль Китая на мировую экономику в последние десятилетия является очень значительной. Сначала эта страна по ВВП обошла Францию, Великобританию, Германию и Японию. Сейчас прилагаются все усилия для того, чтобы опередить США. По итогам 2017 г. валовой внутренний продукт Китая составляет 12014,61 млрд долл. Динамика валового внутреннего продукта Китая представлена на рисунке 2.

Сегодня Китаю в мировой экономике отводится, чуть ли не ведущая роль. Во многих отраслях промышленности эта страна является доминирующим мировым игроком. Заводы производят:

— 70 % мировых игрушек;

— 60 % велосипедов;

— 50 % обуви;

— 30 % чемоданов.

Экономика США удерживает лидерство. По итогам 2017 г. валовой внутренний продукт США составляет 19 485,40 млрд долл. Динамика валового внутреннего продукта США представлена на рисунке 3.

[1] © Страдымова А. Е. Текст. 2019.

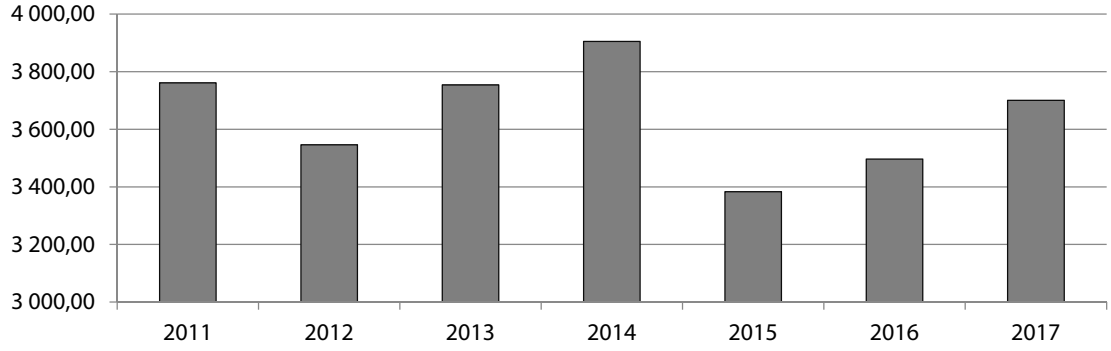


Рис. 1. *Валовой внутренний продукт Германии, млрд долл. (источник: расчеты автора на основании [3])*

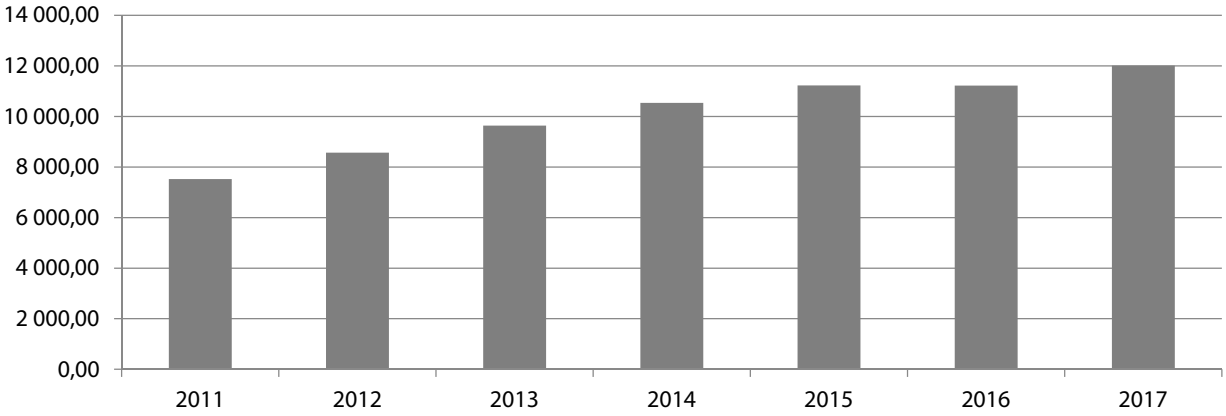


Рис. 2. *Валовой внутренний продукт Китая, млрд долл. (источник: расчеты автора на основании [3])*

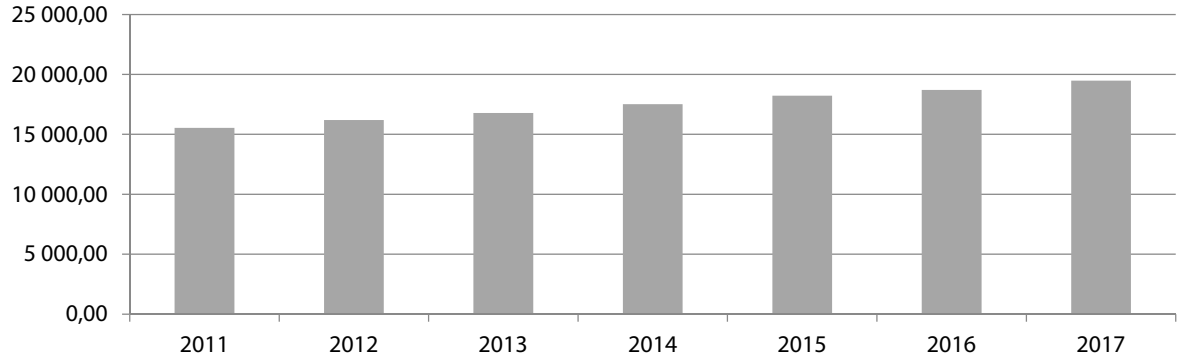


Рис. 3. *Валовой внутренний продукт США, млрд долл. (источник: расчеты автора на основании [3])*

Таблица

Динамика ВВП Германии, Китая и США за 2012–2017 гг., млрд долл.

Страна	Показатели динамики по годам										
	2012	2013		2014		2015		2016		2017	
	сумма	сумма	темп изм.,%	сумма	темп изм.,%	сумма	темп изм.,%	сумма	темп изм.,%	сумма	темп изм.,%
Германия	3546	3754	106	3905	104	3383	86,6	3497	103	3701	106
Китай	8570	9635	112	10535	109	11226	107	11221	99,9	12015	107
США	16197	16785	104	17522	104	18219	104	18707	103	19485	104

Источник: расчеты автора на основании [3].

Экономику США составляют крупнейшие в мире банковская система и фондовая биржа, транснациональные корпорации, лидерство в инновационной и высокотехнологичной индустрии. Около 60 % валютных резервов планеты переведены в доллары США и только 24 % — в евро. В стране развернут один из самых влиятельных финансовых рынков мира.

Анализ динамики внутреннего валового продукта Германии, Китая и США за 2012–2017 год представлен в таблице.

Как показывают данные, представленные в таблице, внутренний валовый продукт Германии на протяжении 2013–2017 гг. демонстрирует положительную динамику, кроме 2015 г. Так в 2013 г. темпы роста ВВП составили 106 %, в 2014 г. — 104 %, 2016 г. –103 %, в 2017 г. — 106 %. ВВП вырос на 7 % по

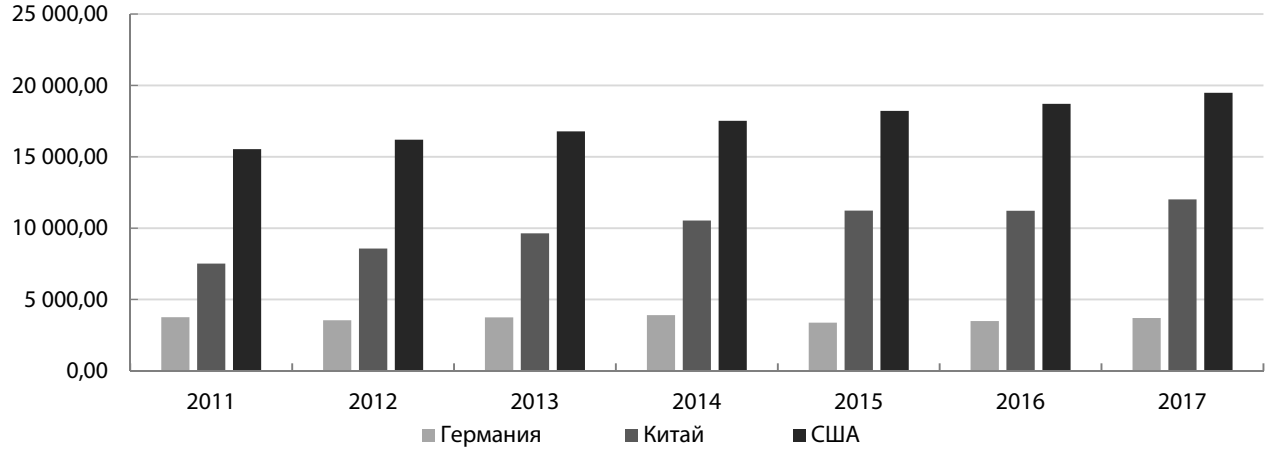


Рис. 4. *Сравнительная динамика ВВП Германии, Китая, США (источник: расчеты автора на основании [3])*

сравнению с предшествующим. В 2015 г. наблюдается снижение объемов ВВП на 13,4 %, что связано с экономическим кризисом в Европе.

Темпы роста ВВП Китая с уверенностью можно признать самыми высокими. Так, в 2013 г. наблюдается увеличение на 12 %, в 2014 г. — на 9 %, в 2015 и 2017 гг. — на 7 %. Только в 2016 г. темпы изменения ВВП составляют 99,9 % по сравнению с 2015 г.

ВВП США стабильно увеличивается каждый год. В 2013, 2014, 2015, 2017 гг. темпы роста ВВП США составили 104 %, в 2016 г. — 103 %.

Сравнительная динамика объемов валового внутреннего продукта по выбранным странам представлена на рисунке 4.

Сравнивая общий объем валовой внутреннего продукта по выбранным странам (рис. 4), можно с уверенностью отметить, что лидировать будет США (19 485,40 млрд долл. в 2017 г.), на втором месте Китай (12014,61 млрд долл.), на третьем — Германия (3 700,61 млрд долл.) Таким образом, объем ВВП США за 2017 г. превышает аналогичный показатель Китая в 1,6 раза, а объем ВВП Китая в 3,2 раза больше, чем в Германии.

Список источников

1. *Вечканов Г. С.*, *Вечканова Г. Р.* Макроэкономика. — М. : Питер, 2008. — 240 с.

2. *Симкина Л. Г.* Экономическая теория. — СПб.: Питер, 2008. — 381 с. — ISBN 5–911807–87–0.

3. Мировой Атлас Данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги. [Электронный ресурс]. URL: https://knoema.ru/atlas (дата обращения 20.11.2018).

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Барыбина А. З.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ [1]

Цифровая экономика — новое популярное направление развития экономики, и все регионы нашей страны не остаются в стороне от изменений. Правительство активно занимается разработкой программ по продвижению цифровизации страны на различных уровнях жизнедеятельности общества. Цифровизация экономических процессов становится всеобъемлющей тенденцией, охватывающей не только непосредственно информационно-коммуникационную отрасль, но и все сферы хозяйственной деятельности. Интернет-торговля, цифровое сельское хозяйство, «умные» электросетевые системы, беспилотный транспорт, персонализированное здравоохранение — какое бы направление мы ни рассматривали, всюду ощущается влияние набирающей обороты цифровой революции.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, конкурентоспособность, предпринимательские структуры, инновации, передовые технологии

Цифровизация экономических процессов становится всеобъемлющей тенденцией, охватывающей не только непосредственно информационно-коммуникационную отрасль, но и все сферы хозяйственной деятельности. Интернет-торговля, цифровое сельское хозяйство, «умные» электросетевые системы, беспилотный транспорт, персонализированное здравоохранение — какое бы направление мы ни рассматривали, всюду ощущается влияние набирающей обороты цифровой революции.

Умные города, цифровизация ЖКХ и транспорта являются перспективными сферами для развития цифровой экономики в российских регионах. Однако эксперты федеральных структур, занимающихся цифровизацией, отмечают, что пока регионы выступают лишь «донорами» идей и кадров для центра, а нишу цифрового развития занимают федеральные игроки, которые пока не готовы вкладывать средства в развитие региональных проектов.

Цифровизация экономики в первую очередь ориентирована на повышение ее эффективности и конкурентоспособности. Подсчитано, что благодаря цифровизации сокращаются расходы на обслуживание производства продукции (на 10–40 %), время простоя оборудования (на 30–50 %), сроки вывода на рынок (на 20–50 %) и затраты на обеспечение качества продукции (на 10–20 %), затраты на хранение запасов (на 20–50 %) и т. п. [2].

В 2016–2017 гг. показатели развития цифровой экономики в России демонстрировали сдержанную динамику. Так, ее доля в ВВП в 2016 г. вернулась к росту (после снижения в 2015 г.) и составила 2,1 %. Вклад цифровой экономики в ВВП с 1,7 трлн руб. в 2016 г. вырос до 1,8 трлн руб. в 2017 г. [2]

Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию РФ в 2016 г. была поставлена задача совершить рывок в развитии цифровизации в целях повышения эффективности экономики на базе информационных технологий. Уже на следующий год Правительству РФ было дано указание подготовить программу «Цифровая экономика Российской Федерации», которая была разработана за полгода и утверждена 28 июля 2017 г.

Принятие Программы свидетельствует о понимании высшим руководством страны неотложности и безотлагательности цифровой трансформации российской экономики и о его стремлении выработать структурированный официальный план действий по решению этой задачи [1, с. 30].

О месте России в общемировых процессах цифровизации дает представление Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности (World Digital Competitiveness Ranking), составляемый ежегодно швейцарским Международным институтом управления и развития в Лозанне (International Institute for Management Development, IMD) (см. табл. 1). Рейтинг цифровой конкурентоспособности 2018 г. рассчитывался для 63 стран мира на основе анализа 50 показателей, учитывающих уровень готовности стран к цифровой трансформации, состояние регуляторной среды, инвестиции в НИОКР и образование, потенциал цифровых технологий, капитализацию ИТ- отрасли и др. Россия расположилась на 40-й строчке рейтинга между Таиландом и Италией, поднявшись за год на 2 пункта. Возглавляют рейтинг

---

[1] © Барыбина А. З. Текст. 2019.

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2019 год.

[2] Четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике // Финансовые новости. 17.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: finamz.ru/2017/10/17/chetyre-prioriteta-dlya-proryva-v-cifrovoj-ekonomike.

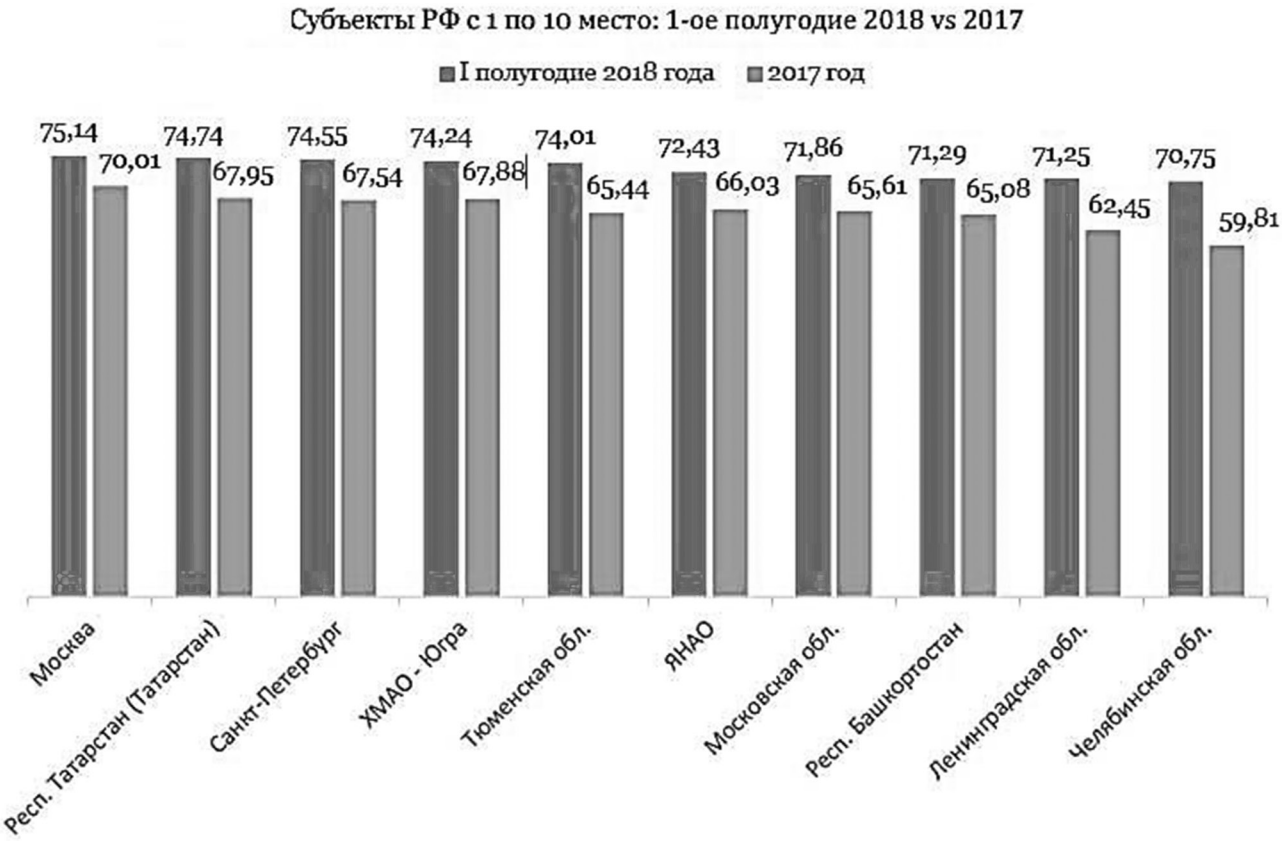


Рис. 1. *Регионы-лидеры по показателю индекса «Цифровая Россия», баллы*

США, Сингапур, Швеция, Дания и Швейцария. Казахстан обошел Россию на две позиции, заняв 38-ю строчку.

Необходимость оценки уровня цифровизации страны послужила мотивом для разработки индекса «Цифровая Россия». Основываясь на существующих подходах к оценке уровня цифровизации и специфике российской экономики, Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО создал авторскую методологию, учитывающую количественные показатели и экспертную оценку, основанную на анализе метаданных, отражающих процессы цифровизации регионов.

Индекс, по словам авторов исследования, отражает состояние процессов цифровизации в субъектах РФ, а именно уровень использования в регионе потенциала цифровых технологий во всех аспектах народнохозяйственной деятельности, бизнес-процессах, продуктах, сервисах и подходах к принятию решений с целью модернизации социально-экономической инфраструктуры субъектов РФ, с точки зрения официальных открытых источников (сайты муниципалитетов, официальные документы и пр.), а также наиболее популярных СМИ.

По 100-балльной шкале разброс показателей индекса «Цифровая Россия» ро субъектам РФ в первом полугодии 2018 г. сузился и находится в интервале от 37,2 до 75,14 балла (в 2017 г. этот интервал составлял 26,06–70,01). Данный результат говорит о снижении разрыва между лидирующими и замыкающими рейтинг субъектами РФ [3].

В десятку регионов-лидеров вошли Москва, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский АО — Югра, Тюменская область, Ямало-Ненецкий АО, Московская область, Республика Башкортостан, Ленинградская область, Челябинская область.

Рейтинг замыкают г. Севастополь, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Северная Осетия — Алания, Чукотский автономный округ, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Республика Ингушетия, Еврейская автономная область.

Лидерство Москвы обеспечивается за счет непрерывного совершенствовании региональной программы «Информационный город», начиная с 2012 года. Москва активно работает с федеральным центром, ее представители входят в экспертные группы, созданные при АНО «Цифровая экономика». Ряд технологических направлений, которые предусмотрены в Федеральной программе «Цифровая экономика России», в Москве уже тестируются на практике.

[3] См.: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/11/7_leaders_regiony.jpg.

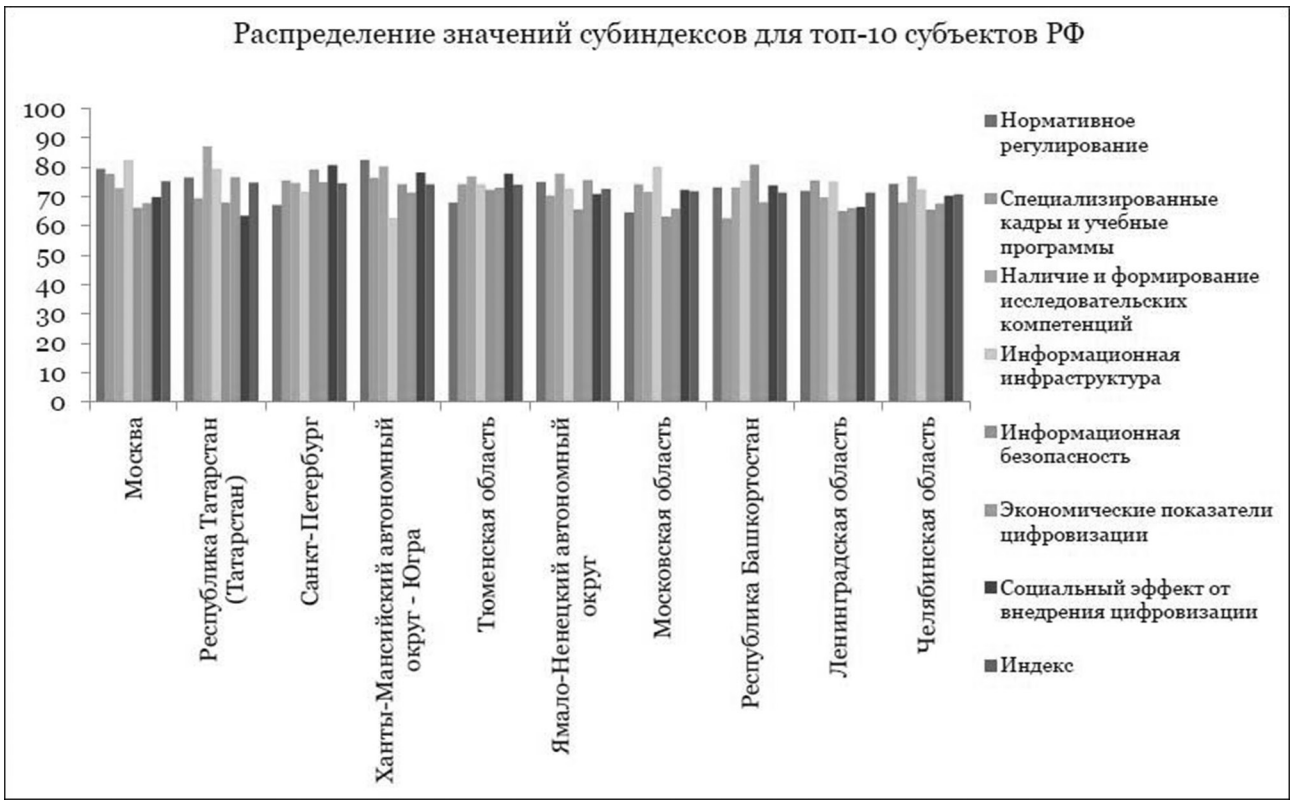


Рис. 2. *Состав индекса «Цифровая Россия» для регионов-лидеров, баллы*

Таблица 1

Значение индекса цифровизации по федеральным округам

№	Федеральный округ	2018 (1 полугодие)	2017	Изменение, %
1	Уральский	65,81	57,17	15,11
2	Центральный	59,82	50,05	19,52
3	Приволжский	59,55	46,93	26,89
4	Северо-Западный	58,95	50,9	15,82
5	Сибирский	53,48	41,91	27,61
6	Дальневосточный	52,28	44,2	18,28
7	Южный	51,35	43,06	19,25
8	Северо-Кавказский	43,44	33,37	30,18

Среднее медианное значение индекса в первом полугодии 2018 г. составило 56,22 балла (в 2017 — 45,57 балла)[4].

Особенно выделяются ЧЕМ? Республика Дагестан, Костромская область, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Рязанская, Тверская, Брянская и Орловская области. Темпы их роста за первое полугодие 2018 года составили 61,1 %, при том, что средний темп роста по стране равен 26,4 %.

Среди федеральных округов лидером по итогам первого полугодия 2018 года, с отрывом от второго места почти в 6 баллов, стал Уральский федеральный округ (УрФО).

Четыре из шести субъектов РФ, входящих в состав Уральского федерального округа, набрали более 70 баллов и входят в десятку лучших в общем индексе, что и обеспечивает УрФО первое место (Челябинская (70,75) и Тюменская (74,01) области, ХМАО — Югра (74,24) и ЯНАО (72,43)). Второе и третье места заняли Центральный и Приволжский федеральные округа[5].

На уровне государства особый интерес обозначен в сфере цифровизации государственных услуг. Лидерами в этом направлении являются портал «Госуслуги» и региональные сайты госуслуг субъектов РФ. 30 января 2019 года Минкомсвязи РФ опубликовало итоги работы портала «Госуслуги» за 2018 год. За 2018 год число пользователей портала госуслуг увеличилось на 21 млн, достигнув 86 млн. Количество посещений портала возросло более чем на 30 %, до 582 млн. В среднем ежедневно на www.gosuslugi.ru заходили 1,6 млн пользователей.[6]

Частный бизнес проявляет внимание к развитию инновационных технологий, в частности для «умных городов». Особый интерес к этой теме у городов Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург,

[4] См.: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/11/7_leaders_regiony.jpg.

[5] См.: Там же.

[6] См.: http://www.tadviser.ru/index.php/ Статья:Единый_портал_государственных_услуг_-_www.gosuslugi.ru_(ЕПГУ).

Красноярск, Новосибирск, Уфа, Сочи, Пермь и Ростов-на-Дону. Социально-экономический эффект от применения и развития цифровых технологий при создании «Умного города» заключается, по данным открытых источников, в основном, в увеличении спектра электронных государственных услуг и в снижении уровня цифрового неравенства. Жители активно вовлекаются в управление развитием городов через порталы по взаимодействию населения с властью (например, «Активный гражданин», «Добродел», «Решаем вместе» и др.).

Внедрение цифровизации для «умных городов» планируется реализовать с помощью крупных компаний из информационных и телекоммуникационных отраслей экономики в регионах.

Существенно увеличилось число нормативных правовых актов, посвященных цифровизации, которые носят практический характер с запланированными финансовыми и технологическими результатами. Прежде всего, речь идет о создании и работе профильных центров компетенций, территорий опережающего развития (ТОСЭР), технопарков, в том числе детских.

Основными факторами, влияющими на неравномерное развитие цифровизации в регионах, являются:

1. Недостаток квалифицированных кадров и необходимость корректировок в образовательных программах.

2. Недостаток финансирования. Особенно сложно выделять средства на цифровизацию тем субъектам РФ, которым не хватает средств на решение текущих экономических задач.

3. Наличие цифрового неравенства. Без доступа к Интернету невозможно пользоваться ни госуслугами, ни услугами «умных городов». Только треть базовых станций сотовой связи поддерживают современный стандарт мобильного Интернета — 4G и LTE. Внедрение стандарта 5G отложено до 2022 года.

4. Постепенное формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития цифровых технологий. Этот процесс еще не закончился в большинстве регионов.

В Новгородской области первыми цифровизацию ЖКХ тестируют государственные учреждения. В них устанавливается умная система контроля приборов учета коммунальных услуг. В 2017 году пилотный проект был успешно опробован на 200 учреждениях образования. Данная система уже позволила снизить затраты на оплату услуг ЖКХ на 15 %, а в перспективе позволит бюджету экономить около 30–50 млн руб. в год.

Тюменский индустриальный университет (ТИУ) в рамках проекта Smart City («Умный город») занимается разработкой проекта городской системы информирования пассажиров о расписании движения автобусов, адаптивных светофоров, которые подстраивают свою работу под текущую дорожную обстановку, технологией создания систем интеллектуального освещения.

В Алтайском крае цифровизацию используют в сельском хозяйстве для мониторинга состояния пахотных земель со спутников. «Это дало возможность полнее выполнять контроль за оборотом земель сельскохозяйственного назначения. Система содержит сведения о более чем 135 тыс. участков, из них 75 % актуализированы по пользователю и планируемой культуре», — пояснил директор АИРР Иван Федотов[7].

Спутники отслеживают и ход полевых работ на полях. По предварительным оценкам, внедрение таких технологий позволит снизить себестоимость производственных процессов на 17 %.

В Новгородской области с помощью новых технологий подсчитывают количество туристов в регионе, получая информацию от мобильных телефонов, которые привозят с собой туристы. Используется технология больших данных как один из инструментов помощи в развитии туризма. Эти большие данные порождаются каждым из нас: имея всегда с собой мобильный телефон, мы оставляем цифровой след. Система лишь обрабатывает весь этот набор информации по заданным параметрам. Значительным условием при этом является обезличенность персональных данных.

Список источников

1. *Якутин Ю. В.* Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика РФ») // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2017. — № 4. — С. 27–52.

2. *Кульков В. М.* Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. — 2017. — № 5. — С. 145–156.

[7] См.: https://tass.ru/ekonomika/5470625.

Горочная В. В., к. э. н.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦИКЛИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И МЕТАБОЛИЗМ ПРИМОРСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (на примере Ростовской агломерации) [1]

В статье выявлены текущие тенденции, проблемы и положительный опыт адаптации Ростовской области как приморского региона, зависимого от внешнеэкономической ситуации, к условиям геоэкономической турбулентности с позиций инновационного развития. Произведен анализ динамики инновационного развития региона с выделением роли Ростовской агломерации как крупного центра науки, образования и производства. Наряду с количественной оценкой осуществлен качественный обзор основных трендов кластерной самоорганизации в сфере инновационного производства. С учетом специфики возникновения и развертывания турбулентных явлений в экономике выявлены особенности циклической динамики инновационных кластеров.

Ключевые слова: региональная экономика, приморские агломерации, инновационные кластеры, геоэкономическая турбулентность.

Располагая широкими возможностями использования морского и интермодального транспорта и выступая в качестве контактно-барьерной зоны для национальной экономики, приморские регионы в большинстве случаев демонстрируют опережающие темы социально-экономического развития [1]. Драйверами их активной динамики, центрами аккумуляции научно-технологического и тацитного (неявного) знания и опыта, инновационного развития и повышения конкурентосопобности являются крупные приморские города и образуемые ими агломерации. Они же выступают в качестве «маркеров», позволяющих диагностировать состояние инновационной экономики, и в первую очередь — того ее сектора, который формируется в результате самоорганизационных (в том числе кластерных) явлений в региональном хозяйстве, непосредственно интегрирован в рыночные процессы — как региональные и национальные, так и трансграничные и глобальные.

Интерес к инновационному развитию приморских городов со стороны академического научного сообщества в настоящее время активно проявляется в мире и в России. Наряду с исследованиями, выявляющими специфически приморские факторы инновационной динамики приморских территорий [2], ряд авторов сосредотачивает внимание на проблемах управления инновационным развитием городов и агломераций как с точки зрения теоретической концептуализации и моделирования [3], так и с позиций анализа полезного опыта агломераций — ведущих мировых центров инновационного производства [4], а также сферы регулирования инновационного развития городов, относящихся к пространственному ареалу одной акватории [5]. Неизменно возрастает внимание исследователей и к роли приморских инновационных кластеров в формировании и структурировании пространства городской, региональной и национальной экономики [6, 7].

Особое значение обретает проблема инновационного развития приморских городов в условиях геоэкономической турбулентности. Сфера инноваций, относясь к верхним звеньям цепи добавленной стоимости, является уязвимой в отношении резких и внезапных изменений внешних условий. Возникает целый комплекс проблем: потеря внешних рынков технологий и высокотехнологической продукции региональными производителями; ослабление научных и деловых контактов, необходимых для совместной разработки инновационного продукта; утрата (либо повышенные риски утраты) возможностей использования зарубежных технологий и высокотехнологической продукции по ряду важных наименований (в том числе в отраслях морехозяйственного комплекса, транспорта и логистики, имеющих стратегическое значение для развития приморских территорий). Для преодоления данных тенеднций наряду со спецификой каждого региона следует учитывать особенности турбулентности как особого геоэкономического явления.

В отдельных исследованиях на сегодняшний день отмечается принципиальное отличие экономической турбулентности: в ее основе лежит принцип диспаритета скоростей экономических процессов [8]. Если углубиться во внутренние механизмы турбулентных явлений, то за симптомами диспропорции скоростей оказывается диспропорция нелинейных и диссипативных свойств системы: институциональная и организационная инерция сохранения прежних контактов оказывается незначительной перед нелинейными механизмами отрицательного мультипликатора, а также взаимообусловленного

[1] © Горочная В. В. Текст. 2019.

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект РФФИ 18–310–20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России»).

«сворачивания» экономического партнерства и научно-технологического сотрудничества [9]. Учитывая пространственную специфику происходящих процессов, турбулентные автоколебания имеют как собственно экономическое, так и географическое измерение, выражаясь в перераспределении направлений контракции, товарно-ресурсных, финансовых, миграционных и информационных потоков [9]. Тем самым изучение текущих трендов инновационного развития приморских городов как наиболее сильных аттракторов научных и производственных процессов должно основываться как на пространственном, так и на временном подходе с позиции анализа циклических явлений, их инновационного метаболизма.

Ростовская область из всех регионов западного порубежья России являет собой пример сохранения поступательной динамики инновационного и экономического развития. Несмотря на частичную утрату рынков и возможностей внешнего партнерства, регион активно преодолевает ситуацию турбулентной динамики, наращивает производство и экспортные потоки. Так, за последние 7 лет (то есть за период, когда активно проявило себя ухудшение геоэкономической обстановки), по данным официальной государственной статистики «Росстат», происходит ежегодный рост ВРП региона в размере от 6 до 18 % (наиболее интенсивный рост отмечен за 2016 г., в результате в 2017 г. данный показатель достиг 1270892 млн руб.); аналогичными темпами (от 4 до 18 %) происходит ежегодный рост инвестиций. Всё более усиливается экспортная роль региона, ставшая одним из центральных стратегических приоритетов его развития. В 2015–2016 гг. (т. е. в период проявления негативных последствий внешнеэкономической ситуации) в регионе отмечен общий рост экспорта на 16,4 % (при одновременном росте импорта на 2,2 %), в том числе упрочение позиций приморской экономики и роли Ростова-на-Дону в качестве крупного портового центра (рост морских грузоперевозок составил 20,8 %) [10].

Контрциклическое по отношению к турбулентным автоколебаниям развитие региона происходило с усилением профильных отраслей: сельскохозяйственного и машиностроительного комплексов, и в первую очередь — за счет повышения их инновационной составляющей. Нестабильная динамика числа произведенных передовых технологий после 2014 г. сменилась стабильным ростом (в среднем на 15 % в год), количество используемых передовых технологий растет в среднем на 5 % в год, производство инновационной продукции ежегодно увеличивается на 20–60 %, при этом ее доля в общем объеме отгруженных товаров и услуг так же стабильно возрастает, достигнув 14,5 % к началу 2017 г. Наращивание инновационного потенциала региона воплотилось в повышение внешней конкурентоспособности. Наибольший рост продемонстрировали отрасли, генерирующие и внедряющие основную часть инноваций региона, в результате экспорт сельскохозяйственной продукции увеличился в 2016 г. по отношению к 2015 г. на 17,8 %, продукции машиностроения — на 147,4 %, биохимической промышленности — на 69,5 %, легкой промышленности — на 231,1 % [10]. Данные тенденции напрямую связаны с образованием инновационных кластеров в пространстве Ростова-на-Дону и агломерации.

В контексте противостояния внешним циклическим турбулентным явлениям процессы кластеризации регионального и городского пространства выступают важным маркером инновационного развития. Будучи по своей природе самоорганизующимся явлением, кластерообразование зависимо от начальных условий, является своего рода «фрактальной разверсткой» той фазы регионального цикла, которая способствовала сдвигу начальных условий — уплотнению организационного пространства, дающему сочетание локализационной концентрации, рыночной конкуренции и производственной кооперации. В этом смысле инновационные кластеры являются порождениями циклического «расширения и сжатия» экономического и научно-технологического пространства крупных городских центров; при этом они наследует генетику инициального импульса (сдвига начальных условий) как в своей территориальной структуре, так в собственном внутрикластерном воспроизводственном цикле.

Данные положения прослеживаются на примере Ростовской агломерации, ставшей центром уже для трех поколений региональных инновационных кластеров. Принципы их организации, территориальное распределение и динамика развития существенным образом различаются, в особенности для кластеров первого поколения, образованных задолго до возникновения турбулентных явлений в геоэкономическом пространстве, и третьего поколения, возникшего в 2014–2015 гг., в качестве ответа на внешние вызовы, покрывая потребность в консолидации региональных производителей для реализации импортозамещения [10].

Если первое поколение кластеров было преимущественно рассредоточено в пространстве региона, а также выходило за его пределы (таковы кластеры «Юг Руси», «Астон», «РЗ Агро», и др.) либо сосредоточено в отдельных муниципалитетах (кластер «Евродон»), то кластеры третьего поколения сформировались с большой долей централизации в агломерационом пространстве Ростова-на-Дону, что обусловлено научно-образовательной и инновационно-технической базой в качестве главного основания для кластеризации. Так, кластер «Южное созвездие» способствовал повышению связности внутри пространства Ростовской агломерации, его участники — предприятия, локализованные в Ростове-на-Дону, Таганроге, Азове, Новочеркасске. Кластер «Морские системы», изначально сформировавшийся в Таганроге, включил в себя также ростовские организации, аналогично сотрудничество с ростовским

образовательным пространством выстраивает азовский кластер станкостроения. Полностью сосредоточен в пространстве Ростова-на-Дону кластер информационно-коммуникационных технологий. Продолжилась тенденция и к рассредоточенному («Донские молочные продукты») и концентрированному в отдельных муниципалитетах («Амилко») кластерообразованию, однако в качестве интегрирующих в них были включены научные и образовательные звенья, а также институты развития и кластерной координации, локализованные в Ростове-на-Дону.

Сдвиг начальных условий, способствовавший кластеризации, относится в первую очередь к изменению рыночной ситуации (как внешней, так и внутренней), тем самым циклическая фаза возникновения предопределила централизованный и децентрализованный рыночный тип образовавшихся кластеров (в то время как кластеры первого поколения в большей мере относились к типам «взаимосвязанного» кластера и «кластера — производственной цепочки», возникая на основе прежних территориально-производственных комплексов [1]). Кластерная динамика, испытывающая активный рост за период 2015–2016 гг., является проциклической по отношению к инновационному, производственному и внешнеэкономическому развитию города и региона в целом, а также контрциклической по отношению к воздействию внешних турбулентных автоколебаний. Тем самым их нивелирование достигается сразу несколькими средствами: путем образования «встречного потока» (обретающего конкурентоспособность за счет инновационного роста), а также путем внутреннего повышения диссипативных свойств региональной экономической системы (через образование во внутренней среде региона прочных межорганизационных контактов, «замыкаемых» на Ростовскую агломерацию как крупный научно-образовательный центр).

Упомянутый стабильный рост инновационного производства происходит на фоне еще одной важной тенденции — подверженного циклическим колебаниям роста и сокращения численности инновационно активных предприятий, что свидетельствует о подверженности влиянию рыночных циклов: происходит уход с рынка менее эффективных игроков, концентрация организационной массы с уплотнением их взаимосвязей (в результате чего количественное сокращение инноваторов не отражается на общей поступательной динамике инновационного производства). На данный момент для централизованных рыночных кластеров наступает стадия интеграции на основе совместной выработки общих стандартов, следующей задачей становится брендирование и внешнее позиционирование продукции. Для децентрализованных рыночных кластеров данные стадии наступают в обратном направлении, так как именно завоевание внешнего рынка является главной интегрирующей основой. Таким образом, переход к последующим стадиям жизненного цикла свидетельствует о самоорганизационном становлении кластеров, жизнеспособных в условиях контрциклической внешней турбуленции.

Важным аспектом является информационно-технологический и кадровый метаболизм внутри самих кластеров. Третье поколение кластеров развивается преимущественно на базе местных технологий (в сферах транспортного, морского эхолокационного, медицинского оборудования, высокоточной оптики, коммуникации и др.), разработанных в научно-образовательном и технико-производственном пространстве Ростовской агломерации, интегрируясь в глобальные циклы инновационно-технологических обновлений за счет ориентации на внешний спрос. В ряде случаев (особенно при пространственно «рассредоточенной» либо не тяготеющей к Ростовской агломерации кластеризации) имеет место и обратное: кластер интегрируется на основе использования внешних технологий с дальнейшим вовлечением научно-образовательного потенциала регионального центра (таковы кластеры станкостроения и биотехнологий). В обоих случаях происходит налаживание схемы кадрового метаболизма (за счет кооперации с ЮФУ, ДГТУ, другими ростовскими вузами, в том числе филиалами московских).

Таким образом, внешняя турбулентная ситуация способствовала становлению циклической динамики инновационных кластеров, а также их концентрации в пространстве Ростовской агломерации. Данный положительный опыт может быть использован в целях регулирования инновационного развития других приморских центров западного порубежья России (в том числе с использованием горизонтальной межрегиональной интеграции при недостаточности внутрирегионального научно-технологического и производственного потенциала).

Список источников

1. *Дружинин А. Г.*, *Горочная В. В.* Производственное комплексообразование и экономический кластерогенез: институциональная специфика приморских зон // Научная мысль Кавказа. — 2016. — № 4 (88). — С. 5–15.

2. *Glavovic B. C.* Coastal innovation paradox // Sustainability (Switzerland). — 2013. — No. 5 (3). — P. 912–933.

3. *Lee N.*, Rodriguez-*Pose A.* Creativity, cities, and innovation // Environment and Planning A. — 2014. — No. 46 (5). — P. 1139–1159.

4. *Lee J. H.*, *Hancock M. G.*, *Hu M.*-C. Towards an effective framework for building smart cities: Lessons from Seoul and San Francisco // Technological Forecasting and Social Change. — 2014. — No. 89. — P. 80–99.

5. Tafel-*Viia K.*, *Terk E.*, *Lassur S.*, *Viia A.* Creative industries in the capital cities of the baltic states: Are there innovations in urban policy? // Moravian Geographical Reports. — 2015. — No. 23 (4). — P. 47–58.

6. *Monteiro P. V.* The Role of knowledge-intensive service activities on inducing innovation in co-opetition strategies: Lessons from the maritime cluster of the Algarve region // International Journal of Management and Enterprise Development. — 2016. — No. 15 (1). — P. 78–95.

7. *Дружинин А. Г.*, *Вольхин Д. А.*, *Гонтарь Н. В.*, *Горочная В. В.*, *Дец И. А.*, *Лачининский С. С.*, *Михайлов А. С.*, *Самусенко Д. Н.*, *Сухинин С. А.*, *Фёдоров Г. М.* Трансграничное кластерообразование в приморских зонах европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2017. — 421 с.

8. *Бурлачков В. К.* Турбулентность экономических процессов: теоретические аспекты // Вопросы экономики. — 2009. — № 11. — С. 90–97.

9. *Горочная В. В.* Турбулентность в геоэкономике: методический подход к моделированию воздействия на экономическую динамику порубежного региона // Экономика устойчивого развития. — 2018. — № 4. — С. 136–142.

10. *Горочная В. В.* Трансграничная кластеризация в черноморском регионе как фактор экономической безопасности Юга России // Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного порубежья России / Под ред. Г. М. Федорова, Л. А. Жиндарева, А. Г. Дружинина, Т. Пальмовского. — Калининград: БФУ им. И. Канта, 2018. — С. 74–84.

Дубровская Ю. В., к. э. н., Пестерева Т. А., Козоногова Е. В.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ [1]

Современные агломерационные процессы, обуславливающие концентрацию экономической активности в крупных городах, приводят к росту социально-экономической дифференциации территорий. В этой связи особую важность приобретает вопрос инклюзивности пространственного развития, снижающей территориальные различия в уровне базового благосостояния населения. Настоящее исследование посвящено актуализации инклюзивного развития субъектов РФ на основе формирования макроэкономических регионов. В работе предложен методический подход к идентификации макрорегионов как важного инструмента, снижающего пространственную неоднородность путем реализации потенциала межрегионального взаимодействия. В основе предлагаемой методики лежит инструментарий пространственной экономики: гравитационная модель и кластерный анализ.

Ключевые слова: пространственное развитие, инклюзивное развитие, макрорегион, кластеризация, субъекты РФ, гравитационная модель.

Отличительной чертой пространственной организации экономик большинства стран на сегодняшний день является полицентрический характер развития территорий. Отечественная экономическая система не является исключением. Так, согласно разработанному Министерством экономического развития РФ проекту Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (далее по тексту — Стратегия) [2], в качестве основных тенденций пространственного развития страны определены, во-первых, концентрация экономического роста в ограниченном числе центров; во-вторых, сохранение низкой транспортной связанности и доступности территорий России; в-третьих, сохранение высоких межрегиональных социально-экономических диспропорций. Данные тенденции являются следствием ослабления межрегиональных связей, произошедшего в результате радикальных экономических реформ и дезинтеграционных процессов 90-х годов прошлого века.

Усиление социально-экономической дифференциации развития регионов, концентрация экономики в крупных городах, повышение роли крупнейших и крупных городских агломераций, увеличение доли населения в этих агломерациях способствуют, в совокупности, нарушению пространственной организации страны как единого целого, негативно влияя на темпы ее экономического роста. В связи с этим особую актуальность приобретает инклюзивный характер пространственного развития регионов. Инклюзивное развитие снижает территориальные различия в уровне базового благосостояния. Данный подход предполагает прежде всего социальную конвергенцию — обеспечение равного доступа населения к общественным благам. Это достигается развитием процессов миграции населения, экономической интеграции и производственной специализации.

Новое видение пространственной организации экономики страны, основанное на развитии приоритетных экономических специализаций субъектов РФ, предлагается в Стратегии. Согласно данному документу, планируется выделить 14 макрорегионов России, которые будут способствовать межрегиональному взаимодействию с целью снижения уровня дифференциации социально-экономического развития регионов. При этом Стратегия не содержит ни количественного обоснования, ни методологии предстоящего деления [3].

Вместе с тем научное обоснование предстоящего деления, влияющего на изменение пространственной структуры национальной экономики, критически важно. Взяв за основу принципы формирования макрорегионов, предложенные Минэкономразвития РФ, мы разработали авторскую методику идентификации макрорегионов.

Информационной основой получения количественных показателей послужили: база данных Федеральной службы государственной статистики «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2016 г., данные проекта Стратегии пространственного развития до 2025 г., статистические данные отраслевых министерств и ведомств, региональные рейтинги специализированных организаций.

Отметим, что авторами Стратегии предложены 5 основных принципов выделения макрорегионов. Авторская систематизация принципов и их статистическое измерение представлены в таблице.

---

[1] © Дубровская Ю. В., Пестерева Т. А., Козоногова Е. В. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–010–00562.

[2] Проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года / Официальный сайт Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/201817081 (дата обращения: 04.01.2019).

[3] Проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года / Официальный сайт Минэкономразвития России.

Таблица

Систематизация принципов выделения макрорегионов и их статистическое измерение

Принцип выделения макрорегиона	Индексы	Статистический показатель
1. Территориальная общность	Пространственная матрица расстояний	Кратчайшие расстояния по автодорогам между административными центрами российских регионов[*1]
2. Потенциал межрегионального взаимодействия	Интегральный индекс сил взаимодействия между регионами	Суммарная матрица сил взаимодействия
3. Наличие центра экономического роста	Субиндекс «центр экономического роста»	Наличие центра экономического роста.
4. Связанность субъектов	Субиндекс «транспорт»	Наличие железнодорожных станций. Наличие международных аэропортов[*2] Наличие выхода к международным рынкам. Наличие выхода к транспортному коридору «Запад — Восток» и (или) «Север — Юг»
	Субиндекс «информационная инфраструктура»	Средневзвешенная оценка информационной инфраструктуры[*3]
5. Доступность к социальным услугам	Субиндекс «образование»	Наличие рейтинговых высших учебных заведений[*4]
	Субиндекс «здравоохранение»	Наличие диагностических центров «МРТ-Эксперт». Наличие онкологических диспансеров. Количество больничных коек на 10000 человек населения[*5]
6. Механизмы пространственного развития экономики[**]	Субиндекс «механизмы пространственного развития экономики»	Наличие индустриальных парков в регионе. Наличие кластеров[*6] Наличие особых экономических зон[*7]

[*1] Abramov A., Gluschenko K. The Matrix of the Shortest Distances between Capital Cities of Russian Regions. Novosibirsk State University, 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://econom.nsu.ru/staff/chair_et/gluschenko/Research/Data/Distances.xls.

[*2] Международные аэропорты. Официальный сайт Федерального агентства воздушного транспорта [Электронный ресурс]. URL: https://www.favt.ru/dejatelnost-ajeroporty-i-ajerodromy-mezhdunarodnye-ajeroporty/ (дата обращения: 04.01.2019).

[*3] Индекс «Цифровая Россия». Официальный сайт Московской школы управления Сколково. [Электронный ресурс]. URL: https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1779–2018–10–001-ru/ (дата обращения: 04.01.2019).

[*4] Методика расчета рейтинга высших учебных заведений по версии Благотворительного фонда В. Потанина. Официальный сайт Благотворительного фонда В. Потанина [Электронный ресурс]. URL: http://www.fondpotanin.ru/ranking (дата обращения: 04.01.2019).

[*5] Статистический сборник 2016 год. Официальный сайт Департамента мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2016-god (дата обращения: 04.01.2019).

[*6] Геоинформационная система. Индустриальные парки. Технопарки. Кластеры [Электронный ресурс]. URL: https://www.gisip.ru/#!ru/ (дата обращения: 04.01.2019).

[*7] Россия. Особые экономические зоны [Электронный ресурс]. URL: http://www.russez.ru/ (дата обращения: 04.01.2019).

[**] Данный принцип был добавлен авторами.

На основе выделенных индексов (см. табл.) опишем предлагаемый методический подход к идентификации макрорегионов как важного инструмента, снижающего пространственную неоднородность путем реализации потенциала межрегионального взаимодействия. Идентификация макрорегионов осуществляется в три последовательных этапа.

Этап 1. Построение интегрального индекса сил взаимодействия между регионами, характеризующего 1-й и 2-й принципы Стратегии.

На первом этапе реализуются 1-й и 2-й принципы Стратегии путем построения интегрального индекса сил взаимодействия между регионами на основе гравитационной модели. В основе данной модели лежит предположение о том, что величина взаимодействия пропорциональна произведению показателей значимости (величины, количества) объектов и обратно пропорциональна расстоянию между ними:

$$F_{ij} = G\frac{q_i q_j}{d_{ij}^2}, \quad (1)$$

где F_{ij} — показатель силы взаимодействия между объектами i и j; G — константа взаимодействия; q — некоторая мера значимости объектов j и i; d_{ij}^2 — расстояние между объектами i и j.

Отметим, что гравитационная модель, описывающая взаимодействия между пространственными объектами (городами, регионами, странами), широко используется в региональном и пространственном анализе экономики при исследовании процессов урбанизации, размещения промышленности, экспортно-импортных взаимосвязей, миграции населения.

Для вычисления сил взаимодействия между регионами была разработана система показателей, характеризующая уровни развития научного, инфраструктурного и промышленного потенциалов 85 субъектов Российской Федерации (всего 1105 наблюдений). На ее основе были рассчитаны три интегральных индекса. Первый — это индекс научно-технического и образовательного потенциала (далее — ИНТОП), характеризующий научно-исследовательские силы регионов. Второй — индекс качества жизни и инфраструктуры (далее — ИКЖИ), характеризующий социально-политические силы. Третий — это индекс производственного потенциала (далее — ИПП), характеризующий экономические силы. Для вычисления интегральных индексов ИНТОП, ИКЖИ и ИПП каждого региона все выбранные показатели приводятся к одной шкале с помощью нормирования. В рамках нормирования данных была проведена оценка асимметрии, которая показывает асимметричность распределения статистических показателей относительно среднего.

Построение матриц сил взаимодействия по формуле (1) было выполнено в несколько шагов:

1.1. Определение константы взаимодействия *G* и вычисление ИНТОП, ИКЖИ и ИПП для каждого региона.

1.2. Вычисление промежуточных матриц (вычисление числителя формулы (1), определение матрицы расстояния (была использована матрица обратных расстояний между центрами регионов) [2, с. 62–63].

1.3. Вычисление суммарной матрицы сил взаимодействия.

В результате авторами были получены матрицы сил взаимодействия для 85 регионов России по статистическим данным за 2016 год. Подробно методика построения матриц сил взаимодействия представлена в [1, с. 98–106].

Этап 2. Выборка статистических показателей, характеризующих 3, 4 и 5-й принципы проекта Стратегии.

2.1. Учет 3-го принципа выражается в показателе «наличие в макрорегионе центра экономического роста», который был определен согласно Стратегии (всего 20 центров). Региону, в котором находится крупный или крупнейший центр экономического роста, присваивается значение 1 (соответственно, отсутствие данного центра — 0).

2.2. Учет 4-го принципа предполагает обоснование наличия объектов транспортной, энергетической, информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающих связанность субъектов Российской Федерации и выход к международным рынкам или транспортным коридорам «Запад — Восток», «Север — Юг».

Транспортную инфраструктуру характеризует субиндекс «транспорт», сформированный из указанных в таблице показателей. При наличии указанного объекта региону присваивается значение 1, при отсутствии — 0. Общий интегральный показатель был вычислен путем нахождения среднего арифметического.

В качестве показателя информационно-коммуникационной инфраструктуры выбран субиндекс «информационная инфраструктура», который является составляющим индекса «Цифровая Россия»[4]. Данный субиндекс учитывает развитие сетей связи, цифровых технологий; наличие в субъекте объектов информационной инфраструктуры; наличие доступа у субъекта к электронно-вычислительным мощностям. Нами была проведена оценка асимметрии и нормирование субиндекса «информационная инфраструктура».

Объекты энергетической инфраструктуры нами не были учтены ввиду несомненного их наличия в каждом регионе (как минимум, в региональном центре).

2.3. Учет 5-го принципа предполагает обеспеченность макрорегиона объектами социального значения. Авторами были выбраны важные с точки зрения жизнеобеспечения населения объекты сферы образования и здравоохранения.

Информационной основой при выборе объектов из сферы образования послужил рейтинг высших учебных заведений Благотворительного фонда В. Потанина. Рейтинг является одной из наиболее авторитетных независимых оценок качества обучения в российских вузах. Данный рейтинг основан на оценке достижений конкретного высшего учебного заведения[5]. При наличии в регионе вуза, вошедшего в рейтинг фонда В. Потанина, ему присваивается значение 1, при отсутствии — 0.

При выборе объектов здравоохранения мы обратились к статданным Министерства здравоохранения РФ, согласно которым основными причинами смертности в России являются болезни системы кровообращении и злокачественные образования[6]. При наличии объекта социальной инфраструктуры

[4] Индекс «Цифровая Россия» / Официальный сайт Московской школы управления Сколково [Электронный ресурс]. URL: https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1779–2018–10–001-ru/ (дата обращения: 04.01.2019).

[5] Методика расчета рейтинга высших учебных заведений по версии Благотворительного фонда В. Потанина / Официальный сайт Благотворительного фонда В. Потанина [Электронный ресурс]. URL: http://www.fondpotanin.ru/ranking (дата обращения: 04.01.2019).

[6] Статистический сборник 2016 год / Официальный сайт Департамента мониторинга, анализа и стратегического

в сфере здравоохранения (см. таблицу) региону присваивалось значение 1, при отсутствии — 0. Далее нами была проведена оценка асимметрии и нормирование количества больничных коек на 10000 человек населения. В результате интегральный субиндекс «здравоохранения» был вычислен путем нахождения среднего арифметического.

2.4. Учет 6-го принципа предполагает наличие в макрорегионе механизмов пространственного развития экономики. Нами были выбраны следующие показатели: индустриальные парки (при условии членства региона в ассоциации индустриальных парков России); кластеры (согласно реестру кластеров Министерства промышленности РФ); особые экономические зоны (в соответствии с проектом «Россия. Особые экономические зоны»). При наличии указанных объектов региону присваивается значение 1, при отсутствии — 0.

Общий интегральный показатель «Механизмы пространственного развития экономики» определяется в соответствии со следующей шкалой: 1 — все объекты присутствуют; 0,6 — есть 2 объекта; 0,3 — есть 1 объект; 0 — нет объектов.

Таким образом, база данных, составленная для расчета субиндексов 3–6 по 85 регионам России, включает в себя 1105 наблюдений.

Этап 3. Выделение макрорегионов на основе кластерного анализа.

В качестве инструмента для выделения макрорегионов используется кластерный анализ, который представляет собой идентификацию однородных групп из множества исследуемых объектов.

Входными данными для кластерного анализа являются субиндексы, представленные в таблице, а также матрица сил взаимодействия, нормированная по столбцу (чтобы учесть силу взаимосвязи между регионами). В качестве метрики мы использовали евклидово расстояние. Кластеризация была проведена методом Варда, с помощью которого были получены компактные и хорошо разделенные кластеры, названные макрорегионами.

В результате апробации методики было получено 12 макрорегионов. Отметим, что полученные нами в результате кластеризации макрорегионы отличаются как по количеству, так и по структуре от макрорегионов Стратегии. Несмотря на это в качестве актуального направления дальнейших исследований представляется обоснование возможностей инклюзивного развития регионов РФ в рамках полученных макрорегионов, что является важной задачей гармоничного пространственного развития национальной экономики.

Список источников

1. *Дубровская Ю. В.* Межрегиональное взаимодействие как фактор инновационного развития национальной экономики: кластерный подход. — Пермь: ПНИПУ, 2018. — 161 с.

2. *Козоногова Е. В.* Регулирование взаимодействия хозяйствующих субъектов РФ на основе экономико-математической идентификации межрегиональных кластеров: дис. … канд. экон. наук. — Пермь, 2019.

развития здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2016-god (дата обращения: 04.01.2019).

Квитко К. Б.
Вологодский научный центр РАН, г. Вологда

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА КАК ДРАЙВЕРА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА [1]

Пространственное развитие экономики региона невозможно поддерживать без повышения эффективности производства и промышленности, улучшения качества жизни населения, налаживания коммуникации с близлежащими территориями и страной в целом — эти задачи позволяет решить транспортно-логистический кластер (ТЛК). ТЛК, являясь кооперацией на одной территории транспортных и логистических компаний, формирует новую и модернизирует существующую транспортную инфраструктуру, повышает инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность региона, благотворно влияет на социальную и политическую сферы, тем самым становясь драйвером пространственного развития. Целью статьи является систематизация понятийного аппарата ТЛК, который используется в научной литературе. В результате проведенного исследования проанализированы смежные понятия, выделены основные составляющие ТЛК и составлена интеллектуальная карта смежных понятий. Полученные результаты будут полезны исследователям в области региональной экономики, пространственного и кластерного развития территорий.

Ключевые слова: транспортно-логистический кластер, пространственное развитие, экономика региона

Пространственное развитие экономики региона — актуальный тренд современной экономической мысли, связанный с управлением региональной экономикой, переходом на вектор инновационного развития, повышением конкурентоспособности территорий. Пространственное развитие охватывает все отрасли хозяйствования, социальную и политическую сферу региона, с одной стороны являясь «лакмусовой бумажкой» состояния территории, с другой — создавая новые вызовы и точки роста.

Такой же всеобъемлющий характер носит и транспортная сфера: развитая инфраструктура транспорта сокращает издержки предприятий, повышает мобильность населения, увеличивает туристические потоки, повышает инвестиционную привлекательность региона. Отсутствие современной и слаженно функционирующей транспортной инфраструктуры в регионе затормаживает развитие промышленности и производства, отрывает регион от транспортной системы соседних территорий, последствием этого является уменьшение товарных, кадровых, финансовых, информационных потоков, которое приводит к застою экономики региона.

Транспортно-логистический кластер (ТЛК) представляет собой группу расположенных на одной территории транспортных и логистических компаний, связанных общей организационной структурой, действующих в одной сфере и взаимодополняющих друг друга [1]. ТЛК является разновидностью кластера по отраслевому признаку и включает в себя комплекс инфраструктуры и компаний, специализирующихся на хранении, сопровождении, обслуживании и доставке грузов и пассажиров. Кооперируя деятельность транспортных и логистических предприятий, совершенствуя транспортную инфраструктуру и сервис логистических услуг региона, ТЛК является драйвером пространственного развития экономики региона.

Целью исследования является систематизация понятийного аппарата объектов, входящих в транспортно-логистический кластер, который используется в научной литературе. Для реализации поставленной цели проведен анализ смежных терминов ТЛК, сформулированы их агрегированные определения, составлена интеллектуальная карта понятия ТЛК, которая отражает ключевые связи основных и смежных терминов ТЛК.

В транспортном секторе экономики существуют формы кооперации экономических субъектов для оказания транспортных (преимущественно грузовых) и логистических услуг, которые частично выполняют функции транспортно-логистического кластера, но не отражают весь функционал полностью, поэтому следует разделять ряд следующих понятий, связанных с понятием ТЛК (табл. 1).

На основе анализа агрегированных определений вышеперечисленных понятий составлена интеллектуальная карта понятийного аппарата основных и смежных терминов для понятия «транспортно-логистический кластер» (рис.). В карте определены характеристики, основные составляющие ТЛК, без которых невозможно функционирование транспортно-логистического кластера (табл. 2).

В интеллектуальной карте овалами изображены смежные понятия ТЛК, описанные в таблице 1. Те составляющие ТЛК, которые пересечены линиями смежных понятий, являются общими для понятия транспортно-логистического кластера и смежного понятия. Интеллектуальная карта как графический

[1] © Квитко К. Б. Текст. 2019.

Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168–2019–0007 «Обеспечение конкурентоспособности регионов в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики».

Таблица 1

Особенности понятия «Транспортно-логистический кластер», отличающие его от смежных понятий

№	Понятие	Отличие от ТЛК
1	Транспортно-логистический комплекс — совокупность складской и транспортной инфраструктуры предприятия, организующего сообщение с использованием одного или нескольких видов транспорта	Комплекс принадлежит одному юридическому лицу; Осуществление деятельности не предполагает организацию сообщения с использованием нескольких видов транспорта.
2	Логистический центр — это территориальное объединение независимых компаний и органов, которые совместно организуют грузоперевозки на территории имущественного комплекса зданий и сооружений для оказания логистических, таможенных, брокерских услуг, а также ремонт и обслуживание транспортных средств	Отсутствие совместной деятельности компаний над НИОКР, инновационными разработками; Руководителем логистического центра является сотрудник — директор логистического центра, ТЛК в свою очередь возглавляет дирекция (совет или управляющая организация)
3	Транспортный терминал — часть транспортной системы, расположенная на начальном, промежуточном или конечном пункте транспортной сети, на которой осуществляется краткосрочное пребывание транспортных средств для погрузочно-разгрузочных работ, парковки, стоянки, сервисного обслуживания	Отсутствует кооперация транспортных и логистических компаний
4	Распределительный центр — помещение или пространство, принадлежащее предприятию или группе предприятий, на котором осуществляется распределение поступившего груза для дальнейшей транспортировки	
5	Транспортный узел — комплекс транспортных сооружений и устройств в пункте соединения, пересечения или разветвления линий нескольких видов транспорта, совместно выполняющих операции по обслуживанию транзитных, местных и городских перевозок грузов и пассажиров	Узел осуществляет узконаправленный перечень операций и сервисов, ТЛК более функционален; Отсутствует кооперация транспортных и логистических компаний
6	Терминально-логистический комплекс — многофункциональный мультимодальный терминальный комплекс, сооружаемый в узлах транспортной сети, включающий в себя группу специализированных и универсальных терминалов и инженерную, транспортную и административную инфраструктуру, необходимую для обслуживания грузопотоков и предоставления комплекса услуг участникам перевозочного процесса	Отсутствует совместная деятельность компаний над НИОКР, инновационными транспортными разработками; Нет кооперации транспортных и логистических компаний
7	Транспортный хаб — многофункциональный терминальный комплекс, точка транспортной системы, где начинаются и заканчиваются различные транспортные линии и оказание транспортно-логистических услуг, в том числе и мультимодальных перевозок	

Источник: составлено автором на основе материалов [2–6].

Таблица 2

Определения основных составляющих транспортно-логистического кластера

Понятие	Определение
Складская инфраструктура	Комплекс технических сооружений и устройств, выполняющих ряд функций по преобразованию материальных потоков, а также концентрации запасов, их хранению и обеспечению бесперебойного и ритмичного выполнения заказов потребителей
Транспортная инфраструктура	Магистральные и станционные пути, транспортно-пересадочные пункты, объекты электроснабжения, сигнализации, связи, устройства, оборудование, здания, строения, сооружения и иные, технологически необходимые объекты для функционирования транспортного процесса
Мультимодальные перевозки	Перемещение грузов во времени и пространстве посредством различных видов транспорта (автомобильный, железнодорожный, морской и др.) по одному договору, ответственность за исполнение которого несет одно лицо
Объединение компаний	Кооперация транспортных и логистических компаний для оказания комплекса транспортно-логистических услуг;
Транспортные услуги	Результат деятельности транспортной организации по удовлетворению потребностей пассажира, грузоотправителя и грузополучателя в перевозках в соответствии с установленными нормами и требованиями

Окончание табл. 2 на след. стр.

Окончание табл. 2

Понятие	Определение
Логистические услуги	Совокупность методов и способов эффективного управления товарными потоками с обеспечением наименьших издержек и высокого уровня организации и осуществления процессов снабжения, производства и сбыта
Часть транспортной сети	Участок совокупности всех транспортных путей на определенной территории

Источник: составлено автором на основе материалов [7–10].

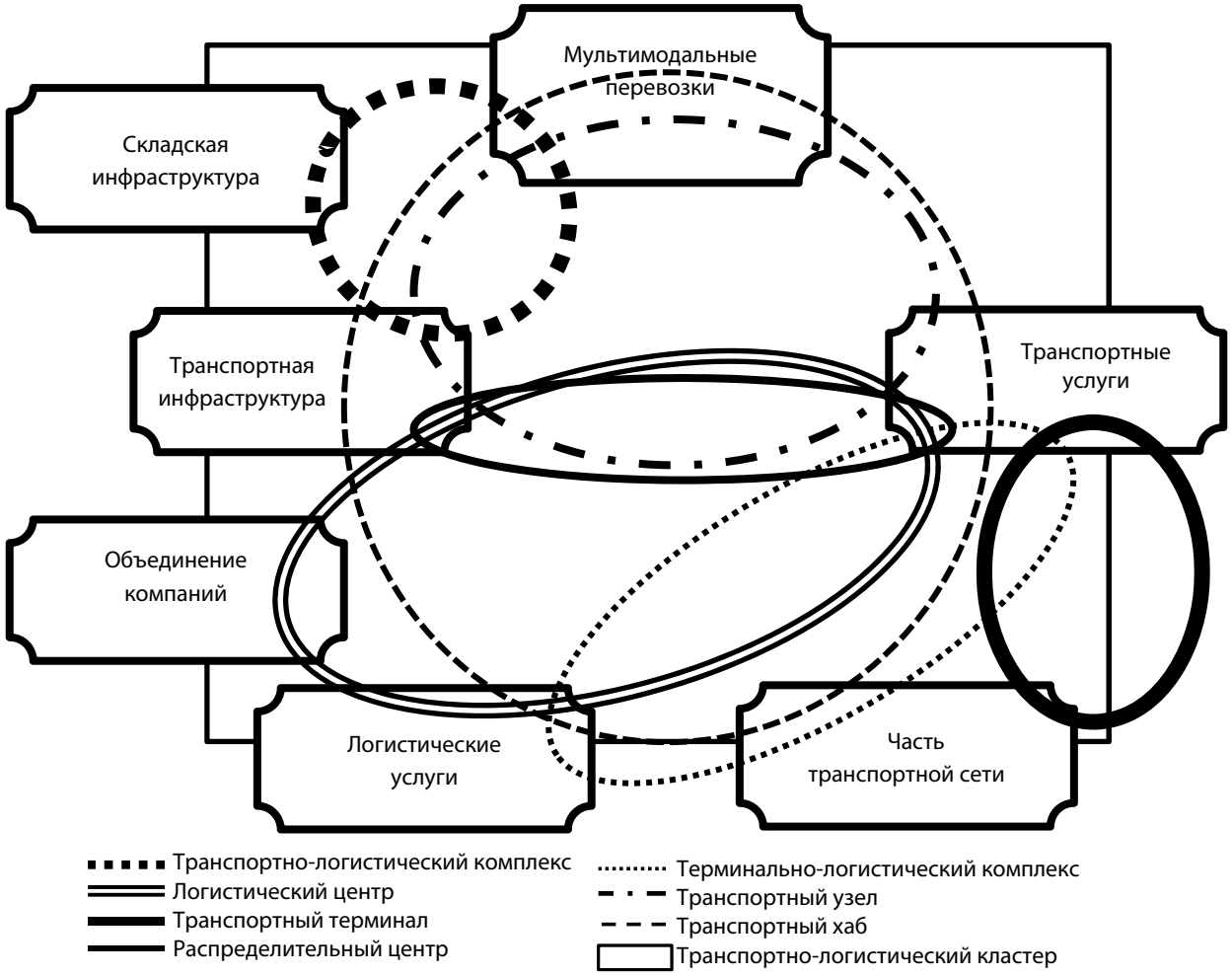


Рис. *Интеллектуальная карта понятия «Транспортно-логистический кластер». Источник: составлено автором*

инструмент демонстрирует широту каждого понятия, отличия терминов друг от друга и детализирует структуру ТЛК и его элементов.

Таким образом, транспортно-логистический кластер, включая в себя транспортную и логистическую деятельность территории, на которой он расположен, потребителей транспортных услуг и предприятий, которые функционируют в месте расположения кластера и за его пределами, является драйвером пространственного развития. Отражая существующую ситуацию в экономике, социальной и политической сфере региона, транспортно-логистический кластер создает экосистему кооперации и кластерного развития определенной территории и ее транспортной системы и, соответственно, позитивно влияет на пространственное развитие экономики региона.

Список источников

1. Конкурентное преимущество : как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / Майкл Е. Портер ; пер. с англ. Е. Калинина. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 714 с.

2. Управление транспортными системами. Транспортное обеспечение логистики : учебник и практикум для академического бакалавриата / В. Д. Герами, А. В. Колик. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — 510 с.

3. *Коровяковский Е. К.* Комплексный подход к организации взаимодействия в транспортных системах / Е. К. Коровяковский, И. В. Лобко, А. М. Симушков // Железнодорожный транспорт. — 2012. — № 8. — С. 63–64.

4. *Гапанович В. А.* Развитие терминально-логистической инфраструктуры ОАО «Российские железные дороги» // Транспорт Российской Федерации. — 2010. — № 5 (30). — С. 54–57.

5. *Камалева К. Р.* Актуальные проблемы транспортной системы г. Саратова / К. Р. Камалева, А. С. Чижова // Логистика — Евразийский мост. Материалы 12-й Международной научно-практической конференции. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. — С. 37–41

6. *Султанов А. Г.* Интеграция транспортно-логистических кластеров в систему национальных и международных транспортных коридоров: автореф. дис. … канд. экон. наук. — М., 2017. — 22 с.

7. *Андрианов Ю. В.* Объекты транспортной инфраструктуры: категориально-понятийный аппарат / Ю. В. Андрианов, В. В. Комаров // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. — 2016. — № 5(66). — С. 51–55.

8. *Фаустова О. Г.* Методика оценки рисков возникновения чрезвычайных ситуаций в мультимодальных перевозках // Вестник АГТУ. Серия: Морская техника и технология. — 2014. — № 1. — С. 109–116.

9. ГОСТ 30595–97 Услуги транспортные. Грузовые перевозки. Номенклатура показателей качества.

10. Свод правил СП 34.13330.2012: Автомобильные дороги. Актуализированная редакция СНиП 2.05.02–85. — М.: 2013.

Тихонова А. Д.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНО-СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ [1]

В статье рассмотрены направления развития региона, выраженные через пентаграмму «У-син». Автором используется категориально-системная методология для описания механизма взаимодействия организаций друг с другом и их функционирования как единого целого. Согласно проведенному автором исследованию, между компонентами объекта возникают прямые и обратные отношения поддержки (стимулирования) и ограничения (контроля), при этом каждый из компонентов имеет определенную цель, а комплект внутренних целей (подцелей) обеспечивает реализацию главной цели, обусловливающей региональное функционирование и развитие. Итогом статьи является вывод о том, что грамотно продуманный механизм взаимодействия компонентов обеспечивает региону устойчивое развитие в процессе эволюционирования его организаций, происходящего под воздействием изменений внешней среды.

Ключевые слова: региональная экономика, конкордоспособность, категориально-системная методология, региональное развитие

Происходящие в мире, в том числе в нашей стране, глобализационные процессы в экономическом развитии обусловливают необходимость выработки новых методических и практических подходов к формированию путей стратегического хозяйственного развития территорий РФ в рамках отдельных ее субъектов. Современная экономика характеризуется рядом качественных и количественных изменений, преобразовавших в последние годы как структуру, так и правила функционирования различных институтов и региональных организаций. В настоящее время регионы стремятся функционировать не в качестве отдельных систем, а как фрагменты экономических цепочек и сетей, являющихся технологической основой их роста. Одним из факторов, с одной стороны повышающих нестабильность, а с другой, являющихся источником изменений в экономике, становится усложнение взаимосвязей и изменение способности регионов к взаимодействиям. Способность к взаимодействию между региональными и межрегиональными стейкхолдерами (покупателями, продавцами, каналами поставок, СМИ, финансовыми организациями и пр.) укорачивает производственный и информационный циклы, цикл маркетинга и время от заключения контракта до получения за него денежных средств, что позволяет обеспечить более быстрое и эффективное региональное развитие.

Для обоснования направлений повышения эффективности развития экономики регионов автор предлагает использовать логику категориально-системной методологии (далее — КСМ) В.И. Разумова [1], которая позволяет провести переход от структурного описания организаций в регионе к особенностям их целеформирования через анализ отношений между компонентами и элементами. Согласно анализу, проведенному автором, существует множество подходов к классификации отношений между различными субъектами. В данном исследовании (по терминологии, используемой КСМ) под отношениями будет подразумеваться отражение связей в системном объекте, характер взаимодействий его структурных частей, поскольку именно это качественное определение принципиально важно с позиции выявления возможностей управления по воздействию на выявленные и описанные отношения с целью развития региона в желаемом направлении.

Между региональными и межрегиональными стейкхолдерами могут возникать отношения конкуренции, кооперации, соперничества, сотрудничества и пр. Следует отметить, что и между компонентами организации, как ее составными частями, также наблюдаются схожие по принципу отношения, в ходе которых возникают описанные в предыдущем разделе противоречия. Межкомпонентные отношения соперничества — сотрудничества реализуются как в ярко выраженных, так и в более тонких форматах, которые возникают и развиваются в процессах распределения ресурсов внутри региона: между организациями и внешней средой, контроля над ним.

Подобные тонкие отношенческие модели взаимодействия, согласно используемой КСМ, можно описать универсальным категориальным методом «Пентаграмма», отражающим древнекитайскую философию «У-син», и базирующимся на представлении о том, что любой объект — это результат смешения в разных пропорциях первоэлементов (вода, дерево, огонь, земля, металл). При использовании данного метода объект исследования помещается в пентаграмму и интерпретируется в ее терминах. Как категориальный метод познания пентаграмма представляет собой пятиугольник с помещенной в него пятиконечной звездой, представляя собой циклическую конструкцию, отражающую некий завершенный процесс. Это позволяет выделить и интерпретировать разные типы отношений между компонентами исследуемого объекта в зависимости от их расположения относительно друг друга. Описанный с помощью этого метода регион предстает именно как эволюционирующий объект, который зарождается,

[1] © Тихонова А. Д. Текст. 2019.

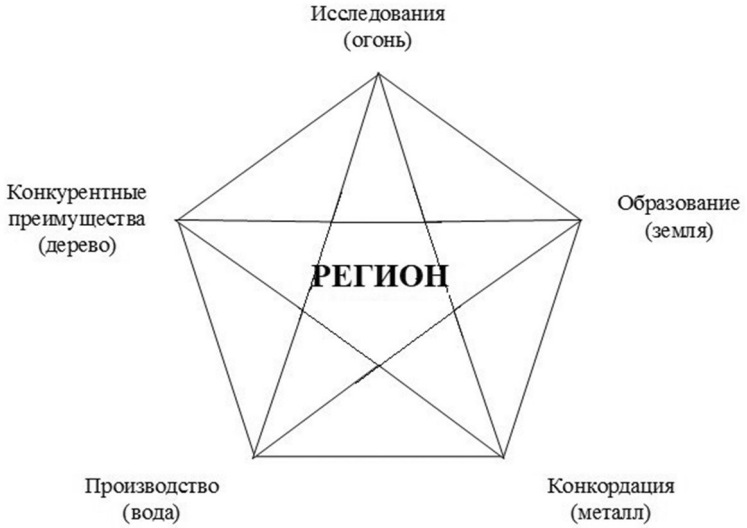


Рис. 1. *Направления развития региона, выраженные через пентаграмму «У-син»*

а затем последовательно проходит несколько этапов изменения поведения, обретая на каждом новую качественную характеристику, носителем которой является новый компонент. Таким образом, между элементами пентаграммы «У-син» и выделенными автором компонентами развития региона проведены следующие соответствия (рис. 1).

Элемент «вода». Является начальным элементом, недифференцированным состоянием объекта. Ему соответствует выделенный компонент «Производство», воспринимающийся как начальная стадия функционирования организаций в регионе. Этот компонент характеризуется простейшими целями, принципами поведения и взаимодействий. Если ядро региональных и межрегиональных взаимодействий состоит только из этого компонента, то регион можно охарактеризовать наличием однородной или слабо дифференцированной продукции, слабо специфическими факторами производства, несложными технологиями.

Элемент «дерево». Характеризует этап «расцвета» объекта. Это подразумевает выход организаций региона из концентрации на внутренних процессах во внешнюю среду и начало динамичного прогрессивного развития посредством поиска конкурентных преимуществ. Это позволяет региону в итоге стать более развитым, продуктивным и конкурентоспособным за счет улучшения получаемых сырья, материалов, комплектующих, более совершенных и производительных машин и оборудования, инструментов. Это новое качественное состояние позволяет организациям в регионе войти в более сложные отношения со стейкхолдерами, поменять свое положение во внешней среде (например, выйти на новый, а возможно, даже на мировой рынок).

Элемент «Огонь». Является самым активным (и поэтому самым ресурсозатратным) элементом пентаграммы. Здесь мы будем подразумевать компонент «Исследования», целью возникновения которого является поддержка роста и продуктивности региональных организаций, усиление их инновационности. В процессе формирования данного компонента, следовательно, будут расширяться связи организаций, касающиеся НИОКР, взаимодействий с научно-исследовательскими организациями, инновационно направленными предприятиями. Это также позволяет начать процессы коммерциализации результатов научных исследований — технологий, знаний, ноу-хау (которые совершенствуются при возникновении следующего компонента организационного развития).

Элемент «Земля». Является балансирующим элементом. В выделенных компонентах ему соответствует компонент «Образование», уравновешивающий организацию в плане соответствия характеристик ее внутренних трудовых ресурсов изменяющимся требованиям инноватизации и сетевизации экономики. Отношения с внешней средой строятся на совершенствовании процессов постоянного генерирования и передачи имеющихся знаний, умений, навыков.

Элемент «Металл». Является итоговым, логически завершающим элементом. Ему соответствует компонент «Конкордация», который автором определен как развитие и закрепление в организации конкордоспособности как однозначно важного элемента, характеризующего способность организации к согласованию целей, направлений и форм сотрудничества со стейкхолдерами для обеспечения ее устойчивого развития [2].

Согласно применяемому методу, между компонентами исследуемого объекта возникают прямые и обратные отношения поддержки (стимулирования) и ограничения (контроля).

Возникновение отношений региональной и межрегиональной поддержки подразумевает появление какого-либо специфического ресурса, наличие которого позволяет осуществлять либо прямую

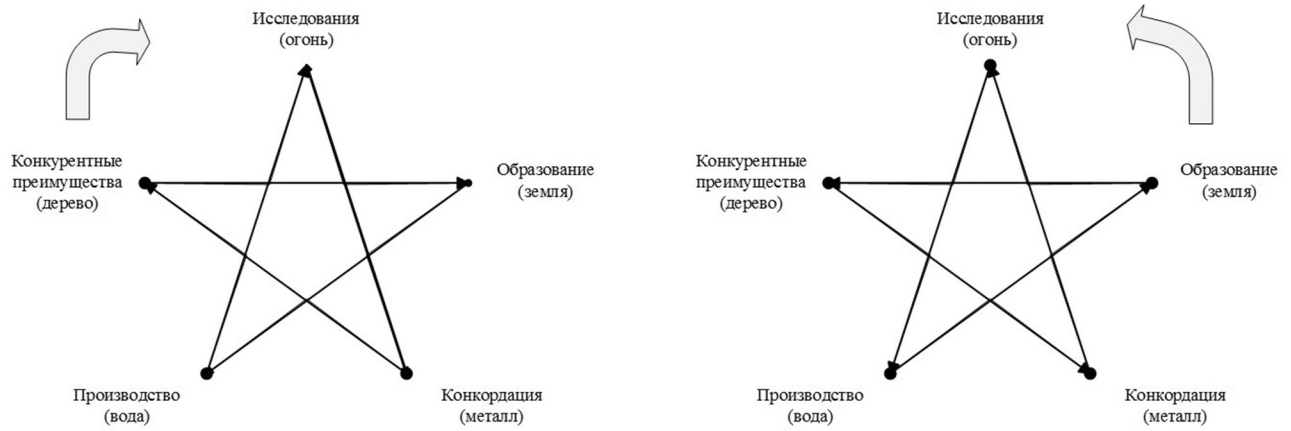


Рис. 2. *Межкомпонентные отношения нормального и патологического ограничения*

поддержку (по часовой стрелке пентаграммы) развития следующего компонента, либо (при дефиците ресурса) — поддержку предшествующего компонента (обратную поддержку). В организации, как исследуемом объекте, отношения поддержки базируются на логическом развитии предыдущих ее компонентов и на увеличении, соответственно, ее возможностей в плане ресурсов и связей. При достижении определенного уровня наличия ресурсов, связей и возможностей, открывающихся во внешней среде, будет осуществляться поддержка появления в организации следующего логического уровня развития. Если возникает ситуация, когда предыдущий компонент начинает функционировать со сбоями, может произойти отток ресурсов, обеспечивающих развитие последующего компонента в рамках обратной (так называемой патологической) поддержки. Нормальным, соответственно, будет считаться развитие организации в процессе прямой поддержки ее компонентов. Однако следует отметить, что если один из компонентов по каким-либо причинам начинает медленнее реагировать на изменения внешней среды, то в краткосрочном периоде отношения обратной поддержки являются уместными.

Отношения ограничения также могут быть нормальными или патологическими (рис. 2).

Каждый из компонентов, отраженных на пентаграмме, создает определенные ограничения для остальных компонентов. Например, уровень развития компонента «Производство» может выступать в роли ограничивающего фактора для компонента «Исследования», предупреждая трату ресурсов на осуществление разработок, которые будут слишком затратны, сложно реализуемы и не будут подкреплены спросом на их результат. А компонент «Исследования», в свою очередь, является ограничителем для элемента «Конкордация», поскольку коммерциализация результатов научных исследований может породить определенные конфликтные ситуации между заинтересованными сторонами.

Также может сложиться ситуация, когда в одном из компонентов не хватает ресурса, чтобы выдвинуть ограничение. В этом случае неограниченный рост одного из компонентов приводит к диспропорциям в структуре и темпах их развития. Ограничения на такой рост неизбежно приходят из внешней среды и могут нанести урон прогрессивному развитию региона. Это отражает отношения обратного (патологического) ограничения и показывает, что неконтролируемый, неограниченный рост одного из компонентов становится ограничением развития других компонентов и региона в целом.

Выделенные типы отношений между компонентами носят, как видно, противоречивый характер. Для завершения анализа отношений между компонентами следует развить идею о проявлении в них связки «конкуренция — сотрудничество». Категориальный метод «Пентаграмма» позволяет продемонстрировать, что компоненты реализуют как отношения сотрудничества, так и отношения конкуренции (или, чаще, более мягкой ее формы — соперничества). Сотрудничество проявляется в том, что один из компонентов в целях своего развития предъявляет спрос, а другой формирует предложение на конкретные способности (возможности), возникает и развивается взаимное стимулирование. Однако спрос, предъявляемый каждым компонентом, является дифференцированным. Например, компоненту «Производство» для развития могут потребоваться качественные или необычные сырье, материалы и другие ресурсы (спрос для компонента «Конкурентные преимущества»), результаты исследований и разработок (спрос для компонента «Исследования»), новые знания и навыки персонала (спрос для компонента «Образование») и т. д. Следовательно, все указанные в скобках компоненты будут соперничать друг с другом за спрос генерирующего его компонента «Производство». Следовательно, от того, какие цели ставит перед собой регион, будет выбрано направление для сотрудничества и реализована та или иная стратегия его развития.

Помимо вышеописанных отношений также складываются отношения, связанные с распределением материальных, нематериальных и информационных ресурсов. На раннем этапе развития в организациях региона доминирует распределение базовых ресурсов, таких как сырье, материалы, труд. Соответственно, контроль над ними осуществляется компонентом «Производство». С развитием

организации базовые ресурсы улучшаются, становятся более специфическими. Это подразумевает переход контроля их распределения к компоненту «Конкурентные преимущества». В более развитых организациях растет значимость таких ресурсов, как ноу-хау и другие результаты интеллектуальной деятельности, в связи с чем компонент «Исследования» становится одним из ведущих и берет контроль за распределением указанных ресурсов. В случае трудовых ресурсов и роста значимости ресурса знания контроль может перейти к компоненту «Образование».

Итак, анализ отношений между выделенными компонентами развития региона позволяет сделать следующие выводы. Описанные отношения являются основой механизма взаимодействия организаций друг с другом и их функционирования как единого целого. Каждый из компонентов имеет определенную цель, а комплект внутренних целей (подцелей) обеспечивает реализацию главной цели, обусловливающей региональное функционирование и развитие. Взаимодействия между компонентами определяются, во-первых, имеющимся компонентным составом, а во-вторых, тем, какие из компонентов являются на данный момент ведущими. Помимо межкомпонентных отношений поддержки и ограничения важным аспектом исследования механизма функционирования является система межкомпонентных противоречий.

Таким образом, грамотно продуманный механизм взаимодействия компонентов обеспечивает региону устойчивое развитие в процессе эволюционирования его организаций, происходящего под воздействием изменений внешней среды.

Список источников

1. *Разумов В. И.* Категориально-системная методология в подготовке ученых. Омск, 2004.

2. *Тихонова А. Д.*, *Мокроносов А. Г.* Конкордоспособность в стратегическом управлении организацией // Креативная экономика. — 2018. — Т. 12. — № 9. — С. 1273–1290.

Чумляков К. С., к. т. н.
Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИИ [1]

Транспортная инфраструктура России, а главным образом магистральный транспорт как материально-техническая основа межстрановой интеграции, является одной из системообразующих отраслей экономики, обеспечивающих территориальную целостность страны и единство экономического пространства. С нарастанием процессов регионализации и глобализации мирового хозяйства, расширением внутренней и международной торговли макроэкономический спрос на развитие транспортной инфраструктуры будет все более актуальным. В статье рассмотрены основные тенденции развития российской транспортной инфраструктуры, акцент сделан на формировании ее стратегической конкурентоспособности.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, стратегическая конкурентоспособность, интеграция, транзитный потенциал, интернационализация

Процесс сближения и взаимопроникновения национальных экономик на всех стадиях воспроизводства мирового продукта, который включает формирование международных экономических отношений, способствует региональной экономической интеграции. Главным материальным каркасом такой межрегиональной интеграции является транспортная система. В вопросе интеграции Российской Федерации в глобальный мировой рынок в силу естественных географических факторов одной из важнейших системообразующих отраслей экономики является российская транспортная инфраструктура.

Обеспечение интеграции национальной транспортной системы в систему международных транспортных коммуникаций создает дополнительные возможности для ее развития и совершенствования. Переориентация части товарных потоков на экспорт, а также расширение внутренней и международной торговли, рост объемов транзитных перевозок формируют уверенный макроэкономический спрос на развитие транспортной инфраструктуры. Однако динамика развития мировой транспортной системы такова, что перспективы страны, предоставляющей свою территорию для транзита, будут зависеть не только от ее геополитических возможностей, но и от ее конкурентоспособности.

В этих условиях необходимо повышать конкурентоспособность национальной транспортной инфраструктуры, в частности магистрального транспорта как материально-технической основы межстрановой интеграции, развивать ее в стратегической перспективе, укреплять транспортно-транзитный потенциал [1]. Такая ситуация приводит к необходимости формирования стратегической конкурентоспособности транспортной инфраструктуры в пространстве международных транзитных перевозок, актуализации исследований в данном направлении.

Далее в статье рассмотрим основные тенденции развития российской транспортной инфраструктуры в контексте интеграции в мировое транспортное пространство и реализации экспортно-транзитного потенциала страны, выявим особенности формирования стратегической конкурентоспособности национальной транспортной инфраструктуры, условия ее формирования.

В рамках транспортной стратегии важнейшим направлением в развитии транспортной инфраструктуры России является интеграция в международное транспортное пространство. В этой связи отметим, что интенсивное развитие внешнеэкономических связей в глобальном масштабе создало благоприятные обстоятельства для совершенствования всемирной транспортной инфраструктуры. Обеспечить динамичный рост экономики России, социальное развитие и укрепление связей между ее регионами позволит формирование единого транспортного пространства на базе сбалансированного (комплексного) развития эффективной транспортной инфраструктуры. Развитие нормативно-правовой базы гармонизирует транспортное законодательство, обеспечив интеграцию в мировую систему стандартов и коммуникаций, определение нормативов качества транспортных услуг, ответственности за их соблюдение, а также прав потребителей. Также важным является обеспечение доступности, объема и конкурентоспособности транспортных услуг [2].

Одним из перспективных путей реализации перечисленных инициатив является создание международных транспортных коридоров (МТК) [2]. Имеется в виду модернизация имеющихся и формирование новых направлений, выходящих за пределы национальной транспортной инфраструктуры — использование транспортных магистралей для расширения экономических связей России со странами

[1] © Чумляков К. С. Текст. 2019.

[2] Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство транспорта Российской Федерации . Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р, в редакции, введенной в действие распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 года № 1032-р.

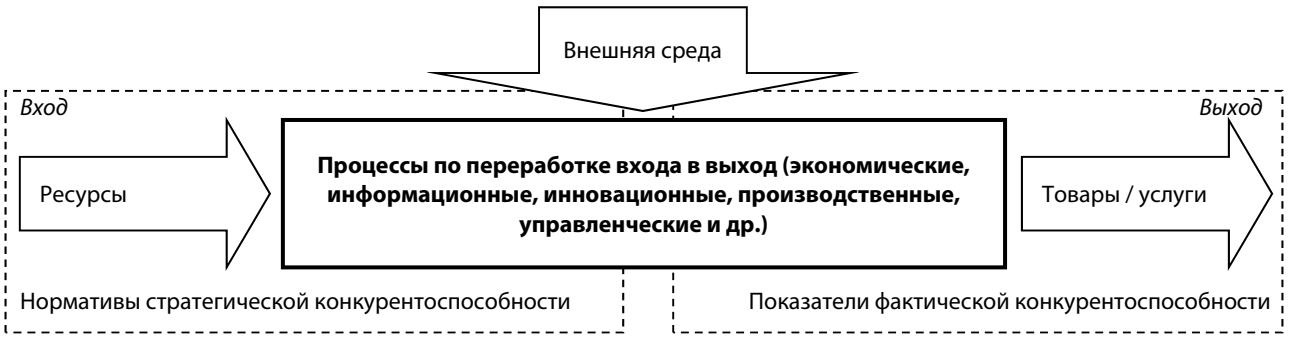


Рис. 1. *Концепция стратегической конкурентоспособности*

АТР, для транзитных перевозок между странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и западноевропейскими странами.

Такие транспортные коридоры, как правило, создаются с учетом фактора расстояний, в основном на базе железнодорожных коммуникаций, поскольку железные дороги являются наиболее рентабельным видом транспорта для перевозок вагонных партий грузов на дальние расстояния, при этом допустимы некоторые спецификации с учетом интересов клиентов. Также следует помнить, что создание и развитие МТК является предметом международных соглашений, заключаемых в регионах присутствия, и подобные соглашения предполагают привлечение к созданию транспортных коридоров значительных ресурсов, гармонизацию законодательства и административных процедур, применяемых при выполнении перевозок по ним.

Проблема создания новых МТК имеет важное практическое значение во взаимоотношениях сопредельных государств. Помимо качественного обслуживания перевозок, как экспортных, так и импортных, включая международный транзит, одной из перспективных функций МТК для России является посредническая роль в товарообороте между Европой и азиатскими странами. Необходимость их формирования возрастает, когда международные транспортные перевозки приобретают достаточно крупные масштабы. Поэтому главной задачей страны является изменение существующей геополитической ситуации в мире, а именно налаживание транспортных потоков, используя международные транспортные перевозки. Значение МТК велико не только с коммерческой точки зрения, но и в экономической, военной, промышленной, демографической и продовольственной сферах развития государства.

К основным предпосылкам формирования новых МТК относятся:

— расширение экономических связей стран АТР со странами Западной Европы;

— высокий уровень развития экономики Китая (в центральных и северо-западных его провинциях, тяготеющих к железнодорожной инфраструктуре РФ, рост промышленности и сложных видов производства превышает 13 % в год);

— увеличение доли товаров с высокой добавленной стоимостью, чувствительных к сроку доставки, в общем объеме транзита из Китая;

— перегруженность экспортной инфраструктуры Китая (мощности портов Шанхай и Гуандун работают на 20–25 % выше запланированного уровня, загруженность железнодорожной инфраструктуры в Китае в 7–8 раз превышает среднеевропейский уровень);

— сложившиеся благоприятные условия международного инвестирования при создании взаимовыгодных инфраструктурных объектов.

В подобных условиях усиливается зависимость между стратегической конкурентоспособностью транспортной инфраструктуры и средой ее формирования, оказывающей влияние на тенденции развития международного транзита [3].

Под стратегической конкурентоспособностью принято понимать теорию, методику и практику прогнозирования нормативов обеспечения конкурентоспособности управляемого объекта в стратегической перспективе, формируемые на входе системы [4]. Основы концепции стратегической конкурентоспособности представлены на рис. 1.

В контексте рассматриваемой проблематики стратегическая конкурентоспособность является следствием реализации стратегических направлений, определенных на основе комплексной диагностики и долгосрочного прогноза состояния транспортной инфраструктуры, а также институциональной среды. Причем при прогнозировании существующее состояние инфраструктуры будет совершенствоваться в соответствии с определенными нормативами конкурентоспособности.

Общий ход развития мирового транспорта и современные тенденции позволяют выделить основные направления, которые наиболее вероятны в перспективе — ближайшей и долгосрочной. Представляется актуальной транспортировка грузов в евразийском сообщении по железнодорожным маршрутам через Россию, Казахстан и Монголию (рис. 2).

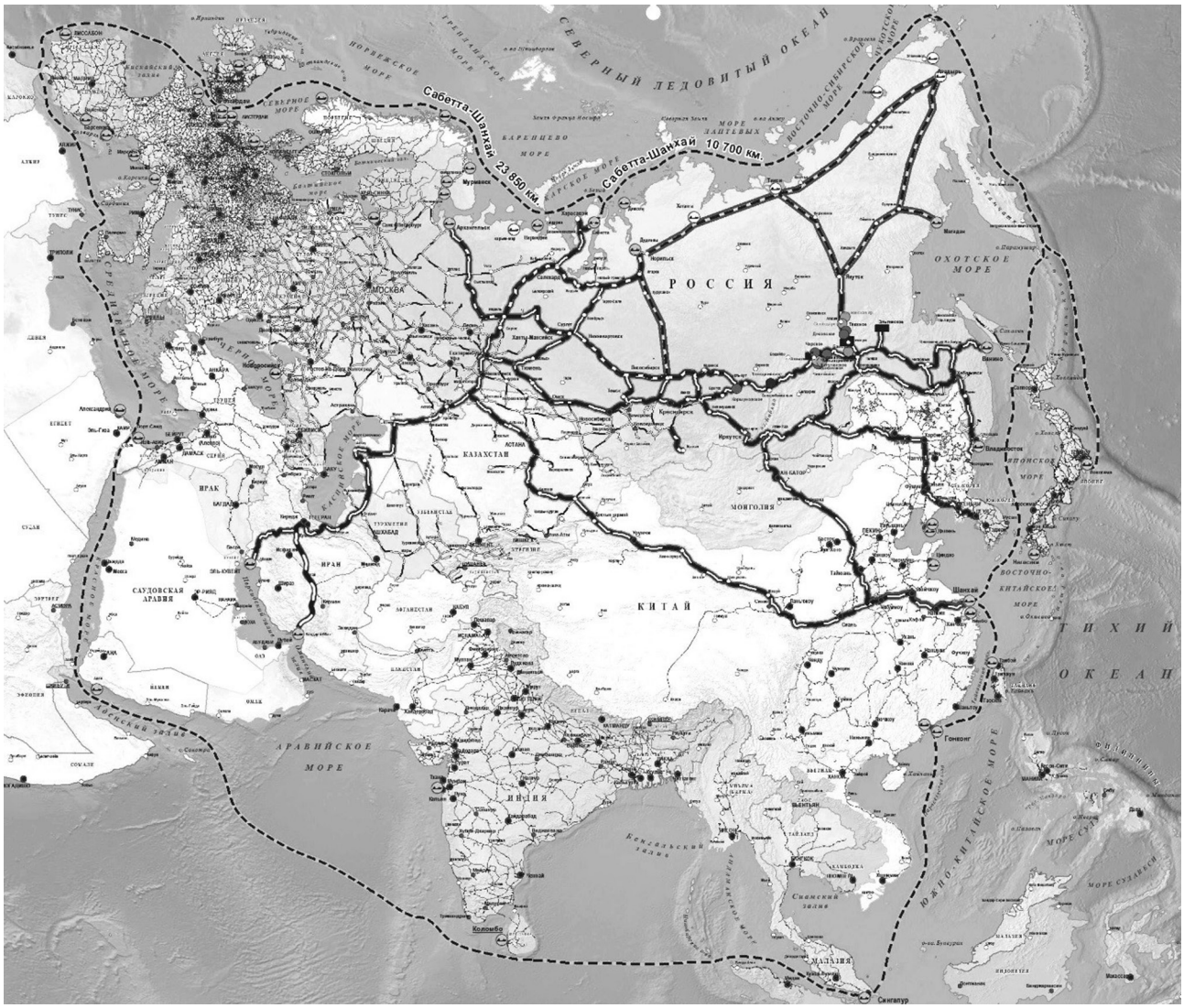


Рис. 2. *Перспективное обеспечение интеграции транспортной системы РФ в систему международных транспортных коммуникаций*

Большинство таких транспортных коридоров допустимо сформировать на основе существующих коммуникаций, которые необходимо будет модернизировать на основе единых стандартов (допустимые нагрузки, габариты, пропускная способность и т. д.), обеспечив беспрепятственное сквозное движение. К этому следует добавить, что международные перевозки и международные транспортные пути не будут отделены от внутренних. В перспективе коридоры могут включать коммуникации различных видов транспорта и альтернативные маршруты, а также региональные ответвления, порталы и хабы.

В контексте исследования объектом изучения может выступать поиск новых путей изыскания и разработки стратегии эффективного развития конкурентоспособности транспортной инфраструктуры. Так, важно уделить внимание реформированию транспортной инфраструктуры в рамках системы МТК, разработке динамической системы регулирования тарифов для перевозки внешнеторговых и транзитных грузов, согласованию деятельности железных дорог, судоходных компаний, портов, экспедиторов и операторов, другим международным детерминантам укрепления национального транспортно-транзитного потенциала, являющимся составной частью концепции развития транспортного комплекса, увязывающей социально-экономические ориентиры национальных стратегий, программ развития, в том числе смежных отраслей, а также особенности адаптивности российской составляющей МТК к условиям геополитической и геоэкономической изменчивости мировой экономики.

Для формирования стратегической конкурентоспособности национальной транспортной инфраструктуры с учетом различных внешних и внутренних условий помимо целевого развития целесообразно будет сочетание адаптивного и интеграционного механизмов развития [5]. Интеграционный подход к формированию стратегической конкурентоспособности транспортной инфраструктуры нацелен на усиление взаимосвязей между сетью национальных железных дорог и Евроазиатским транспортным комплексом, системами стратегического и оперативного управления, а также развитие МТК, а адаптивный, в свою очередь, предусматривает приспособляемость к изменяющимся условиям.

В общем виде процесс формировании стратегической конкурентоспособности состоит из двух основных этапов:

1) анализ существующего состояния фактической конкурентоспособности транспортной инфраструктуры;

2) анализ непрерывно формирующихся мероприятий, направленных на реализацию долгосрочных целей, повышение стратегической конкурентоспособности, учитывающий возможности корректировки ее положений в соответствии с изменениями внешней среды и в зависимости от социально-экономической и политической ситуации.

Результатом разработки и внедрения адаптивно-интеграционных стратегий будет достижение свойств сбалансированности, устойчивости и опережающего уровня развития транспортной инфраструктуры по отношению к спросу на перевозки при формировании стратегической конкурентоспособности.

Резюмируя, отметим, что транспортно-инфраструктурная составляющая в современных макроэкономических условиях приобретает большое значение. Формирование транспортных коридоров, интегрированных в международную транспортную сеть, существенно активизирует товарообмен между динамично развивающимися макрорегионами и соседними странами. Ввиду этого возрастает значимость разработки и реализации механизма формирования стратегической конкурентоспособности национальной транспортной инфраструктуры. Так, стратегирование развития транспортной инфраструктуры и дальнейшая проработка вариантов прохождения новых трасс окончательно определят альтернативные маршруты транспортного коридора, а наличие дополнительных транспортных артерий будет способствовать становлению конкурентоспособной транспортно-транзитной сети, ее интеграции в сферу международных транзитных перевозок. Вышеизложенное предопределяет необходимость исследования приспособляемости транспортно-технологических и экономических процессов к изменяющимся условиям на основе научно обоснованных методов и методик.

Список источников

1. *Лаврикова Ю. Г.*, *Эсаулов П. М.*, *Аверина Л. М.*, *Гимев Э. Р.*, *Котлярова С. Н.*, *Матушкина Н. А.*, *Петров М. Б.*, *Суворова А. В.* Реализация экспортного потенциала региона на основе формирования транспортно-логистического кластера. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — 170 с.

2. *Петров М. Б.*, *Казаков А. Л.* Прогнозирование взаимного влияния формирования грузопотоков на полигоне железной дороги и развития транспортной сети в евроазиатских экономических коридорах // Экономический коридор «Китай — Монголия — Россия»: географические и экологические факторы и возможности территориального развития. Тезисы Международной географической конференции. — М., 2018. — С. 178–179.

3. *Тонышева Л. Л.* Стратегическая конкурентоспособность региона: определение пространственных приоритетов развития экономики // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: Материалы VII Международной научно-практической конференции. — СПб., 2015. — С. 11–12.

4. *Фатхутдинов Р. А.* Стратегическая конкурентоспособность — М.: Экономика, 2005. — 504 с.

5. *Чумляков К. С.* Стратегическая конкурентоспособность национальной транспортной инфраструктуры в пространстве международных транзитных перевозок // Вестник Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта. — 2015. — № 1. — С. 49–54.

Чусова М. Е.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИР-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА [1]

Экономика и научный мир на современном этапе поглощены концептом глобализации. Однако актуализируется вопрос понятия глобализации. Как оказалось, в рамках различных парадигм исследований рождаются принципиально разные интерпретации современного процесса трансформации глобального хозяйства. Предстают мнения о пустоте понятия и отсутствии концепта совсем, кто-то же считает, что это просто новое название для уже исследованных ранее теорий.

Автор ставит в качестве центрального вопрос о том, сможет ли концепция мир-системного анализа объяснить процессы глобализации в ретроспективе последних десятилетий и с какими трудностями столкнутся теоретики «мир-системы», отвечая на этот вопрос.

Ключевые слова: глобализация, мир-системный анализ, глобальный капитализм

В конце 1980-х гг. концепт глобализации колонизировал научный мир. Автор полагает, что в условиях динамичной трансформации глобального хозяйства, прежде чем искать рецепты эффективного экономического роста и лечения экономик от кризисов, логичным будет построить картину глобального хозяйства путем сопоставления видения системы мира сквозь призму концепций, в первую очередь исследования самой глобализации, и мир-системного анализа (МСА), ввиду того, что теоретики данного направления раньше других осознали глобальную природу систем социальных взаимодействий.

Автор статьи обособляет проблему в следующем: в неверном определении содержания и смысла понятия глобализации из-за разнообразия концепций и подходов, что может приводить к ошибочному представлению рецептов выхода экономик мира из рецессии и стагнации.

Цель работы заключается в том, чтобы выяснить возможность использования теоретико-методологического потенциала мир-системного анализа, а задача — в том, сопоставить картины глобального мира, созданные концепциями глобализации и МСА.

В 1970–1990 гг. рождается основа для размышлений о взаимосвязи процессов глобализации и концепций мир-системного подхода благодаря таким исследователям, как Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Г. Франк, С. Амин и др.

Ключевым понятием рассматриваемого в данной статье подхода является понятие «мир-система», в целом это совокупность сообществ, например, мир-империй, мир-экономик, которые связаны, в первую очередь, экономически и политически, образуя внутренний иерархический порядок. Здесь важно понимать, что границы социально-экономической системы и реальные границы государств размываются, они не совпадают.

К современной мир-системе применяется характеристика капитализма, а именно желание найти ответ на вопрос, как капитализм структурирует и организует мировую площадку.

Центром исследований в мир-системном анализе выступают «ядро — периферийные отношения» («ядро» и «периферия» обозначают зоны, которые являются соответственно центрами накопления капитала, и зоны, которые эксплуатируются центрами мир-системы).

Возникновение ядро-периферийных отношений — результат развития капиталистического способа производства. Ядро и периферия составляют две неразделимые стороны единого комплекса накопления капитала в мировом масштабе. Иначе говоря, без периферии с ее производственными, социальными и политическими структурами не может быть ядра с характерными для него производством, социальной структурой и политической системой. Ядро и периферия как элементы КМЭ не связаны непосредственно с системой наций-государств.

Прежде чем понять, как анализировать через мир-системный подход трансформацию глобального хозяйства, стоит обособить ситуацию данного процесса:

1) появление международного разделения труда, производственная специализация стран;

2) транснационализация мирового хозяйства;

3) структурные сдвиги в различных сегментах мировой экономики;

4) сохраняющаяся дифференциация в доходах и заработной плате в развитых и развивающихся странах;

6) появление и динамичное развитие технологий, способствующие большому разрыву в уровне развития стран.

Данные факторы стали краеугольным камнем, усложнив пространственную структуру глобальной экономики экспансией полупериферии. Также результатом стал перенос трудоемких, основывающихся на получение выгод за счет «экономии на масштабе» производств в развивающийся мир. Значительно

[1] © Чусова М. Е. Текст. 2019.

вырос рост экономической роли стран БРИКС, Азии, прежде всего Китая. Однако проблемой остается вопрос о неравномерности темпов экономического роста в экономиках мира и его нестабильности. И что делать с отсталостью стран, не включенных в процессы глобализации?

Может ли МСА предоставить более четкое представление о процессах глобализации или же, наоборот, будет противоречить основному концепту трансформации мирового хозяйства? Ответ коренится в том, как мы понимаем концепцию глобализации.

Если в теории мир-системного подхода мы определяем процессы трансформации глобального хозяйства как взаимосвязи и взаимозависимость, то, несомненно, теория МСА является теорией глобализации, появившейся около 500 лет назад, и эволюционировала, соответствуя развитию капитализма [7].

Тогда почему теоретики МСА пренебрегают теорией глобализации, и даже при подходах самого МСА имеют очень разношерстные и принципиально расходящиеся взгляды? Например, И. Валлерстайн вообще считал «глобализацию» бессмысленной в плане аналитического понятия. Однако сам ссылался на глобализацию в двух разных интерпретациях: во-первых, на глобализацию как действительно вопиющую идеологию, вызванную правящими группами для оправдания капиталистической политики процессов глобализации; во-вторых, утверждение, что процессы глобализации не новы, а то, что имеется в виду под глобализацией, начинающейся с 1990-х гг., то такой период не может подлежать анализу, так как ретроспектива совсем небольшая, чтобы находить какие-то закономерности и делать прогнозы. Если рассматривать теорию глобализации, то следует брать два периода: с 1945 г. по наст. вр. или же с 1450-х гг. по наст. вр. [4].

Валлерстайн утверждает, что глобализация представляет собой качественно новую эпоху в продолжающейся и открытой эволюции мирового капитализма. Для «мир-системников» два вопроса являются ключевыми: а есть ли что-то новое в мире конца XX и начала XXI века, которое невозможно адекватно объяснить теорией мир-системы? И второй: это в условиях изменений в конце XX — начале XXI века система мирового капитализма все еще демонстрирует существенные структурные характеристики и циклические закономерности?

Самая большая проблема, стоящая перед теорией мировой системы в этом отношении, заключается в том, что транснациональные процессы разворачиваются в условиях глобализации, в частности, создание новой глобальной производственной и финансовой системы, которая явно транснациональная, а не международная. Интернационализация рассматривается как связанная с расширением экономической деятельности через национальные границы и по существу представляет собой количественный процесс, который приводит к более обширной географической структуре экономической деятельности, тогда как транснационализация качественно отличается от процессов интернационализации, что связано не только с географическим расширением экономической деятельности через национальные границы, но и с транснациональной фрагментацией этих видов деятельности и их функциональной интеграцией [1; 3].

В 1970-х гг. национальные экономики были демонтированы, а затем воссозданы как составные элементы новой глобальной производственной и финансовой системы, которая является качественно отличной мировой экономической структурой по сравнению с предыдущими эпохами, когда в каждой стране есть отдельная национальная экономика, внешне они связаны друг с другом посредством торговли и финансовых потоков. Это переход от интеграции международного рынка к глобальной продуктивной интеграции. Эта концепция изменений последних десятилетий несовместима с МСА, в котором мировая экономика разделяется на отдельные и конкурирующие национальные экономики, объединяющие национальных капиталистов и фирмы со своими соответствующими государствами, которые теория считает имманентными и неизменными для капиталистической мировой системы.

Появляются новые отношения между государством, классами, институтами и накоплением в условиях глобализации, которые не могут быть так легко сформулированы в территориальных, географических и статистических терминах, установленных МСА. Некоторые теории глобализации видят рост таких организаций, как Всемирный экономический форум, G7, G20 и Всемирная торговая организация — как признаки зарождающегося транснационального или глобального управления [2]. Для Валлерстайна и большинства мир-системных аналитиков эти организации являются инструментами США по поддержанию своего политического контроля над потенциальными соперниками за гегемонию во всем мире.

Подход парадигмы мир-системы к гегемонии заключается в том, что национальные продукты национальной гегемонии вытесняют продукты других стран. Гегемония в парадигме мир-системы основывается на этом ориентированном на государство подходе, который связывает гегемонию в мировой системе с господством той или иной страны. Большинство аналитиков мировой системы, в том числе Валлерстайн, видят новый раунд «межъядерного» соперничества, над которым государство станет следующим гегемоном после падения американской гегемонии. Здесь можно увидеть параллель МСА и борьбы за лидерство Китая и США. Но один угол данной стыковки не удастся сгладить, ведь сейчас

трудно найти доказательства, подтверждающие представление о том, что каждая страна производит и продает свои собственные национальные продукты. Проблема централизованного государственного анализа заключается в том, что он не позволяет нам представить возникшую глобальную гегемонию с точки зрения транснациональных классов и групп, не связанных ни с каким государством, ни с конкретными географическими регионами. Альтернативный взгляд на борьбу за гегемонию в глобальной системе состоит не в терминах спора между национальными государствами, а с точки зрения транснациональных социальных и классовых групп и их борьбы за разработку гегемонистских и «контргегемонистских» проектов.

Резюмируя, автор считает, что общее между исследованием процессов глобализации и МСА — это прослеживаемая зависимость обеих теорий от развития капитализма. Но мир-системный анализ, значительно умаляя роль национальных государств, не отрицает их значимость в глобальной экономике, однако не подчеркивает должным образом важность этих экономик как дискретных взаимодействующих единиц, что в свою очередь не коррелирует с теорией глобализации, что только подтверждает альтернативность двух теорий и их соперничество.

Список источников

1. *Dicken P.*, Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century, 4th edn. — New York: Guilford Press. — 2003.

2. *Held D.*, Mc*Grew A.*, *Goldblatt D.*, *Perraton J.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.

3. *Robinson W. I.* A Theory of Global Capitalism: Production, Class and State in a Transnational World. — Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2003.

4. *Wallerstein I.* Globalization or the age of transition? A long-term view on the trajectory of the world-system // International Sociology 15(2). — 2000.– P. 249–265.

5. *Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction. — Durham, NC: Duke University Press, 2004.

6. *Wallerstein I.* The Capitalist World-Economy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

7. *Zolberg A.* Origins of the modern world-system: A missing link // World Politics. — 1981. — Vol. 33(2). — P. 253–281.

Юренский Д. А.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРОВ В РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ [1]

Развитие внутреннего и въездного туризма является одной из стратегических задач по обеспечению роста экономики России. В рамках государственной политики развития этого сектора экономики ключевая роль отводится кластерной модели, реализуемой на региональном уровне. В статье исследуется текущее состояние сферы туризма в целом и эффективность кластерной парадигмы ее трансформации в частности, оцениваются итоги реализации ФЦП по развитию туризма, рассматриваются проблемы и перспективы дальнейшего развития кластерных структур в туризме. Сделан вывод об относительной эффективности реализации туристской кластерной политики, обоснована необходимость решения имеющихся проблем в области государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: туристский кластер, кластерная система, туризм, регион, туристская дестинация

Туризм в России, как внутренний, так и въездной, растет опережающими темпами. Общий объем рынка платных туристских услуг, согласно данным Ростуризма, стабильно растет на 7–9 % в год [2] при официальном показателе роста ВВП на 2,3 % за 2018 год [3]. По итогам 2017 года общее количество мест в коллективных средствах размещения с 2010 года выросло более чем на 70 %, общая численность путешествующих увеличилась более чем в 2 раза. В рамках курса на обеспечение ускоренных темпов экономического роста, поставленных стратегических приоритетов развития, а также политики импортозамещения и поощрения несырьевого экспорта, задача по развитию внутреннего и въездного туризма становится одной из ключевых [4]. При этом вклад туризма в ВВП составляет около 3,4 %, что в 2–3 раза ниже показателей развитых стран.

Успешность туристской дестинации [5] требует наличия целенаправленно формируемых и саморазвивающихся интеграционных структур. Поэтому кластерная парадигма закладывается как приоритетная в рамках создания и развития объектов туристско-рекреационного комплекса [1], именно она позволяет создать устойчивые сбалансированные связи между различными задействованными отраслями [3]. Многие исследователи отмечают важность кластерной политики именно на региональном уровне для формирования распределенных локальных точек притяжения, что дает возможность не только увеличить туристский поток, показатели доходов и занятости внутри региона, но и внести свой вклад в нивелирование сложившейся асимметрии и высокой сезонности этого рынка [7]. В связи с вышеизложенным, актуальной становится задача рассмотрения проблем и перспектив развития региональных кластеров в туристском секторе.

С момента выхода трудов основоположника кластерной теории М. Портера [6] в научной литературе был создан огромный пласт работ, посвященных вопросам идентификации, формирования, развития, функционирования и оценки эффективности кластерных систем. Проблематике туристских кластеров как специфической категории также уделено достаточное внимание. В электронной библиотеке eLIBRARY [7] можно найти около 1500 работ по данной тематике, в которых можно отчетливо выделить два основных направления. Первое касается теоретической проработки и осмысления терминологии (раскрытие содержательных аспектов понятий «туристский кластер», «дестинация» и т. д.), выявления состава и подходов к типологизации туристских кластеров. Обзоры по этому направлению выполнены Е.В. Печерицей [9], а также Н.Н. Даниленко и Н.В. Рубцовой [5]. Второе направление посвящено рассмотрению конкретных туристских кластерных структур.

Вместе с тем в научной литературе недостаточно освещены актуальные проблемы и перспективы туристской сферы и общие результаты целенаправленной кластерной политики. В 2009 году такой

---

[1] © Юренский Д. А. Текст. 2019.

[2] Статистические данные Федерального агентства по туризму за 2018 год. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf-2018.

[3] Первая оценка величины ВВП за 2018 u/, выполненная Федеральным агентством государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134.

[5] В данном исследовании понятие туристской дестинации трактуется исходя из официального определения Всемирной туристской организации: это физическое пространство, где турист проводит минимум одну ночь. Дестинация имеет физические и административные границы, которые определяют систему менеджмента дестинации, имидж и восприятие, которые определяют ее рыночную конкурентоспособность.

[6] Речь идет прежде всего о труде Портера “Principle osf Economics” (“Принципы экономической науки”), опубликованном в 1980 году.

[7] Научная электронная библиотека «eLIBRARY». Режим доступа: https://elibrary.ru.

анализ был проведен Л.К. Гуриевой и З.И. Созиевой в рамках исследования проблем и перспектив создания туристского кластера в Южном федеральном округе [4]. Авторы отмечали, что кластеры на тот момент являлись принципиально новым для России подходом к развитию туризма, а также то, что в действующей в то время регуляторной базе[8] задачи создания кластеров не стояло, однако некоторые из вновь создаваемых зон изначально обладали некоторыми признаками кластеризации. Федеральной целевой программой (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» заложена кластерная парадигма, реализуемая на базе государственно-частного партнерства, поэтому в данном исследовании особый акцент делается на анализе текущих результатов государственной политики и мер регулирования ввиду как стратегического значения отрасли, так и невозможности ее опережающего развития без мер поддержки.

Информационной базой исследования послужили законодательные акты и нормативно-правовые документы, результаты выполнения ФЦП и другие статические документы, а также посвященные проблематике развития туристских кластеров научные работы и доклады.

Основными методами, используемыми в исследовании, являются методы сравнительного анализа и синтеза.

Итак, какими отличительными чертами характеризуется сфера туризма в РФ? Каким образом кластерная политика может нивелировать исторически сложившиеся проблемы в региональном туризме? Каковы основные итоги и перспективы развития региональных туристских кластеров?

Значительно опережающие средние темпы роста экономики показатели роста в туристской сфере обусловлены, на наш взгляд, так называемым эффектом низкой базы, который был усилен следующими факторами. В первую очередь, общеэкономическая и политическая ситуация приводит к постепенному замещению выездного туризма внутренним. Кроме того, для некоторых категорий туристов посещение иностранных государств было затруднено из-за законодательных барьеров. Важными также остаются проблемы безопасности в традиционно популярных для выездного туризма странах (Египет). Далее, масштабные международные мероприятия (например, Олимпийские игры 2014 года и ЧМ по футболу 2018 года) позволили создать как качественную туристскую инфраструктуру, так и большое количество точек притяжения для внутреннего и въездного туризма. Наконец, значительное поступательное развитие регуляторики в сфере туризма и активное поощрение инвестиций со стороны государства согласуются с долгосрочными приоритетами, такими как импортозамещение и политика по несырьевому развитию экономики страны.

Важно в свою очередь отметить четыре сдерживающих и потенциально-негативных обстоятельства. Во-первых, даже сложившиеся туристские направления с выстроенной инфраструктурой характеризуются недостаточным уровнем качества сервиса. Во-вторых, созданный положительный имиджевый эффект от масштабных международных мероприятий является точечным и краткосрочным. В-третьих, можно констатировать объективный качественный рост туристского продукта в обеих столицах и в некоторых дестинациях, принимавших международные события. При этом относительно не развит, но огромен потенциал для создания новых направлений. В-четвертых, для региональных проектов актуальна проблема как ограниченности использования заемных инструментов для инвестирования, так и неочевидные сроки окупаемости в приемлемые для инвестора сроки.

Очевидно, что решение этих проблем невозможно без четырех базовых составляющих, помимо потенциальной притягательности самой туристской дестинации (как то: исторические, природные, объекты культурного наследия и так далее): транспортная доступность, наличие необходимой инфраструктуры, качественный сервис и информационное обеспечение.

Для иллюстрации обозначенных тезисов уместно привести пример успешного всесезонного горного кластера в Сочи. Давшее мощный толчок процессам интеграции строительство объектов инфраструктуры, приуроченных к ОИ, привело к тому, что это место превратилось из локальной горнолыжной базы с одним подъемником в международный круглогодичный курорт с посещаемостью около 6 миллионов человек (общее число гостей за 2017 год)[9].

Из вышеизложенного становится очевидно, что создание и развитие туристских точек притяжения трудно осуществить без государственной поддержки. Действительно, развитие инфраструктуры и транспорта должно быть предметом государственно-частного партнерства, в первую очередь по причине капиталоемкости и необходимости определенного административного ресурса. Субъектам РФ в этом процессе отводится одна из ключевых ролей ввиду того, что именно ими обеспечивается проведение координационной, институциональной, инфраструктурной и общей кадровой политик. Успешность проводимых на этих уровнях мер обеспечивает взаимовыгодное сотрудничество между властью и бизнесом и способствует созданию масштабного мультипликативного эффекта [6, с. 55].

[8] Согласно Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года и плана мероприятий по ее реализации.

[9] Аналитическая записка об итогах социально-экономического развития города Сочи за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.sochi.ru/zhizn-goroda/ekonomika/sots-ekon-razv-sochi/99150.

Государственная политика по регулированию туризма строится на «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года»[10] и основанной на ней ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»[11], которые и закладывают кластерную парадигму создания и развития точек притяжения на уровне субъектов как эффективный инструмент решения основной задачи ФЦП — развития туристско-рекреационного комплекса Российской Федерации.

В ходе реализации программы проведена работа по созданию и развитию 48 туристских кластеров на основе государственно-частного партнерства, на которые в 2017 г. приходилось в среднем 35 % регионального турпотока. Официальные итоги программы будут подведены весной 2019 года, однако уже сейчас заявляется о результативности программы на 117–120 % от запланированной[12]. Тем не менее, по части показателей ожидаемые значения не были достигнуты.

Так, по предварительным результатам программы не удалось освоить все средства федерального бюджета (89,5 %), бюджеты субъектов РФ выполнили план на 92 %, из 213 объектов обеспечивающей кластер инфраструктуры было введено 168 (79 %), то есть часть кластеров не будет запущена в срок. Итоговым соотношением федерального и частного капитала стало 1: 2,2, что ненамного ниже целевого показателя — на 1 рубль федерального бюджета субъекту необходимо было привлечь 2,3 рубля частных инвестиций.

Также можно отметить наличие в Стратегии методологических проблем, таких как отсутствие дефиниций многих понятий (в т. ч. «туристский кластер»), непроработанность концептуального подхода к проектированию кластеров, вопросов управления на различных жизненных циклах, недостаточное внимание уделено процессу создания и развития туристской дестинации как ценности.

Например, О.Е. Афанасьев, предлагая собственную типологию региональных туристских кластеров, участвующих в ФЦП, разделяет кластеры на 4 интегральных типа по качеству организационного потенциала. При этом 51 % был отнесен к кластерам с низким и средним потенциалом, а большинство кластеров с наиболее высоким организационным потенциалом (18 % от общего числа) были включены в программу на начальных этапах ее существования [2]. Приводя этот пример, важно подчеркнуть, что процесс создания и развития ценности ядра кластера как изначального источника туристского спроса должен происходить одновременно с созданием инфраструктуры и является ее неотъемлемой частью.

Кроме того, недостаточно освещены вопросы управления кластерными структурами в связи со спецификой туристского рынка России, как то: приоритетные к развитию виды туризма, ярко выраженная сезонность, значительная пространственная асимметрия и вопросы подготовки кадров индустрии гостеприимства и стратегического менеджмента на региональном уровне.

Отдельно стоит упомянуть специфику государственно-частного партнерства по развитию инфраструктуры кластеров. Во-первых, недостаточно отлажен механизм поэтапного выделения бюджетных средств. Во-вторых, одной из проблем проектов, реализуемых в ходе Программы, признаны недостатки в проработке документации и бизнес-планировании. Зачастую развитие кластера предусматривает строительство за счет частного капитала, и в полной мере реализуется как риск срыва сроков, так и проблема удержания инвестора в проекте. Интерес частного бизнеса мог бы быть увеличен за счет создания специальных налоговых режимов внутри туристских кластеров и обеспечения доступа к льготному кредитованию.

Построенная на базе завершенной ФЦП предлагаемая концепция Программы на 2019–2025 годы[13] признает эффективным и предполагает эволюцию кластерного подхода для развития туристского сектора. Часть названных выше проблем поднимается в концепции программы, так, впервые на законодательном уровне вводится формализованное понятие туристского кластера как сосредоточение на определенной территории предприятий и организаций, интегрированных в одну логистическую схему и занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристского продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами. Необходимо отметить, что в данное определение, несмотря на его максимально обобщающую структуру, по мнению некоторых исследователей, включены не все акторы туристского сектора, как то: пассажирский транспорт, финансовые организации, предприятия коммунального хозяйства, учебные заведения по подготовке кадров [8].

[10] Распоряжение Правительства РФ от 31.05.2014 №941-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164146.

[11] Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 №644 «О федеральной целевой программе „Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)”» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/5c35948bc6a4cab25917e88b3c476c0110f7194b.

[12] Интервью с заместителем руководителя Ростуризма Н.В. Королевым от 15.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/interview/interview/55708.

[13] Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2018 №872-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы „Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)”». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297883.

Далее, в отличие предыдущей Программы, предполагается предоставление субсидий и концессионных соглашений для инвесторов, льгот для туроператоров, грантовой поддержки общественных и предпринимательских инициатив с одновременным совершенствованием механизма контроля за выполнением обязательств. Отдельно ставятся задачи по развитию системы подготовки и квалификации специалистов индустрии туризма и повышению информированности о турпродукте и развитию маркетинга в туризме.

В целом в Программе заявлена амбициозная цель по увеличению вклада туризма в ВВП на 70 % к 2025 году, предполагается работа по устранению ряда проблем, о которых говорилось выше. На наш взгляд, дополнительной проблемой для определения результативности Программы является недостаточная точность статистического учета показателей посещаемости в туристской сфере. В текущих условиях налажен централизованный учет в коллективных средствах размещения, однако не существует достоверной системы учета по видам туризма и малым туристским объектам.

Подводя итоги, стоит отметить, что текущая макроэкономическая и политическая ситуация создает благоприятный фон для развития внутренней индустрии туризма. Эта сфера в России характеризуется относительной неразвитостью ввиду слабости инфраструктурной составляющей, низкого уровня сервиса и информационного обеспечения. Эффективным для развития сферы туризма признается кластерный подход, который реализуется на макрорегиональном и региональном уровнях в рамках Стратегий и ФЦП. Концепция Программы развития туризма на 2019–2025 годы призвана как развить результаты предшествующей Программы, так и учесть выявленные при практической реализации кластерных проектов проблемы.

Список источников

1. *Александрова А. Ю.*, *Владимиров Ю. Л.* Особенности создания туристских кластеров в России (на примере Вологодской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2016. — № 1. — С. 47–58.

2. *Афанасьев О. Е.* Типологизация туристских кластеров, включенных в ФЦП «Развитие въездного и внутреннего туризма в Российской Федерации» // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2016. — Т. 10. — № 1. — С. 37–46.

3. Ганущак-*Ефименко Л. Н.* Конкурентные преимущества кластерообъединенных предприятий на рынке // Актуальные проблемы экономики. — 2010. — № 3(105). — С. 143–147.

4. *Гуриева Л. К.*, *Созиева З. И.* Туристический кластер региона: проблемы и перспективы создания // Региональная экономика. Теория и практика. — 2009. — № 22(115). — С. 72–80.

5. *Даниленко Н. Н.*, *Рубцова Н. В.* К вопросу о содержании понятия «туристский кластер» // Региональная экономика. Теория и практика. — 2013. — № 33(312). — С. 45–53.

6. *Ковалев Ю. П.* Особенности создания концепции формирования локальных туристских кластеров // Туризм и региональное развитие. — 2014. — № 7.

7. *Курченков В. В.*, *Фетисова О. В.*, *Тютюшева А. Г.*, *Матина Е. С.* Проблемы типологии региональных туристских кластеров // Вестник АГТУ. Серия Экономика. — 2016. — № 1. — С. 7–13.

8. *Молчанов И. Н.* Проблемы формирования и финансирования туристских кластеров в регионах России // Вести ВГУ. Серия 3. Экономика. Экология. — 2016. — № 1(34). — С. 45–57.

9. *Печерица Е. В.* Кластерный подход к управлению конкурентоспособностью хозяйствующих субъектов в индустрии гостеприимства // Региональная экономика. Теория и практика. — 2012. — № 22(252). — С. 45–53.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: МЕСТО И РОЛЬ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Буданцева Ю. И., Старых С. А.
Юго-Западный государственный университет. г. Курск

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА[1]

Статья посвящена анализу состояния отношений двух великих держав. Россия и Китай — стратегические партнеры, ближайшие страны-соседи, оказывающиеся перед различными ограничителями экономического роста. В связи с нынешней мировой ситуацией в области экономики нами были рассмотрены перспективные направления сотрудничества двух великих стран.

Ключевые слова: энергетика, энергодиалог, ресурсно-сырьевая база, экономика, БРИКС

Россия и Китай — соседние страны, общая граница между ними протянулась на три с лишним тысячи километров. При таких геополитических условиях две страны неизбежно должны вступать во взаимоотношения, и, что желательно для обеих стран, в отношения взаимовыгодного сотрудничества.

Сейчас уже можно уверенно констатировать, что Россия и Китай действительно выбрали стратегическое сотрудничество. В истории отношений даже случилось несколько локальных вооруженных конфликтов, но можно надеяться, что все это уже в прошлом. В наше время обе страны демонстрируют полное понимание того факта, что дружба и сотрудничество России и Китая выгодны обеим странам.

Эпизодические контакты России и Китая прослеживаются с глубокой древности, однако организованные взаимоотношения на официальном уровне начали устанавливаться с начала XVII в., когда Россия присоединила Сибирь, и наши две страны стали соседями.

Первый в истории договор между Россией и Китаем был заключен в 1689 году, это был так называемый Нерчинский договор. Он установил границу между двумя странами по р. Амур, и эта граница на значительном своем протяжении существует и по сей день. В 1727 г. был заключен Кяхтинский договор — первый торговый договор между Россией и Китаем. Торговым договором был и Кульджинский договор 1851 г.

В 1858 г. по Айгунскому договору России удалось существенно изменить границу в свою пользу — Россия получила Уссурийский (ныне Приморский) край.

Первая половина XX в. в Китае (как, впрочем, и в России) была сложным периодом революций, войн и гражданских конфликтов. Россия активно помогала революционным силам Китая. Китайское государство было создано 1 октября 1949 г., СССР первым признал это государство уже на следующий день и заключил с КНР договор о дружбе. Первые годы существования КНР, до изменения политического курса в СССР в середине 1950-х годов, были периодом наиболее дружественных отношений в истории двух государств. СССР передал Китаю КВЖД и Порт-Артур. Уровень доверия был столь высок, что СССР даже оказал Китаю помощь в создании атомного оружия.

Отношения резко ухудшились после XX съезда КПСС и отказа от сталинской идеологии в СССР. Китайское руководство расценило это как отход от идеалов социализма. К середине 1960-х годов советско-китайские отношения были прекращены почти полностью. В 1969 г. случился даже ряд вооруженных пограничных конфликтов.

Отношения стали вновь налаживаться в последние годы существования СССР. В 2001 г. был заключен российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а также создана Шанхайская организация сотрудничества. В 2005 г. был урегулирован последний спорный пограничный вопрос — Китай получил полтора острова на реке Амур, чем отчасти морально компенсировал передачу России Приморского края полутора столетиями ранее. Больше территориальных споров между Россией и Китаем нет.

На сегодняшний день Китай является крупнейшим торговым партнером России, на него приходится около 10 % российского внешнеторгового оборота. Доля России во внешней торговле Китая менее значительна и составляет около 2,3 % [1].

Структура российско-китайской торговли менялась довольно значительно на протяжении последних двух десятилетий. В начале 1990-х годов доля машин и оборудования в российском экспорте в

[1] © Буданцева Ю .И., Старых С. А. Текст. 2019.

Китай составляла 35,2 %, сейчас она упала до 1,12 %; с другой стороны, доля древесины и изделий из нее выросла за тот же период с 0,9 до 11,7 %, доля минерального топлива, нефти и нефтепродуктов — с 4,2 до 34,8 %. В китайском импорте в Россию в 1990-е годы преобладала продукция легкой промышленности, ныне же 40,9 % поставляемой из Китая в Россию продукции составляют машины и оборудование. Речь здесь идет, конечно, о машинах и оборудовании гражданского назначения, в сфере военной техники экспорт идет из России в Китай.

Важнейшим элементом экономического сотрудничества России и Китая является поставка в Китай энергоносителей, что дает возможность развивать китайскую экономику, поскольку собственные ресурсы Китая недостаточны для обеспечения энергией такой мощной экономики. Сотрудничество в энергетической области является стратегическим и крайне выгодным для обеих стран — России китайский рынок энергоносителей обеспечивает стабильный сбыт даже при сложностях торговли с Европой, Китаю российский источник энергоносителей обеспечивает снижение уровня зависимости от поставок из контролируемых США стран Персидского залива [2].

В 2006 г. Россия и Китай подписали ряд меморандумов в области поставок российских энергоресурсов (о строительстве двух газопроводов мощностью 60– 80 млрд м3 газа в год — «Алтай» и «Сила Сибири»; поставки газа по «Силе Сибири» в Китай планируется начать через два года); о строительстве отвода на китайскую территорию от нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» — проект реализован, поставки нефти по этому трубопроводу начались в 2011 г.; о строительстве в Китае совместных нефтеперерабатывающих предприятий; о поставках в Китай электроэнергии — до 60 млрд кВт·ч) [3].

В 2014 г. российский «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) подписали договор на поставку газа объемом до 38 млрд м3 в год сроком на 30 лет. Этот контракт является крупнейшим контрактом на поставку газа в мировой истории. Газопроводы, нефтепроводы и линии электропередач связывают Россию и Китай надежнее, чем любые договоры [4].

В 2014 г. в Шанхае в ходе визита Президента России В.В. Путина был подписан новый ряд перспективных документов о российско-китайском сотрудничестве общим количеством 46 соглашений, включая: соглашение о сотрудничестве российских и китайских железных дорог (совместное развитие транспортной инфраструктуры с целью создания конкурентоспособной системы железнодорожных перевозок по транспортному коридору Китай — Россия — Европа); о сотрудничестве в валютной сфере (с целью перехода на прямые расчеты в национальных валютах для снижения зависимости от доллара); о совместном создании нового пассажирского самолета; о совместном возведении нового моста через реку Амур (работы начались); о поставках сжиженного газа в рамках проекта «Ямал СПГ» и т. д.

России и Китаю стратегически весьма выгодно формирование «Шелкового пути» — транспортного коридора, который пройдет частично через Россию, усиливая экономическую связь Азии и Европы. Образование подобного коридора, усиливающего экономическую интеграцию Евразии, существенно изменит экономическую и политическую ситуацию в мире.

Отдельного упоминания заслуживает организация БРИКС (BRICS — Brazil, Russia, India, China, South Africa), созданная в 2006 г. в рамках Петербургского экономического форума (первоначально без ЮАР). На долю стран БРИКС приходится 26 % территории Земли, 42 % населения и 27 % мирового ВВП. Организация была создана как экономический консультационный совет для согласования экономических стратегий участвующих стран, но постепенно приобретает и черты политического совета, участвующие страны обмениваются мнениями и по политическим вопросам. В рамках БРИКС планируется создание пула валютных резервов (аналог МВФ), создание межбанковской системы информации и платежей (аналог SWIFT), а Банк развития стран БРИКС (аналог Всемирного банка) уже создан в 2015 г.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что Китай и Россию объединяют и сближают два принципиальных фактора: рост торгового обмена и осуществление совместных проектов в сфере энергетики и транспорта выгодны обеим странам; совместное противодействие внешним угрозам является обязательным условием экономического развития. При таких условиях всегда существующие между партнерами споры оказываются несущественными и решаемыми с учетом взаимных интересов России и Китая. Подходы России и КНР к принципиальным вопросам современной международной политики совпадают или близки.

Министр иностранных дел С.В. Лавров подчеркнул: «Намерены и далее рука об руку с китайскими друзьями делать все необходимое для того, чтобы обеспечить выход нашего сотрудничества на новые исторические рубежи на благо наших народов, во имя утверждения на международной арене идеалов справедливости и равноправия».

Список источников

1. *Баркова С. А.* Внешнеторговые отношения России со странами-членами БРИКС / С. А. Баркова, Е. Н. Волкова // Проблемы современной экономики. — Новосибирск, 2013. — С. 7–11.

2. *Васильева З. А.*, *Старых С. А.* Оценка динамики внешнеэкономической деятельности России // Мировая экономика и социум: современные тенденции и перспективы развития: сборник научных статей. / Юго-Западный гос. ун-т. — Курск: Университетская книга, 2016. — С. 165–168.

3. *Золотова Я. А.* Состояние внешней торговли между Россией и Китаем // Россия и Китай. — Благовещенск, 2015. — С. 148–157.

4. Энергодиалог Россия — Китай [Электронный ресурс]. URL: https://minenergo.gov.ru/node/495.

Горбунов А. А.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

БАЗОВЫЙ ДОХОД – ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОНЦЕПЦИИ[1]

Безусловный основной доход — одна из самых обсуждаемых экономических концепций XX1 века. В ее основе лежит потенциально новый механизм распределения доходов общества, за которым, вероятно, будущее. В статье исследуются теоретические аспекты концепции базового дохода с точки зрения разных ученых, а также мировая практика внедрения такой концепции в действующие экономики, рассматривается соотношение концепции и российских реалий. Предмет исследования работы — безусловный базовый доход. Цель статьи — проанализировать и выявить взаимосвязь между различными взглядами на базовый доход, рассмотреть возможность введения подобной концепции в России. Основные методы исследования, использованные автором, — сравнение, анализ, синтез, индукция. Результаты научной работы: проанализированы разные подходы к базовому доходу и дана характеристика возможности применения данной концепции в России.

Ключевые слова: базовый доход, безусловный основной доход

Исторический прогресс в обществе очень неравномерен по времени. Когда-то давно люди работали всю свою короткую жизнь и не могли должным образом удовлетворить даже свои естественные потребности. Однако буквально за несколько последних столетий технический прогресс начал набирать невиданные доселе обороты. Подрос уровень благосостояния людей, уровень удовлетворения их потребностей. И при этом сам человек (в среднем) стал меньше трудиться! И чем дальше продвигался научный прогресс, тем больше изменялось соотношение: уровень благосостояния = уровень технического прогресса × уровень занятости работой. Уровень технического прогресса рос, уровень занятости работой падал, однако темпы роста технического прогресса последние несколько столетий настолько велики, что даже при снижении уровня занятости уровень благосостояния среднего человека продолжал и продолжает расти. Отсюда напрашивается довольно простой вывод: когда-нибудь вышеприведенное соотношение изменится таким образом, что в тот момент, когда уровень технического прогресса в обществе будет непомерно огромным, тогда, в свою очередь, уровень рабочего времени будет сведен практически к нулю, а следовательно, уровень благосостояния останется неизменным или даже возрастет. Но откуда человек будет брать средства к существованию, если не будет работать? Кто и как будет предоставлять ему эти средства? На все эти вопросы отвечает концепция безусловного основного дохода (БОД).

Термин «безусловный основной доход» впервые был употреблен Томасом Пейном и Томасом Мором. Идея Томаса Пейна заключалась в том, чтобы каждому человеку, достигшему 21 года, выплачивалась сумма, равная 15 фунтам стерлингов. Каждому, кто достиг 50 лет, ежегодно выплачивалось бы по 10 фунтов. Пейн аргументирует это тем, что изначально, до наступления цивилизации, люди были относительно равны между собой, так как основным источником богатства являлась земля, которая находилась в общем пользовании [2]. Однако сама земля способна прокормить лишь небольшое количество людей, тогда как в обработанном, улучшенном состоянии она способна прокормить в десятки раз большее количество человек. Поэтому было бы справедливо, чтобы каждый получал свой доход, упущенный от того, что существует закрепленная собственность на землю, не позволяющая в равной степени всем пользоваться землей и ее богатствами. Названные суммы планировалось выплачивать из особого фонда.

Таким образом, автор создал некий прообраз «безусловного основного дохода». Да, нельзя сказать, что каждый член общества получал бы доход, позволяющий удовлетворять все его потребности, но ведь и уровень развития общества и науки в то время несравним с современным.

Парадигму БОД развивают и современные ученые, один из которых — Гай Стэндинг. Изучая его взгляды, можно заметить одно сходство — автор ставит вопрос о перераспределении общественного дохода. Однако Стэндинг видит в БОД не цель, а средство. Ученый развивает понятие «прекариат» (от английского precarious, что означает «опасный, неустойчивый», и термина «пролетариат») — это социальный класс без стабильной работы, постоянного дохода, без социальных и политических прав, потому что они не видят в политике тех, кто представляют их интересы. Экономист делит эту социальную группу на три части [4]. Первая часть включает в себя, как правило, людей без высшего образования, занятых тяжелым физическим трудом. Как правило, эта группа склонна прислушиваться к популистам, к тем, кто играет на их страхах и оправдывает их секундные ожидания. Вторая часть — мигранты, меньшинства и другие маргинальные группы, образ которых демонизируют популисты, внушая первой группе, что они — источник их бед и проблем. Третья группа — образованные молодые люди с высшим образованием, без работы, с нереализованными амбициями. Эта группа разочаровалась в

[1] © Горбунов А. А. Текст. 2019.

Таблица

Система взглядов на БОД

Критерии	Ученые		
	Томас Мор, Томас Пейн	**Милтон Фридман, Фридрих фон Хайек**	**Юрий Кузнецов, Гай Стэндинг**
Кому	Всем гражданам в 21 год (разово) и от 50 лет пожизненно	Гражданам с низким уровнем дохода	Всем гражданам
От кого	Из специально созданного целевого фонда	Граждане с высоким уровнем дохода	Государство
Как	В виде условных трансфертов	Отрицательный налог для бедных и прогрессивный налог для богатых	Замена всех социальных пособий, гарантий одним трансфертом
Условие выплаты	Возраст	Уровень дохода	Безусловный

обещаниях политиков, они не верят популистам. Эту группу Стэндинг называет самой перспективной и именно с ней связывает надежды на становление нового общества. Именно в БОД ученый видит решение проблем этого класса — прекариата. Именно этот трансферт способен решить многие проблемы из образовавшихся — проблему незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне. Ведь именно экономически свободного человека можно назвать по-настоящему свободным человеком.

Хотя в нашей стране серьезных разговоров на государственном уровне о базовом доходе не ведется, некоторые ученые обсуждают эту парадигму. Например, Юрий Кузнецов считает, что БОД — это не «реализация вековечной народной мечты о царстве халявы...» [6]. Во-первых, экономист по-другому понимает сам термин «базовый доход». Для Кузнецова, прежде всего, это не бесплатный бонус, а пособие, заменяющее огромное количество социальных льгот, выплат. На сегодняшний день все пособия, которые существуют, являются условными — для того, что бы их получать, необходимо выполнение какого-либо условия (отсутствие работы, болезнь и т. д.). Базовый доход, напротив, имеет безусловный характер — выплачивается человеку в любом случае. Из этого следует вывод — облегчается процедура получения денег, человеку не нужно доказывать свое право на получение какого-либо пособия, собирать соответствующие документы и заниматься прочей волокитой — деньги уже у него. Также сокращаются затраты на огромный бюрократический аппарат, поддерживающий систему различных пособий, льгот и т. д. Еще одна немаловажная проблема, которую решает БОД, — проблема застойной бедности. При стандартных пособиях по безработице человеку выгодно не искать себе постоянную работу, так как сумма его доходов от пособия и временных подработок значительно превысит доход от одной постоянной работы (за редкими исключениями). Это еще один аргумент, доказывающий, что базовый доход не имеет никакого отношения к «халяве».

Для нашей страны, по нашему мнению, было бы неплохо всерьез задуматься, для начала, об отмене подоходного налога для граждан, чьи доходы ниже определенного уровня. Порогом можно установить двойной размер МРОТ, например. Эта мера помогла бы повысить доход беднейшей части населения, а также могла бы выступить подготовительным этапом к внедрению негативного подоходного налога — концепции, разработанной Милтоном Фридманом. Ее суть заключается в том, что гражданам, чей доход меньше определенной нормы, установленной государством, выплачивается пособие на постоянной основе. Чем выше со временем становится собственный доход гражданина, тем в меньшем объеме выплачивается ему пособие. Так, постепенно, гражданину параллельно с повышением его собственных доходов перестают выплачивать пособие, и постепенно такой человек сам начинает выплачивать налоги.

Влиятельные экономисты XX века Милтон Фридман и Фридрих фон Хайек полагали, что гарантированный доход в той или иной форме является наилучшим способом побороть бедность. В условиях роста финансового и политического давления на системы социального обеспечения некоторые полагают, что введение универсального базового дохода станет логичным решением проблемы. Однако основная причина, по которой многие возвращаются к концепции базового дохода сегодня, заключается в том, что в ней видят способ оградить рядовых граждан от глобальных экономических потрясений [5].

Основной эксперимент по введению этого социального трансферта на сегодняшний день проводится в Финляндии. Его цель выявить, способен ли существовать БОД в жизни реального государства. Бюджет проекта составляет 20 миллионов евро. Случайным образом были отобраны 2000 человек, которые будут получать 560 евро в месяц на протяжении двух лет. Эксперимент был начат в 2017 году. Позиция сторонников эксперимента заключается в основном в том, что большинство безработных в Финляндии, получая доход, имеют больше средств к существованию, если бы они пытались найти себе подработку или работу. Также, на наш взгляд, получение такого дохода дало бы уверенность людям в завтрашнем дне и позволило бы пытаться реализовывать самые смелые стартапы, зная, что в крайнем случае средства к существованию у них всегда останутся. Позиция противников теории говорит о том, что молодые люди, получив необходимый минимум, потеряют стимул работать, тем самым резко

снизив налоговые доходы бюджета страны, доходная часть которого более чем наполовину состоит из налоговых поступлений. Также, обеспечить на сегодняшний день каждого гражданина Финляндии не представляется возможным, это непосильная нагрузка для бюджета страны. Благодаря такому проекту у финских властей появится законодательная база для создания БОД.

Практика введения базового дохода имеет место и в Канаде. Принять участие в эксперименте могут только граждане с низким доходом и непостоянной занятостью, а также те, кто уже получает помощь от государства. Один человек по условиям программы будет получать до 16 989 долларов в год. Парам будут выплачивать до 24 027 долларов. Если участник эксперимента найдет работу, то за любой доход свыше 200 долларов ему придется заплатить специальный налог в размере 50 % от полученной суммы (зарплаты). Хотя власти и относят эксперимент к безусловному доходу, более заметное сходство наблюдается с системой гарантированного минимального дохода. Как отмечают создатели, их эксперимент направлен скорее на смягчение бюрократического аппарата в отношении к людям. Исследователи хотят выяснить, во сколько обойдется гарантированный доход и будет ли он более выгодным, чем существующие формы социальных гарантий. Также эксперимент покажет, как пособия влияют на трудоустройство жителей, их здоровье, психологическое состояние и социальный статус.

Подобный эксперименты проводятся и в менее развитых государствах, например, в странах Африки. Самый масштабный проект по безусловному доходу в Кении начался в 2017 году. Организатором кампании стала нью-йоркская благотворительная организация «GiveDirectly», которая борется с нищетой в Восточной Африке. Затраты составят более 30 млн долларов. Около 6000 человек в течение 12 лет будут получать около 22,5 доллара в месяц. Жителей 80 деревень в течение двух лет также будут поддерживать. Однако экспериментаторы столкнулись с проблемой: многие местные жители не хотели брать деньги, так как не поверили в безвозмездность выплат. Другие также не воспользовались поддержкой — они посчитали, что эти деньги связаны с поклонением дьяволу. Некоторые женщины смогли отказаться от тяжелого труда благодаря выплатам. В ходе выплат была замечена положительная динамика: снижена преступная активность подопытных. Вопреки ожиданиям многих противников базового дохода люди не только не перестали трудиться, но и повысили эффективность своего труда. Снизилась преступность, повысился уровень жизни и стала заметна другая социальная динамика. В Намибии эксперимент продолжался с января 2008 года по декабрь 2009 года. Его реализовали Бюро социального развития и Институт трудовых ресурсов и исследований. Жители деревень Омитаре и Очиверо получали 100 намибийских долларов (около 450 рублей) в месяц. Итогом эксперимента стало снижение уровней бедности, преступности, увеличение уровня посещаемости в школах и повышение экономической активности [3].

Возможно ли подобное нововведение в России? Попытаемся сопоставить подобные величины: средняя заработная плата в РФ за 2016 год примерно составила 30,8 тысячи рублей, в то время как в Финляндии тот же показатель равен 211,2 тысячи рублей. Если в Финляндии базовый доход поставили на уровне 37 тысяч рублей в месяц, то можно предположить, что этот же показатель в России должен быть на уровне 5,5 тыс. Население России, по данным на 2016 год, составляет 146,5 млн человек, следовательно, примерная сумма выплат составит 805 750 млн, или 805,75 миллиардов рублей [8]. Для сравнения, доходная часть консолидированного бюджета РФ за этот же год — 28181,5 млрд рублей (т. е. около 3 % от доходной части консолидированного бюджета), однако бюджет дефицитный и размер дефицита — 3142,1 млрд рублей. Доходная часть федерального бюджета РФ — 13 460 млрд рублей, БОД от этой суммы составляет примерно 6 %. Расходы ПФР на выплату всех пенсий за 2016 год — 6677,467 млрд рублей, расходы на выплату пособий и социальную помощь — 2552,247 млрд рублей. В целом это примерно 8,7 % от расходов ПФР и на социальную помощь. Если проанализировать приведенные статистические данные, то можно понять, что введение БОД в РФ в данном объеме реально, при условии отмены всех социальных пособий и пенсий. Однако отмена всех социальных пособий может повлечь за собой ужасные последствия, многие слои населения могут остаться незащищенными. Также остается открытым вопрос о том, кто и из каких ресурсов будет финансировать данный проект. Ведь очевидно, что в дальнейшем сумма данных выплат должна индексироваться и расти. Предполагается, что сумма таких выплат будет расти пропорционально сокращению рабочих мест, вытесненных роботизацией производства. В будущем могут быть введены налоги/отчисления на роботов, что в какой-то мере будет аналогом концепции БОД, предложенной Т. Пейном.

К базисному доходу отношение у исследователей разное — кто-то считает, что это восстановление справедливости, компенсация материальных потерь членов общества от введения роботов, несправедливости самого факта частной собственности, кто-то смотрит на БОД как на средство для упрощения механизма социальных выплат. Трактовки современными исследователями БОД весьма разнятся — одни считают, что это минимальный доход, предоставляемый гражданам вне зависимости от их доходов, социального положения; другие делают акцент на том, что эти выплаты должны производиться на достаточно высоком уровне, чтобы у людей была уникальная возможность выбора оптимального

времени работы. Объединяет многочисленные точки зрения то, что выплаты гарантированы и они предоставляются всем.

Список источников

1. Базовый доход — утопия или светлое будущее [Электронный ресурс]. URL: https://futurist.ru/articles/46.

2. Безусловный базовый доход [Электронный ресурс]. URL: http://noocivil.esrae.ru/pdf/2017/5/1670.pdf.

3. Безусловный доход по всему миру: какие страны вводят, а какие отказались [Электронный ресурс]. URL: https://vc.ru/future/42937-bezuslovnyy-dohod-po-vsemu-miru-kakie-strany-vvodyat-a-kakie-otkazalis.

4. Деньги всем подряд [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/expert/2018/17/dengi-vsem-podryad.

5. Концепция безусловного базового дохода и относительного богатства в экономике России [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29283776.

6. Политическая экономия безусловного базового дохода [Электронный ресурс]. URL: http://old.inliberty.ru/blog/2325-Politicheskaya-ekonomiya-bezuslovnogo-bazovogo-dohoda.

7. Социальное государство: взгляд на возможности внедрения базового безусловного дохода [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26700233.

8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru.

Захарова В. В.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ СТРАН-ПАРТНЕРОВ [1]

Переход экономики на инновационную модель развития — одна из приоритетных задач, стоящих перед Российской Федерацией. Цель работы — провести общий обзор методических подходов к оценке уровня развития национальных инновационных систем, чтобы в дальнейшем проводить совместную скоординированную политику со странами-партнерами, используя мультипликативный эффект, позволяющий каждому участнику объединения улучшить свои позиции. В статье рассмотрены индекс Европейского инновационного обследования, Глобальный индекс конкурентоспособности, Глобальный инновационный индекс и Индекс сложности экономики.

Ключевые слова: национальная инновационная система, инновационное развитие, индекс сложности экономики

В настоящее время приоритетной задачей, стоящей перед Российской Федерацией, является переход экономики на инновационную модель развития. Так, Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации определено ускорение технологического развития, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 % от их общего числа. Глобальная экономика становится все более динамичной и конкурентной, и сотрудничество с другими странами, поддержка совместной деятельности по созданию высоких технологий и инноваций является важнейшим фактором перехода на инновационную модель развития [1]. Совместная скоординированная политика стран в области инновационной и научно-технической деятельности очевидно будет играть роль мультипликатора, в значительной степени повышая эффективность мероприятий на национальном и региональном уровнях [2].

Для активизации партнерских отношений при наращивании инновационного потенциала необходимо определить место, занимаемое Российской Федерацией и ее перспективными партнерами в глобальной инновационной системе, обратившись к наиболее апробированным и применимым показателям инновационного развития стран — композитным индексам, составленным, как правило, из ряда показателей, отбираемых в зависимости от целей и задач исследования: индекс Европейского инновационного обследования (*The European Innovation Scoreboard — EIS*), Глобальный индекс конкурентоспособности (*The Global Competitiveness Index — GCI*), Глобальный инновационный индекс (*The Global Innovation Index –GII*) [3, 4].

В отчете Европейской комиссии, посвященном Индексу Европейского инновационного обследования, проводится сравнительный анализ эффективности инноваций в странах Европейского союза (ЕС), других европейских странах и региональных соседях. Он оценивает относительные сильные и слабые стороны национальных инновационных систем и помогает странам определить направления развития. Последнее обновление Индекса Европейского инновационного обследования 2018 года было произведено 22 июня 2018 года. Согласно информации, опубликованной на официальном сайте Европейской комиссии, с 2010 года средняя эффективность инноваций в ЕС увеличилась на 5,8 %, и ожидается, что она увеличится еще на 6 % в течение следующих двух лет. Также ЕС продолжает улучшать свои позиции по отношению к США, Японии и Канаде. Тем не менее, темпы роста эффективности инноваций Китая в три раза выше, чем в ЕС. С 2010 года эффективность инноваций увеличилась в 18 странах и снизилась в 10 странах Европейского союза. Швеция остается лидером инноваций, за ней следуют Дания, Финляндия, Нидерланды, Великобритания и Люксембург. Литва, Нидерланды, Мальта, Великобритания, Латвия и Франция — самые быстрорастущие инноваторы.

Отчет о глобальной конкурентоспособности (*GCI*) является ежегодным докладом Всемирного экономического форума. С 2004 года Отчет о глобальной конкурентоспособности ранжирует страны на основе Глобального индекса конкурентоспособности. Индекс конкурентоспособности оценивает способность стран обеспечить высокий уровень благосостояния своих граждан, что в первую очередь зависит от того, насколько эффективно страна использует ресурсы, которыми располагает. При этом для поддержания уровня жизни в условиях свободного рынка, как правило, необходимо постоянное повышение производительности труда и качества товаров/услуг. В отчете за 2017–2018 годы отмечается, что уже девятый год подряд Швейцария является самой конкурентоспособной экономикой в мире, немного опережая США и Сингапур. В первую десятку из стран Большой двадцатки входят Германия (5), Великобритания (8) и Япония (9). Китай занимает наивысшую позицию в группе крупных

[1] © Захарова В. В. Текст. 2019.

Таблица

Позиции стран-лидеров и Российской Федерации

Место страны в рейтинге 2017–2018 гг.	Страна		
	GII	***GCI***	***EIS***
1	Швейцария	Швейцария	Швейцария
2	Нидерланды	США	Швеция
3	Швеция	Сингапур	Дания
4	Великобритания	Нидерланды	Финляндия
5	Сингапур	Германия	Южная Корея
6	США	Гонконг	Нидерланды
7	Финляндия	Швеция	Канада
8	Дания	Великобритания	Великобритания
9	Германия	Япония	Люксембург
10	Ирландия	Финляндия	Германия
…			
36			Россия
…			
38		Россия	
…			
46	Россия		

развивающихся рынков стран БРИКС, поднявшись на одну строчку до 27-го места. Данные *GCI* также свидетельствуют о том, что причина, по которой инновации часто не способствуют росту производительности труда, связана с дисбалансом между инвестициями в технологии и усилиями по их внедрению в экономику.

Среди наиболее часто употребляемых методик оценки инновационного развития территорий можно выделить Глобальный инновационный индекс (*GII*). В 2018 году данный индекс был составлен из 80 различных переменных (55 переменных — объективные данные; 18 — составные показатели международных агентств и 5 — результаты опроса руководителей компаний на Всемирном экономическом форуме), которые характеризуют инновационное развитие стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Авторы индекса считают, что успешность экономики связана как с наличием инновационного потенциала, так и условий для его воплощения. В 2018 году лидирующие позиции в данном рейтинге занимали Швейцария, Нидерланды и Швеция.

Как видно из таблицы, позиция России в большинстве рейтингов является относительно невысокой. Так, в соответствии с Международным инновационным индексом (*GII*) Россия в 2018 г. находилась на 46-м месте среди 126 рассматриваемых стран [5]. По значению индекса Европейского инновационного обследования (*EIS*) в 2018 году Россия отстает от среднего уровня стран Европейского союза примерно в два раза [6]. По Глобальному индексу конкурентоспособности (*GCI*) Россия в 2017–2018 гг. находилась на 38-м месте (рейтинг составлен из 137 стран) [7].

В связи с тем, что выведению на международный рынок новых инновационных продуктов предшествует анализ рынка и прогнозирование будущих его состояний [8], при выборе страны-партнера интерес представляет инструмент визуализации данных *The Atlas of Economic Complexity* (Атлас сложности экономики), позволяющий исследовать глобальные торговые потоки на различных рынках, отслеживать динамику с течением времени и находить новые возможности роста для конкретно выбранной страны. Атлас сложности экономики пытается количественно измерить и наглядно отобразить знания о производствах, об импорте и экспорте, присущим каждой стране. Как говорится в предисловии к Атласу [9], он может объяснить различия в доходах между народами мира и способен предсказать скорость экономического роста стран. По мнению группы авторов Атласа, ученых из Массачусетского технологического института, он намного более прогнозирующий, чем другие общеизвестные показатели развития, пытающиеся измерить уровень конкурентоспособности, управления, образования и т. п. Атлас опирается на данные о международной торговле, доступный набор данных, связывающий страны и продукты, которые они производят, в общепринятой классификации. С другой стороны, недостаток рассматриваемого инструмента в том, что он опирается на данные по экспорту, а не по производству, то есть страна может производить тот или иной продукт, но не экспортировать его. Однако, по мнению авторов Атласа, тот факт, что страна не экспортирует определенные группы товаров, говорит о том, что существует возможность, что товар не будет высококонкурентоспособен на международном рынке. Страна также может экспортировать товары, которые она не производит, что приводит к искажению показателей Атласа. Второй недостаток Атласа в том, что поскольку данные собираются таможенными органами, они включают только товары, а не услуги. Это серьезный недостаток, поскольку услуги занимают все большую долю в международной торговле. Наконец, данные не включают в себя

информацию о неторгуемой деятельности, что также является важной частью экономической экосистемы.

Индекс сложности экономики (*The Economic Complexity Index, ECI*) отражает, насколько сложна совокупность производимой страной продукции. *ECI* показывает, насколько разнообразна и сложна экспортная корзина страны. При его расчете анализируется, сколько продуктов экспортирует конкретная страна и сколько других стран-экспортеров имеет каждый продукт. Страны в первой десятке рейтинга, рассчитанного по данным о мировой торговле за 2017 год, — Япония, Швейцария, Германия, Сингапур, Швеция, Южная Корея, США, Финляндия, Чехия и Австрия. Сразу после первой десятки идут у нас Великобритания, Словения, Ирландия. Это страны с развитыми производственными структурами, которые производят и экспортируют большое количество сложных товаров.В нижней части рейтинга сложности экономики находятся Бангладеш, Нигерия и Папуа-Новая Гвинея, занимающие 123, 124 и 125-ю позиции соответственно. Россия занимает 27-ю строку в рейтинге [2].

Каждый из приведенных выше индексов и методик их вычисления характеризует национальную инновационную систему с определенной стороны, имея как свои преимущества, так и недостатки. Методические подходы, использованные при составлении данных индексов, не рассматривают вопрос инновационности системы в комплексе. Исследование будет продолжено в направлении разработки методики по определению на основе описанных выше инструментов мета-индекса, дающего комплексное представление об уровне и направлениях перспективного развития национальных инновационных систем стран-партнеров России.

Список источников

1. *Павловская С. В.*, *Шаврук Ю. А.* Меры государственной поддержки совместной инновационной деятельности стран-участниц ЕАЭС // Вестник Витебского государственного технологического университета. — 2016. — № 2 (31). — С. 145–155.

2. *Смирнов Е. Н.* Феномен наднациональной инновационной системы Европейского Союза // Вестник Университета. — 2013. — № 9. — С. 208–214.

3. *Славнецкова Л. В.* Основные подходы к оценке уровня развития инновационной системы стран — участниц ЕАЭС // Инновации — 2016. — № 3 (209). — С. 94–98.

4. *Мыслякова Ю. Г.*, *Захарова В. В.* Теоретические аспекты применения индексов для оценки инновационного кода развития регионов России // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. — 2018. — № 2 (38). — С. 44–55.

5. The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation. // Cornell University, INSEAD, and WIPO. — 2018.

6. European Innovation Scoreboard 2018 — Exploratory Report // European Union. — 2018.

7. Klaus Schwab. The Global Competitiveness Report 2017–2018 // World Economic Forum — 2017.

8. *Пономарева О. А.*, *Сомов А. Г.* Прогнозирование временных рядов экономических данных с использованием ARIMA процессов с целью вывода на рынок инновационных продуктов // Сборник трудов научной и учебно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли». — 2017. — С. 340–350.

9. *Hausmann R.* The Atlas of economic complexity // R. Hausmann, C.A. Hidalgo et al. New Hampshire: PuritanPress — 2014. — 362 p.

[2] См.: https://atlas.media.mit.edu/en/rankings/country/eci/?year_range=2013–2017.

Квашнина К. В.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

АНАЛИЗ МАСШТАБОВ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В СТРАНЕ (на примере России) [1]

В данной статье рассматривается актуальная проблема развития масштабов теневой экономики в РФ. Проводится анализ трактовок термина «теневая экономика», рассматривается классификация элементов теневой экономики. В рамках проведенного исследования с помощью множественного линейного регрессионного анализа были проанализированы факторы, оказывающие существенное влияние на развитие неформального сектора теневой экономики России.

Ключевые слова: теневая экономика, национальная экономическая безопасность, неформальный сектор теневой экономики, множественный линейный регрессионный анализ

В настоящее время феномен развития теневой экономики характерен не только для России, но и для многих других стран мира. В связи с этим актуальность темы исследования обусловливается следующими обстоятельствами.

Во-первых, теневая экономика в последние годы стала острейшей проблемой всего мирового сообщества. Некоторые разновидности теневой деятельности, такие как коррупция, наркоторговля, отмывание незаконно полученных средств, финансирование терроризма и другие, являются прямыми угрозами национальной экономической безопасности, которые включены в число глобальных проблем современности.

Во-вторых, одна из главных причин расцвета теневого сектора — проведение экономических реформ и внедрение рыночных механизмов хозяйствования, которые осуществлялись в условиях глубокого кризиса. Именно эти операции поспособствовали частичному, а в некоторых случаях и полному уходу хозяйствующих субъектов «в тень», а также развитию неформального сектора теневой экономики.

В-третьих, становится очевидным, что теневая экономика превратилась в целую отрасль российской экономики и стала весомым фактором, влияющим практически на всю совокупность экономических, социальных и политических процессов.

Именно отсутствием грамотной надзорной политики, недоработанной системой санкций за экономические преступления, слабой правовой культурой населения и чиновников государственного аппарата и рядом сопутствующих причин, связанных с очень важной проблемой экономики и общества, обусловливается проблематика и актуальность данной темы.

Цель нашей работы заключается в следующем: систематизировать рекомендации по снижению масштабов неформального сектора экономики в стране, а также на основе множественного линейного регрессионного анализа разработать прогнозные оценки изменения масштабов теневой экономики в стране.

В настоящее время не сформулировано окончательного и общепринятого понятия теневой экономики. Неоднородность мнений обусловлена различиями в характере решаемых авторами задач теоретической и прикладной направленности, а также в методологии и методике исследования. В целом теневую экономику понимают как деятельность субъектов хозяйствования, которая не является официально зарегистрированной в соответствующих органах.

Проанализировав определения, данные в отечественных экономических словарях, мы вывели следующее понятие теневой экономики. Теневая экономика — это экономические процессы, осуществляемые с целью незаконного получения дохода и противоречащие нормам законодательства, которые в силу своей скрытости не могут регулироваться государством [2, 4, 6].

Для того чтобы разобраться в составляющих теневой экономики, мы обратились к определениям ее ключевых элементов. Наиболее широким понятием является неформальная экономика — совокупность хозяйственных отношений, не отражающихся в официальной отчетности и формальных контрактах [7]. Неформальная экономика состоит из двух частей: первая включает сегменты, которые не противоречат законодательству РФ, а вторая часть — теневая экономика, которая по характеру используемых средств противоречит нормам закона.

При расчетах масштаба теневой экономики выделяют несколько подходов. В своих исследованиях мы воспользовались одним из микрометодов — методом мягкого моделирования. Для того чтобы определить, какие факторы оказывают влияние на развитие масштабов неформального сектора теневой экономики, мы решили провести множественный линейный регрессионный анализ (метод мягкого моделирования) [3]. Выбор неформального сектора обусловлен тем, что собрать и найти статистику

[1] © Квашнина К. В. Текст. 2019.

Таблица

Результаты корреляционного анализа

	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7
y	1							
x_1	–0,63799	1						
x_2	0,738621	–0,65574	1					
x_3	0,766641	–0,64957	0,996416	1				
x_4	0,680285	–0,56966	0,969326	0,972342	1			
x_5	–0,14056	0,460863	–0,36843	–0,34288	–0,42053	1		
x_6	0,868627	–0,77154	0,933905	0,943713	0,859058	–0,29238	1	
x_7	–0,69604	0,352923	–0,84321	–0,83047	–0,81285	0,099793	–0,75364	1

показателей криминального (черного) сектора в открытом доступе практически нереально, так как эти данные либо неизвестны, либо хранятся в базе правоохранительных органов.

Для исследования нами были выбраны следующие показатели:

— число занятых в неформальном секторе, млн чел. (Y);

— число безработных, млн чел. (x_1);

— средний размер зарплаты по РФ, тыс. руб. (x_2);

— число человек с высшим образованием, млн чел. (x_3);

— количество малых и средних предприятий, тыс. (x_4);

— индекс потребительских цен на товары и услуги (x_5);

— число мигрантов, тыс. чел. (x_6);

— реальные располагаемые доходы населения, в % к предыдущему году (x_7).

При выборе факторов мы основывались на исследованиях ученых Российской академии наук, где были выделены следующие показатели: индекс потребительских цен, миграционная активность населения, уровень предпринимательской активности [5]. Другие показатели были выбраны нами на основе собственных гипотез и предположений об их влиянии на состояние неформального сектора теневой экономики. Перед началом исследований необходимо было определить тип функциональной зависимости неформального сектора от выбранных факторов, в ходе проведения анализа мы пришли к выводу о возможности построения линейной модели, так как величина достоверности аппроксимации (R^2) при линейной зависимости составила 0,9483 [1].

Далее мы провели проверку на наличие мультиколлинеарности в модели (сильной зависимости факторов между собой). Для этого была построена матрица попарных корреляций (таблица). Исходя из полученных данных нами была выявлена сильная зависимость факторов друг от друга (частный коэффициент корреляции между факторами превысил пороговое значение 0,7).

Для устранения мультиколлинеарности мы использовали метод устранения переменных по рассчитанной величине коэффициента Бэта [3]. В ходе последующего регрессионного анализа в модели осталось два фактора, оказывающих влияние на неформальный сектор теневой экономики:

— индекс потребительских цен (x_5);

— число мигрантов (x_6).

Результаты регрессионного анализа, представленные на рисунке 1, демонстрируют качественную модель. Во-первых, величина коэффициента корреляции (множественный R) больше порогового значения 0,7. Это свидетельствует о наличии достаточно тесной связи между исследуемыми экономическими показателями и подтверждает влияние количества мигрантов и индекса потребительских цен на численность занятых в неформальном секторе. Во-вторых, коэффициент детерминации (R-квадрат) равен 0,99. Аналогично 89 % вариации Y объясняется включенными в модель факторами, так как значение нормированного R-квадрата равно 0,89. В-третьих, величины P-значения переменных не превышают критического уровня (5 %), что говорит о достаточном количестве включенных в уравнение объясняющих переменных для описания вариации зависимой переменной [1].

После проведения общего анализа качества модели путем построения графика реального и модельного значений Y мы получили следующие данные (рис. 2).

На рисунке видно, что кривая смоделированного значения немного отличается от реальной динамики, но все же можно сделать вывод о том, что модель действительно является достоверной и может использоваться для построения прогнозов.

Как видно из полученных результатов экономико-математического моделирования, величина численности занятых в неформальном секторе зависит от двух факторов:

1) численности прибывших на территорию РФ мигрантов;

2) динамики индекса потребительских цен на товары и услуги.

ВЫВОД ИТОГОВ								
Регрессионная статистика								
Множественный *R*	0,999354437							
R-квадрат	0,998709291							
Нормированный *R*-квадрат	0,89858022							
Стандартная ошибка	538434,3662							
Наблюдения	12							
Дисперсионный анализ								
	df	*SS*	*MS*	*F*	Значимость *F*			
Регрессия	2	2,24E+15	1,12E+15	3868,84	0%			
Остаток	10	2,9E+12	2,9E+11					
Итого	12	2,25E+15						
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	*t*-статистика	*P*-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	0	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д
x_5	110408,3636	4270,811	25,85185	0%	100892,4	119924,3	100892,4	119924,3
x_6	5,993832953	1,007336	5,950184	0%	3,749349	8,238317	3,749349	8,238317

Рис. 1. *Результаты регрессионного анализа (составлено автором)*

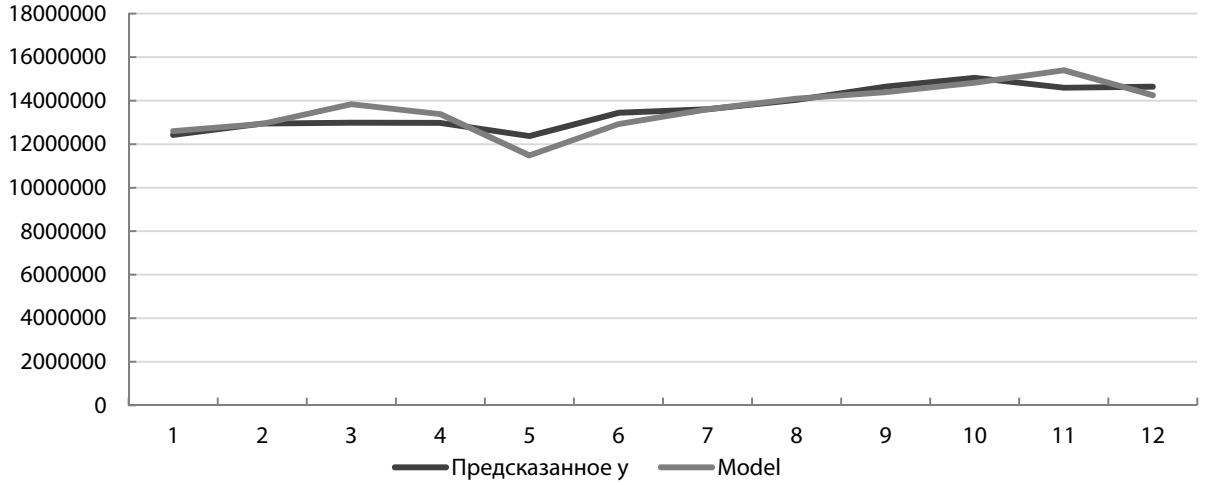


Рис. 2. *Реальные и рассчитанные значения (составлено автором)*

Такой результат объясняется следующим. Чем больше мигрантов прибывает на территорию РФ, тем стремительнее начинает расти неформальный сектор, так как вероятнее всего таких людей принимают на неофициальное трудоустройство, что также ведет к снижению поступления налогов в федеральный бюджет. Влияние второго фактора объясняется тем, что из-за больших налогов, низких зарплат и высоких цен на товары и услуги люди оказываются вынужденными заниматься деятельностью в неформальном секторе теневой экономики, чтобы получать дополнительный доход.

Данная экономико-математическая модель имеет практическую значимость и может быть использована для краткосрочного и среднесрочного прогнозирования динамики теневой экономической активности, а также при разработке мероприятий государственного регулирования экономики с целью минимизации негативного влияния теневого сектора на хозяйственную деятельность страны. На наш взгляд, с помощью данной модели можно спрогнозировать следующие направления деятельности государственного управления:

1) Так как РФ является привлекательным местом для миграции, многие предприниматели пользуются возможностью неуплаты лишних налогов на прибывший контингент иностранных граждан. Проблема состоит в том, что на данный момент не разработано единой конкретной концепции

миграционной политики, а также в России отсутствуют условия для цивилизованного приема мигрирующего населения. В связи с этим можно предложить разработку данной концепции, которая позволит более эффективно отслеживать данный процесс и поможет снизить масштабы и влияние проблемы на бюджет страны.

2) С целью минимизации ухода «в тень» работающего населения стоит принять экономические меры, а именно трансформацию национальной налоговой системы, оптимизацию доходов населения (перераспределение доходов таким образом, чтобы благосостояние граждан находилось на приблизительно одном уровне), снижение доли косвенного налогообложения. А также правовые меры, такие как установление уголовной ответственности за использование служебного положения, отработка и устранение противоречий в законодательстве, создание правовой защиты предпринимательских услуг от захвата со стороны чиновничества, так как от них зависит формирование ценовой политики.

Подводя итог проведенных нами исследований, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, теневая экономика очень — сложный и многогранный процесс, который практически неподвластен контролю. Точное определение теневой экономики возможно лишь при совмещении всех подходов к ее изучению, так как каждый из них имеет свое видение относительно корня существующей проблемы.

Во-вторых, разнообразие разработанных методов для исследования масштабов теневой экономики свидетельствует об отсутствии единого способа оценки, а также об отсутствии достоверных критериев, применяемых во время анализа, в связи с чем объективная оценка станет возможна лишь тогда, когда все они будут использованы в совокупности, а также будет проведено сравнение полученных по ним результатов.

В-третьих, чтобы добиться снижения масштабов неформального сектора теневой экономики, необходимо, в первую очередь, прививать правовую культуру. Также необходимо отслеживать все вновь появляющиеся способы и тенденции деятельности в теневом секторе и оперативно пресекать их с помощью усовершенствованных санкций.

В-четвертых, для того чтобы минимизировать масштабы неформального сектора теневой экономики, необходимо подключать все силы мирового сообщества, включая деятельность международных организаций, правоохранительных органов и др., что позволит добиться большей эффективности.

Таким образом, можно подвести общий итог. Масштабы теневой экономики в России достаточно велики, и борьба с ней будет эффективна только тогда, когда силы всех субъектов будут направлены на ее минимизацию с целью обеспечения благоприятной среды во всех сферах общества.

Список источников

1. *Наумов И. В.* Сигнальный подход к прогнозированию финансовой и социально-экономической устойчивости России // ЭКО. — 2015. — № 3 (489). — С. 129–146.

2. Современный социоэкономический словарь / Б. А. Райзберг; отв. ред. И. В. Башнина — М.: ИНФРА-М, 2010 — 629 с.

3. Экономика и право. Теневая экономика: учеб. пособие для студентов вузов / [Н. Д. Эриашвили и др.]; под. ред. Н. Д. Эриашвили, Н. В. Артемьева — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 448 с.

4. Экономическая безопасность России: уроки кризиса и перспективы роста / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, М. В. Федорова. — Т. 1. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. — 1312 с.

5. Экономический словарь / Е. Г. Багудина [и др.]; отв. ред. А. И. Архипов. — М.: Проспект, 2009. — 624 с.

6. Портал трейдеров UTmagazine [Электронный ресурс]. URL: https://utmagazine.ru/posts/8724-tenevaya-ekonomika.

Кошеленко В. В.
Донецкий национальный технический университет, г. Донецк

МЕСТО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ [1]

В статье проведен анализ методологии основ определения сущности «энергетической безопасности» и ее места в системе национальной и экономической безопасности. Определены принципы энергетической безопасности и аспекты ее влияния на национальную безопасность.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, энергетическая безопасность, топливно-энергетический комплекс, топливно-энергетические ресурсы, энергосбережение, энергоэффективность

Важные социально-экономические сдвиги, которые происходят в мировом сообществе, повышение роли новых экономических и политических факторов, усиление взаимосвязи государств предъявляют новые требования к национальным правительствам во всех сферах их деятельности.

Современный характер мирового хозяйства создает объективные условия постоянного влияния и давления на хозяйства стран. Проблема зависимости и независимости национальной экономики, ее подверженности влиянию внешних факторов приобрела новый смысл.

Сохранение или достижение экономической безопасности государств с точки зрения влияния неблагоприятных процессов в мировом хозяйстве становятся все более важными задачами на уровне как отдельных национальных экономик, так и мирового сообщества в целом.

Важнейшей структурной составляющей экономики любой страны является топливно-энергетический комплекс (ТЭК). В системе экономической безопасности он представляет собой один из ключевых факторов обеспечения жизнедеятельности производительных сил и населения. Понятие энергетической безопасности является многогранным и затрагивает явления и процессы не только в энергетике, но и в экономике.

Проблемам теоретического осмысления данного понятия и изучению аспектов его влияния на все составляющие национальной безопасности государства посвящены труды многих зарубежных и отечественных ученых, в том числе Н.И. Воропая, С.М. Сендерева, О.В. Амельницкой, Т.Б. Надтоки, Н. Капустина, С. Аврина, А.И. Буркина, С.В. Коршунова, Н.П. Патрушева, В.Л. Шейнис и др.

Целью исследования является изучение теоретических аспектов безопасности, а также оценка ее места и особенностей влияния на экономическую и национальную безопасность страны.

В работе использованы теоретические и практические методы исследования, в том числе методы абстрагирования, синтеза, сравнительного, системного и логического анализа, индукции и дедукции.

Результаты исследования

Энергетика является одной из основных отраслей народного хозяйства, по уровню ее развития и потенциальным возможностям целесообразно судить об экономическом могуществе страны. Для всех развитых стран мира энергетический сектор является стратегической частью хозяйства.

Следовательно, энергетическая безопасность — важнейшая составляющая экономической и национальной безопасности страны.

В целом энергетическая проблема — стержень многих, если не всех, глобальных угроз человечеству. Этот факт делает правомерным введение понятия энергетической безопасности.

К определению энергетической безопасности существует множество подходов.

Ряд ученых определяют категорию энергетической безопасности как состояние защищенности энергетических интересов личности, общества, государства, которые включают :

— обеспечение в нормальной ситуации бесперебойного снабжения потребителей экономически доступными энергоресурсами приемлемого качества, а в экстремальных ситуациях — гарантированного удовлетворения минимально необходимых жизненно важных потребностей;

— обеспечение эффективного использования энергоресурсов, которое способствует переходу экономики страны на энергосберегающий путь развития, снижению энергоемкости выработанной продукции;

— соответствие требованиям экологической и производственной безопасности, обеспечение минимизации вредных влияний энергетики на человека, природную среду и техносферу.

Таким образом, эта трактовка сущности категории «энергобезопасность» основана на трех важнейших принципах:

— бесперебойное снабжение потребителей экономически доступными энергоресурсами;

— энергосбережение;

— минимальное влияние на человека и окружающую среду.

[1] © Кошеленко В. В. Текст. 2019.

Группа исследователей под руководством Н.И. Воропая предлагает две взаимодополняющие формулировки на основе определений «безопасности» и «угрозы безопасности», одна из которых подана в Законе Российской Федерации «О безопасности». Они понимают энергетическую безопасность как:

1. Состояние защищенности страны (региона) — ее граждан, общества, государства, которое обслуживает экономику, от угрозы дефицита в обеспечении обоснованных потребностей в энергии экономически доступными топливно-энергетическими ресурсами (ТЭР) приемлемого качества в нормальных условиях и при чрезвычайных обстоятельствах, а также от угрозы нарушения постоянства топливо- и энергоснабжения.

2. Состояние защищенности жизненно важных «энергетических интересов» личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Указанные интересы сводятся к бесперебойному обеспечению потребителей экономически доступными топливно-энергетическими ресурсами приемлемого качества в нормальных условиях — к обеспечению (снабжению) в полном объеме обоснованих потребностей, в чрезвычайных обстоятельствах — гарантированному обеспечению минимально необходимых объемов потребностей [1].

Расширенным толкованием энергетической безопасности для стран и регионов, которые владеют незначительными собственными ТЭР, является надежность, гарантированность, стойкость внешних поставок энергоносителей. Для среднеобеспеченных стран и регионов энергетическая безопасность — энергетическая независимость, то есть способность обойтись при потере внешних поставок собственными ресурсами. И, наконец, для хорошо обеспеченных собственными природными ТЭР стран и регионов решающими в обеспечении энергетической безопасности являются следующие внутренние факторы:

1. Способность ТЭК страны выполнять свои функции, обеспечивая необходимый объем поставок качественных ТЭР, постоянное функционирование и прогрессивное развитие всех отраслей народного хозяйства и приемлемый уровень жизни населения.

2. Способность реализации потенциала энергоснабжения для рационального использования ТЭР.

3. Способность государства и общества создавать «благоприятный климат» поставщикам и потребителям ТЭР для реализации предыдущих пунктов.

4. Сбалансированность на внутреннем рынке спроса на ТЭР и запасов.

Вместе с широким спектром угрожающих воздействий на энергетическую безопасность, среди которых негативные социально-политические явления и процессы, внешнеполитические и внешнеэкономические угрозы, диспропорции в ТЭК, неблагоприятные техногенные и природные явления, в качестве более важной угрозы энергетической безопасности выступает острый дефицит инвестиционных ресурсов, который ведет за собой недостаточные объемы введения новых мощностей. Следовательно, при оживлении в экономике, а потом постоянном и достаточно быстром экономическом росте глубоко изношенный, технически отсталый производственный аппарат отраслей ТЭК может стать сдерживающим фактором для экономики в целом.

Основными факторами, которые могут стать причиной угрожающей ситуации в энергетической сфере, являются:

1. Чрезвычайно высокая энергозатратность производства и значительно большие объемы потребления топлива по сравнению с выпуском ВВП в стране, неэкономное потребление энергоносителей.

2. Неэффективное потребление электроэнергии, отопления и газа в быту, использование морально устаревших и неэкономных нетеплоизоляционных проектов в ходе жилищного строительства.

3. Зависимость государства от одного вектора импорта энергоносителей.

4. Устаревание, физическое и моральное несоответствие современным требованиям мощностей нефте- и газоперерабатывающей отраслей, изношенность нефте- и газомагистралей, высокая их аварийность.

5. Неудовлетворительное состояние освоения собственных запасов энергоресурсов.

6. Недопустимо низкая активность по внедрению альтернативных видов энергодобычи.

7. Отсутствие четкой государственной стратегии относительно оптимизации потребления энергоносителей, в частности импортированных из других стран, что вызывает усиление энергетической, а следовательно, и экономической зависимости и представляет угрозу не только экономической безопасности государства, но и самому ее суверенитету.

Следовательно, энергетика должна создавать энергетическое благополучие общества и оказывать влияние на национальную безопасность государства (см. табл.).

Таким образом, мы выяснили, что неотъемлемым элементом экономической безопасности является энергетическая безопасность. Ее сущность базируется на трех принципах:

— экономически целесообразного энергоснабжения;

— энергосбережения;

— обеспечения экологической безопасности.

Таблица

Вклад энергетической безопасности в национальную безопасность государства

Аспект национальной безопасности	Предпосылки достижения
Внешнеэкономическая безопасность	Повышение конкурентоспособности отечественных товаров через эффективность работы ТЭК благодаря низким ценам на ТЭР и низкой энергоемкости
Финансовая безопасность	Накопление финансовых, в том числе валютных, поступлений за счет эффективного экспорта и реализации ТЭР на внутренних рынках
Техническая безопасность	Современное развитие и совершенствование парка электростанций и топливодобывающих объектов
Коммерческая безопасность	Повышение эффективности хозяйственной деятельности в целом за счет прибыльной работы энергетической отрасли
Экологическая безопасность	Техническое и технологическое усовершенствование объектов ТЭК

Однако с целью усовершенствования терминологии и с учетом предложений других авторов предлагаем следующую формулировку данного термина.

Энергетическая безопасность государства — это состояние готовности ее топливно-энергетического комплекса относительно максимально надежного, технически безопасного, экологически чистого, экономически эффективного и обоснованно достаточного энергообеспечения экономики государства и населения, а также относительно гарантированного обеспечения возможности руководства государства в формировании и осуществлении политики защиты национальных интересов в сфере энергетики без внешнего и внутреннего давления.

Достичь этого возможно лишь за счет всестороннего развития и усовершенствования отечественной топливно-энергетической базы с учетом требований охраны окружающей среды, диверсификации источников и путей внешнего энергоснабжения, усовершенствования энергорынка в условиях рыночной трансформации экономики страны, эффективного энергосбережения во всех отраслях национального хозяйства и обеспечения социальной стабильности в сфере энергетики и смежных с ней сферах.

Научно обоснованное толкование терминов и определений энергетической безопасности является предпосылкой эффективности деятельности по ее обеспечению, прогнозированию, предупреждению и отмене угроз национальной безопасности, эффективности функционирования системы не только энергетической, но и экономической и национальной безопасности государства.

Следовательно, можно сделать вывод, что обеспечение энергетической безопасности для экономики отдельно взятой страны — это основа обеспечения национальной безопасности в целом, а для мировой экономики ликвидация энергетической проблемы — обезвреживание глобальной угрозы человечества.

Список источников

1. *Воропай Н. И.*, *Сендерев С. М.* и др. О сущности и основных проблемах энергетической безопасности России // Известия РАН. Энергетика. — 1996. — № 3. — С. 38–49.

2. Energy Dictionsry / World Energy Council. — Paris: Souve SI, 1992. — 736 p.

3. *Амельницкая О. В.*, *Надтока Т. Б.* Концептуальні основие енергетичної безпеки промислового підприємства / // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: Економічна. — Донецьк: ДонНТУ. — 2012. — 212 с.

4. *Аврин С.* Экономическая безопасность — вопрос не частный// Banking Technology. — 1997. — № 5. — С. 15–19.

5. Капустин Н. Экономическая безопасность отрасли и фирмы // Бизнес-информ. — 1999. — № 11–12. — С. 45–47.

6. *Буркин А. И.* Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / А. И. Буркин, А. В. Возженков. — М.: РАГС, 2008. –480 с.

7. *Кортунов С. В.* Безопасность международная, национальная: некоторые методологические проблемы // Политические исследования. — 2009. — № 1. — С. 7–28.

8. *Патрушев Н. П.* Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России // Журнал российского права. — 2007. — № 7. — С. 3–12.

9. *Шейнис В. Л.* Национальная безопасность России. Испытание на прочность. Часть III // Полис. — 2010. — № 2. — С. 75–90.

Кривенцова Л. А.
Институт экономики УрО РАН,
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ [1]

Исследование направлено на выявление изменений в подходах к определению экономической безопасности региона, что позволит выделить новые аспекты и грани экономической безопасности. С помощью контент-анализа были проанализированы и обобщены некоторые теоретические подходы к определению экономической безопасности в трудах отечественных и зарубежных ученых. На основе данных Росстата с использованием программного комплекса диагностики экономической безопасности региона был произведен расчет уровня экономической безопасности Свердловской области.

Ключевые слова: экономическая безопасность, внешние и внутренние угрозы, регион, конкурентоспособность, устойчивость развития

Традиционно, в том числе в начале XX1 века, экономическая безопасность рассматривалась через совокупность показателей, оценивающих общее состояние страны и региона. Но процесс расширения и углубления интернационализации хозяйственной жизни, сформировавший новую мирохозяйственную среду, привел к трансформации основных понятий и вызвал необходимость актуализации подходов, а также переоценки взаимоотношений между хозяйствующими субъектами.

Трансформация экономики в сторону перехода на инновационно-технологический путь развития является одним из приоритетов экономической политики нашей страны. Но в промышленности преобладают третий и четвертый технологические уклады, а развитие экономики воспроизводит ее предыдущее состояние, не осуществляя качественного изменения. Это консервирует технологическую отсталость, усиливаются внутренние и внешние угрозы, что приводит к снижению экономической безопасности. Поэтому в стране возникла необходимость модернизации экономики с упором на инновационно-технологический путь развития.

Ускорение глобализации приводит к усилению взаимозависимости стран, поэтому в процессе интеграции стран в мировую экономику появляются новые угрозы экономической безопасности, новые аспекты сохранения и поддержания экономической безопасности. Например, приток прямых иностранных инвестиций классики международной торговли считали стимулом экономического развития стран, повышения их деловой активности, привлечения новых технологий, ускорения НТР в стране и т. д. Однако данный фактор также может быть рассмотрен как угроза экономической безопасности, установление контроля над деятельностью национальных предприятий, уход от налогов и отток прибыли из страны. Тем не менее, усиливается конкуренция стран за выход на мировой рынок. Таким образом, экономическая безопасность сводится не только к обеспечению устойчивости развития на внутреннем рынке, но и возможности обеспечения конкурентоспособности на внешнем рынке. Конкуренция предполагает наличие у субъектов особого свойства — конкурентоспособности. В качестве субъекта конкуренции может выступать предприятие, регион, страна. Так, например, под конкурентоспособностью региона понимается готовность отвечать на вызовы глобальной среды, способность адаптироваться к ее изменениям, умение находить и защищать локальные конкурентные преимущества, поддерживать и улучшать экономические позиции региона. Конкурентоспособность становится мощным фактором устойчивого опережающего развития, что особенно актуально для российских регионов [1].

На современном этапе возрастает роль экономической безопасности региона для поддержания целостности социально-экономической системы. Повышение конкурентоспособности может послужить драйвером обеспечения устойчивого развития социально-экономической системы региона. При этом в условиях ускорения интеграции регионов в мировое хозяйство возникает проблема сохранения экономической безопасности для обеспечения перехода на инновационно-технологический путь развития.

Особый интерес для нас представляет изменение теоретико-методологических подходов к определению экономической безопасности. Отечественной экономической наукой теоретические аспекты проблем экономической безопасности наиболее активно начали разрабатываться с середины 1990-х годов.

Так, например, Е.В. Каранина и А.В. Евстратова [2] определили экономическую безопасность как состояние региона, при котором обеспечиваются его защищенность и устойчивое развитие в условиях постоянного воздействия внешних и внутренних угроз, обеспечивающее его финансовую, сырьевую и демографическую независимость, а также требуемый уровень конкурентоспособности.

---

[1] © Кривенцова Л. А. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–010–00373.

В трудах отечественных ученых основной акцент делается на исследовании угроз экономической безопасности, их классификации и нейтрализации.

Западные ученые в основном рассматривают экономическую безопасность как часть национальной безопасности. Так, Дж. Лучиани [3] выявил экономическую составляющую национальной безопасности страны и провел противопоставление понятия безопасности в узком смысле, где роль экономики сводилась к обеспечению наращивания военного потенциала, более широкому определению, как обеспечения развития всех видов экономической деятельности. Однако исследование вопроса происходило в условиях биполярности мировой экономики, что нашло свое отражение в систематизации подходов и выявлении особенностей экономической безопасности. Но уже в XXI веке произошло изменение парадигмы экономической безопасности как экономической компоненты национальной безопасности в условиях глобализации и усиления взаимозависимости субъектов в мировой экономике [4]. Применительно к инновационному развитию автор предложил заменить термин «экономическая безопасность» на «экономическое процветание».

Наибольший прорыв в исследовании вопросов безопасности совершил В. Кейбл [5]. В своих трудах он рассматривал экономическую безопасность на международном уровне. На основе сравнения характеристик и особенностей экономической безопасности развитых и развивающихся стран автор выявил возможности преодоления угроз безопасности через кооперацию стран, многосторонние соглашения, диверсификацию поставок в рамках открытых конкурентоспособных систем.

Далее Х. Уард [6] на основе анализа рейтинга экономической безопасности 53 развивающихся стран за период 1984–1995 гг. продемонстрировала, что усиление экономической безопасности в стране увеличивает приток частных инвестиций и стимулирует экономический рост развивающихся стран. Данная гипотеза была также подтверждена К.Г. Болеа [7] на основе анализа влияния потоков прямых иностранных инвестиций на развитие стран Латинской Америки через призму экономической безопасности.

Исследования экономической безопасности не ограничиваются страной. Так, например, Сью Мун Тан [8] рассматривает экономическую безопасность как один из основных аспектов безопасности человека и направленной на защиту и обеспечение свободы в удовлетворении базовых потребностей человека.

Можно заметить определенную разницу в подходах к определению экономической безопасности в трудах российских и зарубежных авторов. Западные ученые рассматривают влияние глобализации, интеграции, условия взаимозависимости стран, характер международных связей, тогда как российские ученые опираются на стремление социально-экономчиеской системы к обеспечению устойчивости развития в условиях действия различных угроз.

Таким образом, произошла трансформация подходов к определению экономической безопасности от сохранения стабильности, устойчивости и поступательности развития экономики территории в сторону обеспечения выхода территории на международные рынки и противостояния внешним угрозам.

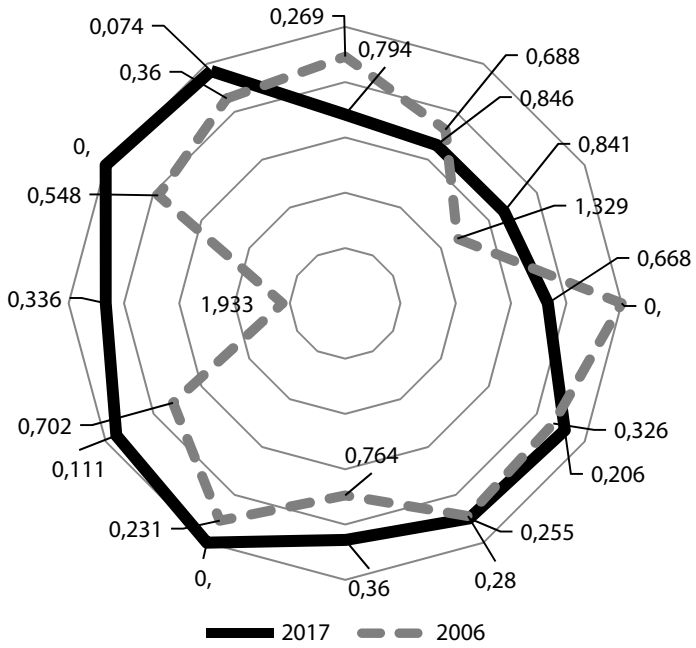
Проблему воздействия угроз безопасности необходимо рассматривать по всем направлениям, подразумевая, что понятие «угроза» включает все деструктивные факторы. Изолированное рассмотрение отдельных видов безопасности не позволяет получить комплексное представление об изучаемом явлении, препятствует изучению конкретного вида безопасности в системе связей и взаимозависимостей.

Наиболее полно это представлено в исследованиях уральской школы по диагностике экономической безопасности регионов России (А.И.Татаркин, А.А.Куклин и др.) [9]. Разработан методический инструментарий по диагностике 12 сфер жизнедеятельности применительно к федеральным округам, субъектам РФ. Предложена система пороговых уровней индикаторов с выделением нормального, предкризисного и кризисного состояний. Классификатор видов экономической безопасности состоит из следующих элементов: инвестиционная безопасность, производственная безопасность, научно-техническая безопасность, внешнеэкономическая безопасность, финансовая безопасность, энергетическая безопасность, сфера уровня жизни населения, сфера рынка труда, демографическая безопасность, правопорядок, продовольственная безопасность, экологическая безопасность.

С помощью программного комплекса диагностики экономической безопасности региона[2] и на основе данных Росстата были произведены расчеты уровня экономической безопасности Свердловской области (рис.). Анализ экономической безопасности Свердловской области в период с 2006 по 2017 гг. выявил отрицательную динамику в обеспечении инвестиционной и производственной безопасности при росте безопасности в остальных сферах жизнедеятельности, то есть наблюдаются некоторые структурные диспропорции.

По результатам проведенного анализа можно сказать, что существуют определенные состояния социально-экономической системы, которые характеризуются нормальными уровнями показателей и

[2] Программный комплекс диагностики экономической безопасности региона (Куклин А. А., Мызин А. Л., Чистова Е. В., Денисова О. А., Тюлюкин В. А.). Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RUS 2012618043, 11.07.2012.



Примечание: чем ближе значение показателей к центру, тем ниже уровень безопасности.
Рис. *Экономическая безопасность Свердловской области*

тенденциями с позиции экономической безопасности, однако в этот же момент имеются предпосылки к регрессу системы в ближайшем будущем.

То есть, несмотря даже на положительную динамику изменения значимых показателей экономической безопасности, мы можем иметь отрицательный тренд развития. Ложные предпосылки развития экономики, ошибочное толкование процессов также приводят к замедлению роста или к переходу в кризисное состояние социально-экономической системы региона.

Таким образом, мы выявили, что для обеспечения экономической безопасности региона необходимо не только противостоять угрозам как на внутреннем, так и на внешнем рынках, но и учитывать скрытые факторы воздействия, которые могут привести к структурной деформации социально-экономической системы.

Список источников

1. *Чайникова Л. Н.* Конкурентная среда как элемент системы управления конкурентоспособностью региона // Управленческие науки. — 2012. — № 4. — С. 60–65.

2. *Каранина Е. В.*, *Евстратова А. В.* Экспресс-диагностика уровня экономической безопасности региона // Экономика и управление: проблемы и решения. — 2015. — № 12, т. 1. — С. 146–153.

3. *Luciani G.* The Economic Content of Security // Journal of Public Policy. — 1988. — No. 8(2). — P. 151–173. — doi: 10.1017/S0143814X00006966.

4. *Ronis S. R.* Economic Security: Neglected Dimension of National Security? — Washington, D.C.: National Defense University Press, 2011. — 116 p.

5. *Cable V.* What Is International Economic Security? // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). — 1995. — Vol. 71, No. 2. — P. 305–324.

6. *Poirson W. H.* Economic Security, Private Investment, and Growth in Developing Countries // Working Paper No. 98/4, International Monetary Fund, 1998. — 31 p.

7. *Bolea C. G.* The relation between the foreign direct investments and the economic security in Latin America // Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad. — 2015. — Vol. 10, No. 2. — P. 111–129.

8. *Tang S. M.* Rethinking economic security in a globalized world // Contemporary Politics. — 2015. — No. 21:1. — P. 40–52. — doi: 10.1080/13569775.2014.993910.

9. Прогнозирование социально-экономического развития региона. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. — 1104 с.

Михайлова А. А., к. геогр. н.
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

ИННОВАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ФОКУСЕ УЧЕНЫХ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА[1]

Инновационная безопасность — актуальное направление экономических и экономгеографических исследований, набирающее свою популярность в научной среде России и других постсоветских стран. В статье рассматриваются различные подходы к изучению инновационной безопасности, развиваемые российскими, украинскими и белорусскими учеными. Делается вывод о фундаментальной и практической значимости проработки концепции инновационной безопасности на национальном и региональном уровнях, особенно в условиях роста геополитической турбулентности.

Ключевые слова: инновационная безопасность, экономическая безопасность, устойчивое развитие, неоднородность инновационного пространства, геополитическая неопределенность

Экономическая и геополитическая конкуренция на мировой арене становится главным вызовом для национальной экономической безопасности на современном этапе. От того, насколько эффективно функционирует экономическая система страны, насколько полно используются ее сравнительные преимущества, зависит результат глобальной конкурентной борьбы за важнейшие ресурсы: знания, инновации и человеческий капитал. Особую роль в обеспечении экономической безопасности страны все активнее играют регионы. Во многом это объясняется сильной дифференциацией между территориальными социально-экономическими системами по уровню развития и восприимчивости к инновациям. Одни и те же подходы к экономической безопасности и инновационному развитию как ее важной составляющей не могут быть тиражированы для разных регионов. В этой связи управление инновационными процессами все чаще спускается с национального на региональный и даже локальный уровень, поскольку позволяет сохранять территориальную адаптивность подхода. Без учета специфики региона невозможно выстроить сильную региональную инновационную систему, способную противостоять внешним негативным факторам. В этом контексте молодое активно развивающееся исследовательское направление по изучению инновационной безопасности является своевременным ответом на растущую практическую потребность государственного управления в выработке эффективных механизмов долгосрочного инновационного развития и экономической безопасности в условиях внешней нестабильности. Целью данной статьи является проследить особенности становления концепции инновационной безопасности в научной среде стран постсоветского пространства, активизировавших в последние годы свою инновационную политику.

Наиболее активно в последние годы идея инновационной безопасности получила развитие в исследованиях российских ученых, что во многом обусловлено необходимостью поиска новых решений для развития национальной экономики в условиях усиления геополитической напряженности в отношениях России со странами Запада. Наибольшее влияние на становление концепции инновационной безопасности оказали труды уральской и балтийской научных школ. С 2012 г. учеными Института экономики Уральского отделения РАН проведен целый комплекс исследований, направленных на оценку роли инноваций в обеспечении экономической безопасности российских регионов [1; 6; 9]. Анализ социально-экономического и инновационного развития субъектов РФ продемонстрировал высокую степень неоднородности инновационного пространства страны с наличием ядер — генераторов инновационных импульсов, сила которых стремительно затухает к периферии [9].

Функциональные различия в инновационном процессе между субъектами РФ тесно связаны со структурой их производственного комплекса и специализацией экономики, проявляясь в доминировании высокотехнологичных, среднетехнологичных или ресурсодобывающих производств [5]. Подобная территориальная дифференциация делает нецелесообразной и даже опасной выработку единых подходов в региональной инновационной политике по тиражированию «кремниевых долин» без учета специфики и особенностей конкретных регионов [2; 5]. Ключевыми элементами инновационной безопасности в этой связи становятся инновационная конкурентоспособность, человеческий и инновационный потенциал региона, его инфраструктурная обеспеченность, способность и возможность генерировать новые знания [6]. От того, насколько полно будут использоваться сравнительные экономические преимущества и эффективно функционировать инновационная система региона, зависит уровень его инновационной безопасности [8; 11].

В научных трудах [4 — 6] концепция инновационной безопасности связывается с идеями устойчивого развития в русле обоснования понятия инновационной устойчивости. Инновации

[1] © Михайлова А. А. Текст. 2019.

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–310–20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России»).

детерминируются в качестве важнейшего фактора устойчивого долгосрочного развития российской экономики, а инновационная безопасность — особого состояния инновационных процессов, обеспечивающих их эффективность [6]. На первый план в системе инновационной безопасности страны выдвигается необходимость комплексного развития систем науки, высшего образования и высокотехнологичной промышленности, что имеет определяющее значение в реализации стратегии импортозамещения [5].

Ученые Балтийского федерального университета им. И. Канта занимаются комплексным развитием концепции инновационной безопасности на уровне региона, рассматривая ее как самостоятельный вид в системе национальной и региональной безопасности, детерминируемый состоянием и свойствами региональной инновационной системы, а также условиями, в которых она функционирует [10]. Особенности экономико-географического положения Калининградской области обусловили ориентацию исследований на изучение специфики обеспечения инновационной безопасности в контексте влияния факторов приграничности и талассоаттрактивности. Приморские приграничные регионы нередко являются контактными инновационными площадками международного масштаба и вовлечены в международные инновационные процессы, научно-технологическое сотрудничество, трансфер новых знаний. Поэтому обеспечение их инновационной безопасности в значительной степени отличается от таковой во внутристрановых регионах и тесно связано с геополитикой и международными отношениями.

Проблема инновационной безопасности актуальна и для ближайших соседей России — Украины и Белоруссии. В украинской науке вопрос инноваций в контексте безопасности получил военно-политическую окраску. Инновационная безопасность определяется связующим звеном в паре «военная безопасность — социально-экономическое развитие» [12]. В качестве основных угроз выделяются [12; 15; 16]: независимость развития экономически сильных регионов от периферии; низкий уровень межрегионального трансфера технологий; бессистемность инновационного развития; отток квалифицированных специалистов; старение научных кадров; нехватка профильных специалистов; низкий уровень финансирования науки; неразвитость инновационной инфраструктуры; импортозависимость; слабость системы защиты интеллектуальной собственности. Главная роль в преодолении негативного воздействия на инновационную систему отводится государству [15].

Подход белорусских исследователей к инновационной безопасности более широкий. В ряде научных работ [3; 7] отмечается, что инновационная безопасность не только связана с другими видами безопасности, но и является для них важнейшим скрепляющим элементом, задающим направление их совершенствования. Значительный вклад в формирование концепции инновационной безопасности внесли исследователи Белорусского национального технического университета [13], согласно работам которых инновационная безопасность — это одновременно состояние и динамика формирования национальной инновационной экономики; способность государства сохранять устойчивое состояние общественной и социально-экономической систем; совокупность условий и факторов инновационного развития. Авторы принципиально обособляют инновационную безопасность от экономической безопасности, делая упор на динамический характер инноваций и цикличность во времени инновационно-экономических прорывов [13]. Принимая во внимание неотложную принадлежность инновационной безопасности к составляющим системы управления инновационной экономикой, В.А. Сакович и Г.М. Бровка справедливо отмечают естественные противоречия между двумя этими видами безопасности, которые возникают под действием фактора нестабильности на начальном этапе. Любые инновационные изменения, прежде всего, вызывают ухудшение экономических показателей и лишь потом рост. Поэтому особо подчеркивается необходимость целенаправленной, а не стихийной деятельности по поддержанию инновационной безопасности, флагманом которой в реалиях белорусской экономики должно выступать государство [7; 13]. Среди серьезных угроз для инновационной безопасности регионов Республики Беларусь выделятся [7]: сворачивание масштабных фундаментальных исследований; отказ от импорта передовых технологий; невысокий уровень финансирования науки и инноваций со стороны предпринимательского сектора; неплатежеспособность потенциальных потребителей инноваций внутри страны; недостаток источников финансирования инновационной деятельности; низкий внутренний спрос на инновации.

К настоящему моменту понятие инновационной безопасности не закрепилось в научной повестке большинства постсоветских государств (за исключением России, Украины и Белоруссии), однако тема инноваций и их важности для долгосрочного развития и экономической безопасности является особенно актуальной для страновых тематических исследований. Стремясь к достижению конкурентоспособных позиций на мировой арене, правительства данных стран нацелены на активизацию инновационных процессов в национальном масштабе. Очевидно, что существующий разрыв в уровне социально-экономического развития и научно-технического потенциала на постсоветском пространстве определяет широкий диапазон распределения стран в глобальном инновационном рейтинге (табл.).

В зависимости от уровня сформированности национальной инновационной системы и степени ее интеграции в международное инновационное пространство постсоветские страны фокусируются на разных экономических целях и угрозах своему инновационному развитию. Иногда приоритетные инновационные направления выделяются в отдельный вид безопасности, например, кибербезопасность (особенно это характерно для стран Прибалтики, активно развивающих механизм платформенного государства). Потребность в обеспечении непосредственно инновационной безопасности, на наш взгляд, является производной от комплексного подхода к инновационному развитию страны, когда инновационные процессы затрагивают значимые сектора экономики и сферы жизни общества.

Таблица

Ранг некоторых стран постсоветского пространства в рейтинге «Глобальный инновационный индекс»

Страна	2017	2018	Изменение ранга
Эстония	25	24	+1
Латвия	33	34	–1
Литва	40	40	0
Украина	50	43	+7
Россия	45	46	–1
Молдавия	54	48	+6
Грузия	68	59	+9
Армения	59	68	–9
Казахстан	78	74	+4
Азербайджан	82	82	0
Белоруссия	88	86	+2
Киргизия	95	94	+1
Таджикистан	94	101	–7

Источник: Global Innovation Index 2017, 2018. INSEAD, WIPO.

Инновационная безопасность как комплексный подход к устойчивому социально-экономическому развитию регионов на базе инноваций является новым и мало изученным направлением для научных исследований постсоветских стран. Однако тема инновационного развития обладает высокой степенью актуальности на всем постсоветском пространстве как в научной среде, так и в сфере государственного управления. Особый интерес к инновационной безопасности был проявлен исследователями из России и Белоруссии, чуть менее — из Украины. Одним из факторов роста востребованности изучения различных аспектов инновационной деятельности в контексте обеспечения экономической, социальной, военной и иных видов безопасности стало усложнение геополитической ситуации между Россией, Украиной и рядом стран Запада. Результатом нестабильности международных отношений стали реконфигурация и распад значительного числа устоявшихся партнерских связей в инновационных сетях, шагающих далеко за национальные границы своих стран. В свою очередь это оказало негативное влияние на инновационные системы регионов, подвергшихся влиянию геополитического фактора, и вывело идею инновационной безопасности из теоретической плоскости в практическую потребность сохранения экономического роста. Особенно сильно ощутили это приграничные и инновационно развитые российские регионы. Стало очевидным, что инновации — неотъемлемая часть развития экономики и общества, тесно связанная с устойчивостью и конкурентоспособностью отдельных регионов и страны в целом. При этом уникальность инновационного профиля конкретных регионов делает необходимым применение территориально-адаптивного подхода к обеспечению их инновационной безопасности с учетом целого комплекса контекстных факторов и специфики функционирования региональной инновационной системы.

Список источников

1. *Багаряков А. В.* Инновационная безопасность в системе экономической безопасности региона // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 302–305.

2. *Барчук И. Д.*, *Масленникова О. А.* Современные аспекты безопасности и активизации инновационной деятельности: проблемы и решения // Известия ОГАУ. — 2013. — № 1(39). — С.122–125.

3. *Водопьянова Т. П.* Оценка рисков предприятия в контексте идей инновационной безопасности // Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука: сб. науч. ст. — Минск, 2017. — С. 28–29.

4. *Голова И. М.*, *Суховей А. Ф.* Вызовы инновационной безопасности регионального развития в условиях цифрового общества // Экономика региона. — 2018. — №. 14(3). — С. 987–1002.

5. *Голова И. М.*, *Суховей А. Ф.* Формирование инновационной составляющей экономической безопасности региона // Экономика региона. — 2017. — № 13(4). — С. 1251–1263.

6. *Голова И. М.*, *Суховей А. Ф.*, *Никулина Н. Л.* Проблемы повышения инновационной устойчивости регионального развития // Экономика региона. — 2017. — № 13(1). — С. 308–318.

7. *Гусаков В.* Как обеспечить инновационное развитие экономики // Наука и инновации. — 2016. — № 3 (157). — С. 4–9.

8. *Кормишкин Е. Д.*, *Саушева О. С.* Инновационная безопасность как условие эффективного функционирования региональной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 34(313). — С. 2–8.

9. *Куклин А. А.*, *Багаряков А. В.*, *Никулина Н. Л.*, *Боярских А. И.* Методика диагностики инновационной безопасности региона. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — 83 с.

10. *Михайлова А. А.* Инновационная безопасность региона: научная конструкция или политическая необходимость? // Инновации. — 2018. — № 231(1). — С. 79–86.

11. *Николина Ю. П.* Инновационная безопасность в системе национальной экономической безопасности: научно-методический аспект // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — Т. 4, № 1. — С. 13–19.

12. *Омельяненко В.* Концептуализация стратегической инновационной безопасности страны // Технологический аудит и резервы производства. — 2018. — Т. 3, № 5(41). — С. 36–42.

13. *Сакович В. А.*, *Бровка Г. М.* Инновационная безопасность: некоторые аспекты теории, методологии, практики. — Минск: РИВШ, 2016. — 320 с.

14. *Bashinsky I. O.*, *Kaplun A. S.* Problems of providing innovative safety to Ukraine // Тезисы 53-й научной конференции молодых ученых «Информационные технологии и телекоммуникации». — Одесса: ОНПУ, 2018. — С. 20–24.

15. *Nikolaenko A. I.* Innovation safety in the evolutional development of economic system // Bulletin of Donetsk National University. Series C: Economics and Law. — 2013. — No. 2. — P. 110–113.

Наслунга К. С.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА [1]

Финансовая безопасность выступает одной из составных частей экономической безопасности, отражающей состояние финансовой системы государства и способность органов власти различными методами обеспечить безопасное функционирование всех сфер экономической деятельности, где обращаются финансы. Существует ряд методов, позволяющих производить оценку уровня финансовой безопасности. Обзор существующих методик показал, что для оценки уровня финансовой безопасности в основном используется индикативный анализ, но отсутствует единая общепринятая методика. Формирование комплексной системы индикаторов финансовой безопасности должно включать адекватный расчет пороговых границ. Их изменение должно свидетельствовать о необходимости применения тех или иных экономических и финансовых инструментов. В зависимости от набора индикаторов оценка финансовой безопасности может проводиться с целью выявления текущего состояния безопасности, а может быть направлена на результат функционирования.

Ключевые слова: финансовая безопасность, регион, финансы, инвестиции, страхование, налогово-бюджетная сфера

Финансовая безопасность традиционно является одной из составных частей экономической безопасности, отражающей состояние финансовой системы государства и способность органов власти различными методами обеспечить безопасное функционирование всех сфер экономической деятельности, где обращаются финансы [8]. Дефицитность финансовых ресурсов способна привести к недофинансированию базовых потребностей и как следствие к снижению благосостояния и замедлению экономического развития. Финансы — очень динамичная сфера экономики, подверженная воздействию негативных факторов, как внутренних, так и внешних. Ухудшение состояния в финансовой сфере может привезти к упадку промышленности, банкротству предприятий, росту кредиторской задолженности, снижению инвестиций и т. д. Предотвращение таких негативных финансовых тенденций, влияющих на экономическое развитие территорий, собственно и является предметом политики в сфере финансовой безопасности.

Непосредственная реализация функции обеспечения финансовой безопасности пока не закреплена ни за одним исполнительным органом, но функционалом частично наделены различные госорганы, которые осуществляют свою деятельность в финансовой сфере. Исходя из компетенций органов власти, определяются мероприятия, направленные на обеспечение финансовой безопасности [9].

Факторами, влияющими на уровень финансовой безопасности территории, выступают: сбалансированность бюджета, устойчивость банковской системы, размеры валютных резервов, инвестиционный климат, наличие и состояние задолженности, как внутренней, так и внешней, уровень цен, состояние рынка капиталов и т. д. [12].

Финансовая безопасность — сложная многоуровневая система, включающая ряд подсистем, различающихся собственной структурой и логикой развития.

На сегодняшний день не существует единого подхода к структуре финансовой безопасности. Большинство авторов выделяют следующие подвиды безопасности [6]:

— налогово-бюджетная;
— кредитно-банковская;
— инвестиционная;
— страхового рынка;
— валютная;
— фондового рынка.

Ряд авторов не выделяют в структуре безопасность страхового рынка как отдельный вид [3, 10].

М.А. Скворцова, Н.С. Сажина в своем исследовании выделяют финансовую безопасность населения [11].

Налогово-бюджетная безопасность подразумевает обеспеченность территории финансовыми ресурсами, достаточными для выполнения государственными органами внутренних и внешних функций, а также устойчивое и сбалансированное состояния всех бюджетов бюджетной системы.

Кредитно-банковская безопасность предполагает обеспечение стабильной и надежной системы платежей и расчетов между хозяйствующими субъектами и физическими лицами, кредитование и стимулирование роста сбережений [1].

---

[1] © Наслунга К. С. Текст. 2019.

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2019–2021 гг.

Инвестиции — важный фактор поддержания и наращивания экономического потенциала региона. Приток инвестиций на территорию важен для деятельности организаций, поскольку приводит к увеличению валового регионального продукта. Уровень финансовой безопасности в значительной степени зависит от того, насколько благоприятные условия сложились для привлечения отечественных и иностранных инвестиций в регион [13].

Под финансовой безопасностью страхового рынка понимают уровень обеспеченности страховых компаний финансовыми ресурсами, объемы которых достаточны для функционирования и возмещения убытков по договорам страхования [5].

Валютная безопасность подразумевает меры по поддержанию стабильной национальной валюты и положительного сальдо платежного баланса, а также создание достаточных валютных резервов.

Безопасность фондового рынка направлена на стабильное финансирование экономических субъектов путем выпуска ценных бумаг и других операций, осуществляемых с помощью различных финансовых инструментов [2].

Существует большое количество методов, позволяющих оценить уровень финансовой безопасности: статистическое и математическое моделирование, метод экспертных оценок, индикативный анализ, мониторинг, программирование и т. д., но отсутствует единая общепринятая методика оценки финансовой безопасности территории.

В зависимости от набора индикаторов оценка финансовой безопасности может проводиться с целью выявления текущего состояния безопасности, а может быть направлена на результат функционирования.

Оценочные показатели, критерии и индексы финансовой безопасности территории должны удовлетворять ряду следующих требований:

— закрепленные границы измерения;

— сопоставимость оценок во времени;

— удобство сопоставления и расчета в методике [7].

Формирование комплексной системы индикаторов финансовой безопасности должно включать адекватный расчет пороговых границ. Их изменение должно свидетельствовать о необходимости применения тех или иных экономических и финансовых инструментов. При нарушении пороговых границ финансовой безопасности возникает вероятность торможения развития финансовой сферы и роста негативных тенденций в экономике [4].

Алгоритм оценки финансовой безопасности территории должен включать в себя следующие шаги:

1. Отбор и обоснование индикаторов, определяющих изменение ситуации в составляющих финансовой системы;

2. Определение и обоснование выбранных пороговых границ для каждого индикатора, используемого в оценке;

3. Определение вклада каждого отдельного индикатора в совокупную комплексную оценку финансовой безопасности;

4. Расчет комплексного интегрального коэффициента финансовой безопасности;

5. Исходя из полученного результата комплексной оценки финансовой безопасности территории присваивается один из уровней безопасности: высокий, средний, низкий.

Таким образом, обзор существующих методик показал, что для оценки уровня финансовой безопасности в основном используется индикативный анализ. Дальнейшие исследования будут направлены на разработку методики, объединяющей оценку текущего состояния и результатов функционирования финансовой системы.

Список источников

1. *Багиров О. М.* Роль финансовой безопасности банков в обеспечении безопасности государства // Международный научный журнал. — 2012. — № 2. — С. 48–52.

2. *Боднер Г. Д.* Устойчивое состояние фондового рынка Российской Федерации как основа обеспечения его финансовой безопасности // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. — 2016. — № 4 (37). — С. 128–134.

3. *Должикова И. В.* Обеспечение финансовой безопасности региона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 4–1. — С. 181–190.

4. *Ермакова Э. Р.* О необходимости формирования комплексной системы индикаторов финансовой безопасности // Интернет-журнал «Науковедение». — 2016. — № 3. — С. 1–8.

5. *Каранина Е. В.* Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации, личности): монография. — Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2015. — 239 с.

6. *Каранина Е. В.*, *Бледных О. И.* Финансовая безопасность как составляющая концепции экономической безопасности государства // The genesis of genius. — 2016. — № 6. — С. 94–99.

7. *Колосов А. В.* Методические аспекты экономической безопасности // Интернет-журнал «Науковедение». — 2013. — № 3. — С. 1–7.

8. *Кондрат Е. Н.* Финансовая безопасность как объект финансового контроля // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2012. — № 2. — С. 30–37.

9. *Кучеров И. И.* Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. — 2017. — № 6 (246). — С. 69–79.

10. *Ломаченко Т. И.* Финансовая безопасность региона как основа национальной экономической безопасности государства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. — 2016. — № 4. — С. 70–79.

11. *Скворцова М. А.*, *Сажина Н. С.* Формирование региональной системы управления финансовой безопасностью // Регионология. — 2007. — № 2(59). — С. 32–38.

12. *Фёдорова А. Ю.* Финансовая безопасность и факторы, влияющие на нее // / Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — № 8. — С. 86–93.

13. *Шевелева О. Б.*, *Слесаренко Е. В.* Оценка финансовой безопасности Кемеровской области // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 4. — С. 34–45.

Оникийчук Ю. А.
Донецкий государственный технический университет, г. Алчевск, Украина

Коваленко Н. В., д. э. н.
РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ [1]

В статье рассмотрена сущность понятий «экономическая безопасность региона» и «конкурентоспособность региона». Экономическая безопасность региона определяется способностью противостоять внутренним и внешним угрозам с целью обеспечения реализации экономических интересов региона при эффективном использовании конкурентных преимуществ. Обоснованы роль и значение экономической безопасности в повышении конкурентоспособности, в процессах регионального развития. Выявлены основные угрозы экономической безопасности регионов с особым статусом, а также предложены мероприятия по обеспечению экономической безопасности данных регионов и сформулированы задачи региональной экономической политики.

Ключевые слова: экономическая безопасность региона, конкурентоспособность региона, угрозы экономической безопасности

Целью работы является изучение влияния экономической безопасности на обеспечение и повышение конкурентоспособности регионов с особым статусом Теоретические основы исследования представлены фундаментальными факторами и принципами современной экономической теории, теориями регионализма, глобальной экономики и научными трудами отечественных и зарубежных ученых по вопросам обеспечения экономической безопасности региона. Была применена система методов и подходов, обеспечивающих концептуальную целостность исследования: теоретическое обобщение, сравнение, анализ и систематизация; установления причинно-следственных связей.

Теоретико-методологические основы изучения этой проблемы заложены в исследованиях ведущих отечественных ученых, включая Л.И. Абалкина, А.И. Архипова, С.Ю. Глазьева, А.Е. Городецкого, Д.В. Дианова, Д.С. Львова, С.В. Казанцева, В.К. Сенчагова, А.Ю. Скопина, В.Л. Тамбовцева, А.И. Татаркина, Ю.А. Фридмана и др.

Современная экономика Луганской и Донецкой народных республик переживает сложный трансформационный период. Последствия экономической блокады и отсутствие международного признания независимости республик значительно усугубляют экономическое положение. Из-за незавершенности процесса политического урегулирования конфликта на Донбассе экономика регионов с особым статусом несет дополнительную нагрузку, вызванную необходимостью постоянного укрепления обороноспособности регионов. Внешнеэкономическую деятельность невозможно осуществлять в полном объеме из-за непризнанного политического статуса республик.

В Программе социально-экономического развития ЛНР на период до 2023 года первоочередными задачами ставятся:

— безопасность жителей республики;
— развитие государственности и усовершенствование законодательства;
— интеграционные процессы с Российской Федерацией;
— полное восстановление экономической инфраструктуры, промышленности;
— укрепление продовольственной безопасности республики;
— создание новых рабочих мест;
— повышение социальных стандартов: повышение заработной платы бюджетникам, стипендий, пенсий; сохранение низкого уровня тарифов ЖКХ; организация доступной сети медицинских учреждений первичного звена и т. д.

В условиях внешних политических вызовов и экономического кризиса одним из основных резервов экономического роста и условием реализации «Программы-2023» является повышение конкурентоспособности региона. Достижение и повышение конкурентоспособности является первостепенной целью развития регионов с особым статусом, поскольку способствует повышению уровня их экономической безопасности, инвестиционной привлекательности, улучшению качества жизни населения, развитию внешнеэкономической деятельности. Актуальность проблемы обеспечения конкурентоспособности и ее тесная связь с обеспечением безопасности являются важным условием стратегических приоритетов социально-экономической политики.

[1] © Оникийчук Ю. А., Коваленко Н. В. Текст. 2019.

Появление на юго-востоке Украины регионов с особым статусом как институциональной единицы связано с принятием Закона Украины № 1680-VII «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» от 16 сентября 2014 г., известному также как закон об особом статусе Донбасса. В рамках минских договоренностей территориям, которые не контролируют силы АТО, по состоянию на день принятия закона, а не на всей территории Донецкой и Луганской областей, был присвоен особый статус сроком до 31 декабря 2019 года (с изменениями, внесенными Законом от 5.10.2018 г.).

Регион с особым статусом — это промежуточная стадия между регионом в составе государства и независимой страной с международным признанием [3].

В исследовании вопросов региональной конкурентоспособности и ее повышения можно провести логическую связь: от определения конкурентоспособности до защиты конкурентных позиций и до достижения определенного уровня экономической безопасности.

Изучение научной литературы позволило определить «конкурентоспособность региона» как устойчивую способность региона посредством использования имеющихся факторов конкурентоспособности, конкурентных преимуществ, институтов соперничать с другими регионами за ресурсы и рынки сбыта для обеспечения устойчивого экономического роста региона, его инвестиционной привлекательности, а также роста качества жизни населения.

Защита конкурентных позиций — это, прежде всего, защита экономических интересов субъектов экономической деятельности региона, максимальное использование внутреннего социально-экономического потенциала, совершенствование экономической структуры, расширение экономических связей региона внутри страны и с зарубежными партнерами, уменьшение уровня экономической зависимости от государства и использование инструментов самостоятельного поиска и аккумулирования ресурсов. Оценка конкурентных позиций региона базируется на оценке уровней социально-экономического развития региона [1].

Для определения роли экономической безопасности в повышении конкурентоспособности региона рассмотрим понятие «экономическая безопасность региона».

Экономическая безопасность региона — это комплекс мер, направленных на противостояние внешним и внутренним угрозам, обеспечение оптимального уровня открытости экономики, повышение способности региона к самофинансированию и улучшению качества жизни населения.

Обеспечение экономической безопасности региона дает возможность эффективной реализации экономического потенциала. Экономическая безопасность региона является основой повышения конкурентоспособности [4].

Конкурентоспособность и экономическая безопасность регионов определяется способностью региона достигать определенных целей развития, более эффективно, чем другие регионы, конкурировать за ресурсы и иметь высокие показатели развития в определенных секторах экономической и социальной сферы [2].

Экономическая безопасность является необходимым и важным условием конкурентоспособности региона, ведь ее обеспечение напрямую связано с формированием так называемых минимально необходимых условий (обеспеченности факторами производства, рационального и эффективного использования финансово-ресурсного потенциала, создания предпосылок для устойчивого и структурно-сбалансированного развития регионального комплекса) безопасного функционирования и постепенного социально-экономического развития региональной экономики.

Системность и комплексность понятия «конкурентоспособность» привели к тому, что во многих научных исследованиях данное понятие начали противопоставлять понятию «экономическая безопасность». Разница практически свелась лишь к тому, что конкурентоспособность характеризует способность достигать максимального эффекта, а экономическая безопасность — минимально приемлемых значений параметров функционирования экономической системы регионов.

На конкурентоспособность влияют различные ограничивающие факторы, которые при определенных условиях становятся угрозами экономической безопасности. Угрозы экономической безопасности региона можно определить как совокупность условий, препятствующих удовлетворению региональных потребностей или создающих опасность снижения производственного потенциала хозяйствующих субъектов, нерационального использования трудовых, природных, материальных, финансовых ресурсов, увеличения зависимости региона от межбюджетных трансфертов, усиления социальной дифференциации населения и обострения локальных межнациональных конфликтов.

Региональная экономическая безопасность зависит от внутренних и внешних угроз, которые приводят к нестабильным ситуациям. Региональные кризисные ситуации формируются под влиянием как макроэкономических кризисных процессов, так и местных особенностей экономического и социального развития, ресурсного потенциала, географического положения и других особенностей.

К внутренним угрозам экономической безопасности регионов с особым статусом относятся: спад производства; сокращение основных фондов и высокая степень их износа; сокращение численности

населения; энергетические угрозы; снижение инвестиций и инноваций; разрушение системы управления регионами и производством; разрушение инфраструктуры; ухудшение условий жизни населения.

Внешние угрозы включают в себя осложнения геополитической обстановки и растущую вероятность межгосударственных конфликтов; политическую нестабильность; экономическую блокаду, в том числе незащищенность финансовой системы; высокую зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры; сохранение экспортно-сырьевой модели развития; вытеснение отечественных товаропроизводителей с международных рынков [5].

В условиях кризисных и переходных процессов экономического и внешнеэкономического характера механизмы стабилизации и обеспечения безопасности представляют собой достаточно противоречивую и сложную систему. Обеспечение достаточного уровня экономической безопасности достигается путем сравнения превентивных и компенсационных мер в каждом конкретном случае по критерию «минимум ущерба» или «минимум совокупных потерь и затрат». Данная концепция предполагает диагностический анализ текущего состояния экономического, социального и экологического потенциала общества, текущих процессов, а также ранжирование долгосрочных факторов дестабилизации, ориентировочную оценку их пороговых значений и состояние имеющихся потенциалов предупреждения и компенсации ущерба. Кроме того, экономическая оценка последствий угроз безопасности в любых сферах, как правило, предусматривает универсальный подход, позволяющий количественно оценить ущерб и на этой основе определить систему приоритетов. При этом необходимо учитывать, что экономическая безопасность обеспечивается не только экономическими методами, но и средствами неэкономического характера (политическими, дипломатическими, военными и др.).

В процессе обеспечения конкурентоспособности региона необходимы своевременное выявление и нейтрализация угроз стабильному финансированию экономики и социальной сферы. Особенно важным в контексте обеспечения долгосрочной конкурентоспособности региона является инвестиционный ресурс, поскольку иностранные инвестиции для любого региона являются источником привлечения современных технологий, создания новых рабочих мест, роста производительности труда, увеличения налоговых поступлений, улучшения рыночной инфраструктуры и в целом активизации экономического роста. В то же время политика привлечения прямых иностранных инвестиций должна быть избирательной: предпочтение следует отдавать иностранному капиталу, не представляющему угрозу экономической безопасности ЛНР и ДНР и не противоречащему их национальным интересам.

Необходимо принять ряд мер для увеличения объемов инвестиций: расширение сферы государственных закупок, использование механизмов государственно-частного партнерства, обеспечение равномерного распределения государственных инвестиций, повышение инвестиционной привлекательности регионов и проведение мероприятий по привлечению инвесторов — инвестиционные предложения, экономические форумы, ярмарки.

Существенным ресурсом накопления и эффективной реализации конкурентного потенциала экономики регионов с особым статусом является активизация внешнеэкономической деятельности. Наиболее перспективным направлением реализации данной задачи является развитие отношений с субъектами Российской Федерации. Практическая реализация этой задачи может способствовать развитию интеграции между ЛНР, ДНР и Южным федеральным округом РФ, что приведет к формированию единого экономического пространства.

Основой интеграции являются прямые международные экономические (производственные, научно-технические, технологические и др.) отношения на уровне первичных экономических субъектов. Результаты региональной интеграции проявляются в росте ВВП и производительности труда; росте масштабов производства; увеличении специализации и диверсификации производства; обеспечении технологического сотрудничества; снижении производственных и транзакционных издержек; создании региональных рынков.

Приоритетными направлениями повышения конкурентоспособности регионов с особым статусом с учетом необходимости укрепления их экономической безопасности являются следующие:

— проведение институциональных преобразований в регионах, находящихся в условиях нестабильной военно-политической ситуации.

— обеспечение эффективного использования экономического потенциала регионов;

— разработка государственных мер по поддержке и развитию высокотехнологических и конкурентоспособных базовых производств и отраслей экономики;

— формирование благоприятного инвестиционного климата, обеспечивающего приток иностранных инвестиций;

— активизация инвестиционной деятельности региона на основе использования механизма государственно-частного партнерства;

— активная социальная политика, направленная на повышение качества жизни населения, снижение уровня социально-экономической асимметрии;

— повышение эффективности формирования и использования трудового потенциала региона: преодоление негативной демографической ситуации; трудоустройство по специальности; создание условий для участия населения в непрерывном образовании и повышении квалификации; интеграция науки и образования; повышение эффективности и качества труда посредством использования современных методов и технологий; охрана здоровья;

— активизация сотрудничества с регионами Российской Федерации.

Список источников

1. *Вдовин С. М.* Стратегия и механизмы устойчивого развития региона. — М.: ИНФРА-М, 2017. — 154 с.

2. *Криворотов В. В.*, *Калина А. В.*, *Эриашвили Н. Д.* Экономическая безопасность государства и регионов. — М.: Юнити-Дана,2015. — 351 с.

3. *Полшков Ю. Н.* Управление экономикой региона с особым статусом. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. — 331 с.

4. *Сенчагов В. К.* Экономическая безопасность России. Общий курс. — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2017. — 815 с.

5. *Чичканов В. П.*, Беляевская-*Плотник Л. А.* Анализ подходов к оценке региональных процессов формирования социально-экономической безопасности // Экономика региона. — 2016. — № 3. — С. 654–669.

Панкова Е. И.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МИРОВОМ ЭКСПОРТЕ ПРОДУКЦИИ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ [1]

В статье исследована роль России в мировом экспорте продукции пищевой промышленности. Анализируются специфика, структура, направленность экспорта страны, а также проблемные моменты, характерные для производителей данной отрасли промышленности сегодня, без решения которых успешное развитие и выход предприятий данного сектора экономики на новые рынки будут проблематичны.

Ключевые слова: Россия, пищевая промышленность, экспорт

Развитие мировой экономики, а также социально-экономическое положение отдельных стран определяются наличием и степенью обеспеченности стратегически важными ресурсами, включающими продовольствие. страны, претендующие на статус мировых экономических держав, ставят производство продуктов питания на одно из приоритетных позиций наравне с энергетикой.

Экспорт продукции пищевой промышленности является важной частью российского экспорта. В 2017 г. экспорт продовольственных товаров из России достиг исторического максимума, составив 20,507 млрд долл. [2]. По сравнению с 1995 г. данный показатель увеличился в 14,8 раза (с 1,382 млрд долл.). Более подробная информация представлена на рисунке 1.

При анализе представленного графика замечаем, что за период 1995–2008 гг. экспорт сельскохозяйственного сырья превышал экспорт продовольственных товаров. Однако после 2008 г. данный тренд изменился, и экспорт продовольственных товаров начал стремительно расти, существенно превосходя вывоз сельскохозяйственного сырья из страны. Это говорит о переориентации экспорта РФ от простого экспорта сырья в сторону товаров, имеющих более глубокую переработку, повышающую их стоимость, увеличивая тем самым экономическую отдачу для национальной экономики.

Структура продовольственных товаров, поступающих на мировой рынок от России, достаточно дифференцирована. Среди них можно выделить зерно, рыбу, подсолнечное масло, алкоголь, сахар и другие виды пищевой продукции. Что же касается роли РФ в мировом экспорте товаров пищевой промышленности, то она однозначна — поставщик сырья, то есть продукции с низкой степенью переработанности. Динамика положения РФ в мировом экспорте отдельных продовольственных товаров в 2017 г. представлена в таблице 1.

Проанализировав представленную таблицу, мы можем заметить, что РФ занимает не так много лидирующих позиций по отдельным видам товаров в мировом экспорте продовольствия. Это объясняется в первую очередь низкой конкурентоспособностью продукции, выпускаемой национальными компаниями, работающими в данном секторе экономики. Те товары, в экспорте которых она занимает лидирующие позиции, характеризуются низкой степенью добавленной стоимости, то есть переработанности. Данную тенденцию можно объяснить нелучшим состоянием материально-технического парка пищевой промышленности РФ. В то же время остальная продукция, поставляемая нашей страной на мировой рынок, пусть и не имеет лидирующих позиций, но находит своего потребителя. Причем предложение данной продукции с каждым годом растет за счет модернизации производственных мощностей, увеличения их загруженности.

В свою очередь, в конкурентной борьбе на мировом рынке главными преимуществами некоторых российских товаров стали их низкая стоимость и относительно высокий уровень качества. Так, например, Россия продает пшеницу по цене 165 долл. за тонну, в то время как ближайшие ее конкуренты, Франция и Аргентина, — по 186 и 195 долл. за тонну соответственно [1]. Увеличению экспорта также способствует неподготовленность промышленной инфраструктуры к росту производства. В результате производители сталкиваются с недостатком хранилищ, толкающем их в конечном итоге к срочной реализации продукции на внешних рынках.

Структура географии экспортных поставок представлена в таблице 2.

Изучив данные таблицы 2, мы можем заметить, что основными потребителями российской продукции являются страны ближнего зарубежья. Данную ситуацию можно объяснить тем, что Россия, Киргизия, Казахстан, Беларусь и Армения состоят в Евразийском экономическом союзе или ЕАЭС. В рамках ЕАЭС реализуется свободное движение товаров, услуг, капитала, рабочей силы. Это помогает сократить транспортные и иные издержки для производителя, тем самым сделав его товар более конкурентоспособным на данных рынках за счет его удешевления, приводя к еще большей его реализации

[1] © Панкова Е. И. Текст. 2019.

[2] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru; World Bank Open Data [Electronic resource]. URL: http://data.worldbank.org.

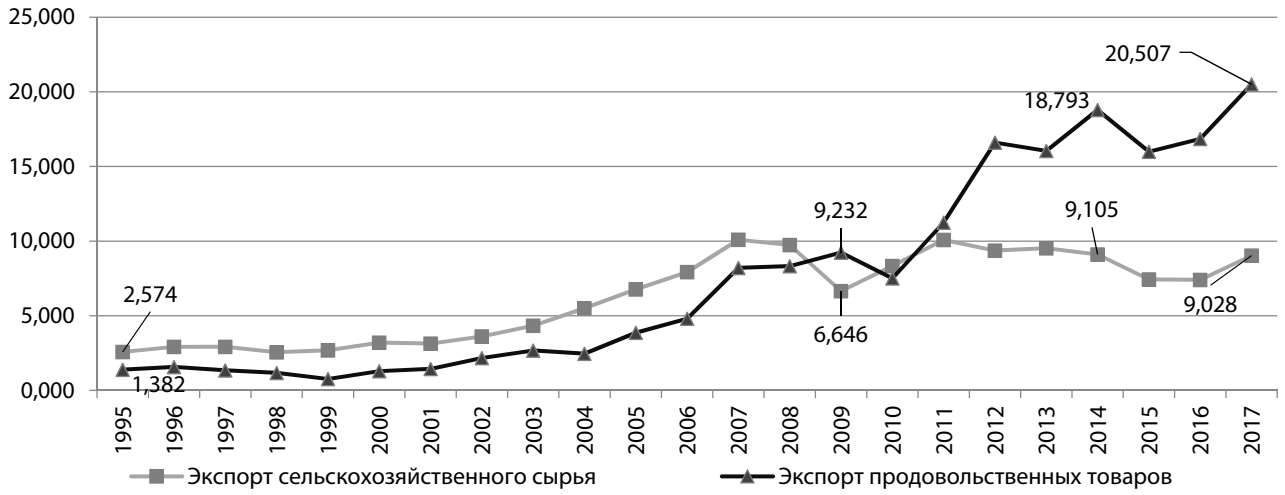


Рис. 1. *Динамика экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров из России с 1995 по 2017 гг., млрд долл. США (составлено автором по: UNCTADSTAT [Electronic resource]. URL: http://unctadstat.unctad.org)*

Таблица 1

Положение РФ в мировом экспорте отдельных продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в 2017 г.*

Место в мире	Ячмень (Код ТНВД — 1003)		Пшеница и меслин (Код ТНВД — 1001)		Масло подсолнечное, сафлоровое или хлопковое и их фракции, нерафинированные или рафинированные, но без изменения химического состава (Код ТНВД — 1512)		Свекловичный жом, багасса (жом сахарного тростника) и прочие остатки от производства сахара (Код ТНВД — 230320)	
	Страна	Значение (млн долл. США)	Страна	Значение (млн долл. США)	Страна	Значение (млн долл. США)	Страна	Значение (млн долл. США)
1	Австралия	1 619	США	6 097	Украина	4 309	Россия	134
2	Франция	1 008	Россия	5 791	Россия	1 779	США	103
3	Россия	732	Канада	5 090	Аргентина	612	Франция	95
4	Украина	711	Австралия	4 650	Нидерланды	568	Египет	72
5	Аргентина	457	Франция	2 994	Турция	551	Сербия	32

* Составлено автором по: Trend Economy [Электронный ресурс]. URL: http://trendeconomy.ru.

Таблица 2

Структура географии экспортных поставок продовольствия РФ в 2017 г. (%)*

Наименование товара	Страны — импортеры продукции РФ		
Пшеница и меслин	Египет (24)	Турция (10)	Бангладеш (6)
Жиры и масла животного и растительного происхождения	Казахстан (62)	Узбекистан (20)	Беларусь (11)
Сливочное масло	Казахстан (52)	Украина (33)	Армения (4)
Сыры и творог	Казахстан (47)	Беларусь (19)	Украина (12)
Макаронные изделия	Казахстан (25)	Беларусь (20)	Грузия (12)
Шоколад	Казахстан (21)	Китай (12)	Беларусь (11)
Хлеб и мучные кондитерские изделия	Казахстан (33)	Беларусь (21)	Киргизия (8)
Сигары, сигары с обрезанными концами, сигариллы и сигареты из табака или его заменителей	Казахстан (26)	Украина (19)	Азербайджан (14)

* Составлено автором по: Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс]. URL: http://stat.customs.ru.

на данных рынках. Потребление российской пшеницы Турцией объясняется тем, что для данной страны преимущество покупки заключается как в выгодной цене, низких транспортных издержках за счет транспортировки морским видом транспорта, так и в требуемом для турецких мукомолов качестве зерна. В 2016 г. в Турции 85 % муки вырабатывалось из российского зерна [2].

В то же время возможно, что представленные российские товары, например пшеница, могли бы быть реализованы и на других рынках, но это осложняется высокими транспортными издержками для национальных производителей. До тех пор, пока транспортная инфраструктура РФ не начнет улучшаться, ключевыми рынками сбыта так и будут оставаться представленные выше страны.

Среди перспективных рынков сбыта российской продовольственной продукции можно выделить страны АСЕАН с населением около 600 млн человек и высоким потенциалом экономического роста. Требуется освоение новых рынков сбыта в государствах ближнего и дальнего зарубежья, в первую очередь — на Ближнем и Среднем Востоке, Центральной и Юго-Восточной Азии. На традиционном рынке — Ближний Восток и Африка — возможно укрепление позиций не только по мере роста спроса, но и за счет выхода на новые сегменты рынка: Алжир и Саудовская Аравия — по пшенице, Египет — по кукурузе и др. Потенциал роста есть и у подсолнечного масла за счет выхода в Индию и Китай.

Экспорт продукции пищевой промышленности РФ занимает особое место как в самой национальной экономике страны, так и мировой. Роль, которую Россия играет на глобальном рынке, является отнюдь не главной. Лишь по некоторым продовольственным товарным позициям она входит в число наиболее крупных экспортеров. Основная роль государства на данном этапе развития мировой экономики — сырьевая, так как большая часть российского экспорта продовольствия, которое поставляется для нужд пищевых промышленных предприятий других стран, представлена товарами с низкой степенью переработанности или ее отсутствием. Однако постепенно РФ все же наращивает экспорт готовой продукции. Что касается географии экспорта российской продукции, то ключевыми рынками сбыта остаются страны Центральной Азии, Северной Африки и государства СНГ. Кроме совершенствования основных фондов предприятий, усиления поддержки со стороны правительства национальных производителей государству следует совершенствовать транспортную инфраструктуру внутри страны, тем самым сокращая издержки для национального производителя и повышая шансы выхода его продукции на новые рынки сбыта.

Список источников

1. *Быркова Е.* Экспорт продуктов питания: кого кормит Россия, ПРОВЭД.РФ, 06 октября, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/article/37643-ekspopt-ppoduktov-pitaniya-kogo-kopmit-possiya.html

2. Турция объяснила закупку зерна в РФ нежеланием обижать фермеров, РИА Новости, 01 февраля, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/world/20160201/1368523921.html.

Печеркина М. С.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ ДЛЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ И ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАНИЯ [1]

В статье приведены методика и механизм исследования рисков для благосостояния личности и территории проживания. Описаны результаты диагностики рисков. В 2017 г. интегральный риск на территории Уральского федерального округа находился в зоне среднего риска. В первую очередь это обусловлено продолжающимся падением денежных доходов населения.

Ключевые слова: благосостояние, интегральный риск, индикатор, индикативный анализ

Регионы сталкиваются с необходимостью оценки рисков в социально-экономическом развитии для достижения поставленных целей. Цели могут быть определены в социальной, экономической и финансовой областях, а также в области безопасного развития.

Риск — это величина, характеризующая потенциальные убытки (потери), связанные с принятием неправильных управленческих решений, вырабатываемых в результате изучения экономической, политической и социальной ситуации, в которой протекает деятельность компании [1, 2]. Риск характеризует материальный или финансовый результат действия угрозы.

Спектр угроз благосостоянию регионов многообразен, риски в регионах оцениваются как критические, высокие, повышенные, средние, допустимые и минимальные. Регионы России имеют разную экономическую направленность, поэтому разные регионы не всегда равны по степени риска [3, 4].

Совокупный риск для благосостояния личности и территории проживания на уровне регионов определяется количественно через интегральный риск. Интегральный риск для регионов Уральского федерального округа (УрФО) рассчитывается с применением метода индикативного анализа. Результаты расчета интегрального риска для субъектов УрФО за 2017 г. представлены на рисунке 1.

В 2017 г. интегральный риск на территории УрФО находился в зоне среднего риска. Хуже всего ситуация в Курганской области, которая была в зоне повышенного риска. В первую очередь это связано с продолжающимся падением денежных доходов населения. Снижение реальных доходов в 2016 году ускорилось и составило минус 7,5 % (минус 6 % — в 2015 году и минус 1,6 % — в 2014 году). Реальная заработная плата перестала быть причиной падения доходов, показав во всех субъектах УрФО в 2016 г. по сравнению с 2015 г. прирост. Причиной падения доходов стало снижение доходов от собственности и предпринимательской деятельности. В 2017 г. падение реальных доходов продолжилось, хотя реальная заработная плата и выросла по сравнению с предыдущим годом, докризисного уровня пока достигнуть не удалось [4].

По риску нарушения здоровья ЯНАО находится в зоне высокого риска. Сложившаяся в этом округе ситуация свидетельствует о негативном влиянии экстремальной среды обитания и экологических нагрузок, что приводит к высокому уровню заболеваемости населения болезнями крови и органов дыхания [5].

Риск спада промышленного производства описывается двумя индикаторами. Индикатор «индекс промышленного производства (ИПП)» в 2015 году упал в УрФО на 1,8 %, в 2017 г. вырос во всех субъектах УрФО, кроме Ханты-Мансийского АО. Рост наблюдался во всех трех составляющих промышленного производства: добыча полезных ископаемых (+1,4 %), обрабатывающие производства (+2 %) и производство и распределение электроэнергии, газа и воды (+1,7 %). Падение ИПП в ХМАО произошло из-за снижения объемов добычи нефти. Результаты диагностики степени износа основных производственных фондов показали, что в субъектах УрФО не только превышено допустимое значение уровня износа 40 % [6, 7], но его уровень увеличивается с каждым годом.

По риску финансовой депрессивности во всех субъектах УрФО сложилась нормальная ситуация, кроме Курганской области, где доля основных налогов составляет всего 43,4 %.

Анализ рисков позволяет выявить те из них, которые необходимо минимизировать в субъектах УрФО, помогает выбрать соответствующие мероприятия и стратегии управления рисками. Для этого необходим организационно-экономический механизм минимизации рисков для благосостояния личности и территории проживания, который представлен на рисунке 2.

В качестве способа реализации организационно-экономического механизма будут выполняться два этапа минимизации рисков и повышения уровня благосостояния личности и территории проживания.

На первом этапе (2019–2021 годы) следует реализовывать меры по нейтрализации негативного воздействия выделенных рисков для благосостояния личности и территории проживания, что приведет к повышению уровня благосостояния. В рамках этого этапа предлагается внедрение системы

[1] © Печеркина М. С. Текст. 2019.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ грант № 18–010–0049 «Долгосрочные социально-демографические тренды в развитии регионов России: эффективность функционирования социальной сферы и ее адаптация».

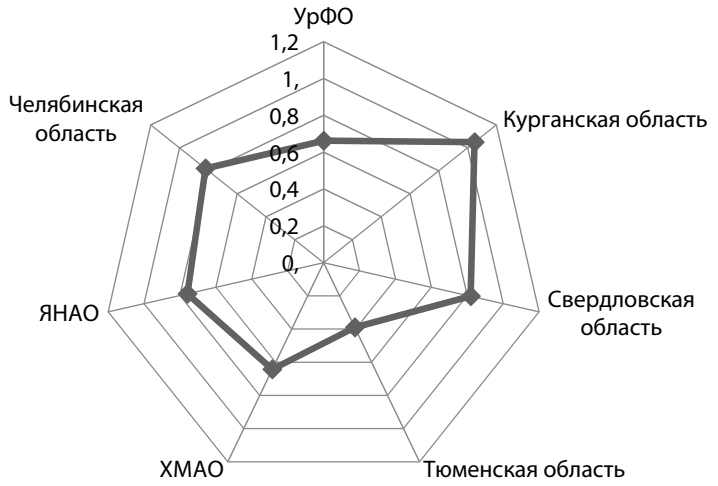


Рис. 1. *Результаты расчета интегрального риска для субъектов УрФО*

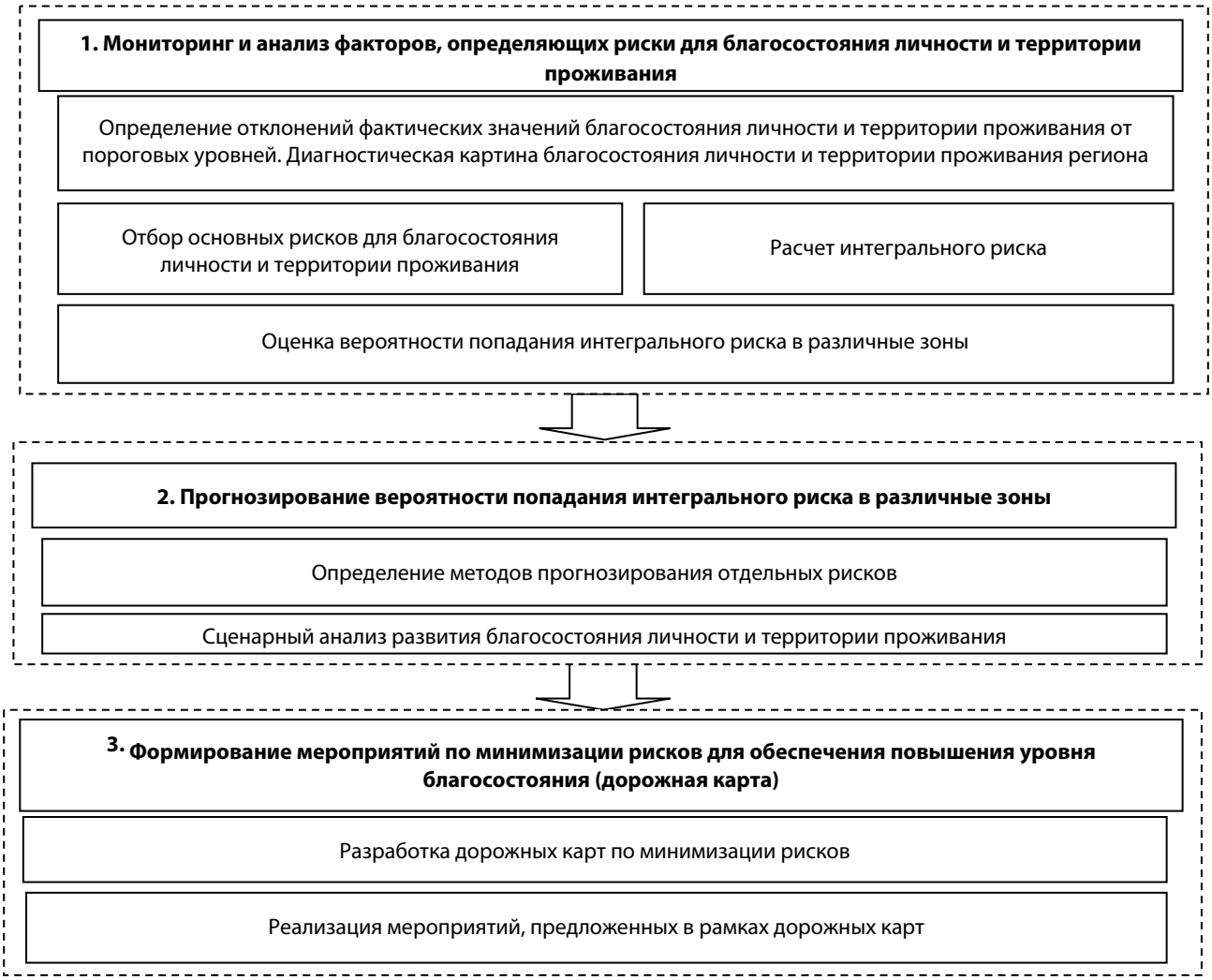


Рис. 2. *Организационно-экономический механизм минимизации рисков*

мониторинга влияния рисков на благосостояние личности и территории проживания. Итогом выполнения этого этапа планируется в 2021 г. обеспечить для интегрального риска допустимую зону.

Второй этап (2022–2024 годы) — продолжение реализации мероприятий по минимизации рисков для благосостояния личности и территории проживания и подъему благосостояния на новый уровень на основе: 1) перенаправления имеющихся инвестиционных ресурсов в инновационно-технологическое развитие и человеческий капитал; 2) стимулирования позиционирования региона на новых рынках готовой продукции; 3) усложнения структуры экономики региона. На базе проводимого мониторинга влияния рисков возможна корректировка программно-целевых мероприятий. Ожидаемым

итогом реализации второго этапа к 2024 г. является обеспечение нахождения интегрального риска в зоне минимального риска.

Организационно-экономический механизм минимизации рисков для благосостояния личности и территории проживания является многоаспектным процессом, охватывающим весь спектр отношений в процессе реализации различных форм и методов государственного регулирования, направленного на повышение благосостояния.

Таким образом, необходимость формирования организационно-экономического механизма минимизации рисков определяется проблемами, накопившимися в благосостоянии.

Список источников

1. *Буруч Ю.* Перспективы развития системы управления рисками в российских банках // Управление финансовыми рисками. — 2017. — № 04(20).

2. *Ситникова Я. В.*, *Кочетова Л. М.* Теоретические основы классификации рисков хозяйственной системы // Международный научный журнал «СИМВОЛ НАУКИ». — 2015. — № 3. — С. 121–125.

3. *Филатова И. В.* Применение риск-ориентированного подхода органами контроля — стратегическое направление обеспечения экономической безопасности // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 3. — С. 312–315.

4. *Буянова М. Э.* Риски развития макрорегионального хозяйства: проблемы выявления и регулирования // Вестник ВолГУ. Серия 3. — 2007. — Вып. 11. — С.79–85.

5. *Куклин А. А.*, *Печеркина М. С.*, *Тырсин А. Н.*, *Сурина А. А.* Методический инструментарий диагностики рисков для благосостояния личности и территории проживания // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 4. — С. 1030–1043.

6. *Куклин А. А.*, *Тырсин А. Н.*, *Печеркина М. С.*, *Никулина Н. Л.* Риски для благосостояния в регионах: диагностика и управление (на примере УрФО) // Пространственная экономика. — 2018. — № 2. — С. 36–51.

7. Доклад о состоянии здоровья и организации здравоохранения в Ямало-Ненецком автономном округе в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: depzdrav.yanao.ru/sites/default/files/dzo/reports/report_2016 (дата обращения: 26.04.2018 г.).

8. *Бухвальд Е. М.*, *Бабкин А. В.* Промышленная политика и приоритеты экономической безопасности в России // Вестник ЗабГУ. 2016. — Т. 22. — № 44. — С. 94–106.

Смирнова О. П., к. э. н.
Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖОТРАСЛЕВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА [1]

В статье раскрываются вопросы развития межотраслевых региональных комплексов в контексте обеспечения их экономической безопасности в современных условиях. Выделены потенциальные угрозы и направления обеспечения экономической безопасности межотраслевого регионального комплекса в современных условиях.

Ключевые слова: угрозы экономической безопасности, межотраслевой региональный комплекс

Вопросы экономической безопасности в современных условиях хозяйствования сопряжены с потребностью формирования и развития системных мер и инструментов по эффективному и результативному встраиванию всей экономики в цифровую трансформацию.

В процессе объединения экономик отдельных регионов происходит становление межотраслевого регионального комплекса, его стабильное развитие основывается на принципе антропоцентризма с целым рядом возможностей получения синергетических эффектов нового масштаба и качества, что изменяет структуру и процессы расширенного воспроизводства, порождает общие и специфические угрозы [2, 3, 5].

Экономическую безопасность межотраслевого регионального комплекса можно рассматривать как способность экономики в целом и ее регионов в отдельности защитить свои интересы в целях обеспечения стабильного развития.

Центральным условием экономической безопасности региона является его макроэкономическое регулирование, но в современный период времени трансформируется социально-экономическая система и угрозы экономической безопасности серьезно обостряются из-за влияния институциональных факторов [2, 5].

Выделяются следующие потенциальные угрозы экономической безопасности межотраслевого регионального комплекса:

1) появление системных угроз для базовых инфраструктурных систем жизнеобеспечения региона;

2) наличие существенного ресурсно-сырьевого потенциала региона и лимитирование роли региональной власти регионов сырьевой направленности в механизмах управления его развитием;

3) преобладание в экономике большинства сырьевых регионов промышленных конгломератов, использующих «закрытый» подход к управлению технологическим развитием;

4) увеличение системных диспропорций согласно уровню готовности технологий и бизнеса, предопределенных несоответствием по времени, ресурсам, результативности, аспектам производительности и отсутствием элементов управления технологическим развитием на базе взаимодействия финансовых агентов институциональной системы «наука — образование — производство» в условиях межотраслевой специализации секторов экономики и мультифункционального процесса управления.

Для предотвращения угроз безопасности, связанных с диспропорцией уровней развития межотраслевого регионального комплекса, необходимо создавать инновационные системы в разных сферах производства и науки.

В целях развития образования и науки нужны разработки и научные исследования для формирования конкурентоспособной инновационной системы, независимости от импортных технологий, оборудования и стратегических товаров, защиты интеллектуальной собственности [4].

В сфере здравоохранения нужны качественные изменения для увеличения продолжительности жизни и улучшения здоровья граждан, в том числе высокотехнологичная помощь, пересмотр стандартов лечения, контроль качества лекарств. В настоящее время необходимо предотвращать такие угрозы здоровью людей, как наркомания, туберкулез, эпидемии и пандемии.

Для развития культурных связей необходимо развивать истинные ценности, население должно иметь доступ к отечественным и зарубежным образцам искусства.

Для экологической безопасности следует создавать такие условия производства, которые технологически перспективны и безопасны для окружающей среды, не изменяют климатические условия.

Предотвращение угроз информационной безопасности включает в себя следующие задачи: защита информационных систем; защита средств телекоммуникации; защита корпоративных сетей; обеспечение технической поддержки информационных систем национальной безопасности РФ.

Таким образом, формирование и развитие комплексной системы предложений по обеспечению экономической безопасности в условиях цифровой экономики является ведущей задачей для развития конкурентоспособности отечественного рынка.

---

[1] © Смирнова О. П. Текст. 2019.

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН «Института экономик» УрО РАН на 2019 год.

Таблица

Сравнительный анализ экономической безопасности межотраслевого регионального комплекса (ЭБ МК) на примере строительного комплекса [1]

Регион	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
УрФО	0,447	0,463	0,425	0,463	0,451	0,433	0,477	0,478	0,448	0,472	0,467	0,47
Курганская обл.	0,456	0,441	0,470	0,474	0,466	0,465	0,465	0,470	0,494	0,501	0,501	0,481
Свердловская обл.	0,495	0,484	0,483	0,479	0,445	0,459	0,494	0,469	0,465	0,472	0,452	0,497
Тюменская обл.	0,457	0,426	0,450	0,449	0,441	0,460	0,490	0,470	0,463	0,459	0,476	0,495
Ханты-Мансийский АО	0,425	0,422	0,441	0,434	0,417	0,451	0,455	0,450	0,419	0,450	0,443	0,455
Ямало-Ненецкий АО	0,522	0,474	0,510	0,494	0,460	0,454	0,468	0,509	0,476	0,494	0,501	0,512
Челябинская обл.	0,495	0,473	0,493	0,478	0,483	0,457	0,522	0,447	0,457	0,491	0,483	0,482

Обозначим следующие направления обеспечения экономической безопасности в современных условиях: инновационное формирование сферы информационных технологий и электронной индустрии, увеличение доли продукции данной сферы в ВВП, в структуре экспорта РФ; увеличение конкурентоспособности отечественных фирм, осуществляющих деятельность в сфере информационных технологий и электронной индустрии; развитие отечественной конкурентоспособной электронной компонентной основы и технологий изготовления электронных компонентов.

В таблице приведена динамика экономической безопасности межотраслевого регионального комплекса.

Наиболее высокий уровень экономической безопасности межотраслевого строительного комплекса в 2016 году отмечался в Ямало-Ненецком автономном округе, Тюменская и Свердловская области имеют примерно схожий уровень экономической безопасности межотраслевого строительного комплекса [1].

Таким образом, процесс интеграции региональных межотраслевых комплексов ориентирован на сосредоточивание ранее разделенных региональными барьерами ресурсов, в целях устройства научно-технического прорыва, модернизации межотраслевой структуры. При этом пространство межотраслевого регионального комплекса развивается неравномерно, и обусловливается угрозами целостности межотраслевого регионального комплекса [3].

Список источников

1. *Акбердина В. В.*, *Гребенкин А. В.*, *Смирнова О. П.* Комплексный инструментарий оценки экономической безопасности отраслей экономики: региональный аспект // Экономика региона. — 2017. — Т. 13. — Вып. 4. — С. 1264–1279.

2. *Антропова Т. Г.* Институционализация системы экономической безопасности современного российского государства: дис. … д-ра экон. наук / Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева. — Казань, 2010.

3. *Буянова М. Э.* Оценка риска социально-экономического развития регионов Юга России (факторный подход) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. — 2012. — № 1(20). — С. 85–94.

4. *Иншаков О. В.* О стратегии развития Южного макрорегиона России. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. — 96 с.

5. *Пименов В. В.*, *Шафранский П. К.* Экономическая и информационная безопасность в условиях цифровой трансформации: инструменты и механизмы по их нейтрализации // Экономическая безопасность и качество. — 2018. — № 1 (30). — С. 25–30.

Чупина Д. А., к. э. н.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ПРОТЕКЦИОНИЗМ КАК УГРОЗА ВОССТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД [1]

В статье показано, что международная торговля развивается крайне неравномерно после кризиса 2008 г. Сдерживающее влияние оказывает ряд циклических и структурных факторов, среди которых усиление протекционизма. Охват инициатив по либерализации торговли сужается. При этом либерализация преимущественно происходит в тарифной сфере, что имеет заведомо ограниченный положительный эффект ввиду низких ставок пошлин в среднем по миру.

Ключевые слова: международная торговля, торговый протекционизм, нетарифные меры, тарифные меры

С конца XX в. международная торговля являлась одним из важнейших драйверов глобальной экономики. Однако после кризиса 2008 г. возник феномен глобального замедления торговли, выразившийся в более слабом восстановлении мировой торговли относительно ВВП. Неустойчивое развитие международной торговли чревато затягиванием кризисных явлений в международных экономических отношениях. В связи с этим представляется важным проверить гипотезу о возврате политики «разори соседа» после кризиса 2008 г. и оценить ее роль в сдерживании роста международной торговли. Проведенное исследование опирается на традиционный источник данных о внешнеторговом регулировании — отчеты ВТО, которые дополняются альтернативными оценками Global Trade Alert.

Глобальный экономический кризис 2008 г. привел к падению мировой торговли почти на четверть в 2009 г. Впоследствии динамика международного товарообмена оставалась неустойчивой: восстановление стоимостных объемов торговли в 2010–2011 г. сменилось застоем 2012–2014 гг., перешедшим в пик 2015 г. Впрочем, 2017 г. отмечен значительным ростом мировой торговли товарами (табл. 1).

В числе основных причин сжатия товарообменных операций между странами после кризиса, а также замедления темпов роста глобальной торговли относительно мирового ВВП выделяется следующее. Во время кризиса и в первый год восстановления основной вклад вносил циклический фактор низкого спроса, особенно в странах с высоким уровнем дохода (в первую очередь США, страны Еврозоны), на которые приходилось до 65 % мирового импорта [6]. Однако в дальнейшем на первый план вышли негативные структурные факторы. Во-первых, изменения претерпела структура глобального спроса: произошел сдвиг центра тяжести мировой торговли в сторону стран с относительно низкой импортной квотой (в частности, Китай и Индия) и рост вклада менее импортоемкого конечного потребления домохозяйств в совокупный спрос. Во-вторых, бум глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) сменился фазой зрелости и увеличением доли производства и потребления внутри стран под давлением протекционистских тенденций в торговом регулировании, роботизации и иных проявлений технологического прогресса, существенно снизивших привлекательность офшоринга. В-третьих, непосредственно ужесточение правил международной торговли со стороны отдельных игроков мирового рынка привело к фрагментации товарных потоков. [1, 6].

«Отскок» глобальной торговли в 2017 г. в первую очередь связан с циклическими факторами на фоне ускорения мировой экономики до 3 %. В 2017 г. увеличение объемов импорта вызвано ростом инвестиций (особенно в США) и потребления (наиболее значительно в Японии) [7]. Однако перспективы международной торговли остаются неопределенными. Если в июле 2018 г. еще ожидалось сохранение стабильного роста мировой торговли в 2018–2019 гг., то более поздние оценки становились все сдержаннее. Так, рассчитываемый ВТО прогнозный индикатор мировой торговли (*World Trade Outlook Indicator/WTOI* [2], прим.: перевод автора) для III квартала 2018 г. фиксировал затухание положительных импульсов в международной торговле товарами в первую очередь из-за снижения объема экспортных заказов [3]. Прогноз для IV квартала 2018 г. получился еще более пессимистичным в силу наблюдавшегося снижения практически всех компонентов индекса [4]. Среди основных угроз восстановлению международной торговли выделяются, во-первых, переход китайской экономики от модели развития,

---

[1] © Чупина Д. А. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–314–00018.

[2] WTOI — составной индекс, объединяющий несколько индикаторов: экспортные заказы, международные воздушные перевозки, контейнерные перевозки, производство и продажи автомобилей, торговля электронными компонентами, торговля сельскохозяйственным сырьем. WTOI позволяет прогнозировать изменение объемов мировой торговли в будущем на основании динамики отобранных показателей в настоящем.

[3] WTOI suggests trade momentum softening further in third quarter of 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/wtoi_09aug18_e.pdf (accessed 30.11.2018).

[4] Indicator signals further loss of momentum in trade growth into Q4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/wtoi_26nov18_e.pdf (accessed 30.11.2018).

Таблица 1

Динамика мировой торговли товарами в 2008–2017 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Мировой экспорт товаров, трлн долл.	16,2	12,6	15,3	18,3	18,5	19,0	19,0	16,5	16,0	17,7
Мировой импорт товаров, трлн долл.	16,6	12,8	15,5	18,5	18,7	19,0	19,1	16,8	16,3	18,1
Цепной темп прироста мирового экспорта товаров, %	15,4	–22,6	21,8	19,9	0,2	2,1	0,4	–13,2	–3,1	10,7
Цепной темп прироста мирового импорта товаров, %	15,8	–23,1	21,3	19,4	0,4	1,2	1,0	–12,4	–3,0	11,1

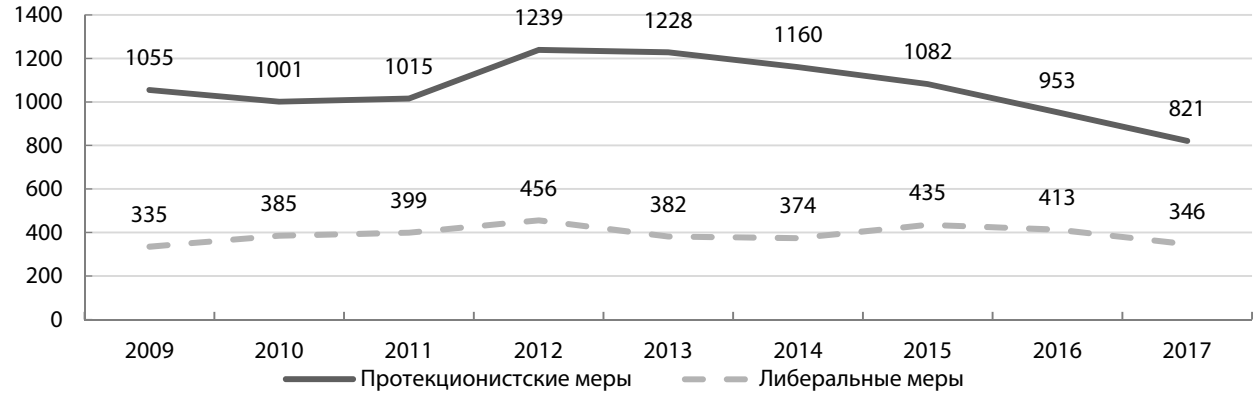
Источник: составлено автором по: WTOData [Электронный ресурс]. URL: http://data.wto.org (accessed 29.11.2018).

Таблица 2

Соотношение либерального и протекционистского трендов в международном торговом регулировании в 2011–2018 гг., по оценке ВТО

Показатель	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018
Протекционистские меры, кол-во в год	164	190	168	178	182	108	75
Протекционистские меры, среднее, кол-во в мес.	14	15	15	15	15	9	11
Либеральные меры, кол-во в год	162	107	177	222	216	128	89
Либеральные меры, среднее, кол-во в мес.	14	8	16	19	18	11	13

Примечания. Составлено автором по отчетам ВТО «Overview of Developments in the International Trading Environment» за 2012–2018 гг.



Источник: составлено автором по данным Global Trade Alert. URL: https://www.globaltradealert.org/ (accessed 26.11.2018)

Рис. *Динамика либеральных и протекционистских мер во внешнеторговом регулировании в 2009–2017 гг., по оценкам GTA*

основанной на инвестициях, к модели, опирающейся на потребительский спрос, и, во-вторых, ужесточение регулирования международной торговли [7]. Остановимся на последнем факторе подробнее.

Рассмотрим оценку внешнеторговой политики стран мира Всемирной торговой организацией как главного межнационального института регулирования торговли и *Global Trade Alert* (*GTA*) как признанного (см., например, [5]) альтернативного источника данных о регулировании внешнеэкономической деятельности (табл. 2, рис.). Обе организации оценивают торговые меры с точки зрения благоприятного (либеральные меры/ *trade-facilitating measures* (ВТО) / *liberalizing measures* (*GTA*) и неблагоприятного (протекционисткие меры/ *trade-restrictive measures* (ВТО) / *harmful, discriminatory measures* (*GTA*) воздействия на международную торговлю товарами. Однако данная оценка проводится по отличающимся методикам для разного круга стран (ВТО оценивает политику только стран-членов). Отметим, что далее рассматривается динамика количества мер без учета эффекта, оказанного введенными мерами на торговлю. Расчет эффекта может проводиться только по каждой мере в отдельности, а оценка будет в значительной степени зависеть от принятых допущений, в частности по эластичности цен рассматриваемых товаров.

Период анализа составляет с октября по октябрь, кроме последних данных, представленных за период с октября 2017 г. по май 2018 г. Данные за октябрь 2008 г. — октябрь 2011 г. не приведены из-за несопоставимости более ранней методики оценки внешнеторговой политики.

Оценки международного торгового регулирования, выполненные ВТО и GTA, довольно существенно различаются. Несмотря на то, что GTA чаще упрекают в излишнем алармизме (например, [2])[5], именно

[5] В данном случае возможно пренебречь существенно более высокими оценками GTA количества протекционистских

данные этой организации свидетельствуют о затухании протекционистского тренда в глобальной экономике (с 2012 г. количество протекционистских мер неуклонно снижалось, сократившись к 2017 г. на треть относительно уровня пикового 2012 г.). В то же время оценки ВТО говорят об устойчивости протекционистской политики в 2011–2016 гг. и даже ее усилении в октябре 2017 г. — мае 2018 г. (что вполне соотносится с активным задействованием защитных механизмов со стороны США в отношении металлургической продукции, технологичных товаров из Китая, пр.). Результаты последнего исследования, проведенного ВТО, особенно тревожны, так как показывают, что если в 2016–2017 гг. объем мирового импорта товаров, покрываемого мерами, либерализующими торговлю, в два раза превышал объем импорта, охваченного протекционистскими мерами [3], то уже в следующие 7 месяцев это соотношение сократилось до 1,31 [4].

Важно отметить, что, согласно оценкам обоих международных институтов, доминирующим способом либерализации торговли оставалось снижение тарифов. По данным ВТО, за период 2012–2016 гг. на снижение или отмену таможенных пошлин приходилось не менее 75 % всех мер, стимулирующих торговлю[6]. По оценкам GTA, в 2009–2017 гг. 62,2 % всех введенных либеральных мер имели тарифную природу[7]. Учитывая, что по итогам Уругвайского раунда ВТО (1986–1994 гг.) средние ставки пошлин на промышленные товары сократились на 40 % с 6,3 до 3,8 %, а к началу XXI в. 52 % мировой торговли велось по нулевым ставкам[8], дальнейшее снижение таможенных пошлин уже не может существенно стимулировать развитие международной торговли.

В то же время в оценке инструментального разреза протекционистских мер ВТО и GTA расходятся. По данным Всемирной торговой организации, в 2013–2016 гг. тарифные меры доминировали среди мер, ограничивающих торговлю (не менее 60 %)[9], однако по данным GTA, за 2009–2017 гг. на них приходилось около 20 % барьеров в торговле[10]. Такие оценки GTA могут свидетельствовать о более тяжелых последствиях введенных ограничительных мер, ведь искажающих эффект нетарифных мер обычно существенно выше, чем тарифных.

Таким образом, спустя десять лет после начала глобального экономического кризиса развитие международной торговли остается неустойчивым под воздействием циклических и структурных факторов, среди которых важнейшими являются изменение структуры спроса и сокращение торговли промежуточными товарами в рамках ГЦСС. Тем не менее усиление протекционизма (рост числа защитных мер, согласно ВТО, доминирование нетарифных протекционистских мер, по данным GTA, пр.) также является одним из ведущих факторов глобального замедления торговли.

Список источников

1. *Спартак А. Н., Лихачев А. Е.* Долговременные тренды и новые явления в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. — 2018. — № 2. — С. 7–24.

2. Is there a Risk of a Creeping Rise in Trade Protectionism // ECB Monthly Bulletin — July 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/art2_mb201307en_pp87–97en.pdf?8bb287b23ecbbc0decf13aad1c578393 (accessed 30.11.2018).

3. Overview of Developments in the International Trading Environment. Annual Report by the Director-General (Mid-October 2016 to Mid-October 2017) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.wto.org/Dol2FE/Pages/FE_Search/ExportFile.aspx?id=240212&filename=q/WT/TPR/OV20.pdf(accessed 30.11.2018).

4. Report to the TPRB from the Director-General on Trade-Related Developments (Mid-October 2017 — Mid-May 2018) [Электронный ресурс]. URL: — https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/TPR/OVW12.pdf.

5. UNCTAD Trade and Development Report 2016 — New York and Geneva: United Nations, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/publicationslibrary/tdr2016_en.pdf (accessed 30.11.2018)

6. World Bank Global Economic Prospects January 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29801/9781464812576.pdf (accessed 25.11.2018).

7. World Trade Statistical Review 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf (accessed 30.11.2018).

мер (harmful measures), которые вытекают из-за особенностей методики расчетов, в том числе включения в число протекционистских мер антидемпинговых, компенсационных и специальных защитных мер, которые ВТО, в свою очередь, выносит за скобки протекционистских мер (trade-restrictive measures), относя их к отдельной группе защитных мер (traderemedies).

[6] Рассчитано автором по отчетам ВТО «Overview of Developments in the International Trading Environment» за 2012–2016 гг.

[7] Global Trade Alert [Электронный ресурс]. URL: https://www.globaltradealert.org/ (accessed 26.11.2018).

[8] World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/ (accessed 30.11.2018).

[9] Рассчитано автором по отчетам ВТО «Overview of Developments in the International Trading Environment» за 2013–2016 гг.

[10] Global Trade Alert [Электронный ресурс]. URL: https://www.globaltradealert.org/ (accessed 26.11.2018).

Юрьева Л. В., д. э. н., Марфицына М. С.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцин, г. Екатеринбург

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БИЗНЕСА НА ОСНОВЕ БЕНЧМАРКИНГА [1]

Бенчмаркинг рассматривается как один из подходов к увеличению эффективности деятельности в организации. Он обеспечивает создание системы комплексной безопасности бизнеса. Эталонный подход представляет собой эффективное направление улучшения продуктивности деятельности в рамках бенчмаркинга. Выявлены риски использования бенчмаркинга, определены основные его этапы проведения.

Ключевые слова: бенчмаркинг, эффективность, комплексная безопасность бизнеса, эталонный подход

Организации стремятся достичь эффективности своей деятельности, удержаться на рынке и занимать лидирующие позиции по всем показателям. Это возможно, если обезопасить предприятие от определенных рисков и научиться управлять всеми процессами на предприятии слаженно и продуктивно. Комплексная безопасность бизнеса — это система мер, которые обеспечивают безопасность компании, защиту интересов руководства от внешней среды, то есть это меры для создания экономической безопасности организации, состояния, когда она постоянно функционирует на рынке и эффективно использует имеющиеся ресурсы [1].

Создание предприятия и его развитие всегда неотъемлемо связаны с риском, но правильное управление деятельностью приведет к уменьшению угроз и достижению желаемого результата. Изучение данной проблемы актуально в настоящее время, потому что руководителям необходимо контролировать многие процессы, как на макро-, так и на микроуровне, следить за ходом выполнения указаний и многое другое. Проведение бенчмаркирга облегчит процесс контроля, определит основные недостатки деятельности организации.

Все предприятия имеют общие и отличительные черты, которые руководители определяют еще в момент их создания, именно они планируют свою деятельность, точно знают, чем они хотят заниматься, какие преимущества будет иметь организация по сравнению с конкурентами, на какой доход они рассчитывают и многое другое.

Эффективность — это достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов [2].

Из определения выделим основную мысль, а именно, что все организации стремятся достичь максимальной прибыли и при этом уменьшить свои расходы. Но если все предприятия стремятся достичь этих главных показателей, которые были определены многие столетия назад, значить есть уже те, которые их достигли.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что все организации стремятся стать лучше в какой-то области или такими же уверенными и стабильными на рынке, как другие предприятия. Постоянная конкуренция приводит к появлению новых способов достижения эффективности деятельности, умению приспосабливаться к различным экономическим условиям и постоянно развиваться. Эталонный подход считается определенным родоначальником появления всех остальных пяти направлений улучшения продуктивности деятельности. Стремление быть лучшими приводит к развитию данного подхода, основным критерием которого является степень соответствия эталонной модели. Анализируя деятельность конкурентов, партнеров, компания начинает понимать, на какие показатели надо обратить внимание, как должны быть организованны все бизнес-процессы в организации, как мотивировать и контролировать сотрудников для повышения продуктивности и многое другое.

Эталонный подход часто ассоциируют с понятиями бенчмаркинга и конкурентной разведки. Общее у этих двух понятий то, что это процессы постоянного сравнения, анализа действий организации, бизнес-процессов, определение технологий производства и многих других факторов, которые помогут предприятию увеличить свою эффективность. Это анализ одной успешной деятельности и применение этих навыков на практике. Отличительная особенность заключается в получении информации. В первом случае, при бенчмаркинге, организации на одном из этапов его проведения необходимо обратиться к своему конкуренту или предприятию, не связанному с данной отраслью, за помощью в улучшении своей деятельности. Во втором случае, т. е. при конкурентной разведке, организация необходимо обрабатывать, анализировать все возможные документы без определенной договоренности, но в рамках закона и с соблюдением этических норм. При обработке данных без ведома предприятия аналитики и другие специалисты, которые занимаются анализом и подбором информации, могут упустить основные моменты, не заметив их.

Конкурентная разведка — это один из первых, основных этапов бенчмаркинга, который позволяет оценить конкурентов, выбрать подходящую кандидатуру для сотрудничества [3].

[1] © Юрьева Л. В., Марфицына М. С. Текст. 2019.

Бенчмаркинг (*benchmarking*, от англ. *bench* — уровень, высота и *mark* — отметка –опорная отметка, отметка высоты, эталонное сравнение, экспертный стандарт, используемый в качестве контрольной точки) — технология поиска, сопоставительного анализа и освоения лучшего опыта партнеров и конкурентов, сравнение модели бизнеса своей компании с его эталонной моделью на отраслевом, межотраслевом, национальном и межнациональном уровнях. Бенчмаркинг позволяет выявлять и использовать в своей организации то, что другие делают лучше [2, 4].

Конкурентная разведка (от англ. *competitive intelligence*) — особый подход к изучению конкурентной среды, интегрирующий методы маркетинговых исследований, элементы стратегического маркетинга и маркетингового консультирования, а также включающий специальные методики сбора и анализа информации. Данный метод опирается только на легальные методы получения информации [5].

При проведении данного анализа необходимо знать, что предприятие в процессе деятельности несомненно сможет выявить свои недостатки, но это не значит, что организация станет такой же успешной, как эталонная. Все будет зависеть от качества проведенной работы и разумного применения на практике. Поэтому, чтобы предприятие в будущем достигло желаемого, необходимо правильно проанализировать деятельность. Для этого нужно знать основные 12 этапов проведения бенчмаркига, которые были разработаны в 1989 году Робертом Кэмпом, менеджером по бенчмаркингу, автором одной из первых книг по этой теме.

Первый этап — это анализ организации и выявление основных проблем (*Selectsubject*), которые необходимо решить в будущем, в том числе для формирования комплексной безопасности бизнеса. Проводятся диагностика деятельности организации, выявление основных недостатков, сравнение показателей функционирования одного предприятия с другим.

Второй этап — определение, выявление бизнес-процесса (*Definetheprocess*). В компании существуют основные процессы, а именно процессы текущей деятельности, например, это те, которые направлены на удовлетворение потребителей, создание нового продукта, расчет с клиентами и поставщиками. Вспомогательные процессы помогают осуществлять основную деятельность, то есть это информационный менеджмент, управление персоналом. Руководству организации необходимо выбрать основной из них, так как применение бенчмаркинга, не зависит от важности выбранного процесса и может применяться к любому из них [5, 6].

Следующие четыре этапа,выделенные Робертом Кэмпом, — это выявление потенциальных партнеров, определение источника данных, сбор информации, определение потенциальных партнеров, сбор данных.

Все четыре этапа связаны с подбором нужных кандидатов. Обычно бенчмакринг использует трехэтапный подбор партнеров, который сокращенно называется STC, а именно «*toskim*» — это первый этап, характеризуется беглым обзором материала, «*totrim*» — второй этап, главная задача которого выделить главное, привести в порядок информацию, последний этап «*tocream*» — переводится как «снимать сливки», то есть выбор наилучшего кандидата. Применяется конкурентная разведка обязательно на данной ступени проведения бенчмаркинга, причем в двух направлениях: выявление превосходств эталона над вашим предприятием; определение организации, превосходящей эталонные показатели.

Применение модели STC приведет к выбору необходимого партнера, поэтому следующая цель — это обработка информации в организации, взаимодействие с коллективом, передача опыта, внедрение новых технологий производства, приемов управления и контроля

Опираясь на модель Роберта Кэмпа, организация окажется на восьмом, девятом и десятом этапах, которые называются определением целей будущей деятельности, коммуникация и отрегулированием целей.

На данных этапах необходимо собрать нужную информацию, это одна из основных ступеней бенчмаркинга, потому что именно она поможет проверить правильность проведения всех начальных этапов подготовки, например, шестого пункта — выявления разрыва, то есть эталонное предприятие должно быть как схоже, так и отличаться от менее успешной, потому что если между организациями будет очень большой разрыв, данные методы нельзя будет применить в будущей деятельности.

Два последних этапа заключаются в применении собранной информации на практике (*implement*), а также обзоре и контроле. Причем необходимо не просто применить собранные данные, но и подстроить под организацию, потому что только обдуманные действия приведут предприятие к успеху, обеспечат эффективность и безопасность деятельности. На заключительной стадии можно применить цикл Шухарта –Деминга, или цикл *PDCA* (*Plan — Do — Check — Act*: планируй — делай — проверяй — воздействуй). Главный смысл данного метода проверки заключается в улучшения действий, направленных на совершение бизнес-процессов, повторение цикла приведет к улучшению качества продукта, слаженности действий персонала [5, 6, 7].

Таким образом, применение бенчмаркинга на практике поможет не только отрегулировать свою работу с клиентами, поставщиками, но и создать благоприятные условия для получения дохода в условиях формирования комплексной безопасности бизнеса. Использование новых технологий, методов

управления персоналом и функционирования основной деятельности поможет не только расширить свою деятельность и добиться ее эффективности, но и сохранить ее продуктивность на многие годы вперед. Данный метод обезопасит предприятие от многих рисков. При помощи бенчаркинга организация не просто может скопировать деятельность конкурента, создаст такие же условия ведения бизнеса и эффективной работы, но и применит технологии, которые будут успешны непосредственно для данного предприятия.

Список источников

1. Внешнеэкономический толковый словарь / И. П. Фаминский, П. С. Завьялов, Л. В. Ежкин и др; ред. И. П. Фаминский. — М.: Инфра-М, 2000. — 503 с.

2. *Блэк Дж.* Экономика. Толковый словарь / общая редакция: д. э. н. И. М. Осадчая. — М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 2000. — 356 с.

3. *Маслов Д. В.* Бенчмаркинг — выгодно ли учиться у других? / Д. В. Маслов, Э. А. Белокоровин // Технологии качества жизни. — 2004. — Т. 4, № 2. — С. 56–58.

4. Маркетинг: большой толковый словарь/ под ред. А. П. Панкрухина; Гильдия маркетологов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Омега Л., 2010. — 264 с.

5. *Радченко И. А.* Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшнз / научн. ред. Е. Е. Топильская. — Воронеж: ВФ МГЭИ, 2007.

6. *Camp R.* The search for industry best practices that lead to superior performance. — Productivity Press. — P. 320. http://encyclopedia.thefreedictionary.com/benchmarking

7. *Фролова Л. В.* Формирование бизнес-модели предприятия. — К.: Центр учебной литературы, 2012. — 384 с.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Авилова В. В., д. э. н., Равилова А. Р.
Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН [1]

В статье авторы рассмотрели цифровую трансформацию в Республике Татарстан. Изучили, по каким направлениям осуществлялась данная трансформация. Был проведен анализ развивающихся направлений цифровой экономики и выделены приоритетные направления в Республике Татарстан.

Ключевые слова: цифровая экономика, «цифровая республика», Республика Татарстан, интернет вещей

Сегодня цифровая экономика является темой номер один.

Цифровая экономика — это экономика, в которой государство, граждане и бизнес взаимодействуют друг с другом, предоставляют услуги, совершают сделки и приобретают товары преимущественно в цифровом виде.

Цифровая экономика является средством, инструментом повышения эффективности частных и государственных процессов.

Основой цифровой экономики являются:

1) цифровая инфраструктура, то есть совокупность технических систем, обеспечивающих доставку услуг пользователям;

2) цифровая грамотность населения, заключающаяся в формировании цифровых навыков у всех групп населения, включая детей, подростков и будущие кадры;

3) цифровые инструменты — это средства, за счет которых осуществляются цифровые взаимодействия в цифровой экономике;

4) цифровые компетенции бизнеса — повышение уровня владения цифровыми инструментами и их внедрения в бизнес-процессы среди компаний частного сектора.

Республика Татарстан находится на новом этапе развития. Внедрение принципов цифровой экономии способствует созданию нового экономического уклада, повышению качества жизни населения, оптимизации деятельности государства и бизнеса, а также созданию экосистемы цифрового социума.

Республика Татарстан обладает значительным опытом реализации инновационных проектов, является первым субъектом Российской Федерации по оказанию электронных услуг и обладает развитой информационно-коммуникационной инфраструктурой.

Задача для Республики Татарстан как пилотного региона — создание «цифровой республики», в которой экономически активный гражданин владеет цифровой грамотностью, а бизнес активно применяет цифровые компетенции.

Применение инструментов цифровой экономики в регионе является показателем научно-технического прогресса в целом, так как цифровизация призвана затронуть все сферы жизнедеятельности. В различных секторах экономики в той или иной степени могут быть использованы принципы цифровых преобразований.

В Республике Татарстан цифровая трансформация осуществляются в следующих направлениях:

— нормативная база;
— государственное управление;
— информационная инфраструктура и технологии;
— цифровое здравоохранение и социальная сфера;
— умный регион;
— цифровая промышленность и торговля;
— цифровое строительство и коммунальное хозяйство;
— цифровое геопространство;
— информационная безопасность;
— непрерывное образование и кадры.

В рамках развития умной экономики наиболее перспективны такие технологии, как интернет вещей, блокчейн, биотехнологии, искусственный интеллект, когнитивные и другие технологии. Они создают базис для инновационных кластеров, которые принято использовать со определением «умный»: это умные инфраструктура, материалы, энергетика, медицина, образование и прочее. Развитие этих

[1] © Авилова В. В., Равилова А. Р. Текст. 2019.

кластеров позволит Татарстану обеспечить устойчивый рост и повысить конкурентоспособность среди регионов России и на мировой арене.

На сегодняшний день тема интернета вещей является одним из наиболее обсуждаемых инструментов цифровой экономики. Рынок интернета вещей в России, уже на начальной стадии, получил популярность и имеет существенные перспективы развития.

Республика Татарстан активно переходит на услуги в электронном виде уже с 2010 г. Все начиналось с 31 электронной услуги, а сегодня на портале госуслуг Татарстана представлено 248 самых разных электронных услуг и сервисов, зарегистрировано более 2,2 млн личных кабинетов пользователей. Более 80 %в населения республики получают государственные и муниципальные услуги в электронном виде.

В Татарстане сейчас развивается необходимая инфраструктура для интернета вещей. В городах Республики Татарстан, таких как Казань, Иннополис, Нижнекамск и Альметьевск, тестируются сети на основе технологии LoRaWAN и NB-IoT. Данные сети предназначены для повышения качества работы городских сервисов: автоматизации сбора данных приборов учета ЖКУ, управления системами безопасности и мониторинга окружающей среды.

В Республике Татарстан уже реализован ряд совместных проектов с региональными компаниями с применением приборов в сфере ЖКХ, работающих по данным стандартам и позволяющих автоматизированно предоставлять информацию с домовых и квартирных счетчиков электроэнергии, тепла, воды на компьютер оператора управляющей компании или мобильное приложение.

В городе Казань новый жилой дом был оснащен порядка 400 приборами учета воды и электроэнергии, произведенными казанским предприятием «Новоучет». Показания приборов учета автоматически передаются в личный кабинет управляющей компании и жильцов дома.

В поселке Займище реализован автоматизированный сбор новых электрических счетчиков «Квант». На очереди подключение счетчиков в поселках Вознесенье и Азамат.

На сети IoT тестируют GPS-трекеры для городского транспорта Иннополиса, планируется запуск других сервисов.

В предыдущем году «Таттелеком» смонтировал около 250 базовых станций по протоколу LoRaWAN, что в дальнейшем позволит обеспечить основные бизнес-территории Республики Татарстан: Казань, Иннополис, Набережные Челны, Нижнекамск, Елабугу, Менделеевск, Бугульму, Лениногорск и другие населенные пункты.

Сегодня республика ставит перед собой новую задачу, которая подразумевает сокращение количества документов, требующихся для получения услуги, и сроков ее получения, а в дальнейшем переход к микросервисной модели, где будут выстроены взаимоотношения «сервер — сервер». Чтобы, например, при рождении ребенка пользователь мог автоматически получить свидетельство о рождении, прикрепить малыша к поликлинике, записатьь его в детский сад, не подавая при этом разные заявления в разные инстанции.

Особенно это актуально при получении муниципальных услуг, которые сегодня в наименьшей степени переведены в электронный вид. Мы также идем по пути сокращения ведомственных информационных систем, обеспечивающих предоставление этих услуг и автоматизацию реализации государственных полномочий.

Но пока основным барьером полного перевода услуг в электронный вид являются требования законодательства, согласно которым многие документы, например конфиденциального характера, оформляются только на бумаге.

В Республике Татарстан идет работа по подготовке комплексного плана «Цифровая экономика 4.0». В рамках этого проекта предполагается создание экосистемы взаимодействия технопарков, учебных заведений и промышленных предприятий региона.

Приоритетными направлениями Республики Татарстан, на сегодняшний день, для опережающей стандартизации являются:

— аддитивное промышленное производство (additive manufacturing, 3D printing);

— сквозное цифровое моделирование проектов на всех этапах жизненного цикла проекта (BIM);

— цифровые системы управления сквозным жизненным циклом промышленных объектов и продукции, а также сквозные системы управления производственными процессами (MES);

— сквозное цифровое проектирование моделирование (Dynamic 3D Modelling, Simulation-Based Design, CAE, CAD);

— индустриальный интернет вещей (IIoT), в т. ч. стандарты архитектуры оконечных устройств IIoT, стандарты передачи данных в промышленных IoT-сетях (NB-IOT, LoRaWAN и LPWAN);

— умные сети (Smart Grid) и цифровые подстанции (Digital Substation), в том числе на базе стандарта IEC 61850, высокоскоростная передача данных через электрические сети (BPL);

— совместимые целевые архитектуры, онтологии и платформы «умного города» (Smart City).

У Республики Татарстан как у одного из регионов — лидеров Российской Федерации по объему произведенной промышленной продукции есть все необходимое для того, чтобы стать полигоном для перехода в эру цифровой экономики.

Иванова А. И.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ [1]

Статья посвящена выявлению и оценке факторов, влияющих на развитие цифровых технологий в регионах Российской Федерации. В качестве методов исследования автором был использован эконометрический анализ — построение линейной регрессии, что позволило оценить зависимость показателей распространения и использования цифровых технологий в основных секторах экономики (предпринимательском секторе, домохозяйствах, сегменте государственных услуг) от региональных характеристик.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, региональное развитие, предпринимательский сектор, домохозяйства, государственные услуги

Построение цифровой экономики является стратегической целью развития России, поскольку считается необходимым условием повышения конкурентоспособности страны, обеспечения экономического роста и национального суверенитета. В 2017 г. была разработана Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., а также принята Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Из реализация направлена на повышение благосостояния и качества жизни населения, создание условий для развития общества знаний, улучшение доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами.

Хотя государством предпринимаются меры по формированию информационной инфраструктуры и развитию цифровых технологий, на данный момент результаты не вполне соответствуют заявленным целям. Разрыв между регионами-лидерами и отстающими регионами по ряду показателей распространения и использования цифровых технологий является весьма высоким и для большинства показателей практически не меняется (табл. 1).

Наиболее велик разрыв в показателе «доля населения, использовавшего интернет для получения государственных и муниципальных услуг», однако на протяжении 2015–2017 гг. данный разрыв значительно сократился. Практически отсутствует изменение в величине разрыва по показателю «доля организаций, имевших веб-сайт», а для показателя «доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети „Интернет”» не наблюдается единой тенденции к изменению уровня разрыва. Снижение величины разрыва имеет место для такого показателя, как «доля организаций, использовавших специальные программные средства для управления автоматизированным производством», однако стоит отметить, что данное снижение вызвано сокращением максимального значения показателя, что является негативной тенденцией. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на данный момент проблема цифрового неравенства в Российской Федерации весьма актуальна.

В странах Европейского союза уделяется большое внимание изучению проблемы цифрового неравенства и разработке методов ее решения. Так, в ряде работ [1–3] показано, что такие меры, как стимулирование экономического роста в регионе, повышение уровня высшего образования, а также увеличение расходов на НИОКР, могут смягчить региональный цифровой разрыв в станах ЕС. Также отмечается, что для устранения цифрового неравенства в ЕС требуется сочетание региональных и национальных политических мер.

Помимо этого, опубликовано много работ о факторах, влияющих на развитие цифровых технологий в развитых и развивающихся странах, и. В числе территориальных факторов, влияющих на распространение цифровых технологий, выделяются: уровни образования и доходов населения [4], доля занятых в наукоемких услугах и высокотехнологичных производствах, качество государственного управления и степень децентрализации управления [5]. Многочисленные эмпирические работы посвящены исследованию влияния характеристик субъектов — пользователей ИКТ разных уровней: компаний [6], отраслей [7], стран [8], при этом наибольшее количество публикаций посвящено исследованию компаний. В то время как количество работ о результатах исследований детерминант распространения ИКТ на уровне отдельных регионов в настоящий момент весьма ограничено.

Данная работа является продолжением исследования [9], начатого в 2017 г., и направлена на выявление и оценку факторов, способствующих развитию цифровых технологий на региональном уровне и, как следствие, сокращению цифрового неравенства в регионах Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составили данные Госкомстата РФ и Минкомсвязи РФ за 2016, 2017 гг. Выборка состоит из 85 регионов Российской Федерации. Для оценки зависимостей

[1] © Иванова А. И. Текст. 2019.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 19–010–00731 А «Комплексный анализ гетерогенности регионов России и оценка ее воздействия на социально-экономическое развитие».

Таблица 1

Показатели распространения и использования цифровых технологий в регионах РФ в 2015–2017 гг., %

Показатель распространения и использования цифровых технологий	Значение показателя по годам											
	Среднее			Минимальное значение			Максимальное значение			Отношение максимального значения к минимальному значению		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет»	64,1	67,8	70,9	25,4	36,2	32,8	86	86,1	93,3	3,4	2,4	2,8
Доля населения, использовавшего интернет для получения государственных и муниципальных услуг	14,2	24,2	37,2	0,9	4,4	8,8	50,9	68,3	83,2	56,5	15,5	9,5
Доля организаций, имевших веб-сайт	41,6	44,9	46,9	28,7	28,9	30,6	72,8	70,5	73,8	2,5	2,4	2,4
Доля организаций, использовавших специальные программные средства для управления автоматизированным производством	14,3	14,1	13,7	4,5	4,6	5	25,8	26,3	23	5,7	5,7	4,6

Источник: составлено автором по данным, публикуемым Госкомстатом РФ (www.gks.ru).

использовался регрессионный анализ — построение линейной регрессии. В качестве объясняемых переменных в моделях использовались показатели развития информационно-коммуникационных технологий по субъектам Российской Федерации в сегментах государственных услуг, бизнеса, домохозяйств:

1) доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет» (модель № 1);

2) доля населения, являющегося активными пользователями сети «Интернет» (модель № 2);

3) доля организаций, имевших веб-сайт (модель № 3);

4) доля организаций, использовавших специальные программные средства для управления автоматизированным производством (модель № 4);

5) доля населения, использовавшего интернет для получения государственных и муниципальных услуг (модель № 5);

6) доля органов государственной власти и местного самоуправления, использовавших интернет (модель № 6).

В качестве объясняющих переменных были выбраны следующие показатели:

1) доля занятого в экономике населения, имеющего высшее образование;

2) величина валового регионального продукта на душу населения;

3) величина затрат на информационно-коммуникационные технологии;

4) величина государственных субсидий на информатизацию за период с 2012 г. по 2017 г.

5) наличие города-миллионера в регионе.

Далее перейдем к анализу полученных результатов. Модель № 1, где в качестве зависимой переменной выступает наличие широкополосного доступа к сети «Интернет», значима только на уровне 10 %, значение коэффициента детерминации невелико — 11,8 %. Модель № 2 имеет более высокое качество, о чем свидетельствуют значения F-статистики (3,62) и *R*^2 (18,6 %). В обеих моделях значимым фактором является доля занятых в экономике с высшим образованием, в модели № 2 на уровне 10 % значим фактор «наличие города-миллионера в регионе». Все значимые факторы имеют положительные коэффициенты. Полученные для данных за 2017 г. результаты согласуются с результатами предыдущего исследования, полученными для данных 2016 г., однако стоит отметить, что общее качество моделей по сравнению с предыдущим исследованием ухудшилось, также перестал быть значимым фактор «ВРП на душу населения» в модели № 2.

Далее рассмотрим результаты регрессионного анализа, полученные для предпринимательского сектора. Модель № 4 имеет более высокое качество по сравнению с моделью № 3, коэффициент детерминации в модели № 4 равен 24,3 %, в то время как в модели № 3 — 10,8 %. Стоит отметить, что модель № 4 имеет наилучшее качество среди всех рассматриваемых в рамках данного исследования моделей. В модели № 3 значимым является показатель «Затраты на ИКТ». В модели № 4 значимы факторы «валовой региональный продукт на душу населения» и «наличие города-миллионера в регионе».

Таблица 2

Оценки факторов, влияющих на освоение цифровых технологий

Индикатор развития ИКТ	Значимые факторы (уровень значимости в %)
Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет»	Доля занятого населения в экономике, имеющего высшее образование (5 %)
Доля населения, являющегося активными пользователями интернета	Доля занятого населения в экономике, имеющего высшее образование (5 %) Наличие города-миллионера в регионе (10 %)
Доля организаций, имевших веб-сайт	Затраты на ИКТ (5 %)
Доля организаций, использовавших специальные программные средства для управления автоматизированным производством	Валовой региональный продукт на душу населения (5 %) Наличие города-миллионера в регионе (5 %)
Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг	Доля занятого населения в экономике, имеющего высшее образование (15 %) Наличие города-миллионера в регионе (15 %)
Доля органов государственной власти и местного самоуправления, использовавших интернет	Не выявлено

Источник: составлено автором по результатам расчетов.

Все значимые факторы имеют положительные коэффициенты. Результаты расчетов для предпринимательского сектора по данным 2017 г. во многом повторяют результаты предыдущего исследования.

В сегменте государственных услуг в качестве объясняемых переменных были определены показатели, отражающие долю населения региона, получавшую государственные услуги через интернет, а также долю органов государственной власти и местного самоуправления, использовавших интернет. Модель № 5 значима только на уровне 10 %, значение коэффициента детерминации — 11,3 %. Среди выбранных для анализа факторов ни один не оказался значимым на уровне меньше 5 %, на уровне 15 % значимы такие факторы, как доля занятого населения с высшим образованием и наличие города-миллионера (имеют положительные коэффициенты). Модель № 6 является незначимой. В таблице 2 представлены оценки факторов, влияющих на освоение и развитие цифровых технологий в регионах РФ.

Таким образом, результаты, полученные в данном исследовании, согласуются с результатами большинства работ по данной тематике — наиболее богатые и образованные регионы обладают преимуществами в развитии цифровой экономики. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что разрыв в уровне развития цифровых технологий между регионами Российской Федерации на протяжении 2015–2017 гг. был весьма высок и для большинства показателей практически не менялся. При сохранении существующих тенденций ускоренное развитие цифровых технологий будет сконцентрировано в крупнейших регионах, высокая дифференциация в уровне развития цифровой экономики сохранится.

Исследование позволило продемонстрировать факторы, влияющие на развитие цифровых технологий в основных секторах экономики. На уровень распространения и использования цифровых технологий домохозяйствами наибольшее влияние оказывает фактор «доля занятого населения с высшим образованием». Затраты на ИКТ и валовой региональный продукт на душу населения положительно влияют на уровень развития цифровых технологий в предпринимательском секторе. Наличие города-миллионера в регионе связано с развитием ИКТ для всех секторов экономики, что свидетельствует о том, что развитие цифровых технологий на данный момент сконцентрировано в крупных городах и регионах. Усилия государства в форме субсидий не оказывают заметного влияния на цифровизацию основных секторов экономики. Таким образом, на развитие цифровых технологий на региональном уровне и, как следствие, сокращение цифрового неравенства в регионах Российской Федерации могут оказать влияние, в первую очередь, такие меры, как стимулирование экономического роста в регионе и повышение уровня высшего образования. Полученные результаты согласуются с результатами, полученными в предыдущем исследовании, однако стоит отметить, что в целом уровень значимости моделей снизился, в связи с чем в дальнейших исследованиях планируется расширить перечень региональных характеристик путем включения институциональных характеристик.

Список источников

1. *Szeles M.* New insights from a multilevel approach to the regional digital divide in the European Union // Telecommunications Policy. — 2018. — Vol. 42 (6). — P. 452–463.

2. *Várallyai L.*, *Herdon M.*, *Botos S.* Statistical Analyses of Digital Divide Factors // Procedia Economics and Finance. — 2015. — Vol. 19. — P. 364–372.

3. *Vicente M.*, Lopez-*Menendez A.* Assessing the regional digital divide across the European Union-27 // Telecommunications Policy. — 2011. — Vol. 35 (3). — P. 220–237.

4. *Spooner T.* Internet Use by Region in the United States. Regional variations in Internet use mirror differences in educational and income levels, 2003. URL: http://www.pewinternet.org/2003/08/27/internet-use-by-region-in-the-u-s.

5. *Billon M.*, Lera-*Lopez F.*, *Marco R.* ICT use by households and firms in the EU: links and determinants from a multivariate perspective // Review of World Economics. — 2016. — Vol. 152 (4). — P. 629–654.

6. *Martin L.*, *Omrani N.* As assessment of trends in technology use, innovative work practices and employees' attitudes in Europe // Applied Economics. — 2015. — Vol. 47 (6). — P. 623–638.

7. *Domenech J.*, Martinez-*Gomez V.*, Mas-*Verdú F.* Location and adoption of ICT innovations in the agrifood industry // Applied Economics Letters. — 2014. — Vol. 21. — P. 421–424.

8. *Pick J.*, *Nishida T.* Digital divides in the world and its regions: A spatial and multivariate analysis of technological utilization // Technological Forecasting & Social Change. — 2015. — Vol. 91. — P. 1–17.

9. *Кравченко Н. А.*, *Кузнецова С. А.*, *Иванова А. И.* Факторы, результаты и перспективы развития цифровой экономики на региональном уровне // Мир экономики и управления. — 2017. — Т. 17, № 4. — С. 168–178.

Красных С. С.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ [1]

В статье рассматриваются возможности потенциального использования блокчейн-технологий в экономическом развитии территорий. Применение смарт-контрактов, одной из функций блокчейн-технологий, позволяет сокращать трансакционные издержки среди субъектов экономических отношений.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракты, экономическое развитие территорий

Блокчейн технологии постепенно становятся все более и более распространенными, их активно применяют в социальных и экономических сферах жизни общества. Технология блокчейн представляет собой распределенную систему записей, которые связаны между собой, подтверждены и могут легко быть проверены. Описывать эти записи могут все, что угодно — от денежных переводов до заключенных контрактов. Главное, что информация в этих записях должна быть подтвержденной, проверенной и попросту надежной [1].

Основное преимущество технологии — блокчейн — заключается в использовании так называемых умных контрактов. Умные контракты содержат информацию об обязательствах сторон, включающих, например, штрафы, которые могут быть применены за неисполнение условий выполнения контракта. После исполнения условий контракта программа подтверждает выполнение условий и автоматически определяет, должен ли перейти актив (либо криптовалюта) к одному из участников сделки, в случае нарушения актив остается у владельца, или передается частично. В это время текущий контракт хранится и дублируется в децентрализованном реестре, что обеспечивает его надежность и не позволяет какой-либо из сторон менять условия контракта.

Умные контракты могут использоваться практически во всех сферах общественной жизни, начиная от бухгалтерского учета, заканчивая выборами. Так, например, блокчейн может использоваться в сфере менеджмента, когда создается общий прозрачный реестр, в которых указываются контракты, которые необходимо выполнить. И сразу после выполнения условий этого контракта исполнитель получает вознаграждение за работу.

Также технологию блокчейн можно использовать для хранения записей собственности и других ценных активов. И разработчики воспользовались свойством цепочки блоков, используя ее для создания, хранения и обмена токенами (единица учета информации), которые в цифровой форме представляют права на базовый физический актив. В отличие от бумажных счетов-фактур и сертификатов подлинности, которыми можно манипулировать или потерять их, хранение токенов с активами на технологии блокчейн позволяет легко увидеть происхождение актива и отслеживать его движение, повышая прозрачность и предотвращая мошенничество. Это особенно важно при работе с ценными товарами, которые подвержены краже.

Хорошим примером такого подхода является компания Everledger, которая предоставляет платформу для цифровой сертификации алмазов, прослеживаемых в процессе сертификации в Кимберлийском процессе. В Кимберлийском процессе, который начался в 2000 г., в настоящее время насчитывается 81 страна, подписавшая Конвенцию, но ее эффективности мешает то, что до недавнего времени сертификация алмазов проводилась только на бумаге, что создавало возможности для мошенничества. Everledger упрощает проверку происхождения алмаза, позволяя субъектам промышленности создавать и хранить цифровые алмазные сертификаты на блокчейн, который включает в себя три этапа. Во-первых, система генерирует уникальную идентификацию «отпечатка пальца» для бриллианта, ссылаясь на 40 различных характеристик для каждого драгоценного камня, включая детали его разреза, карат и цвет, а также фотографии с высоким разрешением серийного номера, нанесенного лазером на его поясе. Затем эта информация загружается в частный блок-код, который запускается из Hyperleder Fabric. На последнем этапе криптографический хеш базовых данных привязывается к блочной цепочке Ethereum [2].

На конец 2018 г. в России зарегистрировано более 50 юридических лиц, в названиях которых фигурирует слово «блокчейн». Диапазон оценок объема российского рынка блокчейн-технологий расходится от нуля до 1 млрд рублей, как и представление о реально работающих компаниях в этом сегменте — от 50 до 300. 38 компаний было зарегистрировано в 2017 г., шесть компаний — в 2016 г., и еще шесть — в период с 2006 г. по 2014 г. Очевидно, что текущий год и ближайшие несколько лет будут ознаменованы расцветом внедрения блокчейн технологии в Российской Федерации. [2]

---

[1] © Красных С. С. Текст. 2019.

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019 г.

[2] Блокчейн в России // Tadviser Государство. Бизнес. IT [Электронный ресурс]. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/

Наибольшее количество компаний в России, использующих технологию «Блокчейн», связаны с недвижимостью, создание единого информационного поля участников сделки позволяет создать реестр собственников, который невозможно подделать.

Перспективным выглядит использование технологии блокчейн в системах голосования, так как сфальсифицировать итоги выборов будет практически невозможно. Голоса избирателей помещаются в распределенный реестр и для их декодирования потребуются исключительные вычислительные мощности, мощности квантовых компьютеров, которые на данный момент существуют лишь в виде концепций, и поэтому такую систему взломать не получится как минимум в ближайшие несколько лет.

Внедрение технологии блокчейн в российский бизнес позволит снизить риски во многих сферах, так, например, использование умных контрактов в передачи права собственности на землю поможет снизить риск мошенничества, улучшить целостность операций, эффективность и прозрачность. Подобные системы уже используются в Грузии, Гане, Гондурасе. Умные контракты могут применяться для ведения бухгалтерского учета предприятия через распределенный реестр, точно и прозрачно учитывая финансовые данные. Однократно основанные на блокчейн стандарты, совместимые с устаревшими системами, и оптимизированные под современные случаи использования, могут упростить как финансовую отчётность, так и аудит. Финансовым организациям технология блокчейн и криптовалюты, помогут снизить транзакционные издержки при международных переводах, умные контракты помогут автоматизировать урегулирование и обработку сделок.

По мнению некоторых исследователей, возможности блокчейн технологии для развития территории могут быть рассмотрены в двух аспектах: формирование смарт-активов и использование смарт-контрактов, в результате чего на рынке труда в ближайшем времени возникнет потребность в новых профессиях, таких как менеджеры ICO-проектов, баунти-менеджеры, маркетологи и PR специалисты в сфере блокчейн. Сотрудничество с институтами представителей из бизнес-сообщества станет ключевым аспектом экономического развития региона повысит конкурентоспособность территории[3].

Список источников

1. *Мащенко П. Л.*, *Пилипенко М. О.* Технология блокчейн и ее практическое применение // Наука, техника и образование. — 2017. — № 2 (32). [Электронный ресурс]. URL: https://3minut.ru/images/PDF/2017/32/tekhnologiya-blokchejn.pdf/

2. *Цветкова Л. А.* Перспективы развития технологии блокчейн в России: конкурентные преимущества и барьеры // Экономика науки. — 2017. — № 4. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-tehnologii-blokcheyn-v-rossii-konkurentnye-preimuschestva-i-bariery/

Статья:Блокчейн_в_России/ (дата обращения 12.02.2019 г.).

[3] Крутеева О. В Перспективы блокчейн-технологии в экономическом развитии территории // Материалы конференци «Connect-Universum» [Электронный ресурс]. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/1286.html/ (дата обращения 12.02.2019 г.).

Костина Т. В., к. э. н., Николайченко М. Р.
Донецкий Национальный университет, г. Донецк

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БИТКОИНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ [1]

Мир цифровых технологий не стоит на месте, в связи с этим начали развиваться альтернативные виды фидуциарных денег — криптовалюты, в том числе и биткоин. Биткоин является одной из первых криптовалют, самой популярной и нашумевшей в последнее время. Анализируя курс биткоина и проводя параллели между курсом и собымиями, происходящими в его жизни, можно заметить как положительные, так и отрицательные тенденции. Тем не менее, на данный момент биткоин не является универсальным платёжным средством.

Ключевые слова: биткоин, развитие биткоина, пиринговая сеть, цифровая экономика

Актуальность данной темы обусловлена технологическим прорывом в сфере денежных систем в виде криптовалют, которые позиционируют себя как универсальное средство платежа в любое время и в любой точки мира. Скачок популярности такой криптовалюты, как биткоин, вызвал колоссальный резонанс в мировых СМИ еще в 2017 г. и вплоть до сегодняшнего дня не утихает.

Малоизученность этой темы и ее популярность привлекают как зарубежных исследователей, так и отечественных. Среди зарубежных можно выделить Сатоши Накамото, Ситуху Яодзи, Джона Уэстона, Силицию Гомес, а среди отечественных Василия Кутявина, Анну Давыдову и Николая Златоусова.

Данное исследование проводилось с целью анализа сложившейся ситуации на рынке криптовалют, в частности биткоина, и оценки событий, которые повлекли за собой изменения в развитии электронных денег.

Термин *Bitcoin* произошел от английского слова *bit*, которое означает единицу информации, и от *coin*, по-другому — монета. Он означает платежную систему, построенную на пиринговой сети (соглашение пользователей на обмен трафиком между собой), использующую одноименные единицы (биткоины) для учета. На собственном сайте *Bitcoin* характеризуется как цифровая валюта, а в официальных отчетах Всемирного банка — виртуальная валюта.

Сеть является полностью децентрализованной, что означает отсутствие центрального администратора или его аналога, что является главным отличием *Bitcoin* от традиционных валютных систем.

Базовым элементом этой платежной системы является программа-клиент с открытым исходным кодом. С помощью сетевого протокола прикладного уровня запущенные на множестве компьютеров клиенты соединяются между собой в одноранговую (пиринговую) сеть. Ее защита и функционирование поддерживаются криптографическими методами.

Биткоин-монеты хранятся на приватном кошельке, при потере доступа к которому он блокируется, а вся криптовалюта, находящаяся на нем, считается мертвой и не подлежит возврату. Пересылка биткоинов любому другому пользователю данной системы происходит путем ввода желаемой дробной суммы с точностью до восьмого знака после десятичной запятой

Эмиссия осуществляется автоматически: новые *bitcoin*-монеты в качестве вознаграждения получают относительно случайным образом те, кто использует вычислительные мощности своего оборудования для поддержания работы системы *Bitcoin* (создания новых блоков базы для проверки транзакций). Объем эмиссии алгоритмически ограничен так, чтобы общее количество эмитированных *bitcoin* не превысило 21 млн. В настоящее время общее количество цифровых монет достигает 17,546,529 BTC. Общая капитализация биткоин на 19.02.2019 составляет 68,869,937,683 долл. США.

2017 г. наглядно показал, что проблемы внутри криптосообщества *Bitcoin* обострились. Из децентрализованной криптовалюты *Bitcoin* превратился в монополию корпораций майнеров, которые, используя особенности консенсуса майнинга POW, превратили майнинг в гонку технологий, оборудования и мощностей, которую выигрывает Китай, диктующий все условия.

75 % всего майнинга *Bitcoin* приходится на китайские корпорации, 20 % на крупнейшие корпорации в других странах мира и только 5 % принадлежит независимым майнерам — частникам. Наблюдается сплошная монополия ведущих мировых корпораций, которые диктуют свои условия, не заботясь о нуждах пользователей *Bitcoin*. [1]

В конечном итоге данной монополии мы наблюдаем фактический отказ от технологии SegWit, реализованного обновления протокола, призванного решить проблему пластичности транзакций блокчейна Биткойн, а также увеличить ее пропускную способность. Эта технология позволит снизить затраты обычных пользователей системы *Bitcoin* на уплату комиссии при транзакциях криптовалюты, что является невыгодным для этих корпораций. [2]

Ниже приведен график динамики стоимости *bitcoin* за период 2012–2018 гг. (рис.).

[1] © Костина Т. В., Николайченко М. Р. Текст. 2019.

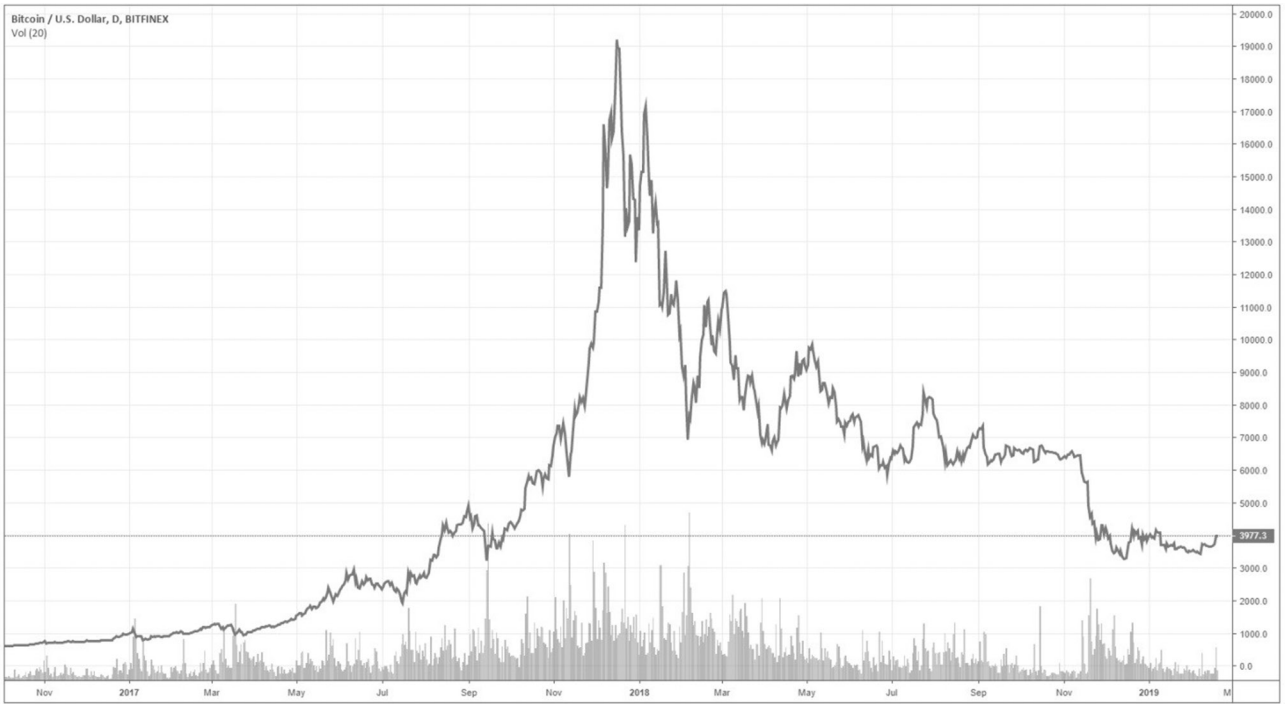


Рис. *Динамика стоимости Bitcoin [2]*

Анализируя динамику стоимости биткоина, мы наблюдаем его первоначальную стоимость в 5,17 долл. на 2012 г., к 2013 г. она поднялась до 20,77 долл. за единицу, что связано с получением первой биржой *Bitcoin* банковской лицензии в Европе еще в начале 2012 г.

С начала 2013 г. стоимость криптовалюты плавно поднималась из-за того, что отдельные страны начали признавать биткоин легальным средством осуществления платежей (к примеру, Германия) и достигла отметки 131 долл. к сентябрю. За ноябрь 2013 г. цена биткоин резко поднялась со своего значения в 196 долл. до 1130 долл. в связи с поддержкой данной криптовалюты известным разработчиком Zynga. На волне популярности цифровой монеты один из университетов Кипра начинает принимать оплату за обучение в bitcoin [1].

Однако, к январю 2014 г. стоимость криптовалюты снижается до 799 долл. по причине ареста основателя Bitcoin Foundation и приостановки транзакций на Mt. Gox. Купить и продать монету можно за 600 долл. (при удачном стечении обстоятельств). На волне всеобщей паники пользователи начинают избавляться от криптовалюты, опасаясь вообще потерять все деньги. Из-за сложившийся ситуации цена на *bitcoin* к концу 2014 г. снижается до 220 долл.

На протяжении большей части 2015 г. курс криптовалюты находится в пределах 240–280 долл. и лишь к концу 2015 г. заметен подъем до 430 долл.

В 2016 г. BTC начинают использоваться как легальное платежное средство:

— в марте 2016 г. власти Японии ставят Биткоин в один ряд с реальными (= фиатными) средствами.

— в апреле 2016 г.за нее можно купить игры, развлечения и другие товары в магазине Steam.

— в апреле 2016 г. Uber принимает биткоин в качестве оплаты за такси в Аргентине.

Все эти события идут только на пользу курсу биткоина и его стоимость за 2016 г. поднимается с 374 долл. в январе до 961 долл. в декабре [3].

В 2017 г. *Bitcoin* начал расти в буквальном смысле семимильными шагами. 12 июня 2017 г. курс был на уровне 3000 долл., а через полгода (то есть в декабре 2017) достиг отметки в 14000 долл. Такой колоссальный рост был обусловлен значительным ростом популярности криптовалют по всему миру, все мировые СМИ вещали об их многофункциональности, из-за этого спрос начал расти, а так как эмиссия биткоина ограничена, то его рыночная цена так же стала подниматься. [3]

В 2018 г. цена данной криптовалюты начала понемногу снижаться, в мае 2018 г. курс колебался на уровне 8519,74 долл. Аналитики связывают данный спад снижением уровня шумихи вокруг криптовалюты и появлением других более привлекательных для потребителя аналогов. Пожалуй, падение начала 2018 г. можно назвать черной страницей для инвесторов, которые взяли BTC на пиковой цене. На 19.02.2019 *bitcoin* можно приобрести по цене 3977 долл. за одну единицу.

В феврале 2019 г. один из самых старых и престижных университетов Китая — университет Фудань — объявил о запуске собственного центра изучения технологии блокчейна.

Центр получил название Шанхайский исследовательский центр инженерных технологий блокчейна (Shanghai Blockchain Engineering Technology Research Center) и был открыт в сотрудничестве с

компаниями Zhongan Online Property Insurance Co., Ltd. и Shanghai Zhongren Information Technology Co., Ltd.

Сообщается, что центр будет проводить фундаментальные исследования в области технологии блокчейна, демонстрировать возможности ее применения, а также проводить обучение персонала. Открытие центра позволит развивать новые продукты и поспособствует росту индустрии блокчейна в Шанхае.

Также недавно аналитики телекоммуникационной компании Tencent провели опрос, в котором приняли участие 100 ведущих китайских экономистов из различных банков, университетов и организаций. Как выяснилось в результате опроса, 33 % респондентов считают, что технология блокчейна очень важна, 32 % были более нейтральны в своих суждениях и 19 % не интересуются блокчейном вовсе. [4]

Изначальная идея создания блокчейна, в частности биткоина, как нового вида денег, который будет полностью защищен от фальшивомонетничества и который можно будет использовать в качестве оплаты в любое время и в любой точке мира, в настоящий момент превратилась в способ заработка, но никак не в электронную платежную систему.

Список источников

1. *Сомик К. В.*, *Фролов Д. В.* Криптовалюта. Финансовые и криминальные риски. // Вестник Московского университета. — 2015. — № 4. — С. 48–57. — (Государственный аудит).

2. *Vigna P.*, *Casey M.* The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and the Blockchain Are Challenging the Global Economic Order // Образование и наука. — 2017. — № 1. — С. 8–12.

3. *Phillips K. D.* The Ultimate Bitcoin Business Guide: For Entrepreneurs & Business Advisors // Образование и наука. — 2018. — № 1. — С. 18–25.

4. *Raval S.* Decentralized Applications: Harnessing Bitcoin's Blockchain Technology // Образование и наука. — 2017. — № 2. — С. 14–20.

Патутина С. Ю.

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПОИСКА МЕСТ ПРАКТИКИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ДЛЯ СТУДЕНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ [1]

В статье описывается цифровизация процесса содействия в поиске мест практики и трудоустройства студентам и выпускникам вузов. Раскрыты особенности применения онлайн-технологий и инструментов рекрутмента в образовательных учреждениях и представлен опыт работы одного из российских вузов, а также даны рекомендации по совершенствованию отбора и подготовки кадров на гражданскую службу из числа выпускников вузов.

Ключевые слова: рекрутмент, прелиминаринг, трудоустройство выпускников, практика студентов

Цифровая трансформация охватывает все большее количество процессов сфер трудовой и человеческой деятельности: сбор и обработка данных, применение новых технологий, которые неизбежно коснулись и HR-функций. Будущее за искусственным интеллектом, технологиями, системами анализа больших объемов данных, поэтому важно разобраться, как их эффективно применять.

Развитие автоматизации и применение роботов позволит многократно повысить эффективность работы HR и существенно снизить стоимость закрытия вакансий. Это очень важно для компаний, которые могут в год закрывать около 18 тыс. позиций и обрабатывают 700 тыс. резюме. [2]

Автором статьи проведен анализ результатов работы отдела взаимодействия с работодателями и развития кадрового потенциала (ОВРКП) управления по работе с персоналом Уральского государственного экономического университета, основной из задач которого является содействие студентам и выпускникам в поиске мест практики и трудоустройства. Результаты эффективности работы данного отдела отражаются в ежеквартальном росте числа вакансий от работодателей и резюме студентов, представленных в таблице 1 по данным отчетов ОВРКП.

Данные таблицы показывают, что количество поданных резюме студентами и выпускниками превышается число вакансий от работодателей. Также показатель трудоустройства превышает число вакансий в 1,7 раза. Это свидетельствует об эффективной работе, в которой сотрудники ОВРКП используют современные технологии и цифровые инструменты, кроме ежедневно формируемой базы вакансий.

Рекрутинг в образовательном учреждении имеет свои особенности, под ним понимается подбор резюме студентов под вакансии работодателей в соответствии с указанными критериями: направление (профиль) обучения, уровень и форма обучения, курс и пр. Важным трендом для работы ОВРКП стало смещение взаимодействия с потенциальными кандидатами и работодателями на онлайн-платформы. Причем это не популярные порталы по трудоустройству: очень часто социальные сети повышают скорость поиска кандидата и работодателя. Социальные сети («Socialmedia») — это новый эффективный ресурс по поиску работы, можно выделить наиболее популярные социальные сети для поиска работы, такие как VKontakte, FaceBook, Moikrug.ru, различные профессиональные форумы, например, Профессионалы.ru и др.). Можно отметить, что новые методы прочно входят в современную жизнь. Так, по результатам исследования кадрового 41 % респондентов используют социальные сети для поиска работы, 12 % используют иногда [3].

Системная работа по трудоустройству студентов и выпускников УрГЭУ основана на использовании электронного портфолио студентов, а также оналйн-инструментов: заявка на студентов, или «График практик», оналйн-окна «Практика и стажировка» и «Трудоустройство», «Банк вакансий» и «Банк резюме», «Соцсети», онлайн-консультации (почта, VKontakte, FaceBook). [1]

Привлечение к работе посредством производственной практики и стажировки перспективных молодых специалистов (студентов и выпускников вузов), которые станут залогом успеха компании в будущем, называется прелиминаринг (preliminaring) [2].

Прелиминаринг в рамках работы УрГЭУ по трудоустройству студентов и выпускников позволил реализовать новые онлайн-проекты, которые в данный момент внедряются в работу ОВРКП [3].

На сегодняшний день появилась необходимость в разработке проекта по совершенствованию работы по отбору и подготовке кадров на гражданскую службу из числа выпускников вузов.

По данным компании Ward Howell, которая провела опрос более 1500 директоров по персоналу в разных организациях, более 70 % компаний автоматизировали такую часть HR функции как кадровое

---

[1] © Патутина С. Ю. Текст. 2019.

[2] Эпоха цифровой трансформации: HR — быть или не быть. Business education trends[Электронный ресурс]. URL: http://trends.skolkovo.ru/2017/10/epoha-tsifrovoy-transformatsii-hr-byit-ili-ne-byit.

[3] Поиск работы через социальные сети. Мнения соискателей // Кадровое агентство уникальных специалистов [Электронный ресурс]. URL: http://www.kaus-group.ru/knowledge/publications/material/75).

Таблица 1

Количество вакансий и резюме, обрабатываемых сотрудниками ОВРКП ежеквартально за 2017–2018 гг.

Квартал	Вакансии		Резюме			
			Поступило		Трудоустроено	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
I	42	74	216	250	106	179
II	63	96	196	258	99	130
III	56	82	298	270	153	140
IV	83	89	238	246	110	122
ИТОГО	244	341	948	1024	468	571

администрирование, более 50 % автоматизировали найм, 46 % — расчет компенсаций, 30 % — обучение персонала. Но только 30 % HR-директоров удовлетворены тем, что получилось. [4]

Автоматизировать работу УрГЭУ по содействию студентам и выпускникам в поиске мест практики и трудоустройства позволяет использование электронной информационно-образовательной среды университетов и иных баз данных (единой информационной системы, электронного портфолио студента, портала электронного образовательного ресурса, банка резюме), на базе которых предлагается создать онлайн-инструмент на сайтах государственных служб и вузов, который позволит студенту найти место практик, выпускнику место работы, а представителям государственных служб — необходимых и достойных молодых специалистов:

1. Отбор и подготовку персонала на гражданскую службу можно осуществлять среди студентов начиная с 1 курса обучения в рамках учебной, производственной и преддипломной практики. Согласно учебным планам, практически все студенты УрГЭУ должны проходить практику на каждом курсе в конце учебного года. Таким образом, отметив подходящего кандидата в самом начале учебного пути, представители государственных служб (руководители практик) могут принимать участие в учебном процессе такого студента в течение года или 4 лет, что, несомненно, повлияет на подготовку высококвалифицированных кадров и повысит ее эффективность.

Подготовку будущего персонала государственные службы могут осуществлять как в рамках ежегодной практики согласно учебному плану, так и в рамках учебных дисциплин при совместной работе на открытых лекциях, в круглых столах, в профессиональных конкурсах.

2. Использование электронной информационно-образовательной среды вуза и иных баз данных позволяют существенно оптимизировать работу УрГЭУ по содействию студентам и выпускникам в поиске мест практик и трудоустройства. На их базе вуза предлагается создать оналйн-инструмент на сайтах государственных служб и вуза, который позволит в считаные минуты студенту найти место практик, выпускнику место работы, а представителям гос. служб необходимых и достойных молодых специалистов.

Для государственных служб предлагается создать проект «Отбор и подготовка кадров на гражданскую службу», разместив на сайте службы кнопку «Практика и трудоустройство» или «Студентам и выпускникам вузов». Переход по данной кнопке позволит попасть соискателю на страницу с подробной информацией по двум разделам:

— поиск места практики для студентов вузов;

— трудоустройство выпускников вузов.

В каждом разделе должна содержаться инструкция с подробным описанием цели данного проекта и размещением ключевых признаков (критериев) отбора кандидатов соответственно разделам: «Поиск места практики для студентов вуза» и «Трудоустройство выпускников вуза».

Для УрГЭУ предлагается также создать проект «Отбор и подготовка кадров на гражданскую службу», разместив на сайте ОВРКП кнопку «Практика и трудоустройство на гражданскую службу». Переход по данной кнопке позволит попасть соискателю на страницу, где должна содержаться инструкция с подробным описанием цели данного проекта и размещением ключевых признаков (критериев) отбора кандидатов.

Для данной работы должна предусматриваться и обратная связь при подаче заявки студентом или выпускником с любого сайта (государственной службы или вуза). Важно получать отзывы от партнеров (государственной службы и вуза) и соискателей в виде электронного или оригинала письма благодарности об эффективности взаимодействия, а также рекомендации по работе.

Данный проект был предложен общего и профессионального образования Свердловской области, который позволит повысить эффективность процесса организации содействия трудоустройству студентов и выпускников, и повлияет на рост показателя мониторинга эффективности вузов — процента

[4] Эпоха цифровой трансформации: HR — быть или не быть. Business education trends [Электронный ресурс]. URL: http://trends.skolkovo.ru/2017/10/epoha-tsifrovoy-transformatsii-hr-byit-ili-ne-byit.

Таблица 2

Информация о трудоустройстве выпускников УрГЭУ за 2016–2018 гг., чел.

Уровень подготовки	2017		2018	
	Кол-во выпускников	Кол-во трудоустроенных выпускников	Кол-во выпускников	Кол-во трудоустроенных выпускников
Всего выпускников вуза	1950	1628	5803	4898
Бакалавры	1658	1409	5455	4637
Магистры	292	219	348	261

трудоустройства выпускников вузов в течение года после окончания обучения, который является показателем востребованности вуза. [4]

Таким образом, по итогам последнего мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования трудоустройство выпускников УрГЭУ составило 85 % по данным сайта Министерства образования и науки Российской Федерации.

Список источников

1. *Тонких Н. В.*, *Камарова Т. А.*, *Патутина С. Ю.* Опыт внедрения on-line инструментов рекрутинга в деятельность структурных подразделений вузов по содействию трудоустройству студентов и выпускников на рынке труда. // Экономика и предпринимательство. 2017. — № 10–1 (87–1). — С. 500–506. https://elibrary.ru/item.asp?id=30797732.

2. *Бармакова Н.* Современные методы подбора персонала // Кадровик.ру. — 2011. — № 8. — С. 60–64.

3. *Патутина С. Ю.* Прелиминаринг как механизм эффективного трудоустройства студентов и выпускников вузов. Достойный труд — основа стабильного общества. Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — 181–186 с.

4. *Сычева В. О.* Трудоустройство выпускников вузов: проблемы и пути их решения. Вестник Поволжского института управления. 2016. № 4(55). — 91–97 с. (https://cyberleninka.ru/article/v/trudoustroystvo-vypusknikov-vuzov-problemy-i-puti-ih-resheniya).

Рабчевский Н. И., Кузьмичев И. А.
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

КАК РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ВЫТЕСНИЛО СЛОВО «ИННОВАЦИИ» ИЗ СМИ [1]

В последний год заметен резкий рост и развитие таких тем, как цифровая экономика, блокчейн, Big Data и так далее. Неудивительно, что данные вопрос стали все чаще и активнее появляться в российских СМИ. Однако это негативно отразилось на употреблении такого важного слова, как инновации. Почему же это произошло и что будет дальше?

Ключевые слова: цифровая экономика, инновации, СМИ

До недавнего времени инновации были одной из самых популярных тем во многих отечественных СМИ наряду с международными военными конфликтами. В последние 10 лет только и говорили о том, что надо развивать инновации в стране, налаживать инновационное производство и тому подобное. Любой выпуск новостей можно было расписать по порядку тем: «В Сирии истребители нанесли удар…», а затем «Владимир Путин посетил выставку инновационных…» и так далее. Однако обратившись к СМИ сейчас, любой заметит, что слово «инновация» уже не является таким часто используемым, как это было ранее. Такая тенденция вызывает ряд вопросов, в которых мы попытались разобраться.

Сперва было обнаружено исследование «Технологии и инновации в российских СМИ» [1]. Группа ученых из Национального исследовательского института мировой экономики и международный отношений имени Е.М. Примакова РАН и Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН проанализировала около 200 тыс. заметок об инновациях, опубликованных с 2005 г. по 2015 г. Исследователями было выделено 11 технологических направлений и подсчитано количество опубликованных статей на тему инноваций в каждом из них за указанный период времени (рис. 1).

График довольно спутанный, но даже на нем видно, что по всем направлениям кроме энергетики количество публикуемых в год статей выросло. По некоторым, например IT, даже более чем в два раза за расчетный период.

Но в исследовании не было подсчета частоты использования слова «инновация», была подсчитана лишь частота обращения к этой теме. Зато с уверенностью можно отбросить версию о том, что про инновации просто стали меньше писать. Статистику упоминания, которая помогла бы в ответе на вопрос, найти практически невозможно. Однако некоторые сервисы могут дать приближенную оценку.

Google Ngram Viewer строит графики частотности употребления языковых единиц лишь до 2000 г., аналогичный сервис Национального корпуса русского языка строит их до 2015 г. [2]

Результат по запросу «инновация», то есть частота упоминаний на миллион словоформ в довольно крупной базе рассматриваемых документов приведен на рисунке 2. Но после более подробного изучения отчета обнаружилось, что среди СМИ в полученных результатах в основном фигурировал журнал «Эксперт». Следовательно, хотя бы стараниями этого издания в рассматриваемой корпусом русского языка базе участились случаи употребления слова «инновация».

Если никто не просчитал эту тенденцию, то никто и не пытался её объяснить. В чем же кроется причина подобного явления?

«Без профессиональной журналистики практически невозможно донести до общества необходимые сигналы от государства, сообщить основные направления развития российской экономики, ее модернизации и перевода на инновационный путь развития» [2]. Вероятно, что интересы и внимание государства с продвижения курса «на инновации» сменились на отстаивание интересов на международной арене, а СМИ, как информационный флюгер, поворачиваются по ветру.

Не исключено, что причина кроется в размытии понятия. «В течение двух десятилетий из-за неопределенности, нестабильности и волатильности рынка маркетинг, чтобы справиться с этим, освоил термин „инновация”, популярный во всех областях: рыночных и нерыночных, в точных, гуманитарных и социальных науках, в такой степени, что сверхчастое употребление лишает его всякого смысла» [3]. Надеемся, что в современных российских изданиях, новостных службах и официальных интернет-СМИ работают достаточно профессиональные люди. Вероятность быть непонятыми или быть понятыми неправильно вынуждает их избегать слова «инновации» все чаще.

Проанализировав сайты РБК и основных российских телеканалов, авторы заметили, что пальма первенства в употреблении слова «инновации» в СМИ перешла к цифровой экономике. Например, данному разделу посвящен целый отдельно взятый партнерский проект РБК под названием «Цифровая

[1] © Рабчевский Н. И., Кузьмичев И. А. Текст. 2019.

[2] Распределение по годам (частота на миллион словоформ) // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru/index.html.

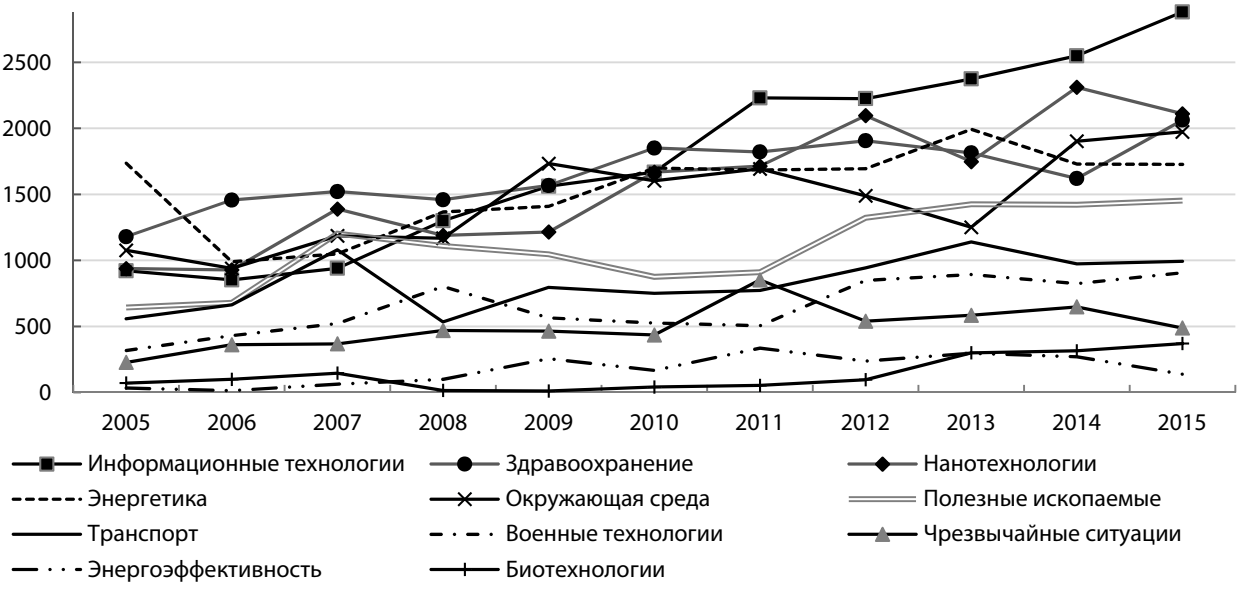


Рис. 1. *Распределение количества статей по годам и технологиям*

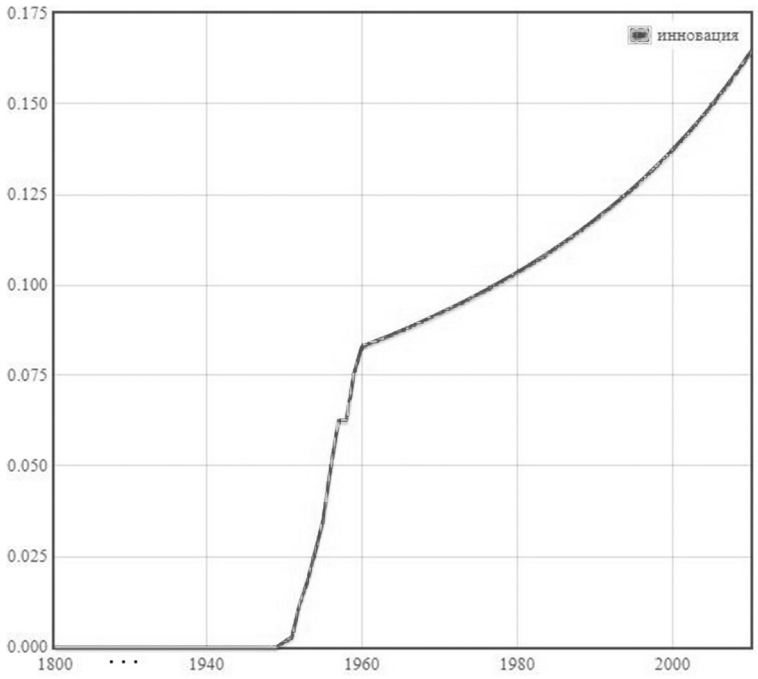


Рис. 2. *Частота упоминаний слова «инновация» на миллион словоформ*

Россия»[3]. Здесь обсуждают Индустрию 4.0, блокчейн, VR и многие другие хайповые темы. Но почему же так произошло?

В прошлом году Дмитрий Анатольевич Медведев заявил: «Тема инноваций все-таки перестала быть экзотикой в нашей стране, она стала достаточно модной. А это очень важно для того, чтобы какая-либо тема, какая-либо программа развивалась»[4]. И действительно, стоит отметить, что слово «инновация» больше не является чем-то сверхновым или же прорывным и поэтому оно постепенно стало входить в нашу обыденную жизнь. Таким образом, данное слово уже не является экзотикой, и настала эра других популярных сейчас слов в СМИ: цифровая экономика, блокчейн, Big Data и так далее.

Также проблема состоит в том, что слово «инновация» стало включать в себя слишком много различных значений и иметь множество толкований. VR, блокчейн, нейросети — все это в свое время являлось инновациями и рассматривалось именно с этой точки зрения, сейчас же данные слова — это целые отдельные темы, по которым проводятся конференции и выставки. Так, последний год СМИ приковывают свое внимание к следующим конференциям: «Цифровая экономика: прорыв в будущее», «Russian Blockchain Week», «AR/VR/MR Conference» и др. А на этих конференциях, как и в самих СМИ, практически не употребляют слово «инновация», оперируя другими терминами и определениями. И,

[3] Партнерский проект РБК [Электронный ресурс]. URL: http://digital-russia.rbc.ru/article-page_2.html.

[4] ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/4021774.

конечно, теперь пальму первенства занимает словосочетание «цифровая экономика». А правительство Российской Федерации и вовсе утвердило программу «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г., где данное словосочетание встречается больше других словосочетаний — 321 раз, а слово «инновации» использовано всего 1 раз. После публикации этого документа частота употребления словосочетания «цифровая экономика» стала резко повышаться, а вот слово «инновация» стало отходить на второй план.

Таким образом, «инновация» прошла свой бум употребления в СМИ и начиная с 2017 г. упор делается на такие темы, как цифровая экономика, искусственный интеллект, VR и прочее. Вполне вероятно, что через пару лет и этим словам найдут замену и на волне популярности будут другие темы.

Список источников

1. Технологии и инновации в российских СМИ / Н. В. Тихомиров, И. А. Тоганова, М. А. Каменская, И. В. Храмоин // Инновации. — 2016. — № 10. — С. 29–37.

2. *Нефедова Д. С.* Инновационный контент печатных масс-медиа как инструмент построения инновационной культуры современного российского общества // Современная филология: материалы IV Междунар. науч. конф., г. Уфа, март 2015 г. — Уфа : Лето, 2015. — С. 102–104.

3. *Фрайссин Ж.* Обучение в цифровых сетях: кооперативное обучение, коллаборативное обучение и педагогические инновации // Непрерывное образование. XXI век. — 2016. — Вып. 16.

Семячков К. А., к. э. н., Файрузова Д. Ю.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ [1]

Целью настоящего исследования является выявление особенностей государтсвенных программ по цифровизации экономики на примере ряда стран — лидеров в области цифровой экономики. В статье приводятся актуальные данные о развитии цифровой экономики зарубежных стран, рассматриваются приоритеты развития в области цифровой экономики на государственном уровне и исследуются планы органов власти по развитию цифровой экономики на ближайшее будущее.

Ключевые слова: цифровая экономика, программы цифровой экономики, цифровизация государств

В современном мире эффективное развитие стран невозможно без цифровых технологий, которые обеспечивают конкурентоспособность на мировой арене. Внедрение цифровых технологий непосредственно влияет и на осуществление экономических взаимодействий [1]. В связи с актуальностью данного вопроса в большинстве государств принимаются различные стратегии и программы развития цифровой экономики [2]. Мы предлагаем рассмотреть наиболее эффективные программы стран, являющихся лидерами в развитии цифровой экономики, а также перспективу развития цифровой экономики в Российской Федерации.

Сингапур является одной из наиболее передовых стран мира в области цифровой экономики. В 2018 г. Министерство коммуникаций и информации Сингапура представило «Фреймворк действия для цифровой экономики» (Digital Economy Framework for Action). Указанный документ содержит три стратегических приоритета:

— ускорение — цифровизация промышленности;
— конкурентоспособность — интеграция экосистем;
— трансформация — цифровая индустриализация [2].

Ускорение — цифровизация промышленности подразумевает цифровизацию каждой отрасли и каждого вида бизнеса, повышение производительности и эффективности, которые в дальнейшем будут способствовать росту экономики. Конкурентоспособность — интеграция экосистем, которая представляет собой усиление конкурентных преимуществ Сингапура путем поддержки компаний в использовании существующих цифровых технологий. Правительство Сингапура приветствует и поощряет инновации, а также готово объединять опыт специалистов и различных компаний для решения бизнес-задач. Трансформация — цифровая индустриализация, подразумевающая превращение индустрии InfocommMedia в ключевой фактор роста цифровой экономики в Сингапуре. Также государство способствует развитию интернета вещей, иммерсивных медиа, кибербезопасности, искусственного интеллекта и науки о данных.

Достижение указанных приоритетов будет осуществляться при помощи четырех ключевых инструментов: развитие навыков, исследования и инновации, физическая и цифровая инфраструктура, управление, политика и стандарты.

В Великобритании основным документом в сфере цифровой экономики является UK Digital Strategy 2017. Данная стратегия определяет, каким образом будет развиваться цифровая экономика, и включает семь направлений: связь, навыки и интеграция, цифровые сектора, общая экономика, киберпространство, цифровое правительство и экономика данных [3].

Связь способствует созданию цифровой инфраструктуры мирового уровня для Великобритании. Навыки и интеграция предоставляют каждому без исключения доступ к необходимым цифровым ресурсам. Цифровые сектора способствуют развитию Великобритании как лучшего места для начала и развития цифрового бизнеса. Общая экономика способствует интеграции в цифровой бизнес. Киберпространство создает такую площадку, которая обеспечиввает безопасность для работы в интернете. Цифровое правительство подразумевает сохранение страны в качестве лидера в обслуживании своих граждан в пространстве интернета. Экономика данных представляет собой раскрытие возможностей данных в экономике Великобритании и повышении доверия общественности к их использованию.

США разработали Digital Economy Agenda 2016, согласно которой планируют поддержание распространения интернета как глобальной платформы для общения, торговли, новых технологий и

[1] © Семячков К. А., Файрузова Д. Ю. Текст. 2019.

[2] Digital Economy Framework For Action // Infocomm media development authority [Электронный ресурс]. URL: https://www.imda.gov.sg/sgdigital/digital-economy-framework-for-action (дата обращения: 25.01.2019).

[3] UK Digital Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-digital-strategy (дата обращения: 29.01.2019).

инноваций. Документ раскрываетчетыре основныхприоритета в построении эффективной цифровой экономики[4].

Глобальный обмен информацией подразумевает открытый интернет с минимальными барьерами для потока данных и услуг через границы, который является основой цифрового успеха экономики.

Доверие и безопасность в интернете предполагают, что цифровая экономика будет процветать только в том случае, если потребители могут быть уверены, что их безопасность и конфиденциальность будут защищены.

Доступ и навыки — американским предприятиям и потребителям нужна быстрая инфраструктура и соответствующие навыки для процветания в оцифрованной мировой экономике.

Инновации и новые технологии подразумевают, что торговля может сыграть свою роль в поддержке инноваций. Новые технологии и инновации открывают новые возможности в коммерции и позволяют с их помощью решать долгосрочные экономические проблемы [3].

Китайская Народная Республика приняла десятилетний план Made in China 2025 (далее — MIC 2025), направленный на реиндустриализацию.

Указанная стратегия ориентирована на интеллектуальное производство в 10 ключевых секторах[5]. Цель MIC 2025 — закрепление позиции Китая как мирового лидера в высокотехнологичных отраслях, таких как робототехника, авиация и др. Китай рассматривает MIC 2025 как шанс для интеграции в мировую производственную цепочку.

В качестве правовой основы развития цифровой экономики Германии была принята стратегия High-Tech Strategy2020 Action Plan. Страна планирует осуществление полноценного перехода на цифровое производство. Предполагается, что интернет послужит достижению высочайшего уровня производительности и эффективности промышленного сектора [4].

Набор основных принципов инновационного развития в рамках стратегии включает[6]:

1. Расставление приоритетов в отношении будущих изменений, связанных с развитием и качеством жизни населения.
2. Объединение ресурсов и их интеграция.
3. Усиление развития инноваций в промышленности.
4. Создание благоприятных условий для инноваций.

Япония стремится создать общество, в котором можно решить различные социальные проблемы путем включения инноваций четвертой промышленной революции (например, интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект, роботы и пр.) в каждую отрасль общественной жизни[7]. Тем самым общество будущего будет таким, в котором новые ценности и услуги создаются непрерывно, делая жизнь людей более комфортной и устойчивой. В связи с этим в Японии была принята стратегия Society 5.0. Данная стратегия обозначает ряд преимуществ, благодаря которым основные цели и задачи программы Общество 5.0 могут быть достигнуты. К таким относятся большие накопления реальных данных и культивирование технологий из «монозукури».

Указанная программа также отмечает существующие проблемы и их решение в четырех различных сферах: здравоохранение, транспорт, инфраструктура, финансы.

В 2017 г. Правительством Российской Федерации была разработана и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В качестве целей программы был обозначены следующие[8]:

— создание экосистемы цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности;

— создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера;

— повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики РФ, так и экономики в целом.

Цифровая экономика в РФ представлена тремя уровнями:

— рынки и отрасли экономики (сферы деятельности);

— платформы и технологии;

---

[4] Digital Economy Agenda 2016 // National Telecommunications and Information Administration United States Department of Commerce [Электронный ресурс]. URL: https://www.ntia.doc.gov/files/ntia/publications/alan_davidson_digital_economy_agenda_deba_presensation_051616.pdf (дата обращения: 06.02.2019).

[5] Made in China 2025 // Institute for Security & Development Policy [Электронный ресурс]. URL: http://isdp.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf (дата обращения: 06.02.2019).

[6] Reseach Hightech and Innovation: The new High-Tech Strategy // Federal Ministry of Education and Reseach [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmbf.de/en/the-new-high-tech-strategy-2322.html (дата обращения: 27.01.2018).

[7] Realizing Society 5.0 [Электронный ресурс]. URL: https://www.japan.go.jp/abenomics/_userdata/abenomics/pdf/society_5.0.pdf (дата обращения: 07.02.2019).

[8] «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный электрон]. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 07.02.2019).

Таблица

Приоритеты развития стран в области цифровой экономики

Страна	Основная цель в рамках программы
Великобритания	Становление страны как мирового лидера в построении киберпространства, которое обеспечит процветание нации
Германия	Полный переход страны на цифровое производство и внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь общества
Китай	Закрепление за КНР позиции мирового лидера в сфере высоких технологий
Россия	Эффективное развитие институтов цифровой экономики (в сравнении с рассмотренными ранее странами Россия находится в процессе становления и развития ЦЭ)
Сингапур	Сохранение позиции лидера в области развития цифровой экономики и развитие собственной экономики при помощи цифровых технологий
США	Лидерство в международной торговле посредством цифровых технологий
Япония	Создание посредством информационных технологий нового общества, ориентированного на человека

— среда, которая создает условия для развития эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики.

Россия определила пять базовых направлений в рамках развития цифровой экономики, к ним относятся: информационная структура и информационная безопасность, нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов.

Программа направлена на создание условий для развития общества знаний, повышения степени информированности и цифровой грамотности, повышение благосостояния и качества жизни общества, улучшения доступности и качества государственных услуг, а также безопасности внутри страны и за ее пределами.

Приоритетные направления развития цифровой экономики рассмотренных стран обозначены в таблице.

Сравнительный анализ программ в области развития цифровой экономики показал, что в настоящее время страны во многом сходятся в приоритетах развития указанной области, но также имеются и существенные различия. Все рассмотренные программы стремятся максимально интегрировать цифровые технологии в жизнь общества. Такая интеграция происходит во многих областях: транспорт, здравоохранение, бизнес, торговля. Уровень развития цифровой экономики каждой страны и приоритеты ее развития зависят от социально-экономического положения государства и его готовности принять цифровизацию в настоящий момент. Так, например, в России приоритетом является само развитие институтов цифровой экономики, тогда как в Сингапуре в качестве приоритета обозначается сохранение лидирующей позиции цифровой державы. Цифровая экономика является хорошей возможностью для положительного развития государства и системы государственного управления. Программы развития цифровой экономики позволяют создать высокотехнологичную среду, в которой большинство процессов будет оптимизировано, что способствует повышению качества экономической и социальной среды и сопутствует процветанию государства.

Список источников

1. *Ревенко Л.*, *Ревенко Н.* Международная практика реализации программ развития цифровой экономики // Международные процессы. — 2017. — № 4. — С. 20–39.

2. *Попов Е. В.*, *Семячков К. А.* Компаративный анализ стратегических аспектов развития цифровой экономики // Вестник Пермского университета. — 2018. — Т. 13, № 1. — С. 19–36. — (Экономика).

3. *Ведута Е. Н.*, *Джакубова Т. Н.* BigData и экономическая кибернетика. // Государственное управление. Электронный вестник. — 2017. — № 63. — С. 43–66. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/big-data-i-ekonomicheskaya-kibernetika.

4. *Варлачёв Д. Б.* Правовые основы цифровых преобразований экономики: отечественная и зарубежная практика // Синергия наук. — 2018. — № 26. — С. 46–51.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

Богатырев Е. Е.

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

БЮДЖЕТНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: РОССИЯ И КИТАЙ [1]

В статье проанализированы теоретические работы относительно бюджетной децентрализации и того, каким образом децентрализация влияет на экономику страны. Теоретические данные были сопоставлены с российской действительностью. Кроме того, сравнение также проводилось между бюджетными системами России и Китая. Даны практические рекомендации относительно реализации эффективной бюджетной системы в России.

Ключевые слова: бюджетная децентрализация, Россия, Китай, экономический рост, экономическая эффективность

Бюджетная система является основой экономической политики государства. Она напрямую влияет на всех участников экономических отношений через распределительную деятельность. Поэтому форма распределения бюджета должна быть наиболее эффективной и адекватной сложившейся ситуации. Как отмечалось в работе Н. Зубаревич [1], в России наступил кризис бюджетной системы, и к текущему моменту он не решен. Если наступил кризис бюджетной системы, то очевидно, что она требует изменений.

Бюджетная система должна выполнять три основные задачи — обеспечивать макроэкономическую стабильность, экономический рост и эффективность распределения ресурсов. И если с первой задачей бюджетная система РФ справляется отлично, то с другими возникают трудности.

Еще в начале 2000-х Р. Ениколопов и Е. Журавская [2] предложили варианты развития бюджетного федерализма в России, среди которых «китайское чудо» фигурировало как один из наиболее благоприятных исходов событий. В этом ключе имеет смысл сравнить Россию с Китаем, спустя почти два десятилетия, и выяснить, удалось ли России приблизиться к этому варианту бюджетной системы.

Вопросы о виде бюджетной системы рассматривают в качестве конфликта между «стабильностью» и эффективностью. Дело в том, что, согласно возложенным на бюджетную систему задачам, от нее требуется сглаживать межрегиональные дисбалансы в качестве жизни и сохранять благоприятную экономическую ситуацию на территории страны (обеспечивать полицию, военных, сохранять единое экономическое пространство и т. д.). Поэтому требуется перераспределение средств в пользу федерального бюджета, а через него из одних регионов в другие. К примеру, невозможность одного из регионов страны расплатиться по его долгам может вызвать цепную реакцию и повлиять на экономику страны в целом, поэтому при решении задачи макроэкономической стабильности часто применяются дотации.

Но одновременно эта политика порождает неэффективность в распределении ресурсов: во-первых, государство не в состоянии узнать функцию полезности каждого отдельного избирателя, поэтому ресурсы не могут быть потрачены с максимальной пользой; во-вторых, подрывает стимулы чиновников по развитию подконтрольных им земель, т. е. возникает проблема «мягких бюджетных ограничений» [3].

Существует несколько способов устранить эту неэффективность, которые можно объединить одним словом — децентрализация. Во-первых, в соответствии с главным предположением в государственных финансах близость чиновников к своим избирателям позволяет им быстрее и полнее реагировать на меняющиеся потребности избирателей, как следствие, повышается совокупное благосостояние граждан [4]. Во-вторых, если регионы разнятся в уровне налогообложения и предоставления общественных благ, то люди могут «голосуя ногами» выбирать те регионы, в которых наилучшим образом удовлетворяются их потребности. Соответственно уровень общественного благосостояния будет настолько же высок, как будто государству удалось узнать у каждого избирателя его функцию полезности [5].

На экономический рост бюджетная политика может влиять как напрямую — через усиленную экономическую эффективность, так и косвенно — через усиленную эффективность производства: то же самое количество услуг или инфраструктуры могут быть введены в действие по более низкой цене, когда траты происходят на нижних уровнях бюджета [6].

Таким образом, рассмотрев задачи, поставленные перед бюджетной системой, более подробно, мы приходим к выводу, что она не может быть полностью централизованной, ровно как и полностью

[1] © Богатырев Е. Е. Текст. 2019.

децентрализованной. Следовательно, должно быть найдено оптимальное сочетание этих мер. В этой связи интересен пример Китая как одной из стран, где бюджетная децентрализация была наиболее успешной.

В России одной из проблем построения сбалансированной бюджетной системы является тот факт, что значительные поступления в федеральный бюджет приходят из добывающего сектора экономики, в связи с чем доля федерального бюджета в консолидированном бюджете страны обречена быть высокой.

Китайский сценарий — это значительная бюджетная децентрализация при практически полной политической централизации. Вопросы о государственной политике выходят за рамки именно распределения бюджета, тем не менее относятся к бюджетной децентрализации, потому что именно государственная политика стимулирует активное участие местных правительств в формировании эффективной среды для бизнеса. Поэтому требуется рассматривать бюджетную децентрализацию не только с экономической точки зрения, но и с политической.

Значительный вклад в экономический рост Китая был внесен тем, что регионы могли экспериментировать, а также системой стимулов, когда от показателей экономического роста региона зависела карьера его главы [7]. К сожалению, институциональное экспериментирование в России проводится довольно редко. Также и стимулы по продвижению по карьерной лестнице для чиновников отсутствуют: существует практика назначения глав регионов по указу президента, соответственно, нет четких критериев отбора кандидатов и их эффективности.

В России глав регионов назначают из центра, отсутствует политическая конкуренция и, фактически, отсутствуют выборы на местном уровне. Поэтому в вопросах политической централизации Россия довольно близка к уровню Китая. К сожалению, политическая централизация не создает сама по себе экономической эффективности, но она необходима для макроэкономической стабильности.

Слишком сильная политическая централизация может вредить экономический децентрализации. Российская практика назначения управленцев из центра препятствует последней, потому что в экономических вопросах управленец всегда оглядывается на мнение московских чиновников. Он должен выполнять указы президента, ибо от этого зависит его карьера, а не от формальных критериев эффективности. К таким указам относятся, к примеру, «майские указы», требования повышения зарплат в госсекторе и реформа здравоохранения.

Повышение зарплат никак не увеличивает эффективность, но повышает бюджетные траты, а реформа здравоохранения имела результатом сокращение количества поликлиник в 2 раза по сравнению с 2000 годом [2]. С «майскими указами» же, как их ни пытались воплотить в жизнь, ничего не получилось. Зато негативным следствием этих действий стал бюджетный дефицит, из которого России только совсем недавно удалось выбраться.

Как отмечает Н. Зубаревич, «дефицит воспринимался как меньшее зло по сравнению с риском увольнения: деятельность губернаторов оценивается наверху по критерию выполнения указов. Отменить или оспорить указы президента в российских политических условиях невозможно, несмотря на начавшуюся экономическую стагнацию. В результате дефекты вертикальной политической системы привели к разбалансированию и дестабилизации бюджетов регионов» [1].

По состоянию на 2017 год слышны лишь небольшие отголоски былого кризиса: дефицит бюджета планировался порядка 6,7 %, но составил всего 0,5 %, что выглядит прекрасно в сравнении с дефицитом в 5–7 % в 2013–2014 годах. Однако меры по снижению дефицита также достигались по указу «свыше» — кризис все-таки заставил правительство провести смену бюджетных вех: в 2016 году под нож пошли расходы на пенсии, оборону и майские указы президента [3].

Такая политика «с оглядкой назад» резко контрастирует с китайской, где глава региона абсолютно автономен, единственным требованием как «партии», так и населения является экономический рост.

В отличие от китайской экономической политики российская характеризуется уравнительной составляющей, а не стимулирующей. В таблице этот тренд отчетливо виден: к 2017 году в структуре бюджетных трансфертов в России стали доминировать дотации, а не субсидии, как это было в 2000 году. В России пытаются проводить ту политику, которая возможна лишь при высоком уровне развития страны. Жертвуют инфраструктурными проектами в пользу поддержания высокого уровня жизни населения. Это типичная модель ресурсозависимых стран — проще делиться нефтяной рентой с населением и покупать тем самым их лояльность, чем проводить эффективные реформы и развивать промышленность [8].

Интервенции правительства на рынок оплаты труда снижают привлекательность развития промышленности в стране из-за превышения заработных плат над равновесным уровнем — модель ресурсного проклятия. Это отпугивает инвесторов. Кроме того, относительно высокие зарплаты в государственном секторе снижают мобильность граждан в стране. Это препятствует тому, чтобы граждане,

[2] См.: https://inosmi.ru/social/20171222/241068724.html.

[3] См.: https://www.rbc.ru/economics/25/06/2015/558c36849a7947b66f7a6bd7).

Таблица

Трансферты из федерального бюджета в консолидированный бюджет субъектов РФ, млрд рублей

Трансферты в регионы	Единица измерения	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Безвозмездные поступления от бюджетов других уровней	млрд рублей	95,9	1 307,7	9 611,8	1 616,7	1 578,1	1 703,0
	в % к общему количеству	100	100	100	100	100	100
Дотации	млрд рублей	6,1	319,8	1 358,2	651,0	656,2	759,0
	в % к общему количеству	6,30	24,46	14,13	40,26	41,58	44,57
Субсидии	млрд рублей	68,0	52,8	386,5	402,9	358,3	421,5
	в % к общему количеству	70,89	4,04	4,02	24,92	22,71	24,75
Субвенции	млрд рублей	2,3	804,7	659,1	336,6	334,3	326,1
	в % к общему количеству	2,35	61,54	6,86	20,82	21,18	19,15©
Иные межбюджетные трансферты	млрд рублей	19,6	130,3	7 208,1	226,3	229,2	196,4
	в % к общему количеству	20,46	9,97	74,99	13,99	14,52	11,53

Источник: составлено по [9].

в поисках лучшей жизни, уезжали в промышленные центры и крупные города. Поэтому данный путь к экономическому росту, который обычен для всех развивающихся стран, в России заблокирован действиями государства.

Начиная с середины 2000-х государство начало передавать расходные полномочия с федерального на нижестоящие уровни бюджета, что отразилось в резком увеличении в 2005 году субвенций. Преимущественно на нижестоящие бюджеты была возложена ответственность за социальные обязательства. Это заложило бомбу замедленного действия: в связи с кризисом 2014 года поступления из федерального бюджета сократились, в связи с этим возросла и дотационность субъектов Федерации, как мы это и видим в таблице.

В «тучные» годы наблюдался огромный рост «иных» межбюджетных трансфертов, т. е. тех, которые выдавались не исходя из строгих критериев, а с боем выбивались главами субъектов РФ из правительства. В 2005 году их доля достигла без малого 75 % от всех трансфертов.

Тем не менее возросшая дотационность также отражает тот факт, что распределение бюджета стало значительно более открытым и регламентированным, прекратилась практика сомнительных трансакций через «иные межбюджетные трансферты». Это связано с тем, что большая часть дотаций выделяется на выравнивание бюджетной обеспеченности между субъектами Федерации: в 2017 году 81 % всех дотаций выделялись именно на эту цель [9]. Размер дотаций вычисляется Министерством финансов РФ по заранее известной формуле, поэтому процедура их выделения стала значительно более открытой. Это довольно эффективные меры против «мягких бюджетных ограничений».

Время для этих изменений было выбрано не случайно — к концу 2014 года цена на нефть снизилась в 2 раза по отношению к началу того же года, поэтому у правительства не осталось иных возможностей, кроме того, чтобы заняться распределением бюджета более разумно.

В Китае 85 % всех государственных трат осуществляются на нижних уровнях бюджетной системы [10]. В России же отношение трат совокупного бюджета субъектов РФ к федеральному бюджету и федеральным внебюджетным фондам в 2017 году едва достигает 42 %. Возможно, когда цена на нефть снова упадет, тогда больше расходных полномочий передадут с федерального уровня на уровень субъектов и муниципалитетов.

Россия — нефтезависимая и политически централизованная страна. Эти два факта препятствуют экономической децентрализации. Но мы можем перенять опыт Китая.

Чтобы преодолеть барьер нефтезависимости, нужно осознать, что «покупать» население с помощью нефтяной ренты — не выход. Для экономического роста нужно начать действовать в расчете не на сиюминутные выгоды, а на долгосрочную перспективу. Поэтому курс должен быть взят не на выравнивающие дотаций регионам, а на предоставление субсидий наиболее перспективным в экономическом плане регионам, как это делалось в Китае с его приморскими областями.

Как показывает опыт Китая, с политической централизацией можно успешно жить. Поэтому в качестве следующего шага следует предоставить стимулы местным управленцам по развитию их территорий. В текущей парадигме управления в России этого не происходит. Когда встает вопрос выбора между исполнением указов и экономическим ростом региона, у чиновников нет стимулов к последнему.

Это противоречит как теоретическим предпосылкам, так и опыту Китая. Находясь в Москве, невозможно знать, как лучше проводить экономическую политику, к примеру, в Свердловской области, не находясь в ней. Для этого и существуют такие управленцы, как губернаторы. Предоставление им свободы в выборе способов достижения поставленных задач, а также стимулов, связанных с их выполнением, позволит добиваться лучших результатов.

В связи с этим задачи должны носить рекомендательный характер, а не приказной. Поэтому, если и ставить такие цели, как «майские указы», то нужно их принимать в виде индикативных планов, а не директивных, которые были в Советском Союзе. Это даст большую свободу чиновникам на местах в планировании своей деятельности.

Кроме того, не стоит забывать о главном — о том, что цели не должны быть противоречивыми. Нельзя одновременно заявлять о приоритете на экономический рост и на гарантию одинакового уровня жизни всем. Нужно выбрать что-то одно. Китай при Мао Цзэдуне, как и Советский Союз, ставил приоритетом уровень жизни — и большинство населения действительно жило в одинаковых условиях — в одинаково плохих. При Дэн Сяопине экономический рост был провозглашен как цель. И вот уже Китай обходит США по уровню ВВП. Пора и России отойти от советских идеалов управления.

Выполнение этих рекомендаций поможет России вступить на путь экономической децентрализации и, в конечном счете, снизить расходные полномочия федерального бюджета, предоставив их субъектам РФ.

Список источников

1. *Зубаревич Н. В.* Межбюджетные отношения центра и регионов: экономические и институциональные аспекты //Журнал НЭА. — 2014. — №. 3. — С. 158–160.

2. *Ениколопов Р.*, *Журавская Е.* Бюджетный федерализм в России: сценарии развития //Научные труды ЦЕФИР. — 2003. — №. 37.

3. *Виньо М.*, *Кадочников П.* Мягкие бюджетные ограничения субнациональных властей: теория, практика и выводы для России // Journal of Comparative Economics. — 1988. — Т. 12. — С. 502–520.

4. *Oates W. E.* Fiscal decentralization and economic development //National tax journal. — 1993. — Т. 46. — No. 2. — P. 237–243.

5. *Tiebout C. M.* A pure theory of local expenditures //Journal of political economy. — 1956. — Т. 64. — No. 5. — P. 416–424.

6. Martinez-*Vazquez J.*, Mc*Nab R. M.* Fiscal decentralization and economic growth //World development. — 2003. — Т. 31. — No. 9. — P. 1597–1616.

7. *Кадочников Д. В.* Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения: опыт китайских реформ и его актуальность для России //Terra Economicus. — 2016. — Т. 14. — №. 2.

8. *Гуриев С.*, *Сонин К.* Экономика «ресурсного проклятия» //Вопросы экономики. — 2008. — №. 4. — С. 61–74.

9. Федеральное казначейство [Электронный ресурс]. URL: http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov.

10. *Wingender M. P.* Intergovernmental Fiscal Reform in China. — International Monetary Fund, 2018.

Василенко Д. В.
Институт экономических исследований, г. Донецк

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ [1]

В статье показано, что эффективное функционирование любой территориальной системы (государства, региона либо населенного пункта) возможно за счет создания и поддержания благоприятных условий для хозяйствующих субъектов — государственных и иных предприятий, которые занимаются производством, реализацией либо приобретением материальных благ, включая реализацию различного рода услуг. Установлено, что субъектами предпринимательства выступают как физические, так и юридические лица, занимающиеся хозяйственной деятельностью в пределах конкретной территории. Отражено, что текущая обстановка как внутри государства, региона, населенного пункта, так и за его пределами предполагает появление значительного количества угроз и вызовов, которые негативно влияют на функционирование субъектов предпринимательства. С целью их преодоления государство обязано оказывать всяческую помощь субъектам хозяйствования (предпринимательской деятельности) через механизмы государственной поддержки. Отражено, что механизм государственной поддержки субъектов предпринимательства включает в себя восемь основных видов поддержки, среди которых выделяются административно-правовая, финансово-кредитная и инвестиционная, налоговая, привлечение субъектов предпринимательства к выполнению государственных заказов, кадровая, консультационная и информационная, поддержка экспортной деятельности, а также поддержка регионального развития, каждая из которых предполагает значительный перечень шагов, направленных на снижение финансовой, организационной и управленческой нагрузки на субъекты предпринимательства. Сделан акцент на том, что в условиях ограниченного финансирования предпринимательской деятельности механизм государственной поддержки включает основные три вида поддержки, в которых прописываются более «мягкие» условия для выполнения хозяйственной деятельности субъектами предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, государственная поддержка, механизм, угрозы, вызовы, ограниченное финансирование

Эффективное функционирование любой территориальной системы (государства, региона, населенного пункта) возможно за счет создания и поддержания благоприятных условий для хозяйствующих субъектов — государственных и иных предприятий, которые занимаются производством, реализацией либо приобретением материальных благ, включая реализацию различного рода услуг. При этом следует помнить, что внешняя и внутренняя среда государства, региона, населенного пункта не характеризуется постоянным статическим состоянием. Все элементы данных территориальных систем (население, субъекты хозяйствования, воспроизводственные процессы и пр.) находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, а сами системы контактируют с другими системами (государствами, регионами, населенными пунктами), а зачастую данное взаимодействие сопровождается значительными материальными и финансовыми затратами.

Могут возникать ситуации, когда финансирование того или иного вида деятельности приобретает ограничительный характер, поскольку появляется дополнительная нагрузка на бюджет, пополнение которого происходит через налоговые и неналоговые (доходы от использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности) доходы, увеличение которых негативно отразится на уровне и качестве жизнедеятельности населения. Если рассматривать тенденцию ограниченного финансирования через призму функционирования субъектов хозяйствования, то наиболее уязвимыми в этом случае выступают субъекты предпринимательской деятельности (субъекты предпринимательства).

К субъектам предпринимательской деятельности можно отнести, во-первых, хозяйственные организации (предприятия) — юридические лица, «которые предназначены для удовлетворения потребностей и интересов человека преимущественно во внешней для организации среде путем производства продукции».

Во-вторых, граждане государства, иностранцы и лица без гражданства, которые осуществляют хозяйственную деятельность и зарегистрированы соответственно закону как предприниматели. «Такая деятельность направлена на получение прибыли путем использования имущества, выполнения каких-либо работ, продажи товаров, а также оказания услуг. Субъекты предпринимательства должны быть официально зарегистрированы и могут работать как в качестве физических или частных, так и юридических лиц, а также государственных, муниципальных организаций и органов, которые выдают разрешения на право заниматься предпринимательством» [1].

[1] © Василенко Д. В. Текст. 2019.

Ограничение в осуществлении предпринимательской деятельности касается органов государственной власти и органов местного самоуправления. Объектами предпринимательской деятельности являются материальные, нематериальные, финансовые ресурсы, продукция, услуги, а также наемный труд.

По своей сути субъекты предпринимательства выступают фундаментом хозяйственной деятельности того или иного государства, региона, населенного пункта. Львиная доля поступлений в местный бюджет приходится именно на них за счет налоговых отчислений. Однако в последнее время налоговая система начала оказывать достаточно сильное давление на предпринимательство. К основным финансовым затратам предприятий на «выполнение обязательных налоговых процедур включают: оплату рабочего времени работников бухгалтерской службы, приобретение и сопровождение специализированного программного обеспечения для ведения бухгалтерского и налогового учета, регистраторов расчетных операций, приобретение специализированных печатных и электронных изданий, оплату стоимости семинаров по налоговому законодательству, а также услуг сторонних организаций и специалистов (аудиторов, консультантов, юристов). Очевидно, что расходы на соблюдение налогового законодательства зависят от размера предприятия по уровню дохода (чем больше предприятие, тем больше расходы), однако малые предприятия имеют наибольшие затраты, если сравнить эти расходы с доходом предприятия» [2, с. 4].

Одним из необходимых условий эффективного развития предпринимательства является его государственная поддержка. Важнейшими заданиями органов государственной и местной власти являются экономическая стабильность, гармоничное развитие производства и социальной сферы, создание благоприятных условий для эффективного ведения хозяйства и оптимальной реализации как общественных, так и частных интересов. С целью выполнения отмеченных заданий государство заявило о своей готовности создать инфраструктуру предпринимательства, предоставлять предпринимателям на условиях и в порядке, предусмотренном законодательством, земельные участки, государственное имущество и целевые кредиты, а также способствовать их материально-техническому и информационному обслуживанию, подготовке и переподготовке соответствующих кадров. Кроме этого, государство берет на себя труд по первоначальному обустройству неосвоенных территорий объектами производственной и социальной инфраструктуры с продажей или передачей их предпринимателям.

Поскольку государственная поддержка субъектов предпринимательства предполагает достаточно большое количество мер по созданию благоприятных условий для их функционирования, то систематизация, внедрение, а также контроль за их исполнением возможны только благодаря разработке механизма государственной поддержки.

Механизм государственной поддержки субъектов предпринимательства предполагает наличие нескольких видов поддержки, каждая из которых охватывает определенную сферу деятельности субъектов предпринимательства [3, с. 211].

В настоящее время существует 8 основных видов поддержки субъектов предпринимательства: административно-правовая, финансово-кредитная и инвестиционная, налоговая, привлечение субъектов предпринимательства к выполнению государственных заказов, кадровая, консультационная и информационная, поддержка экспертной деятельности, а также поддержка регионального развития. Такая глубокая градация свидетельствует о том, что, с одной стороны, вопрос государственной поддержки субъектов предпринимательства достаточно глубоко проработан и охватывает большое количество возможностей предоставить помощь субъектам предпринимательства. С другой стороны, такое количество видов помощи свидетельствует о значительных проблемах, с которыми сталкиваются субъекты предпринимательства в производственном процессе.

Административно-правовая поддержка предполагает разработку нормативно-правовых актов, регулирующих весь спектр вопросов по государственной поддержке субъектов предпринимательства. Одним из инструментов данного вида поддержки выступает государственная регуляторная политика — «постоянный и последовательный курс органов исполнительной власти и местного самоуправления на внедрение оптимального государственного управления в экономической и социальной сферах, на уменьшение вмешательства в деятельность субъектов предпринимательства, устранение правовых, административных, экономических и организационных препятствий в развитии хозяйственной деятельности» [4].

Финансово-кредитная и инвестиционная поддержка субъектов предпринимательства базируется на особых условиях кредитования, предоставлении субсидий, институциональной поддержке.

Следующий вид поддержки — налоговой — является подвидом финансово-кредитной поддержки. Ее особенности заключаются в том, что «формирование эффективной системы налогообложения, адекватной требованиям развития предпринимательства, должна предусматривать: установление критериев для предельной границы налогообложения; сокращение количества налогов за счет тех, что не имеют решающего значения для бюджета; введение налоговых льгот для решения государственных и региональных социальных проблем.

К средствам налогового благоприятствования предпринимательству относятся: скидки налоговых ставок или полное освобождение от уплаты налогов для предприятий, деятельность которых соответствует целям государственного регулирования; скидки налоговых ставок на прибыль, направленную на капиталовложения, научные исследования и внедрение их в производство, создание новых рабочих мест, охрану окружающей среды и др.; скидки налоговых ставок на прибыль, которая направляется на подготовку кадров для предпринимательской сферы; налоговые льготы иного характера» [5, с. 107].

«Предпринимательство является важным элементом рыночной экономики. Оно во многом определяет темпы экономического роста государства, условия повышения эффективности производства, структуру и качество валового внутреннего продукта. От уровня его развития зависит степень монополизации экономики, насыщение рынка товарами и услугами, обеспечение занятости, состояние социального климата в обществе, формирование среднего класса, распространение новых технологий» [6, с. 102]. Поэтому привлечение субъектов предпринимательства к выполнению государственных заказов позволит им быть непосредственными участниками (с вытекающими из этого преференциями) государственных, региональных программ развития.

Кадровый вид поддержки стимулирует работников к выполнению/перевыполнению поставленных перед ними задач (через систему премирования, повышение квалификации и пр.).

Название консультационного и информационного вида поддержки субъектов предпринимательства говорит само за себя: в данном случае создаются справочные центры поддержки предпринимательства.

Поддержка экспортной деятельности субъектов предпринимательства позволяет им с наименьшими препятствиями реализовывать свои товары или услуги за рубежом, а поддержка регионального развития распределяет полномочия между государственными, региональными и местными органами власти, обеспечивая этим единство управленческих и организационных решений относительно субъектов предпринимательства.

Бюджетное финансирование представляет собой систему «предоставления денежных средств предприятиям, организациям и учреждениям на проведение мероприятий, предусмотренных бюджетом» [7]. В идеале бюджет должен находиться в состоянии баланса: расходы равняются доходам. Однако по целому ряду обстоятельств (экономических, политических и пр.) расходы начинают превышать доходы, и, как результат, появляется дефицит бюджета. Следствием данных изменений выступает ограничение финансирования субъектов хозяйствования.

Механизмы государственной поддержки субъектов предпринимательства в условиях ограниченного финансирования включают в себя три основных вида поддержки. Административно-правовая поддержка должна включать в себя разработку государственных, региональных и местных программ по поддержке среднего и малого предпринимательства. Налоговая поддержка должна заключаться в бесплатном предоставлении субъектам предпринимательства необходимых помещений и оборудования, а также продлении сроков налоговых каникул (до 8 лет). Кадровая поддержка должна заключаться в обеспечении всех работников бесплатными курсами повышения квалификации либо переаттестации.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, субъектом предпринимательства выступают как физические, так и юридические лица, занимающиеся хозяйственной деятельностью в пределах конкретной территории. Во-вторых, текущая обстановка как внутри государства, региона, населенного пункта, так и за его пределами предполагает появление значительного количества угроз и вызовов, которые негативно влияют на функционирование субъектов предпринимательства. С целью их преодоления государство оказывает всяческую помощь субъектам хозяйствования через механизмы государственной поддержки. В-третьих, механизм государственной поддержки субъектов предпринимательства включает в себя восемь видов поддержки, каждая из которых предполагает значительный перечень шагов, направленных на снижение финансовой, организационной и управленческой нагрузки на субъекты предпринимательства. В-четвертых, в условиях ограниченного финансирования механизм государственной поддержки включает все те же три вида поддержки, в которых прописываются более «мягкие» условия для выполнения хозяйственной деятельности субъектами предпринимательства.

Список источников

1. Субъект предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: https://www.syl.ru/article/71495/chto-takoe-subyektyi-predprinimatelstva (дата обращения: 23.12.2017).

2. *Музыченко О.* Налогообложение малого бизнеса в Украине // III Европейский конгресс малых и средних предприятий. — Польша, Катовице, 2013. — 9 с.

3. *Грибовский А. В.*, *Ушакова С. Е.* Механизмы государственной поддержки малого инновационного бизнеса за рубежом // Наука. Инновации. Образование. — 2014. — С. 205–221.

4. Государственная регуляторная политика [Электронный ресурс]. URL: http://studbooks.net/41816/ekonomika/mehanizm_gosudarstvennoy_podderzhki_predprinimatelskoy_deyatelnosti (дата обращения: 23.12.2017).

5. *Баландина А. С.* Анализ теоретических аспектов налоговых льгот и налоговых преференций // Вестник Томского гос. ун-та. — 2011. — № 4 (16). — С. 105–110.

6. *Чистякова Е. А.* Условия участия субъектов предпринимательства в государственных и муниципальных закупках // Экономика промышленности. — 2005. — № 4. — С. 100–104.

7. Бюджетное финансирование [Электронный ресурс]. URL: http://uchebnik-online.com/124/73.html (дата обращения: 23.12.2017).

Докукина И. А., к. э. н., Жуков А. А.
Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Орел

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ [1]

Авторами рассматриваются проблемы государственного регулирования цифровой экономики, а также разрабатываются рекомендации по устранению в данной сфере рисков, проблем и совершенствованию управления. В ходе проведенного исследования было выявлено, что Россия по прогрессу в развитии цифровой экономики относится к догоняющим странам. В основном это обусловлено неподготовленностью населения к инновациям, а также малой долей затрат на цифровые технологии. Для дальнейшего развития цифровой экономики авторами предлагается повысить защищенность цифровых технологий, сформировать более четкую нормативно-правовую базу для регулирования цифровой экономики, а также обеспечить свободный обмен информацией в рамках действующего государственного регулирования.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, государственное регулирование, блокчейн, облачные технологии

В последнее время подчеркивается, что для выхода на новый уровень развития экономики необходимо сосредоточиться на цифровых сквозных технологиях, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни и концентрируют в себе мощный технологический потенциал будущего. Государственное регулирование отношений, в которых пересекаются право и информационные технологии, практически невозможно признать абсолютно организованным ни в одном государстве. Протекающие в данный момент изменения относительно подхода к управлению информационными правоотношениями в различных странах мира определены как всеобщей тенденцией реформирования законодательства информационной сферы в условиях цифровизации, так и особой политической ситуацией. Отсюда выбор темы нашего исследования. В данном случае актуализируется вопрос рассмотрения успешной реализация государственных программ, направленных на повсеместное использование цифровых технологий, что возможно только при условии целостного и системного реформирования экономики в стране. Объективно, что мероприятия в сфере развития цифровой экономики необходимо реализовывать сопряженно с совершенствованием информационной защиты, повышением устойчивости всех элементов инфраструктуры, финансовой системы, государственного управления.

Значительный вклад в развитие науки в области цифровой экономики внесли такие российские ученые, как И.Л. Авдеева [1], Е.А. Бренделева [2], В.Г. Варнавский [3], Ю.Л. Вертакова [4], Т.А. Головина [1, 5], Д.В. Евтянова [7], Л.В. Парахина [1], А.В. Полянин [5], О.В. Рудакова [5], Т.Н. Юдина [8]. При этом указанные специалисты в области инновационного экономического развития уделяли в своих трудах мало внимания рекомендациям по устранению проблем государственного регулирования цифровизации. Необходимо отметить, что и в учебной литературе по цифровой экономике вопросы государственного управления раскрываются либо достаточно сжато, либо вообще остаются за пределами внимания ее авторов. Все это также говорит о новизне проведенного нами исследования.

В рамках проведения анализа имеющейся литературы по цифровой экономике была определена следующая научная задача: выявить проблемные поля развития цифровой экономики в условиях государственного регулирования и предложить направления развития. Итак, были получены следующие результаты, которые позволили систематизировать проблемы, объединив их в представленные ниже блоки.

1. Проблемы правового регулирования больших данных. В ходе проведенного исследования было установлено, что одно из наиболее ярких явлений современной информационной эпохи, которое, с одной стороны, открывает невероятные возможности для развития цифровой экономики, и, с другой стороны, несет с собой угрозы и сложности, справиться с которыми в настоящее время практически невозможно ни технологически, ни организационно, ни юридически, — это так называемые «большие данные», или *Big data*. Существует множество определений данного метафорического понятия. Обратим внимание лишь на специфичные с точки зрения права характеристики и особенности использования больших данных. Большие данные в зависимости от ракурса можно рассматривать как данные, технологию или инструмент анализа (модель использования информационных технологий). При этом сложность анализа понятия «большие данные» (как и многих других терминов из сферы информационно-коммуникационных технологий) заключается в том, что аналитика ведется во всех научных отраслях на первичном уровне — без учета правил традиционного отраслевого анализа, лишь с целью выработки понимания, каким образом использовать тот или иной объект, как применять, — и это проявляется в описании термина «большие данные». По указанным причинам в экономических, правовых, политических исследованиях и документах по тематике больших данных так часто

[1] © Докукина И. А., Жуков А. А. Текст. 2019.

встречаются не свойственная им техническая терминология, аналитические приемы и пр. Данный пример свидетельствует о необходимости достижения четкости, однозначности и релевантности правовых понятий в сфере цифровой экономики. Вопрос обеспечения безопасности информации и защиты частной жизни стоит наиболее остро при рассмотрении больших данных с точки зрения информационных активов. В цифровую эпоху данные (или информация, сведения, вычислительные данные, наборы данных, информационные активы) являются ключевым объектом формирующихся правоотношений. Российским законодательством установлены отдельные специальные правовые режимы обработки информации, представляющей особую ценность. Но дело в том, что беспрецедентные возможности, предоставляемые современными цифровыми технологиями, качественным образом меняют принципы использования информации, критерии определения ее ценности и, соответственно, модели потенциальных угроз нарушения конфиденциальности. Недостаточная открытость доступа к онлайн-данным (образуемая в целях соблюдения принципа неприкосновенности частной жизни) является основным барьером для развития технологии больших данных, так как наибольшая полезность больших данных может быть получена только при условии анализа как можно больших массивов информации. Более того, смысл использования технологии больших данных может свестись к минимуму в случае неаккуратного государственного регулирования формирующихся правоотношений (например, масштабного расширения перечня информации ограниченного доступа), что обуславливает необходимость поиска компромиссов и достижения баланса интересов субъектов, вовлеченных в процесс использования больших данных.

На наш взгляд, успешное и законное использование больших данных в развитой цифровой экономике предполагает осторожное и последовательное разрешение вопроса о правовом режиме обработки массивов данных, формально-юридически не относящихся к категории информации ограниченного доступа, но потенциально являющихся таковыми (при агрегации больших разрозненных массивов данных). Такие данные только становясь персональными должны подпадать под особое правовое регулирование. В ином случае их обработка не должна быть ограничена строгим правовым режимом (что станет непосильной мерой), но, как вариант, новым особым промежуточным режимом для таких категорий данных. При этом должны быть четко определены критерии относимости информации к той или иной категории.

2. Проблемы правового регулирования облачных вычислений. Анализ явления больших данных с технологической точки зрения апеллирует к вопросам организации информационной инфраструктуры и непосредственным образом связан с других значимым явлением современного цифрового мира — облачными вычислениями, или *cloud computing*. Цель, которая ставится перед вычислительными мощностями парадигмой больших данных, — максимизация компьютерных мощностей и достижение точности алгоритмов для сбора, анализа, сочетания и сравнения крупных массивов данных. При описании больших данных с технологической точки зрения на первый план выступает скорость, характеризующая, насколько быстро производятся сбор и обработка данных с использованием технологий больших данных для достижения ожидаемых результатов, а также колоссальная масштабность аналитики. В свою очередь, использование облачных технологий является основной технологической возможностью реализации такого масштабного анализа. Использование облачных вычислений, как отмечалось выше, уже получило широкое развитие, которое прогнозируется и в дальнейшем как существенный сектор цифровой экономики. Данная сфера правоотношений хотя и сформировалась практически, нуждается в достижении определенности и упорядоченности, корректном отнесении их к той или иной группе правовых институтов, описываемых общими и специальными нормами гражданского законодательства, а также обеспечении соблюдения прав субъектов (прежде всего, субъектов персональных данных), закреплении основных положений правосубъектности облачных провайдеров, заказчиков и пользователей облачных информационных систем.

Облачные вычисления, как и другие явления современного цифрового мира, влекут специфические и крайне сложные риски в сфере информационной безопасности, тогда как успешное развитие цифровой экономики предполагает создание современной безопасной инфраструктуры, обеспечивающей доверенное информационное взаимодействие вовлеченных субъектов и устойчивость к внутренним и внешним угрозам. Соответственно, данный аспект прорабатывается международным и национальным экспертным сообществом особо, в частности такие вопросы, направленные на обеспечение информационной безопасности, как распределение ответственности между операторами.

Разрешение юрисдикционных вопросов и определение критериев для установления права, подлежащего к применению относительно формирующихся правоотношений, также существенно, поскольку правоотношения по использованию облачных вычислений зачастую осложнены иностранным элементом. Критично встают и аспекты правового регулирования трансграничной передачи данных с использованием облачных вычислений.

3. Проблемы государственного и правового регулирования криптовалют и технологии блокчейн. Вопрос о режиме правового регулирования криптовалютных отношений и использования технологии

блокчейн не закрыт большинством национальных регуляторов практически, а сами отношения формируются в правовом вакууме (за некоторым исключением, например, в Японии данная деятельность уже урегулирована законодательно). Разрешения требует ряд ключевых юридических сложностей, возникающих при использовании технологии блокчейн, в том числе: правовые характеристики виртуальных валют, лицензирование деятельности криптовалютных организаций, налогообложение в данной сфере, а также обеспечение соблюдения законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Анализ тенденций государственного регулирования в различных государствах позволяет заключить, что в основном цифровая валюта не квалифицируется в качестве финансового продукта, но признается альтернативой валютам разных стран. То есть, так называемая криптовалюта не является деньгами и валютой и не подпадает под действие финансового законодательства [6, с. 106–107]. Деятельность криптовалютных организаций предлагается лицензировать только при осуществлении ими обменных операций (то есть в случае обращения объектов финансового законодательства), но не предоставлении услуг по использованию криптовалютных кошельков. Интересна позиция Европейского суда, вынесшего в ноябре 2015 года, решение, в соответствии с которым операции по купле и продаже Bitcoin за традиционные валюты не облагаются налогом на добавленную стоимость. В некоторых странах уже возникают проблемы с двойным налогообложением, например, при обмене денег на криптовалюты (*Goods and Services Tax*) и при оплате ими товаров и услуг. Поэтому отдельные регуляторы высказывают мнение о необходимости признания сделок по покупке товаров и услуг за криптовалюты в качестве бартерных договоренностей. Подчеркнем, что по каждому из вопросов не достигнуто однозначной позиции. В частности, в США криптовалюта рассматривается различными регуляторами как аналог валюты/денег, как собственность (*property*) и как биржевые товары. Стоит согласиться с мнением, что государственное регулирование оборота криптовалют должно осуществляться только при условии надлежащего анализа и достижения полного понимания специфики деятельности в данной сфере, а также возможных угроз и сложностей. Пока какая-либо потенциальная польза от урегулирования криптовалютной деятельности является сомнительной, а также тот факт, что она превысит затраты при своей реализации и даже возможный ущерб. Данное утверждение актуально относительно любого опережающего регулирования в сфере цифровой экономики. Также особенно преломляются аспекты ответственности вовлеченных в правоотношения субъектов и правосубъектности в целом.

4. Наиболее практичным представляется вопрос распределения юридической ответственности между пользователями устройств, оснащенных технологиями искусственного интеллекта, их производителями и, в некоторых случаях, страховыми компаниями (в частности, в сфере транспорта). Учитывая, что в рамках реализации задач искусственным интеллектом информация не представляется в человекочитаемом формате, возникает риск серьезных последствий для защиты данных, поскольку это означает, что у субъектов отношений может не быть надлежащей информации о том, как данные используются, какие решения принимаются, что в очередной раз поднимает вопрос регулирования автоматизированной обработки данных.

Таким образом, наиболее очевидной задачей на данном этапе экономического развития для нашей страны является достижение единого и целостного видения системы правовых проблем, возникающих при использовании современных цифровых технологий, согласованного понимания представителями частного и публичного секторов того, какие вопросы должны стать предметом государственногорегулирования, в какой форме и на базе каких подходов. Требуется осознание того, какие аспекты и вопросы необходимо разрешить на международном уровне, какие на национальном; какие на законодательном уровне, а какие могут получить развитие на уровне саморегулирования. Также должно быть сформировано понимание, насколько масштабными должны стать законодательные изменения и где достаточны точечные изменения в законодательстве. Иностранный опыт свидетельствует о важности привлечения гражданского общества и бизнеса к нормотворчеству и разработке мер государственного регулирования в сфере цифровой экономики, что служит достижению баланса и максимальному учету интересов участников правоотношений. В случае реализации государством грамотного и системного подхода в правовом регулировании информационных правоотношений оно может взять на себя функцию по синхронизации, оптимизации и обеспечению безопасности реализуемых в цифровом экономическом сообществе операций, что действительно значимо, как показывают проведенные в рамках данной работы исследования.

Список источников

1. *Авдеева И. Л.*, *Головина Т. А.*, *Парахина Л. В.* Развитие цифровых технологий в экономике и управлении: российский и зарубежный опыт // Вопросы управления. — 2017. — № 6 (49). — С. 50–56.

2. *Бренделева Е. А.* Институциональная среда цифровой экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2017. — Т. 5. — № 11. — С. 71–76.

3. *Варнавский В. Г.* Цифровые технологии и рост мировой экономики // Друкеровский вестник. — 2015. — № 3 (7). — С. 73–80.

4. *Вертакова Ю. В.* Роль университетов в процессах цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. — 2018. — № 7 (153). –С. 54–64.

5. *Головина Т. А.*, *Полянин А. В.*, *Рудакова О. В.* Развитие системы государственного стратегического управления предпринимательскими структурами на базе возможностей новой модели цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2017. — № 2. — С. 13–18.

6. *Докукина И. А.* Особенности формирования децентрализованной системы управления данными в медицинских учреждениях на основе технологии блокчейн // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2018. — № 3. — С. 106–112.

7. *Евтянова Д. В.* Критерии создания цифровых платформ управления экономикой // Экономические системы. — 2017. — Т. 10. — № 3 (38). — С. 54–57.

8. *Юдина Т. Н.* Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. — 2016. — № 3 (33). — С. 12–16.

Епанешникова Д. С.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ [1]

В статье рассмотрены причины возникновения и подходы к формированию понятия «импортозамещение». Определены инструменты государственного стимулирования внутреннего производства. Рассмотрены реальные шаги Правительства РФ для формирования полноценного механизма импортозамещения.

Ключевые слова: импортозамещение, теория импортозамещения, санкции, экономическая безопасность, промышленная политика

В связи с событиями 2014 г в Крыму и на востоке Украины против России, некоторых российских организаций и физических лиц были введены ограничительные политические и экономические меры — санкции. Инициаторами введения санкций были США и государства Евросоюза, также к ним присоединились Канада, Австралия, Япония, Норвегия, Швейцария и другие страны. Первый пакет санкций был введен после того, как Россия признала итоги референдума, результатом которого стало провозглашение независимости Республики Крым и вхождение ее в состав России. Санкции носят сложный системный характер, они охватывают широкий спектр взаимоотношений России и Запада. Ограничения вводятся постепенно все новыми пакетами, чем увеличивают эффект воздействия на российскую экономику. Санкции серьезно затронули финансовый сектор, что привело к значительному удорожанию стоимости и уменьшению сроков предоставления заемных средств. Для многих доступ к мировому финансовому рынку стал полностью закрыт. Кредитным организациям запрещено предоставлять финансирование российским банкам на срок свыше 14 календарных дней, покупать их акции и имущество (в том числе доли в других компаниях). В список вошли крупнейшие банки РФ: АО «Газпромбанк»; АО «Россельхозбанк»; ПАО «Банк ВТБ»; ПАО «ВТБ 24»; ПАО «Сбербанк России» и др [2].

Под санкции также попали представители отраслей промышленности и ОПК. Значительный ущерб ощутила нефтегазовая отрасль. В Россию запрещено поставлять технологии и оборудование для добычи нефти на глубоководье и на сланцевых месторождениях. Запрещены поставки морских нефтедобывающих платформ и электроники для них, бурового оборудования, электрических насосов. По данным Минэнерго, под запрет подпало 68 % импортируемого нефтегазовыми компаниями оборудования [3].

Все вышеперечисленное привело к принятию Правительством Российской Федерации ответных мер, которые заключались, например, в запрете поставок на территорию страны определенного ассортимента товаров: это мясо крупного рогатого скота, свинина, мясо и субпродукты домашней птицы, соленое, сушеное и копченое мясо, колбасы; рыба, молоко и молочная продукция; овощи, фрукты и др. [4] Данные меры должны явиться своеобразным стимулом к увеличению внутреннего производства. В результате сложившейся социально-экономической обстановки руководством страны были определены приоритеты политики импортозамещения для выхода страны из кризиса и обеспечения экономической безопасности России.

В литературе встречаются различные трактовки такого термина, как «импортозамещение». На сегодняшний день существует несколько вариантов его определений. Зачастую они сводятся к замене (постепенной, частичной или полной) определенных импортных товаров и услуг на аналоги отечественного производства. В формулировки могут добавляться пункты об экономической целесообразности или, например, о более привлекательных потребительских свойствах [3]; об улучшенном качестве отечественных товаров [6].

Импортозамещение рассматривают как тип экономической стратегии или часть протекционистской политики государства [8, с. 6], а также как одну из фаз открытости и закрытости экономики [5]. Понятие импортозамещения рассматривается и в контексте процессов мирового преобразования экономики [2]. Импортозамещение представляется как важный фактор финансовой и продовольственной безопасности территории, когда нарастающий объем импорта начинает создавать угрозу экономической безопасности [4] Отмечается, что политика импортозамещения характерна для стран с догоняющим типом развития [1].

---

[1] © Епанешникова Д. С. Текст. 2019.

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019–2021 гг.

[2] Сервис для оценки финансового состояния российских банков [Электронный ресурс]. URL: https://risk-monitoring.ru/?action=article&title=US_sanctions (дата обращения 09.02.2019).

[3] Ольга Мордюшенко. Буровая угроза // Комерсант газ [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2811635.

[4] Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/1367515.

Исследователи сходятся во мнении, что для сохранения экономической безопасности необходимо в стратегически важных отраслях заниматься эффективным импортозамещением [4, 7]. Целесообразно рассмотреть отрасли, которые стратегически влияют на благосостояние, безопасность личности и территории. Исходя из вклада в доходы бюджета, специализации территории, продовольственной и демографической безопасности выбраны следующие отрасли, для которых в дальнейшем будут разработаны методологические подходы к оценке эффективности импортозамещения:

— нефтегазовый сектор (добыча и переработка углеводородов);
— промышленность (тяжелая и цветная металлургия, машиностроение);
— фармацевтическая промышленность и производство медицинского оборудования;
— агропромышленная отрасль (сельское хозяйство и производство продуктов питания).

У государства имеются следующие инструменты для регулирования импорта в зависимости от целей, которые оно перед собой ставит.

1. Финансовые инструменты:
— Тарифные и нетарифные ограничения импорта.
— Снижение курса национальной валюты [5].
— Амнистия капитала.

Амнистия капитала действует до 1 марта 2019 г. Частные лица освобождаются от ответственности за ряд правонарушений экономического, валютного и налогового законодательства. Еще на один год продлевается амнистия капитала для граждан, которые переводят свои денежные средства в Россию, а также для тех компаний, которые возвращаются в российскую юрисдикцию и регистрируют свой бизнес в специальных административных районах, с особыми правовыми условиями. Такие районы созданы на острове Октябрьский в Калининграде и на острове Русский во Владивостоке. Так же на один год граждане освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц с прибыли контролируемых ими иностранных компаний, при условии, что в 2019 году они станут налоговыми резидентами Российской Федерации[5].

2. Инструменты стимулирования экспорта отечественной продукции:
— Снижение курса национальной валюты.
— Налоговые льготы для экспортеров (НДС 0 %).

Налоговые льготы уже реализованы, например, при создании Таможенного союза — ЕАЭС. Существует опасность того, что производители будут стремиться к поставке только сырья и полуфабрикатов на внешний рынок.

3. Инвестиционные инструменты стимулирования внутреннего производства:
— Прямые или косвенные государственные инвестиции.
— Снижение процентной ставки.
— Создание территорий опережающего развития[6] и особых экономических зон. Первые создаются под конкретных инвесторов с целью привлечения инвестиций и ускоренного экономического роста территории. В Свердловской (Новоуральск, Краснотурьинск), Челябинской (Бакал, Верхний Уфалей, Озерск, Снежинск) и Курганской (Варгаши, Далматово, Катайск) областях созданы территории опережающего развития[7].

Государство поставило задачу снизить импортозависимость до 50 % и ниже в 22 отраслях промышленности. Для решения этой задачи впервые был выбран путь составления отраслевых планов импортозамещения. На сегодняшний день правительством выделено 280 млрд рублей для реализации 800 проектов. Полагается, что к 2020 году объем выручки от реализации проектов составит более 500 млрд руб. (3,29 % от запланированных доходов бюджета РФ на 2018 г). Стоит отметить, что для составления перечней продукции, доля импорта в которых должна снизиться, кроме экспертных оценок учитывались и незагруженные промышленные мощности, для которых существует возможность быстрого ввода в строй. Тем самым планируется снизить уровень импорта в производстве определенной продукции [7].

На сегодняшний день можно говорить об успешно проведенной политике импортозамещения в агропромышленной отрасли.

В таблице 1 указаны доли импорта отдельных товаров за период 2014–2018 гг. Из нее видно, что в стратегически важном для государства производстве продовольственной продукции доля импорта значительно сократилась, в потреблении мяса птицы и свинины больше, чем в два и три раза соответственно.

---

[5] Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/news/1257911.

[6] Справочно-правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/dafde52f222ecb12c317b90d7460005696c05d73/

[7] Справочно-правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293862.

Таблица 1

Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах в 2014–2018 гг.*

Вид товара	2014	2015	2016	2017	2018
	январь-сентябрь	январь-сентябрь	январь-сентябрь	январь-сентябрь	январь-сентябрь
Мясо и птица, включая субпродукты	19,6	13,4	11,0	10,5	7,7
Говядина, включая субпродукты	59,1	50,3	43,5	44,6	45,1
Свинина, включая субпродукты	17,0	12,3	9,6	9,9	2,0
Мясо птицы, включая субпродукты	9,8	5,7	4,9	4,5	4,2
Изделия колбасные	2,4	1,2	1,5	1,6	1,6
Масла животные	35,7	25,8	24,8	27,0	17,9
Сыры	40,6	23,0	29,6	27,1	27,7
Мука	1,0	0,6	2,1	1,5	0,9
Крупа	0,6	0,3	0,2	0,2	0,4
Растительные масла	14,0	17,5	17,2	14,8	17,9
Сухие молоко и сливки	45,2	56,4	59,8	54,2	34,5

* Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/import-zam/3–8.xls (дата обращения 09.02.2019).

Таблица 2

Ресурсы и использование мяса и мясопродуктов за 2013–2017 гг. в Российской Федерации, тыс. т*

Год	Ресурсы				Использование				
	Запасы на начало года	Производство	Ввоз, включая импорт*)	Итого ресурсов*)	Производственное потребление	Потери	Вывоз включая экспорт*)	Личное потребление	Запасы на конец года
2013	838,0	8544,5	2480,0	11862,5	50,9	18,6	117,2	10812,0	863,8
2014	870,0	9070,4	1952,1	11892,5	56,0	18,2	135,3	10875,7	807,3
2015	807,3	9565,0	1359,6	11731,9	46,7	17,9	143,3	10712,0	812,0
2016	812,0	9899,4	1246,4	11957,8	49,4	17,1	236,2	10850,8	804,3
2017	804,3	10323,1	1103,1	12230,5	32,7	15,6	307,4	11012,8	862,0

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1286360627828 (дата обращения 09.02.2019).

Фактором, подтверждающим эффективность принятых мер, является то, что за период 2013–2017 гг. потребление мяса и мясопродуктов в РФ остается на одном уровне. Вместе с этим увеличиваются производство и экспорт мяса и мясопродуктов при одновременном падении импорта, что проиллюстрировано в таблице 2. Стоит отметить, что сельское хозяйство все же остается зависимым от импорта продукции. Например, зависимость отечественных аграриев от поставок импортных семян достигает 90 %[8]. Большой объем крупного рогатого скота и сельскохозяйственной птицы также поступает в Россию из-за рубежа[9].

Существуют и противоположные мнения об импортозамещении. Основным моментом в критике является то, что политика самообеспечения противоречит трендам развития мировой экономики, которые заключаются в международном разделении труда и отказе от государственного регулирования рынка. Политика импортозамещения ведет к снижению экспорта, уменьшению ВВП и внутреннего спроса [5].

На сегодняшний момент в политике импортозамещения РФ одной из основных видится опасность в том, что замещение европейских товаров происходит не на отечественную продукцию, а на продукцию из Китая и других стран Юго-Восточной Азии (европозамещение).

На фоне отсутствия или удорожания европейских и российских товаров доля импорта продукции, например из Китая, выросла (табл. 3). По данным за 2018 год виден сильный провал в российском импорте, данные неокончательны и будут дополняться. В дальнейшем предстоит изучить причину роста импорта продукции из Китая. Стал ли рост следствием санкционной политики или политики импортозамещения? Возможно, он обусловлен слабым внутренним спросом. Эти же причины могут вызвать и снижение импорта из основных стран-импортеров. Целесообразно исследовать рост доли импорта продукции из США — основного инициатора введения санкций против РФ.

Можно констатировать, что в условиях сложившейся экономико-политической ситуации вокруг РФ остро стоит вопрос развития эффективного импортозамещения. У государства есть механизмы

[8] Информационный портал [Электронный ресурс]. URL: https://gorod55.ru/article/tilda/15–05–2017/chto-my-edim-selskoe-hozyaystvo-rf-na-90-zavisit-ot-importa-45eff018–8d09–4dd6-b119–6e88d479465f.

[9] Агропромышленный портал [Электронный ресурс]. URL: https://www.agroxxi.ru/zhivotnovodstvo/intervyu/plemennoi-skot-v-rossii.html.

Таблица 3

Динамика мирового импорта и основных стран-партнеров в Россию, млрд долл. США и в % к общемировому (2013–2018 гг.)*

Страна	2013		2014		2015		2016		2017		2018	
Весь мир	315,30	100,0, %	287,10	100,0, %	182,90	100,0, %	179,80	100,0, %	227,70	100,0, %	95,20	100,0, %
Китай	53,10	16,8	50,80	17,7	34,90	19,1	37,80	21,0	48,10	21,1	19,60	20,6
Германия	37,90	12,0	33,00	11,5	20,40	11,2	19,20	10,7	24,20	10,6	10,40	10,9
США	16,50	5,2	18,50	6,4	11,50	6,3	10,50	5,8	12,60	5,5	5,17	5,4
Беларусь	14,30	4,5	12,70	4,4	9,01	4,9	9,60	5,3	12,00	5,3	4,99	5,2
Италия	14,60	4,6	12,70	4,4	8,32	4,5	7,68	4,3	10,10	4,4	4,07	4,3
Франция	13,00	4,1	10,60	3,7	5,92	3,2	8,43	4,7	9,63	4,2	4,24	4,5

* Составлено автором по данным сайта База данных экспорта и импорта России (ВЭД) [Электронный ресурс]. URL: http://ru-stat.com (дата обращения 10.02.2019).

регулирования и поддержки импортозамещающей промышленности, которые активно используются. Создаются взаимовыгодные условия развития финансовой, экономической (производственной) систем. Импортозамещение является стимулом модернизации и введения основных фондов, платформой для создания рабочих мест и повышения благосостояния граждан, развития бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности регионов.

Проведенные исследования показывают необходимость разработки методологических подходов к оценке эффективности импортозамещения, создания маркеров и индикаторов, описывающих этапы и граничные условия реализации проектов.

Список источников

1. *Анимица Е. Г.*, *Анимица П. Е.*, *Глумов А. А.* Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты// Экономика региона. — 2015. — № 3. — С.160–172.

2. *Васильева Л. В.* Подходы к оценке потенциала импортозамещения // Апробация. — 2016. — № 11. — С. 98–101.

3. *Ершов А. Ю.* Формирование импортозамещающей стратегии // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 8 (часть 2). — С. 374–379.

4. *Копеин В. В.*, *Филимонова Е. А.* Импортозамещение как новый элемент в системе продовольственной и экономической безопасности //Российское предпринимательство. — 2015. — № 18 (т. 16). — С. 2947–2956.

5. *Котованов М. В.* Сущность и долгосрочные последствия импортозамещения // Экономика и управление. — 2018. — № 9 (106). — С. 60–68.

6. *Лукьянчук Е.* Импортозамещение: зарубежный опыт // Еженедельник АПТЕКА. — 18.04.2011. — № 786 (15). — С. 19–20.

7. *Мантуров Д. В.*, *Никитин Г. С.*, *Осьмаков В. С.* Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики — 2016. — № 9 — С. 40–49.

8. *Старовойтова О. В.* Импортозамещение в условиях малой открытости экономики: автореф. дис. …канд. экон. наук. — Минск, 2011. — 23 с.

Журавлев Д. М., к. э. н.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

АЛГОРИТМ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА [1]

Целью организационно-экономического механизма региона являются динамический рост финансового, человеческого, инновационного, производственного, социального потенциалов, концентрация ресурсов на тех направлениях развития, которые дают максимальный эффект в заданных временных интервалах. Рассматриваются вопросы создания организационно-экономического механизма устойчивого развития социально-экономической системы региона как совокупности форм, методов и технологий, отражающих особенности и специфику взаимоотношений и связей, задающих критерии конкурентоспособности, а также как комплекс взаимосвязанных организационных, технических, экономических и информационных мер.

Ключевые слова: механизм, обеспечение, алгоритм, экономика, развитие, устойчивость, баланс

Роль государства в части решения задач выравнивания социально-экономического пространства и создания относительно равных условий проживания и обеспеченности граждан состоит в формировании необходимой для этого правовой и институциональной основы, в том числе определении требований к региональной экономической системе.

Для региональной экономической системы, рассматриваемой с точки зрения достижения ею максимального эффекта в направлении устойчивого развития, установленные требования являются обязательными, но не достаточными.

Сущность социально-экономических методов управления заключается в организации воздействия на экономические и социальные интересы объектов управления, таким образом, чтобы создать эффективно функционирующую систему управления устойчивым развитием.

К социально-экономическим методам воздействия можно отнести:

1. Ключевые показатели эффективности — инструментарий, позволяющий количественно измерить поставленные цели.

2. Система мотивации. Использование методов стимулирования как способа согласования различных интересов в процессе разработки и реализации стратегии устойчивого развития является составной частью управления экономикой на различных уровнях общественной структуры [1, 3, с. 131].

3. Баланс интересов хозяйствующих субъектов обеспечивается через согласование интересов, выраженных набором индикаторов, адекватно отражающих развитие ситуации в долгосрочной перспективе. В такой постановке интересы хозяйствующих субъектов определяют процесс формирования основных направлений стратегии [4, 9].

4. Публичность. Доступность информации определяется наличием достаточного числа каналов ее получения и верификации, что является важным критерием достоверности и полезности информации для процессов развития и функционирования реального сектора экономики.

Административные методы управления включают в себя следующие:

1. Система отчетности. Обусловлена потребностью создать устойчивую организационную деятельность, наладить процесс подготовки отчетной информации, поставить цели в области устойчивого развития и позитивно влиять на изменения в производстве и социальной сфере. Отчеты по устойчивому развитию являются базовой платформой для отражения положительных и отрицательных сторон организационной деятельности, а также для сбора информации, которая может оказать влияние на региональную политику и стратегию. Развитие системы отчетности определяется принципами и требованиями международных Стандартов отчетности в области устойчивого развития Глобальной инициативы по отчетности (GRI Standards) [8].

2. Мониторинг устойчивого развития представляет собой систему наблюдений за параметрами устойчивого развития социально-экономической системы региона и формирования прогноза их изменения под воздействием внешних и внутренних факторов. Включает в себя организационные властные структуры управления, общественные организации, соответствующее правовое, методическое и информационное обеспечение.

3. Система ответственности. Означает наличие специализированной организационной структуры, ответственной за разработку положений о подразделениях, установление прав и обязанностей руководящих работников, составление должностных инструкций исполнителей, установление материальной ответственности, принятие и доведение до исполнителей приказов и распоряжений, организацию работ по контролю их исполнения.

Функционирование организационно-экономического механизма устойчивого развития социально-экономической системы региона основано на следующих принципах [2, 5, 7]:

[1] © Журавлев Д. Н. Текст. 2019.

— принцип пропорциональности и сбалансированности, реализуется через обеспечение соответствия функционирования секторов экономики общественного производства и через оптимальное удовлетворение общества, направлен на поддержание материально-вещественных и стоимостных пропорций;

— принцип эффективности предполагает, что система управления должна быть экономически целесообразной, то есть расходы на ее создание и поддержку функционирования должны быть оправданы прямыми доходами или снижением издержек;

— принцип управляемости означает, что любые обоснованные и экономически оправданные прямые и косвенные воздействия субъекта управления на объект управления находят положительный отклик, то есть реализуются в полном объеме и в заданные сроки;

— принцип доступности информации основан на том, что для исполнения принятых решений объект управления должен обладать всей доступной информацией о событиях, возможных методах и путях реализации управляющих воздействий;

— принцип сопоставимости означает, что оценка эффективности организационно-экономического механизма управления и управленческих воздействий осуществляется внутри одного объекта управления.

К функциям организационно-экономического механизма устойчивого развития региона относятся следующие:

1. Прогнозирование и планирование. Разработка вариантов комплексного социально-экономического развития региона, обоснование и выбор варианта, наиболее отвечающего критериям устойчивости, анализ и формирование данных для выработки экономической и социальной политики, принятия соответствующих управленческих решений.

2. Развитие инфраструктуры. Под инфраструктурой понимается система жизнеобеспечения и жизнедеятельности региона, формирующая необходимые и достаточные условия для развития инновационной экономики, для функционирования производства, для создания условий деятельности научно-производственных структур, трансфера технологий и т. п.

3. Поддержка цифровых платформ. Стимулирование развития цифровых платформ происходит в направлениях: унификация стандартов и правил защиты данных; упрощение трансграничного обмена данными; содействие международной электронной торговле; инвестирование в цифровую инфраструктуру. Цифровые платформы изменяют экономику ведения бизнеса, они позволяют формировать рынки и сообщества пользователей в глобальном масштабе, предоставляя хозяйствующим субъектам практически неограниченную базу потенциальных клиентов и эффективные способы связи с ними [6].

4. Внедрение инноваций и новых форм ведения бизнеса. Экономика знаний и инноваций предоставляет новые технологические возможности и нестандартные формы ведения бизнеса, основанные на способности управляющего центра спрогнозировать перспективные тренды, выделить возможные сферы применения инноваций, сформировать новые потребности у потенциальных потребителей.

Задачами мониторинга устойчивого социально-экономического развития экономики могут быть:

— системный анализ и оценка получаемой информации, определение источников, вызывающих те или иные отклонения социально-экономической системы в сторону ее неустойчивости;

— определение и изучение факторов, вызывающих экономические и социальные угрозы в настоящее время и в перспективе;

— обеспечение полученной в рамках мониторинга информацией всех заинтересованных органов управления, хозяйствующих субъектов, независимо от их форм собственности, граждан;

— формирование на основе полученной информации прогнозов и стратегий устойчивого социально-экономического развития территории;

— подготовка организационно-методических рекомендаций, направленных на поддержание позитивных и преодоление негативных тенденций.

С учетом особой важности и сложности мониторинга в системе управления региональной экономикой к этим процессам предъявляются дополнительные требования:

1. Актуальность. Предусматривает оперативный сбор, обработку и анализ информации, необходимой для принятия своевременных управленческих решений, обусловленных текущей социально-экономической ситуацией.

2. Достоверность. Предполагает использование верифицированной информацией, полученной из проверенных источников, прошедшей тестирование и наиболее полно отражающей состояние анализируемого явления и/или объекта.

3. Систематичность. Подразумевает непрерывное проведение процессов мониторинга в течение длительного срока с выделенными интервалами для сбора и обработки информации.

4. Комплексность — заключается в сборе всех доступных параметров, характеризующих состояние объекта и/или явления в динамике.

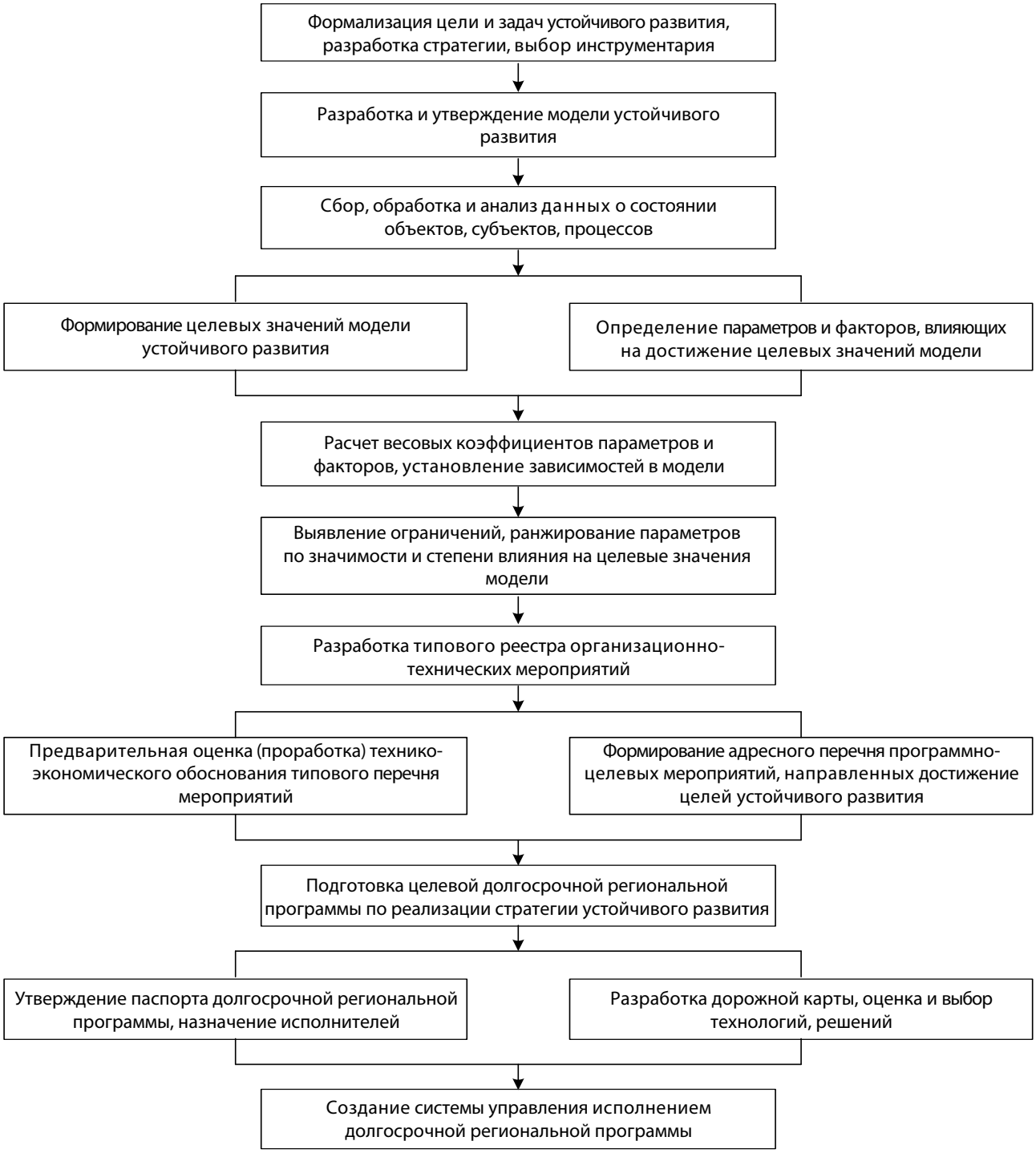


Рис. *Алгоритм реализации стратегии устойчивого развития социально-экономической системы региона*

5. Объективность. Процессы мониторинга, анализа, оценки и интерпретации данных должны быть независимы от воздействия субъективных факторов.

Для соответствия цели и задачам устойчивого развития региональный организационно-экономический механизм должен отвечать следующим требованиям:

— эффективность (результативность) — понесенные на функционирование организационно-экономического механизма материальные, финансовые, трудовые и прочие издержки должны полностью компенсироваться суммарным эффектом от его использования;

— интегрируемость — организационно-экономический механизм должен обладать способностью к бесшовной интеграции с другими системами и механизмами, при этом возникающие дополнительные расходы на синхронизацию должны компенсироваться синергетическим эффектом совместного действия;

— доступность — организационно-экономический механизм должен иметь относительно простую и понятную структуру, реализуемые в ограниченные сроки с умеренными издержками алгоритмы, иметь открытые интерфейсы взаимодействия.

Основные этапы реализации стратегии устойчивого развития социально-экономической системы региона представлены на рисунке.

Механизм реализации стратегии устойчивого развития социально-экономической системы региона включает в себя следующие основные составляющие:

— целевая модель прогнозного развития как система стратегического планирования;

— система сбора, верификации, обработки, хранения, анализа и визуализации данных;

— система разработки, оценки и обоснования комплекса организационно-технических мероприятий;

— система контроля исполнения принятых решений.

В свою очередь, на основе стратегии устойчивого развития разрабатываются краткосрочные и среднесрочные прогнозы развития, а также ежегодный план мероприятий и корректировочные действия, в зависимости от достигнутых результатов.

Региональная стратегия устойчивого развития должна учитывать интересы всех исполнителей и согласовываться с федеральными долгосрочными национальными программами, приоритетными проектами, концепциями.

Список источников

1. *Кондратов В. М.* Мировая экономика в условиях глобализации и регионализации // Актуальные вопросы экономики и управления в условиях модернизации современной России. — 2015. — С. 17–22.

2. *Мухин В. И.* Исследование систем управления: учебник. — М.: Экзамен, 2002. — 384 с.

3. *Растеряева Т. В.* Стимулирующее воздействие стратегии в аспекте перспективных экономических интересов. Стратегическое планирование и развитие предприятий: тезисы докладов и сообщений восьмого Всероссийского симпозиума. Москва, 2007 / под ред. проф. Г. Б. Клейнера. — М.: ЦЭМИ РАН, 2007. — Т. 1.

4. *Чаадаев В. К.* Подготовка задачи имитационного моделирования бизнес-процесса // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2007. — № 1 (19). — С. 330–338.

5. *Чаадаев В. К.* Проектирование экспертных систем для реинжиниринга бизнес-процессов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2006. — № 2 (48). — С. 230–237.

6. *Чаадаева В. В.* Методология организационного развития и реинжиниринга // Управление экономикой: методы, модели, технологии / Тринадцатая Международная научная конференция: сборник научных трудов. — 2013. — С. 89–92.

7. *Шишкин Д. Г.* Сущность организационно-экономического механизма развития предпринимательских структур // Российское предпринимательство. — 2013. — № 2 (224). — С. 27–33.

8. *Parmenter D.* Key Performance Indicators: Developing, Implementing and Using Winning KPI's. — New Jersey, USA: John Wiley & Sons, inc., 2007. — 233 p.

9. Strengthening ties with the investment community [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalreporting.org/information/news-and-press-center/Pages/Strengthening-ties-with-the-investment-community.aspx (дата обращения: 25.01.2019).

Ковров Д. Ю.
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики РАН, г. Архангельск

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И СОГЛАСОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ [1]

В статье рассмотрены особенности действующей системы стратегического планирования в регионах, отнесенных к Арктической зоне РФ. Изучен процесс согласования региональных стратегий с федеральными документами стратегического планирования и его практическое применение в Арктике с учетом синхронизации региональных стратегий с федеральными приоритетами развития. По итогам статьи представлен вывод о степени согласованности региональных стратегий в Арктической зоне РФ на основе совокупности проанализированных факторов.

Ключевые слова: стратегическое планирование, Арктическая зона, стратегия социально-экономического развития, прогноз, согласование

В настоящее время перспективное развитие субъектов Российской Федерации регламентировано положениями Федерального закона № 172-ФЗ, на базе которого субъекты Российской Федерации формируют собственное региональное законодательство в данной сфере, а также региональные документы стратегического планирования. В статье рассмотрены особенности формирования стратегических документов в регионах, относящихся к Арктической зоне РФ. Данная территория, несмотря на суровые климатические условия, имеет существенный потенциал для развития в связи с богатыми запасами природных ресурсов, а также с выгодным географическим положением, которое в перспективе сможет стать глобальным, конкурентным транспортным коридором.

В Российской Федерации с 2014 года сформирован состав сухопутной территории Арктической зоны [2]. В перечень Арктической зоны полностью или частично входят 9 субъектов Российской Федерации.

В рамках закона № 172-ФЗ регионами разрабатываются документы на различных стадиях стратегического планирования — целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования. Наибольший интерес для изучения представляют документы целеполагания и прогнозирования, поскольку именно они содержат перспективное видение развития отдельных территорий. К указанным документам относятся стратегия социально-экономического развития субъекта РФ (стадия целеполагания), долгосрочный, среднесрочный и бюджетный прогнозы (стадия прогнозирования). В свою очередь стратегические документы, формируемые на стадии планирования и программирования (государственные программы, схема территориального планирования и план мероприятий по реализации стратегии), носят среднесрочный характер планирования в государственном управлении и применяются для осуществления текущей деятельности в регионах.

Рассмотрим более подробно действующие документы стратегического планирования в арктических регионах (табл. 1).

В исследовании проведен сплошной мониторинг регионов Арктической зоны в части наличия документов стратегического планирования на стадиях целеполагания и прогнозирования. По результатам анализа действующих документов можно констатировать, что во всех субъектах Арктической зоны есть собственные стратегии развития. Однако действующие стратегии имеют очень разнородный характер. Две трети стратегий были разработаны до принятия закона № 172-ФЗ. Также горизонт планирования у всех стратегий различен (рис.). 33 % стратегий сформированы до 2030 года и также 33 % стратегий сформированы до 2020 года.

При анализе согласованности по срокам реализации региональных стратегических документов выявляется слабая увязка документов между собой по срокам их реализации как внутри регионов, так и в межрегиональном разрезе (табл. 2).

У части субъектов отсутствует долгосрочный прогноз в открытом доступе (Красноярский край, НАО и Республика Карелия). Также у НАО не разработан и бюджетный прогноз. Вместе с тем долгосрочный прогноз у всех регионов разработан либо до 2030, либо до 2035 года. Необходимо еще отметить, что у всех регионов разработан среднесрочный прогноз, который в настоящее время действует до 2021 года. Данная тенденция обусловлена требованиями бюджетного законодательства, поскольку среднесрочные прогнозы разрабатываются регионами ежегодно для формирования региональных бюджетов на трехлетний период.

Внутри регионов все документы приведены к различным срокам планирования, что также свидетельствует об отсутствии согласованности по срокам. Частичное согласование отмечается в Архангельской и Мурманской областях, Красноярском крае, Республике Коми и Чукотском автономном округе, где 2

[1] © Ковров Д. Ю. Текст. 2019.

[2] О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 мая 2014 г. № 296 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70647984.

Таблица 1

Наличие документов стратегического планирования целеполагания и прогнозирования в арктических регионах

Наименование региона	Стратегия	Прогноз		
		Среднесрочный	Долгосрочный	Бюджетный
Архангельская область	•	•	•	•
Красноярский край	•	•		•
Мурманская область	•	•	•	•
Ненецкий автономный округ	•	•		
Республика Карелия	•	•		•
Республика Коми	•	•	•	•
Республика Саха (Якутия)	•	•	•	•
Чукотский автономный округ	•	•		•
Ямало-Ненецкий автономный округ	•	•	•	•

Таблица 2

Горизонт планирования региональных документов стратегического планирования, годы

Вид документа стратегического планирования	Архангельская область	Красноярский край	Мурманская область	Ненецкий автономный округ	Республика Карелия	Республика Коми	Республика Саха (Якутия)	Чукотский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ
Стратегия	2035	2030	2025	2030	2020	2020	2032	2030	2020
Долгосрочный прогноз	2035	—	2035	—	—	2030	2035	2030	2030
Бюджетный прогноз	2028	2030	2035	—	2030	2030	2030	2028	2028
Среднесрочный прогноз	2021	2021	2021	2021	2021	2021	2021	2021	2021

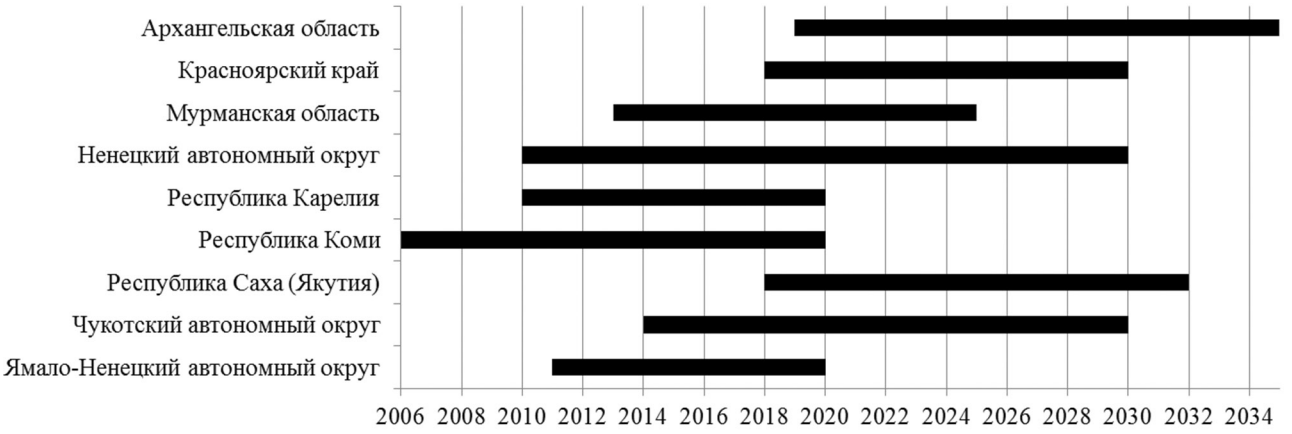


Рис. *Горизонт планирования региональных стратегий в Арктической зоне РФ*

из 3 документов долгосрочного стратегического планирования приведены к единому горизонту планирования. В Мурманской области и Республике Коми данная тенденция обусловлена актуализацией долгосрочного и бюджетного прогнозов для последующей пролонгации действующей региональной стратегии.

Для обеспечения согласованности региональных стратегий с федеральными документами стратегического планирования по предметам совместного ведения Правительством РФ сформированы соответствующие правила согласования. Сформированный проект региональной стратегии направляется в Минэкономразвития России, которое в дальнейшем направляет указанный проект всем федеральным органам власти для его рассмотрения на предмет соответствия курируемым стратегическим документам. Согласование осуществляется по приоритетам, целям, задачам и целевым показателям [3]. По результатам рассмотрения Минэкономразвития РФ направляет в регион консолидированный ответ с

[3] Об утверждении правил согласования проекта стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 14 октября 2016 г. № 1045. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205983/65b818c76939d8e1109e22522f8321cfbc66d63c/.

замечаниями ФОИВов либо при их отсутствии готовит положительное сводное заключение на проект стратегии.

Данная процедура согласования сформирована в конце 2016 года и активно применяется с 2017 года. Среди арктических регионов только 33 % действующих региональных стратегий прошли данную процедуру (Республика Саха (Якутия), Красноярский край и Архангельская область). Проекты стратегий Республики Коми, Ямало-Ненецкого автономного округа и Мурманской области в настоящее время проходят процедуру согласования с федеральными органами власти.

Указанная тенденция свидетельствует о выстраивании системной работы в субъектах Российской Федерации во взимоувязке с федеральными приоритетами развития. Дополнительным импульсом к согласованию стратегий является выход «майского» указа Президента России в 2018 году и Стратегии пространственного развития РФ в 2019 году, в соответствие с которыми регионы приводят собственные действующие стратегии.

В рамках исследования также важно изучить согласованность действующих стратегий с федеральными стратегическими документами, регулирующими развитие Арктической зоны РФ. В настоящее время к ним относятся:

1) основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу[4];

2) стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года[5];

3) государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ»[6].

В действующих региональных арктических стратегиях положения данных стратегических документов федерального уровня учитываются крайне неравномерно, в связи с чем наблюдается фрагментарная синхронизация федеральных и региональных документов стратегического планирования Арктической зоны РФ, в том числе:

— положения основ государственной политики РФ в Арктике учтены в стратегиях Архангельской области и Ненецкого автономного округа;

— положения стратегии развития Арктической зоны РФ учтены в Архангельской и Мурманской областях, а также в Красноярском крае;

— положения государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ» учены лишь в Ямало-Ненецком автономном округе.

Вместе с тем в 66 % региональных стратегий учтены различные направления развития Арктики и Арктической зоны, что свидетельствует об учете в региональных документах федеральных приоритетов развития. Вместе с тем необходимо отметить, что в стратегиях республик Карелия и Коми отсутствуют направления развития Арктической зоны, за исключением реализации совместных международных проектов и взаимодействия в целом в рамках Баренцева / Евро-Арктического региона и других международных и российских организаций в Арктике.

В части изучения состава целевых показателей, включенных в региональные стратегии, также можно отметить разнородный состав и различные горизонты их планирования. Методические рекомендации по формированию региональных стратегий были разработаны Минэкономразвития России лишь в 2017 году[7], а значит, что до этого времени регионам была предоставлена полная свобода в определении структуры стратегий и состава целевых показателей для определения ожидаемых результатов ее реализации.

В рамках исследования было выделено 5 показателей социально-экономического развития, которые наиболее часто встречались в региональных стратегиях с целью определения ключевых тенденций в развитии Арктической зоны Российской Федерации:

1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет (встречается в стратегиях ЯНАО, республик Карелия, Коми и Саха (Якутия), Мурманской области и Красноярского края);

2) среднегодовая численность населения, человек (встречается в стратегиях НАО, ЯНАО, Архангельской и Мурманской областей, Республике Карелия);

---

[4] Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: утверждены Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/info/18359.

[5] Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года: утверждена Президентом РФ 8 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561.

[6] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70644266.

[7] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации: Приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725.

3) рост реальной начисленной заработной платы относительно уровня 2011 года, процентов (встречается в стратегиях Республики Коми и Мурманской области);

4) уровень безработицы в среднем за год, процентов (встречается в стратегиях Мурманской области, республиках Карелия, Коми и Саха (Якутия), ЯНАО)

5) валовый региональный продукт на душу населения, тыс. рублей (встречается в стратегиях ЯНАО, НАО, Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей).

Необходимо отметить, что все выделенные показатели входят в примерный перечень показателей, рекомендуемых для включения в разделы стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Вместе с тем часть представленных показателей входит в состав показателей мониторинга оценки эффективности органов государственной власти субъектов РФ, а также в рамках исполнения «майских» указов Президента РФ 2012 года. Данная тенденция свидетельствует об учете федеральных нормативных документов, которые оценивают деятельность региональных властей по ключевым параметрам социально-экономического развития, и их влиянии на формирование ожидаемых результатов реализации региональных стратегий.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в настоящее время действующие региональные системы стратегического планирования в Арктической зоне РФ слабо согласованы как внутри регионов, так и в межрегиональном разрезе, что затрудняет работу по масштабному развитию Арктического макрорегиона. Вместе с тем, необходимо отметить работу Минэкономразвития России в части систематизации деятельности региональных властей в сфере стратегического планирования для осуществления согласованной работы, отсутствия дисбалансов и соблюдения принципа согласованности и сбалансированности стратегического планирования.

Орешкина Т. А., к. социол. н., Одегов А. С.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА [1]

В статье представлены результаты изучения экологического сознания населения Екатеринбурга как результата суммарного воздействия субъектов социального управления. На основе результатов эмпирических исследований, таких как анкетирование населения и полуформализованные интервью с представителями органов государственного и муниципального управления, строится модель социального управления экологическим сознанием горожан. Изучаются механизмы влияния субъектов социального управления в сфере охраны окружающей среды на территории городского округа на экологическое сознание его населения. Показано, что возможности органов муниципальной власти (исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований) по защите экологических интересов местного сообщества год от года сокращаются. Сформулированы рекомендации по совершенствованию экологической политики в муниципальном образовании.

Ключевые слова: экологическое сознание, экологическая политика, окружающая среда, муниципальное управление, Свердловская область

В массовом сознании общества не находит свое отражение реальный масштаб экологического кризиса, обусловленного нерациональной деятельностью человека. Возникшее противоречие явилось поводом к исследованию экологической проблематики, в частности, различных аспектов формирования экологического сознания населения [2]. В социальных науках понятие «экологическое сознание» появилось в 1970–80-е гг. Впервые этот термин можно было встретить в научных работах Э.В. Гирусова, В.И. Медведева, А.А. Алдашевой, А.И. Салтовского, Н.Н. Киселева, С.Д. Дерябо и др. [3]. Авторы попытались осмыслить феномен экологического сознания и дать ему определение с позиции философско-методологического подхода. Опережая события, хочется сказать, что единой, общепринятой дефиниции экологического сознания не существует до сих пор.

В основе анализа экологического сознания населения в рамках социального управления лежат теоретические разработки Т.М. Дридзе и А.В. Тихонова [2; 3], которые рассматривают управление как субъект-объектные и субъект-субъектные отношения. Социальное управление принципиальным образом отличается от процессов управления техническими системами в силу того, что как субъектом, так и объектом социального управления являются люди, из чего вытекают особые, специфические субъектно-субъектные отношения в управлении социальными отношениями. Социальное управление является инструментом обеспечения социальных изменений в обществе, однако в одних случаях оно становится фактором развития, а в других деградации. То есть направление социальных изменений определяется отдельными акторами, и эти цели не обязательно направлены на развитие социума.

Каждый социальный актор обладает собственными интересами, и в сфере природопользования особенно явно виден конфликт между сиюминутными экономическими интересами финансово-промышленных групп и устойчивым развитием эколого-экономических систем социума. Целью исследования является определение роли муниципальных органов власти (городской администрации) в процессе формирования экологического сознания населения.

Эмпирической базой исследования послужили анкетный онлайн-опрос жителей Екатеринбурга ($N = 400$, стихийная выборка) и полуформализованные интервью с государственными и муниципальными служащими ($N = 4$) [4]. Для разработки инструментов исследования сформулированы следующие индикаторы экологического сознания:

1. Озабоченность состоянием окружающей среды.
2. Оценка состояния окружающей среды.
3. Оценка изменения в окружающей среде за последнее десятилетие и в ближайшее десятилетие.

---

[1] © Орешкина Т. А., Одегов А. С. Текст. 2019.

[2] Социальная экология: учебное пособие, Т. А. Орешкина, В. А. Коняшкин, Е. А. Купрессова; М-во образования и науки Российской Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 61.

[3] Гирусов Э. В. Экологическое сознание как условие оптимизации взаимодействия общества и природы // Философские проблемы глобальной экологии. — М., 1983, 108 с.; Медведев В. И., Алдашева А. А. Экологическое сознание: учеб. пособие. — М.: Логос, 2001. — 384 с.; Дерябо С. Д. Экологическая педагогика и психология: учебник для вузов / Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. — 480 с.

[4] Эксперт 1, эколог, директор федерального государственного бюджетного учреждения, женщина, 52 года. Эксперт 2, ведущий специалист комитета по экологии и природопользованию, женщина, 24 года, Эксперт 3, заместитель председателя комитета по экологии и природопользованию, женщина, 39 лет, Эксперт 4, Заместитель министра энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Свердловской области, мужчина, 42 года.

Таблица 1

Удовлетворенность жителей Екатеринбурга природоохранной деятельностью органов государственной и муниципальной власти

Вариант ответа	Количество ответивших	Процент ответивших
Полностью удовлетворен	0	0
Скорее удовлетворен	43	10,8
Скорее не удовлетворен	178	44,5
Полностью не удовлетворен	96	24
Затрудняюсь ответить	83	20,8
Всего	400	100

4. Оценка ответственности различных социальных групп за ухудшение состояния окружающей среды.

5. Готовность к личному участию в деятельности ради улучшения окружающей среды.

Каждый индикатор экологического сознания анализировался с помощью отдельного блока вопросов анкеты и гайда экспертного интервью. Как показывает анализ результатов социологического опроса, население Екатеринбурга в целом не удовлетворено состоянием окружающей среды в городе. Екатеринбуржцы четко понимают наличие спектра экологических проблем в городе. Качество атмосферного воздуха на «отлично» оценили только 1,3 % опрошенных, «хорошо» поставили 10,8 %, «удовлетворительно» 51 %, «плохо» 27,5 %, «очень плохо» 9,5 %. Еще хуже, по мнению респондентов, ситуация обстоит с качеством водоемов Екатеринбурга: 42,5 % оценивают реки и пруды города на «2» по пятибалльной шкале, более четверти — на «1». Качество питьевой воды также оставляет желать лучшего, чуть более 12 % опрошенных ставят положительную оценку питьевой воде, треть граждан оценивают ее на «3», остальные на 2 и 1 балл. Граждане выражают высокую степень обеспокоенности состоянием окружающей среды, причем в динамике доля обеспокоенных граждан увеличивается [1].

Результаты показали крайне низкую степень удовлетворенности граждан деятельностью муниципальных и государственных органов (табл. 1). Доля респондентов, которые скорее удовлетворены, составляет 10,8 %. Полностью удовлетворенных не оказалось. 68,5 % опрошенных считают деятельность экологических органов малоэффективной.

Ключевым моментом, определяющим уровень экологического сознания, является заинтересованность жителей участвовать в деятельности по защите и охране окружающей среды. У жителей Екатеринбурга есть осознание личной ответственности за сложившуюся экологическую ситуацию и дальнейшее ее изменение. Граждане готовы принимать участие в озеленении и уборке территорий, сортировать мусор и даже вступать в общественные экологические организации. Однако существует противоречие между готовностью населения к участию в сохранении природной среды, поиску путей экологизации образа жизни и фактической низкой результативностью реальных действий. В среднем только 10 % лично участвуют в облагораживании городской среды тем или иным способом. Около 40 % респондентов уверены, что готовы участвовать в сохранении природной среды, но по определенным, неизвестным нам причинам, остаются непричастными к экологической деятельности.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом преодолеть существующее противотечение между стремлением людей к экологической деятельности и реально низким процентом привлеченного населения. Помимо создания условий и инфраструктуры для улучшения качества окружающей среды, как в случае с сортировкой бытового мусора, муниципальным властям и общественным экологическим движениям необходимо правильно организовать информирование граждан, а также более тесно и напрямую взаимодействовать с гражданами, регулярно проводить совместно разработанные мероприятия, следуя муниципальной экологической повестке, и используя механизмы соучаствующего проектирования городского пространства. Низкая степень доверия жителей к органам муниципальной власти не создает благоприятную почту для совместной реализации муниципальной экологической политики, это необходимо учитывать при планировании информационной деятельности.

Результаты экспертных опросов показывают, что в органах муниципальной власти, городских администрациях и органах государственной власти нет единого мнения о стратегии взаимодействия с населением по экологической проблематике. Точкой пересечения экологических интересов сегодня, отметили все эксперты, является новая схема по обращению с твердыми коммунальными отходами (ТКО). С января 2019 года в России изменилась схема управления ТКО, порядок взимания платы за вывоз и утилизацию отходов, увеличился размер платы для населения за эти услуги. Ключевым моментом является передача вопросов в сфере обращения с ТКО с муниципального уровня на региональный посредством создания региональных операторов по вывозу мусора. Первый месяц работы по новой схеме выявил недостаточное взаимодействие муниципальных образований с региональными операторами по работе с отходами в Свердловской области. Основная проблема, отмечает эксперт № 4, это «Отсутствие как таковой инфраструктуры по обращению с отходами, отсутствие культуры в головах

людей, отсутствие понимания проблематики, отсутствие понимания глубины проблемы на всех уровнях начиная с самого верха и заканчивая обычно домохозяйством».

Интересно, что мнения экспертов относительно заинтересованности населения в экологическом просвещении расходятся. Как считает заместитель министра энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Свердловской области, жители не проявляют интерес к подобного рода информации, исходя из чего возникает непонимание экологических проблем: «Мы пытаемся донести информацию до каждого, но почему-то у нас газеты не читают, интернет не читают, новости не смотрят».

Директор федерального бюджетного учреждения считает, что проблема лежит в области функционировании сложившейся системы, характеризующейся низкой степенью прозрачности деятельности государственных и муниципальных служащих, чем и обусловлен дефицит информации экологической направленности. «Население не очень хочет знать, но им и не дают. Если ты не знаешь, что есть проблема, ты и не будешь требовать информацию» (эксперт № 1).

В ходе обсуждения с экспертами поднималась тема эффективности современных технологий формирования экологического сознания, тенденций проявления общественного экологического участия. Помимо снижения финансовой нагрузки на население в целях мотивации сортировки твердых коммунальных отходов и модернизации системы образования в целом, экспертами назывались экологические акции как эффективные, но в краткосрочном периоде, меры по приобщению населения к деятельности по защите и охране окружающей среды. Но также здесь существуют свои недостатки, одним из которых является нерегулярность проведения таких мероприятий. Эксперт 2: «Мы проводим субботники. Но это все разовые вещи».

Экспертами была озвучена идея создания в муниципальном образовании общественного экологического совета при Главе Администрации города, куда входили бы компетентные экологи и культурологи. Основная функция этого органа — разработка предложений рекомендательного характера по экологическим вопросам местного значения.

Для поиска путей совместной деятельности граждан, муниципальных органов и местных общественных экологических организаций по сохранению природной среды следует воспринимать жителей Екатеринбурга как субъекта социального действия, необходимо проводить постоянную планомерную работу по всем направлениям экологической политики.

Список источников

1. *Айвазян А. А.*, *Боронина Л. Н.*, *Вишневский Ю. Р.*, *Забокрицкая Л. Д.* и др. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. — 244 с.

2. *Дридзе Т. М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Книга 1. — М.: ИС РАН, 2000. — С. 5–42.

3. *Тихонов А. В.* Социология управления. Теоретические основы. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — 472 с.

Русинова М. Р.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ БЕНЧМАРКИНГА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ [1]

В статье представлен эволюционный анализ становления бенчмаркинга как инструмента управления развитием социально-экономических систем. Выделены этапы развития, задачи и преимущества бенчмаркинговой процедуры в системе философии управления, определены ее отличительные черты. Сформулировано авторское определение «умного» бенчмаркинга в системе регионального управления. Систематизированы критерии, определяющие идентичность регионов, для проведения процедуры «умного» бенчмаркинга.

Ключевые слова: региональная экономика, инновационное развитие, бенчмаркинг, региональный бенчмаркинг

Механизмом инновационного развития социально-экономической системы любого иерархического уровня является конкуренция. Гибкость, способность использовать новые технологии, продукты, услуги, методы и формы управления — наиболее важные черты конкурентоспособности в условиях глобализации. И одним из значимых механизмов управления на сегодняшний день является бенчмаркинг — систематическая деятельность, направленная на поиск, оценку, обучение и внедрение лучших практик исходя их чужого положительного опыта.

Считается, что понимание необходимости анализа, сравнения и внедрения наилучшего опыта сформировалось в конце 50-х годов в Японии, после посещения японскими специалистами ведущих компаний США и Западной Европы с целью изучения и последующего использования их опыта в области управления. Таким образом, изначально проведение бенчмаркинговой процедуры осуществлялось применительно к микроэкономическим субъектам экономики — предприятиям. Вместе с тем концепция бенчмаркинга может быть адаптирована в отношении экономических субъектов мезо- и макроуровней экономики.

Целью настоящего исследования является оценка возможности применения инструментария бенчмаркинга к управлению развитием региона. Достижение поставленной цели обуславливает решение следующих задач:

1. Проведение эволюционного анализа становления бенчмаркинга как инструмента управления развитием социально-экономических систем.

2. Систематизация критериев определения идентичности регионов для проведения бенчмаркинговой процедуры.

Впервые термин «бенчмаркинг» был сформулирован в 1972 году в Институте стратегического планирования Кембриджа (США). Название метода «бенчмаркинг» происходит от английских слов *bench* (уровень, высота) и *mark* (отметка), сочетание которых трактуется как «опорная отметка», «отметка высоты», «эталонное сравнение» и т. п. [10, с. 18–21]. Изначально термин «бенчмаркинг» соотносился с понятием «*dantotsu*», означающим «усилие, беспокойство, заботу лучшего (лидера) о том, чтобы стать еще лучшим (лидером)» [7, с. 66–68]. Таким образом, в широком смысле под бенчмаркингом понимался процесс выявления лучших практик с целью их адаптации к деятельности анализируемого объекта и улучшения на данной основе его параметров развития.

Теория бенчмаркинга эволюционировала со временем по мере повышения внимания к конкуренции в философии менеджмента. Согласно Бернардо де Суза, специалисту по контролю за качеством в одной из ведущих компаний в химической промышленности Ciba Geigy, произошло четыре этапа изменений в философии управления [7, с. 66–68]. В результате в 1990-е годы многие страны столкнулись с кризисом перепроизводства, ввиду данного обстоятельства своевременное определение производственных и маркетинговых показателей конкурентов, а также выделение преимуществ в их деятельности стали основными задачами менеджмента компаний. Данные процессы изменений в экономике неразрывно связаны с эволюцией теории бенчмаркинга, процесс которой представляет собой ряд этапов развития (табл. 1).

На первом этапе развития бенчмаркинга осуществлялась закупка конкурирующих товаров и услуг для сравнения с их аналогами своей компании.

Второй этап эволюции бенчмаркинга — бенчмаркинг конкурентоспособности. Американская компания «Xerox» начала проводить бенчмаркинг технологии своего конкурента «Fuji». Копировальные аппараты были проанализированы с точки зрения стоимости производства, дизайна и других показателей с целью повышения своей конкурентоспособности, снижения издержек, а также повышения производительности труда.

---

[1] © Русинова М. Р. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–010–00449.

Таблица 1

Этапы развития философии управления и бенчмаркинга

Период	Менеджмент в целом		Бенчмаркинг	
	Этапы развития философии управления	Задачи менеджмента	Этапы развития бенчмаркинга	Задачи бенчмаркинга
1950-е годы	«Управление заданиями» *Management by objectives*	Установить конечные критерии и отследить процесс их достижения	Реинжиринг	Ретроспективный анализ продукта
1970-е годы	«Графики ценностей» *The value chart*	Оценить и сравнить ценности, составить «графики ценностей»	Бенчмаркинг конкурентоспособ-ности	Анализ стоимости производства продукта, снижение издержек
1980-е годы	«Определить конкурентов» *Beat the competition*	Выявить конкурентов	Процессный бенчмаркинг Стратегический бенчмаркинг	Анализ бизнес-процессов Апробация успешных стратегий конкурентов
1990-е годы	«Концентрация на процессах» *Focus on processes*	Опередить показатели конкурента в производственных и маркетинговых «процессах»	Глобальный бенчмаркинг	Международные обмены практиками с учетом культуры и национальных процессов

Таблица 2

Сравнительный анализ бенчмаркинга компаний и регионального бенчмаркинга

Тип бенчмаркинга	Элементы системы	Приоритеты развития
Бенчмаркинг компаний	Совокупность взаимосвязей, круга лиц, организаций, объединенных одной сферой деятельности	Максимизация прибыли
Региональный бенчмаркинг	Совокупность взаимосвязей разнородных элементов, подсистем и институтов	Улучшение качества жизни населения

Успешная реализация бенчмаркинга положила начало третьему этапу в эволюции бенчмаркинга — процессному бенчмаркингу. В 1981 г. «Xerox» совместно с фирмой «L.L. Bean» провели процессный бенчмаркинг в области логистики и сбыта.

Четвертый этап — стратегический бенчмаркинг, который рассматривается как тестирование успешных стратегий конкурентов в целях долгосрочного конкурентного лидерства, метод бенчмаркинга стал частью единого процесса принятия решений в рамках совершенствования организации. По мере усиления глобализационных процессов на первый план вышел партнерский, или глобальный, бенчмаркинг. В 1995 году была основана Глобальная сеть бенчмаркинга (Global Benchmarking Network — GBN)[2]. Сеть создана для поиска партнеров по бенчмаркингу, в нее входят центры бенчмаркинга из многих стран мира. Кроме того, в целях обеспечения поддержки странам и регионам ЕС в части разработки, реализации и выборе приоритетов стратегии «умной специализации» в 2011 году Институтом перспективных технологических исследований в Севилье была создана Платформа «умной специализации» (Smart Specialisation Platform)[3]. Один из интерактивных инструментов Платформы позволяет идентифицировать структурно схожие регионы по всей Европе одним нажатием кнопки — региональный бенчмаркинг (Regional Benchmarking).

Таким образом, первоначально методология бенчмаркинговой процедуры была разработана с целью совершенствования бизнес-процессов в различных сферах деятельности предприятий: в маркетинге, ассортиментной политике, управлении персоналом, логистике, ценовой политике и пр. Поэтому в большинстве отечественных и зарубежных научных работ, посвященных анализу бенчмаркинга, таких ученых, как Д.В. Маслов [9, с. 14–20], М.Р. Михайлова [10, с 18–21], C. Cassel [1, с. 212–222], S. Qiping [5, с. 11–22], данный метод ассоциируется с определением лидеров в области бизнес-среды.

Несмотря на это, концепция бенчмаркинга может быть применена в отношении экономических субъектов мезо- и макроуровней экономики. В работах западных ученых, таких как N. Groenendijk [2, с. 181–202], L. Iurcovich [3], бенчмаркинг широко применяется для решения задач региональной проблематики на основе выявления уникальных возможностей территорий. Под термином региональный бенчмаркинг понимается межрегиональное сравнение видов деятельностей, процессов, практик, политики и дальнейшее использование этой информации для совершенствования системы регионального развития. Однако несмотря на единую концептуальную основу, региональный бенчмаркинг существенно отличается от бенчмаркинга компаний (табл. 2).

Поскольку региональные социально-экономические системы являются более сложными объектами управления, чем корпоративные системы, проведение бенчмаркинговой процедуры требует более осмысленного подхода к определению «лучших практик». В большинстве изученных отечественных трудов

[2] Global Benchmarking Network [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalbenchmarking.org/the-network.

[3] Smart Specialisation Platform. Finding reference regions based on structural similarities [Электронный ресурс]. URL: http://s3platform.jrc.ec.europa.eu/regional-benchmarking.

в области исследования регионального бенчмаркинга используется метод, базирующийся на выборе «лучших образцов» путем сравнения различных критериев социально-экономического и инновационного развития, независимо от того, имеют ли объекты сходные характеристики или нет. Последние разработки зарубежных ученых-регионалистов обозначили главный недостаток такого подхода, называемого ими «упрощенным бенчмаркингом» [4]: отсутствие предварительного анализа исходных условий развития территорий, которые определяются формальными и неформальными институтами, сложившимися исторически и имеющими существенное значение для нововведений. В связи с этим результаты «упрощенного бенчмаркинга» представляют региональные рейтинги и не могут являться фундаментальной основой разработки эффективной стратегии развития территорий.

Таблица 3

Система критериев, определяющих идентичность регионов

Критерий	**Фактор «первой природы»**
Гео-демография	Размер региона
	Климатические условия
	Природные ресурсы
Критерий	**Фактор «второй природы»**
Гео-демография	Возрастной состав населения
	Урбанизация
	Транспортная доступность
Образование	Уровень образования
Инновации	Патентные исследования
	Объем инновационных товаров, работ, услуг
Отраслевая структура	Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности
Инвестиционный климат	Предприятия и организации
Открытость	Внешнеэкономическая деятельность
Общественные ценности	Культура и туризм
	Уровень преступности

Стоит отметить, что преимущества применения другого типа бенчмаркинга, называемого «умным/системным бенчмаркингом», были подробно описаны в 2001 году [6]. Особенность «умного» бенчмаркинга заключается в необходимости сравнения территорий со схожими институциональными условиями.

Для систематизации указанных условий мы обратились к концепции П. Кругмана, согласно которой все факторы формирования конкурентных преимуществ территорий можно разделить на две группы институтов: первой природы (не зависящие от жизнедеятельности людей) и второй природы (созданные деятельностью человека и общества) [8, с. 59–60]. Для проведения бенчмаркиноговой процедуры необходимо определить факторы, которые не изменятся в краткосрочной перспективе и явно влияют на инновационное экономическое развитие. В таблице 3 проведена систематизация критериев, определяющих идентичность регионов, для последующего проведения процедуры «умного» бенчмаркинга.

Планируется, что представленная в таблице 3 система критериев будет использована авторами при разработке стратегии территориального развития на основе сравнения с субъектами РФ, имеющими схожие институциональные условия. Таким образом, применение «умного» бенчмаркинга в целях регионального развития является не только актуальным направлением дальнейших исследований, но и перспективным инструментом территориального управления.

Список источников

1. *Cassel C.*, *Nadin S.*, *Gray M.* The use and effectiveness of benchmarking in SMEs // Benchmarking: An International Journal. — 2001. — Vol. 8. — No. 3. — P. 212–222.

2. *Groenendijk N.* EU and OECD Benchmarking and Peer Review Compared // The EU and Federalism: Polities and Policies Compared. Ashgate. — 2010. — P. 181–202.

3. *Iurcovich L.*, *Komninos N.*, *Reid A.*, *Pierrakis Y.* Mutual Learning Platform: Regional Benchmarking Report — Blueprint for Regional Innovation Benchmarking. — Brussels: European Commission, 2006. — 36 p.

4. *Navarro J.*, *Smart J. P.* Specialisation benchmarking and assessment: pilot study on wind energy. — Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. — 51 p.

5. *Qiping S.*, *Guiven L.* The selection of benchmarking partners for value management: an analytic approach // The international journal of construction management. — 2007. — No.11. — P. 11–22.

6. *Tomlinson M.*, *Lundvall B.-A.* Policy learning through benchmarking national systems of competence building and innovation — learning by comparing. — Aalborg: Aalborg University, 2001. — 50 p.

7. *Данилов И. П.*, *Михайлова С. Ю.*, *Данилова Т. В.* Бенчмаркинг — эффективный инструмент повышения конкурентоспособности // Стандарты и качество. — 2005. — № 1. — С. 66–68.

8. *Дубровская Ю. В.* Межрегиональное взаимодействие как фактор инновационного развития национальной экономики: кластерный подход. — Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2018. — С. 59–60.

9. *Маслов Д. В.*, *Белокоровин Э. А.* Бенчмаркинг — новое слагаемое успешной стратегии бизнеса в России // Деловое совершенство. — 2006. — № 1. — С. 14–20.

10. *Михайлова М. Р.* Бенчмаркинг — универсальный инструмент управления качеством // Методы менеджмента качества. — 2003. — № 5. — С. 18–21.

Седельников В. М.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОМ МАРКЕТИНГЕ И МАРКЕТИНГЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ[1]

Выделены шесть ключевых подходов к определению понятия «ценность». Рассмотрены особенности процесса создания ценности в условиях традиционного маркетинга и маркетинга взаимоотношений. В качестве основы для дальнейших исследований автором представлена модель зарубежных ученых С. Джантраниа и Д. Уилсона, рассматривающая многоаспектность ценности в стратегическом региональном планировании.

Ключевые слова: ценность, процесс создания ценности, маркетинг взаимоотношений

В настоящее время в условиях политической и экономической нестабильности актуализируется проблема поиска дополнительных ресурсов (экономических, социально-культурных и др.) развития современного российского общества. Так, введение санкционного режима, снижение способности органов государственной власти и местного самоуправления (МСУ) к преодолению различных местных проблем, падение уровня жизни населения и многие другие вопросы требуют для своего решения применения не только традиционных подходов, но и поиска инновационных управленческих инструментов [6].

В рамках данной статьи в дополнение к традиционному подходу, заключающемуся в формировании стратегий социально-экономического развития регионов исключительно силами региональных органов власти, предложена авторская модель, подразумевающая совместное создание ценности органами власти, бизнесом и населением на основе концепции маркетинга взаимоотношений.

В качестве ключевой цели исследования может быть обозначено дополнение теоретико-методологических положений маркетинга взаимоотношений на региональном уровне.

Основные задачи, решаемые в рамках данной статьи:

1) Рассмотреть 6 подходов к определению понятия «ценность» в рамках маркетинга взаимоотношений;

2) Выделить особенности процесса создания ценности в условиях традиционного маркетинга и маркетинга взаимоотношений;

3) Предложить в качестве дальнейшей апробации модель ученых С. Джантраниа и Д. Уилсона, выделяющих, помимо стратегического и экономического, психологический аспект при разработке региональных стратегий.

Как отмечает Я. Гордон, маркетинг взаимоотношений рассматривается как постоянный процесс идентификации и создания новой ценности вместе с каждым отдельным клиентом, а потом и компания, и клиенты совместно используют все выгоды этой новой ценности на протяжении всего того времени, пока между ними существуют взаимоотношения.

В противоположность традиционному маркетингу маркетинг взаимоотношений сосредоточивает усилия не на том, что бы получить от потребителя, но на том, что можно сделать для потребителя, и еще на том, что сделать вместе с потребителем, чтобы обеспечить его удовлетворенность. Ключевая цель маркетинга взаимоотношений — относиться к потребителю как к уважаемому партнеру, которого ценит компания, выявлять его потребности и добиваться от него лояльности посредством качественного внимательного обслуживания.

Все вышесказанное справедливо и для регионального уровня.

В первую очередь автором были выделены 6 основных подходов к определению понятий «ценность» и «ценностные ориентации».

В рамках *первого*, философского подхода, ценность понимается в качестве базовой составляющей при анализе качественных аспектов социальных процессов, социальных и культурных значений определенных явлений действительности. Основные представители данного подхода (А.А. Ивина, Р. Перри, П. Менцер, Э.К. Асп, С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова) приводят определение ценности как интеллектуального или материального объекта, который имеет позитивное значение для человека или общества.

Второй подход, с позиции экономической теории, понимает под ценностью совокупность полезных свойств товара, благодаря которым он удовлетворяет потребности человека или общества. В качестве основных представителей данного подхода можно назвать К. Маркса, О. Бем-Баверка, К. Менгера и Дж. С. Милля.

Третий, социокультурный подход, основными представителями которого можно назвать Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Э. Гидденса, Н. Смелзера и Н.И. Лапина, под ценностью понимает разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и

[1] © Седельников В. М. Текст. 2019.

Таблица

Процесс создания ценности в традиционном маркетинге и маркетинге взаимоотношений на уровне региона

	Традиционный маркетинг	Маркетинг взаимоотношений
Создание ценности, ориентированное на …		
	Регион и региональный продукт	Целевые аудитории и опыт
Концепция ценности	Ценность ассоциируется с возможностями региона. Конкурентное пространство ориентировано на предлагаемые регионом товары (услуги)	Ценность ассоциируется с индивидуализированным подходом к каждой целевой аудитории и совместным опытом взаимодействия. Конкурентное пространство ориентировано на желания, возможности и опыт потребителей (целевых аудиторий региона)
Роль региона	Определение и создание ценности для потребителя	Привлечение отдельных групп целевых аудиторий региона к определению и совместному созданию уникального опыта
Роль потребителя	Пассивный субъект спроса на определяемые регионом предложения и решения	Активный игрок, ищущий, создающий и извлекающий ценность
Концепция создания ценности	Ценность создается регионом; потребители имеют выбор — ассортимент товаров (услуг), предлагаемый регионом	Потребитель (целевые аудитории региона) создает ценность совместно с регионом и другими потребителями

Источник: доработано автором на основе [3].

основных средств их достижения (терминальные и инструментальные ценности). Стоит отметить, что социологов ценностные ориентации интересуют, прежде всего, как объективно детерминированные факторы, возникающие на пересечении всевозможных социальных отношений.

Четвертый, психологический подход, к определению ценности понимает под ней устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования. В качестве основных представителей данного подхода можно назвать М. Рокича, С.Л. Рубинштейна, Д.А. Леонтьева, И.В. Алешину и Ш. Шварца [5]. Как мы можем видеть, психологов в первую очередь интересуют субъективные стороны деятельности и отношения к ценностям.

В рамках *пятого*, политического подхода, ценностные ориентации в системе электорального процесса представляют собой иерархическую систему с гибкой технологией выбора, управление которой должно быть дифференцировано [2].

Наконец, *шестой* — маркетинговый — подход к определению ценности понимает под ней разницу между совокупностью ценностей (выгод) как функционального, так и экономического, эмоционального характера и явными и неявными издержками потребителя на всех этапах процесса принятия решения. В качестве основных представителей данного подхода можно назвать Д.В. Кревенса, В.И. Ильина, Ф. Котлера, Ж.-Ж. Ламбена, У. Руделиуса, И.В. Липсица, В. Зайзмела, Р. Вудруфа, К. Прахалада, В. Рамасвами, В.П. Неганову, А.В. Чиркова, И.С. Неганову, О.А. Третьяк, О.У. Юлдашеву, С.В. Никифорову, С.Ю. Полонского. Как известно, нужды и потребности людей эволюционируют вместе со стремительным развитием рынков товаров и услуг, воплощаясь в ценностях. Соответственно, изучение ценностей индивида способствует пониманию основных мотивирующих факторов, объясняющих поведение потребителя в процессе принятия решения.

Таким образом, рассмотрев точки зрения отечественных и зарубежных ученых относительно дефиниции «ценность», можно предложить следующее определение в рамках маркетингового подхода: ценность — субъективная категория, формируемая в сознании потребителя и представляющая собой разность полученных потребителем выгод и издержек, связанных с приобретением товара.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с позицией К. Прахалада и В. Рамасвами, которая заключается в том, что ценность — это не только соотношение выгод и издержек для потребителя, это также и опыт ее совместного создания между потребителем и производителем товара (услуги). Именно ценность взаимоотношений является нематериальным активом компании, поскольку отражает общий уровень удовлетворенности покупателя процессом взаимодействия с поставщиком и, соответственно, уровень приверженности покупателя поставщику [4].

В рамках второй задачи автором была проведена сравнительная характеристика процесса создания ценности в рамках традиционного маркетинга и маркетинга взаимоотношений, что можно увидеть в таблице.

Таким образом, в условиях несоответствия потенциальных мер развития экономики, заявляемых в региональных стратегиях, и реальных ожиданий, ценностей и потребностей целевых аудиторий региона, на наш взгляд, целесообразно помимо традиционного подхода использование маркетинга взаимоотношений для повышения клиентоориентированности региональных стратегий, с одной стороны

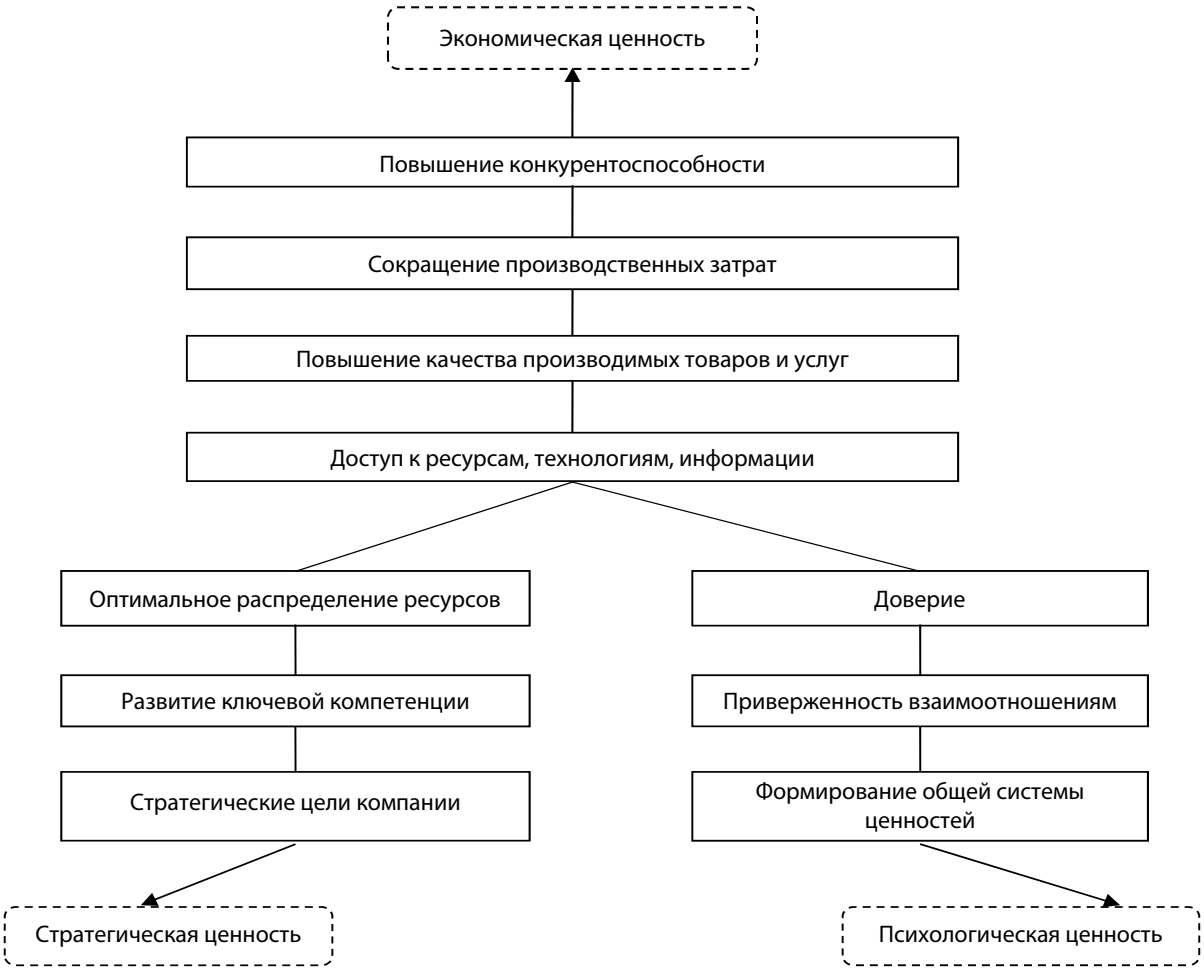


Рис. *Основные составляющие ценности взаимоотношений промышленных компаний*

— за счет учета ценностей и удовлетворения потребностей целевых аудиторий региона как конечных потребителей стратегии, а с другой стороны — за счет постоянного взаимодействия органов власти, бизнеса и населения в процессе совместного создания этих ценностей.

С этой позиции достаточно привлекательной, на наш взгляд, выглядит модель, предложенная зарубежными учеными Д. Уилсоном и С. Джантраниа, которые считают, что ценность взаимоотношений промышленных компаний-партнеров имеет три составляющие, или аспекта:

1) стратегический аспект (ключевые компетенции, качество стратегии);

2) поведенческий (психологический) аспект (социальные связи, доверие, культура);

3) экономический аспект (качество инвестиций, инжиниринг, снижение издержек).

Данная модель представлена на рисунке.

Как мы можем видеть, стратегическая ценность взаимоотношений направлена на достижение стратегических целей компании посредством создания ключевых компетенций, конкурентных преимуществ и оптимального использования имеющихся ресурсов. Экономическая ценность взаимоотношений состоит в соотношении затрат и выгод в процессе взаимодействия, а также использовании совместных ресурсов, технологий с целью сокращения издержек, повышения конкурентоспособности и качества производимой продукции.

Стоит отметить, что в стратегиях развития регионов имеются разделы, в которых отражаются и стратегические, и экономические преимущества от реализации стратегии. Вместе с тем, достаточно новаторским и перспективным, на наш взгляд, выглядит задействование в региональных стратегиях нематериального, поведенческого (психологического) аспекта взаимодействия целевых аудиторий региона и оценки эффективности ценности таких взаимоотношений, в частности на основе таких категорий, как доверие и приверженность.

Как мы можем видеть из рисунка, именно доверие и приверженность находят свое отражение в формировании общей для всех взаимодействующих сторон системы ценностей.

В заключение хотелось бы отметить, что выгоды от взаимоотношений для партнеров, как правило, являются «более значительными, чем выгоды, которые компания получает за счет материальных активов» [1]. Именно взаимовыгодные партнерские отношения являются важнейшим нематериальным активом компании. Что же касается регионального уровня, то выявление общих ценностей позволит

региональным стейкхолдерам (органам власти, населению и бизнесу) в равной степени влиять на его развитие и повысить уровень взаимопонимания и доверия, чего так не хватает в современных условиях.

Список источников

1. *Кущ С. П.* Маркетинг взаимоотношений на промышленных рынках: монография / С.-Петерб. гос. ун-т, Факультет менеджмента. — СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 272 с.

2. *Лупенкова Е. Ю.* Динамика ценностных ориентаций субъектов российского электорального процесса // Вестник РУДН. Серия Социология. — 2013. — № 2. — С. 89–96.

3. *Неганова В. П.* Категория ценности в маркетинге взаимоотношений // Известия УрГЭУ. — 2012. — № 3. — С. 122–127.

4. *Неганова В. П.* Маркетинг взаимоотношений: механизмы формирования портфеля потребителей // Известия УрГЭУ. — 2012. — № 4. — С. 81–86.

5. *Нугаева О. Г.*, *Криводонова Ю. Е.* Психологическая сущность и соотнесение понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Специальное образование. — 2012. — № 2. — С. 120–128.

6. *Симонова Е. В.* Доверие органам местного самоуправления и участие граждан в региональных практиках инициативного бюджетирования: характер взаимосвязи (На примере Тверской области) // Научный результат. Социология и управление. — 2017. Т. 3. — № 1. — С. 26–37.

ПРЕДПРИЯТИЯ В ТУРБУЛЕНТНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Амирова Э. Ф., к. э. н., Галлямов Э. А.

Казанский государственный аграрный университет, г. Казань

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКО-ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА [1]

В статье рассмотрена роль крестьянских (фермерских) хозяйств в развитии сельского хозяйства. Определены особенности их создания и функционирования на современном этапе. В процессе кооперирования могут участвовать не только фермерские хозяйства, но и наиболее крупные личные подсобные хозяйства. Государство должно принимать активное участие при организации кооперативов.

Ключевые слова: крестьянские (фермерские) хозяйства, аграрной сектор, хозяйство, земельная реформа, сельское хозяйство

Сельское хозяйство играет значимую роль в экономике нашей страны, решая при этом стратегическую задачу продовольственной безопасности и обеспечивая население продуктами питания. Эта отрасль занимает около 12 % от ВВП и более 15 % от национального дохода. Поэтому государству необходимо поддерживать и развивать эту отрасль как системообразующую [1, с. 44–47]. Сегодня сельское хозяйство находится на подъеме, но для обеспечения его конкурентоспособности на долгие годы необходимо в ближайшей перспективе решить ряд проблем.

На сегодняшний день в аграрном секторе нуждаются в развитии предприятия различных организационно-правовых форм. В современном обществе особая роль отводится крестьянским (фермерским) хозяйствам (КФХ). Из-за того, что действующее законодательство несовершенно, система государственного регулирования и поддержки КФХ не работает, их производственная деятельность усложнена [2, с. 16–19; 3, с. 41–43; 4, с. 9–12]. Фермерство вносит значительный вклад в сельскохозяйственное производство и формирует конкурентоспособную среду в аграрном секторе. Развитие крестьянских хозяйств как субъекта предпринимательства должно вести к стабилизации экономики за счет их гибкости и мобильности в рыночных условиях.

Реформируя наш аграрный сектор, необходимо учитывать опыт стран с развитой рыночной экономикой, в которых сельское хозяйство находится на высоком уровне. На западе опорой сельскохозяйственного производства являются семейные фермы, успех функционирования которых зависит от кооперации — способа организации фермерского производства на основе обмена деятельностью и продуктами этой деятельности, составляющего в своей взаимосвязи и последовательности цельный производственный процесс. «Различные виды кооперативов являются как бы продолжением фермерского хозяйства, формой „внешней" экономической организации. Фермер может быть членом одного многоцелевого или нескольких кооперативов, имеющих разные направления деятельности: снабженческих, перерабатывающих, сбытовых, торговых, страховых, банковских, кредитных и др.» [5, с. 95]. В России уже много лет существуют КФХ, но до сих пор еще не массово развиты и не интегрированы в действующую экономику классические сельскохозяйственные кооперативы. «Кроме этого, даже советская потребкооперация, которая функционировала относительно неплохо, полностью утратила свои прежние позиции на рынке товаров и услуг, а сельскохозяйственная и другие виды кооперации фермеров развиваются крайне медленно» [6, с. 320–322].

Одной из причин создания кооперативов является функционирование большого количества фермерских и личных подсобных хозяйств населения, которые в последнее время производят также значительный объем производства сельскохозяйственной продукции. Для того, чтобы сохранить их в рыночной экономике, обеспечить развитие и необходимо создание кооперации.

Российский экономист Александр Васильевич Чаянов в своих работах утверждал, что польза кооперации в самосохранении и устойчивом развитии фермерских хозяйств. Кооперации позволяли бы перенести свойства крупного предприятия на мелкое, при этом не разрушая его основные производственные процессы. Добровольное объединение фермеров связывало бы крестьянское хозяйство с внешним миром, минуя посредника, одновременно при этом сохраняя их независимость и индивидуальность [7].

В процессе кооперирования могут участвовать не только фермерские хозяйства, но и более крупные личные подсобные хозяйства. Это дало бы два положительных эффекта. Во-первых, это ускорило бы процесс кооперирования, а во-вторых, личные подсобные хозяйства расширялись бы и в будущем

[1] ©Амирова Э. Ф., Галлямов Э. А. Текст. 2019.

вырастали в фермерские. Однако на сегодняшний день коллективные предприятия, как, впрочем, и личные подсобные хозяйства испытывают финансовые проблемы. Решить эту проблему поможет создание кредитной кооперации.

«Дефицит финансовых средств в фермерских хозяйствах на строительство новых помещений; приобретение техники и оборудования; закупку семян, удобрений, горюче-смазочных материалов, а также высокий процент по кредиту ведет» к неустойчивому текущему производству и отсутствию перспектив развития; по этой причине обанкротились тысячи хозяйств. Существующая на сегодняшний день система кредитования сельхозпроизводителей работает неэффективно. Как считают эксперты, кредитная кооперация лучше других видов финансовых институтов адаптируется к обслуживанию широкого круга потребителей, мелких сельскохозяйственных производителей и жителей села. Развитие кредитных сельскохозяйственных кооперативов даст возможность привлекать средства населения и свободные оборотные средства организаций [8, с. 329–332; 9, с. 486–490]. А.В. Чаянов еще давным-давно предсказал процесс капитализации сельского хозяйства [10, 11, с. 147–151]. «Монополия со стороны перерабатывающих предприятий и заготовительных организаций ведет к занижению цен на продукцию сельских товаропроизводителей. Вдобавок к этому проблема обостряется наличием большого числа посредников, покупающих у крестьян по низким ценам продукцию, но затем перепродающих ее по гораздо более высоким ценам» [12]. Из-за этого товаропроизводители теряют большую часть доходов. В сложившихся условиях выживают только те хозяйства, которые сами перерабатывают и продают свою продукцию. Решением данной проблемы также может стать организация кооперации по сбыту. Общие интересы сбыта помогут успешному продвижению товара на всех этапах конкурентного рынка не только в масштабах страны, но и за ее пределами. Фермеры смогут мониторить цены, запасы потребителей, производителей и торговых посредников, предсказывая дальнейший вектор развития рынка для моментального реагирования в условиях меняющейся обстановки. Это бы дало положительный финансовый результат и увеличение производства продукции в этой категории хозяйств и, соответственно, в масштабе всей страны. Таким образом, мы также обеспечим наше население местными продуктами питания, потребность в которых в последние десятилетия удовлетворялась за счет импорта. Высокое качество российской сельскохозяйственной и производимой из нее пищевой продукции, обусловленное высокой экологичностью при ее получении, является серьезным преимуществом России перед западными производителями в жесткой конкурентной борьбе.

Процесс кооперирования не должен полностью возлагаться на крестьянско-фермерские и личные подсобные хозяйства. Государство должно активно участвовать в организации кооперативов. В современных реалиях, когда Россия испытывает санкционное давление со стороны Запада и проводит политику импортозамещения, эта задача становится одной из первоочередных. Настроив процесс кооперации, наша страна станет еще более независимой, современной и конкурентоспособной в глобальном масштабе, при этом поднимется уровень жизни многих граждан.

Список источников

1. *Кириллова О.В.* Импортозамещение продукции АПК как основа развития экономики России в условиях ВТО // Проблемы и перспективы социально-экономического развития современного государства и общества. Сб. науч. тр. по мат-лам I Международной научно-практической конференции 31 марта 2017, г. Екатеринбург. — Екатеринбург: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. — С. 44–47.

2. *Захарова Г.П.* Повышение эффективности мер государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей в условиях кризиса // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 4(38). — С. 16–19.

3. *Жахов Н.В.* Направления государственной финансовой поддержки сельскохозяйственных организаций в Курской области // Научное обеспечение агропромышленного производства. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — 2012. — С. 41–43.

4. *Амирова Э.Ф.* «Дорожная карта» импортозамещения Российской Федерации // Основные направления развития агробизнеса в современных условиях. Сб. ст. по мат-лам II всерос. (национальн.) науч.-практ. конф. — Курган: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 2018. — С. 9–12.

5. *Сагина О.А.*, *Носенко А.С.*, *Егоров К.Ю.* Востребованность использования корпоративной культуры на предприятиях пищевой промышленности // Современные проблемы экономики, менеджмента и маркетинга в отраслях пищевой промышленности. Науч.-инф. мат-л / Московский государственный университет пищевых производств. — М.: МГОУПП, 2010. — С. 93–96.

6. *Саттыбаева Г.А.*, *Агумбаева А.Е.* Пути формирования землепользований крестьянских хозяйств в Казахстане // Геодезия, землеустройство и кадастры. Вчера, сегодня, завтра. Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию землеустроительного факультета Омского ГАУ. — Омск: ОМГАУ, 2017. — С. 320–322.

7. Оценка влияния инфраструктурных проектов на развитие территории / Плахин А. Е., Коковихин А. Ю., Огородникова Е. С., Суслов С. А. // Вестник НГИЭИ. — 2017. — № 11 (78). — С. 139–147.

8. *Амирова Э. Ф.* Инновационное развитие сельского хозяйства // Устойчивое развитие сельского хозяйства в условиях глобальных рисков. Мат-лы науч.-практ. конф. — Казань: Изд-во Казанского ГАУ. — 2016. — С. 329–332.

9. *Садыкова Л. И.*, *Амирова Э. Ф.* Последствия импортозамещения // Перспективы устойчивого развития АПК. Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. 29–30 марта 2017 г., Омск. — Омск: Изд-во ФГБОУ ВО Омский ГАУ, 2017. — С. 486–490. [Электронный ресурс]. http://e-journal.omgau.ru/images/conf/170329/sbornik170329–2.pdf.

10. *Серебрякова М. Ф.* Неопределенность в сельском хозяйстве: региональный аспект // Международный сельскохозяйственный журнал. — 2017. — № 3. — С. 23–27.

11. *Амирова Э. Ф.* Функционирование зернопродуктового подкомплекса в условиях продовольственного эмбарго // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2018. — Т. 13, № 1(48). — С. 147–151.

12. *Газетдинов Ш. М.* Анализ состояния и развития малого и среднего предпринимательства в аграрном секторе Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2013. — № 1 (27). — С. 21–26.

Болатбекова Д. Г.
Томский политехнический университет, г. Томск

БЕНЧМАРКИНГ КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ВНЕДРЕНИЯ АУТСОРСИНГА [1]

В современных условиях экономического развития для повышения своей конкурентоспособности предприятия используют различные методики снижения затрат. Одной из таких методик является аутсорсинг. В работе предлагается рассмотреть процесс бенчмаркинга как один из этапов принятия решения о выделении бизнес-процессов на аутсорсинг. Объектом исследования является акционерное общество «КазТрансОйл», на примере которого предстоит осуществить процедуру бенчмаркинга и сделать выводы о целесообразности внедрения аутсорсинга на предприятии.

Ключевые слова: бенчмаркинг, аутсорсинг, КазТрансОйл, снижение затрат, сравнение, конкурентоспособность

Руководство любой организации прежде чем внедрять те или иные проекты, должно производить анализ фактического состояния предприятия. Такой анализ позволяет руководителям выявить преимущества своего бизнеса и обнаружить некоторые его недостатки [1, с. 56].

Акционерное общество «КазТрансОйл» является крупнейшей нефтепроводной компанией Республики Казахстан, оказывающей услуги по транспортировке нефти на внутренний рынок и на экспорт. В целях сравнения показателей деятельности организации с аналогичными нефтетранспортными компаниями был проведен бенчмаркинг с ПАО «Транснефть», КТК, АО «Транснефть-Сибирь», АО «Черномортранснефть» и АО «Транснефть-Приволга». Выбор первых двух компаний для сравнения связан с тем, что АО «КазТрансОйл» традиционно сравнивается с Транснефтью, а КТК является основным конкурирующим экспортным маршрутом для казахстанской нефти. Кроме того, доступна публичная информация об этих компаниях, позволяющая полноценное сравнение [2].

Дополнительно проведен сравнительный анализ операционной эффективности с дочерними компаниями Транснефти — АО «Транснефть-Сибирь», АО «Черномортранснефть» и АО «Транснефть-Приволга». Источниками информации о сравниваемых организациях являются годовые отчеты указанных компаний, финансовая отчетность за 2017 г., а также данные, размещенные на сайтах указанных компаний. При этом показатели грузооборота и потребления электроэнергии по АО «Черномортранснефть» приняты с учетом плановых показателей 2017 г., установленных приказом Федеральной службы по тарифам Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 581-э «Об установлении требований к программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности субъектов естественных монополий, оказывающих услуги по транспортировке нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам, на 2015–2020 годы».

Для приведения сопоставимых данных применены следующие среднегодовые курсы валют за 2017 год:

RUB – USD = 58,29 руб.;
KZT – USD = 326,00 тенге.

Для осуществления процесса бенчмаркинга сначала был проведен анализ производственно-финансовых показателей (табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что значительное превышение грузооборота и других показателей Транснефти, ТН-Сибирь и КТК показателей АО «КазТрансОйл» связано с географическим расположением российских нефтяных месторождений, высокой протяженностью нефтетранспортной инфраструктуры, а также более высокой загруженностью нефтепроводной системы ТН и КТК.

Учитывая высокую разницу между компаниями в абсолютных показателях, был проведен сравнительный анализ компаний по ключевым финансово-экономическим результатам в удельном выражении (табл. 2).

Данные таблицы 2 показывают, что вышеуказанные финансовые показатели (EBITDA margin и рентабельность деятельности) демонстрируют более высокую эффективность АО «КазТрансОйл» по отношению к Транснефти, что связано в основном с отсутствием долговой нагрузки на организацию и расходов по ее обслуживанию. При этом имеется потенциал улучшения данного показателя с учетом показателей КТК и дочерних компаний Транснефти. Также АО «КазТрансОйл» демонстрирует эффективность в части энергоменеджмента. Вместе с тем, сравнение удельных операционных расходов, производительности труда, удельных показателей количества сотрудников демонстрируют существенный потенциал АО «КазТрансОйл» по оптимизации и повышению эффективности [2, с. 175].

При этом следует учесть, что достижение организацией показателей Транснефти в краткосрочной перспективе практически невозможно ввиду невысокой пропускной способности экспортных

[1] © Болатбекова Д. Г. Текст. 2019.

[2] Годовой отчет АО «КазТрансОйл». Астана, 2017. 267 с. С. 188.

Таблица 1

Производственно-финансовые показатели

№	Наименование	Ед. изм.	КТО	ТН	ТН-Сибирь	ЧМТН	ТН-Приволга	КТК
1	Протяженность трубопроводов	км	5 373	52 289	9 500	3 064	5 300	1 511
2	Количество НПС	шт	37	418	87	17	34	15
3	Списочная численность	чел	8 129	57 464	11 000	4 950	6 464	1 612
4	Грузооборот нефти	млн т/км	36 866	1 185 028	262 182	31 845	83 565	56 045
5	Выручка всего	тыс. долл. США	961 357	13 380 579	1 884 621	747 368	504 247	1 500 000
6	Операционные расходы (себестоимость + ОАР)	тыс. долл. США	614 063	9 540 847	960 977	363 005	455 194	566 000
7	EBITDA	тыс. долл. США	497 153	5 790 537	1 181 332	491 492	188 186	1 201 000
8	Чистая прибыль	тыс. долл. США	201 655	2 352 886	224 823	99 202	10 005	200 000

Таблица 2

Анализ финансово-экономических показателей

№	Наименование	Ед. изм.	КТО	ТН	ТН-Сибирь	ЧМТН	ТН-Приволга	КТК
1	EBITDA margin	%	52 %	43 %	63 %	66 %	37 %	80 %
2	Удельные операционные расходы	тыс. долл. США / млн тонн км	16,7	8,1	3,7	11,4	5,4	10,1
3	Производительность труда по грузообороту	млн т/км/чел.	4,5	20,6	23,8	6,4	12,9	34,8
4	Производительность труда по выручке	тыс. долл. США / чел	118,3	232,9	171,3	151	78	930,5
5	Удельный расход ЭЭ на ГО	тыс. кВт·ч	11,2	11,8	10,7	13,5	11,2	3
6	Рентабельность деятельности (отношение прибыли за год к операционным расходам)	%	33 %	25 %	23 %	27 %	2 %	35 %
7	Количество работников на 1 км трубопровода	чел	1,5	1	1,2	1,6	1,2	1,1
8	Количество работников на	чел	219,7	137,5	126,4	291,2	190,1	107,5

маршрутов АО «КазТрансОйл», объемов транспортировки по ним и отсутствия перспектив по значительному росту добычи нефти в Республике Казахстан.

Сравнение АО «КазТрансОйл» с аналогичными компаниями, основная деятельность которых направлена на транспортировку нефти, продемонстрировало наличие потенциала на повышение эффективности операционной деятельности путем снижения расходов и повышения производительности труда. С учетом результатов проведенного бенчмаркинга были разработаны следующие мероприятия:

— аутсорсинг вспомогательных видов деятельности при условии наличия конкурентного рынка услуг по таким видам деятельности;

— оптимизация логистики товарно-материальных ценностей и складских помещений;

— реорганизация структуры управления организации, в т. ч. создание сервисных подразделений по вспомогательному производству.

Таким образом, проведенный бенчмаркинг подтвердил необходимость внедрения аутсорсинга в АО «КазТрансОйл». В 2018 г., согласно сформированной стратегии развития до 2025 г., были проведены следующие мероприятия:

— вывод вспомогательного персонала на аутсорсинг (питание и уборка) — исключение непрофильных функций по организации питания и уборке объектов и прилегающей территории. Заключены договоры с внешними подрядчиками на оказание данных услуг. Сокращение штатной численности организации составило 450 ед. Высвободившиеся работники трудоустроены в подрядных организациях;

— вывод функции перевозки персонала организации на аутсорсинг — функции, связанные с перевозкой персонала, были исключены в центральном аппарате, НТЦ, а также в Карагандинском и Шымкентском нефтепроводных управлениях. В конце 2018 г. данная работа завершена по всем структурным подразделениям компании. Сокращение штатной численности составило 92 единицы. Высвободившиеся работники трудоустроены в подрядных организациях;

— оптимизация IT-функций — часть IT-функций была выведена на аутсорсинг. Заключены договоры с подрядными организациями на оказание IT-услуг. Сокращение штатной численности составило 61 ед.;

— оптимизация логистики товарно-материальных ценностей –- проект направлен на вывод из состава активов компании мало задействованных баз производственно-технического обеспечения и комплектации оборудования.

Список источников

1. *Логинова Е.* Бенчмаркинг — инструмент развития конкурентных преимуществ. — М.: Научная книга, 2016. — 175 с.

2. Годовой отчет АО «КазТрансОйл». — Астана, 2017. — 267 с.

3. *Абрашкин М. С.* Организационно-экономический механизм повышения эффективности функционирования промышленных предприятий. — М. : Научный консультант, 2015. — 269 с.

Глухих П. Л., к. э. н.
Институт экономики УрО РАН
Уральский государственный педагогический университет

Осинцев С. И.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

РОЛЬ ЭКСПОРТООРИЕНТИРОВАННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИЙСКОЙ ЭКСПОРТНОЙ ЭКОСИСТЕМЕ [1]

В статье рассматривается возможность диверсификации российской экономики за счет повышения доли несырьевого экспорта малого и среднего технологического предпринимательства. Уточнен термин «экспортоориентированное предпринимательство». Разработана структура формирующейся в России экспортной экосистемы, которая стимулирует и развивает экспортные намерения экспортоориентированных предпринимателей и действующих экспортеров. Разработаны рекомендации по активизации экспортного потенциала малого и среднего технологического предпринимательства.

Ключевые слова: экспортный потенциал, несырьевой экспорт, сырьевая зависимость, диверсификация экономики, рынки будущего

Исследование посвящено актуальной проблеме повышения роли предпринимательства как инструмента осуществления экспортной диверсификации с целью обеспечения устойчивого развития экономики страны и региона. Предметом исследования является экспортный потенциал региона, складывающийся, в частности, и из несырьевого экспорта, объемы которого, согласно дорожной карте, к 2020 г. должны увеличиться в 1,5–2 раза.

Теоретические вопросы сырьевой зависимости актуальны в экономической науке уже не одно десятилетие. О необходимости диверсификации отечественной экономики органы власти начали усиленно говорить 10 лет назад — после существенного падения цен на нефть в пик мирового кризиса 2007 г. Десятилетие — достаточный срок, когда нужно сделать выводы об успешности проводимой политики.

В последние годы государством пересматривается и повышается роль экспортного потенциала. Так одно из 11 основных направлений стратегического развития Российской Федерации выбрано именно «Международная кооперация и экспорт». Цель данных действий более конкретно обозначена в утвержденном приоритетном проекте Минэкономразвития России «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров» (№ 447 от 7 июля 2016 г.) как достижение опережающего роста российских частных высокотехнологических ориентированных на экспорт компаний-лидеров и создание на их основе транснационального бизнеса, базирующегося в РФ.

В этих условиях существенно повышается роль тех предприятий, которые еще не осуществляют экспорт, но потенциально способны. Анализируя сущность экспортоориентированного предпринимательства, можно заключить, что исследователями сформулировано несколько теоретических подходов к его содержанию. Содержание данного явления можно выразить через наиболее близкие определения, такие, например, как определения экспортоориентированного предприятия (табл. 1).

Таким образом, понятие экспортоориентированное предпринимательство имеет определенные составляющие выделенные исследователями, которые можно поделить на качественные и количественные (табл.).

К качественным составляющим экспортоориентированного предприятия можно отнести:

— наличие стратегии экспортной деятельности;

— производство, направленное на завоевывание доли рынка;

— производство продукции на экспорт;

— реализация продукции как стимула активизации экономики страны и расширения спроса отечественного производства;

— превосходящие конкурентные преимущества.

Количественная составляющая — объем экспорта, составляющий не менее 50 % ежегодных продаж предприятия.

В результате изучения подходов исследователей к экспортоориентированному предпринимательству было сформулировано авторское определение. Экспортоориентированное предпринимательство — инициативная деятельность хозяйствующих субъектов, связанная с выпуском конкурентоспособной качественной продукции для реализации ее на внешних рынках с учетом задач внутреннего развития, задач активизации экономики страны и расширения спроса отечественного производства, имеющая

[1] © Глухих П. Л. Осинцев С. И. Текст. 2019.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6580.2018.6.

Таблица

Теоретические подходы к сущности термина «экспортоориентированное предпринимательство»

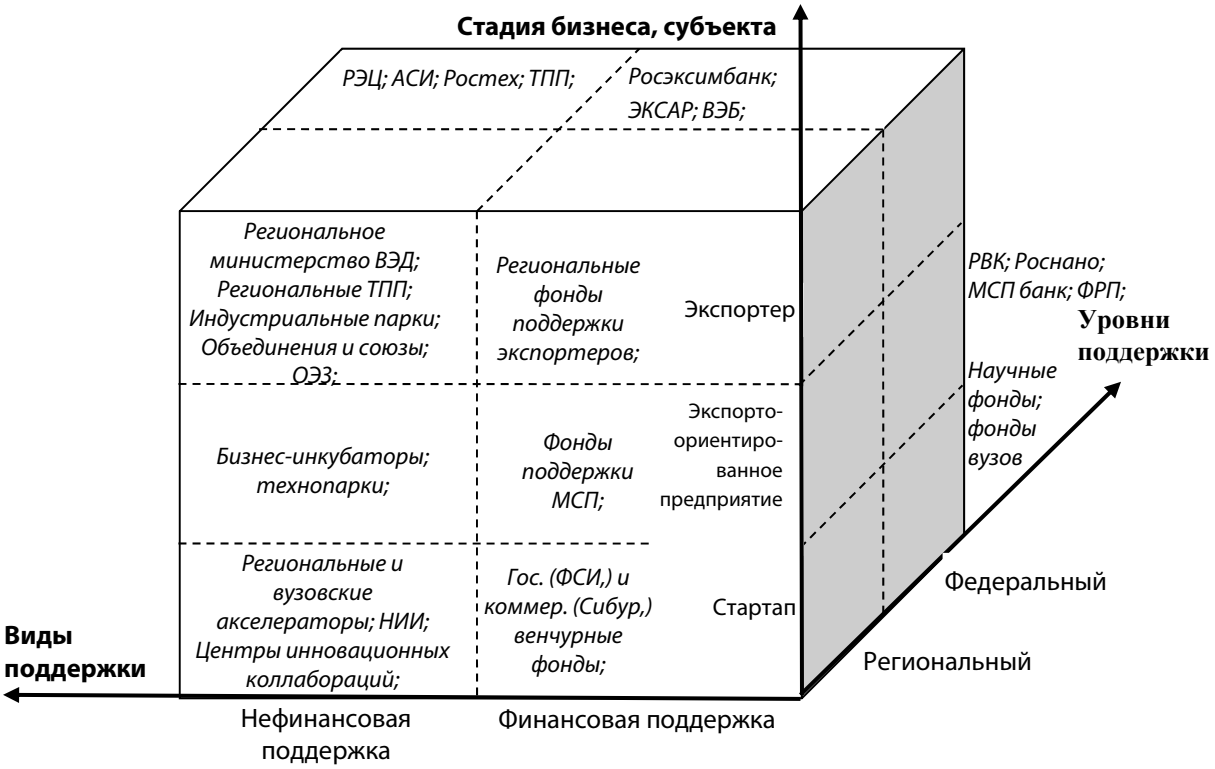
Сущность подхода	Авторы, год	Основные отличия
Экспортоориентированное предприятие — промышленное предприятие, которое активно и регулярно осуществляет экспортные операции, проводит целенаправленную работу по расширению самостоятельной присутствия и укреплению положения на внешнем рынке и рассматривает совершенствование внешнеторговых операций как приоритетное направление развития производственной и коммерческой деятельности	Петин К. А., 2004 г.*	По мнению автора, экспортоориентированное предприятие должно проводить целенаправленную работу по расширению самостоятельного присутствия и укрепления положения на внешнем рынке предприятия
Экспортоориентированные предприятия — предприятия, осуществляющие экспорт продукции, работ, услуг и имеют целью получение прибыли от производственной или, других видов хозяйственной деятельности	Антоневська К. Ю., 2006 г. [1]	По мнению автора, одной из сущностей экспортоориентированного предприятия является получение прибыли от любой доли экспорта производственной или, других видов хозяйственной деятельности
Экспортоориентированным определяется любое предприятие, осуществляющее продажу продукции на экспорт	Вичевич А. М., Максимець О. В., 2009 г.**	Экспортоориентированным авторы считают любое предприятие имеющие даже минимальную долю экспорта продукции
Экспортоориентированное предприятие — предприятие, чей объем экспорта составляет 50 % или выше его ежегодных продаж	Дефевер Ф., Риано А., 2012 г. [8]	Авторы рассматривают определение только со стороны количественных показателей доли экспорта
К экспортоориентированным предприятиям предлагается относить только те компании любых форм собственности, организации и сферы бизнеса, которые значительную часть (не менее 40 %) своей продукции в течение длительного периода (не менее трех лет) реализуют на внешних рынках в соответствии со стратегическими планами	Бирюк О. С. 2014 г. [2]	Основное отличие данного определения от других заключается в рассмотрении не только количественных показателей, но и временных
Экспортоориентированное предприятие — это субъект бизнеса, который производит конкурентоспособные товары, имеет четко сформулированную стратегию экспортной деятельности, обладает достаточным потенциалом для устойчивой работы на международном рынке и поставляет на внешний рынок более 30 % выпускаемой продукции	Куканина К. С., Рычихина Н. С., 2014 г. [5]	Основное отличие данного определения заключается в том, что авторы рассматривают экспортоориентированное предприятие как субъект, имеющий стратегию экспортной деятельности и экспортный потенциал субъекта бизнеса
Экспортоориентированное предприятие –зарегистрированная на территории Российской Федерации организация, осуществляющая производство продукции и поставляющая ее на экспорт либо способная в дальнейшем осуществить	Рыбакина А. С., 2017 г. [7]	Автор рассматривает определение со стороны производства продукции на экспорт и возможности в будущем ее осуществлять

* Петин К. А. Управление внешнеэкономической деятельностью экспортоориентированного предприятия : дис. … канд. экон. наук. Краснодар, 2004 // Библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL: http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/upravlenie-vneshnejekonomicheskoj-dejatelnostju-jeksportoorientirovannogo-predprijatija.html (дата обращения 06.12.2018).

** Вичевич А. М. Анализ внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие. Киев: Печатный дом «Профессионал», 2009. 216 с. URL: http://elar.khnu.km.ua/jspui/bitstream/123456789/4550/1/хмелевськ.pdf (дата обращения 06.12.2018 г.).

определенную стратегию экспортной деятельности, при которой показатели объема экспорта составляют 50 % или выше от его ежегодных продаж.

Разработаны теоретические положения активизации экспортного потенциала малого и среднего технологического предпринимательства в регионах России [4]. Авторский системный подход к экспортному потенциалу позволил выделить основные составляющие его активизации [3]: стремление, возможности и целесообразность выхода или роста продаж на зарубежных рынках. С учетом отмеченных ранее тенденций и готовности органов власти (Председатель Правительства РФ: «На повестке дня стоит проведение структурных и институциональных реформ, позволяющих в полной мере реализовать предпринимательскую инициативу» [6]) авторами разработана формирующаяся в России модель экспортной экосистемы, стимулирующая и развивающая экспортные намерения



Сокращения: РЭЦ — Российский экспортный центр; Росэксимбанк — Российский экспортно-импортный банк; ЭКСАР — Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций; АСИ — Агентство стратегических инициатив; ОЭЗ — особая экономическая зона; ВЭБ — Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк); ТПП — Торгово-промышленная палата; ФРП — Фонд развития промышленности; ФСИ — Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям, «Фонд Бортника»); РВК — Российская венчурная компания

Рис. *Модель экспортной экосистемы содействия экспорту*

экспортоориентированных предпринимателей и действующих экспортеров, включающая органы поддержки и институты развития внешнеэкономической деятельности (рис.).

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод: в формирующихся региональных концепциях развития технологического экспорта слабо представлен принцип информационной открытости из-за нехватки доступного коммуникационного канала с органами власти и структурами содействия экспорту. Поэтому органам власти рекомендуется активнее учитывать запросы и проблемы субъектов предпринимательства через обратную связь, выстроенную на базе реестров экспортеров и экспортоориентированных предприятий региона, в первую очередь, технологических лидеров или претендентов на них.

Также авторами зафиксировано, что в стратегических задачах развития технологического экспорта, как правило, не отражена важность работы с потенциальными экспортерами, в то время как руководители компаний с передовыми технологиями не всегда являются знатоками шансов и возможностей освоения зарубежных рынков. Поэтому государственным и муниципальным структурам поддержки предпринимательства необходимо активизировать работу по раннему мониторингу экспортного потенциала субъектов предпринимательства, а также по информированию о преимуществах и возможностях ориентации на экспорт. Для создания необходимого стимулирующего информационного пространства органам региональной власти рекомендуется внедрить интернет-сервис (агрегатор информации), на котором будет собираться в систематизированном виде и перенаправляться (подписавшимся пользователям по целевым запросам) информация обо всех возможностях и видах поддержки для будущих и действующих экспортеров.

Кроме того, государственным и муниципальным структурам поддержки предпринимательства мы предлагаем пересмотреть и дополнить программы обучения потенциальных и начинающих экспортеров системными знаниями о последовательности подготовки и тактике выхода на международные рынки для формирования стратегического видения диверсификации российского экспорта и разработки эффективных механизмов повышения доли экспорта малого и среднего технологического предпринимательства.

Список источников

1. *Антоневська К. Ю.* Кредитование экспортоориентированных предприятий: автореф. дис. … канд. экон. наук. — Киев, 2006. — 19 с.

2. *Бирюк О. С.* Формирование стратегии экспортоориентированной компании в глобальном бизнесе: автореф. дис. … канд. экон. наук. — Киев, 2014. — 19 с.

3. *Глухих П. Л.* Эффект нового предпринимателя. Кто упускает выгоду? // Финансы и бизнес. — 2012. — № 3. — С. 161–176.

4. Взаимосвязь экспортного потенциала региона и стартап-движения молодежи / Глухих П. Л., Мыслякова Ю. Г., Малышева Е. В., Красных С. С. // Экономика региона. — 2018. — № 4. — С. 1512–1525. — DOI: 10.17059/2018–4-35.

5. *Куканина К. С.* Оценка локального экспортного потенциала промышленных предприятий развивающихся стран // Экономика и предпринимательство. — 2014. — № 2. — С. 34–40.

6. *Медведев Д. А.* Россия-2024. Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. — 2018. — № 10. — С. 5–28.

7. *Рыбакина А. С.* Институты развития экспорта как инструмент экономической политики региона. На примере Ростовской области: дис. канд. экон. наук. — Ростов/н. Д., 2017. — 216 с.

8. *Defever F., Riaño A.* China's Pure Exporter Subsidies // CESifo-Delphi Conference on The Economics of Firm Exporting. — Munich: CESifo GmbH, 2012. — 47 p.

Ильенкова К. М.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ВЗАИМОСВЯЗЬ, СУТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТОВАРНОЙ И АССОРТИМЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ[1]

В статье систематизируются существующие определения понятия «ассортиментная политика» и выделяются восемь точек зрения на него. На основании проведенного анализа описываются девять принципов, определяющих эффективное формирование ассортиментной политики, и формулируется комплексное определение данного понятия. В статье также раскрыто содержание понятия «товарная политика». Проводится сравнительный анализ товарной и ассортиментной политики. Сделан вывод: ассортиментная политика является частью товарной политики и применяется как для торговых, так и производственных организаций, в то время как товарная политика ориентирована только на производственные предприятия.

Ключевые слова: ассортиментная политика, товарная политика, ассортимент, номенклатура, товарная линия, управление ассортиментом, потребности покупателей

В условиях современной динамично развивающейся экономики наблюдается усиление конкуренции, происходит постоянное изменение тенденций рынка. Производственные и торговые предприятия, нацеленные на повышение своей экономической эффективности, стремятся следовать данным трендам, адаптируются к новым реалиям, ищут возможности для дальнейшего развития. Однако существующим инструментам по увеличению продаж, усилению конкурентных позиций на рынке, постоянного поддержания интереса покупателей к собственным товарам путем качественного управления ассортиментной политикой уделяется достаточно мало внимания. Потенциал в сфере управления ассортиментом практически не используется. Поэтому данная тема является достаточно актуальной и требует более детального изучения с учетом складывающихся новых экономических реалий.

Теоретико-методологические аспекты товарной и ассортиментной политики изучались с середины XX в. Наибольший вклад в зарубежной и отечественной науке внесли Ф. Котлер, Е. Дихтль, Х. Хершген Г.Л. Багиев, Т.Д. Маслова, Р.Б. Ноздрева, В.В. Зотов и др. При изучении данной темы наблюдается проблема отсутствия четких границ между товарной и ассортиментной политикой. Автор данной статьи предпринял попытку разобраться в сути данных двух понятий, определить их основные принципы и четко сформулировать их отличия и взаимосвязь.

Единое определение понятия «товарная политика предприятия» в научной литературе на сегодняшний день отсутствует.

Ф. Котлер считает, что «товарная политика» — «многомерная и сложная сфера деятельности, требующая принятия решения о конкретных особенностях товарной номенклатуры, товарного ассортимента, использовании марочных названий, упаковки и услуг. Эти решения должны приниматься не только на основе полного понимания потребностей клиентов и стратегических подходов, используемых конкурентами, но и с постоянно возрастающим вниманием к общественному мнению и законодательным актам, оказывающим влияние на сферу товарного производства» [4]. Автор четко описал основные аспекты работы с ассортиментом производственного предприятия, структурировал две неотъемлемые составляющие товарной политики: ассортиментная политика и марочная политика предприятия. Одновременно, поскольку торговые компании не занимаются разработкой и производством товаров, марочную политику они не реализуют, соответственно, в данном случае ассортиментную и товарную политику можно рассматривать как идентичные понятия. В определении делается акцент на необходимости формирования конечного продукта, способного удовлетворить потребности покупателя.

Г.Л. Багиев сформулировал определение товарной политики, дополнив виденье Ф. Котлера необходимостью получения компанией прибыли от осуществления своей деятельности: «Товарная политика — маркетинговая деятельность, связанная с планированием и осуществлением совокупности мероприятий и стратегий по формированию конкурентных преимуществ и созданию таких характеристик товара, которые делают его постоянно ценным для потребителя и тем самым удовлетворяют ту или иную потребность, обеспечивая соответствующую прибыль фирме» [1].

На основании изученной литературы можно сформулировать следующее определение понятия «товарная политика»: Товарная политика предприятия — это маркетинговая деятельность производственного предприятия, основанная на управлении ассортиментом и марочной политикой (марочные названия, упаковка, товарные знаки, услуги), нацеленная на повышение конкурентоспособности предприятия и обеспечение максимальной прибыли путем удовлетворения потребностей покупателей.

Рассмотрим существующие понятия ассортиментной политики в научной литературе, систематизируем их следующим образом:

[1] © Ильенкова К. М. Текст. 2019.

1. Ю.К. Твильдиане, И.Н. Герчикова, С.А. Николаева, Ш.В. Опельбаум, Л.Я. Баранова, Л.А. Мищенко, В.А. Афанасьев, А.П. Ковалев, О.Г. Сорокина, В.В. Зотов, П.В. Шемитов и др.: Ассортиментная политика — система тактических мероприятий, нацеленная на формирование ассортимента предприятия. Определение носит очень общий и поверхностный характер. Авторы не учитывают главную цель существования предприятия — повышение экономической эффективности его деятельности, получение прибыли и снижение издержек. Отсутствуют такие важные принципы ассортиментной политики, как необходимость удовлетворения потребностей покупателей, учет имеющихся внутренних ресурсов и возможностей предприятия. Упускается стратегический характер данного понятия.

2. А.В. Орлов, Ф.А. Крутикова, Л.А. Полонская, Е. Дихтль, Х. Хершген, М.Х. Мескона, А.В. Пошатаев, М.В. Москалев, Е.И. Семенова, Ф.Н. Алескеров, А.Н. Яровиков, А.И. Алексеева, П.В. Савицкая и др.: Ассортиментная политика — система тактических мер по управлению ассортиментом, нацеленная на удовлетворение потребностей покупателей. В определении не учитывается главная цель существования предприятия — повышение экономической эффективности его деятельности, получение прибыли и снижение издержек, опускается важность учета имеющихся внутренних возможностей и ресурсов компании. Авторы не придают значения стратегическому характеру данного понятия.

3. З.Г. Бургак, А.В. Баев, С.Е. Кован, Л.П. Мокрова, А.Н. Ряховская, А.Н. Азрилиян, Эргард, Герман и др.: Ассортиментная политика — это система мер формирования оптимального ассортимента компании на тактическом уровне, который с учетом возможностей производства и имеющихся ресурсов компании, наиболее полно удовлетворяет потребности покупателей. В данном определении отсутствует главная цель предприятия — получение прибыли организации, повышение ее экономической эффективности и снижение издержек от реализации ассортиментной политики компании. Нет ссылки на стратегический характер данного понятия.

4. В.И. Дарбиян: Ассортиментная политика — система тактических мер, направленная на формирование ассортимента с целью увеличения, прибыли компании путем удовлетворения потребностей покупателей, в рамках имеющихся ресурсов организации. Автор достаточно глубоко анализирует суть ассортиментной политики, стремясь дать наиболее комплексное определение понятия. Единственным недостатком его является отсутствие акцента на стратегическом характере ассортиментной политики.

5. Р. И Бунеева: Ассортиментная политика — система стратегических и тактических мероприятий по разработке ассортимента компании в рамках имеющихся ресурсов организации и иных конъюнктурных составляющих. Автор не учитывает главную цель организации — повышение его экономической эффективности, получение прибыли и снижении издержек. Отсутствует важность удовлетворения потребностей покупателей.

6. Большой экономический словарь: Ассортиментная политика — политика формирования ассортимента с учетом имеющихся ресурсов компании. Определение является достаточно односторонним и не охватывает все аспекты и суть ассортиментной политики. В нем очень подробно описаны внутренние ресурсы, которые влияют на эффективность ассортиментной политики, однако все остальные принципы ассортиментной политики опускаются.

7. В.А. Немков, Р.Б. Ноздрева, Л.М. Цыгичко, О.В. Мяснянкина, А.Н. Асаул, В.А. Алексунин, Е.В. Ильющенко, Е.Г. Минаева, Э.В. Минько, А.П. Ковалев, О.Г. Сорокина, Г.А. Васильев, М.Г. Воронцова, Н.Г. Новикова и др.: Ассортиментная политика — система тактических мер, нацеленная на обеспечение экономической эффективности деятельности фирмы. Определение носит поверхностный характер. Отсутствует необходимость наиболее полного удовлетворения потребностей покупателей, учета имеющихся внутренних ресурсов компании. Упускается стратегический характер понятия ассортиментная политика.

8. В.В. Ковалев: Ассортиментная политика — система стратегических и тактических мероприятий по формированию ассортимента, нацеленная на увеличение прибыли компании. Автор попытался дать достаточно качественное определение ассортиментной политики, акцентируя внимание как на стратегическом, так и на тактическом характере данного понятия, подчеркивая главную цель организации — получение прибыли. Однако вопрос удовлетворения запросов покупателей и учет имеющихся внутренних ресурсов организации не представлен.

Таким образом, качественное управление ассортиментом является очень важным элементом деятельности организации для ее дальнейшего успешного развития. Своевременная реакция предприятия на запросы покупателей и оперативная оптимизация ассортимента в соответствии с выбранной стратегией, а также с учетом всех рыночных изменений позволяет удовлетворять потребности целевых покупателей, что обуславливает экономическую эффективность компании. Переход организации от хаотичного закупа товара к системному подходу по управлению ассортиментом, основанном на стратегическом планировании, позволяет увеличить продажи предприятия [3].

На основании проведенного исследования выделим основные принципы формирования ассортиментной политики:

1. Стратегия, с помощью которой создается оптимальный ассортимент и реализуется общая стратегия организации.

2. Тактические мероприятия, ориентированные на управление товарным ассортиментом (определение набора товарных групп, формирование оптимальной структуры ассортимента, определение номенклатуры), позволяющие реализовать ассортиментную стратегию.

3. Главная цель — повышение экономической эффективности деятельности, увеличение прибыли и снижение издержек предприятия путем создания оптимального товарного запаса.

4. Анализ поведения и ожиданий покупателей, учет их потребностей при формировании ассортимента.

5. Оценка деятельности конкурентов.

6. Учет внутренних возможностей и ресурсов компании (производственные возможности на производстве/складские помещения оптовой и производственной компании/полочное пространство торговой сети, финансовые и инвестиционные ресурсы и др.).

7. Принятие решений на основании анализа (статистика продаж, жизненный цикл товаров (в производстве) и др.).

8. Обеспечение высокого уровня сервиса предприятия, способного своевременно и в полном объеме гарантировать наличие необходимого товара.

9. Формирование положительного имиджа компании.

Комплексный подход при формировании ассортимента предприятия является наиболее эффективным. Учитывая все принципы формирования ассортиментной политики, компания может всесторонне оценить свои возможности, перспективы развития и риски, тем самым максимально повышая эффективность деятельности, увеличивая прибыль и снижая издержки компании. Сформулируем комплексное определение понятия «ассортиментная политика».

Ассортиментная политика — система стратегических и тактических мер по управлению товарным ассортиментом предприятия, включающая глубокий анализ внутренних статистических данных (количественная оценка), рынка, потребностей покупателей (качественная оценка) и деятельности конкурентов, учитывающая внутренние ресурсы и возможности организации, а также нацеленная на увеличение прибыли, снижение издержек, обеспечение потребителей товаром своевременно и в полном объеме, создание положительного имиджа предприятия. Ассортиментная политика применяется как производственными предприятиями, так и торговыми компаниями. Важным моментом является ориентация предприятия непосредственно на целевого покупателя, поскольку удовлетворение потребностей всех покупателей в рамках одного предприятия невозможно.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод: ассортиментная политика является частью товарной политики организации. Данного мнения так же придерживаются такие ученые как Ф. Котлер [4], В.Н. Еремин [2], А.В. Пошатаев, М.В. Москалев, Е.И. Семенова [6], О.У. Юлдашева, А.А. Чубатюк [7]. Товарная политика применяется на производственных предприятиях, ассортиментная политика — как в производственных организациях, так и в торговых компаниях. В торговой компании понятия ассортиментная и товарная политика являются синонимами.

В связи с тем, что вопрос формирования ассортиментной и товарной политики в научной литературе является мало изученным, проблема недостаточно высокой эффективности управления ассортиментом производственных предприятий и торговых компаний является одной из самых актуальных в современных организациях [5].

Ассортиментная политика является важнейшим инструментом снижения издержек и увеличения прибыли предприятия путем удовлетворения потребностей целевых покупателей. Учитывая все выделенные принципы формирования ассортимента, компания может наиболее полно определить номенклатуру эффективных с точки зрения продаж товаров. Систематизация работы предприятия в рамках выбранной ассортиментной стратегии и регулярно формируемых тактических мероприятий по ее реализации в рамках имеющихся внутренних ресурсов и возможностей компании, внедрение системы глубокого анализа потребностей покупателей и деятельности конкурентов, нацеленных на увеличение прибыли и снижение издержек позволяет компании обеспечивать клиентов необходимым товаром в нужном объеме, формировать положительный имидж, успешно развиваться на рынке и постоянно повышать свою экономическую эффективность.

Список источников

1. *Багиев Г.Л., Тарасевич В.М.* Маркетинг: учебник для вузов. 3-е изд. — СПб. : Питер, 2010. — 576 с.: ил. — (Учебник для вузов).

2. *Еремин В.Н.* Маркетинг. Основы и маркетинг информации. — М.: КНОРУС, 2006.

3. *Ильенкова К.М.* К вопросу о понятии ассортиментной политики торгового предприятия. // Менеджмент и маркетинг. Вызовы XXI века. Мат-лы студенч. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного экономического университета, 2016. — С. 174–176.

4. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. Краткий курс : пер. с англ. — М.: Издщательский дом «Вильямс», 2007. — 656 с.

5. *Моисеева Н. К.*, *Голиков Т. Н.*, *Долгачева Е. С.* Менеджмент категорий и мерчендайзинг в розничной торговле // Маркетинг — 2005. — №2 (81). — С. 101–108.

6. Маркетинг / Пошатаев А. В., Москалев М. В., Семенова Е. И. и др. — М.: КолосС, 2007.

7. *Юлдашева О. У.*, *Чубатюк А. А.* Продакт-менеджмент. Управление ассортиментом с учетом потенциала бизнес-партнеров / Высшая экономическая школа (МИПК) Санкт-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов. — СПб. : МИПИК, 2005

Невская А. Д.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ СЕГМЕНТРОВАНИЯ РЫНКА ПРОДУКЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ [1]

В статье раскрывается понятие высокотехнологичного предприятия как составляющая инновационной экономики. Производится анализ рынка путем идентификации целевых сегментов. Дается анализ некоторых особенностей в процессе сегментирования для высокотехнологичных предприятий. Делается вывод, что приведенное в статье сегментирование рынка для конкретного предприятия не является исчерпывающим.

Ключевые слова: региональная экономика, высокотехнологичное предприятия, инновационная экономика, сегментация

В целях повышения эффективности пространственного развития экономики необходимо учитывать региональный особенности; таким образом, следует говорить о том, что Уральский федеральный округ характеризуется большим числом промышленных предприятий. Еще с 2000-х гг. в Российской Федерации наблюдается положительная динамика в развитии промышленности за счет высокотехнологичных предприятий. Преимущественно автоматизация отечественных производств происходит за счет зарубежных поставок (свыше 75 %), в том числе немецкой. Дистрибьюция таких производителей, как SIEMENS AG, RITTAL, Phoenix Contact, Lapp Group, а следовательно, качественный инжиниринг на территории Российской Федерации способствует повышению качества выпускаемой отечественной продукции. Инжиниринг — сфера реализации высокотехнологичных разработок, в том числе с использованием импортных составляющих. [1]

Стратегия инновационного развития Российской Федерации «Инновационная Россия — 2020» стимулирует направление и характер развития инжинирингового предприятия как составляющей инновационной экономики. Стратегия дает ориентиры развития для инновационно активных компаний [2].

Методологически и практически достаточно изучена проблема сегментирования (табл. 1). Однако сегментирование рынка высокотехнологичных предприятий имеет свои особенности.

Сегмент рынка — большая, четко выраженная группа покупателей внутри рынка [3].

Таким образом, следует говорить об особенностях высокотехнологичного предприятия — это компания, функционирующая в секторе высокотехнологичных отраслей, обладающая инновационной активностью, осуществляющая управление на основе инновационных методов и технологий и соответствующая основным общепризнанным в мировой практике требованиям и критериям [5].

Следует отметить, что для высокотехнологичного предприятия характерны уникальные инновационные разработки, к отраслям, входящим в их состав следует отнести:

— производство фармацевтической продукции;

— производство офисного оборудования и вычислительной техники;

— производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи;

— производство медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования;

— производство летательных аппаратов, включая космические.

Инжиниринговая компания занимается промышленной автоматизацией, поскольку она обеспечивает разработку и производство уникальных производственных линий, систем управления и компонентов для автоматизации зданий и промышленных объектов (табл. 2).

К основным особенностям сегментирования высокотехнологичных предприятий следует отнести:

1) сверхбыстрые темпы роста емкости рынка;

2) быстрое появление новых конкурентов;

3) учет индивидуальных технологических особенностей потребителей (традиционные и современные отрасли);

4) особенности ценообразования.

Для анализа сегментации выкотехнологичного предприятия было рассмотрено предприятие ООО «ГК «Технопарк-Автоматизация».

Предприятие ООО «ГК „Технопарк-Автоматизация”» занимается дистрибьюцией электротехнического оборудования для промышленной автоматизации, оно сочетает технику автоматизации SIEMENS и электротехнические конструктивы RITTAL, собственный инжиниринг и сертифицированный монтаж.

[1] © Невская А. Д. Текст. 2019.

Таблица 1

Основные подходы к сегментированию [4]

Автор	Определение
Заяц Т. А., Жаховская В. Л.	Целенаправленный процесс разделения основных субъектов рынка на его отдельные сегменты на основании совокупности критериальных признаков с учетом многовариантности социально-экономической структуры совокупного предложения
Олимских Н. Н.	Разделение рынка на относительно устойчивые части, секторы, сегменты по конкретным объединяющим их признакам
Мосиенко О. С.	Разделение предложения и спроса на устойчивые зоны
Якимова З. В., Торбик В. В.	Разделение рынка на устойчивые замкнутые сегменты (субрынки), лимитирующие движение работников своими границами
Бордачева Н. В.	Процесс формирования в его составе отдельных качественно однородных и значительных по размерам частей (сегментов), выделяемых по ряду параметров
Салпагаров Р. У.	Разделение элементов структуры товара (рабочей силы), ее спроса, предложения и цены — по сегментам и характерным для них признакам формирования, определяемым спецификой функционирования рынка

Таблица 2

Основные мотивы потребления услуг инжиниринговой компании

Сфера деятельности	Управленческие решения	Розничное потребление
Производство стройматериалов Металлургия Нефтегазовая отрасль Энергетика Горнодобывающая	Застройщики Собственники Инвесторы и др.	Перекупщики

В России 28 компаний занимаются дистрибьюцией продукции Siemens, однако лишь у данной компании головной офис располагается в Екатеринбурге. На территории УрФО 5 областей, более 57 наименований отраслей заводов, только по официальной статистике порядка 370 заводов — потенциальных потребителей на данной территории. Отрасль дистрибьюции электротехнического оборудования для промышленной автоматизации предполагает партнерство с фабриками, заводами и прочими производителями разных областей. В данной области следует считать промышленность конечным пользователем.

Социальная сегментация для данного предприятия будет выглядеть следующим образом:

I. Промышленные предприятия, заводы, фабрики;

II. Государственные заказы;

III. Застройщики;

IV. Перекупщики.

Всего в Российской Федерации 12 144 промышленных предприятий (карта промышленности России). Необходимо провести оценку потенциального спроса на услуги ООО «ГК «Технопарк-Автоматизация». Данная процедура предполагает последовательное прохождение следующих этапов:

1) учет числа предприятий использующих ручной труд;

2) учет числа предприятий работающих на устаревшем и не подлежащем обновлению оборудовании;

3) средние темпы обновления

4) среднегодовое число новых производств.

Расчеты показали, что общий спрос на услуги рассматриваемого предприятия составляет около 1692 (табл. 3).

Таблица 3

Определение спроса на услуги ООО «ГК «Технопарк-Автоматизация»

Этап	Начальное число заводов		Итоговое значение
1	12 144 заводов и фабрик	–5 % заводов, использующих ручной труд	11 537 заводов с автоматизированными линиями
2	11 537 заводов с автоматизированными линиями	–4 % заводов, работающих на устаревшем оборудовании	10 930 заводов с обновляемыми автоматизированными линиями
3	Обновляется раз в 5–10 лет	$5 + (10 - 5)/2 = 7{,}5$	7,5 лет средняя скорость обновления оборудования
4	Заводы вводимые в эксплуатацию за год (2014–2017)	$(155 + 262 + 287 + 237)/4$	235 среднее число заводов вводимых в эксплуатацию за год
Итог	$10\,930/7{,}5 + 235 = 1\,692$ потенциальных заказчиков в год		

Следует сделать вывод, что для повышения эффективности пространственного развития экономики необходимо учитывать изменения в сегментах конкретной отрасли, так как достижение эффективности возможно лишь при непрерывном мониторинге рынка. При изучении рынка были выявлены 3 сегмента, «успешные» и «продуманные» были оценены как желаемые. Это характерно для большинства высокотехнологичных предприятий.

Таким образом, эффективность взаимодействия возможна лишь при учете индивидуальных особенностей сегмента (наиболее эффективное взаимодействие с потенциальными потребителями достигается при личном общении и т. п.). В настоящий момент актуально развивать потребление продукции высокотехнологичных предприятий путем сегментирования ринка для определения плана маркетинга.

Список источников

1. *Лаптев А. А.* Понятие высокотехнологичной компании в современной микроэкономической теории // Инновации. — 2007. — № 7 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vysokotehnologichnoy-kompanii-v-sovremennoy-mikroekonomicheskoy-teorii-1 (дата обращения: 01.02.2019).

2. *Максин С. В.* Система управления интеллектуальной собственностью на ОАО «ПО «УОМЗ» // Инновации. — 2012. — № 7. — С. 3–6.

3. *Котлер Ф.* Основы маркетинга Краткий курс : пер с англ. — М.: Издательский дом «Вильяме», 2007 — 656 с.

4. *Цёхла С. Ю.*, *Симченко Н. А.*, *Полищук Е. А.* Методологические подходы к сегментированию рынка труда молодежи // Российское предпринимательство. — 2015. — № 21 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-segmentirovaniyu-rynka-truda-molodezhi (дата обращения: 15.01.2019).

5. *Максин С. В.* Обеспечение конкурентоспособности наукоемкой продукции на основе внедрения технологии информационной поддержки жизненного цикла изделий. На примере ФГУП «ПО «Уральский оптико-механический завод» // Инновации. — 2008. — № 8. — С. 158–167.

Нюренбергер Л. Б., д. э. н., Севостьянова О. Г.
Новосибирский институт экономики и управления, г. Новосибирск

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ[1]

Цель исследования заключается в развитии теоретических и методических аспектов обеспечения стратегической конкурентоспособности и формирования конкурентных стратегий предприятий розничной торговли. Данная цель предопределила постановку следующих задач: исследовать действующие модели обеспечения конкурентоспособности предприятий и адаптировать для предприятий розничной торговли, изучить современную практику применения стратегий на рынке и предложить методический подход к обоснованию выбора конкурентной стратегии для предприятий розничной торговли, исследовать методы оценки конкурентоспособности предприятий и предложить пути их совершенствования для сферы розничных услуг, изучить механизмы управления конкурентоспособностью и предложить организационно-экономический механизм стратегического управления конкурентоспособностью предприятий с учетом особенностей сферы розничных услуг.

Ключевые слова: концептуальная модель обеспечения конкурентоспособности, конкурентная стратегия, интегральная конкурентоспособность

Анализ экономической ситуации на российском рынке свидетельствует о возрастании роли конкуренции и конкурентоспособности предприятий розничной торговли. Современные научные исследования оценки конкурентоспособности предприятий сосредоточены преимущественно в области финансовых и материально-технических конкурентных преимуществ, в то время как конкуренция уходит из сферы ресурсов и разворачивается в сторону конкурентных стратегий.

Необходимость решения ряда проблем, связанных с обеспечением конкурентоспособности предприятий розничной торговли и формированием конкурентных стратегий, обусловила актуальность темы исследования.

В связи с этим встает насущная проблема построения концептуальной модели обеспечения стратегической конкурентоспособности на основе синтеза конкурентных стратегий, отличающейся целостностью, системностью, универсальностью и пригодной для использования на предприятиях розничной торговли. Концептуальная модель обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий розничной торговли была разработана в соответствии со следующими условиями:

1. Сфера торговли рассматривается как динамичная экономическая система, имеющая основные тренды и стратегические направления развития.

2. Для достижения обоснованного результата поэтапно проектируем процесс формирования конкурентных стратегий предприятий розничной торговли в унифицированном виде, начиная с классификации, анализа данных о рыночной стратегии, постановки стратегических целей, определения ключевых показателей эффективности, оценки уровня конкурентоспособности, формирования организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью и стратегического контроля. Таким образом, в результате выполнения представленных мероприятий получена детализированная концептуальная модель обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий розничной торговли (рис. 1).

Построение концептуальной модели обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий розничной торговли предполагает обоснованность каждого шага проектирования, детальную проработку общих требований к предприятиям сферы услуг розничной торговли и последующим объединением индивидуальных особенностей в отдельные группы предприятий для определения вектора развития. На первых двух шагах алгоритма необходимо классифицировать предприятие и провести анализ особенностей корпоративной стратегии — обоснованность процесса выбора достигается путем изучения факторов корпоративной стратегии, влияющих на построение концептуальной модели конкурентоспособности.

1 этап. Классификация компании. Проблематика классификации предприятий сетевой торговли рассмотрена в работах многих авторов. В.В. Радаев классифицирует предприятий розничной торговли по самым разным критериям: от формата, ширины ассортиментной матрицы, территориального расположения и целевого потребительского сегмента [6].

Н.В. Молоткова и Г.А. Соседов выделяют дополнительные критерии, отличительные для предприятия розничной торговли: методы продажи, торговая площадь [2].

Е.Н. Киселева и О.Г. Буданова дополняют критериями, позволяющими дифференцировать предприятия розничной торговли по организационно-правовой форме, набору функциональных особенностей (стационарные, передвижные, сезонные, посылочные и комиссионные) [1].

[1] © Нюренбергер Л. Б., Севостьянова О. Г. Текст. 2019.

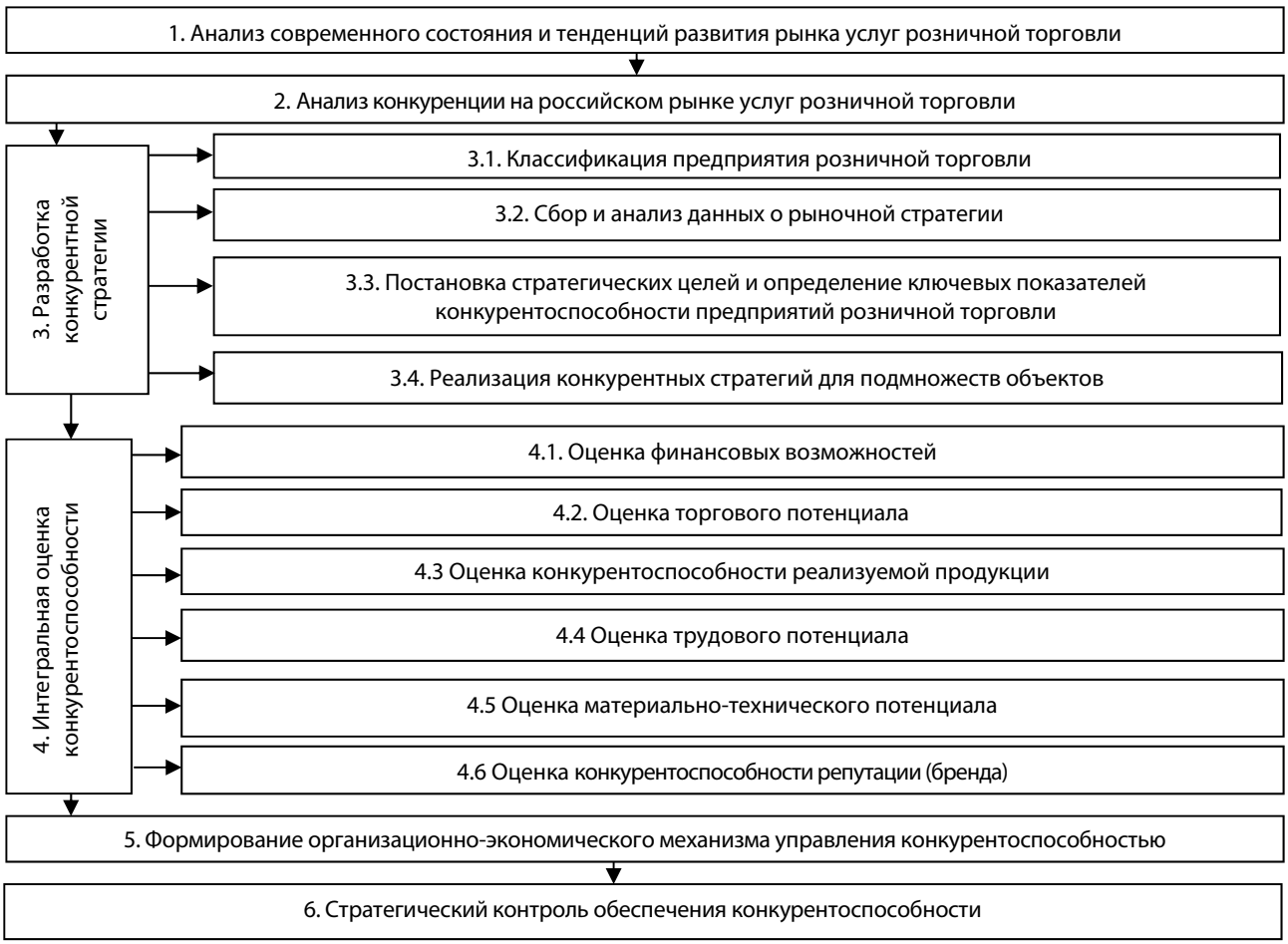


Рис. 1. *Концептуальная модель обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий розничной торговли*

Обзор существующих подходов к классификации предприятий розничной торговли позволяет сделать вывод: большинство из них не отвечает современным тенденциям развития сферы торговли и задачам построения концептуальной модели обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий розничной торговли. В результате исследования было выделено пять критериев классификации:

— зависимость от участников рынка;
— территориальный масштаб;
— форматы продаж;
— каналы продаж;
— ценовые сегменты рынка.

2 этап. Сбор и анализ данных о рыночной стратегии. Результаты классификации предприятий розничной торговли позволяют понять, какие именно аспекты экономической деятельности предприятия нужно подвергнуть глубокому анализу.

Необходимо ответить на вопрос о наличии четко сформулированной корпоративной стратегии предприятия розничной торговли. Очень часто компания понимает под стратегией набор определенных правил действий на рынке, зарекомендовавших на протяжение многих лет, постоянную ассортиментную матрицу и ежегодных маркетинговых мероприятий. Серьезно затруднить задачу может отсутствие четких и измеримых целей экономической деятельности компании (или наличие одной такой цели, заключающейся в целевой прибыли).

В случае отрицательного ответа на этот вопрос построение концептуальной модели обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятия необходимо отложить до времени формирования этой стратегии. Если ответ на поставленный вопрос окажется положительным, то можно приступать к анализу стратегического курса предприятия розничной торговли.

Этап 3. Определение групп предприятий для построения концептуальной модели обеспечения стратегической конкурентоспособности. На основе информации о рыночной стратегии предприятия розничной торговли по параметрам «территориальный масштаб», «формат торговли», «каналы торговли» и «ценовой сегмент» необходимо сделать выводы относительно выделения уровней проектирования концептуальной модели обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий розничной торговли.

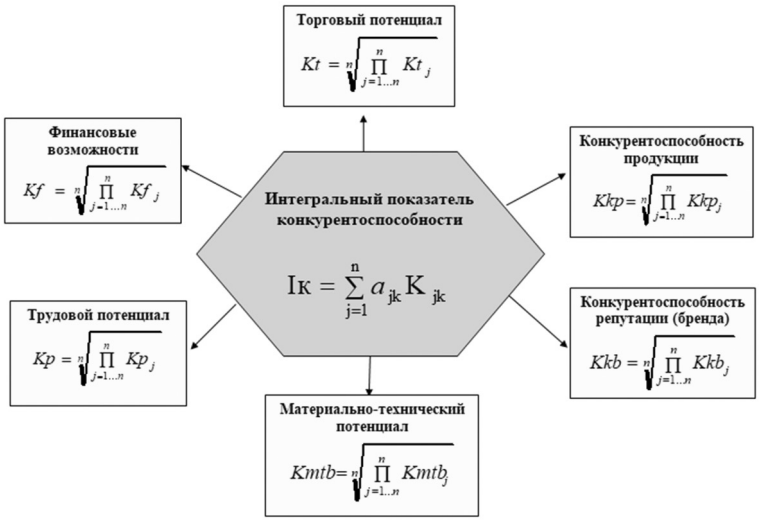


Рис. 2. *Расчет интегрального показателя конкурентоспособности предприятий розничной торговли (сост. автором)*

Этап 4. Выбор конкурентных стратегий для групп предприятий. Четвертый шаг алгоритма позволяет преобразовать полученные данные об особенностях корпоративной стратегии в требования к построению концептуальной модели обеспечения стратегической конкурентоспособности предприятий розничной торговли.

Анализ публикаций зарубежных и отечественных исследователей в области конкурентоспособности [5, 7, 12, 14] позволил выявить комплексные подходы анализа конкурентных стратегий торговой компании для получения необходимых сведений для построения концептуальной модели обеспечения конкурентоспособности:

— стратегия минимизации издержек М. Портера;
— патиентная (нишевая) стратегия;
— коммутантная (приспособительная) стратегия;
— эксплерентная (пионерская) стратегия;
— стратегия дифференциации от конкурентов;
— стратегия клиентоориентированности.

Этап 5. Постановка стратегических целей и определение ключевых показателей конкурентоспособности предприятий розничной торговли. На пятом этапе необходимо сделать выводы о возможности применения конкурентной стратегии, отражающей особенности каждого предприятия розничной торговли. Основой для выводов являются характеристики объектов исследования, форматы и каналы торговли, количество ценовых сегментов и количество брендов, присутствующих в ассортименте.

Таким образом, для реализации конкурентных стратегий исследуемых предприятий розничной торговли можно выделить основные стратегические цели:

— увеличение доли рынка;
— повышение эффективности торговой деятельности;
— увеличение товарооборота;
— повышение производительности труда персонала;
— оптимизация издержек;
— укрепление силы бренда.

Стратегические цели взаимосвязаны с ключевыми факторами успеха. Например, увеличение доли рынка связано с уровнем рентабельности, оптимизацией расходов, скоростью обращения денежных средств. В свою очередь, производительность труда напрямую связана с квалификацией персонала и системой мотивации.

Этап 6. Оценка конкурентоспособности предприятий розничной торговли. Возможность управления конкурентоспособностью предприятий розничной торговли реализуется при построении модели ее оценки [9].

Изучение работ отечественных и зарубежных экономистов позволяет сделать вывод, что дифференцированные подходы к оценке конкурентоспособности предприятий розничной торговли предполагают использование количественных и качественных показателей. Предложенная методика оценки конкурентоспособности предприятий розничной торговли представлена расширенной системой показателей эффективности использования стратегического потенциала (финансовые возможности, торговый потенциал, конкурентоспособность реализуемой продукции, трудовой потенциал, материально-технический потенциал, конкурентоспособность репутации (бренда)), которая отличается от существующих применением расширенной системы частных показателей относительного характера,

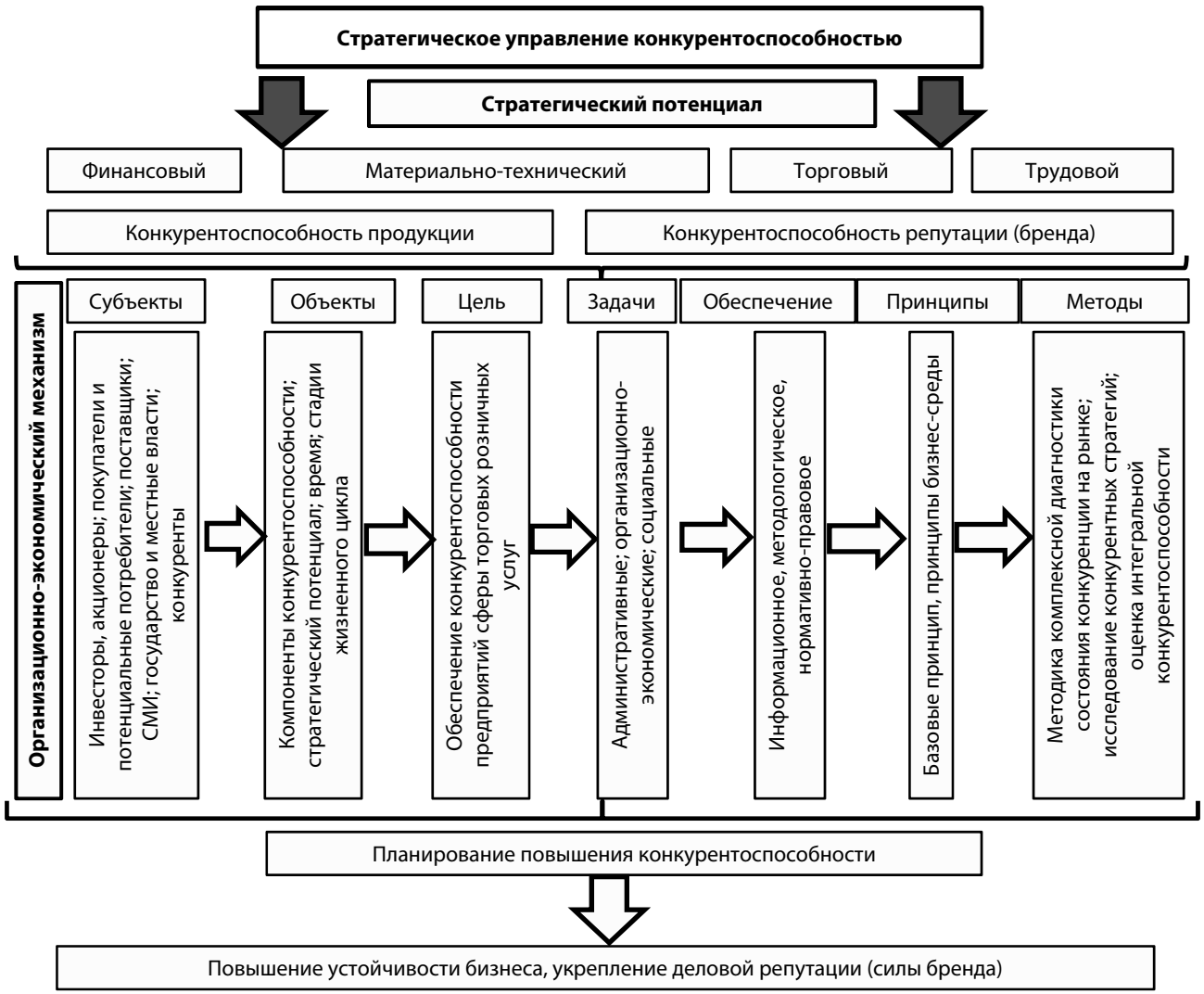


Рис. 3. *Организационно-экономический механизм стратегического управления конкурентоспособностью предприятия розничной торговли*

позволяющего сравнивать параметры оценки конкурентоспособности предприятий разных форматов и масштабов деятельности [10]. При расчете интегрального показателя конкурентоспособности и отдельных компонент использовались формулы, представленные на рисунке 2.

Этап 7. Формирование организационно-экономического механизма управления конкурентоспособностью. Организационно-экономический механизм стратегического управления конкурентоспособностью предприятий розничной торговли сформировался на основе анализа [3, 4, 11, 13] и предполагает выделение следующих этапов управления конкурентоспособностью:

— определение плановых показателей конкурентоспособности;
— организация и координирование действий по управлению конкурентоспособностью;
— стратегический контроль по обеспечения необходимого уровня конкурентоспособности;
— оценка ключевых показателей конкурентоспособности;
— анализ процесса управления конкурентоспособностью;
— корректировка процесса управления конкурентоспособностью.

Организационно-экономический механизм стратегического управления конкурентоспособностью предприятия розничной торговли представлен на рисунке 3.

Разработанная концептуальная модель обеспечения стратегической конкурентоспособности способствует повышению рациональности и позволяет унифицировать процесс формирования конкурентных преимуществ по организационным аспектам, который дополнен методической составляющей по интегральной оценке конкурентоспособности, реализации конкурентных стратегий и контроля эффективности управления стратегическим потенциалом предприятий розничной торговли [8].

Список источников

1. *Киселёва Е. Н.*, *Буданова О. Г.* Организация коммерческой деятельности по отраслям и сферам применения. — М.: Юнити, 2008. — 192 с.

2. *Молоткова Н. В.*, *Соседов Г. А.* Основы коммерческой деятельности. — Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. — 152 с.

3. *Мескон М. Х.*, *Альберт М.*, *Хедоури Ф.* Основы менеджмента: пер. с англ. — М.: Дело, 2002. — 800 с.

4. *Попов С. А.* Стратегическое управление. 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 4. — М.: Инфра-М, 2000. — 304 с.

5. *Портер М.* Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. И. Минервина. — М.: Альпина Паблишер, 2011. — 454 с.

6. *Радаев В. В.* Классификация современных форм розничной торговли // Экономическая политика. — 2011. — № 4. — С. 123–138.

7. *Райс-Джонстон У.* Тактический менеджмент / Пер. с англ. под ред. Л. Н. Ковалик. — СПб.: Питер, 2001. — 672 с.

8. *Севостьянова О. Г.*, *Капелюк З. А.*, *Попова Н. А.* Формирование конкурентной стратегии предприятия сферы торговых розничных услуг. — Новосибирск: СибУПК, 2018. — 169 с.

9. *Севостьянова О. Г.* Управление конкурентоспособностью торгового предприятия // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2017. — Т. 65, № 4 — С. 291–301.

10. *Севостьянова О. Г. Попова Н. А.* Актуальные проблемы оценки конкурентоспособности бренда // Мир экономики и управления. — 2016. — Т. 16, № 1. — С. 116–126.

11. *Томпсон А. А.*(мл.), *Стрикленд А. Дж.* (III) Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации для анализа, 12-е изд.: пер. с англ. — М. : Издательский дом «Вильямс», 2002 — 928 с.

12. *Трофимова Г. К.*, *Сапрыкин И. В.* Конкурентная стратегия фирм и банков. — М. : МИИТ, 2001. — 214 с.

13. *Ялунина Е. Н.* Конкурентоспособность розничного торгового предприятия: автореф. дисс. … канд. экон. наук. — Екатеринбург, 2007. — 26 с.

14. *Фатхутдинов Р. А.* Стратегическая конкурентоспособность. — М.: Экономика, 2005. — 512 с.

Реутов Р. В.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ДЕФЕКТЫ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ [1]

В статье отражены основные аспекты такого экономического явления, как дефект банковской системы. Автор раскрывает его содержание, осуществляет систематизацию дефектов банковской системы. В статье уделяется особое внимание негативным последствиям в банковской системе при возникновении в ней указанных дефектов.

Ключевые слова: банк, банковская система, банковский рынок, дефект

В течение почти 30-летней истории развития банковский сектор России на пути формирования устойчивой модели ориентировался на возможную государственную поддержку в стрессовых ситуациях экономики и при возникновении проблем у банков. В период 2013–2017гг. Банк России, санировав 35 банков и ликвидировав 346, потратил на данный процесс 2,7 трлн руб., что почти равно дефициту федерального бюджета России за 2016 г. [2] В феврале 2019 г. международное рейтинговое агентство Moody's, повысив суверенный рейтинг России со спекулятивного «Ba1» до инвестиционного «Baa3» [3], указало, что повышение рейтинга России отражает «… позитивное влияние мер, введенных в последние годы и направленных на то, чтобы усилить уже надежные государственные финансы России и внешние показатели и снизить уязвимость страны перед внешним воздействием, включая недавние санкции» [4].

При этом банковская отрасль характеризуется достаточно большим комплексом проблем и недостатков, таких как высокая концентрация, слабая конкуренция, зависимость от внешних факторов, непрофессиональный и коррумпированный менеджмент и др. Все это можно характеризовать как «дефекты» банковского рынка (рынка сбыта банковских услуг [5]) или, с точки зрения институционального подхода, «дефекты» банковской системы.

Настоящая работа посвящена анализу дефектов банковской системы, квалификации их по видам, раскрытию их влияния на функционирование указанной системы. В настоящее время в научной литературе не уделяется достаточного внимания изучению данного явления, в основном дефекты и недостатки анализируются применительно к рынку в целом как макроэкономическому явлению. При этом представляется необходимым выявить специфические черты и особенности дефектов банковской системы (банковского рынка) как особого сектора экономики, регулируемого специальным органом (Банком России) и действующего в рамках специального банковского законодательства. Наработки в области систематизации дефектов банковской системы, выявление их причин, последствий и влияния на систему позволят сформировать эффективный механизм устранения (минимизации) указанных негативных факторов.

Целью исследования является теоретическая разработка методики выявления и систематизации дефектов банковской системы (рынка), анализ их влияния на ее функционирование. В целях исследования данного экономического феномена необходимо выполнить следующие задачи: сформировать его категорийно-понятийный аппарат, осуществить систематизацию дефектов банковской системы по определенным основаниям, выявить, каким образом указанные недостатки проявляются при функционировании банковской системы (рынка).

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых в области банковского дела, зарубежных ученых в сфере экономической теории. При решении поставленных задач использовались общенаучные методы — анализ, экономико-статистические методы. Информационной базой послужили официальные статистические данные о функционировании банковского рынка, материалы и исследования отечественных рейтинговых агентств, информационные и аналитические материалы Банка России.

Прежде всего, укажем, что под дефектом (лат. defectus) понимается изъян, недостаток [2, с. 381], несоответствие изделия, товара или выполненной работы установленным требованиям [8, с. 82], либо (от англ. *defective*): 1) неполный, с изъяном или дефектом, 2) недостаточно безопасный для использования [9, с. 199]. По степени значимости различают критические (использование продукции по назначению

[1] © Реутов Р. В. Текст. 2019.

[2] Владислав Иноземцев Пейзаж после паники. Что ждет российскую банковскую систему // РБК.ру [Электронный ресурс]. URL:https://www.rbc.ru/opinions/finances.

[3] Агентство Moody's повысило суверенный рейтинг России [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/sport/news/600814-moodys-povysilo-reiting-rossiya.

[4] Агентство Moody's повысило суверенный рейтинг России [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/sport/news/600814-moodys-povysilo-reiting-rossiya.

[5] Банковское дело: учебник / под ред. д-ра экон. наук, проф. Г. Г. Коробовой; изд. с изм. М. : Экономистъ, 2006. 766 с.

практически невозможно, недопустимо), значительные (существенно снижающий качество продукции, но допускающий ее использование после устранения дефекта) и несущественные дефекты (практически не влияет на использование продукции и ее долговечность, а отражается, скажем, на внешнем виде, дизайне изделия) [8, с. 82]. Дефект, устранение которого технически возможно и экономически целесообразно, называется устранимым, в обратном случае дефект признается неустранимым. Дефект может быть явным или скрытым, выявляющимся в процессе пользования товаром [8, с. 82].

Под системой понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство [2, с. 1215]. Банковская система — совокупность различных видов банков и других кредитных институтов данной страны, принципы деятельности которых регулируются законодательно [3, с. 34], совокупность разных видов взаимосвязанных банков и других финансово-кредитных учреждений, выполняющих банковские функции, операции [7, с. 34]. В.Л. Кураков уточняет, что банковская система (banking system) — совокупность различных видов банков в их взаимосвязи, характерная для той или иной страны в определенный исторический период [5, с. 25]. В соответствии с законодательством в России, существует двухзвенная банковская система: нижнее звено состоит из кредитных организаций (в т. ч банков), а также филиалов и представительств иностранных банков[6], верхнее звено образует Банк России, осуществляющий в отношении банков регулирующие и надзорные функции. В развитие понятия банковская система А.М. Тавасиев акцентирует внимание на ее включенность в экономическую систему страны и цели ее функционирования — удовлетворение всего объема потребностей общества в банковских продуктах (услугах) в полной мере и с максимально возможной степенью эффективности[7].

Банковская система — это единство функционально самостоятельных, органически взаимосвязанных подсистем, обеспечивающих эмиссию денег, их обращение, наличный и безналичный оборот, сбалансированность денежного спроса и предложения, расчеты в денежной форме и предоставление кредита на основе использования адекватных инструментов и эффективного взаимодействия центрального банка, коммерческих банков и инфраструктурных звеньев этой системы[8]. Б.Н. Топорнин дополнительно указывает на общность задач участников банковской системы (все они обслуживают единую государственную денежно-кредитную политику) [10, с. 76].

В свою очередь, банковский рынок — это рынок банковских продуктов, под которым понимаются экономические отношения, возникающие в сфере непрерывного обмена экономическими благами между держателем и потребителем блага, которые являются инструментом повышения устойчивости банковской системы [4, с. 15–17].

В рамках настоящей работы будут рассматриваться дефекты банковской системы, то есть недостатки и проблемы функционирования всех включенных в нее элементов с учетом выполняемых ими функций на рынке. Анализ содержания понятия банковской системы и банковского рынка позволяет осуществить классификацию их дефектов по следующим квалифицирующим признакам:

1. По масштабу (широте охвата) — дефекты банковской системы в целом и дефекты, присущие отдельным звеньям данной системы (прежде всего коммерческим банкам как субъектам рынка). В первом случае можно говорить о таком явлении, как информационная асимметрия (различие в доступе к соответствующим (релевантным) знаниям[9]), характеризующей весь рынок в целом, во втором — о проблемах функционирования отдельных банков, испытывающих проблемы ликвидности, платежеспособности, находящиеся в процедуры санации и т. д. О масштабе дефектов в банковской системе свидетельствует следующий факт. По результатам стресс-тестов ЦБ, данные которых приводятся в его «Отчете о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2017 году», в случае негативного макроэкономического сценария 117 российских банков (на 01.01.18 в РФ действовало 561 кредитная организация[10]) могут столкнуться с дефицитом капитала в совокупном размере порядка 0,5 трлн руб., то есть, речь идет о проблемах практически четвертой части всех банков России, на которые приходится 30,6 % активов всего банковского сектора[11]. Также в феврале 2019 г. в «Известиях» была опубликована информация о нахождении почти 150 небольших банков в России на грани банкротства вследствие

[6] О банках и банковской деятельности. С изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 (ред. от 27.12.2018)

[7] Организация деятельности коммерческих банков. Теория и практика: учебник для магистров / А. М. Тавасиев, В. Д. Мехряков, О. И. Ларина. М.: Издательство Юрайт, 2016. 735 с.

[8] Деньги, кредит, банки: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. В. Ю. Катасонова, В. П. Биткова; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 499 с.

[9] Мэнкью Н., Тейлор М. Экономикс. 2-е изд. СПб.: Питер, 2013. 656с.

[10] См. https://www.cbr.ru/statistics.

[11] Дыры после стресса. Что обнаружил ЦБ во время тестирования банков // РБК.ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/finances.

повышенных отчислений в Агентство по страхованию вкладов, в том числе в связи страхованием счетов малого и среднего бизнеса [12].

2. По региональному признаку возникновения дефекта — локальные (возникшие на локальном рынке), региональные (возникшие в пределах конкретного региона либо нескольких регионов) и национальные (в пределах государства в целом, наблюдаемые в период масштабного кризиса).

3. По содержанию воздействия на элементы системы — дефекты взаимодействия элементов банковской системы между собой (например, недобросовестная конкуренция), не связанные с предоставлением банками услуг клиентам, и дефекты обслуживания клиентов, имеющий масштабный характер (нарушение прав потребителей, «навязывание» дополнительных услуг банками, сокрытие полных условий кредитования и т. д.).

4. В зависимости от уровня банковской системы — дефекты регулирования и пруденциального надзора центрального банка и дефекты исполнения и соблюдения законодательства и требований макрорегулятора низшим звеном системы — коммерческими банками, а также другими финансово-кредитными учреждениями, выполняющими банковские функции, операции.

5. По временному аспекту — постоянные, долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные дефекты банковской системы (рынка).

6. По направленности воздействия — дефекты внешние (воздействие которых направлено на другие отрасли экономики либо привнесено из других отраслей народного хозяйства) и дефекты внутренние (негативный эффект от которых возникает и проявляется исключительно внутри банковской системы).

7. По степени воздействия — критические (то есть нарушающие единство и целостность банковской системы), значительные и несущественные, влияние которых на банковскую систему не так значительно.

8. С точки зрения законодательного регулирования — дефекты, механизмы устранения или смягчения которых предусмотрены законодательством, и дефекты, устранение которых в связи с наличием пробелов или коллизий в законодательстве вызывает затруднения у участников рынка.

9. В зависимости от правомочий субъекта банковской системы — дефекты, устранение и минимизацию последствий которых осуществляет макрорегулятор, и дефекты, устранение и минимизация последствий которых осуществляется на втором уровне банковской системы — самостоятельно коммерческими банками, либо, в редких случаях, макрорегулятором и банками. В последнем случае показателен пример, когда в целях устранения недостатка достоверной информации и независимой оценки платежеспособности различных организаций (от бизнеса до государств) 27 крупнейшими российским компаниями и финансовыми институтами 20 ноября 2015 г. было учреждено Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА) [13].

10. В зависимости от влияния на выполнение банковским рынком своих функций — дефекты ценообразования (когда цена на рынке складывается не как результат равновесия спроса и предложения), информационные дефекты (включая асимметрию информации, когда рынок не предоставляет объективной информации об общественно необходимом количестве, ассортименте и качестве тех товаров и услуг, которые на него поставляются), дерегулирование и дестимулирование на рынке (рынок перестает выполнять регулирующую и стимулирующую функции).

Типология дефектов банковской системы характеризует сложность этого явления, объединяющего типовые и множество уникальных ситуаций. Рассматриваемые дефекты приобретают реальное проявление и значение в том случае, когда банковская система не может либо не в полной мере может выполнять свои функции, когда дестабилизируется функционирование системы либо когда банки не могут осуществлять надлежащее обслуживание своих клиентов.

Банковская система выполняет следующие основные функции: (а) функцию организации денежных расчетов, (б) функцию аккумулирования временно свободных денежных средств и (в) функцию кредитования приоритетных отраслей экономики [14]. Также банковская система выполняет и публично-правовую функцию, реализуемую через кредитные организации, которые выступают в качестве агентов валютного и налогового контроля, осуществляют полномочия в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, а также в сфере исполнительного производства [1]. Соответственно, дефекты банковской системы в случае из возникновения в зависимости от их масштаба и направленности делают невозможным полностью или частично выполнение банковской системой указанных функций. К примеру, по итогам 2018 г. лицензии были отозваны у 57 банков, ключевые причины — нарушение 115-ФЗ и высокорискованная кредитная политика [15].

---

[12] «Спасение отчисляющих: взносы малых банков в АСВ предлагают снизить» https://iz.ru/844518.

[13] См. https://www.acra-ratings.ru/about.

[14] Скворцова Т. А., Смоленский М. Б. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. 402 с. [Электронный ресурс]. Доступ их справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

[15] Банковский сектор в 2018 году. Ставка на крупных // Эксперт РА [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/

Н.П. Белотелова выделяет несколько характеризующих банковскую систему признаков[16]. С точки зрения наличия у банковской системы данных признаков присутствие дефекта в системе исключает какой-либо признак из ее характеристики. Так, проявление дефектов в банковской системе может выразиться в наличии в ней учреждений (элементов), которые не отвечают конкретным целям системы, в нарушении единства составляющих данную систему элементов, в стагнации системы, отсутствии ее развития, совершенствования и саморегулирования, наличие дефектов также в крайнем случае может проявиться в невозможности управления системой.

Российская банковская система характеризуется комплексом дефектов (недостатков), которые присущи ей практический весь период ее существования. Так, негативным фактором является неравномерное распределение кредитных организаций в стране, что влияет на доступность потребителям банковских продуктов и повышение конкуренции в регионах. На 01.01.2019 56,2 % всех кредитных организаций было зарегистрировано в Центральном федеральном округе (из них в г. Москве и Московской области — 50,6 %), при этом доли каждого из 6 федеральных округов не превышают 10 %, доля кредитных организаций в Приволжском федеральном округе — 13,8 %[17].

Также негативным фактором считается высокая концентрация на рынке банковских услуг — 5 самых крупных банков по величине активов сосредоточили 60,4 % всех активов всей банковской системы (показатель 20 крупнейших банков — 81,6 % всех активов банковской системы)[18]. Учитывая наличие на 01.01.2019 484 действующих кредитных организаций, уровень концентрации активов в банковской системе в пределах нескольких банков не позволяет характеризовать последнюю как конкурентную.

Анализируя «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов (проект)» можно выделить стратегические ориентиры, которые Банк России определил как приоритетные для развития данного рынка: формирование доверительной среды, развитие конкуренции на финансовом рынке, поддержание финансовой стабильности и обеспечение доступности финансовых услуг. И хотя макрорегулятор на это прямо не указывает, данные направления характеризуют его попытки нейтрализовать или смягчить действие дефектов (недостатков) банковского рынка. ЦБ РФ указывает на необходимость справедливой конкуренции, на формирование доверительной среды, включающей устойчивость кредитных организаций, доверие к нацвалюте, технологиям и платежным системам. И эти элементы также характеризуются наличием дефектов (слабоконкурентный банковский рынок, неустойчивость банков, большое доверие инвесторов к банкам с государственным участием в капитале в ущерб частным банкам, использование банками устаревших и неэффективных технологии и т. д.). Обеспечение финансовой стабильности банковской системы направлено на минимизацию дефектов зависимости от внутренних и внешних шоков, макроэкономического непостоянства, а также от потребительских и инфляционных ожиданий на рынке.

Для создания устойчивой и эффективной банковской системы должен существовать механизм устранения указанных дефектов либо минимизации негативных последствий дефектов банковской системы, под которым понимается комплекс способов, мер, инструментов, способствующий выявлению, идентификации, анализу, устранению либо минимизации последствий дефектов, применяемый участниками банковской системы (макрорегулятором, отдельным банком или объединением банков) в целях эффективного выполнения банковской системой своих функций, укрепления конкуренции на рынке, недопущения распространения негативных последствий дефекта на иные отрасли экономики.

Подводя итог необходимо указать, что эффективная система выявления, анализа, предотвращения и устранения (минимизации) дефектов банковской системы способна обеспечить эффективную работу механизмов саморегулирования банковской системы, поддержания ее целостности и эффективности.

Список источников

1. *Бацура М. С.* Субъекты банковского права. — М.: Проспект, 2018. — 176 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская Энциклопедия, 1988. — 1600 с.

3. *Гацалов М. М.* Современный экономический словарь-справочник. — Ухта: УГТУ, 2002. — 371 с.

4. *Данченко Е. А.* Развитие рынка банковских продуктов на основе исламского банкинга: дис. … канд. экон. наук. — Ростов н/Д, 2015.

5. *Кураков В. Л.*, *Якушкин А. В.* Экономический словарь для предпринимателей. — Чебоксары : Изд-во Чуваш, ун-та, 2000. — 277 с.

researches/banks/bank_sector_2018.

[16] Деньги. Кредит. Банки: учебник / Н. П. Белотелова, Ж. С. Белотелова. 4-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. 400 с.

[17] Обзор банковского сектора Российской Федерации. Интернет-версия. Аналитические показатели // Цкентральный Банк Российской Федерации. 2019. Экспресс-выпуск № 196 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/analytics/bnksyst.

[18] Там же.

6. Словарь предпринимателя / Под ред. проф. Н. Н. Пилипенко; 6-е изд. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. — 580 с.

7. Словарь современных экономических терминов / Б.А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский; 4-е изд. — М. : Айрис-пресс, 2008. — 480 с.

8. *Федоров Б. Г.* Новый англо-русский банковский и экономический словарь. — СПб.: ООО «Издательство „Лимбус Пресс”», 2006. — 848 с.

9. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. — М.: Юристь, 2001. — 1272 с.

Синянская Е. Р., к. э. н., Балина А. В.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗАТРАТАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОГРАММАХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ, ЗА СЧЕТ ОПТИМИЗАЦИИ МЕТОДОВ КАЛЬКУЛИРОВАНИЯ [1]

В статье рассмотрены пути совершенствования управления затратами на предприятиях, которые, в соответствии с программами импортозамещения, производят реорганизацию существующих либо вводят в действие новые учетно-аналитические процедуры, позволяющие оценить эффективность и осуществлять мониторинг производимых преобразований. Проанализированы преимущества и недостатки двух пар методов управленческого учета, позволяющих выбирать наиболее оптимальные варианты калькулирования (методы полной и сокращенной себестоимости, и методы учета по нормативным и фактическим затратам). Выявлено влияние каждого из методов на финансовые результаты деятельности компаний, а также необходимость использования их совокупного влияния на принимаемые решения при планировании затрат.

Ключевые слова: затраты, финансовые результаты, методы калькулирования

В условиях нестабильной международной обстановки и введения экономических санкций перед российскими предприятиями поставлена задача повысить качество, а также освоить новые виды производимой продукции, в том числе для целей импортозамещения. В связи с этим в научной литературе расширяется поиск путей более эффективного планирования и анализа факторов, оказывающих влияние на финансовые результаты деятельности компаний.

Данные вопросы являются актуальными для выпуска как традиционного для данного предприятия ассортимента, так и для вновь разрабатываемых изделий. В первом случае необходимо выявление резервов, позволяющих максимально оптимизировать затраты для повышения конкурентоспособности отечественного продукта по сравнению с импортным. Во втором случае преобладают возможности планирования и реализации наиболее приемлемых вариантов в зависимости от поставленных целей по количественным и качественным характеристикам продукции и потенциальных потребителей.

Деятельность любого экономического субъекта определяется конечным финансовым результатом, поэтому важно владеть методами повышения конкурентоспособности, знаниями и навыками финансового менеджмента [3]. Для улучшения финансового состояния компании используют различные способы: поиск путей увеличения объема продаж, новых каналов сбыта, расширение ассортимента и т. д. Однако одним из основных факторов увеличения прибыли является оптимизация затрат, включаемых в себестоимость производимой продукции (работ, услуг).

Выпуск продукции или оказания услуг предполагает соответствующее ресурсное обеспечение. Это обеспечение связано с использованием сырья, материалов, энергии, выплатой заработной платы работникам, отчислениями на обязательное социальное и пенсионное страхование работников, начислением амортизации и других необходимых для жизнедеятельности компании затрат. Посредством процесса обращения все расходы компании должны возмещаться из выручки от реализации продукции (работ, услуг). Таким образом обеспечивается непрерывность производственного процесса. В ходе такого процесса формируется себестоимость продукции (работ, услуг), которая в конечном итоге определяет финансовые результаты компании.

В российской практике для оценки себестоимости чаще всего используется бухгалтерский подход. Например, А.Д. Шеремет и А.Н. Хорин себестоимость продукции (работ, услуг) определяют как выраженные в денежном эквиваленте затраты, используемые в процессе производства продукции (работ, услуг), а также для сохранения и улучшения условий производства [5]. В.М. Богаченко и Н.А. Кириллова под себестоимостью понимают затраты компании на производство продукции (работ, услуг) в размере стоимости ресурсов, потребленных услуг, выполненных сторонними компаниями в целях осуществления уставной деятельности [1].

Не всегда простое сокращение затрат способствует достижению необходимого эффекта. Наиболее ярким примером является то, что экономия на стоимости материальных ресурсов часто происходит в ущерб качеству производимых изделий, особенно для продукции, подлежащей сертификации. Аналогичные проблемы могут возникать и с другими видами затрат, особенно связанными с человеческим фактором — квалификационными характеристиками производственного и управленческого персонала, степенью автоматизации производственных процессов, условиями труда, использованием инновационных разработок.

В связи с этим более корректно говорить не о снижении или экономии затрат, а об их оптимизации. Для повышения эффективности управления затратами необходимо выбирать наиболее приемлемый

[1] © Синянская Е. Р., Балина А. В. Текст. 2019.

из нескольких рассматриваемых вариантов, для чего требуется проанализировать преимущества и недостатки каждого из них на соответствующих прогнозных показателях.

Для управления себестоимостью на первом этапе необходимо выбрать метод учета затрат. Метод учета затрат — это совокупность способов по учету и систематизации в учетных регистрах данных о затратах на производство продукции (работ, услуг) и исчисления ее себестоимости. Метод учета затрат подбирается отдельной компанией самостоятельно, так как во многом зависит от специфики деятельности, номенклатуры и ассортимента продукции, технологии и длительности производственного процесса, обеспеченности необходимым оборудованием и кадрами.

При выборе метода ставится цель калькулирования себестоимости — либо затраты распределяются по продуктам, по изделиям, по процессам, по переделам, либо вообще не распределяются. Любой метод учета затрат скажется на финансовом результате деятельности компании. В силах каждой компании определить направление этого влияния посредством правильного выбора метода учета затрат.

В российской практике наиболее распространены в зависимости от оперативности учета и контроля затрат метод фактической себестоимости и нормативный метод, в зависимости от полноты учета метод полной себестоимости и метод «директ-костинг» [2].

Метод полной себестоимости предполагает равномерное отнесение всех затрат на реализованную продукцию и ее остатков. Полная себестоимость — это совокупность всех затрат как на производство, так и на реализацию.

Метод «директ-костинг» или метод сокращенной себестоимости предполагает разделение затрат на постоянные и переменные. Он заключается в том, что себестоимость определяется переменными затратами, а постоянные собираются на счете общехозяйственных расходов и напрямую списываются на счета финансовых результатов как расходы периода. То есть постоянные затраты признаются убытками и списываются в полном объеме. Себестоимость готовой продукции и ее остатков на складе на начало и конец отчетного периода рассчитывается по переменным затратам. При этом коммерческие и административно-хозяйственные расходы в производственную себестоимость не включаются.

Рассмотрим на условном примере преимущества и недостатки использования методов полной и неполной себестоимости. ООО «Печатный город» производит печатные платы. За отчетный период ООО «Печатный город» произвело 100 шт. печатных плат, 60 шт. из них реализовало по 3000 р. за шт. За это время трудовые затраты компании составили 40000 р., материальные — 50000 р., общепроизводственные — 15000 р., управленческие — 35000 р.

Расчет себестоимости методом полной себестоимости

Для начала рассчитаем себестоимость единицы продукции: (40000 руб. + 50000 руб. + 15000 руб. + + 35000 руб.) / 100 шт. = 1400 руб. Себестоимость реализованной продукции составила 1400 руб. × 60 шт. = = 84000 руб. Себестоимость остатков продукции на конец отчетного периода составила 1 400 р. × 40 шт. = = 56000 руб.

Выручка от реализации продукции составила 3000 руб. х 60 шт. = 180000 руб., а себестоимость этой продукции — 84000 руб. Таким образом, финансовый результат определился как прибыль в размере 180000 руб. — 84000 р. = 96000 руб.

Расчет себестоимости методом сокращенной себестоимости

Рассчитаем себестоимость единицы продукции: (40000 р. + 50000 р. + 15000 р.) / 100 шт. = 1050 р. В себестоимость продукции, рассчитанную методом «директ-костинг», управленческие расходы не включаются. Себестоимость реализованной продукции составила 1050 р. х 60 шт. = 63000 р. Себестоимость остатков продукции на конец отчетного периода соответственно будет 1 050 р. × 40 шт. = 42000 р.

Если выручка от реализации также остается 180 000 р., а управленческие расходы в размере 35 000 р. напрямую отнесены на финансовые результаты компании, то финансовый результат будет определен в размере 180 000 р. – 63 000 р. – 35 000 р. = 82 000 р.

Таким образом, списание расходов периода без распределения по калькуляционным объектам способствует снижению прибыли для целей бухгалтерского учета и формирования отчетности, что может быть рассмотрено налоговыми органами как необоснованное занижение налогооблагаемой прибыли.

Метод «директ-костинг» позволяет управлять себестоимостью путем своевременного выявления продукции, работ, услуг с большей рентабельностью в целях увеличения ее объемов и проведения эффективной политики цен. Метод полной себестоимость возможности такого анализа не позволяет, так как в состав себестоимости входят переменные затраты, денежная величина которых известна только в конце отчетного периода. Метод полной себестоимости особенно важен в целях определения финансовых результатов компании для оценки целесообразности производства новых видов продукции, так как отражает все затраты на единицу продукции (работ, услуг). В свою очередь при использовании метода «директ-костинг» можно уменьшить налог на прибыль. Однако при использовании данного метода значительно завышается себестоимость реализованной продукции, так как переменные затраты полностью относятся на финансовые результаты, а это приводит к уменьшению прибыли, налога на прибыль и показателей рентабельности.

Другая наиболее распространенная в финансовом и управленческом учете классификация — учет по фактическим либо по нормативным затратам. Метод учета фактических затрат — это полный документально подтвержденный учет всех затрат, который направлен на выявление в конечном итоге фактической себестоимости продукции (работ, услуг) через систематизацию всех затрат на ее производство. Фактическая себестоимость определяется количеством и ценой использованных ресурсов.

Нормативный метод учета затрат заключается в предварительном составлении нормативной (плановой) калькуляции себестоимости по каждому изделию на основе норм и смет, действующих в компании или на федеральном (отраслевом) уровне. Он направлен на выявление и отражение фактической себестоимости продукции через расчет отклонений от норм. Отклонением в данном случае признается разница между фактическими и нормативными затратами, которая может быть как положительной, так и отрицательной.

Применение нормативного метода учета затрат предполагает три этапа. Первый — подготовительный этап, в ходе которого разрабатывается технологический процесс, производится нормирование всех видов затрат (материальных, трудовых, энергетических и прочих ресурсов), составляется нормативная калькуляция. Второй — производственный, во время которого учитываются изменения норм и выявляются отклонения от норм. Третий — заключительный, на этапе которого происходит расчет фактической себестоимости, учет и анализ отклонений от норм. Фактическая себестоимость в целях применения нормативного метода учета затрат рассчитывается как сумма нормативной калькуляции, изменения норм (корректировки) и отклонения от норм [4].

Приведем сравнительный пример применения этих двух методов.

ООО «Бета» производит маркеры. За месяц было произведено 3 000 шт. маркеров, а реализовано 2 500 шт. по цене 40 руб. за единицу. Выручка от реализации маркеров составила 2500 шт. × 40 руб. = = 100 000 руб. Реальные затраты на производство в текущем месяце составили 90000 руб.

По методу фактической себестоимости

Себестоимость на единицу продукции составила 90000 руб. / 3000 шт. = 30 руб. Себестоимость реализованной продукции составила 2500 шт. × 30 руб. = 75000 руб. Финансовый результат определился показателем прибыли и составил 100000 руб. × 75000 руб. = 25000 руб.

По нормативному методу в расчете на 1 маркер

пластик 4 г. × 3 руб. = 12 руб.;

чернила = 6 руб.;

трудозатраты = 0,1 час. × 100 руб. = 10 руб. (в т. ч. страховые взносы);

накладные расходы 70 % от затрат на оплату труда 10 руб. × 70 % = 7 руб.

Итого нормативная себестоимость 1 шт. маркера = 35 руб.

Нормативная себестоимость всей произведенной продукции составила = 35 руб. × 3000 руб. = 105 000 руб., что больше фактической себестоимости, равной 90000 руб. Себестоимость на единицу продукции составила 105000 руб. / 3000 шт. = 35 руб. Себестоимость реализованной продукции составила (2500 шт. × × 35 руб.) – (105 000 руб. – 90 000 руб.) = 72 500 руб. То есть себестоимость реализованной продукции при нормативном методе начисления скорректировалась экономией фактических затрат от нормативных. Финансовый результат определился показателем прибыли и составил 100 000 руб. – 72 500 руб. = 27 500 руб.

Таким образом, применение нормативного метода привело к получению большей прибыли, чем применение метода фактического учета затрат. Причины таких финансовых результатов заключаются в том, что вся величина отклонений списывается на финансовые результаты, то есть включается в себестоимость продукции. Чем больше фактическая себестоимость отличается от нормативной и чем больше остатков готовой продукции на складе, тем больше будет разниться величина прибыли, исчисленной двумя разными методами. Если фактическая себестоимость ниже нормативной, то есть в случае экономии фактических затрат над плановыми, прибыль от реализации при нормативном методе будет больше, чем при использовании метода фактического учета затрат, и наоборот.

Нормативный метод учета затрат признается самым прогрессивным. Он обеспечивает контроль за фактическими затратами на производство продукции (работ, услуг) путем выявления их отклонений от нормативных. При фактическом же методе учета затрат отсутствуют предпосылки выявления непроизводительных расходов, что приводит к включению в состав себестоимости «случайных» затрат. Главной особенностью нормативного метода учета затрат является то, что он позволяет определить ориентировочную себестоимость на единицу продукции (работ, услуг), а это, в свою очередь, обеспечивает своевременное управление ценообразованием и определение соотношения оптимального объема и цены. Итоги расчетов затрат при фактическом методе учета затрат известны по окончании производства продукции (работ, услуг). Такая низкая оперативность исключает возможность экстренного решения проблемы.

Фактический метод учета затрат наиболее полезен в отраслях, характеризующихся постоянно высокими объемами затрат. При таком методе учета затрат фактическая себестоимость рассчитывается

с абсолютной точностью. Нормативный метод для таких отраслей не подходит, так как все накладные расходы рассматриваются как постоянные и списываются в состав расходов и не распределяются пропорционально между продукцией.

Принятие решений с целью управления себестоимостью как элементом системы управления финансовыми результатами невозможно без управленческого учета, главной задачей которого является обеспечение полноценной и оперативной информацией.

Цель управления себестоимостью продукции (работ, услуг) сводится именно к повышению и максимальному обеспечению эффективности использования ресурсов для конкретного объема продукции, а не к сокращению затрат на эти ресурсы. Эффективное использование ресурсов достигается путем составления смет. На практике происходят постоянные отклонения от заданных смет, например, рост цен на сырье и материалы. Поэтому необходимо своевременно выявить эти отклонения и принять верное управленческое решение, которое поможет снизить негативные последствия в финансовых результатах компании.

Таким образом, проведенная сравнительная характеристика двух пар методов учета затрат и калькулирования себестоимости продукции показала, что в качестве аналитического инструмента для оценки наиболее предпочтительных вариантов оптимизации затрат целесообразно использовать все обозначенные выше методы, как взаимодополняющие.

Для составления финансовой и налоговой отчетности рекомендуется применение метода полной себестоимости как наиболее соответствующего требованиям нормативных документов. Применение метода «директ-костинг» более подходит для целей управленческого учета и внутрифирменного анализа, в том числе при выборе вариантов для планирования наиболее рентабельных видов продукции. Метод расчета себестоимости по фактическим затратам является наиболее простым в расчетах, но не отражает динамики изменений структуры затрат. Нормативный метод требует дополнительного документального и информационного обеспечения, при этом за счет сравнения фактической себестоимости с нормативной значительно повышается сравнительно-аналитический аспект, что позволяет своевременно реагировать на возникающие отклонения.

Предприятиям, участвующим в программах импортозамещения, целесообразно более детально рассмотреть преимущества и недостатки вновь вводимых или реорганизуемых производственных процессов с учетом совокупности всех методов калькулирования. Это позволит повысить эффективность планирования затрат как в текущих периодах, так и для стратегических целей.

Список источников

1. *Богаченко В. М.*, *Кириллова Н. А.* Бухгалтерский учет: учебник. — Ростов н/Д.: Феникс, 2016. — 532 с.

2. *Вахрушина М. А.* Бухгалтерский управленческий учет. Бюджетирование в системе управленческого учета малого бизнеса. Методика и организация постановки. — М. : Вузовский учебник, НИЦ Инфра-М, 2015. — 140 с.

3. *Илышева Н. Н, Крылов С. И.*, *Синянская Е. Р.* Учет и Финансовый менеджмент: концептуальные основы: учебное пособие. — Екатеринбург: Издательство УРФУ, 2018. — 164 с.

4. *Керимов В. Э.* Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях производственной сферы: учебник. — М.: Дашков и К, 2015. — 384 с.

5. *Шеремет А. Д.*, *Хорин А. Н.* Теория экономического анализа: учебник. — М.: Инфра-М, 2019. — 389 с.

Хисамутдинова Д. Ю.
Башкирская академия государственной службы и управления, г. Уфа

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА[1]

В статье рассмотрены подходы к определению конкурентоспособности организации на основе исследования работ отечественных и зарубежных авторов. Рассмотрены количественные и качественные методы оценки конкурентоспособности организации, систематизированы недостатки в применяемых методиках. Автором предложены показатели для включения в методику оценки конкурентоспособности организации.

Ключевые слова: конкурентоспособность организации, методы оценки, количественные методы, качественные методы

Годы функционирования в условиях рыночной экономики обусловили неизменно повышенный интерес к вопросам повышения конкурентоспособности со стороны экономических субъектов, поскольку для них обеспечение необходимого уровня конкурентоспособности является вопросом обеспечения эффективности деятельности в краткосрочной перспективе и вопросом выживания — в долгосрочной. Необходимость управления уровнем конкурентоспособности требует от организации, в первую очередь, определения того, что, собственно, понимается под термином «конкурентоспособность». Затем возникает проблема определения уровня конкурентоспособности, которым организация обладает в настоящее время для определения мер по ее повышения до желаемого уровня в будущем.

Целью научного исследования — изучение теоретико-методических походов к исследованию конкурентоспособности организации.

Задачи исследования:

1) систематизировать подходы к определению термина «конкурентоспособность организации» и выделить составляющие рассматриваемого термина;

2) рассмотреть преимущества и недостатки количественных и качественных методов оценки конкурентоспособности организации.

Решение поставленных задач было достигнуто с использованием общенаучных методов исследования путем применения логического, сравнительного, системного анализа, концептуализации научных идей.

Высокая практическая значимость данного вопроса нашла отклик в академической сфере. Определению термина «конкурентоспособность организации» и оценке конкурентоспособности посвящено большое количество работ как отечественных, так и зарубежных авторов[2]. Выделяют три основных подхода к определению конкурентоспособности [1]:

1) определения, базирующиеся на внутренней и внешней деятельности фирмы (П.С. Завьялов, Г.Л. Азоев, Л.Ш. Лозовский, Н.С. Яшин и др.). Например, по определению П.С. Завьялова, «конкурентоспособность предприятия — это возможность эффективной хозяйственной деятельности и ее практической прибыльной реализации в условиях конкурентного рынка»[3];

2) определения, базирующиеся на товарной составляющей конкурентоспособности (Р.А. Фатхутдинов, Дж. Хайн, М. Эрлих, М. Рове и др.). Например, Р.А. Фатхутдинов определяет конкурентоспособность как «свойство объекта, которое характеризуется степенью реального или потенциального удовлетворения им конкретной потребности по сравнению с аналогичными объектами, которые представлены на данном рынке»[4];

3) определения, сочетающие товар и производственную деятельность субъекта (И.П. Данилов, И.В. Сергеев, А.Б. Кулешова, Г.Л. Багиев, В.М. Тарасевич и др.). Например, по определению И.П. Данилова, конкурентоспособность предприятия — это «способность предприятия противостоять на рынке другим производителям аналогичной продукции (услуги) как по степени удовлетворения своими товарами конкретной общественной потребности, так и по эффективности производственной деятельности» [2].

Для всех трех подходов общим является акцентирование внимания на соревновательной составляющей термина. Конкурентоспособность определяется, прежде всего, как способность организации конкурировать, то есть соперничать с другими участниками рынка. Разница в подходах к определению данного термина заключается в определении предмета соперничества: это может быть соперничество в потребительских характеристиках производимого товара и предпочтениях потребителей, в эффективности организации внутренних бизнес-процессов и уровне применяемых технологий,

---

[1] © Хисамутдинова Д. Ю. Текст. 2019.

[2] Чайникова Л. Н. Конкурентоспособность предприятия. Тамбов: Изд-во Тамб.гос.техн.ун-та, 2007. 192 с.

[3] Завьялов П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах. М.: ИНФРА-М, 2002. 496 с.

[4] Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. — М.: ИНФРА-М, 2000. 312 с.

технико-экономических и финансовых показателях деятельности. В данных определениях нет противоречий, они дополняют друг друга. Каждый исследователь дает определение, исходя из целей исследования, будь то определение конкурентной позиции организации для целей стратегического планирования, для определения потенциала организации в освоении новых видов продукции или для сравнения нескольких организаций в части определения объекта для инвестирования.

Информационной базой данных для научного исследования послужили материалы научно-практических конференций, специальной литературы по рассматриваемой теме, собственные исследования автора.

Наблюдаемое в научных публикациях стремление авторов дать всеобъемлющее универсальное определение термина «конкурентоспособность» находит отражение и в стремлении предложить столь же универсальный способ оценки конкурентоспособности организации. Данной теме посвящено большое количество работ, авторами которых предлагаются различные подходы к оценке конкурентоспособности организации. В экономической литературе применяются различные способы классификации методов оценки конкурентоспособности, в том числе деление всех методов на количественные и качественные.

Количественный подход предполагает оценку конкурентоспособности организации на основе интегральных показателей, агрегирующих определенный автором набор ключевых показателей деятельности организации. Привлекательность данного метода оценки конкурентоспособности заключается в его применимости к любой организации, что дает возможность сравнивать по этому показателю организации разных размеров, форм деятельности и отраслей. Однако на практике реализовать подобное сравнение можно лишь с большими допущениями, поскольку основной методологической проблемой при расчете такого агрегированного показателя является вопрос отбора ключевых показателей деятельности организации, что предполагает определение основных факторов, влияющих на конкурентоспособность организации. В научной литературе нет единого мнения по поводу того, какие показатели наилучшим образом характеризуют конкурентоспособность. Действительно, для каждой организации можно определить свой индивидуальный набор показателей, который не подойдет к организации, функционирующей на том же рынке, но имеющей, например, иные масштабы деятельности. Еще больше будет разниться такой набор показателей для организаций из разных отраслей. Кроме того, опираясь на разное понимание самого термина конкурентоспособности, каждый исследователь имеет свое мнение относительно того, что следует считать ключевыми факторами, влияющими на ее величину.

Так, основываясь на определениях, базирующихся на товарной составляющей конкурентоспособности, можно использовать в качестве критериев ее оценки только показатели, характеризующие конкурентоспособность товара организации. Интегральный показатель в этом случае включает показатели конкурентоспособности, рассчитанные для каждого производимого организацией товара на основе оценки качественных и стоимостных параметров продукции, перечень которых может быть определен исследователем. Преимуществом данного подхода является возможность оценки и сравнения конкурентоспособности разных организаций внутри одной отрасли. Основным недостатком метода является то, что он подменяет оценку конкурентоспособности организации оценкой конкурентоспособности ее товара, при этом не принимаются во внимание все остальные аспекты ее деятельности.

Основываясь на определениях, базирующихся на внутренней и внешней деятельности фирмы, можно включить в перечень критериев оценки такие показатели, как величина активов, величина и структура капитала, сумма прибыли, производительность труда, рентабельность производства, эффективность капиталовложений, платежеспособность, объем продаж, доля рынка и т. д. В этом случае включение в расчет полного перечня критериев конкурентоспособности организации позволяет получить наиболее информативный показатель. Однако учет большого количества факторов наряду с их чрезмерной детализацией может привести к тому, что затраты на сбор исходных данных и саму оценку значительно превысят ожидаемую полезность оценки конкурентоспособности. В качестве сложности применения данного подхода отмечается также проблема включения в расчет показателей, имеющих разную размерность. Кроме того, следует учитывать, что показатели, включаемые в состав интегрального, могут иметь погрешности расчетов, которые, накапливаясь, способны сделать затруднительной интерпретацию полученного в результате интегрального показателя.

Качественные методы оценки конкурентоспособности основываются на экспертных оценках, которые (в зависимости от применяемого метода) могут быть оцифрованы и сведены к числовому показателю.

К качественным методам относят SWOT-анализ, матричные методы, матрицу Мак-Кинзи, метод группы Бостон-Консалтинг, концепцию ценностной цепи М. Портера, метод составления многоугольника конкурентоспособности [3, 4]. Большая часть качественных методов относится к методам стратегического анализа, что определяет сферу их применения. К преимуществам данных методов следует отнести их гибкость и универсальность, возможность применения на любом предприятии независимо от масштабов деятельности и отраслевой принадлежности. К недостаткам качественных методов, как

и всех методов, основанных на экспертных оценках, относят высокую степень субъективности получаемых в результате оценок, а также то, что данные методы не позволяют определить причины текущего состояния конкурентоспособности. Кроме того, применение качественных методов оценки конкурентоспособности может потребовать предварительного проведения определенного объема маркетинговых исследований, что влечет за собой значительное удорожание метода для организации.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить высокую степень разработанности методологии оценки конкурентоспособности организации. Большое многообразие методов оценки дает возможность подобрать наиболее подходящий по соотношению затрат и информационной ценности метод в зависимости от целей исследования. Осознавая преимущества отдельных методов оценки конкурентоспособности организации, целесообразно использовать комбинированные методы для повышения информационной ценности получаемых результатов и взаимного нивелирования присущих им недостатков. При этом необходимо иметь в виду, что от выбранной методики оценки конкурентоспособности организации может зависеть и конкурентоспособность отрасли в целом и региона в отдельности [5].

Список источников

1. *Фасхиев Х. А.* Определение конкурентоспособности предприятия // Маркетинг в России и за рубежом. — 2009. — № 4. — С. 75–83.

2. *Данилов И. П.* Проблемы конкурентоспособности электротехнической продукции. — М. : Пресс-сервис, 1997. — 420 с.

3. *Бугаенко М. В.* Анализ современных методов оценки конкурентоспособности промышленных предприятий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 10–2. — С. 25–29.

4. *Хасанов Р. Х.* Методика оценки конкурентоспособности предприятия // Современная конкуренция. — 2009. — № 4(16). — С. 99–109.

5. *Султанова Л. Ф.* К вопросу об оценке конкурентоспособности регионов // Экономика и управление. Научно-практический журнал. — 2017. — № 4 (138). — С. 11–15.

Ющук В. Е.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ РЕПУТАЦИОННЫХ РИСКОВ ОРГАНИЗАЦИИ И СПОСОБЫ ИХ СНИЖЕНИЯ В КОНКУРЕНТНОЙ ЭКОНОМИКЕ [1]

Одной из знаковых особенностей современного бизнеса становится возрастание роли и значения репутационных рисков. Результаты социологического опроса показали, что появление репутационных рисков в значительной степени связано с появлением компромата в СМИ, внедрением конкурентами аналогичных или альтернативных «прорывных» товаров и услуг, небрежной, непрофессиональной работой сотрудников организации. Наиболее эффективна для снижения репутационных рисков технология конкурентного раннего предупреждения, а также своевременная работа с информацией о поведении конкурентов на соответствующем рынке.

Ключевые слова: репутация организации, репутационные риски и кризисы, технология конкурентного раннего предупреждения

В настоящее время европейские, в том числе российские, специалисты рассматривают репутационный риск в качестве самой большой из потенциальных угроз бизнесу [1, 3, 5, 6, 9]. Принципиально важно при этом, как подчеркивает А. Заман, что «…репутационные риски не возникают изолированно, а зависят от процессов, которые можно назвать психологическими (наши эмоции), социальными (наши взаимоотношения) и культурными (среда, в которой мы вращаемся)» [8, с. 95].

Защита деловой репутации организации предполагает мониторинг репутационных рисков и их минимизацию. По опросам, проведенным крупнейшей международной сетью компаний Deloitte, наиболее часто для западных компаний реализуются риски, связанные с вопросами этики и культуры (integrity) организации, в совокупности со случаями мошенничества, коррупции, подкупа (55 %). На втором месте оказались киберриски и другие риски безопасности (45 %), на третьем — риски, связанные с продуктами, услугами (43 %). В России лидерство принадлежит рискам, связанным с мошенничеством, хищениями, нецелевым использованием бюджетных средств (35 %). Около 25 % составляют риски, порождаемые проблемами с качеством товаров и услуг. Примерно 10 % приходится на риски нарушения законодательства. По 5 % набрали риски, обусловленные нарушениями норм этики, финансовыми проблемами, аварийными ситуациями [2].

В то же время российские компании, в отличие от западных, реже сталкиваются с репутационными киберрисками. Вероятно, статистика в этом случае неполна, поскольку добровольное раскрытие подобной информации в России не является общепринятой нормой. Тем не менее, опасность киберрисков растет чрезвычайно быстро. На Международном Конгрессе по кибербезопасности (Москва, июль, 2018 г.) глава Сбербанка Герман Греф заявил, что «траты компаний на защиту от киберугроз в ближайшие годы увеличатся в 14 раз по сравнению с 2014 годом и достигнут 1 трлн. долларов» [3].

Каковы бы ни были причины репутационных потерь компаний, следует отметить возрастающее внимание общества и бизнеса к вопросам корпоративного имиджа и репутации [4]. В апреле-мае 2018 г. Институтом экономики УрО РАН с участием автора было проведено социологическое исследование, посвященное проблемам деловой репутации компании и репутационных рисков [4]. В частности, респондентам был задан вопрос: «*Как вы оцениваете наличие репутационных рисков для вашей организации?*», ответы на который представлены в таблице 1.

О наличии репутационных рисков в организации заявили 77 % респондентов. В том числе 25 % опрошенных считают, что риски, безусловно, наличествуют, 52 % — вероятно, присутствуют. 19 % процентов участников опроса утверждают, что риски практически отсутствуют (15 %) или вообще исключают их возможность (4 %).

Следует отметить, что 61 % респондентов указали, что за последние несколько лет их организация была хотя бы раз застигнута врасплох событиями, способными серьезно подорвать сложившуюся положительную репутацию. Это отметили 57 % представителей бизнеса и 65 % научных работников. Более трех раз за несколько лет с репутационной проблемой столкнулись 7 % организаций, представители которых приняли участие в опросе.

---

[1] © Ющук В. Е. Текст. 2019.

[2] Репутационный риск. Доброе имя. Инструкция по эксплуатации // Вестник Центра раскрытия информации «Интерфакс». Вып. 38 [Электронный ресурс] URL: http://www.spark-interfax.ru/ru/articles/reputacionnyi-risk (дата обращения 12.09.2018).

[3] Траты компаний на защиту от киберугроз увеличатся в 14 раз по сравнению с 2014 годом // Банкир.ру. [Электронный ресурс]. URL:http://bankir.ru/novosti/20180706/gref-k-2021-godu-rashody-na-kiberbezopasnost-dostignut-1-trln-dollarov-10143146/

[4] В социологическом опросе было опрошено 268 чел., из них 140 — представители бизнеса и 128 — ученые-экономисты. Респонденты представляли Свердловскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую, Оренбургскую и Пермскую области, а также Удмуртскую Республику.

Респондентам также был задан вопрос «*Ожидает ли вашу организацию рост репутационных рисков в перспективе 2–3 лет?*». На вероятность роста репутационных рисков указали 69 % опрошенных, давших ответы «весьма вероятно», «вероятно», «в принципе вероятно», в частности, так ответили 65 % представителей бизнеса и 73 % научных работников [2].

Представляет интерес оценка участниками опроса рисков, которые труднее поддаются регулированию организацией (табл. 2).

По мнению участников опроса, хуже всего организация может управлять процессом внедрения конкурентами аналогичных или альтернативных «прорывных» товаров и услуг. Об этом заявили 18 % респондентов (21 % бизнесменов и 15 % представителей науки). Следом идет появление компромата в СМИ — такой ответ дали 16 % опрошенных (13 % и 19 % соответственно). Если быть точными, и в первом, и во втором случаях этими процессами вообще нет возможности управлять, можно только отслеживать их развитие и адекватно реагировать. На третьей позиции — небрежная, непрофессиональная работа сотрудников (15 %), на что указали 13 % представителей бизнеса и 17 % научных сотрудников. Отметим, что этот аспект реально поддается контролю и управлению при условии профессионального менеджмента и грамотной кадровой политики.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «*Как вы оцениваете наличие репутационных рисков для вашей организации?*», % к итогу

Вариант ответа	Распределение вариантов ответа по сферам деятельности организаций		
	всего	бизнес	наука
Точно присутствуют	25	29	20
Вероятно, присутствуют	52	47	57
Практически отсутствуют	15	18	13
Исключаю возможность	4	4	3
Затрудняюсь ответить	4	2	7
Итого	100	100	100

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «*Какими из перечисленных рисков хуже всего управляет ваша организация?*», %

Вариант ответа	Распределение вариантов ответа по сферам деятельности организации		
	всего	бизнес	наука
Угроза здоровью сотрудников и покупателей	5	4	6
Небрежная, непрофессиональная работа сотрудников	15	13	17
Провал пиар-компании	4	4	4
Появление компромата в СМИ	16	13	19
Появление разногласий с партнерами по бизнесу	7	7	7
Внедрение конкурентами аналогичных или альтернативных «прорывных» товаров и услуг	18	21	15
Вхождение в ваш сегмент рынка нового конкурента с новым профессиональным опытом	13	15	11
Возникновение критических ситуаций, вызванных стихийными бедствиями, чрезвычайными ситуациями	10	14	5
Снижение корпоративной культуры в организации	9	7	12
Другими	3	2	4
Итого	100	100	100

Отсутствие специфической системы защиты доброго имени компании может приводить к репутационным кризисам, наносящим существенный ущерб репутации организации. Данный аспект также исследовался в процессе проведения нашего социологического исследования (табл. 3).

По мнению всех опрошенных, в иерархии ситуаций, провоцирующих репутационные риски и кризисы, лидирующие места заняли: «ухудшение позиций на соответствующем рынке товаров/услуг» (12 % от общего количества ответов), «конфликт с потребителями» и «невыполнение договорных обязательств» (по 10 %). 4-е и 5-е места разделили «конфликт между руководством и сотрудниками» и «чрезмерная активность конкурентов, их неэтичное поведение» (по 9 баллов).

Участникам опроса был предложен вопрос: «*Что, по вашему мнению, целесообразно предпринять при появлении репутационных рисков?*». Распределение ответов представлено в таблице 4.

Вполне обоснованно на первое место по степени важности большая часть респондентов (34 %) поставила необходимость выяснения причин возникновения репутационных рисков. Такой ответ дали 35 % представителей бизнеса и 32 % научных сотрудников. 26 % опрошенных при возникновении репутационных угроз посчитали необходимым принять меры по сохранению и повышению доверия к организации; 14 % процентов посчитали нужным активизировать работу со СМИ по информированию потребителей и партнеров о предпринимаемых организацией мерах.

Появлению репутационных потерь всегда предшествуют ранние сигналы о существующих или формирующихся рисках деловой репутации[5]. Их игнорирование может обернуться для компании

[5] Поучителен в этом отношении пример с екатеринбургской компанией «Атомстройкомплекс», которая в 2017 г. вновь оказалась в центре скандала. ГК «Атомстройкомплекс» грозит статус самой скандальной компании на строительном рынке

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «*Что, по вашему мнению, может привести к репутационным потерям или вызвать репутационный кризис в вашей организации?*», % к итогу

Вариант ответа	Распределение вариантов ответа по сферам деятельности организации		
	всего	бизнес	наука
Реализуемая стратегия развития организации	5	3	7
Финансовая уязвимость организации	9	6	12
Ухудшение позиций на соответствующем рынке товаров/услуг	12	11	13
Невыполнение договорных обязательств	10	12	8
Конфликт с потребителями продукции (товаров, услуг)	10	13	6
Конфликты с поставщиками, партнерами по бизнесу	6	8	3
Утрата доверия органов власти и управления	7	6	9
Конфликт между руководством и сотрудниками организации	9	7	12
Участие в провокационных акциях, митингах и т. д.	3	3	3
Конфликты организации с учредителями, акционерами, вышестоящими организациями	4	4	4
Отсутствие делового взаимодействия со СМИ или конфликтная ситуация	6	6	5
Информационная закрытость организации	5	4	6
Чрезмерная активность конкурентов, их неэтичное поведение	9	9	9
Чрезвычайное происшествие, стихийное бедствие	5	8	3
Итого	100	100	100

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «*Что целесообразно предпринять организации при появлении репутационных рисков?*», % к итогу

Вариант ответа	Распределение вариантов ответа по сферам деятельности организации		
	всего	бизнес	наука
Выяснить причины появления репутационных рисков	34	35	32
Предпринять меры по сохранению и повышению доверия к организации	26	27	26
Активизировать работу со СМИ по информированию потребителей и партнеров о предпринимаемых организацией мерах	14	14	14
Обратиться к коллективу с информацией о фактическом состоянии экономики организации, мероприятиях по укреплению репутации	12	7	18
Обратиться за поддержкой к коллегам по союзу, ассоциации, кластеру	5	6	4
Предложить на договорной основе специализированной службе конкурентной разведки изучить ситуацию и разработать программу действий	8	10	5
Другое	1	1	1
Итого	100	100	100

серьезными, если не фатальными последствиями. В этой связи представляется крайне важным, прежде всего, обращать внимание на внешние факторы, то есть изменения в конкурентной среде. Для этого применяется технология, называемая «конкурентное раннее предупреждение». Раннее предупреждение помогает компаниям, во-первых, распознать опасность на начальной стадии, пока она не превратилась в полномасштабный кризис, и, во-вторых, идентифицировать первые признаки благоприятных возможностей раньше, чем это сделают другие [7, с. 14].

Технология конкурентного раннего предупреждения является своего рода страховкой от потенциальных неожиданностей, позволяет менеджерам эффективно работать с рисками и тем самым может спасти компанию от негативных последствий. Практика убеждает, что с рисками следует работать, используя проактивные методы, при появлении первых признаков проблемы следует быстро реагировать на возникновение опасного обстоятельства, пока потери еще не очень велики и критичны. Однако лишь немногие компании по-настоящему являются проактивными, так как, по опросам, лишь 5 % респондентов оценили свои компании как проактивные, а 13 % сочли их активно ориентированными [7,

Среднего Урала. Сначала на крупнейшего городского застройщика обрушился шквал критики из-за некачественного благоустройства проспекта Ленина в Екатеринбурге. История обернулась санкциями со стороны областных властей, которые отказались оплачивать работы. Позднее ГК «ТЭН» решила подать в суд на «Атомстройкомплекс» за то, что из-за халатности компании в новом жилом комплексе «Светлый» в квартирах мерзнут жильцы. Необходимо добавить, что это уже не первый случай или сигнал, когда к качеству работ «Атомстройкомплекса» возникают претензии (см.: Пономарев А. «Атомстройкомплекс» вновь в центре скандала. [Электронный ресурс] URL: ura.news/articles/1036273175 копия (дата обращения: 29.01.2018).

с. 85]. Добавим, что сегодня крайне важно не только владеть информацией о поведении конкурентов на рынке, возможных действиях против компании, но и своевременно, (оптимально — на опережение) эффективно работать с этой информацией.

Список источников

1. *Букша К. С.* Управление деловой репутацией. Российская и зарубежная PR-практика. — М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. — 144 с.

2. *Важенин С. Г.*, *Ющук В. Е.* Конкуренция за репутацию компании. Особенности и перспективы // Маркетинг в России и за рубежом. — 2018. — № 4. — С. 75–81.

3. *Важенина И. С.*, *Пестриков С. А.*, *Шарипов Т. Р.* Риски деловой репутации. Идентификация и оценка // Экономический анализ. Теория и практика. — 2011. — № 17. — С. 2–11.

4. *Важенина И. С.*, *Ющук В. Е.* Деловая репутация организации. Структура, характеристики и ранжирование // Менеджмент в России и за рубежом. — 2018. — № 4. — С. 20–27.

5. *Гриффин Э.* Управление репутационными рисками. Стратегический подход. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. — 237 с.

6. *Даулинг Г.* Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. — М.: ИМИДЖ-Контакт; Инфра-М, 2013. — 368 с.

7. *Джилад Б.* Конкурентная разведка. Как распознать внешние риски и управлять ситуацией. — СПб.: Питер, 2010. — 320 с.

8. *Заман А.* Репутационные риски. Управление в целях создания стоимости. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. — 416 с.

9. *Сальникова Л. С.* Репутация в российском бизнесе. Технологии создания и укрепления. — М.: Вершина. — 2008. — 216 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Багирова А. П., к. социол. н., д. э. н., Южакова Э. В.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕДАЧИ КОМПОНЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ)[1]

В данной статье гражданская активность рассматривается как элемент социального капитала, который можно передавать от поколения к поколению в семье с помощью осуществления родительского труда. Проанализирована структура общественных отношений между людьми в процессе формирования гражданской активности как элемента социального капитала. Представлены выявленные исследователями факторы, влияющие на степень гражданской активности личности в семье.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданское общество, родительство, родительский труд, социальный капитал, семья

Современная семейная жизнь в последние годы стала центром общественного внимания и академических споров. Исследования института семьи касаются как общей сложившейся картины (изучение существующих в данном институте тенденций, их влияния на социальные процессы и явления), так и изучения частных аспектов растущего разнообразия форм семьи и структур домашнего хозяйства (материнства, отцовства, семьи после развода, сожительства и т. д.). Так, в российской науке в последние годы обозначился интерес к теме родительского труда, а анализ эмпирических данных указывает на растущее общественное признание этого вида трудовой деятельности.

Изучение родительского труда и его возможное признание на рынке труда требуют рассмотрения и более широких явлений, связанных с ним, в том числе — активности гражданского общества, выступающего катализатором многоплановых социально-экономических изменений. В данной статье мы рассмотрим родительский труд как механизм передачи элементов социального капитала, а именно гражданской активности, между поколениями.

Формирование и развитие гражданской активности личности является приоритетной задачей для становления гражданского общества, поскольку гражданская активность — это один из признаков, предпосылка и фундаментальная основа развития гражданского общества. Гражданское общество можно понимать как «третий сектор» общества, обособленный от государства и бизнеса, включающий семью и частную сферу. Под гражданской активностью понимается любое отдельное действие с социальными последствиями, большая часть которых включает коллективную деятельность: это социальные нормы, организации и практики, которые способствуют более активному участию граждан в государственной политике и принятии политических решений. Гражданская активность крайне важна для обеспечения того, чтобы государственные учреждения функционировали подотчетно и прозрачно, с участием всех и представлением всех. Активные граждане обеспечивают жизненно важную обратную связь с лицами, принимающими решения на государственном уровне, оказывают давление на проведение реформ или решают свои проблемы самостоятельно, минуя государственные системы. Там, где существует сильная гражданская культура участия, страны с большей вероятностью будут иметь более быстрый экономический рост.

Новые формы и способы гражданской активности все больше распространяются во всем развивающемся мире, что обусловлено несколькими факторами: ростом грамотности и доступа к образованию, большей открытостью для политической деятельности. Урбанизация также сыграла свою роль, поскольку города являются местами, где существует и ярко проявляет себя множество общественных движений, требующих достойного водоснабжения, жилья, школ, поликлиник и др. Одним из факторов распространения идей гражданского общества является развитие технологий, благодаря распространению социальных сетей и мобильных телефонов значительно расширяются возможности сетевого взаимодействия между большими группами [7].

Расширение форм и способов гражданской активности актуализирует изучение механизмов их передачи. В данном случае мы рассматриваем гражданскую активность как элемент социального

[1] © Багирова А. П., Южакова Э. В. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

капитала, который институт семьи передает от поколения к поколению, реализуя свою воспитательную функцию, готовя молодое поколение к жизни в социуме. Это подразумевает целенаправленное воздействие на человека для привития ему сложившихся практик совместных организованных действий людей и их социальных связей, за счет чего укрепляется солидарность и формируется коллективистский способ мышления, в результате — «переданная» гражданская активность формируется у нового поколения, происходит ее воспроизводство.

Под социальным капиталом мы понимаем совокупность социальных связей и норм взаимного сотрудничества, которая формируется людьми для решения общих проблем. Гражданская активность как социальный капитал основана на общественно-значимой ценности всех взаимоотношений, возникающих между людьми, с целью взаимовыгодного сотрудничества между ними. При этом функционирование гражданской активности как социального капитала основано на доверии, партнерстве, обмене информацией и совместных усилиях с целью разрешения общественно-значимых вопросов [1].

Структура общественных отношений между людьми в процессе формирования гражданской активности как элемента социального капитала состоит из трех основных форм. Во-первых, высокий уровень обязательств и ожиданий. Люди «делают вещи» друг для друга; предполагается, что действия, которые они ожидают и которым доверяют, будут окупаться, так что со временем они получат выгоду от стоимости своих полезных действий [4, с. 85]. Во-вторых, существует информационный потенциал. Социальные отношения обеспечивают социальный капитал в форме получения информации от других, что позволяет человеку действовать на осознанной, рациональной основе. В-третьих, социальный капитал состоит из норм и эффективных санкций. Здесь социальные связи представляют собой средство для социального контроля через выработку и поддержание норм утвержденного социального поведения и санкционирование отклоненного поведения. Эта третья форма социального капитала побуждает людей действовать в интересах коллективного «общественного» блага, а не только собственных интересов [2].

Семьи часто рассматриваются как источник формирования социального капитала. Социальный капитал — это ресурс внутри семьи, который встраивается в структуру отношений между поколениями, особенно между родителями и детьми [3]. Родители вкладывают средства в своих детей как в следующее поколение семьи, которое, в свою очередь, будет поддерживать их в дальнейшей жизни, присутствуя физически, уделяя им внимание и развивая интенсивные отношения с ними, которые включают разговор о личных делах и ожидания их образовательных достижений. Этот ресурс позволяет детям увеличить свой человеческий капитал (образовательные достижения), что затем позволяет им получать большее экономическое вознаграждение.

Родительский труд в данном случае выступает как деятельность по воспитанию, обучению и развитию детей, их социализации, в результате которой происходит накопление и передача социального капитала от предыдущего поколения нынешнему. Мы в своем исследовании рассматриваем родительский труд как инструмент, в процессе реализации которого формируется и развивается гражданская активность последующего поколения.

Следует отметить, что исследователи уже затрагивали вопрос роли родительского труда в процессе формирования гражданской активности личности. Но при этом, как правило, они фокусировались на факторах, которые, по их мнению, влияют на формирование и развитие гражданской активности личности в семье. К этим факторам ученые прежде всего относят гражданскую активность самих родителей. Это может быть объяснено процессом социализации в семье, посредством которого родители моделируют гражданские убеждения и ценности детей и формируют представления о важности вовлечения граждан в общественную жизнь [9]. Родители выступают образцами для подражания для молодых людей, когда родители ведут активную гражданскую деятельность, более вероятно, что родительские нормы, ценности, убеждения и поведение будут переданы молодежи.

Исследователи выделяют также такой фактор, как поощрение родителями гражданской активности детей. Поощряя своих детей участвовать в общественной жизни, родители могут донести до них четкую информацию о том вкладе, который они вносят в улучшение общества в целом. Все события и ситуации, способствующие размышлению о гражданских проблемах, могут способствовать развитию гражданского сознания молодежи [6]. В соответствии с этой теорией люди могут иметь больше возможностей для формирования гражданской активности в семьях, где родители поддерживают систему убеждений, подчеркивая важность содействия общему благу и поощряя своих детей за активное участие в жизни общества.

Немаловажным фактором является и близость родителей и детей, климат в семье. Степень, в которой дети чувствуют связь с основным социализирующим агентом (родители), может способствовать их участию в общественно значимых делах [8]. Было установлено, что более тесная связь с родителями связана с более высокой вероятностью того, что подростки одобряют гражданские ценности, а также участвуют в широком спектре гражданской активности [5].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Институт семьи и существующие в нем тенденции и явления в последние годы находятся в центре исследовательского внимания. Так, растет интерес к изучению родительского труда, что допускает и подход к изучению формирования гражданской активности в процессе этого вида труда.

2. Гражданская активность как фундаментальная основа функционирования гражданского общества является значимой формой активности общества, способствующей участию граждан в государственной политике и принятии политических решений. Под воздействием некоторых факторов все больше распространяются новые формы и способы гражданской активности, что актуализирует их изучение.

3. Гражданская активность рассматривается нами как элемент социального капитала, который институт семьи передает от поколения к поколению, реализуя свою воспитательную функцию. Родительский труд в данном случае выступает инструментом, с помощью которого формируется и развивается гражданская активность у последующего поколения.

4. Появляется все больше доказательств, подтверждающих важность роли родительского труда в процессе формирования гражданской активности личности. Ряд исследователей выявили факторы, которые влияют на степень гражданской активности личности в семье. В частности, к этим факторам относятся: гражданская активность самих родителей, поощрение родителями гражданской активности детей, близость родителей и детей и климат в семье.

Список источников

1. *Павлова Т. В.* Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории // Политические исследования. — 2008. — № 5. — С. 109–126.

2. *Coleman J. S.* Foundations of Social Theory. — Cambridge: Harvard University Press, 1990. — 994 p.

3. *Coleman J. S.* Prologue: constructed social organization // Social Theory for a Changing Society / Bourdieu P., Coleman J. S. (Eds.). — Oxford : Westview Press, 1991. — P. 1–14.

4. *Coleman J. S.* Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. — 1988. — Vol. 94. — P. 95–120.

5. From adolescent connections to social capital: Predictors of civic engagement in young adulthood / Duke N. N., Skay C. L., Pettingell S. L., Borowsky I. W. // Journal of Adolescent Health. — 2009. — Vol. 44, no. 2. — P. 161–168.

6. *Fletcher A. C.*, *Elder G. H.*, *Mekos D.* Parental influences on adolescent involvement in community activities // Journal of Research on Adolescence. — 2000. — Vol. 10, no. 1. — P. 29–48.

7. Lake Snell Perry and Associates and the Tarrance Group, Ink. Short-Term Impacts, Long-Term Opportunities: The Political and Civic Engagement of Young Adults in America. Analysis and report for the Center for Information and Research on Civic Learning and Engagement (CIRCLE) / The Center for Democracy and Citizenship and The Partnership for Trust in Government at the Council for Excellence in Government. Retrieved May, 22, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.civicyouth.org/research/products/National_Youth_Survey/summary.pdf (accessed: 21.10.2018).

8. The contribute of family structure and functioning to values and group participation in Italian late adolescents: A longitudinal study / Rabaglietti E., Roggero A., Begotti T., Borca G., Ciairano S. // Journal of Prevention & Intervention in the Community. — 2012. — Vol. 40, no. 1. — P. 37–48.

9. Torney-Purta J., Amadeo J., *Richardson W. K.* Civic service among youth in Chile, Denmark, England, and the United States: A psychological perspective // Civic service worldwide: Impacts and inquiries / M. Sherraden, A. McBride (Eds.). — Armonk : New York : M. E. Sharpe, 2007. — P. 95–132.

Веретенникова А. Ю., к. э. н.
Институт экономики УрО РАН

Пинженина Д. В.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ [1]

В статье в качестве нового явления в российской экономике рассматривается социальное предпринимательство. Приводится анализ научных работ, посвященных понятию социального предпринимательства, а также выделяются основные характерные черты российского социального предпринимательства, определяются условия и направления его развития.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные предприятия, социальные предприниматели, государство.

Тенденция стабилизации социально-экономического положения населения России является одним из условий дальнейшего повышения качества жизни в нашей стране. Однако разброс в благосостоянии населения различных социальных групп довольно велик. В связи с этим обострены проблемы, связанные с безработицей, низким уровнем образованности, недостатком качественного медицинского обеспечения, неблагоприятными жилищными условиями. Помимо этого, актуальным остается вопрос экологической ситуации в стране. Вместе с тем, среди населения нарастает неудовлетворенность бесплатными социальными услугами. В частности, проведенное на примере г. Екатеринбург в 2015 г. исследование показало довольно низкий уровень развития сектора общественных благ, что подтверждает важность и своевременность развития социального предпринимательства [12, с. 593–596].

Вместе с тем, современные тенденции развития социально-экономических процессов все чаще демонстрируют сближение частного и общественного сектора: коммерческие организации решают общественные проблемы, а государственный сектор создает условия для эффективной реализации данной задачи. Ресурсы государства не позволяют решить все социальные проблемы в короткие сроки, именно поэтому в обществе появились предприниматели, которые решают данные социальные трудности, каждый в своем направлении. В результате в обществе формируется прослойка социальных предпринимателей, деятельность которых все больше привлекает внимание ученых. В настоящее время наблюдает рост как количества социальных предпринимателей, так и ресурсов, выделяемых для их поддержки.

Социальное предпринимательство — сравнительно новое явление в российской практике, изначально появившееся за рубежом. В настоящее время социальное предпринимательство становится все более актуальным и значимым. Ежегодно деятельность социальных предпринимателей в России охватывает несколько десятков миллионов человек [4, с. 183], среди которых пожилые граждане, семьи с детьми, люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, люди с ограниченными возможностями здоровья и иные слабо защищенные социальные группы. Однако наличие как нормативно-правовых ограничений, отсутствие необходимого опыта в данной сфере, культурные и исторические особенности развития российской экономики обусловливают необходимость исследования национальных особенностей и условий развития данного вида деятельности.

Целью данного исследования является определение особенностей развития социального предпринимательства в российских условиях.

Социальное предпринимательство — новая область в науке, поэтому теоретический опыт по данному вопросу на настоящее время невелик, хоть и постоянно пополняется. Анализ информационных источников и научных работ показал, что достаточно глубоко изучены вопросы малого предпринимательства, однако социальное предпринимательство в качестве отдельного вида социально ориентированной деятельности раскрыто не полностью.

Исследования социального предпринимательства распространены в России и за рубежом [6]. Ученые занимаются изучением явления социального предпринимательства, анализируют его типологию, исследуют отличительные черты социальных организаций и характеристики социальных предпринимателей. Довольно интересен аспект различий социального предпринимательства в разных странах с учетом культурных и социально-экономических условий.

В отечественной научной литературе вопросы социального предпринимательства и отдельных его аспектов поднимаются в работах А.В. Мухина, Т.А. Сорвиной, А.А. Московской, Ю.И. Грищенко,

[1] © Веретенникова А. Ю., Пинженина Д. В. Текст. 2019.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17–06–00281 «Моделирование институциональной среды социально-инновационного развития России».

Ю.Н. Арай, Т.А. Бурмистровой, З.Э. Сабировой, А.М. Чариной, Н.С. Поаншваль, Д.О. Шеяненко, Т.Н. Мартыновой, Н.Ф. Уфимцевой, О.А. Пахомовой, И.А. Галкина и др. [1, 8, 9].

Социальное предпринимательство — это современная форма ведения экономической деятельности гражданами — предпринимателями, которые создают организации и стараются обеспечить их устойчивую самоокупаемость для достижения главной цели — решения или смягчения социальных проблем, в результате чего уровень качества жизни общества должен стать выше или не опуститься ниже имеющегося [4, с. 183].

В своей работе Ю.И. Грищенко упоминает понятие социального бизнеса, главным смыслом существования которого является социальная миссия [4, с. 183]. Подобные компании посредством бизнес-процессов должны обеспечивать бедные слои населения медицинскими услугами, содействовать решению жилищного вопроса; обеспечивать занятость людей с ограниченными возможностями здоровья, матерей — одиночек; создавать возможности для развития социально активной деятельности для слабо защищенных слоев населения. Социальное предпринимательство — это решение социальных проблем руками бизнеса.

В организациях, относимых к социальному предпринимательству, как правило, комбинируются коммерческие и некоммерческие формы работы. Деятельность признается продуктом социального предпринимательства, если в ее процессе организация производит социальное благо, а получение прибыли не рассматривает в качестве основной цели функционирования.

Н.С. Поаншваль говорит о том, что социальное предпринимательство решает проблемы, с которыми не могут справиться государство и бизнес, однако оно заключает в себе лучшие черты частной и государственной деятельности [11, с. 170].

В своей работе А.М. Чарина упоминает еще одну характеристику социального предпринимательства — новаторство [14, с. 145]. Ввиду неэффективности современных государственных подходов к социальной политике, социальное предпринимательство призвано к поиску новых идей для решения социальных проблем. С ней соглашается И.А. Галкин, который подчеркивает важность наличия инновационности социально ориентированной деятельности. Социальные предприниматели создают особый механизм, который производит социальные блага и при этом самовоспроизводится [2].

Н.Ф. Уфимцева называет социальное предпринимательство мощным источником гражданских инициатив. Помимо этого, она выделяет еще один характерный признак подобной деятельности — решение проблем комплексным методом [13, с. 126].

По мнению О.А. Пахомовой, социальная ориентированность бизнеса является важнейшей составляющей любого современного бизнеса. Бизнес более успешен, когда соблюдается баланс собственных интересов с общественной полезностью [10, с. 111].

Дополнительно характерной чертой описываемой деятельности является то, что социальное предпринимательство — деятельность, связанная с большим финансовым риском. Как и любой бизнес, социальное предприятие начинается с детального изучения той ситуации в обществе, на решение которой будет направлена деятельность организации. При создании нового предприятия предприниматель должен учесть все возможности и угрозы выбранной сферы деятельности, для того чтобы выстроить эффективную стратегию развития.

Можно подытожить: социальное предпринимательство — это современная деятельность частных организаций, основной целью существования которых является смягчение социальных проблем посредством создания особого отлаженного механизма, позволяющего слабо защищенным слоям населения получать доступные блага и услуги, работающего на принципе самоокупаемости и разработанного инновационным методом.

В ходе выявления особенностей социального предпринимательства были использованы индекс российского научного цитирования Elibrary, нормативно-правовые документы как федерального, так и регионального уровня, отчеты фонда «Наше будущее», данные интернет-источников, описывающих практику и тенденции развития данного вида деятельности.

По данным фонда развития медиапроектов и социальных программ «Gladway» в настоящее время в России насчитывается 595 предприятий сферы социального предпринимательства, большая часть из которых приходится на Москву и Московскую область (123). В Свердловской области число подобных предприятий составляет 19. Каталог предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей был поддержан фондом «Наше будущее». В данном сервисе можно ознакомиться с информацией о предприятиях по сферам деятельности, аудиториям и регионам, а также прочесть краткую информацию о каждой организации [7].

Первая особенность социального предпринимательства в российской экономике связана с противоречивостью нормативно-правовых актов, как напрямую, так и косвенно регулирующих данный вид деятельности. Например, адаптируя трактовки социального предпринимательства к российским реалиям, важно сказать о возникновении противоречия с Гражданским кодексом РФ, в котором «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная

на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг». При включении социальной составляющей в данное определение встает вопрос о том, что является более приоритетным — реализация социальных целей или получение прибыли. В первом случае социальное предпринимательство приближается к некоммерческим организациям, во втором — к предпринимательству в социальной сфере. Учитывая особенности перевода, можно сделать вывод, что в англоязычных источниках социальное предпринимательство и предпринимательство, осуществляемое в целях оказания социальных услуг зачастую приравниваются друг другу, однако такая тождественность не применима в российской действительности. Так, платные клиники относятся к предпринимательству в социальной сфере, но не являются примером социального предпринимательства. Таким образом, встает вопрос о правомерности обозначения данного типа деятельности как предпринимательства в целом, а также выявлении специфических характеристик в отношении социальной составляющей. С целью снятия данного противоречия Я.С. Гришина показывает, что разграничение социального предпринимательства и традиционной предпринимательской деятельности и некоммерческого хозяйствования является не критерий прибыльности, а нацеленность на удовлетворение социально-имущественных потребностей с помощью социально-инновационных предпринимательских средств [3].

Помимо отсутствия единого сформулированного определения социального предпринимательства в научной литературе [5, с. 72], недостаточной является и законодательная база, которая не способствует развитию социального бизнеса в России, единый закон по социальному предпринимательству до сих пор отсутствует. Официально термины «социальный предприниматель» и «социальное предпринимательство» не закреплены в российском законодательстве.

При анализе нормативно-правовой базы социального предпринимательства также следует отметить, что попытки разработки норм и правил, регулирующих данный вид деятельности, в российском законодательстве можно наблюдать с 2011 г. как при обсуждении поправок к ФЗ № 249 303–6 «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» и разработке самостоятельного нормативно-правового акта, регулирующего данный вид деятельности, так и в рамках приказов Минэкономразвития, регулирующих проведение конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета. Так, социальное предпринимательство определяется как социально ответственная деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, направленная на решение социальных проблем, в том числе обеспечивающих выполнение набора определенных условий, касающихся не только видов деятельности, но и численности, а также фонда оплаты труда. Однако данное примечание не характеризует социальное предпринимательство как таковое, а лишь определяет критерии предприятий, способных претендовать на поддержку поддержки со стороны государства.

Вторая особенность данного вида деятельности — слабая финансовая поддержка социального предпринимательства. На федеральном уровне данный вид предпринимательства поддерживается недостаточно[2]. Финансирование предоставляется, как правило, из средств субъектов РФ, частных фондов либо иностранных инвесторов. Это основная проблема, с которой сталкиваются современные предприниматели. Именно она является причиной затруднений в бизнесе, ведь предприниматели вынуждены организовывать свой бизнес на равных условиях (как и традиционные предприниматели) при этом отдавая больше. Помимо средств Фондов, социальные предприниматели могут претендовать на финансовую поддержку субъектов РФ. Согласно приказу Минэкономразвития России от 24 апреля 2013 г. № 220 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации», малому и среднему бизнесу предоставляются субсидии из федерального бюджета.

Третья особенность — позднее (в отличие от стран Западной Европы, США) развитие. Активное развитие социального предпринимательства в российской практике началось со второй половины 2000-х годов благодаря организациям, стимулирующим данный вид деятельности, а также созданию и развитию институтов развития. Несмотря на существующие барьеры развития социального предпринимательства, в российской практике реализован ряд устойчивых социальных проектов. Однако преобладание социальных целей над коммерческими, а также ограниченность ресурсов в данной сфере являются препятствием на пути их тиражирования.

Зачаточный характер данного вида деятельности определяют следующую особенность социального предпринимательства в российских условиях — вклад в ВВП стране составляет не более 1 %. При возрастающем количестве социальных организаций, популярность социального предпринимательства в России остается низкой и составляет около 1 % российского предпринимательства. Большинство социальных проблем на настоящий момент остаются без должного внимания, в первую очередь, ввиду слабо развитой информационной и правовой базы по предпринимательству.

[2] О некоммерческих организациях. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/1996/01/24/nko-dok.html; О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2007/07/31/biznes-doc.html.

Однако развитие инфраструктуры социального предпринимательства набирает свои обороты. За поддержкой социальные предприниматели могут обратиться в фонд региональных социальных программ «Наше будущее», основанный в 2007 г. В. Алекперовым, который осуществляет поддержку по нескольким направлениям:

1) гранты, займы;

2) информационное обеспечение, продвижение;

3) бизнес-обучение предпринимателей;

4) иные формы поддержки.

Следующей характерной чертой развития социального предпринимательства в России является недостаточное информационное сопровождение [13, с. 129]. С одной стороны, появляется все больше программ высшего образования для социальных предпринимателей и иных обучающих программ, с другой — существенным пробелом в данном вопросе является недостаток информации о деятельности социальных предпринимателей для широкой аудитории, а также недостаточная готовность общества к восприятию социального предпринимательства как явления.

Успешная деятельность социальных предпринимателей возможна при выполнении двух основных условий развития. Во-первых, это создание нормативной базы и увеличение уровня юридической, образовательной, налоговой, финансовой поддержки предпринимателей на стартовых этапах. Во-вторых, это проведение масштабной информационной политики, в том числе со стороны государства, в результате которой явление станет известным и понятным для широкой аудитории, органов власти и для потенциальных предпринимателей. Следует отметить, что в 2018 г. в данном направлении были сделаны существенные подвижки. В частности, инициирован процесс создания и развития центров инноваций в социальной сфере на региональном уровне, основные цели которых состоят в популяризации социального предпринимательства, вовлечении в предпринимательство социально незащищенных слоев населения, содействии в реализации социальных проектов и инициатив, консолидации усилий представителей некоммерческих организаций, лидеров социальной сферы, институтов развития, предпринимателей и органов власти. Продолжение данного направления позволит не только привлечь потенциальных социальных предпринимателей, но и повысит значимость социальных проектов, инициированных простыми гражданами в обществе в целом. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования в дальнейшем могут быть использованы при разработке механизмов стимулирования социального предпринимательства в российской экономике.

Список источников

1. *Арай Ю. Н.*, *Бурмистрова Т. А.* Специфика бизнес-моделей в Социальном предпринимательстве // Российский журнал менеджмента. — 2014. — Т. 12, № 4. — С. 55–78.

2. *Галкин И. А.* Социальное предпринимательство как условие социально-экономического развития // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. — 2016. — № 2. — С. 12–15.

3. *Гришина Я. С.* Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства : дис. ... д-ра юр. н. — М., 2016.

4. *Грищенко Ю. И.* Развитие социального предпринимательства в России // Ведомости Московской Городской Думы. — 2014. — № 1. — С. 183–188.

5. *Грищенко Ю. И.* Тенденции и направления развития социального предпринимательства в России // Некоммерческие организации в России. — 2013. — № 4.

6. Зарубежный опыт // Новый бизнес. Социальное предпринимательство [Электронный ресурс]. URL: http://nb-forum.ru.

7. Каталог предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей [Электронный ресурс]. URL: http://soindex.ru (дата обращения: 22.11.2018).

8. *Логунова Е. Г.*, *Логунова О. А.* К вопросу о социальном предпринимательстве в Удмуртской республике // Общество. Социология. Психология. Педагогика. — 2018. — № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2018/2/sociology/logunova-logunova.pdf.

9. *Мухин А. В.* Эволюция понятия социального предпринимательства. Основные функции социального предпринимательства // Новые технологии. — 2011. — № 2.

10. *Пахомова О. А.* Социальное предпринимательство как эффективный способ решения социальных проблем // Вестник научных конференций. — 2015. — № 2–4. — С. 111–112.

11. *Поаншваль Н. С.* Социальное предпринимательство как инновационный способ решения социальных проблем // Экономика и управление в XXI веке. Тенденции развития. — 2014. — № 18. — С. 52–56.

12. *Попов Е. В.* Институты. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2015.

13. *Уфимцева Н. Ф.* Социальное предпринимательство как средство решения социальных проблем населения // Управленческие технологии и модели модернизационных процессов в российской экономике. История и современность. Сб. мат-лов конф. — Курск: ЮЗГУ, ЗАО «Университетская книга», 2015. — 143 с. — С. 126–131.

14. *Чарина А. М.* Роль творчества в социальном предпринимательстве // Социальное предпринимательство в современных экономических условиях. Мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием. 26–27 окт. 2016, Сыктывкар. — Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2016. — С. 145–149

Волкова Н. В., к. э. н., Позднякова Т. В., к. э. н.
Бийский технологический институт (филиал), Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Бийск

ДИАГНОСТИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ [1]

В работе рассматривается феномен территориальной лояльности жителей сельских поселений как специфическая социально-экономическая категория. Актуальность исследования определена тенденцией к снижению численности населения сельских территорий, которое во многом обусловлено именно их оттоком жителей сельских поселений в города. В статье предложены авторское определение и методология исследования территориальной лояльности. Также приведены первые результаты ее применения для анализа территориальной лояльности жителей сельских поселений Алтайского края.

Ключевые слова: региональная экономика, территориальная лояльность, сельские территории

Как известно, сельские поселения занимают две трети площади Российской Федерации, где проживает около 37,6 млн чел. (по данным на 02.04.2018), что составляет 26 % от общей численности российского населения [2]. Именно поэтому проблема оценки развития сельских территорий на сегодняшний день приобретает все большую актуальность и широко обсуждается среди исследователей.

Несмотря на большие территориальные масштабы, современная ситуация в социальной, духовной и экономической сферах жизни сельского населения исследователями часто позиционируется как неблагоприятная (например, [1, с. 181]). Уже более 25 лет в сельской местности Российской Федерации сохраняется непростая социально-экономическая ситуация: сформировалась тенденция к естественной убыли сельского населения (статистика и прогноз приведены, например, в [2]), сокращению количества сельских населенных пунктов; исследователи также говорят о снижении уровня жизни и благополучия граждан сельских муниципальных образований. При этом специалисты отмечают, что «если настоятельно необходимый сегодня для России баланс между тремя основными категориями населенных мест — большими городами, малыми городскими поселениями и сельскими населенными пунктами не будет восстановлен, то продолжение процессов, дестабилизирующих всю территориальную социально-экономическую структуру нашего общества, приведет к тяжелым для страны и, возможно, даже — непоправимым последствиям» [3].

Указанная проблема, несомненно, актуальна и требует скорейшего решения, и первым шагом должна стать диагностика территориальной лояльности сельских жителей как одного из факторов, определяющих принятие ими решения о смене места жительства. Однако огромная территория страны заставляет нас сфокусировать внимание только на одном из субъектов Российской Федерации — Алтайском крае, преобладающую часть территории которого занимают как раз сельскохозяйственные районы.

Соответственно, целью работы является представление авторской методологии исследования территориальной лояльности населения. В данной работе решаются следующие задачи:

— уточнение термина «территориальная лояльность;

— формирование авторской методологии исследования территориальной лояльности;

— представление первых результатов исследования территориальной лояльности жителей сельских территорий Алтайского края.

Говоря о лояльности в общем случае, следует привести классическую трактовку данного феномена, который Т. Парсонс определил как «готовность откликнуться на должным образом „обоснованный" призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [3, с. 26]. Лояльность сегодня рассматривается в различных аспектах. Говорят, например, о потребительской лояльности (представляет собой приверженность потребителя определенной торговой марке, которая сохраняется даже несмотря на действия конкурентов, например, по снижению цены), лояльности сотрудников к организации, в которой они трудоустроены (проявляется в отсутствии намерения уволиться из организации, отсутствии случаев нанесения ей намеренного ущерба, предпочтении интересов организации личным и т. д. [4, с. 172]).

---

[1] © Волкова Н. В., Позднякова Т. В. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–010–00233 «Факторы территориальной лояльности жителей сельских поселений (на примере Алтайского края)».

[2] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

[3] Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы. II всеросс. конф., г. Старая Русса [Электронный ресурс]. URL: http://smgrf.ru/2-vserossijskaya-konferentsiya-sohranenie-i-vozrozhdenie-malyh-istoricheskih-gorodov-i-selskih-poselenij.

Территориальная лояльность, по нашему мнению, представляет собой совокупность перцептивных процессов и поведенческих характеристик индивида по отношению к комплексу характеристик занимаемой территории. К таким территориально лояльным перцептивным процессам относится положительное восприятие региона проживания (его природных ресурсов, имеющейся инфраструктуры, возможностей для труда и развития и других факторов), что, в свою очередь, выражается в отсутствии у индивида желания переехать в другую местность, то есть в определенных поведенческих характеристиках.

Следует отметить, что в отечественной литературе термин «территориальная лояльность» встречается нечасто. Так, в декабре 2018 г. поисковый запрос по данному понятию на портале eLibrary.ru (в названии публикации, в аннотации и ключевых словах без ограничения периода публикации работы) выдал всего 38 статей из более чем 31 млн публикаций. Чаще в работах по региональной экономике и социологии изучаются миграция сельских жителей, которой противопоставляются патриотизм, любовь к Родине, верность малой родине, межпоколенная преемственность (например, [5, с. 143]). Однако, на наш взгляд, указанные речевые обороты характеризуют только один вид территориальной лояльности — подлинную лояльность. Но индивид может проявлять признаки ложной лояльности: при отсутствии положительного восприятия местности проживания не иметь возможности сменить место жительства. Исследователи отмечают, что многие выходцы из сел, преимущественно молодежь, сохраняют сельскую прописку по причинам разного рода, например, для получения различных льгот [5, с. 142], что, безусловно, не может быть проявлением подлинной территориальной лояльности.

Проблематика территориальной лояльности (чаще используется термин «пространственная лояльность») актуальна и за пределами Российской Федерации. Так, в работе [6] пространственная лояльность рассматривается как основной фактор развития региона, поскольку ее основным поведенческим проявлением является высокая мотивация к труду собственников и работников малых и средних предприятий.

Авторская методология исследования территориальной лояльности жителей сельских районов предполагает реализацию нескольких этапов:

1) анализ официальных статистических данных (численности жителей района, численности жителей, переехавших в данный район, численности жителей, уехавших из конкретного района), расчет показателей миграционного потока по районам и анализ полученных значений. При этом миграционный поток рассматривается как основной формальный индикатор территориальной лояльности;

2) контент-анализ публикаций в СМИ и постов в социальных группах, посвященных социально-экономическому развитию районов Алтайского края, отношению сельских жителей к существующим проблемам;

3) глубинное интервью с жителями районов, характеризующихся максимальными и минимальными проявлениями территориальной лояльности.

К настоящему времени частично реализован только первый из обозначенных этапов диагностики территориальной лояльности.

На рисунках 1–2 представлено распределение районов Алтайского края по величине миграционного потока, наблюдавшегося в 2016 и 2017 гг. соответственно; посредством разбиения диапазона миграционного потока на три равные части, получены градации, позволяющие дать характеристику уровню миграционного потока и территориальной лояльности жителей района на качественном уровне (табл. 1). Сбор статистических данных реализован посредством составления паспортов муниципальных образований на сайте Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай[4].

Анализ статистических данных показал, что в целом можно говорить об усилении миграционного оттока из многих сельских территорий Алтайского края. На рисунках 1, 2 видно, что в 2017 г. распределение районов существенно сместилось в нижнюю (относительно неблагополучную) область по сравнению с 2016 г., а один из районов — Завьяловский — даже переместился из относительно благополучной группы в проблемную.

По результатам анализа статистических данных выделены сельские районы Алтайского края для проведения глубинного интервью с жителями. Запланированные экспедиции должны охватить:

— пять районов с максимальным миграционным притоком в 2016 и 2017 гг. (Ельцовский, Крутихинский, Первомайский, Тальменский, Целинный, Петропавловский, Зональный), а также Шелаболихинский район, который по итогам 2016 и 2017 гг. по уровню миграционного притока занимал шестое место (на рис. 3 выделены светло-серым цветом);

— пять районов с максимальным миграционным оттоком в 2016 и 2017 гг. — Заринский, Смоленский, Табунский, Солтонский, Рубцовский, Третьяковский, Угловский, Курьинский, Немецкий национальный, Бийский (на рис. 3 выделены темно-серым цветом);

[4] Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай [Электронный ресурс]. URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegionStat/db/db_default.

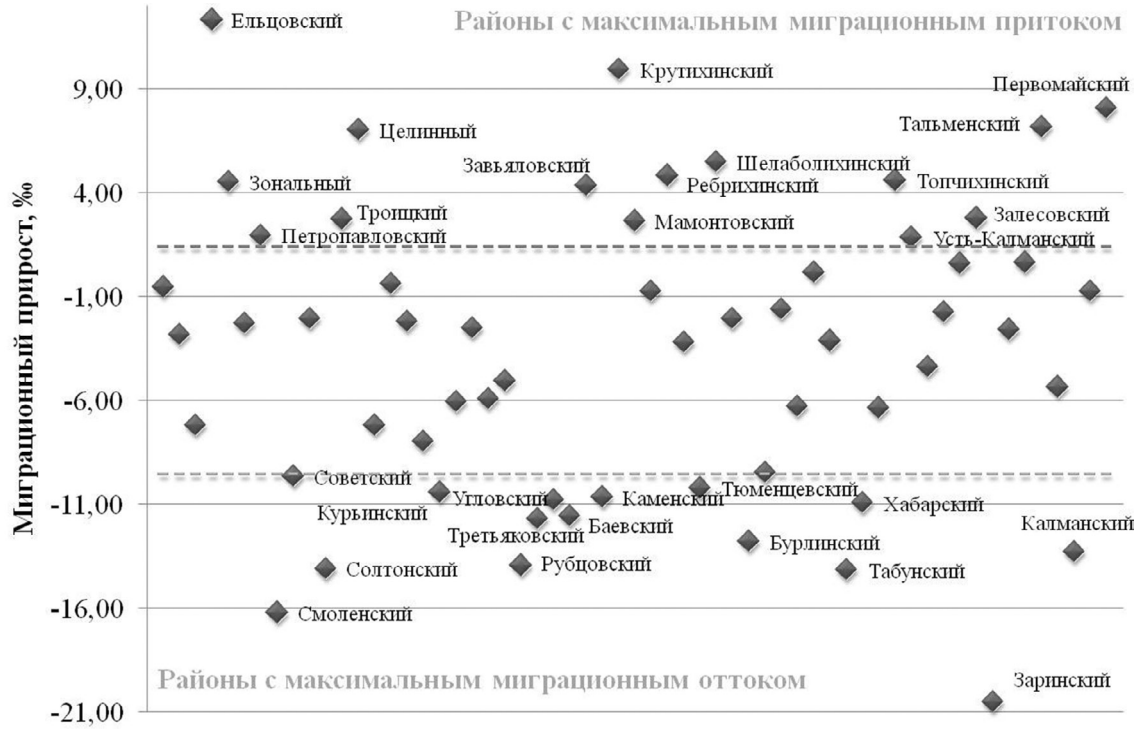


Рис. 1. *Миграционный поток в районах Алтайского края (2016 г.)*

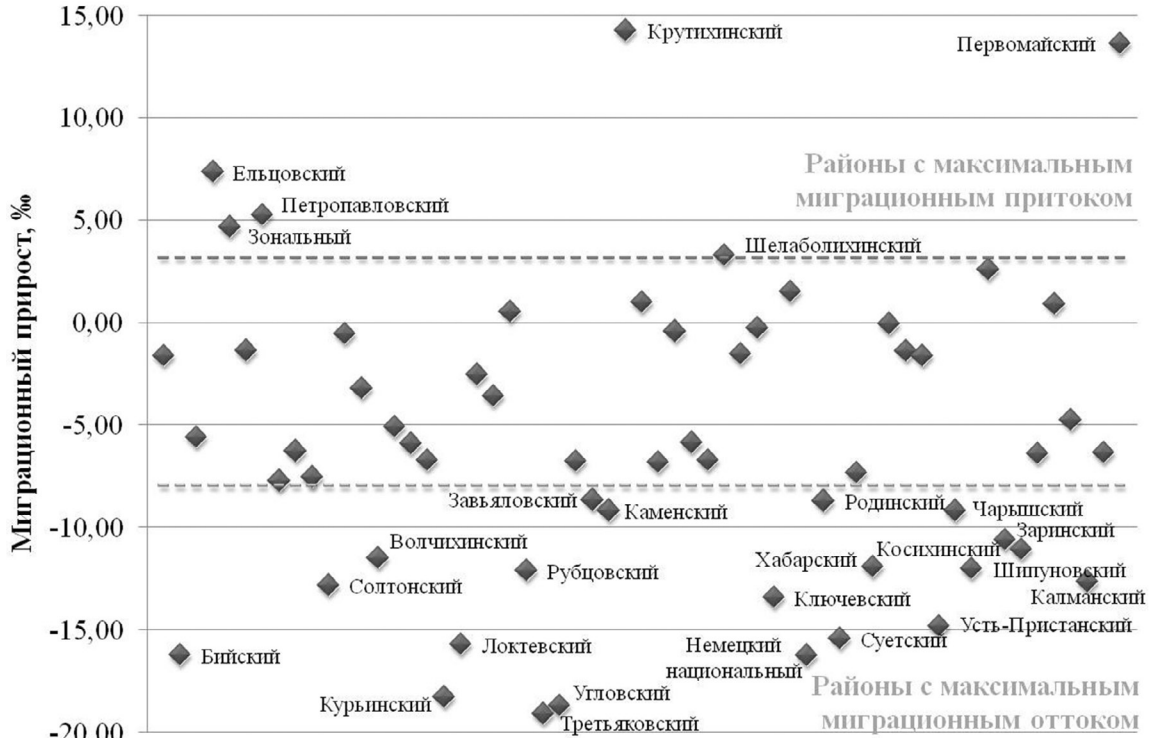


Рис. 2. *Миграционный поток в районах Алтайского края (2017 г.)*

Таблица

Градации уровней территориальной лояльности жителей сельских районов Алтайского края, ‰

Год	Среднее значение	Общий диапазон миграционного потока	Диапазон относительного состояния		
			Проблемный уровень: максимальный миграционный отток (относительно низкая территориальная лояльность жителей)	Средний уровень: средняя величина миграционного потока (умеренная территориальная лояльность жителей)	Благополучный уровень: максимальный миграционный приток (относительно высокая территориальная лояльность жителей)
2016	–3,55	от –20,52 до +12,31	от –20,52 до +12,31	от –20,52 до +12,31	от –20,52 до +12,31
2017	–5,73	от –19,10 до +14,25	от –19,10 до +14,25	от –19,10 до +14,25	от –19,10 до +14,25

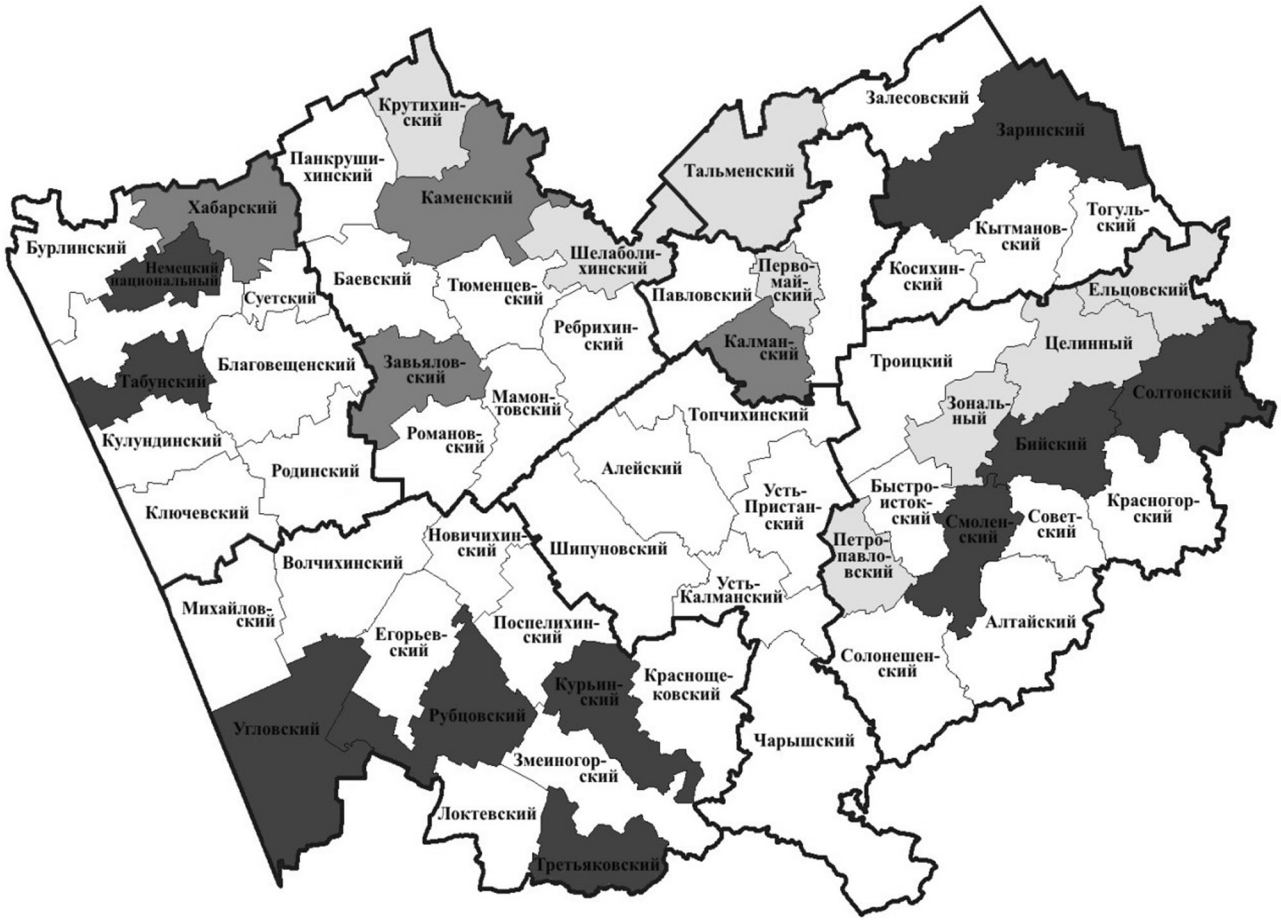


Рис. 3. *Маршруты экспедиций для проведения полевого исследования территориальной лояльности жителей сельских территорий Алтайского края*

— районы, не вошедшие в пятерку районов с максимальным миграционным оттоком, но по итогам 2017 г. остающиеся в относительно проблемной по уровню миграционного потока группе (Калманский, Хабарский, Каменский), а также Завьяловский район, переместившийся по итогам 2017 г. из относительно благополучной по миграционному потоку группы районов в проблемную (на рис. 3 выделены серым цветом).

Ожидается, что интервьюирование жителей перечисленных районов в сочетании с контент-анализом публикаций в СМИ и постов в социальных сетях позволит выявить факторы территориальной лояльности и возможности управления ими с целью регулирования миграционного потока.

Список источников

1. *Корчагина И. А.* Развитие сельских территорий Алтайского края. Проблемы и пути решения // Science Time. — 2014. — № 7. — С. 179–187.

2. *Волкова Н. В.*, *Свистельник Н. В.* Оценка влияния состояния дорожной сети на миграционный отток населения из сельских районов Алтайского края // Актуальные вопросы экономики и социологии. — Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2018. — С. 13–18.

3. *Парсонс Т.* Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.

4. *Волкова Н. В.* Лояльность персонала в организациях г. Бийска: расхождения теории и практики // Вестник алтайской науки. — 2012. — № 3–2. — С. 172–177.

5. *Абрамов А. П.*, *Овсянникова Н. А.*, *Сапронов А. В.* Социальная структура сельских поселений // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 140–147. — (Экономика. Социология. Менеджмент).

6. Pallares-*Barbera M.*, *Tulla A. F.*, *Vera A.* Spatial loyalty and territorial embeddedness in the multi-sector clustering of the Berguedà region in Catalonia (Spain) // Geoforum. — 2004. — Vol. 35. — P. 635–649.

Кононова Д. С.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

МОНИТОРИНГ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ОЦЕНКА ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ [1]

В данной статье проанализирована профессионально-квалификационная структура иностранной рабочей силы на региональном рынке труда на примере Свердловской области. В исследовании с помощью социологических методов (анализа документов и анкетирования) выявлены особенности профессионально-квалификационной структуры и дана оценка ее влияния на рынок труда Свердловской области. Авторами исследования выявлены управленческие проблемы и даны рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: мониторинг, профессионально-квалификационная структура, иностранная рабочая сила, региональный рынок труда

Неотъемлемой частью развития современного мира является свободное перемещение трудовых ресурсов. Глобализационные тенденции и динамичное развитие информационного общества приводят к увеличению влияния роли миграции в социально-экономическом развитии городов, регионов, стран. Так, можно сказать, что миграционные процессы формируют демографическую структуру, влияют на пространственное, экономическое, социально-культурное, политическое развитие, а также определяют состояние рынка труда.

Миграция иностранной рабочей силы в Россию явление относительно молодое. В конце XX в. Россия столкнулась с проблемой так называемых открытых границ. Отсутствие модели государственной миграционной политики привело к тому, что возникла проблема усиления напряженности, прежде всего, на локальных и региональных рынках труда, из-за нерегулируемых потоков иностранной рабочей силы.

Основы изучения термина «иностранная рабочая сила» широко изучены в отечественной науке. Например, В.А. Ионцев считает, что иностранную рабочую силу можно определить как совокупность иностранных граждан, обеспечивающих предложение своей рабочей силы для производства товаров и услуг на региональном рынке труда [2, с. 12]. Е.В. Горбенкова содержание термина «иностранная рабочая сила» рассматривает как работников, законно въехавших в Российскую Федерацию с целью осуществления трудовой деятельности [1, с. 32].

В научной литературе мы можем увидеть различные точки зрения на счет роли иностранной рабочей силы в общественной жизни. Например, Ж.А. Зайончковская подтверждает считает, что роль иностранной рабочей силы заключается в ресурсном обеспечении регионального рынка труда [3, с. 56]. Е.В. Краснова считает, что воспроизводство трудовых ресурсов, преодоление дефицита рабочей силы за счет привлечения иностранной рабочей силы — краеугольный камень в фундаменте динамично развивающейся экономики вне зависимости от типа общественно-экономической системы [4, с. 12].

Научная проблема исследования заключается в том, недостаточно изучена профессионально-квалификационная структура иностранной рабочей силы и не дана оценка ее влияния на региональный рынок труда.

Именно поэтому основной идеей исследования является изучение профессионально-квалификационной структуры иностранной рабочей силы и ее распределения на региональном рынке труда (на примере Свердловской области).

Начнем с изучения рынка труда Свердловской области. Стоит отметить, что характерной чертой развития рынка труда Свердловской области является диспропорция спроса на трудовые ресурсы. Так, с помощью анализа статистических данных, представляемых Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области, мы выявили, что существует тенденция к неравномерному территориальному распределению количества заявленной работодателями потребности в работниках и численности безработных граждан, зарегистрированных органах службы занятости.

В 2018 г. численность безработных граждан, зарегистрированных в установленном порядке в государственных казенных учреждениях службы занятости населения Свердловской области (далее — органы службы занятости), составила 26023 чела. Заявленная работодателями потребность в работниках для замещения вакантных и создаваемых рабочих мест составила 30401 чел. Таким образом, соотношение численности незанятых граждан, зарегистрированных в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, к числу вакантных рабочих мест составило 1,1 единиц.

Перейдем к рассмотрению территориального распределения спроса на трудовые ресурсы в Свердловской области. Наибольшая потребность в работниках в 2018 г. была зафиксирована в муниципальном образовании город Екатеринбург. Около 50 % всех вакансий приходится на столицу

[1] © Кононова Д. С. Текст. 2019.

Свердловской области. Также высокий уровень спроса на рабочую силу наблюдается в городе Нижнем Тагиле, Горноуральском городском округе, городе Каменске-Уральском.

Сложившиеся ситуация в Свердловской области показывает невозможность удовлетворения потребностей регионального рынка труда без привлечения иностранной рабочей силы.

Стоит отметить, что в данном исследовании авторами под термином «иностранная рабочая сила» подразумеваются иностранные граждане, прибывающие в визовом режиме въезда. Выбор данной категории обусловлен тем, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации определяют их численность в профессионально-квалификационном разрезе.

Так, в 2018 г. квота Свердловской области на привлечение и использование иностранных работников, прибывших в визовом режиме въезда, утверждена в объеме 6 632 рабочих места. Более 90 %в таких работников планируют осуществлять трудовую деятельность в муниципальном образовании город Екатеринбург.

Перейдем к анализу профессионально-квалификационной структуры указанной категории иностранных граждан. Стоит отметить, что Свердловская область входит в топ традиционно привлекательных для трудовых мигрантов регионов. Развития инфраструктура, относительно высокий уровень жизни, транспортная доступность, устойчивые этнокультурные связи (наличие в регионе более 100 диаспор), большой выбор вакансий для трудоустройства — все указанные причины являются определяющими факторами в выборе Свердловской области как будущего места пребывания и трудоустройства для иностранного гражданина.

С целью изучения профессионально-квалификационной структуры иностранной рабочей силы в качестве метода исследования было использовано анкетирование работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу в Свердловской области. Так, в разрезе видов экономической деятельности работодатели чаще выражают потребность в привлечении и использовании иностранной рабочей силы в следующих отраслях: торговля оптовая и розничная (40,5 % опрошенных), строительство (21,1 % опрошенных), деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (32,3 % опрошенных).

На основании проведенного анкетирования мы выявили наиболее востребованные, по мнению работодателей, профессии для привлечения иностранной рабочей сил: агент торговый, штукатур, комплектовщик товаров, облицовщик-плиточник, повар.

Также в анкете для работодателей были предусмотрены вопросы об ожидаемой квалификации привлекаемой иностранной рабочей силы. Так, мы выяснили, что потребность работодателей в привлечении и использовании иностранной рабочей силы для замещения вакантных и создаваемых рабочих мест объясняется производственной необходимостью и спецификой профессионально-квалификационных требований (в частности, требований к владению иностранными языками, опыту работы в иностранных компаниях, знанию традиций и культуры иностранных государств, навыкам работы на иностранном оборудовании).

Проанализировав ответы опрошенных работодателей, мы обобщили ожидаемые профессионально-квалификационные характеристики иностранной рабочей силы по наиболее востребованным видам экономической деятельности, что представлено ниже в таблице.

Подводя итоги вышесказанному, мы можем отметить, что в данном исследовании мы проанализировали влияние профессионально-квалификационной структуры и численности иностранной рабочей силы на рынке труда Свердловской области. С помощью методов анализа документов и проведения анкетирования мы выявили особенные характеристики профессионально-квалификационной структуры иностранной рабочей силы в Свердловской области.

Также в рамках данного исследования мы выявили ряд управленческих проблем:

1. Законодательство Российской Федерации не предусматривает проверку квалификации иностранного гражданина, следовательно, есть возможность подделки или подлога предоставляемых им документов (дипломы, сертификаты и др.).

2. Отсутствуют механизмы, позволяющие органам государственной власти субъекта Российской Федерации, сформировать представление о численности всех категорий иностранной рабочей силы в регионе.

В качестве решения указанных выше проблемных моментов, хотелось бы предложить следующее.

Во-первых, необходимо проведение комплексной масштабной сверки Министерства труда и социальной защиты и Главного управления по вопросам миграции в целях оценки объемов иностранной рабочей силы (всех категорий трудовых мигрантов). Итогом данной сверки может стать общая информационно-аналитическая база трудовых мигрантов для органов государственной власти, с распределением по странам, по профессиям, по сферам деятельности, по видам экономической деятельности.

Во-вторых, необходимо предусмотреть механизм проверки документов иностранных граждан, подтверждающих их уровень квалификации, на достоверность в рамках международного права. Также необходим единый федеральный информационный реестр, в который будут вноситься сведения о недобросовестных работниках.

Таблица

Ожидаемая профессионально-квалификационная структура иностранной рабочей силы (по данным анализа анкетирования работодателей)

Вид экономической деятельности	Требования к уровню образованию	Дополнительные требования к знаниям и опыту
Торговля оптовая и розничная	Среднее профессиональное, высшее (экономическое)	Знание нормативных правовых актов, регулирующих основы сбыта продажи, расшифровки кодов и артикулов, наличие опыта организации разгрузочных и погрузочных работ, а также опыта оформления страховых, экспортных, импортных лицензий, знание иностранного языка (как правило, китайского). Требуемый опыт: 3–5 лет
Строительство	Среднее профессиональное	Навыки работы с иностранным оборудованием, опыт работы с технологическими картами и инструкциями. Требуемый опыт: 1 год
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Среднее профессиональное	Знание традиций и культуры иностранных государств, технологий подработки и приготовления сырья, опыт работы с технико-технологическими картами, знаний требований к качеству, срокам и условиям хранения блюд и изделий. Требуемый опыт: 3–5 лет

В-третьих, в рамках повышения уровня квалификации иностранных специалистов можно предусмотреть дополнительные критерии отбора. К примеру, при сдаче разрешительных документов в Управлении по вопросам миграции, будущий кандидат будет заполнять так называемый рейтинговый лист. В него могут включаться вопросы о поле, возрасте, стаже работы, образовании, а также о навыках и умениях. Получившийся рейтинговый лист будет представлять собой резюме иностранного работника, по которому можно будет оценить, насколько ценно предложение данного работника для российского рынка труда.

Список источников

1. *Горбенкова Е. В.* Мировой и отечественный опыт государственного регулирования привлечения иностранной рабочей силы // Современные исследования социальных проблем. — 2014 — № 1. — С. 34–36.

2. *Ионцев В. А.* Детерминанты международной миграции населения Детерминанты внутренней миграции населения в России: дис. … канд. экон. наук. — М., 2017.

3. *Зайончковская Ж. А.* Новая миграционная политика России. Впечатляющие результаты и новые проблемы. // Вестник Санкт-Петербургского университета. –2015 — № 1. — С. 5–19.

4. *Красова Е. В.* Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике. Современные аспекты государственного регулирования. — Владисовосток : Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2012. — 211 с.

Коробейников А. Г.

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ [1]

В статье рассматривается влияние социально-культурных трансформаций, затрагивающих современную молодежь Уральского региона. Отмечается роль традиции в формировании социально-культурных установок молодого поколения и влияние современных тенденций на нее.

Ключевые слова: молодежь, российское общество, ценностные ориентации, социально-культурные установки, традиционность

В свое время французский философ Гельвеций заметил: «Чем совершеннее воспитание, тем счастливее народы». Еще тоньше и глубже важность воспитания подрастающего поколения отмечает древнегреческий философ Аристотель: «Все, кто размышлял об искусстве управления людьми, убеждены, что судьбы империй зависят от воспитания молодежи». Действительно, трудно переоценить значимость воспитания и его влияние на человечество. Очевидно, что устойчивость и продолжительность развития любого общества обеспечивается благодаря сходности и родственности ценностных, смысложизненных установок всех поколений, составляющих общество и руководящих им. Также ряд внешних факторов неизменно формирует определенные условия для социума, и от того, насколько успешно общество сумеет ответить на эти вызовы, зависит подчас его будущее. Проблемы российской молодежи в сути своей являются проблемами и всего российского общества. Процессы, происходящие в сфере духовно-нравственного, культурного развития современной молодежи, имеют подчас неоднозначный, парадоксальный характер, однако вполне соответствуют наблюдаемому состоянию трансформации в условиях неопределенности.

На современном этапе в российском социуме выделяются две достаточно явные тенденции: (1) ввиду усиливающегося влияния глобализации происходит унификация, обобщение социально-культурных установок, а также (2) отказ от привычных традиционных норм в результате диверсификации и многовариативности выражения каждого отдельного индивида. К этим и без того интенсивно меняющим облик социума процессам добавляется еще один, характеризующий повседневную действительность многих стран СНГ, — постсоветская трансформация общественной жизни.

Вне всякого сомнения, поколения, взросление которых проходило после распада СССР, гораздо более восприимчивы к протекающим ныне глобализационным процессам, чем поколения старшие, чье детство и юность пришлись на советский период. Касается это практически всех сфер жизни, устоявшиеся культурные нормы в которых трансформируются в некоторых случаях до противоположности. Государственная политика чаще всего направлена на сохранение преемственности социокультурных норм и привычное функционирование социальных институтов. Вместе с тем, стоит отметить, что взгляды и ценностные ориентации молодежи не всегда формируются согласно законодательным нормам и предписаниям. Связано это с непониманием складывающейся ситуации и, как следствие, ослаблением влияния социализирующих институтов, или же молодежь сознательно отходит от какой бы то ни было связи с российским обществом в этот период радикальной ломки и трансформации?

Переход российского общества к новой социально-экономической формации актуализирует во многих сферах жизни вопросы модернизации и преобразования. Не так давно модернизация перекликалась в сознании большинства с отказом от традиционного как архаичного и изжитого, однако опыт показывает, что связь прошлого с настоящим и будущим более сложна и неоднозначна, во многом неразрывна. Это означает, что общество несвободно от своего прошлого, как от места, в котором коренится современность. Человек модерна, утратив базовые традиционные ценности в настоящем, не видит ориентиров будущего и неизбежно взывает к опыту прожитого как к сфере сакрального, дающего знание, силу и импульс к проживанию актуального. Традиция служит средством обращения к прошлому из настоящего. Но настоящее выставляет свои условия и ограничения, трансформируя традиционное и приводя к появлению неотрадиции. В современности типическая традиция, актуализируясь, видоизменяется, частично в силу утраченности и забытости, частично — под воздействием современности и невозможности воспроизведения в текущем моменте былого. Вслед за этой трансформацией изменяется и сущностное содержание традиции, ее назначение и проявления. Это и приводит к ключевым вопросам о возможности повторяемости и изменчивости традиционного. Теряет ли традиция силу и актуальность в иных, нетипичных условиях? Возможно ли заимствование или частичное воссоздание отдельных аспектов традиционного без утраты основных смыслов? Всегда ли традиция обогащается опытом настоящего, становясь более универсальной и эффективной? Эти и ряд других вопросов встают перед нами при попытке включения традиционного в повседневную жизнь современного. Все

[1] © Коробейников А. Г. Текст. 2019.

это еще более усиливает необходимость исследования данной тематики в условиях современного общества и мира, отчаянно ищущего решения глобального социального кризиса, по словам Бодрийяра, мира, который «размножается, гипертрофируется и никак не может разродиться».

Молодежь, даже не осознавая этого напрямую, как никакая другая группа российского общества остро реагирует изменения, касающиеся самих ядерных основ ценностного корпуса. А.Р. Масалимова, декан факультета философии и политологии Казахского национального университета им. Аль-Фараби, так описывает модернизационные процессы в современном обществе: «С позиции ценностных ориентаций модернизация бывает заимствованной (привнесенной) и самодостаточной. В первом случае вместе с новыми достижениями и технологиями насаждаются иная культура, иные социальные модели, образы и стереотипы, в этом аспекте имеет смысл отождествление модернизации с процессом вестернизации. Во втором случае модернизация может характеризоваться как самобытная, поскольку стремится сочетать традиции и инновации, совмещать новейшие технологические достижения с национальными традициями» [5, с. 16–21]. Иначе говоря, возможность различных культурных «миксов» легко объяснять в интересах того или иного идеологического фрейма.

Именно этот кризисный период изменения устоявшихся поведенческих моделей и замещения их новыми, или трансформация, сказывается на стабильности общества и социальном самочувствии молодежи. Молодежь является достаточно активной частью населения и зачастую выступает прямым участником многих социально-политических процессов в жизни общества. По этой причине в последнее время в российском обществе сложилось мнение, согласно которому молодежь представляет собой костяк любых протестных акций и оппозиционных движений, который своей несознательностью и наивной верой звучащих обещаний, наносит вред государству и обществу. Так ли это на самом деле? В 2012 г. в исследовании ВЦИОМ «Социальный портрет протестного движения в Москве» действительно отмечалось, что «протестное движение молодеет»: в феврале 2012 г. молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет составляли 48 % участников акций, тогда как к июню того же года — уже 65 % (протестные акции на Болотной площади и проспекте Сахарова) [7]. Антикоррупционные митинги в марте 2017 года даже назвали «Школьными митингами» из-за большого участия в них подростков. Денис Волков, аналитик «Левада-Центра» поясняет эту ситуацию следующим образом: «Судя по нашим исследованиям, у людей действительно есть представление, что молодежь — это авангард общества, что она же хочет перемен и протестует больше всех. На самом деле это не так. Перемен они хотят даже меньше, чем остальные, потому во многом молодых все устраивает и лет до 25-ти они не думают о политике. Судя по нашим опросам, молодежь даже немного больше поддерживает власть, чем население в целом. Это опять же не значит, что среди молодых нет тех, кто против Путина. Их просто меньше, чем в среднем по стране. В крупных городах их чуть побольше, что и видно было на фотографиях с митингов» [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что молодежь ничуть не более оппозиционно настроена, чем старшее поколение. Мнение о том, что степень вовлеченности российской молодежи в политическую жизнь страны преувеличена разделяет и российский политолог, профессор МГИМО Валерий Соловей. В своем интервью изданию «Газета.ru», отмечает: «…В целом же российское общество меньше интересуется политикой, чем западное. Для молодежи это тоже характерно. Западная молодежь точно более заострена социально-политически … Российская молодежь в значительной мере индифферентна по очень простой причине — у нас людей отучали интересоваться политикой. По принципу: политика — дело власти, вы в нее не лезьте» [3]. Ряд исследователей действительно отмечают некоторую степень аполитичности российской молодежи, что вряд ли можно называть ее склонностью к протестным настроениям.

О том, что молодежь Екатеринбурга в своих политических предпочтениях достаточно сдержана и не так радикальна, говорит Я.И. Соломатин в статье «Социологический анализ политических ориентаций молодежи российского мегаполиса»: «В целом результаты трех опросов показали, что политика в общей системе ценностей молодежи Екатеринбурга не занимает лидирующие позиции. При оценке своих политических ориентаций молодежь выбирает либеральные ценности, но одновременно чаще готова проголосовать и голосует за правоцентристскую (либерально-консервативную) «партию власти», при этом выражая и протестные настроения» [6, с. 68].

А.А. Айвазян и П.И. Пелевина в исследовании «Гражданская культура молодежи: методологические основания и эмпирическое проявление» приходят к выводу: «Имеются положительные моменты в развитии гражданской культуры молодежи Свердловской области, молодые люди осознают себя гражданами России, растет соотнесение патриотизма с ответственностью за происходящее в стране, а также возрождается готовность к самопожертвованию ради интересов страны. В то же время, зафиксировано пассивно-равнодушное отношение к политике, у большинства допускается возможность нарушения Закона. А в целом, с методологической точки зрения, «гражданская культура молодежи» может быть только на стадии становления, устойчивого развития, с учетом возрастных особенностей молодежи и своего рода «идеального типа» концепции гражданственности» [1, с. 101], что также заставляет исключить излишний скепсис в отношение гражданской культуры молодежи Уральского региона.

Если речь заходит о преемственности традиции как сакральной категории культурной жизни общества, то возникает вполне закономерный вопрос — от кого молодежь будет перенимать традиционность? Кто станет транслятором традиции в среду современной российской молодежи. Очевидно, что сегодня в российском обществе нет общепринятой традиции, характеризующей его как самостоятельное и консолидированное. И, самое главное, проявляет ли молодежь интерес к традиции, готова ли она перенимать и придерживаться традиционности, присущей российскому обществу? Возможна ли выработка такой традиции в условиях многонационального, многоконфессионального государства без ущерба для традиций каждой отдельной общности, например, в таком традиционно многонациональном регионе как Урал? Решение этих и многих других сопутствующих вопросов — одна из важнейших задач при построении будущего страны. Тем более сложным становится решение этой задачи ввиду сокращения численности молодежи и уменьшения возможных путей трансляции традиции. А.И. Андреев в статье «Молодежь, патриотизм и протесты: краткий анализ и некоторые предложения» отмечает: «В России в последние годы стремительно снижается численность молодежи — основного «топлива» дестабилизационных процессов. Если в конце 2000-х гг. ее численность в возрасте 14–30 лет была близка к 40 млн, то сегодня молодых россиян немногим больше 32 млн, а в период 2020–2025 гг. их число снизится до 24 млн человек (возможно, до 25 или несколько более — при благоприятных миграционных притоках новых граждан)» [4, с. 9].

Традиция в своем приложении к современности — неотрадиционализме по-прежнему остается предметом обсуждения узкого круга, занятого духовным, философским поиском и осмыслением современной действительности. Широкому распространению идей традиционности мешают и отсутствие четкой сформулированной политико-социальной программы традиционализма и наличие негативных смысловых оттенков, которые приобретает эта тематика в ряде случаев. Пока, предлагаемые социуму в общих чертах традициоориентированные проекты — это романтические, утопически выстроенные доктрины, призванные примирить нас с посттрадционностью или стать альтернативой ей. Традиция все чаще включается в межпоколенческий и межнациональный диалог, будучи призванной служить транслятором опыта и мировоззрения. Интерес к традиционности со стороны государственных органов также актуализирует эту тематику и подтверждает во многом эффективность и верность искомых традиционалистами альтернатив. Исследователи традиции вновь и вновь находят подтверждения тому, что традиция не исчерпала, не изжила себя в настоящем, а зачастую стала еще более насущной необходимостью, привлекая все большее к себе внимание. Сумеет ли сегодня Россия ответить на главный вызов современного мира — сохранить самобытность и включиться в мировой процесс самодостаточным субъектом или же кануть в лету, растворив традиционное и самобытное новоделом и суррогатом заимствованных образцов?

Список источников

1. *Айвазян А. А.*, *Пелевина П. И.* Гражданская культура молодежи: методологические основания и эмпирическое проявление // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 23–24 апр. 2018 г. : в 2-х т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — Т. 1. — С. 97–101.

2. Акции протеста в России Что изменилось в 2017 году // dw.com. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dw.com/ru/акции-протеста-в-россии-что-изменилось-в-2017-году/a-41970850 (дата обращения: 22.02.2019).

3. Американские скрепы. Где жители США обходят россиян // Газета.ru. — 2018. — 24.11 [Электронный ресурс]. URL:https://www.gazeta.ru/comments/2018/11/23_a_12069889.shtml (дата обращения: 19.02.2019).

4. *Андреев А. И.* Молодежь, патриотизм и протесты. Краткий анализ и некоторые предложения // Инновационный потенциал молодежи. Информационная, социальная и экономическая безопасность. Мат-лы междунар. молодеж. науч.-иссл. конф., Екатеринбург, 4–5 дек. 2017 г. — Екатеринбург: УрФУ, 2017. — 893 с. — С. 3–10 [Электронный ресурс]. URL:http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55554/3/978–5-321–02538–3_2017.pdf (дата обращения: 24.02.2019).

5. *Масалимова А. Р.* Влияние традиций на формирование культуры современной молодежи // Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры. Сб. мат-лов Всерос. молодеж. науч.–иссл. конф., посвященной Году культуры и Году науки в России. Екатеринбург, 27–28 апр. 2014 г. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwi3odPsseDgAhXykYsKHeiqC1sQFjAAegQIChAC&url=http%3A%2F%2Felar.urfu.ru%2Fbitstream%2F10995 %2F26459 %2F1 %2Fconf_27–28.10.2014.pdf&usg=AOvVaw3IbIfKoDPpPmXdly7LdH8i (дата обращения: 22.02.2019).

6. *Соломатин Я. И.* Социологический анализ политических ориентаций молодежи российского мегаполиса // Известия Уральского федерального университета. — 2018. — Т. 13, № 1 (173). — С. 59–71 — (3. Общественные науки).

7. Социальный портрет протестного движения в Москве [Электронный ресурс]. URL: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/politics/internal-policy/protests/article/socialnyi-portret-protestnogo-dvizhenija-v-moskve.html (дата обращения: 20.02.2019).

Телепаева Д. Ф.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

РОЛЬ СПОРТИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В ДОСТИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ [1]

В статье рассматривается влияние спортивного волонтерства на социальное развитие страны и регионов. Рассмотрены нормативно-правовые акты, регулирующие спортивное волонтерство в Российской Федерации. Обозначаются перспективы использования социального, экономического, имиджевого наследия крупных спортивных мероприятий и их волонтерских программ. На основе вторичных данных и опроса молодежи Свердловской области оценивается вклад спортивного добровольчества в экономическое и социальное развитие региона.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, спортивное волонтерство, некоммерческие организации

Проведение спортивных событий мирового масштаба является одним из приоритетных направлений формирования имиджа страны-организатора. Мероприятия подобного рода не только работают на продвижение страны в мировом сообществе, но и играют весьма существенную роль в развитии конкретных городов, способствуют привлечению в них новых инвесторов и международных компаний. Спортивные мероприятия мирового масштаба — это открытие новых мест для международного туризма за счет строительства новых отелей и развития транспортной инфраструктуры в принимающем городе.

Неотъемлемой частью крупных спортивных мероприятий являются волонтеры, работающие на них. За последние пять лет Россия приняла на своей территории крупнейшие международные соревнования — XXVII Всемирная летняя Универсиада в Казани в 2013 г., XXII Олимпийские и XI Паралимпийские зимние игры в Сочи в 2014 г., Кубок Конфедераций FIFA в 2017 г., Чемпионат мира по футболу FIFA в 2018 г. и XXIX Всемирная зимняя универсиада в Красноярске в 2019 г. По данным Роспатриотцентра, около 5,3 млн жителей нашей страны занимаются добровольческой деятельностью [2]. В организации российского мундиаля было задействовано 17040 волонтеров [3], на зимней Универсиаде в Красноярске принимают участие более пяти тысяч добровольцев [4].

Спортивное волонтерство оформляется как социальный институт со своими моделями поведения, социальными статусами, идеологией, системой поощрений и санкций [1, с. 7]. Спортивное волонтерство рассматривается социологами на микро-, мезо- и макроуровнях. На микроуровне основной акцент чаще всего делается на изучении мотивации волонтеров (С. Джанулакис, Д. Грей, Г. Николс, С. Найт). На мезоуровне спортивное волонтерство рассматривается в контексте конкретного мероприятия, организации или какой-то проблемной ситуации (Е. Кодама, А. Доэрти, С. Найджел, И. Руссел, Т. Диксон). На макроуровне спортивное волонтерство исследуется в междисциплинарном поле социологии и экономики (Дж. Хайтон, К. Хайнманн, К. Смит, К. Холмс). Как правило, изучаются социальные и экономические аспекты влияния ресурса спортивного волонтерства на развитие того или иного государства, обращается внимание на то, каким образом спортивное волонтерство включается в процессы формирования внутреннего и внешнего имиджа отдельных территорий.

В России процесс управления спортивными волонтерами в рамках международных спортивных событий на государственном уровне традиционно регламентируется временными нормативно-правовыми актами, приуроченными к их проведению (XXII Олимпийские и XI Паралимпийские зимние игры в Сочи в 2014 г. и Чемпионат мира по футболу FIFA в 2018 г.). Федеральный закон № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет статус волонтеров, помогающих в проведении Олимпийских игр. Под волонтерами понимаются «граждане России и иностранные граждане, которые заключили с Оргкомитетом “Сочи-2014” гражданско-правовой договор об участии в организации и (или) проведении Олимпийских игр и Паралимпийских игр путем применения своего опыта, знаний, умений и навыков в целях осуществления мероприятий по организации и проведению

---

[1] © Телепаева Д. Ф. Текст. 2019.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-5869.2018.6.

[2] Доклад о развитии добровольчества (волонтерства) в РФ в 2017–2018 годах // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: http://nko.economy.gov.ru/PortalNews/Read/4436 (дата обращения: 10.02.2019).

[3] Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.fifa.com/worldcup/organisation/ (дата обращения: 20.02.2019).

[4] Зимняя Универсиада в Красноярске 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://volunteers.krsk2019.ru/ru/join (дата обращения: 25.02.2019).

Олимпийских игр и Паралимпийских игр без предоставления указанным гражданам денежного возмещения за осуществляемую ими деятельность»[5].

Схожее определение даётся в Федеральном законе №108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка Конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Волонтеры — граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, заключившие с FIFA, дочерними организациями FIFA или Оргкомитетом «Россия-2018» гражданско-правовые договоры об участии в мероприятиях путем применения своего опыта, знаний, умений без предоставления указанным гражданам и лицам денежного вознаграждения за осуществляемую ими деятельность, за исключением возмещения расходов, понесенных при исполнении гражданско-правовых договоров[6]. Оба федеральных закона также определяют правовой статус волонтеров, регламентируют организацию добровольческого труда, права и обязанности волонтеров, а также закрепляют обязательства и полномочия государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Фактически оба федеральных закона уже утратили свою силу. Однако в рамках федерального закона №135 «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» одной из целей осуществления добровольческой деятельности является «содействие деятельности в области физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), участия в организации и (или) проведении физкультурных и спортивных мероприятий в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг физическими лицами»[7].

В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» отмечается, что Правительству Российской Федерации «при разработке национального проекта в сфере образования исходить из того, что в 2024 году необходимо обеспечить решение такой задачи, как "создание условий для развития наставничества, поддержки общественных инициатив и проектов, в том числе в сфере добровольчества (волонтерства)", а при разработке национальной программы в сфере культуры «обратить особое внимание на необходимость поддержки добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации»[8].

Несмотря на то, что спортивное волонтерство напрямую не фигурирует в национальных целях страны, сам феномен добровольчества рассматривается как инструмент достижения национальных целей в сфере образования и культуры. Однако именно волонтерство в массовых спортивных мероприятиях международного уровня во многих странах становится катализатором развития добровольчества в целом.

Невозможно не оценить важность проведения международных спортивных событий для нашей страны в целом и Свердловской области в частности. Проведение спортивных мероприятий мирового масштаба на своей территории сегодня стало неотъемлемой частью развития страны-организатора, механизмом, обеспечивающим социокультурный и финансовый рост территорий. Крупные спортивные события во многом определяют имидж государства и способствуют привлечению инвестиций для развития социальной инфраструктуры страны, формируют туристическую узнаваемость отдельных городов. Согласно некоторым исследованиям, привлечение волонтеров на спортивные мероприятия позволяет получить реальную экономию денежных средств. Причем если сумма затрат на содержание одного волонтера — величина постоянная, то зарплата наемных работников за счет квалификации, стажа, заслуг, премий, разного рода бонусов может отличаться в сторону увеличения [2, с. 221].

Отличительной особенностью спортивных проектов является краткость их проведения, при этом они поражают длительностью и масштабностью последствий для отдельно взятого региона и в целом для страны. Спортивные мероприятия мирового масштаба — это открытие новых мест для международного туризма за счет строительства новых отелей и развития транспортной инфраструктуры в принимающем городе. Происходит ускорение экономического развития города-организатора за счет роста государственных и частных инвестиций, а также финансовых обязательств правительства страны.

---

[5] Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 1.12.2007 №310-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.02.2018).

[6] О подготовке и проведении в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка Конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 07.06.2013 №108-фз // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.02.2018).

[7] О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве). Федеральный закон от 11.08.1995 №135-фз // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.02.2018).

[8] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/ (дата обращения: 28.02.2018).

Целью такого капиталовложения в спортивные мероприятия является сохранение и увеличение культурного наследия страны в целом.

Участие в мировом футбольном первенстве дало мощный импульс развитию страны и отдельным ее регионам, принимавшим на своей территории групповые матчи. Успешное проведение чемпионата мира по футболу в 2018 г. обеспечило развитие туризма, привлечение иностранных инвестиций, рост интереса к Свердловской области. По словам губернатора региона, мундиаль позволил решить даже экологические проблемы. Например, в Екатеринбурге были закуплены автобусы на газомоторном топливе, что позволило уменьшить количество вредных выбросов в атмосферу [9].

Важным социальным наследием чемпионата является не только строительство инфраструктуры города-организатора (обновленный стадион, тренировочные поля, фан-зона в парках, организация улично-дорожной сети), но и умелое использование этих объектов для дальнейшего развития спорта в регионе. Например, в ближайшем будущем планируется создание Академии футбола и Детского футбольного центра, основной задачей которых является выявление и подготовка перспективных игроков. Академия включит в себя несколько спортивных объектов, построенных специально для чемпионата мира: крытый футбольный манеж, гостиницу-общежитие для проживания спортсменов, три футбольных поля, административное здание, плоскостные и спортивные сооружения для различных видов спорта. Будут созданы особые условия для тренировок воспитанников детско-юношеских спортивных школ не только из Екатеринбурга, но и всей Свердловской области и даже соседних регионов [10].

По данным Министерства экономики и территориального развития Свердловской области, подготовка к чемпионату мира способствовала созданию шести тысяч дополнительных рабочих мест, увеличению потребительского спроса на товары и услуги на 1,68 млрд руб. и увеличению валового регионального продукта почти на 0,5 % [11].

Одним из важных социальных последствий проведения международных событий является увеличение количества добровольцев в стране и конкретных регионах. Стоит отметить, что для участия волонтеров необходимы материальные средства, но социальный эффект, произведенный за счет их деятельности, несоизмеримо выше этих вложений. Провести чемпионат мира по футболу в России помогали около 30 тыс. добровольцев — представителей 27 стран и 37 регионов России [12]. В Свердловской области на мундиале было задействовано более 2 тыс. волонтеров. Важным социальным наследием можно назвать вовлеченность уральцев в добровольческую деятельность региона. По данным Департамента молодежной политики Свердловской области, в 2017 г. более ста тыс. чел. принимали участие в волонтерской деятельности на территории области [13].

По данным исследования молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 30 лет (N=421, 2018), за последний предшествовавший опросу год около 19 % молодых людей помогали в организации массовых спортивных мероприятий в качестве волонтеров. При этом 37 % из них также участвовали в социальных проектах, оказывали нуждающимся детям, старикам, инвалидам, больным людям помощь конкретными делами, собирали средства на благотворительность или другой социальный проект. Представленные данные, с одной стороны, актуализируют необходимость более детального исследования факторов участия спортивных волонтеров в других направлениях добровольчества, с другой стороны, позволяют выдвинуть гипотезу о том, что участие в спортивном волонтерстве, чаще всего основанное на эгоистических мотивах и личных интересах, при определенных обстоятельствах способствует вовлечению молодых людей в другие виды волонтерской активности, имеющие более глубокий социальный смысл и альтруистическую мотивацию.

Таким образом, спортивное волонтерство обладает целым комплексом положительных последствий, играет существенную роль как в достижении национальных целей, так и в социально-экономическом развитии конкретных регионов. Обозначенные в статье экономические выгоды от привлечения волонтеров к работе на крупных спортивных мероприятиях и социальные последствия этой добровольческой деятельности подчеркивают актуальность исследования спортивного волонтерства, его вклада в развитие добровольчества в целом, повышение качества человеческого капитала территории и продвижение страны в мировом сообществе.

---

[9] План по управлению наследием ЧМ-2018 в Екатеринбурге // Областная газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.oblgazeta.ru/pressreleases/16808/ (дата обращения: 20.02.2019).

[10] Там же.

[11] Основные итоги социально-экономического развития Свердловской области в 2018 году // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://economy.midural.ru/content/osnovnye-itogi-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sverdlovskoy-oblasti-v-2018-godu (дата обращения: 20.02.2019).

[12] Итоги Чемпионата мира по футболу // МИА Россия сегодня [Электронный ресурс]. URL: https://sn.ria.ru/20180717/1524693779.html (дата обращения: 22.02.2019).

[13] Правительство Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.midural.ru/news/list/document127181/ (дата обращения: 20.02.2019).

Список источников

1. *Горлова Н. И.* Мир спортивного волонтерства. — М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтёр», 2018. — 108 с.

2. *Починкин А. В.*, *Димитров И. Л.*, *Зайцев А. О.* Спортивное волонтерство с позиции коммерческой выгоды организаторов соревнований // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2015. — № 11. — С. 219–223.

Шмарова И. В.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ИЗУЧЕНИЕ ПРЯМЫХ ЗАТРАТ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДОВ [1]

В статье представлены результаты исследования затрат родительского труда в Уральском федеральном округе. Были предложены методы определения прямых материальных затрат родительского труда, финансируемых из бюджета семьи, выявлены их потенциал и ограничения; на основе доступных статистических данных рассчитаны косвенные затраты родительского труда. Полученные результаты позволили выявить динамику изменения затрат родительского труда, определить дальнейшие направления работы в сфере социально-демографической политики.

Ключевые слова: воспроизводство населения, материальные затраты родительского труда, демографическая политика, Уральский федеральный округ

К числу приоритетных национальных целей, отраженных в Указе Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», относятся увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан и создание комфортных условий для их проживания [2]. Особое внимание к проблеме народонаселения России было обусловлено негативной демографической ситуацией, наблюдаемой во всех регионах РФ в 2000-х гг. Она определила необходимость разработки мер, направленных на стабилизацию изменения численности населения, улучшение жизни семьи и детей. Реализация данных мер положительно отразилась на динамике ряда показателей:

— численность постоянного населения России в период с 2006 по 2017 гг. увеличилась более, чем на 2 % (с 143,05 млн чел. до 146,84 млн чел.) [3];

— общий коэффициент рождаемости в РФ в анализируемый период увеличился в 1,1 раза (в период с 2006 г. по 2017 г.) [4];

— число зарегистрированных умерших детей на первом году жизни в расчете на 1000 родившихся в России снизилось более чем на 46 % (в 2017 г. по сравнению с уровнем 2006 г.) [5].

Вместе с тем, долгосрочные прогнозы Росстата относительно естественного прироста населения до 2035 г. демонстрируют отрицательную динамику. Так, например, согласно среднему варианту прогноза в период с 2018 г. по 2035 г. в России будет наблюдаться естественная убыль населения. В этот временной период возможно снижение общего коэффициента рождаемости более чем на 12 %, при одновременном увеличении количества умерших на 1000 чел. населения более чем на 6,3 % [6]. К вероятным причинам усиливающейся негативной демографической ситуации относят изменение половозрастной структуры населения [1], влияние экономических факторов (низкий уровень доходов и жизни населения, некомфортные жилищные условия и др.) [2], кризис института семьи ([3] и др). В связи с нерешенностью проблем воспроизводства населения в отечественной литературе можно встретить критику реализуемых в настоящее время инструментов демографической политики ([4, 5] и др.). Одновременно, согласно данным социально-демографического обследования (микропереписи населения) 2015 г. [7], экономические инструменты демографической политики все еще являются значимыми при определении респондентами условий, способствующих рождению желаемого числа детей.

Отметим, что в целом в мировой демографической науке изучению экономических причин, оказывающих влияние на изменение рождаемости, уделяется особое внимание. Например, А. Кэлвейдж, С.

---

[1] © Шмарова И. В. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

[2] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027.

[3] Рассчитано по: Численность постоянного населения России // Официальные статистические показатели. [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/31556.

[4] Рассчитано по: Число родившихся на 1000 населения за год // Официальные статистические показатели [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/31269.

[5] Рассчитано по: Число зарегистрированных умерших детей на первом году жизни в расчете на 1000 родившихся. Оперативные данные // Официальные статистические показатели [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/33526).

[6] Демографический прогноз до 2035 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

[7] Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 год // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf.

Оливетти, В. Петронгл в качестве факторов, оказывающих сильное влияние на уровень рождаемости в стране, указывают изменение государственных расходов на семейные пособия, пособия по беременности и родам, пособия по уходу за ребенком, а также субсидии на уход за детьми [6].

Вместе с тем в рекомендациях по оценке потенциальной результативности мер демографической политики в отношении рождаемости, приведенных на сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, отсутствуют методики, направленные на сопоставление изменения показателей воспроизводства человеческого капитала на государственном и региональном уровне с затраченными на это изменение средствами[8]. При изучении затрачиваемых на изменение демографической ситуации средств, по нашему мнению, целесообразно анализировать не только величину затрат, которая возмещается государством, но и величину затрат, возмещаемых из бюджета семьи. Мы называем такие затраты прямыми затратами родительского труда. Это — это затраты семьи, направленные на воспитание, уход за ребенком, его образование и социализацию, величина которых зависит от возраста ребенка (вследствие изменения потребностей ребенка) и от желания и готовности родителей инвестировать в человеческий капитал своих детей. В свою очередь, прямые затраты родительского труда можно детализировать на затраты, которые в той или иной мере компенсируются государством (материнские и детские пособия, льготы и т. д.), и затраты, полностью финансируемые из бюджета семьи. В зависимости от стадии родительского труда состав затрат может видоизменяться как в сторону увеличения, так и в сторону их снижения, но в любом случае он тесно связан с выполняемыми функциями родительского труда в тот или иной период времени.

Предметом настоящего эмпирического исследования стали затраты, связанные с реализацией родительского труда в Уральском федеральном округе, которые мы рассматривали в качестве затрат, направленных на изменение показателей воспроизводства человеческого капитала на региональном уровне.

Основные результаты анализа

1. Величина компенсируемых государством прямых затрат родительского труда в Уральском федеральном округе в период 2012–2017 гг. увеличилась более чем в 2 раза (табл. 1). Вместе с тем, анализ структуры выплат материнских и детских пособий позволил обнаружить дисбаланс в объеме выплачиваемых пособий: наибольшая доля выплачиваемых ежемесячных детских пособий приходится на возраст ребенка до 1,5 лет.

2. Прямые материальные затраты родительского труда, финансируемые из бюджета семьи, на текущий момент не отслеживаются федеральной службой государственной статистики. Для определения их величины возможно применение следующих методов: 1) перерасчет показателей потребительских расходов домашних хозяйств с детьми (по данным выборочного обследования домашних хозяйств), приведенных Росстатом в цены 2017 г. на основе учета изменения индекса потребительских цен; 2) определение показателя на основе данных о расходах домашних хозяйств в среднем на члена домохозяйства в год с помощью корректирующего коэффициента; 3) изучение величины прямых затрат родительского труда на основе исследования вторичной информации, позволяющей идентифицировать расходы семьи на определенной стадии родительского труда и последующее нахождение их стоимостного эквивалента; 4) реализация выборочного обследования домашних хозяйств.

Приводя ниже расчеты по трем первым из перечисленных методов, отметим, что последний из них (выборочное обследование) наряду со своим несомненным преимуществом (возможностью детального анализа затрат на различных стадиях родительского труда) обладает и целым рядом недостатков (связанных, прежде всего, с высокими трудовыми и стоимостными затратами на его реализацию в масштабах страны, что делает его неприемлемым для кабинетных исследований).

Определим прямые материальные затраты родительского труда по первым трем методам, а также проведем анализ их преимуществ и недостатков.

1. Для нахождения показателей прямых затрат родительского труда по первому методу необходимо осуществить перерасчет показателей потребительских расходов домашних хозяйств с детьми (по данным выборочного обследования домашних хозяйств), приведенных Росстатом в 2009 году, в цены 2017 года на основе учета изменения индекса потребительских цен на продовольственные, непродовольственные товары и услуги.

2. Для определения прямых материальных затрат на основе второго метода обязательно нахождение корректирующего коэффициента, равного относительной величине соотношения между расходами всех домохозяйств и расходами домохозяйств, имеющих детей. Например, в 2017 году расходы на конечное потребление в среднем на 1 члена домохозяйства с детьми до 16 лет были на 28 % ниже расходов домохозяйств без детей[9].

[8] Рекомендации по оценке потенциальной результативности мер демографической политики в отношении рождаемости // Минтруд России [Электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/147.

[9] Рассчитано по: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2017 году. По итогам выборочного обследования

Таблица 1

Величина выплаченных материнских и детских пособий в Уральском федеральном округе*

Показатель	Значение показателя по годам, млн руб.		Индекс роста
	2012	2017	
Материнские и детские пособия, всего	34681	75900	2,19
в том числе			
по беременности и родам	9594	10483	1,09
при рождении ребенка	2572	2249	0,87
по уходу за ребенком до 1,5 лет	15944	15868	0,99
ежемесячное пособие на ребенка	5383	6305	1,17
по уходу за детьми-инвалидами	194	505	2,6

* Данные о денежных доходах и расходах населения в 2011–2016 гг. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/9416e1004017ce639c45fec7692f4691.

Таблица 2

Прямые материальные затраты родительского труда в месяц, руб.

Метод расчета показателей	2012		2017	
	Россия	УрФО	Россия	УрФО
Перерасчет показателей потребительских расходов домашних хозяйств с детьми на основе учета изменения индекса потребительских цен	11207,2	—	16245,5	—
Определение расходов домашних хозяйств в среднем на члена домашнего хозяйства с помощью корректирующего коэффициента	11057,4	12143,1	14493,9	11747,01

Таблица 3

Соотношение среднего уровня прямых материальных затрат родительского труда на младенческой стадии с величиной прожиточного минимума в Уральском федеральном округе в 2017 г.

Регион	Средний уровень прямых материальных затрат родительского труда на 1 ребенка на младенческой стадии в месяц, руб.	Средняя величина прожиточного минимума на ребенка в возрасте до 16 лет в месяц, руб.	Соотношение величины прямых материальных затрат на 1 ребенка в месяц со средней величиной прожиточного минимума
Уральский федеральный округ	12514,69	10905,5	1,15
Свердловская область	13138,38	10381,5	1,27
Тюменская область	12307,29	13517	0,91
Челябинская область	12307,54	9732,75	1,26
Курганская область	12305,54	9990,75	1,23

Средние величины прямых затрат родительского труда, рассчитанные на основе применения первого и второго методов, приведены в таблице 2.

Преимуществом методов перерасчета показателей потребительских расходов домашних хозяйств с детьми на основе учета изменения индекса цен и определения расходов домашних хозяйств в среднем на члена домашнего хозяйства с помощью корректирующего коэффициента является использование достоверной вторичной информации, предоставляемой Росстатом. Существенным ограничением первого и второго подходов по определению прямых материальных затрат родительского труда является невозможность их детализации по стадиям родительского труда. В то же время, в связи с тем, что в Российской Федерации наибольшая прямая финансовая поддержка семей с детьми осуществляется государством в период до достижения ребенком 1,5 лет, наибольший интерес будет представлять стоимостная оценка прямых затрат родительского труда на младенческой стадии, которую возможно осуществить с помощью третьего из предлагаемых методов.

3. Определение прямых материальных затрат родительского труда на основе третьего метода. Для нахождения этих затрат в Уральском федеральном округе было реализовано исследование интернет-ресурсов, позволившее идентифицировать основные расходы семьи в течение первых полутора лет жизни ребенка, вычислить их величину в стоимостном выражении, а также сопоставить с величиной прожиточного минимума на ребенка (табл. 3).

Как следует из представленных в таблице 4 данных, величина прожиточного минимума на ребенка в возрасте до 16 лет существенно ниже затрат, связанных с уходом за ребенком на младенческой стадии.

Реализованное исследование позволило получить следующие результаты:

1. Увеличение прямых возмещаемых затрат родительского труда, финансируемых из средств федерального и региональных бюджетов, свидетельствует о заинтересованности государства в решении

бюджетов домашних хозяйств // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_102/Main.htm.

демографических проблем. Вместе с тем, существенно меньшее финансирование прямых возмещаемых затрат родительского труда после достижения ребенком 1,5 лет может привести к финансовым затруднениям в семьях с детьми после достижения ими указанного возраста.

2. Прямые затраты родительского труда на текущий момент не отслеживаются Федеральной службой государственной статистики. Последнее реализованное Росстатом исследование, характеризующее социально-экономическое положение детей в Российской Федерации и размещенное в открытом доступе, датируется 2009 г. Вместе с тем, информация, позволяющая сопоставлять изменение показателей воспроизводства населения с затраченными на это изменение денежными средствами, позволит отслеживать реакцию семей на проводимую демографическую политику, оценивать эффективность отдельных мер в регионах, проводить их своевременную корректировку.

Для определения величины прямых затрат родительского труда были предложены методы, которые могут применяться в зависимости от наличия доступной статистической информации. Сравнение рассчитанных показателей прямых материальных затрат родительского труда на младенческой стадии с величиной прожиточного минимума на ребенка в возрасте до 16 лет в Уральском федеральном округе в 2017 г. позволило увидеть, что затраты, связанные с уходом за ребенком в этот период, существенно превышают доступные статистические показатели, являющиеся ориентиром при разработке демографической политики.

Для решения существующих в настоящее время демографических проблем, на наш взгляд, необходимо продолжение государственной материальной поддержки реализации родительского труда. Одновременно оценка ее эффективности должна предполагать не только анализ изменения показателей воспроизводства населения, но и затрат, связанных с достижением этих изменений. Применение такого подхода позволит разрабатывать действенные меры по стимулированию воспроизводства населения, следствием чего станет позитивная демографическая динамика.

Список источников

1. *Луканкина Ю. И.* Возможные причины дестабилизации демографической ситуации в тамбовской области // Современное общество и власть. — 2016. — № 3 (9). — С. 34–38.

2. Кризис института российской семьи — причина неблагоприятной демографической ситуации в Российской Федерации / Яковенко Н. В., Комов И. В., Кирьянова И. Г., Диденко О. В. // International Journal of Advanced Studies. — 2018. — Т. 8, № 2–2. — С. 153–161.

3. *Слепцова Е. В.* Оценка эффективности демографической политики в России // Экономика устойчивого развития. — 2014. — № 3 (19). — С. 194–199.

4. *Шубат О. М., Багирова А. П.* Прогнозирование вторых рождений у российских женщин. Социолого-статистический подход // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 3 (144). — С. 131–140.

5. *Кочкина Е. В.* Семейная, демографическая и «детская» политика в России 2012–2015 гг.: соотношение показателей и эффективности // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. — М.: Экон-Информ, 2015. — С. 152–165.

6. *Olivetti C., Petrongolo B.* The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries // Journal of Economic Perspectives. — 2017. — № 1 (31). — С. 205–230.

РЕГИОНЫ РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Барейчева М. А., Степанова Н. Р., к. т. н.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ГОРОД БУДУЩЕГО — КРЕАТИВНЫЙ [1]

В современном мире творческие и креативные навыки зачастую являются наиболее важными не только для личности человека, но также для бизнеса. К сожалению, культурное пространство современного города недостаточно оснащено для самовыражения творческих личностей. Поэтому все больше молодых предпринимателей стараются привнести в свой бизнес креативные элементы для горожан. Мы разработали концепцию арт-кафе, дающую возможность творческим личностям, художникам, музыкантам, фотографам не только приятно провести время, но заполнить свой досуг интересными и полезными занятиями, завести знакомства по интересам.

Ключевые слова: креативность, Екатеринбург, арт-кафе, творчество

На сегодняшний день креативность, художественные навыки, творческие способности востребованы в любой сфере, особенно в экономической. Также в социуме все более востребованной становится культурная деятельность [1].

Целью данной работы является представление проекта арт-кафе «Все свои», концепция которого заключается в создании комфортного пространства для общения и самовыражения творческих личностей. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Найти и проанализировать информацию по теме исследования.
2. Изучить аспекты «творческого бизнеса».
3. Разработать и описать концепцию арт-кафе.
4. Выделить основные конкурентные преимущества.
5. Сделать выводы по теме исследования.

Екатеринбург сегодня — это концентрация творческих, креативных, амбициозных и талантливых людей, готовых заявить о себе. Особенностью креативного мышления является способность человека проявлять свои личностные качества для создания уникального проекта. Человек с подобным мышлением, являясь предпринимателем, способен принимать уникальные по своей природе стратегические решения. Именно они могут привести к созданию неповторимого продукта и вывести экономику на более высокий уровень развития [2, 3].

Стратегический план Екатеринбурга предполагает к 2035 г. сократить территорию промышленного назначения на 1200 га (что составляет около 15 процентов от общей площади таких территорий). Одновременно размещение экологически вредных производственных объектов в городе будет полностью запрещено, а вывод существующих за пределы города будет способствовать улучшению экологической ситуации. Выбор способа освоения и развития «пустых» производственных зон можно решить разработкой программы взаимодействия современного искусства и промышленности. Итогом будет художественное переосмысление темы фабрик, заводов и промышленной реальности в городской среде, в том числе и эффективное использование редевелопмента [2].

Во многих городах в разных уголках мира промышленные здания, заброшенные склады и сооружения становились хорошей основой для творческого самовыражения различных слоев населения. Художники, дизайнеры и музыканты создают в подобных местах свою неповторимую атмосферу, которая придает городу особый шарм [1, 3].

Молодые предприниматели изобрели креативный способ «омоложения» городской среды. Они превращают заброшенные и старые здания в центре города в современные места отдыха и проведения досуга, не меняя при этом основную архитектуру здания. Таким образом, они сохраняют облик города, а также получают место для самовыражения по достаточно демократичной цене [4, 5]. Благодаря таким находчивым гражданам Екатеринбург вошел в топ-5 самых креативных российских мегаполисов.

Авторы проекта «Индекс креативного капитала» при поддержке экспертов фонда Calvert 22 и консалтинговой компании PwC провели исследование, направленное на выявление креативных городов. Столица Урала с рейтингом 55,96 заняла четвертую строчку в нем. По показателю креативности Екатеринбург обошел всех географических соседей. В частности, Тюмень разместилась на шестой

[1] © Барейчева М. А., Степанова Н. Р. Текст. 2019.

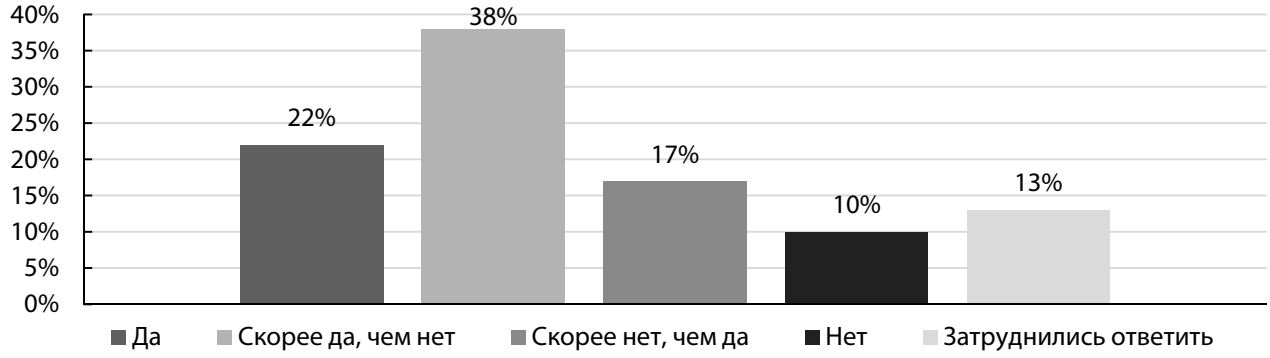


Рис. *Мнение респондентов о Екатеринбурге как креативном городе, %*

позиции, уступив Екатеринбургу более трех баллов. Пермь замкнула десятку с показателем 46,18. Другие крупные города УрФО оказались за пределами рейтинга[2].

Отметим, что Екатеринбург является самым компактным городом-миллионником, который удобно расположен на пересечении границ Европы и Азии. К тому же он является лидером в сфере творческих направлений развития городской среды. Основными направлениями для реализации креативных идей являются [6]:

— крупные информационные корпорации (СМИ);

— малый бизнес, связанный с творческими направлениями деятельности (PR-агентства, студии дизайна, веб-студии и т. д.);

— некоммерческие организации, основной деятельностью которых является благотворительная деятельность;

— государственные учреждения культуры;

— творческие сообщества.

Государство, а также представители администраций городов активно участвуют в формировании и реализации культурной политики, поскольку она позволяет поддерживать высокий уровень социального благосостояния и культурной жизни населения [2].

Чтобы выяснить мнение горожан о креативных пространствах, нами был проведен опрос жителей в соцсетях. Он состоял из нескольких вопросов. Одним из значимых был вопрос: считаете ли Вы Екатеринбург креативным городом? Данные опроса приведены на рисунке.

Заметим, что большинство респондентов отмечают Екатеринбург как креативный город. Скорее всего, это связано с существованием креативных сообществ, где сотрудники взаимодействуют между собой и реализуют проекты на уровне разрешения. Однако почти четверть респондентов думает, что Екатеринбург скорее не креативный город, что показывает критический настрой опрошенных по отношению к городу, а также востребованность креативных специалистов на локальном рынке труда.

Реализация креативных идей способствует развитию сферы развлечений и отдыха, например, художественных галерей, кафе, ресторанов и т. д. Поэтому создание такого места, например, художественного кафе, где творческие личности смогут самовыражаться, знакомиться и общаться, что является востребованным и актуальным в Екатеринбурге [3, 5, 6].

Как известно, кафе — это место общественного питания с небольшим ассортиментом. Однако кафе также является незаменимым спутником городского населения, который отлично вписывается в городской темп жизни[3]. Арт-кафе — пример автономного элемента культурного кластера, призванного соединить интересы государственных структур и творческих объединений.

В качестве иллюстрации к вышесказанному представляем проект кафе как общественного места, которое будет привлекать творческих людей. Кафе «Все свои» — уютное место, объединяющее инициаторов творческих проектов, создателей предметов искусства и покупателей.

По сравнению с ресторанами, которые выше по статусу, наше кафе имеет ряд преимуществ: «невесомый» интерьер, располагающий к себе; уютная атмосфера с презентабельным меню; возможность найти собеседника по интересам. Творческий продукт арт-кафе «Все свои» — это оригинальные кондитерские изделия, изготовленные по заказу и эскизам посетителей.

«Все свои» можно отнести к примеру воплощения идеи культурной организации общественного пространства. В ближайшем будущем гости заведения увидят работу начинающих и уже успешных фотографов на стенах кафе. Это пример небольшого, но значительного элемента культурного кластера. Цель кластера — поддерживать молодых творческих профессионалов, предоставляя им помещения на

[2] Индекс креативного капитала [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/creative-capital-index.html (дата обращения 05.02.2019).

[3] Что такое кафе? [Электронный ресурс]. URL: http://findfood.ru/termin/kafe (дата обращения 05.02.2019).

льготных условиях. Потенциальным членом творческого кластера может стать дизайнер мебели, писатель, художник, дизайнер или повар, кондитер [3, 4].

Суть этого арт-проекта заключается не в продаже кондитерских изделий и кофе. Посетитель получает возможность испытать приятные эмоции в общении — ключевое преимущество демократически организованного кафе.

В проекте предусмотрены мероприятия на летний период. На открытом пространстве при кафе будет создана обустроенная и уютная зона со сценой, сиденьями, столами и арт-объектами.

Концепция работы открытого пространства «Все свои»:

— мастер-классы по рукоделию, арт-пространство, образовательные курсы по различным направлениям, интересным молодежи, общение с успешными представителями общественности, с молодыми лидерами, лектории по актуальным темам (мода, здоровье, правильное питание);

— танцевальные битвы, фитнес-тренировки, йога и спортивные игры на свежем воздухе;

— фестивали по всевозможным молодежным направлениям — этно-музыка, рок-концерты, диджеи, театрализованные постановки, культура народов мира, косплей и другое.

Также будут организованы молодежные ярмарки.

Еженедельно на открытом пространстве «Все свои» будет работать лаундж-зона с настольными играми и мини-библиотекой с читальной зоной.

Итак, в данном проекте можно на уровне идеи представить основные теоретические аспекты огромного направления культурных и креативных индустрий. Творческая составляющая становится доминирующим фактором при выборе места досуга. Креативные пространства — элемент публичной жизни определенных социальных слоев, которые стремятся переосмыслить и преобразовать пространства города с помощью культурного разнообразия. Креативное пространство отражает специфическую деятельность креативных личностей, при которой создается новая среда, включающая в себя форму самоорганизации, возможности учиться и развиваться, влиять на содержание своей работы, контролировать свой график и выражать себя как разностороннюю личность.

Список источников

1. *Козодаева М.* Креативный город: как фестивали создают имидж территории. [Электронный ресурс]. URL: http://thewallmagazine.ru/festivals-as-image-makers/ (дата обращения: 04.02.2019).

2. *Прядеин А. А.*, *Большаков А. Л.*, *Казакова Н. В.*, *Каркавина А. И.*, *Левковский В. В.*, *Сахарова Е. К.* Долгосрочный прогноз социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» до 2035 г. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/file/f7b38b5be3e10fff1c235d95fd1248b3 (дата обращения 21.01.2019).

3. *Лэндри Ч.* Креативный город. — М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. — 399 с.

4. *Давиденко М.* «Креативный город». Теория и практика воссоздания постиндустриального города [Электронный ресурс]. URL: http://www.accbud.ua/architecture/tekstura/-kreativnyj-gorod---teorija-i-praktika-vossozdanija-postindustrialnogo-goroda (дата обращения 21.01.2019).

5. *Стародубровская И.*, *Лободанова Д.* Креативный класс и креативный город: российское преломление. [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/344135944/?* (дата обращения: 04.02.2019).

6. *Зотова Л. Р.* Креативный город: творческие индустрии и развитие городов [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-gorod-tv (дата обращения: 04.02.2019).

Байда Н. Е., асп.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ПЕРСОНАЛА В ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В XX В.[1]

Современные подходы к выстраиванию систем управления персоналом в организациях придают большое значение роли оценки персонала с точки зрения возможностей использования инструментария оценки и влияния результатов оценки на принятие конкретных управленческих решений. Однако попытки внедрения комплексных систем оценки персонала в организациях сталкиваются с наличием множества междисциплинарных научных методик, многообразием противоречивых подходов по различным вопросам оценки, отсутствием адаптации зарубежных методик к российским условиям. Учитывая, что оценка персонала является частью системы управления персоналом организации, в данной статье делается попытка внести некоторый вклад и предложить авторский анализ эволюции теоретических подходов к управлению персоналом и проблематики оценки персонала в контексте каждого из них. Современные подходы к оценке персонала являются результатом длительного процесса развития науки. Предлагаемый исторической анализ позволит глубже понять теоретические и прикладные основы оценки персонала, многообразие ее форм и методов.

Ключевые слова: управление персоналом, теория оценки персонала, управленческие школы, человеческие ресурсы

В научном сообществе принято считать, что теория управления персоналом как самостоятельная область знаний отделилась от общей теории управления в первые десятилетия XX в. [2, с. 222].

В начале XX в., особенно в послевоенные годы, формируются новые научные подходы к управлению, в частности к руководству людьми, в рамках множества направлений управленческой мысли.

Эволюцию теорий управления персоналом XX в. и особенности развития теории оценки персонала предлагается рассмотреть в рамках следующих направлений:

— классическое (административное), к которому относятся три управленческие школы: школа научного управления, административная школа, школа бюрократической организации;

— неоклассическое (поведенческое): школа человеческих отношений, бихевиористская школа;

— современное (ресурсное): школа управления человеческими ресурсами.

В рамках административного направления выделим классические школы научного менеджмента и ее ключевых представителей Ф. Тейлора, Г. Эмерсона, Г. Форда, Ф. и Л. Гилбрейтов, А. Файоля и др. Представленное ими применение подходов жесткой регламентации процессов, планирования и администрирования функций позволило добиться роста производительности труда и улучшения экономических показателей деятельности предприятия. Например, административные подходы к управлению и организации труда позволили Анри Файолю вывести из кризиса металлургический холдинг «Комамбо», которыйон возглавлял в период с 1888 по 1918 гг., и создать одно из самых процветающих французских предприятий того времени.

Согласно представлениям классиков менеджмента, работник является второстепенным по отношению другим средством производства, эффективность которого возможно стимулировать только через дифференциацию систем оплаты труда. Таким образом, с точки зрения развития инструментов оценки персонала изучались экономические факторы, влияющие на результаты труда работников, проводились первые прикладные исследования в области экономики труда.

В конце 20-х гг. XX в. появляется новая управленческая теория — так называемый «гуманистический вызов» — как противопоставление основным постулатам классического менеджмента [2, с. 224]. В первую очередь возникновение новых теорий было обусловлено недостаточным вниманием к влиянию человеческого фактора на результаты труда, а также индивидуальным особенностям работников. По мнению Д.М. Гвишиани, этот период является эпохой «новых начинаний» в развитии американской теории организации и управления в отличие от периода тейлоризма — «проповеди административной эффективности»[1, с. 56].

В результате к концу 30-х гг. XX в. развивается неоклассическое направление управленческой мысли, в рамках которого выделим школу человеческих отношений и бихевиористскую школу. Среди основоположников данного направления — Г. Мюнстерберг, М. Фоллет, Э. Мэйо, Ф. Ротлисбергер и Ч. Барнард. «Гуманистический вызов» привел, таким образом, к формированию концепции «социального человека», то есть стремлению работника к удовлетворению не только материальных, но и моральных потребностей (профессиональная самореализация, признание и уважение коллег, развитие и т. д.) [2, с. 224].

Основоположники школы человеческих отношений обосновывали необходимость индивидуального подхода к каждому работнику, а также доказывали управленческую неэффективность жесткой

[1] © Байда Н. Е. Текст. 2019.

регламентации, неукоснительного выполнения всех требований руководителя, невнимания к индивидуальным потребностям работников. Теоретики неоклассической школы начали изучать психологические основы менеджмента с точки зрения управления людьми. Эмпирическим путем было доказано, что на результат работы влияют не только опыт и квалификация, но и эмоциональный фактор и интересы работника.

В этот период происходит формирование теории оценки персонала как научно-прикладного вида деятельности. Разрабатываются первые методики диагностики личностных качеств работников, вводятся специальные понятия: профессионально важные качества работника, профессиональная пригодностьи пр. [3, с. 78].

Бихевиористская школа акцентировала внимание на факторах стимулирования и мотивации отдельного работника в целях разработки методик повышения эффективности труда. Ключевыми мотивационными факторами в тот период были выделены: содержательная функция труда, объективная оценка результатов труда, возможность самореализации работников.

Развитие современного (ресурсного) направления в теории управления персоналом принято связывать с 70-ми гг. XX в. в период парадигмальной смены подхода к управлению людьми.

Ресурсный подход, или управление человеческими ресурсами, в первую очередь состоит в получении эффекта от капиталовложений, связанных с привлечением, обучением и развитием индивидуальных возможностей и способностей персонала. Как основоположников данного подхода можно выделить М. Армстронга., Е. Лоулера, Дж. Пфеффера, М. Хьюзелида, С. Вуда.

Представители данного подхода рассматривают работника как инвестиционный ресурс организации, особую экономическую ценность, соответственно и расходы на оплату труда, обучение, развитие персонала — как капиталовложения и инвестиции. Работник становится самостоятельной целью развития и потенциалом роста эффективности и благосостояния организации [4,с. 518].

Такой подход предопределяет и качественно новую потребность в развитии форм и методов оценки персонала, необходимости формирования целостной теории оценки персонала, единых подходов к прикладным исследованиям и методикам оценки.

Таким образом, теория оценки персонала как самостоятельное научное направление сформировалась в 20–30-е гг. XX в. в результате появления потребности со стороны предприятий в научных подходах к управлению работниками и организации труда и, соответственно, методологической необходимости выделения и систематизации исследований по оценке персонала.

На следующем эволюционном этапе развития оценки персонала в 50–80-е гг. XX в. появляется необходимость в более глубоких исследованиях факторов, влияющих на показатели результатов труда работников. Методологические исследования 20–30 и 50–80-х гг. XX в. стали той исторической основой, на которой в настоящее время развивается теория и практика оценки персонала.

В результате проведенного анализа можно проследить следующие закономерности и тенденции эволюции теории оценки персонала:

1. Формирование теории оценки персонала как самостоятельной научной отрасли можно отнести к 20-м гг. XX в. как отдельного направления в рамках теории научного менеджмента в целом и теории управления персоналом в частности.

2. Теория оценки персонала на каждом историческом этапе переосмысливает и обогащает прошлые наработки на основе принципа преемственности. Инструментарий оценочных методик расширяется с каждым новым этапом.

3. Эволюция подходов к управлению предприятием и позиционирование ключевых производительных сил (от технологии к человеку) оказывает существенное влияние на развитие теории оценки персонала.

4. Смена управленческой парадигмы на современном этапе дает мощный толчок к развитию новых форм теории и практики оценки персонала как важнейшему инструменту управления персоналом организации.

Список источников

1. *Івишиани Д. М.* Организация и управление. — М.: Наука, 1972.

2. *Костенко Е. П.* Эволюция теории и практики управления персоналом в XX в. // История экономической мысли. — 2013. — № 4. — С. 222–227.

3. *Дудаева Л. М.* Оценка персонала. Методология, теория и практика: монография. — М.: «ЦентрЛитНефтеГаз», 2008. — 188 с.

4. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. — 8-е изд. / пер. с англ. под ред. С. К. Мордовина. — СПб.: Питер, 2004. — 832 с.

Гончарова К. С.
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (на примере Южного федерального округа) [1]

Снижение уровня дифференциации доходов является важной международной и государственной задачей. Это может быть достигнуто путем выработки механизмов влияния на первопричины неравенства — факторы, которые формируют его динамику. Целью данной работы являлся анализ зависимости дифференциации доходов от уровня образования населения. В результате исследования было установлено наличие соответствующей зависимости для ряда анализируемых регионов, для которых характерно наличие отраслевой диверсифицированности.

Ключевые слова: дифференциация доходов, факторы неравенства доходов, экономика региона

Поиск причин возникновения и путей решения проблемы неравенства доходов населения является одной из приоритетных задач как для международных организаций, так и для большинства правительств стран мира. В конце ноября 2018 года в ООН состоялось экспертное совещание по измерению бедности и неравенства, одной из целей которого было «сокращение неравенства внутри стран и между ними» [4]. От Российской Федерации также был представлен доклад, в котором были отражены цели и механизмы учета уровня бедности и неравенства в стране.

Таким образом, важность оценки динамики неравенства доходов, а также поиск факторов, формирующих данную динамику, сформулирована на глобальном уровне.

Рассматриваемой теме уделяется внимание и во многих исследованиях российских и зарубежных ученых: А. Ю. Шевякова, Л. Н. Овчаровой, Д. О. Поповой, М. Ю. Малкиной, В. Л. Шабанова, И. В. Манаевой, С. Г. Косарецкого, М. А. Пинской, И. Г. Груничева, Я. М. Рощиной, Г. С. Абдусамадова, С. Ш. Саиджонова, O. Denk, Osiris J. Parcero, Elissaios Papyrakis, Satya Paul и других.

Анализ литературы позволил нам выделить следующие основные факторы, влияющие на дифференциацию доходов: половозрастная структура и структура доходов семьи, уровень образования и заработной платы, место проживания и численность экономически активного населения, миграционная динамика, институциональные механизмы, действующие в стране, и ее географическое положение. Следовательно, можно сделать вывод, что на неравенство доходов могут иметь влияние факторы как микро-, так и макро- уровня.

Исходя из актуальности исследования, а также изученной литературы, целью нашей работы было выявление зависимости динамики дифференциации доходов населения от уровня образования. При этом, в отличие от большинства исследований, в которых рассматривается факт наличия высшего образования у населения, нами проанализирована зависимость неравенства доходов от уровня образования: высшего, среднего профессионального, среднего общего, основного общего и отсутствия основного общего.

В процессе работы нами были решены следующие задачи:

— обоснованы показатели, характеризующие уровень неравенства доходов и образования населения;

— произведен анализ зависимости между выбранными показателями.

Для достижения целей исследования и решения задач использовался комплекс общенаучных, теоретико-эмпирических методов: анализа и обобщения, а также экономико-математического моделирования (построение парных регрессионных моделей).

Информационную базу исследования составили:

— для определения перечня показателей уровня образования населения регионов ЮФО, а также уровня неравенства его доходов, были проанализированы теоретические и практические научные работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные рассматриваемой в данном исследовании теме;

— для проверки качества разработанной методики были использованы данные Федеральной службы государственной статистики, публикуемые в сборниках: «Регионы России. Социально-экономические показатели», «Социальное положение и уровень жизни населения России», а также Центральной базы статистических данных.

Результатом работы является проведенный корреляционно-регрессионный анализ, который показал наличие:

— прямой зависимости между уровнем образования работающего населения и уровнем неравенства доходов в регионах: Республика Адыгея, Краснодарский край, Ростовская область. Для данных

[1] © Гончарова К. С. Текст. 2019.

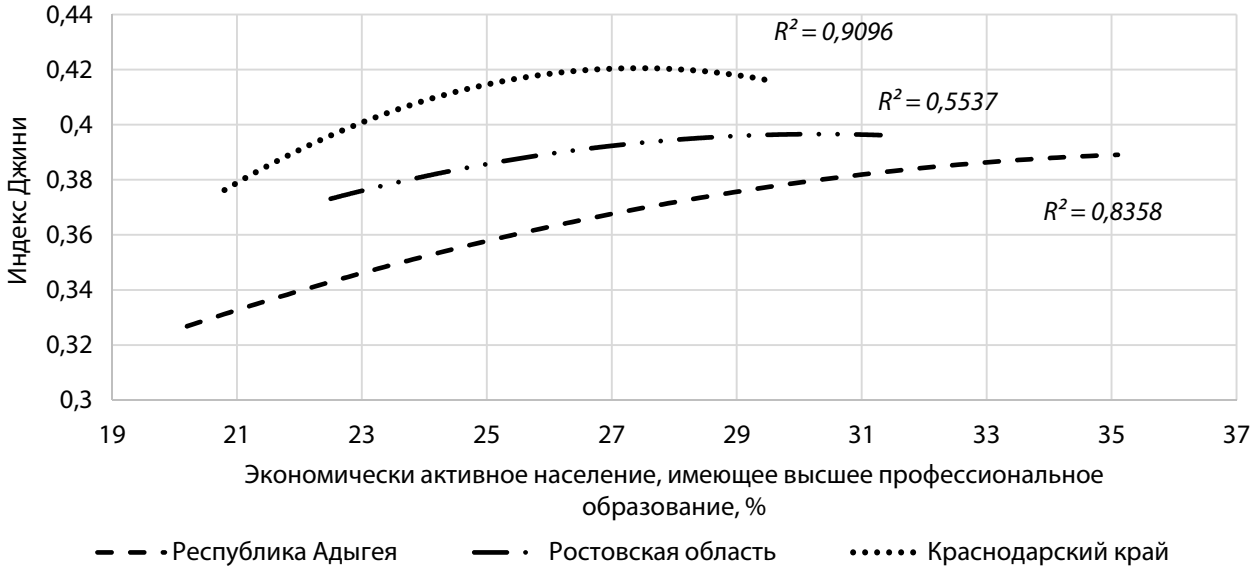


Рис. 1. *Результаты корреляционно-регрессионного анализа показателя дифференциации доходов населения с долей занятого населения, имеющего высшее образование, в регионах ЮФО*

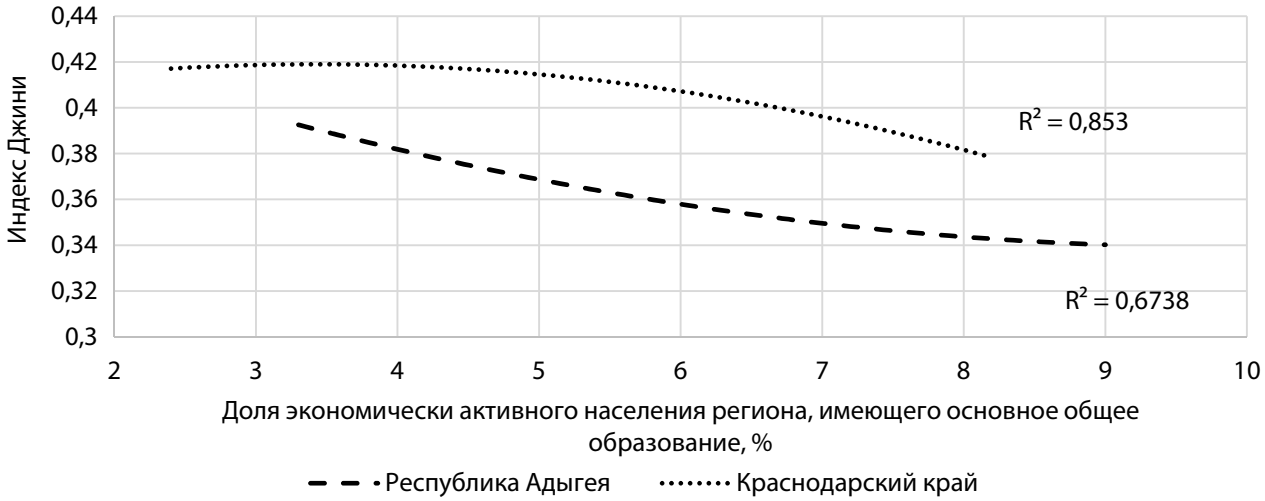


Рис. 2. *Результаты корреляционно-регрессионного анализа показателя дифференциации доходов населения с долей занятого населения, имеющего основное общее образование, в регионах ЮФО*

субъектов с ростом числа сотрудников организаций, имеющих высшее профессиональное образование, происходит рост дифференциации доходов населения (рис. 1).

— обратной зависимости между наличием среднего полного (общего) и основного общего образования и уровнем неравенства доходов населения (рис. 2). Полученные данные являются статистически значимыми для двух регионов Южного федерального округа: Республики Адыгея и Краснодарского края.

— Для Астраханской области была выявлена положительная связь между ростом числа квалифицированных сотрудников и уровнем неравенства доходов населения. В отличие от выявленной зависимости для Республики Адыгея, Краснодарского края, Ростовской области в данном случае связь является статистически значимой только для набора данных: высшее образование — коэффициент фондов.

Для Астраханской области характерно наличие обратной корреляционной зависимости между дифференциацией доходов (коэффициент фондов) и численностью занятых, имеющих среднее профессиональное образование.

Полученные данные свидетельствуют о наличии связи между уровнем образования населения и дифференциацией доходов. Для Южного федерального округа данная связь является статистически значимой для регионов с растущей, дифференцированной (Республика Адыгея, Краснодарский край, Ростовская область) и моноотраслевой промышленной (Астраханская область) экономикой. Таким образом, мы можем предположить, что в регионах со значительной диверсификацией в квалификационных группах будут существовать значительные расхождения в уровне оплаты труда, что, как следствие, приведет к дифференциации доходов.

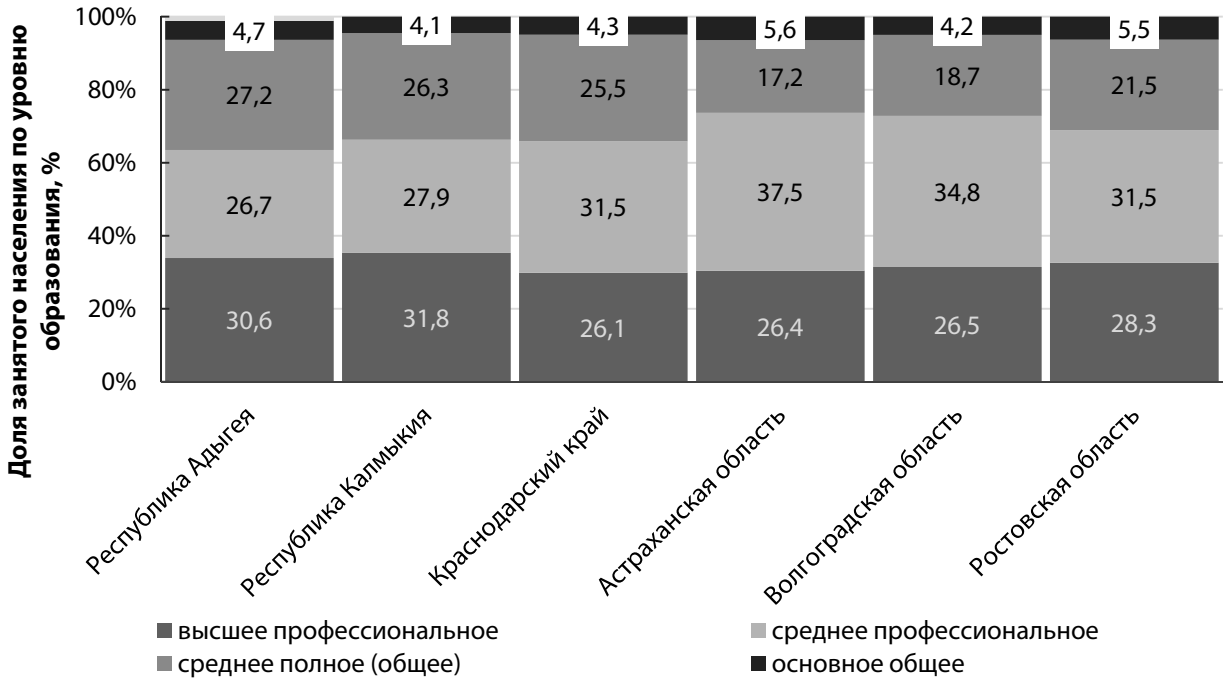


Рис. 3. *Группы работающего населения по уровню образования в регионах ЮФО, %*

Средние значения по группам населения относительно уровня образования по регионам ЮФО за 10 лет (с 2006 по 2016 гг.) представлены на рисунке 3.

Исходя из информации, представленной на рисунке 3, мы можем сделать следующие выводы:

— наибольшее различие между регионами наблюдается в процентных группах населения, имеющих среднее профессиональное и среднее полное (общее) образование. Здесь разница между группами в различных регионах составляет, в среднем, от 4 до 6 %. Наибольшая процентная группа населения, имеющая среднее профессиональное образования, находится в Астраханской области (37,5 %), наименьшая — в Республике Адыгея (26,7 %). Относительно процентных групп населения, имеющих полное (общее) образование, наибольшая группа находится в Республике Адыгея (27,2 %), наименьшая — в Астраханской области (17,2 %);

— разница между регионами по количественным объемам групп населения, имеющих высшее профессиональное образование, в среднем составляет от 2 до 4 %. Наибольшего значения данный показатель достигает в Республике Калмыкия (31,8 %), наименьшего — в Краснодарском крае (26,1 %);

— группы работающего населения, имеющие основное общее образование, наиболее однородны между регионами: разница между максимальным (в Астраханской области — 5,6 %) и минимальным (в Республике Калмыкия — 4,1 %) значениями составляет 1,5 %.

Рассмотрев зависимость дифференциации доходов и уровня образования населения относительно численности соответствующих групп в различных регионах, можно сделать вывод об отсутствии влияния объема доли численности населения, по уровню образования, на исследуемые показатели (уровень образования — неравенства). Данный вывод основан на сопоставлении полученных результатов корреляционно-регрессионного анализа и статистических данных, представленных на рисунке 3 (группы работающего населения по уровню образования в регионах ЮФО): так, регионы, имеющие статистически значимую связь высшее образование — дифференциация доходов (Республика Адыгея, Краснодарский край и Ростовская область), имеют различные по количественному объему группы населения (от близких к максимальным значениям по федеральному округу до минимального).

Аналогичным образом не прослеживается связь между долей населения, имеющего среднее полное (общее) и основное общее образование: здесь показатели количественного объема группы со средним полным (общим) образованием близки к максимальным значениям, при этом для региона, имеющего максимальное значение (Республика Калмыкия), корреляционно-регрессионная связь между уровнем образования и неравенством доходов населения отсутствует. Группы населения в регионах, имеющих связь между наличием основного общего образования и дифференциацией доходов, близки к медианным, что также не позволяет провести связь между численностью группы и выявленной корреляционно-регрессионной зависимостью.

На основании изложенного можно сделать вывод, что на дифференциацию доходов имеет влияние именно состав, но не величина группы населения, имеющего определенный уровень образования.

Следующей причиной, возможно объясняющей полученную зависимость, может являться недоступность образования для части населения [5] по причине отсутствия необходимых для этого средств.

Здесь необходимо рассмотреть средний уровень дохода домохозяйств региона и долю расходов, осуществляемых на данный вид услуг.

Рассматривая расходы домохозяйств на образование в относительном выражении [1], можно констатировать постепенное снижение их доли в общих расходах во всех регионах ЮФО, за исключением Краснодарского края. Представленная динамика может говорить как о снижении стоимости образования в рассматриваемых регионах, так и о снижении спроса на образовательные услуги. При этом второй вариант является более вероятным, если рассматривать стоимость расходов домохозяйств на образование в денежном выражении, которая со временем увеличивается [2, 3, 6].

Таким образом, можно сделать вывод, что повышение расходов домохозяйств на услуги образования могло повлиять на положительную корреляцию между показателями роста занятых с высшим образованием и неравенством доходов, посредством сокращения доступа к образовательным услугам части населения, однако данный вывод не объясняет отсутствие корреляции, подобной наблюдаемой в Республике Адыгея, Краснодарском крае, Ростовской области, в прочих регионах ЮФО.

Следующим фактором, объясняющим полученную зависимость, может стать отраслевая специфика регионов. Так, согласно исследованию, проведенному Я. М. Рощиной [5], часть отраслей (в числе которых: образование, культура и искусство, наука и научное обслуживание, финансы, кредит и страхование, управление) требует большего количества высококвалифицированных специалистов (в отличие от отраслей сельского хозяйства и промышленности), при этом данное требование (о соответствующем уровне квалификации, который может быть подтвержден наличием высшего образования у специалиста), может не являться гарантом более высокой заработной платы [7, 8]. Таким образом, в регионах с диверсифицированной отраслевой структурой, где требования к кандидатам на должности будут различаться, в том числе и относительно данного, отраслевого, параметра, зависимость между уровнем образования и дифференциацией доходов будет выше, чем для моноотраслевых регионов, где единственная или несколько доминантных отраслей будут диктовать схожие условия для специалистов на рынке труда. Данный вывод подтверждается полученными результатами настоящего исследования, а также исследованиями, проведенными ранее [9].

Соответственно, относительно зависимости уровня дифференциации доходов населения от квалификации трудовых ресурсов можно сказать, что данное влияние является характерным для регионов Южного федерального округа при наличии соответствующей отраслевой диверсифицированности региона. Предположительно, неравенство денежных доходов населения возникает вследствие существенных различий в уровне оплаты труда работников разного уровня образования в разных отраслях.

Список источников

1. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств: стат. сб./ Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812 (дата обращения 30.11.2018).

2. *Каракчиева И. В.*, *Южакова Т. А.* Стоимость обучения в вузах России: динамика, основные тенденции // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2015. — № 9 (часть 1).

3. *Клячко Т. Л.* Высшее образование в России: доступность, стоимость, мотивация // Экономика образования. — 2007. — № 4.

4. Повестки дня устойчивого развития 2030. Сессия А: Показатели нищеты для мониторинга. Совещание экспертов по измерению бедности и неравенства. 29–30 ноября 2018 года, г. Вена, Австрия [Электронный ресурс]: URL: http://www.unece.org/stats/documents/2018.11.poverty.seminar.html (дата обращения 30.11.2018).

5. *Рощина Я. М.* Дифференциация доходов и образования в России // Вопросы образования. — 2005. — № 4.

6. *Стригина М. О.* Формирование и тенденции развития рынка платных услуг в Ставропольском крае // Terra Economicus. — 2009. — № 4–2.

7. *Федорова Л. Н.* Влияние профессионально-должностных различий на уровень и динамику заработной платы в отраслях российской экономики // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. — 2017. — № 4.

8. *Черняк Ж. А.* Дифференциация заработной платы как элемент рыночной экономики // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. — 2012. — № 4.

9. *Шеломенцев А. Г.*, *Козлова О. А.*, *Гончарова К. С.* Оценка влияния социально-демографических факторов на дифференциацию доходов населения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2017. — № 4.

Джагарян Г. Е.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭКОСИСТЕМА: СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЕ [1]

В статье рассмотрены основные подходы к определению предпринимательской экосистемы.

Ключевые слова: предпринимательские экосистемы, системное предпринимательство, чистая экономика, бизнес-сообщество

Впервые понятие «экосистема бизнеса» ввел Джеймс Мур в 1993 году. С этого времени термин «предпринимательская / инновационная экосистема» получил распространение в европейских научных и бизнес-сообществах.

В последние годы концепция предпринимательских экосистем стала популярной темой для обсуждения в зарубежных изданиях на темы бизнеса и предпринимательства.

Эти работы популяризировали среди лидеров предпринимательской деятельности и политиков идею, что общество, культура и среда могут оказывать значительное влияние на предпринимательскую деятельность. Но, несмотря на свою популярность, пока еще нет широко распространенного определения предпринимательских экосистем среди исследователей или практиков. Первый компонент этого термина — предпринимательский (процесс, в котором изучаются возможности для создания новых товаров и услуг) был использован еще в 1934 г. Й. Шумпетером [1].

Подходы к изучению предпринимательских экосистем часто сужаются до уровня «высокоурожайных стартапов», с утверждением, что этот вид предпринимательства является важным источником инноваций, продуктивности, роста занятости населения [8]. Эмпирически данная гипотеза не доказана. Нет никаких доказательств того, что само по себе наращивание числа стартапов и формирование новых бизнесов способствуют развитию экономики. Есть также основания полагать, что большое количество малых предприятий негативно сказывается на здоровье национальной экономики. Статистически доказано, что с повышением уровня экономики растет количество вакансий (рабочих мест), что приводит к уменьшению количества стартапов.

Второй компонент этого термина — экосистема. В данном случае подход не связан с биологической интерпретацией данной концепции. Скорее, подход к предпринимательским экосистемам подчеркивает, что предпринимательство происходит в сообществе взаимозависимых участников [4]. В частности, в литературе по предпринимательским экосистемам основное внимание уделяется вопросам разрешения или ограничения предпринимательства, и в этом контексте наблюдается тесная взаимосвязь с подходами, которые рассматривают понятие системного предпринимательства и часто направлены на системный подход в исследования указанного явления. В предыдущих применениях термина «экосистема», например Муром и Янсити и Левиеном, основное внимание уделяется организации единой отрасли или созданию цепочки ценностей. Мур определил экосистемы как «динамичные и совместно развивающиеся сообщества, состоящие из разнообразных субъектов, создающих и получающих новое содержание в процессе как взаимодействия, так и конкуренции» [5]. Дж. Мур, закладывая основы теории бизнес-экосистем, предложил рассматривать основные предпринимательские экосистемы с учетом прямых поставщиков, каналов сбыта, непосредственных пользователей и т. д.; а также расширенные экосистемы в составе производителей, потребителей, рынков, продуктов, процессов, отраслевых ассоциаций и ведомств, организаций, рисков, власти и других аспектов [9]. Д. Тис разделил его позицию, дал описание основных характеристик бизнес-экосистем, выделив их сложность, открытость, динамичность, конкуренцию и сотрудничество, дополнительно указав их сосуществование, симбиоз, эволюцию, роль, разнообразие, самоорганизацию и гибкость [10]. Оба исследователя также подчеркнули, что бизнес-экосистемы имеют расплывчатые границы и представлены сетевыми структурами. Было определено, что предпринимательская экосистема является открытой системой существующего динамического взаимодействия между симбиотическими предприятиями, или между системой и окружающей средой, поэтому в них формируются отношения конкуренции и сотрудничества.

Исследователи К. Майсон и Р. Браун [2; 3] несколько расширили подход и определили предпринимательскую экосистему как набор взаимосвязанных предпринимательских акторов (потенциальных и существующих), предпринимательских организаций (фирм, венчурных капиталистов, бизнес-ангелов, банков), институтов (университетов, общественных институтов и финансовых органов) и предпринимательских процессов (количество создаваемых бизнесов, количество быстрорастущих фирм, количество серийных предпринимателей, уровень предпринимательских амбиций), которые формально и неформально объединяются, опосредуют и регулируют производительность в рамках локальной предпринимательской среды.

[1] © Джагарян Г. Е. Текст. 2019.

Сегодня предпринимательские экосистемы являются по своей сути «географически зависимыми». То есть, предпринимательские экосистемы сосредоточены на местностях, культурах, учреждениях, которые создаются и развиваются в регионе с течением времени, а не являются результатом «заказа» глобального рынка.

Предпринимательская деятельность, как результат предпринимательской экосистемы, считается процессом, посредством которого люди создают возможности для инноваций, данное нововведение в конечном итоге приведет к новой ценности в обществе, и поэтому является конечным результатом предпринимательской экосистемы. Также стоит уделить внимание термину «производственное предпринимательство», которое относится к любой предпринимательской деятельности, прямо или косвенно способствующей развитию «чистой» экономики или способности производить дополнительную продукцию. Данное явление можно интерпретировать как предпринимательскую деятельность, которая повышает совокупное благосостояние. Производственное предпринимательство может также включать несостоявшиеся или провальные предприятия, которые обеспечили плодородную почву для последующих предприятий или вдохновили их, создав сеть социальных ценностей. Технически это означает, что общая (социальная) стоимость, создаваемая в результате предпринимательской деятельности, должна быть больше суммы частной стоимости, созданной индивидуальными предпринимателями.

В настоящее время в научной литературе представлено несколько подходов к рассмотрению предпринимательских экосистем, но региональные аспекты развития предпринимательства учитывают модель Д. Айзенберга.

Модель Д. Айзенберга [6; 7] подчеркивает, что в каждой стране или регионе, где существует предпринимательство, окружающая среда способствует формированию экосистем. Для того чтобы предпринимательство развивалось, должен быть целостный подход к экосистеме. Данная модель выделяет шесть областей, которые присутствуют в экосистеме:

1) первая составляющая — политика. В данную сферу включаются:

— правила и нормы, регулирующие предпринимательство;

— поддержка правительства;

— законодательная база;

2) с точки зрения финансовой составляющей важно рассматривать полный спектр финансовых услуг, которые доступны предпринимателям:

— наличие бизнес-ангелов, венчурных капиталистов, венчурных фондов;

— возможность получать кредиты и микрозаймы;

3) составляющая «культура» включает:

— социальные нормы в регионе;

— наличие историй успешных предпринимателей, вдохновляющих на успех;

— социальный статус действующих предпринимателей;

— стремление молодежи к занятию предпринимательством;

4) человеческий капитал характеризуется уровнем образования, а также квалификацией рабочих. В рамках данной составляющей можно рассмотреть наличие серийных предпринимателей, возможность пройти специальные тренинги по предпринимательству;

5) одной из компонент предпринимательской экосистемы является поддержка. При этом имеется в виду:

— качественная инфраструктура региона (транспорт, логистика, электричество, телекоммуникации);

— наличие профессиональных услуг (юристов, бухгалтеров, программистов);

— негосударственные структуры (общественные предпринимательские организации, выставки, конференции);

6) последней составляющей модели является рынок. Он подразумевает:

— готовность потребителей покупать товары у новых предпринимателей;

— каналы поставки;

— сотрудничество предпринимателей между собой;

— международные коммуникации.

В заключение можно сказать, что модель Айзенберга предполагает комплексную оценку предпринимательской экосистемы региона, в которой используется не только качественные методы, но и параллельно широкий перечень количественных методов, что способствует выявлению предпринимательских экосистем на региональном уровне и дает возможность показать различные локальные факторы, связанные с высокими или низкими уровнями инновационного предпринимательства.

Для стимулирования экосистемы важно развивать не один элемент, а несколько сфер параллельно. Каждая экосистема уникальна, поэтому важно учесть локальные особенности региона. Часто для развития предпринимательства необходимо менять культуру региона.

Хотя работа по изучению предпринимательских экосистем все еще находится в зачаточном состоянии, эмпирические исследования показывают возможность влияния богатой предпринимательской экосистемы на последующее создание ценностей на региональном уровне.

Список источников

1. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. — М., 1982.

2. *Brown R.*, *Mason C.* Raising the batting average: Re-orientating regional industrial policy to generate more high growth firms // Local Economy. — 2012. — Vol. 27. — No. 1. — P. 33- 49.

3. *Brown R.*, *Mason C.*, *Mawson S.* Increasing «The vital 6 percent»: Designing effective public policy to support high growth firms. — NESTA Working Paper. — 2014. — No. 14/01.

4. *Freeman J. H.*, *Audia P. G.* Community ecology and the sociology of organizations // Annual Review of Sociology. — 2006. — P. 145–169.

5. *Iansiti M.*, *Levien R.* The Keystone Advantage: What the New Dynamics of Business Ecosystems Mean for Strategy, Innovation, and Sustainability. — Boston: Harvard Business School Press, 2004.

6. *Isenberg D.* The Entrepreneurship Ecosystem Strategy as a New Paradigm for Economic Policy: Principles for Cultivating Entrepreneurship. Babson Entrepreneurship Ecosystem Project. Dublin, from DanIsenberg 2011. URL: http://urlid.ru/afpg.

7. *Isenberg D.* Worthless, Impossible and Stupid: How Contrarian Entrepreneurs Create and Capture Extraordinary Value. — Harvard Business Press, 2013. — 256 p.

8. *Mason C.*, *Brown R.* Entrepreneurial Ecosystems and Growth Oriented Entrepreneurship. –The Hague, Netherlands, 2014. — 38 p.

9. *Moore J. F.* "The Rise of a New Corporate Form"// Washington Quarterly. — 1998. — Vol. 21. — No. 1. — P. 167–181.

10. *Teece D. J.* Explicating Dynamic Capabilities, The Nature and Micro-Foundations of (Sustainable) Enterprise Performance // Strategic Management Journal. — 2007. — Vol. 28. — No. 13. — P. 1319–1350.

Зайцева Е. В., к. социол. н., Казанцева А. Е.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

РОБОТИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВ КАК ОТВЕТ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ (на примере Свердловской области) [1]

В России, как и в других развитых странах, наблюдается сокращение рождаемости и, как следствие, сокращение численности населения. Вместе с тем Россия значительно отстает по показателям роботизации производств. Авторы показывают, что внедрение роботизации может помочь развитию российской промышленности в условиях низкой рождаемости, а активное развитие человеческого капитала поможет избежать будущих кризисов.

Ключевые слова: роботизация производств, демографические вызовы, рождаемость, депопуляция, человеческий капитал

Вступив в постиндустриальную эпоху, общество продолжает двигаться дальше. Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий, активно происходившее в последние десятилетия, продолжается во все новых сферах жизни. Автоматизированные алгоритмы уже сегодня упрощают труд миллионов людей по всему миру, а ожидаемое появление технологий искусственного интеллекта окажет на нас еще большее воздействие.

Однако практически во всех развитых странах, которые и являются проводниками инноваций и прогресса, наблюдаются снижение рождаемости, депопуляция и старение населения. Россия также не остается в стороне от этих процессов. Депопуляция населения обусловлена самыми разными факторами: повышение общего уровня жизни, уравнивание гендерных ролей в обществе и эволюция современного понимания семьи. Как отмечают авторы, у этих явлений существуют негативные последствия — повышение демографической нагрузки, уменьшение количества рабочей силы и др. [1].

Вместе с тем Россия находится в числе стран-аутсайдеров по уровню технической оснащенности производств, а конкретно по числу промышленных роботов: на 2016 год в России насчитывалось 3 промышленных робота на 10 тысяч работников, в то время как по миру среднее число роботов составляло 74 [2]. Ведущие развитые страны, такие как Южная Корея, Германия и Франция, значительно преуспели в развитии своих производств, но в них также наблюдается проблема снижения рождаемости и старения населения. Мы считаем, что ускоренная роботизация российских производств может послужить ответом на обозначенные демографические вызовы. Этим и определяется актуальность исследования.

Цель исследования заключается в изучении взаимосвязи роботизации с современным воспроизводством человеческого капитала. Для этого необходимо выполнить следующие задачи: представить краткую характеристику изменений общественных укладов во времени; рассмотреть трансформацию и эволюцию семьи как социального института на современном этапе; выявить основные демографические тренды, характерные для России. Информационную базу исследования составили статистические данные Росстата и международных организаций. В качестве метода исследования применялся метод анализа статистики и прогнозов.

Процессы, о которых идет речь в работе, начались даже не в прошлом веке, а гораздо раньше. Стоит сказать о промышленной революции, которая и дала ход тем явлениям, которые продолжаются и поныне. Главной компонентой промышленной революции, которая, как считается, началась на исходе XVIII века и шедшая весь XIX век, являлась индустриализация. Индустриализация ознаменовала собой переход от ручного труда к машинному, имевшему большую эффективность и требовавшему меньшего количества работников. Одновременно и само общество трансформировалось в индустриальное.

Начавшаяся вскоре вторая промышленная революция уже гораздо больше использовала достижения науки и техники, нежели первая, и привела к распространению поточного производства и иных новшеств. Гораздо большее значение для нас имеют третья и четвертая промышленные революции, которые происходят сейчас. Вместе они означают переход к повсеместному внедрению цифровых инноваций в технологические процессы, создание совершенно новых киберфизических систем. Именно они обозначали переход к автоматизированному и высокопроизводительному производству. Произошел поворот от трудоемких производств к наукоемким, переход от производства товаров к экономике услуг [2].

Такие коренные изменения в промышленности и экономике привели к столь же значительным изменениям в общественном устройстве. Перейдя сначала от аграрного к индустриальному типу общества, а затем и к постиндустриальному, переживал изменения и один из наиболее ключевых социальных институтов общества — семья. Если на ранних этапах развития общества люди создавали семьи и

[1] © Зайцева Е. В., Казанцева А. Е. Текст. 2019.

[2] Robot density rises globally. International Federation of Robotics [Электронный ресурс]. URL: ifr.org/ifr-press-releases/news/robot-density-rises-globally (дата обращения: 10.02.2019).

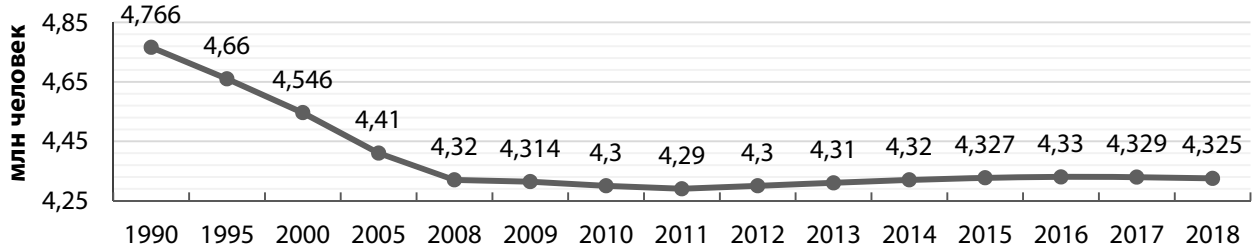


Рис. *Динамика численности населения Свердловской области, млн чел. (составлено авторами по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [Электронный ресурс]. URL: sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru (дата обращения: 10.02.2019))*

стремились иметь как можно больше детей для того, чтобы вести совместное хозяйство и обеспечивать себя, то с индустриализацией общества это изменилось. Сегодня мы можем говорить о трансформации семьи, эволюции ее функций. Вот лишь некоторые ее результаты: увеличение тайминга и спейсинга рождений, снижение количества регистрируемых браков в пользу неофициальных «гражданских», а также общее уменьшение рождаемости практически во всех развитых странах, в том числе и в России [3, с. 110]. Одной из причин этого может служить большая экономическая и общественная самостоятельность женщин, которая стала следствием изменений в укладе общества.

Совокупность изменений в науке, экономике и обществе, приведших к тем демографическим характеристикам, что мы видим сегодня в развитых странах, исследователи называют теорией демографического перехода. Так, согласно теории, страны в процессе изменения экономических и общественных укладов проходят этапы демографического перехода: снижение смертности, приводящее к росту населения, а затем такое же уменьшение рождаемости, что приводит к стабилизации населения. Большинство развитых стран завершили процесс демографического перехода, перейдя к равно низким показателям рождаемости и смертности. Это привело к депопуляции в этих странах, в том числе в России.

При этом, как уже было сказано выше, новая технологическая революция происходит прямо сейчас, и это создает новые вызовы, на которые необходимо отвечать. Ключевыми мировыми трендами сегодня являются повышение производительности труда, трудо- и ресурсосбережение (т. н. «бережливое производство»), на что, конечно, оказывает значительное влияние роботизация. Если Россия хочет быть наравне с лидерами мирового промышленного производства, ей также необходимо следовать трендам и внедрять инновации в отраслях промышленности.

По мнению авторов, роботизация может стать ответом на возникающие сегодня демографические вызовы, однако это связано также и со множеством рисков. Особо заслуживает внимания работа С.П. Земцова, рассуждающего в своем исследовании о потенциальных рисках роботизации в российских регионах [5]. В ней он утверждает, что если бы автоматизация в России прошла одномоментно, то работы бы лишилась почти половина граждан страны. При этом, как отмечается, наибольший риск автоматизации грозит регионам с преобладающими долями добывающей или обрабатывающей промышленности [5], что несомненно несет риски для некоторых регионов России.

Рассмотрим для примера Свердловскую область. Это один из ключевых регионов страны. В 2018 году область вошла в десяток субъектов, обеспечивших более половины суммарного объема валового регионального продукта [3]. Это промышленно развитый регион с большим объемом добывающих и обрабатывающих производств, занимающий пятое место в России по численности населения. Между тем в Свердловской области наблюдается снижение численности населения (см. рис.) как в краткосрочной, так и долгосрочной ретроспективе.

Как видно, за последние 10 лет численность населения региона оставалась примерно на одном уровне, а в последние три года прослеживается негативный тренд. Кроме того, согласно среднему варианту прогноза численности населения региона, выполненного Росстатом, население области за 16 лет сократится еще на 72 тыс. человек [4]. Уменьшится не только численность населения, изменится и его структура: численность трудоспособного населения составит половину жителей региона.

Рассмотрим далее экономическую составляющую. Так, согласно сборнику Росстата, в 2016 году в Свердловской области наибольший процент валовой добавленной стоимости создавался в отраслях обрабатывающих производств (30,9 %) и торговли (19,5 %) [5]. В обрабатывающей промышленности,

[3] Какие регионы сформировали большую часть российской экономики [Электронный ресурс] URL: rbc.ru/economics/19/09/2018/5ba1182d9a794772d85103fb (дата обращения: 10.02.2019).

[4] Предположительная численность населения Российской Федерации (статистический бюллетень) [Электронный ресурс]. URL: gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 10.02.2019).

[5] Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. URL: gks.ru/free_doc/doc_2018/region/

по данным Свердловскстата, занята немалая доля работающих граждан: 413 тыс. из почти 2 млн.[6] Именно эта группа занятых наиболее подвержена роботизации профессий, согласно исследованию С.П. Земцова [5].

Рассмотренные выше факторы и процессы, а именно демографические вызовы и риски роботизации, необходимо, по мнению авторов, рассматривать вместе. Предполагается, что к 2030 году в России не только снизится численность рабочей силы, но она станет более возрастной [6, с. 170]. С одной стороны, Россия, как и другие развитые страны, сталкивается с завершающей стадией демографического перехода, когда в стране происходит процесс депопуляции. С другой стороны, чтобы сохранить конкурентоспособную экономику, нам просто придется внедрять на производствах средства автоматизации.

Вместе тенденции обоих этих факторов можно совместить, и в итоге получить результирующую позитивную ситуацию. Конечно, сейчас в стране ведется активная пронаталистская политика, направленная на всестороннее повышение рождаемости, но пока нет никаких гарантий, что эта политика в будущем может принести результаты в виде естественного прироста населения. Процесс снижения рождаемости характерен практически для всех развитых стран, и, согласно теории демографического перехода, является предсказуемым. В таком случае курс на автоматизацию и роботизацию производств кажется логичным и оправданным.

Внедряя инновации в российскую промышленность, мы сможем не только улучшить ее позиции на мировом рынке, но и заместить недостающую в результате дальнейшей депопуляции рабочую силу. В промышленности будущего будет важно не количество, а качество работников — значительно возрастет запрос на высококвалифицированную рабочую силу. Поэтому, особенно в условиях будущего сокращения населения, необходимо как можно активнее развивать человеческий капитал, т. е. творческую составляющую и профессиональную квалификацию людей. Это позволит избежать значительных потрясений в будущем: рутинная и опасная работа выполняется роботами, в то время как ими управляют работники с высокой квалификацией.

Список источников

1. *Гурвич Е. Т.*, *Иванова М. А.* Экономический эффект старения населения и пенсионных реформ / Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. — 2018. — № 5 (45). — С. 9–22.

2. *Куваева Ю. В.*, *Микрюков А. В.*, *Серебренникова А. И.* Оценка возможностей постиндустриальной экономики: тенденции трансформации в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 1. — Т. 7. — С. 190–195.

3. *Галкина Д. В.* Трансформация современной российской семьи, ее структурные и функциональные проявления // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — № 7–2. — Т. 7. — С. 109–113.

4. *Вишневский А. Г.* После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современность. — 2015. — № 2. — С. 112–119.

5. *Земцов С. П.* Потенциальная роботизация и экономика незнания в регионах России [Электронный ресурс]. URL: iep.ru/files/news/zemtsov_10.04.18.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

6. *Ваторопин А. С.*, *Чевтаева Н. Г.*, *Ваторопин С. А.* Развитие технологической безработицы в Свердловской области: предварительный прогноз // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития. — Екатеринбург, 2018. — №. 21. — С. 168–171.

reg-pok18.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

[6] Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности [Электронный ресурс]. URL: sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/employment (дата обращения: 10.02.2019).

Зыкин Н. С.

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОДЕЙСТВИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВУ: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕГИОНЕ [1]

В статье представлен обзор управленческих решений по реализации целенаправленной политики содействия добровольчеству в РФ. Автором анализируется содержание ключевых нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность государственных исполнительных органов власти в РФ и органов местного самоуправления в данном направлении. Представлены основные положения методики, позволяющие оценить реализацию государственной стратегии содействия добровольчеству на муниципальном уровне. Выделены и конкретизированы направления и индикаторы, по которым возможно дать оценку эффективности деятельности органов местного самоуправления в создании инфраструктуры добровольчества.

Ключевые слова: управление волонтерством, инфраструктура волонтерства, методика исследования

Добровольчество по своей природе может стать одной из фундаментальных основ стратегии социально-экономического развития любого государства. Волонтерство как социальное движение дает возможность людям с разными интересами и возможностями самоорганизоваться вокруг своих собственных приоритетов, нацеленно решать не только свои личные проблемы, но и проблемы других людей. Любой вид социальной самоорганизации основан на сетевых взаимодействиях, и волонтерство не является исключением. Сетевая природа добровольческих объединений позволяет малым и большим сообществам волонтеров не только взаимодействовать с единомышленниками, людьми со схожими ценностями и представлениями, но и обмениваться информацией о возможностях добровольцев, о рисках и проблемных моментах, которые возникают в том или ином обществе, конкретной ситуации [1]. Волонтерство как социальное явление занимает пограничную позицию, которая может и должна учитывать государственные интересы, а также приоритеты и личные интересы практически любого гражданина.

Деятельность волонтеров по своему содержанию и целям четко соответствует глобальным целям устойчивого развития, а волонтерское движение, для которого созданы определенные условия в той или иной стране, может содействовать благоприятному развитию локальных территорий, прямо и опосредованно оказывая влияние на качество жизни местных сообществ. В современной России взят курс на государственное содействие добровольчеству. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации 2018 год был объявлен и проведен как Год добровольца (волонтера) [2].

За последний год были приняты два основополагающих руководящих документа: «План мероприятий по развитию волонтерского движения» [3] и «Стандарт поддержки добровольчества в регионах Российской Федерации» [4]. План официально закрепил зоны ответственности отраслевых органов исполнительной власти, региональных исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления за меры поддержки добровольцев и их активности. В него были включены все мероприятия, которые так или иначе охватывают самые распространенные виды волонтерства. Согласно стандарту, разработанному Агентством социальных инициатив, в субъектах Российской Федерации исполнительные органы власти должны реализовать 9 этапов. Каждый этап предполагает принятие и реализацию региональными исполнительными органами государственной власти управленческих решений, нацеленных на создание необходимых для развития волонтерства условий.

В зону ответственности региональных чиновников входит развитие инфраструктуры добровольчества, позволяющее обеспечивать необходимые условия для поддержания высокого уровня вовлеченности граждан в разные виды волонтерской деятельности, различные социальные проекты и акции. Таким образом, институты публичного управления в российских регионах должны реализовывать согласованную на всех уровнях государственного управления политику содействия добровольческим инициативам, создавать и развивать среду, обеспечивающую появление разнообразных волонтерских практик и вовлечение в них разных людей, с различными интересами и возможностями.

В теоретических работах по проблемам развития волонтерства особое внимание уделяется роли правительств разных стран и системному развитию «инфраструктуры» волонтерства в национальных границах. В международных исследованиях инфраструктура трактуется как благоприятная среда, организационные структуры и возможности, обеспечивающие содействие добровольчеству для мобилизации добровольцев и удержании их в различных практиках. Эта среда включает в себя совокупность политических решений и нормативно-правовых актов, которые защищают добровольцев и стимулируют их деятельность [2].

[1] © Зыкин Н. С. Текст. 2019.

[2] Grandi F., Lough B., Bannister T. Global Trends in volunteering infrastructure a background paper for the 2018 state of the world's

Развитие инфраструктуры волонтерства находится в определенной зависимости от управленческих решений, принятых на федеральном уровне, а также от практики их реализации в каждом субъекте РФ и муниципальном образовании страны. Процессы же развития инфраструктуры добровольчества на локальном уровне во многом зависят от компетенции конкретных чиновников, принимающих решения, от уровня знаний, умений и навыков специалистов, в чьей зоне ответственности закреплена организация добровольческой деятельности и взаимодействие с добровольцами и их объединениями, от добровольческого потенциала (реального участия, желаний и возможностей) населения.

Основу методики, позволяющей оценить внедрение стандарта АСИ на муниципальном уровне, а также уровень развития инфраструктуры волонтерства, составляет оценка: управленческих решений (нормативно-правовых, организационных) в деятельности органов местного самоуправления; практики взаимодействия муниципальных чиновников с добровольцами, в том числе информационной, ресурсной, организационной поддержки добровольческих инициатив; компетенции муниципальных чиновников, ответственных за взаимодействие с институтами гражданского общества; потенциала волонтерского участия населения территории муниципальных образований; организационной среды некоммерческого сектора и социокультурной сферы, где наработан опыт организации волонтерсткой деятельности в конкретном муниципальном образовании. Выделенные индикаторы можно объединить по направлениям и построить рейтинг, который позволит сравнивать муниципальные образования и на основе полученных результатов принимать решения по коррекции муниципальной политики в реализации национальной стратегии содействия добровольчеству в конкретных муниципальных образованиях и управленческих округах.

Операционализируем выделенные позиции. К числу управленческих решений, принятых в муниципальных образованиях, можно отнести и соответственно оценить принятие регламента взаимодействия муниципальных чиновников с СО НКО, в том числе с добровольческими организациями; назначение ответственного лица за развитие добровольчества в муниципалитете; создание координационного органа, совета по вопросам добровольчества, наличие ресурсного центра, плана мероприятий, а также муниципальной программы поддержки СО НКО, в том числе добровольческих инициатив.

К реализованным на территориях муниципальных образований РФ практикам взаимодействия можно отнести три вида индикаторов, по которым замеряется информационная, организационная и ресурсная поддержка добровольческих инициатив. По данному направлению необходимо оценить комплекс информационных, консультативных и методических услуг, которые оказывают органы местного самоуправления гражданам по добровольческой деятельности. Размещение информации о возможностях участия в добровольческой деятельности возможно на информационных ресурсах муниципалитетов, необходимо содействие размещению информации о добровольческих акциях и проектах на информационных ресурсах органов исполнительной власти субъектов РФ, локальных и региональных СМИ. Можно оценить наличие образовательных, публичных мероприятий для добровольческих отрядов и организаций.

Для эффективности содействия добровольцам и их деятельности в муниципалитетах важна компетентность чиновников, ответственных за взаимодействие с институтами гражданского общества. В частности, можно замерять информированность муниципальных служащих о существующих государственных мерах поддержки добровольцев, о федеральном и региональном планах, о конкурсе «Доброволец России», о портале «Доброволец. РФ», о региональном координационном совете по вопросам добровольчества, о созданном в Свердловской области ресурсном центре и его деятельности. Оценке следует подвергнуть информированность чиновников о лидерах добровольческого движения и тех проектах, которые реализуются на подведомственной органам местного самоуправления территории.

Отдельное внимания следует уделить оценке потенциала волонтерского участия населения территории муниципальных образований. По данному направлению можно проанализировать мнения чиновников, организаторов волонтерской деятельности, а также самого населения. В качестве замеряемых индикаторов возможно рассматривать опыт волонтерской деятельности населения, содержание и регулярность добровольческой деятельности граждан, готовность населения к такого рода участию.

В качестве релевантных методов сбора информации для реализации данной методики можно использовать экспертный опрос муниципальных чиновников, ответственных за взаимодействие с локальными НКО, добровольцами и их объединениями, организаторами волонтерской деятельности, руководителями и лидерами волонтерских отрядов и объединений. Проверить и уточнить собранную в экспертном опросе информацию возможно через оценку информации на официальных ресурсах органов местного самоуправления в сети Интернет, социальных сетях, городских и региональных информационных ресурсах. Потенциал добровольческого участия населения возможно оценить, реализуя опрос общественного мнения.

---

volunteerism report: the thread that binds. United Nations Volunteers (UNV). 2018.

Список источников

1. Доклад о состоянии добровольчества в мире за 2018 год [Электронный ресурс] // Программа «Добровольцы ООН». URL: http://unv-swvr2018.org.

2. О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера): Указ от 06.12.2017 года № 583 [Электронный ресурс]. Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=707777#06094036699282648.

3. План мероприятий по развитию волонтерского движения в Российской Федерации: утв. Правительством РФ от 05.07.2017 № 4723п-44 (действующая редакция). Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_277497.

4. Стандарт поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив: URL: https://asi.ru/reports/77465.

Кошеленко В. В., Белик М. А.
Донецкий национальный университет, г. Донецк

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ [1]

В данной статье определена роль международной миграции молодых специалистов в современном мире. В результате исследования установлены причины и социальные последствия миграции молодежи, а также предложены пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: транснациональная миграция, глобализация, высококвалифицированные специалисты, контрабандисты, миграционная политика

Возможности международного социально-экономического и политического развития увеличиваются благодаря происходящим на современном этапе изменениям: глобализации, формирования транспортной системы и информационно-коммуникационных технологий. Появляются новые виды межгосударственной миграции, которые основаны на образовании стабильных отношений между государствами.

В современном мире молодые люди постоянно пребывают в движении. Немало людей уже много лет срываются со своих родных мест и тем самым влияют на миграционные процессы, а виной всему — социально-экономические, демографические и политические перемены в стране. Развитие торговой деятельности, а также доступность быстрых транспортных средств побуждают молодежь мигрировать как внутри государства, так и за его пределы.

Усиление миграции может быть вызвано различными причинами, одной из них является безработица, существующая во многих странах (преимущественно слаборазвитых). Это связано с ростом объемов капитала, образованием больших предприятий за границей, из-за чего впоследствии появляется много желающих найти новый способ заработка.

Целью исследования является анализ причин и предпосылок усиления международной миграции среди молодежи на современном этапе развития мирового рынка труда и определение путей решения данной проблемы.

В процессе исследования были поставлены следующие задачи:

— выявить основные страны-доноры и страны-реципиенты рабочей силы среди молодежи;

— определить влияние международной миграции молодых специалистов как на страну-донора, так и на страну-реципиента;

— найти пути решения проблемы международной миграции молодых специалистов.

Тема в силу своей постоянно растущей актуальности и усилению напряженности интересует многих ученых и специалистов. Наиболее глубоко ее исследование отражено в работах Г. Спенсера [4], Л. Фатиховой [5], Р. Сарваровой [5] и др.

Помимо трудов указанных выше ученых информационную базу исследования составили материалы Российского информационно-справочного портала «РИА Новости», отчеты международных организаций, отчетно-статистическая документация ДНР и ученых. Материалы указанных источников были проанализированы и частично использованы в данном исследовании.

Одним из важнейших элементов всемирных экономических отношений является международная миграция молодых специалистов. Международная миграция молодых специалистов представляет собой движение трудовых ресурсов из одного государства в другое с намерением дальнейшего выгодного трудоустройства. Она состоит из иммиграции и эмиграции. Эмиграция — переселение жителей одной страны в другую в связи с политическими, экономическими и личными причинами, а иммиграция — процесс въезда иностранных граждан в другую страну. Благодаря двум этим направлениям и формируется международный рынок труда.

В настоящее время миграция рабочей силы определяется следующими обстоятельствами:

— периодический рост числа мигрантов;

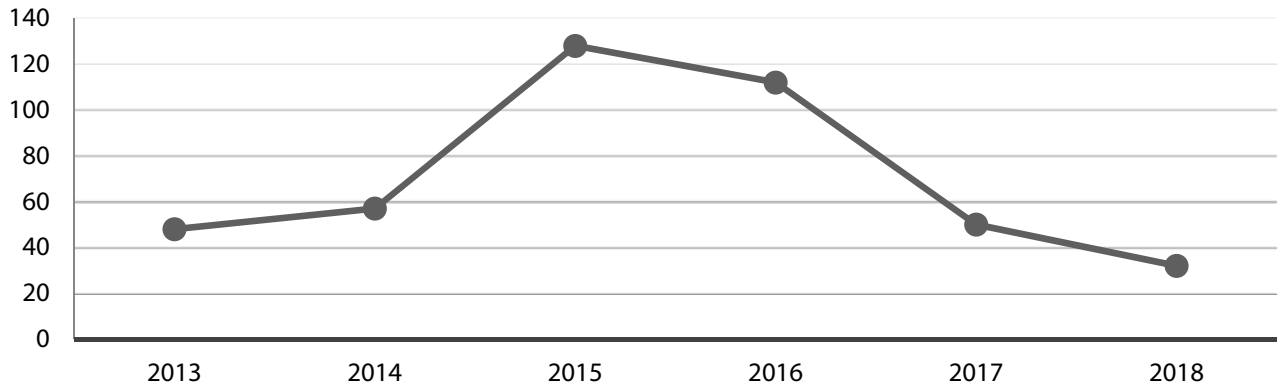
— усиление миграции рабочей силы внутри стран;

— повышение нелегального трудоустройства;

— рост научно-технических кадров в лице субъектов миграции.

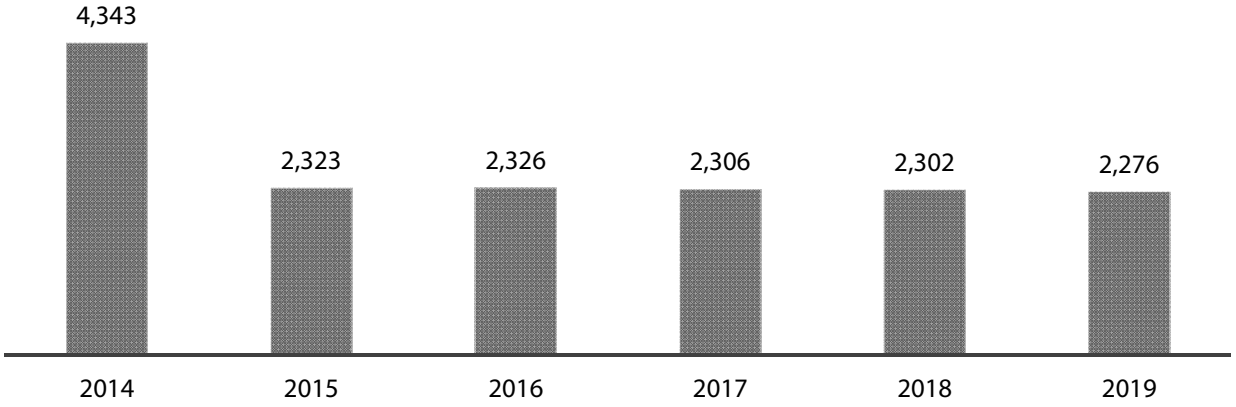
В процессе исследования был использован метод сравнения на примере стран для рассмотрения положительных и отрицательных последствий международной миграции молодежи. Эмпирический метод позволил изучить практику стран в решении исследуемой проблемы. При помощи метода анализа и синтеза были раскрыты отдельные аспекты миграции молодежи в условиях глобализации и предложены пути решения исследуемой проблемы.

[1] © Кошеленко В. В., Белик М. А. Текст. 2019.



Источник: составлено автором по данным IOM [2].

Рис. 1. *Динамика потока нелегальных мигрантов в Германию за 2013–2018 гг., тыс. чел.*



Источник: ГлавСтат ДНР [6].

Рис. 2. *Численность населения ДНР за 2014–2019 гг., млн чел.*

Молодые специалисты уезжают практически ни с чем, лишь с небольшими денежными средствами и скупо сообщая о своем месте прибытия, но, тем не менее, желание дальнейшей перспективы и неотступность всегда с ними. Кроме того, собственно из-за своей неопытности они лицом к лицу встречаются с опасностями, проверяющими их устойчивость. У большинства нет в наличии определенного пакета документов, и им приходится пересекать границу в качестве обычных туристов. Остальные отдают определенную сумму денег контрабандистам, чтобы их перевезли через границу. Если потребуется, то они мигрируют нелегально, скрывшись в фургонах или на лодках через океаны. Больше всего нелегальные мигранты пытаются оказаться в странах, где выше уровень социальных субсидий и существуют большие мусульманские объединения. Поэтому наихудшая ситуация сложилась в Греции, Италии, откуда далее незаконные мигранты через Македонию, Сербию и Венгрию стремятся попасть в Австрию, Германию или Швецию. Детальнее динамику прибытия нелегальных мигрантов можно рассмотреть на примере Германии (рис. 1).

При всем этом молодые специалисты чувствительны к происходящим событиям, что выгодно для бандитов. Студентов привозят в другое незапланированное место, и поездка в поисках лучшей жизни заканчивается рабством в виде домашней прислуги. Многих затягивают события военных конфликтов, после которых не всем удается вернуться на родину. Примером может служить Донецкая Народная Республика, которая уже 5-й год претерпевает такую ситуацию. Около 30 % всей области делят два квазигосударственных устройства, между которыми находится таможенная территория. В результате военных действий часть населения покинула город в поисках нового жилья, новой работы и самое главное — новой жизни. Динамику численности населения в Донецкой Народной Республике за 2014–2019 гг. (на начало года) можем наблюдать на рисунке 2.

Миграционная политика любой страны должна быть направлена на привлечение иностранных студентов и стажеров для повышения квалификационных навыков и обмена знаниями. Достаточно мало внимания, к сожалению, уделяется проблеме международной миграции молодых специалистов. Несовершенство определенных программ по урегулированию данной задачи отражается во многих отечественных и зарубежных работах, в которых не в полном объеме рассмотрены социальные последствия для современного человечества.

Из-за значительных преимуществ от качества высококвалифицированных специалистов вследствие транснациональной миграции страны-реципиенты не считают важным исследовать проблему

Таблица

Последствия миграции молодых специалистов для стран-доноров и стран-реципиентов

Последствия	Страна-донор	Страна-реципиент
Положительные	1. Ослабление напряжения на внутреннем рынке труда	1. Торможение роста цен благодаря склонностям зарубежных мигрантов к экономии
	2. Экономия государственных средств на социальные мероприятия по поддержке безработицы	2. Снижение стоимости рабочей силы и общих затрат
	3. Облегчение структурной и технологической перестройки производства	3. Повышение качества рабочей силы путем отбора более молодых квалифицированных специалистов
Отрицательные	1. Потеря «золотого фонда» и активно развивающейся молодой рабочей силы	1. Ухудшение ситуации на внутреннем рынке труда
	2. Дискриминация молодых мигрантов, социальное сиротство	2. Блокирование внедрения трудосберегающих технологий
	3. Рост инфляции	3. Нарушение культурных традиций

Источник: составлено автором по данным IOM [2].

«утечки мозгов» из страны-донора. Поэтому практически отсутствует нужная информация и статистика по данной теме исследования. Повышение результативности труда в стране происходит за счет возвращения мигрантов на родину, приобретающих опыт и знания за рубежом. Прежде всего, страны, которые импортируют квалифицированные кадры, имеют большую возможность решить вопрос по поводу понижения расходов на производство. Можно выделить следующие положительные и отрицательные последствия как для страны-донора, так и для страны-реципиента (табл.).

К странам-реципиентам относятся передовые страны по развитию IT-технологий, так как эта сфера сейчас активно развивается. США, ведущие страны Западной Европы, Ближний Восток (нефтедобывающие страны), Великобритания и другие государства всегда готовы принимать молодых специалистов на выгодных условиях из менее развитых европейских стран и Ближнего Востока. Таким образом, можно выделить основные страны-доноры и страны-реципиенты (составлено автором по данным ICTSD [1]):

Страны-доноры	Страны-реципиенты
Индия	США
Китай	Великобритания
Мексика	Германия
Бангладеш	ОАЭ
Россия	Саудовская Аравия
Сирия	Франция
Португалия	Швейцария
Югославия	Польша

К несчастью, эмиграция молодежи является «бедствием» не только для одной страны, а для всего мира. Из-за выезда профессионалов из государства есть риск, что оставшиеся будут деградировать. Чтобы устранить проблему «braindrain», потребуется создавать все необходимые условия для качественной и комфортной работы людей.

Если рассматривать миграцию среди молодежи в Российской Федерации, то она имеет множество различных аспектов. К позитивным последствиям можно отнести улучшение профессиональных навыков молодых специалистов и изучение иностранного языка. Но существенным минусом для страны является эмиграция рабочей силы, которая в итоге становится на постоянной основе. Абитуриенты мечтают о поездке за границу еще до окончания образовательных учреждений, поэтому нельзя назвать данное решение спонтанным. Часто родители дают все необходимое своим детям для учебы в другой стране с целью дальнейшего переезда. Не всегда молодые мигранты готовы вернуться обратно, так как появляется новая возможность хорошего обустройства в городе, а также присутствие удовлетворительного рабочего места. Российским работодателям стоит понижать свои запросы в сторону молодого персонала, необходимо инвестировать свой капитал для повышения квалификации и обмена опытом за границей.

Что касается государства, то оно должно оказывать поддержку молодым предпринимателям, чтобы они могли заниматься собственным делом, тем самым совершенствуя свои навыки. Государство должно вводить определенные ограничения для корпораций, которые уже давно занимают лидерские позиции на рынке, чтобы они не подавляли молодой бизнес. России следует более активно бороться с коррупцией. По сравнению с остальными странами мира Россия вместе с азиатскими и африканскими странами считается одной из самых коррумпированных государств.

Исходя из вышеприведенного анализа, можно выделить следующие причины международной миграции молодых специалистов:

— незначительный уровень жизни, вынуждающий постоянно находиться в поиске новой возможности хорошего дохода, где труд высоко ценится и оплачивается;

— нехватка хорошего оборудования и необходимых условий для качественной работы из-за отсутствия достаточного материально-технического и информационного снабжения исследовательской деятельности;

— недооценка современным обществом социальной важности молодого интеллектуального труда;

— невозможность достижения своего карьерного потенциала в сфере науки;

— неопределенность политического положения в стране, которая вызывает переживание за будущее своей семьи;

— осложнение экономической обстановки, которая влечет за собой риск безработицы.

Учитывая существующую тенденцию к росту международной миграции молодежи, можно выделить следующие мероприятия, которые будут способствовать решению исследуемой проблемы:

1. Формирование надежной материальной основы для молодежи.

2. Укрепление социального положения молодого специалиста и формирование более лояльного и благоприятного отношения к нему со стороны работодателя.

3. Внедение программ по прохождению стажировки молодыми специалистами в других странах для обмена знаниями.

4. Оказание поддержки молодым предпринимателям, чтобы они могли открывать собственное дело без давления со стороны корпораций, которые уже давно занимают лидерские позиции на рынке и т. д.

Список источников

1. International Centre for Trade and Sustainable Development [Электронный ресурс]. URL: https://www.ictsd.org.

2. International Organization for Migration [Электронный ресурс]. URL: http://moscow.iom.int/russian/index.html.

3. Кризис с мигрантами в Европе в 2015–2016 годах // Россия сегодня: информ.-справочный портал, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/spravka/20160414/1410128475.html.

4. *Spencer M. E.* Multiculturalism, “Political Correctness,” and the Politics of Identity // Sociological Forum. — 1994. — No. 9(4). — P. 547–567.

5. *Фатихова Л. Э.*, *Сарварова Р. Р.* К вопросу о проблеме миграции молодежи // Молодой ученый. — 2014. — № 21. — С. 445–447 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/80/14304.

6. Главное управление статистики Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: http://glavstat.govdnr.ru.

Кубина Е. А., Степанова Н. Р., к. т. н.
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ЦИФРОВОЙ ГОРОД БУДУЩЕГО 2035: КОМФОРТНЫЙ[1]

Люди заинтересованы жить в комфортном, безопасном и процветающем городе, поэтому им будет интересно предлагать свои идеи, которые в будущем могли бы осуществляться. Основная идея нашего проекта — улучшить и облагородить городскую среду, сделать город привлекательным, привлечь подрастающее молодое поколение к играм на улицах с использованием новых технологий. В нашем проекте мы хотим предложить создание умной детской площадки в центре Екатеринбурга. Здесь будут игры на развитие памяти, мышления, внимательности, логики. Особое внимание уделяется спорту. Уникальность проекта — в его делении по зонам.

Ключевые слова: цифровые технологии, умная площадка, городская среда

В современном мире создаются новые типы городов. На смену индустриальной экономике приходит цифровая. Главную роль будут играть знания, благодаря которым мы сможем осуществлять и применять в городах инновационные технологии, создавая новые комфортные условия для жителей.

Целью представленной работы является предложение об улучшении окружающей среды в сфере городского развития. Проект разрабатывается для Екатеринбурга, столицы Урала. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Найти и проанализировать информацию по теме исследования.
2. Продумать и описать концепцию умной площадки.
3. Разделить игровую площадку по зонам, развивающим определенные навыки у детей.
4. Сформулировать аспект, касающийся охранной системы детской игровой зоны.
5. Рассмотреть этапы реализации проекта.
6. Проанализировать возможные риски.
7. Сделать вывод по теме исследования, описать ожидаемые результаты.

В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ, составленным агентством «РИА Рейтинг», по итогам 2017 г. Свердловская область, административным центром которой является город Екатеринбург, занимает 8-е место[2]. Это означает, что город продолжает удерживать лидирующие позиции среди городов-миллионников (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга).

По итогам 2017 г. в Екатеринбурге отмечены достаточно высокий относительный показатель рождаемости и один из самых низких относительный показатель смертности (см. табл) [1].

Таблица

Количество родившихся, умерших и естественный прирост (убыль) населения в 2017 г. на 1000 чел.

Город	Число родившихся	Место	Число умерших	Место	Естественный прирост (+), естественная убыль (–)	Место
Волгоград	10,2	13	12,6	11	–2,4	13
Воронеж	11,1	11–12	12,3	10	–1,2	10
Екатеринбург	13,4	2	10,7	3	2,7	3
Казань	15,1	1	10,2	2	4,9	1
Красноярск	12,9	3–4	10,1	1	2,8	2
Нижний Новгород	11,6	9	13,4	12	–1,8	11
Новосибирск	12,5	5–6	11,5	7	1,0	5–6
Омск	11,2	10	11,8	9	–0,6	9
Пермь	12,5	5–6	11,6	8	0,9	7
Ростов-на-Дону	11,1	11–12	11,1	5–6	0,0	8
Самара	11,8	8	13,8	13	–2,0	12
Уфа	12,9	3–4	10,8	4	2,1	4
Челябинск	12,1	7	11,1	5–6	1,0	5–6

Для того чтобы город становился еще лучше, нужно внедрять современные проекты, позволяющие сделать жизнь людей комфортнее. Основной проблемой, сдерживающей развитие города, является то, что в плане развития Екатеринбурга сегодня не хватает уникальности. Столице Урала не нужно копировать другие города, если можно реализовывать проекты, которые позволят сделать город удобным

[1] © Кубина Е. А., Степанова Н. Р. Текст. 2019.

[2] Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/infografika/20180523/1520511999.html (дата обращения: 04.02.2019).

и комфортным для проживания. Следует более широко привлекать студентов, школьников, жителей города на различные конкурсы по разработке новых проектов, которые могли бы улучшить город, городскую среду.

Суть нашего проекта заключается в построении умной площадки для детей на территории Екатеринбурга в центральной части города. Если данная площадка будет пользоваться спросом среди детей и горожан, то будет возможность построить такие площадки в других районах города.

Современная детская умная площадка будет оснащена системой умных технологий под контролем системного блока управления «умный город». Здесь дети смогут освоить в игровой форме правила русского языка, математику, правила дорожного движения, а также смогут ознакомиться с историей города. Помимо обучения в игровой форме у детей появится возможность играть в такие игры, как «резиночки» и «классики», только под управлением компьютера, который будет говорить им, какие команды нужно выполнять.

На нашей умной площадке будет находиться несколько интерактивных зон. Такой прием является довольно популярным для постройки малых архитектурных сооружений, так как он направляет посетителей площадки по зонам в соответствии с их интересами [2].

Первая зона — игровое обучение. В этой зоне будет находиться экран, на котором дети с родителями смогут выбирать игру. Игры будут разработаны с целью развития у детей памяти, внимания, мышления. Рядом с экраном будут располагаться около 5–7 кнопок больших размеров с сенсорными экранами, нажимая на которые дети будут отвечать на вопросы. Родители также могут принимать участие в игре с детьми, находясь рядом и помогая отвечать на вопросы.

Вторая зона — «Попрыгайки». В этой зоне будут находиться две игры — «классики» и «резиночки». Для игры в «классики» будут использоваться встроенные подсвечивающиеся площадки. Вместо камушка, который нужно обычно бросать в данной игре, компьютер будет автоматически случайно определять, куда будет «брошен электронный камень», который за счет проектора отображается на игровой площадке. Для игры «резиночки» также будут использоваться подсвечивающиеся площадки с голограммами. Они будут появляться, как только запускается игра. Схемы, по которым ребенку нужно прыгать, озвучивает компьютер.

Третья зона — «Футбольная». В данной зоне предполагается установить платформу, и здесь дети смогут совершенствовать свои футбольные навыки. Начать игру нужно с нажатия одной кнопки, как и в других зонах нашей умной площадки. Платформа разделена на небольшие квадратики, которые при попадании в них мячом будут подсвечиваться. Рядом с данной платформой необходимо расположить экран, на котором в реальном времени отображаются все удары. Также можно будет выбрать себе напарника и играть не одному, а вместе с ним. Преимущество этой зоны в том, что она будет интересна не только маленьким детям, но и подросткам.

Четвертая зона — «Юные художники». В ней будут поставлены сенсорные экраны, на которых ребенок сможет выбрать понравившуюся раскраску или чистый лист, чтобы нарисовать свою картину. Картины будут сохраняться и отображаться в электронной галерее, находящейся в этой же зоне.

Пятая зона — «История города». Она будет самая интересная, так как ребенок сможет познакомиться с историей города. Здесь будет установлено несколько небольших экранов, находящихся на уровне глаз ребенка. Когда ребенок нажимает на экран, то включается небольшой фильм об истории Екатеринбурга, в котором она объясняется доступным образом для маленького посетителя площадки. После просмотра предлагается пройти тест на проверку новых знаний о своем городе. Ребенок может пройти этот тест, а также может и отказаться.

На территории умной площадки будет использоваться бесшовное покрытие из резиновой крошки, которое не скользит, смягчает падение ребенка и не пачкает его одежду, нетоксично и безопасно. Также это покрытие не меняет свои свойства при температурах от -50 С0 до +50 С0. Все углы площадки планируются закругленными, чтобы снизить вероятность получения травм [3].

На площадке также предусматривается работа службы безопасности, которая должна следить за порядком и сохранностью оборудования.

Умная площадка будет оснащена круглосуточной системой видеонаблюдения для комфорта и безопасности посетителей, а также сохранности оборудования, находящегося в зонах площадки. Видеонаблюдение позволит сократить число противоправных действий.

Проект сможет сыграть значимую роль в развитии и процветании Екатеринбурга. Он создаст благоприятные условия для комфорта местных жителей и гостей города. Применяемые усовершенствованные технологии сделают жизнь горожан более качественной и комфортной. Реализация проекта умной детской площадки позволит вывести город Екатеринбург на новый уровень развития среди других городов, так как это будет уникальная площадка, позволяющая развиваться детям в нескольких направлениях.

Стоимость постройки умной игровой площадки составит приблизительно 30 млн рублей. Стоимость реализации проекта сформирована с учетом средних цен на оборудование интерактивной площадки[3]. Для строительства данной площадки необходимо найти современное оборудование, сенсорные экраны, игровые платформы, позволяющие пользоваться ими на улице при различных температурах и погоде, а также разработать игры для данной площадки и настроить их в программное обеспечение. Комфорт на умной игровой площадке будет достигаться за счет цветовой подсветки, которая будет являться освещением в темное время суток.

Инновационной технологией будет являться голограмма в зоне «Попрыгайки», а именно в игре «Резиночки», которая будет появляться при запуске игры. По вопросу этой технологии можно обратиться к научной группе из технического университета в Саратове, которая еще в 2014 году придумала модель трехмерной цветной голограммы, которой можно манипулировать как реальным предметом[4].

Реализовывать проект «Город будущего 2035: Комфортный» нужно постепенно, поэтапно. Начальным этапом будет предоставление данных о проекте администрации Екатеринбурга, от которой будет зависеть разрешение на реализацию данного проекта, и будет принято решение о его финансировании. Также можно привлечь инвесторов, таких как Уральская горно-металлургическая компания (УГМК), Русская медная компания (РМК)[5]. Данным компаниям будет интересно стать инвесторами данного проекта, так как он соответствует их политике социальных инвестиций [4].

При успешном одобрении проекта администрацией города и принятии решения о финансировании, мы совместно выбираем место в городе для строительства умной детской площадки. Нами будет предложена идея строительства данной площадки в центральной части города, например, рядом с культурно-просветительской выставочной площадкой, музеем современной российской политической истории — Ельцин-центром. Около Ельцин-центра уже построена самая большая песочница Екатеринбурга. Ее открыли 24 июня 2017 г. [5]. Дети и взрослые были очень рады открытию песочницы. И думаем, что строительство умной детской площадки рядом с ней будет актуально.

После выбора места мы должны начать сотрудничать с проектным бюро, которое создаст проект благоустройства парка, а также внесет нашу умную детскую площадку в этот план. Затем нужно будет найти современное оборудование, сенсорные экраны, игровые платформы, а также разработать игры для данной площадки и включить их в программное обеспечение установленной на территории умной площадки компьютерной техники. Далее мы выберем строительную фирму, с которой будем работать, чтобы реализовать проект в полной мере.

Рассмотрим основные риски проекта:

1) Финансы — первый и самый основной риск, который может встать на пути к достижению результатов проекта. Очевидно, что строительство умной детской площадки потребует значительных вложений. Всё будет зависеть от того, одобрит ли администрация города Екатеринбурга данный проект и согласится ли его профинансировать.

2) Сбои в системах. Информационные технологии в нашей стране только начинают охватывать все сферы жизни, но России еще далеко до того времени, когда в каждом городе все будет автоматизировано и работать идеально. Могут быть случаи сбоя систем.

3) Недостаточно высокий уровень культуры жителей Среднего Урала. Дорогостоящее оборудование, которое предлагается поставить на умной детской площадке, может быть просто сломано недобросовестными жителями города.

Концепция умной игровой площадки имеет ряд преимуществ, непосредственно связанных с результатами социально-экономического характера. На площадке доступны и тесты для умственного развития, и творческие задания, а также зоны для активных занятий и спорта. Поэтому благодаря нашему проекту дети смогут активнее развиваться как умственно, так и физически. Играя в группах и командах, дети знакомятся между собой и, как следствие, могут найти новых друзей, что улучшит их уровень коммуникативности и научит быть более открытыми. Данная площадка будет интересна для детей разного возраста, так как каждый ребенок сможет найти интересное для себя занятие и с пользой провести время.

Родителям будет проще пробудить у детей желание получать новые знания, так как все задания предлагаются в ненавязчивой игровой форме. Данный проект значительно поспособствует повышению культурного уровня подрастающего поколения, что очень важно не только для города, но и для всей страны. В будущем дети смогут эффективнее и быстрее развиваться, что может в будущем

---

[3] Интерактивные площадки [Электронный ресурс]. URL: http://www.newhorizons.ru/playgrounds/interactive-playgrounds (дата обращения: 05.02.2019).

[4] В России изобрели голограмму [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rXxKFXRmAKo (дата обращения: 05.02.2019).

[5] Русская медная компания: О нас [Электронный ресурс]. URL: http://rmk-group.ru/ru/company/about/ (дата обращения: 10. 02.2019); Социальные инвестиции [Электронный ресурс]. URL: http://rmk-group.ru/ru/sustainable_development/social_investments/ (дата обращения: 10. 02.2019).

инициировать воплощение ими творческих или научно-исследовательских идей. Также умная игровая площадка — это хорошее место для социализации детей.

В заключение отметим, к 2035 г. умная игровая площадка в Екатеринбурге будет полностью реализована и задействована. Для ее эффективной работы будет использовано современное оборудование, а также будут внедрены передовые технологии. Данное место будет иметь высокий спрос среди многих семей, так как оно является доступным и удобным для времяпрепровождения родителей со своими детьми. Игровая площадка стимулирует современных детей, ведущих малоподвижный образ жизни, проводить больше времени на улице и играть со сверстниками в различные подвижные и полезные для здоровья и ума игры. Данный проект — один из шагов вперед к развитию и созданию перспективного будущего.

Список источников

1. *Якоб А. Э.*, *Кожемяко А. П.*, *Архипов Е. К.* Итоги социально-экономического развития муниципального образования «Город Екатеринбург» в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: https://екатеринбург.рф/file/d8dafec2a0bdd06cd0d00f37014fc9b0(дата обращения: 04.02.2018).

2. *Карабаева С.* Своё место [Электронный ресурс]. URL: https://itsmycity.ru/2019–02–28/mega-prezentovala-park-za-polmilliarda-rublej-gorozhane-mogut-uchastvovat-v-sozdanii-meropriyatij (дата обращения: 10.02.2018).

3. *Барейчева М. А.*, *Кубина Е. А.*, *Степанова Н. Р.* Сравнительный анализ зарубежного опыта оформления детских площадок и возможность его применения на территории России [Электронный ресурс]. URL: https://www.eduherald.ru/article/view?id=19476 (дата обращения: 10.02.2018).

4. *Белоусова М.* Как найти спонсора и почему они дают деньги? [Электронный ресурс]. URL: http://expert-btl.ru/kak-najti-sponsora-i/ (дата обращения: 10.02.2018).

5. *Мотылева М.* У Ельцин-центра открыли самую большую песочницу Екатеринбурга [Электронный ресурс]. URL: https://ura.news/news/1052294660 (дата обращения: 10.02.2018).

Лопатин В. М.
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ [1]

В статье проведен анализ уровня экономической активности населения с помощью эконометрической модели, выявлены основные факторы, обуславливающие численность трудовых ресурсов России, обозначены тенденции и проблемы.

Ключевые слова: экономическая активность населения, эконометрический анализ, рынок труда, занятость и безработица

Актуальность исследования связана прежде всего с тем, что экономическая активность населения (далее ЭАН) является основным показателем рынка труда, который помогает выявлять тенденции на рынке труда и исследовать его структуру. Он также является одним из базовых показателей при разработке Правительством РФ политики в социально-трудовой сфере. В случае неполного использования имеющихся трудовых ресурсов экономика работает, не достигая границы своих производственных возможностей, следовательно, численность ЭАН напрямую влияет на экономический рост любой страны. Согласно определению Федеральной службы государственной статистики России, к ЭАН относятся лица в возрасте от 16 до 72 лет, которые в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными, то есть это та часть населения, которая обеспечивает предложение рабочей силы для производства товаров и услуг [2].

Для выявления взаимосвязей и количественных факторов, обуславливающих динамику уровня ЭАН, был проведен эконометрический анализ. За зависимую переменную было взято число экономически активного населения, млн чел. (Y), а в качестве независимых переменных (факторов X) были взяты: количество человек с высшим образованием, млн чел. (x_1), средний размер заработной платы по РФ, тыс. руб. (x_2), смертность, млн чел. (x_3), число выехавших на работу за границу, тыс. чел. (x_4), рождаемость, млн чел. (x_5), численность городского населения, млн чел. (x_6), число пенсионеров, млн чел. (x_7) и число мигрантов (общий поток миграции, без разделения на трудовую и другие типы), прибывших на территорию РФ, тыс. чел. (x_8) (см. табл. 1).

На начальном этапе построения модели, была определена функциональная спецификация модели (рис. 1).

Зависимость оказалась нелинейной, так как величина достоверности апроксимации (R^2), при степенной линии тренда, составила 0,9151 — это наибольшее значение R^2 из всех других типов функций, следовательно, именно степенная функциональная форма модели наиболее точно описывает имеющиеся данные. Для приведения модели к линейному виду была проведена процедура линеаризации (преобразование исходных данных к линейному виду) путем логарифмирования обеих частей уравнения регрессии (всех числовых данных) с помощью натурального логарифма ln. На следующем этапе была осуществлена проверка на мультиколлинеарность (сильная парная корреляция между факторами), для этого была построена матрица попарных корреляций, при ее анализе была выявлена сильная коррелируемость факторов друг с другом, то есть частный коэффициент корреляции между факторами превышал пороговое значение 0,7 (см. табл. 2).

Для ее устранения был использован метод устранения переменных по рассчитанной величине коэффициента Бэта. В итоге в модели осталось три фактора: x_4 (число выехавших за границу), x_8 (число мигрантов) и x_5 (рождаемость). Итоговый регрессионный анализ дал следующие результаты (рис. 2).

Результаты регрессионного анализа, которые представленные на рисунке 2, демонстрируют качественную модель. Во-первых, величина коэффициента корреляции (множественный R) больше порогового значения 0,7. Это свидетельствует о наличии достаточно тесной связи между исследуемыми экономическими показателями и подтверждает влияние количества выехавших за границу, числа рожденных и количества мигрантов на уровень экономической активности. Во-вторых, коэффициент детерминации (R-квадрат) равен 0,78, это означает, что 78 % дисперсии результативного признака игрек объясняется регрессией, аналогично 71 % вариации переменной «Y» объясняется включенными в модель факторами, ибо значение нормированного R-квадрата равно 0,71. В-третьих, величины P-значения переменных не превышают критического уровня в 5 %, аналогично величина F-значимости также не превышает 5 %, что говорит о достоверности коэффициента детерминации, иными словами, о достаточном количестве включенных в уравнение объясняющих переменных для описания вариации зависимой переменной. В-четвертых, после проведения заключительного регрессионного

[1] © Лопатин В. М. Текст. 2019.

Статья подготовлена под научным руководством к. э. н, доцента кафедры шахматного искусства и компьютерной математики УрГЭУ Наумова И. В.

Таблица 1

Числовые данные факторов динамики уровня ЭАН [3]

Год	Y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
2005	73581	22214	8 555	2 303 93	60 926	1457376	105 200	38 313	177230
2006	74419	23270	10 634	2 166 70	65747	1479637	104 800	38 325	186380
2007	75289	24379	13 593	2 080 44	69866	1610122	104 700	38 467	286956
2008	75700	25504	17 290	2 075 95	73130	1713947	104900	38 598	281614
2009	75694	26671	18 638	2 010 54	66285	1761687	104900	39 100	279907
2010	75478	26833	20 952	2 028 51	70236	1788948	105 300	39 090	191656
2011	75779	28301	23 369	1 925 72	67549	1796629	105 400	41 819	356535
2012	75676	29744	26 629	1 906 33	64370	1902084	105 700	42 367	417681
2013	75529	31141	29 792	1 871 80	61119	1895822	106 100	42 837	482241
2014	75428	32432	32 495	1 912 34	58093	1942683	106 600	43 327	590824
2015	76588	33658	34 030	1 908 54	57138	1940579	108300	43 797	598617
2016	76636	34958	36 709	1 891 01	59999	1888729	108 600	45 182	575158
2017	76109	35927	39 167	1 826 12	60 123	1690307	109 000	45 709	589033

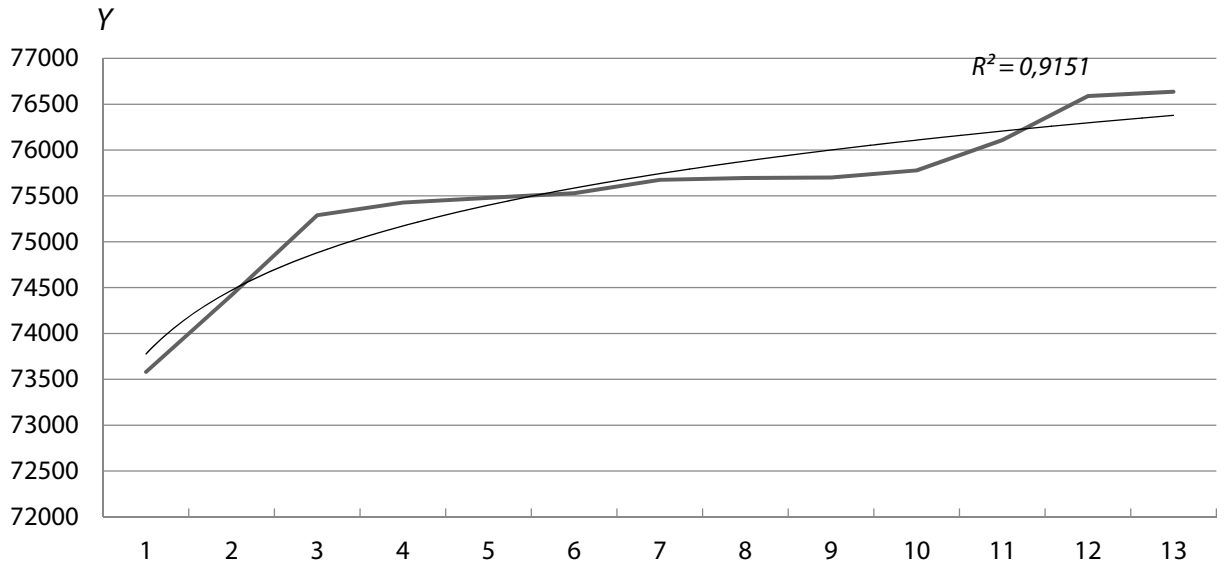


Рис. 1. *Спецификация модели*

Таблица 2

Матрица попарных корреляций

	Y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
Y	1								
x_1	0,813	1							
x_2	0,862	0,979	1						
x_3	–0,84	–0,93	–0,97	1					
x_4	–0,17	–0,63	–0,49	0,4	1				
x_5	0,787	0,777	0,863	–0,83	–0,3	1			
x_6	0,641	0,885	0,784	–0,68	–0,7	0,46	1		
x_7	0,694	0,967	0,914	–0,88	–0,7	0,672	0,905	1	
x_8	0,758	0,935	0,908	–0,88	–0,6	0,758	0,801	0,93	1

анализа был проведен общий анализ качества модели путем построения графика реального и модельного значений Y (табл. 3).

Общий график реального и модельного значений ЭАН представлен на рисунке 3.

Сравнение модельных значений с соответствующими реальными значениями исследуемой выборки позволяет проанализировать адекватность модельных выводов реальной действительности и их точность. На графике видно, что линия модели приблизительно имитирует линию графика реального значения Y, следовательно, можно сделать вывод о том, что модель получилась качественной, достоверной и пригодной для прогнозирования и имитационных расчетов [1, 5].

Таким образом, результат проведенного регрессионного анализа говорит о том, что при прочих равных абсолютная величина численности экономически активного населения зависит от трех факторов:

ВЫВОД ИТОГОВ

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,888550995
R-квадрат	0,789522871
Нормированный R-к	0,719363829
Стандартная ошибка	0,005728121
Наблюдения	13

Дисперсионный анализ

	df	*SS*	*MS*	*F*	*Значимость F*
Регрессия	3	0,001107712	0,000369237	11,25333	0%
Остаток	9	0,000295302	3,28114E-05		
Итого	12	0,001403014			

	Коэффициенты	*Стандартная ошибка*	*t-статистика*	*P-Значение*	*Нижние 95%*	*Верхние 95%*	*Нижние 95,0%*	*Верхние 95,0%*
Y-пересечение	9,773836536	0,412768739	23,67872276	0%	8,840088777	10,7075843	8,840088777	10,7075843
x4	0,063249606	0,02934944	2,155053274	2%	-0,003143439	0,12964265	-0,003143439	0,129642651
x5	0,035913586	0,027813827	1,291213418	4%	-0,027005661	0,09883283	-0,027005661	0,098832834
x8	0,018963143	0,00720941	2,630331993	3%	0,002654323	0,03527196	0,002654323	0,035271962

Рис. 2. *Результаты регрессионного анализа*

Таблица 3

Модельные и реальные значения Y

Год	*Y*	*Model*
2005	73581	73832
2006	74419	74299
2007	75289	75427
2008	75700	75788
2009	75694	75384
2010	75478	75161
2011	75779	75875
2012	75676	76027
2013	75529	75976
2014	75428	76091
2015	76588	76027
2016	76636	76131
2017	76109	75872

1) численности прибывших на территорию РФ;

2) численности выехавших из страны в поисках работы за рубежом;

3) рождаемости.

Полученный результат подтверждает тот факт, что уровень ЭАН обуславливается исключительно демографическими и миграционными процессами. При сохранении отрицательного значения естественного прироста и росте миграционных потоков в Россию произойдет постепенное замещение отечественных трудовых ресурсов низкоквалифицированной рабочей силой с постсоветского пространства (за исключением стран Балтии). Следовательно, в будущем для российской экономики остро встанет проблема нехватки трудовых ресурсов, что в свою очередь отрицательно скажется на экономическом росте. Примечательно, что в макроэкономическом прогнозе Минэкономразвития 2017 года говорится о сокращении численности ЭАН России уже к 2020 году на 1 млн человек, а численности трудоспособного населения — на 3 млн чел. В материалах [4] отмечается, что рынок труда в среднесрочной перспективе будет в значительной степени определяться демографическими тенденциями.

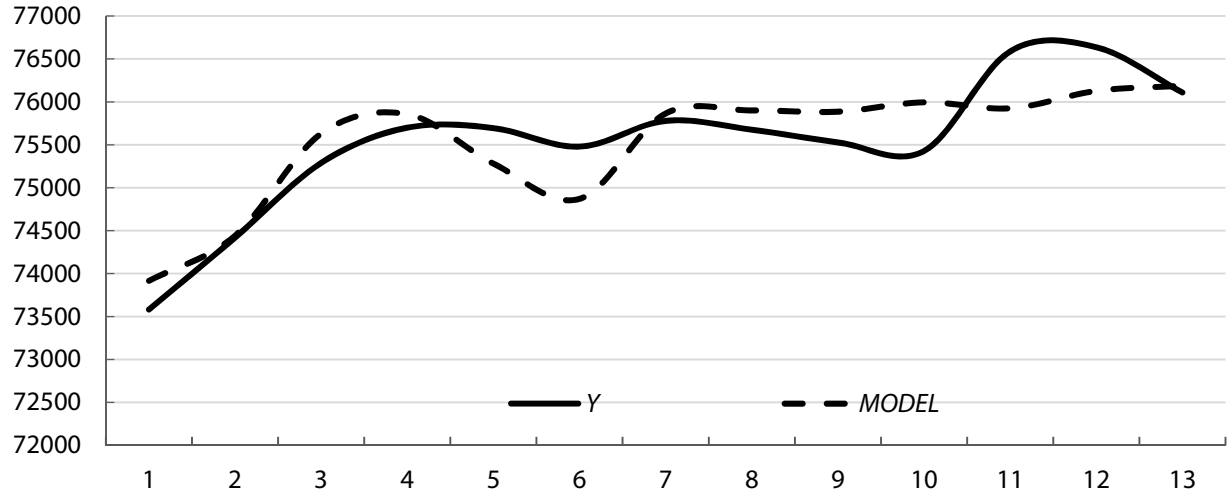


Рис. 3. *Реальные и рассчитанные значения регрессии*

Список источников

1. *Наумов И. В.*, *Квашнина К. В.* Корреляционно-регрессионный анализ показателей уровня жизни в России // VI Информационная школа молодого ученого: сб. науч. тр. / отв. ред. П. П. Трескова; сост. А. И. Кирсанова, Ю. Д. Прокофьева, А. С. Павлова. — Екатеринбург, 2018. — С. 125–131.

2. Об утверждении Основных методологических положений по классификации статистических данных о составе рабочей силы, экономической активности и статусу в занятости: Постановление Госкомстата РФ от 25.05.1993 № 67 [Электронный ресурс]. URL: http://legalacts.ru/doc/osnovnye-metodologicheskie-polozhenija-po-klassifikatsii-statisticheskikh-dannykh.

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru.

4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/60223a2f-38c5–4685–96f4–6c6476ea3593/prognoz24svod.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=60223a2f-38c5–4685–96f4–6c6476ea3593.

5. Эконометрика: учеб. пособие / Е. М. Кочкина, Е. В. Радковская; Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во «Урал», 2013. — 176 с.

Мальцев А. А., д. э. н.
Уральский государственный экономический университет
Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург
CRIISEA, Университет Пикардии имени Жюля Верна, г. Амьен

«КОНЕЦ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ?[1]

В статье рассматривается влияние теоретико-методологических сдвигов в современной экономической науке на развитие экономической истории (ЭИ). Проводится проверка обоснованности популярного тезиса о скором «конце» ЭИ. Представлено авторское видение перспектив ЭИ. С точки зрения автора, ЭИ постепенно превращается в полидисциплинарную исследовательскую площадку. Залогом успешного развития ЭИ автору видится повышение уровня доверия и уважения к альтернативной точке зрения внутри экономико-исторического сообщества.

Ключевые слова: экономическая история, трансформация экономической науки, доверие, академическое сообщество.

Начало XXI столетия в плане развития экономической истории (ЭИ) ознаменовалось обострением дискуссии о состоянии и путях дальнейшего развития данной дисциплины. С одной стороны, рост интереса общественности к объемным трудам Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, Д. Норта и Т. Пикетти указывает на обоснованность заявлений о блестящих перспективах ЭИ. С другой стороны, многие авторы обращают внимание на ряд тревожных моментов в развитии ЭИ. Все больше специалистов пишут о том, что современные экономические историки впали в мелкотемье, вошли в мейнстрим ценой утраты своих исследовательских традиций. В настоящей статье мы постараемся выяснить, насколько оправданны подобные опасения, а также пунктирно обозначить возможные направления развития ЭИ в контексте теоретико-методологических сдвигов, разворачивающихся в современных социальных науках.

С нашей точки зрения, для ответа на данные вопросы и осмысления перспектив функционирования ЭИ прежде всего необходимо рассмотреть особенности изменений в современной экономической теории и их последствия для экономико-исторического сообщества. На наш взгляд, здесь можно выделить следующие основные моменты.

1. С начала 1990-х гг. представители «основного течения» экономической науки начали постепенно уходить от чрезмерного увлечения абстрактным теоретизированием и стали все больше внимания уделять исследованию институциональных свойств анализируемых явлений и процессов. Это активизировало процесс интеграции ЭИ с одним из наиболее респектабельных направлений современной экономической теории — экономикой развития.

2. Реконфигурация глобального политического ландшафта и сложности с выработкой действенных программ социально-экономического развития в странах периферии и постсоциалистических государствах также способствовали пробуждению интереса экономистов к изучению «эффектов колеи», дефектов рынков и провалов государства, что дало мощный импульс к возрождению их интереса к историческим вопросам.

3. Эмпирический поворот в экономических исследованиях, тем не менее, не только не ослабил, но даже усилил жесткость позитивистской парадигмы мышления, распространенной в мейнстриме. Благодаря развитию современных технологий (ГИС, KWIC, цифровизация архивов, пр.) экономические историки смогли адаптироваться к ужесточающимся критериям научности, принятым в «основном русле».

Как видим, изменения, которые претерпел мейнстрим, на первый взгляд, дезавуируют мрачные заявления о приближающемся закате ЭИ и потере интереса экономистов к экономико-историческим исследованиям. Если обратиться к наукометрической статистике и исследованиям карьерных возможностей для академических исследователей, то может показаться, что экономическая история и вовсе вступила в золотой век.

В частности, анализ Р. Абрамицкого показал, что доля материалов по ЭИ, публикуемых в пяти наиболее престижных экономических журналах[2], к середине 2010-х гг. составила 4,5 % против 1,5 % десятилетием ранее. Даже на академическом рынке США, отличающемся высочайшим уровнем конкуренции, экономические историки отнюдь не выглядят аутсайдерами. По состоянию на 2015 г. 2/3 молодых экономических историков, защитивших докторские диссертации в 2010–2014 гг., получили постоянные позиции ассистента-профессора, что полностью соответствовало аналогичному показателю для их сверстников из числа экономистов [2, с. 1241, 1243]. Данные цифры заставляют солидаризироваться

[1] © Мальцев А. А. Текст. 2019.
Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-59.2019.6.

[2] AER, QJE, JPE, Econometrica, Restud.

с К. Ромер, еще в 1994 г. обратившей внимание в своей знаменитой статье, провокативно названной «Конец экономической истории?», на постепенную интеграцию ЭИ в экономическую теорию [5].

С одной стороны, тенденцию к все большему проникновению экономической истории в мейнстрим следует горячо поддерживать. Благодаря более тесному взаимодействию с мейнстримными экономистами специалисты по ЭИ смогли получить доступ к обширной исследовательской инфраструктуре «основного русла», а также создать для своих представителей прекрасные возможности для карьерного роста.

Со всем тем нельзя полностью игнорировать критику видными специалистами состояния дел в современной ЭИ. Особую их тревогу вызывают чрезмерное, с их точки зрения, сужение тематики исследований и прогрессирующая специализация нынешнего поколения экономических историков. «Скоро не останется широких эрудитов — описывает логику рассуждений сторонников подобных убеждений Р. Марго — на смену им придут публичные экономисты, чья работа будет заключаться в изучении и обучении истории, например, налогообложения и государственных финансов… знания, развиваемые (ими — *А. М.*) в рамках данных областей, будут интегрированы в те или иные программы подготовки докторантов, но общая экономическая история почти повсеместно исчезнет из программ подготовки экономистов» [3, с. 32].

Для этих заявлений также есть определенные основания. Трудно не согласиться с теми специалистами, которые утверждают, что сегодняшняя система преподавания ЭИ ведет «к исключению из расписания экономистов целого ряда (экономико-исторических — *А. М.*) курсов и тем», а, следовательно, не способствует развитию их навыков работы с широким контекстом [3, с. 33]. Скажем, проведенное К. Дибо и М. Хопертом исследование структуры учебных программ 50 наиболее престижных докторских программ США в области экономики показало, что «ни на одной программе не предлагается регулярно читаемый курс, посвященный регионам, находящимся за пределами (Северной — *А. М.*) Америки и Западной Европы». Хронологические рамки данных учебных курсов также, как выяснилось, зачастую не простираются далее колониальной истории США и запуска промышленной революции в Старом Свете[3].

Но стоит ли из-за особенностей преподавания ЭИ экономистам вливаться в ряды пессимистов, пророчащих этой дисциплине увядание? На наш взгляд, подобные прогнозы едва ли стоит принимать всерьез. Ключевой изъян рассуждений «ЭИ-пессимистов» кроется в том, что они по-прежнему считают экономическую историю исключительно экономической дисциплиной, чье развитие зависит от навыков специалистов, имеющих лишь экономический бэкграунд. Между тем в последние годы изучением ЭИ стали активно заниматься представители таких дисциплин, как новая история капитализма, международная политическая экономия, клиодинамика, пр. Отличительной чертой данных подходов к исследованию истории — при всех имеющихся между ними различиях — является «широкий объект изучения — эволюция человеческих обществ» [4, с. 94] и отстраивание аргументации вокруг тезиса о том, что «экономика является продуктом, который не атрибутируется с одним конкретным местом (Западом) или временем (эпохой модерна)»[4].

«Посягательство» «посторонних» специалистов на, казалось бы, давно закрепленную за «традиционной» ЭИ исследовательскую проблематику дает основания полагать, что ЭИ постепенно превращается в своеобразную междисциплинарную платформу для представителей целого спектра общественных наук. Таким образом, происходящие в настоящее время в сфере изучения экономической истории перемены внушают оптимизм в отношении перспектив развития данной дисциплины. «Классические» экономические историки, вооруженные прогрессивными техническими методами, будут заниматься развитием ЭИ «вглубь», тогда как ее развитие «вширь», по-видимому, будет прерогативой специалистов из других областей знания. Для дальнейшего развития ЭИ, с нашей точки зрения, прежде всего, необходимо повышения уровня доверия и уважения к альтернативной точке зрения внутри сообществ историков экономики. Вместо дискуссий о том, что является «настоящей» экономической историей и споров на тему «чей метод лучше» всем специалистам по ЭИ следует больше интересоваться наработками коллег по изучению хозяйственного прошлого. Используя остроумное сравнение Д. Макклоски, хочется верить, что экономические историки — также, как и экономисты, — в обозримой перспективе научатся «держать свои уши открытыми» [1, с. 230].

Список источников

1. *Расков Д.* Технологические и институциональные идеи — это то, что делает наш мир современным. Интервью с Д. Макклоски // Экономическая политика. — 2016 — № 3. — С. 224–244.

[3] Diebolt C., Haupert M. (2019). The Vital Tools: How Economic History Complements and Completes the Training of an Economist [Электронный ресурс]. URL: https://www.aeaweb.org/conference/2019/preliminary/paper/k4KfDYh5. P. 12, 13.

[4] Adelman J., Levy J. (2014). The Fall and Rise of Economic History [Электронный ресурс]. URL: http://permalink.gmane.org/gmane.science.economics.progressive-economists/90151.

2. *Abramitzky R.* Economics and the Modern Economic Historian // Journal of Economic History. — 2015. — Vol. 75. — Issue 4. — P. 1240–1251.

3. *Margo R.* The Integration of Economic History into Economics // NBER Working Paper. 2017. No. 23538.

4. *Mejía J.* The Evolution of Economic History since 1950: From Cliometrics to Cliodynamics // Tiempo& economía. — 2015. — Vol. 2. — No. 2. — P. 79–103.

5. *Romer C. D.* The End of Economic History? // Journal of Economic Education. — 1994. — Vol. 25. — No. 1. — P. 49–66.

Нагнойная-Орлова А. П.
Донецкая академия управления и государственной службы, г. Донецк

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ[1]

В данной статье рассмотрено содержание социально-экономической политики местного самоуправления. В результате анализа были выявлены ее характерные особенности, проблемы и пути их решения. Были рассмотрены особенности социально-экономической политики в ДНР и определены направления развития муниципальных образований республики.

Ключевые слова: социально-экономическая политика местного самоуправление, муниципальные образования

Местное самоуправление представляет собой организацию деятельности граждан, обеспечивающую самостоятельное решение населением вопросов местного значения, управление муниципальной собственностью исходя из интересов всех жителей данной территории.

Главной целью местного самоуправления является повышение уровня и качества жизни населения, проживающего на территории данного муниципального образования. Для достижения этой цели создаются органы местного самоуправления, которые осуществляют социально-экономическую политику.

Целью работы является рассмотрение особенностей социально-экономической политики местного самоуправления в развитии муниципальных образований.

Для достижения этой цели были решены следующие задачи:

1) раскрыта сущность понятия социально-экономической политики местного самоуправления;

2) выявлены проблемы социально-экономической политики местного самоуправления и пути их решения;

3) рассмотрены особенности социально-экономической политики в ДНР и определены направления государственной политики в сфере социально-экономического развития, в том числе, муниципальных образований республики.

Социально-экономическая политика местного самоуправления представляет собой взаимосогласованную совокупность социальных, экономических, экологических целей и ориентиров, а также способов их достижения, разработка и практическая реализация которых осуществляется самим местным сообществом и органами самоуправления.

При разработке и практической реализации местной социально-экономической политики необходимо применять программно-целевой подход, который дает возможность достичь поставленных целей, конечных результатов с наименьшими затратами, преодолеть ведомственную разобщенность, объединить интересы.

Главная и конечная цель муниципальной социально-экономической политики — улучшение качества жизни населения, образующего местное сообщество, и увеличение его вклада в развитие всего общества.

Муниципальное образование как субъект управления осуществляет муниципальное хозяйствование, создает и улучшает социальные условия проживания населения, постоянно совершенствуя механизмы управления в соответствии с интересами своих граждан и в зависимости от сложившихся обстоятельств.

Рациональное решение социально-экономических проблем на местном уровне обусловлено, прежде всего, непосредственным взаимодействием органов местного самоуправления с жителями данной территории, выявлением их социального статуса, привлечением местных жителей к поиску путей решения конкретных проблем, учетом инициатив со стороны активистов и реакции жителей на те или иные социально-экономические процессы, происходящие как на государственном, так и на местном уровне. Все вышеперечисленное дает возможность органам местного самоуправления разработать социально-экономическую политику с учетом сложившихся условий и обстоятельств и эффективно ее реализовать.

Для организации функционирования и развития системы жизнеобеспечения территории, социально-экономического планирования и предоставления населению социально-экономических услуг к ведению органов местного самоуправления относятся следующие вопросы местного значения:

— экономическое развитие соответствующей территории;

— управление муниципальной собственностью;

— формирование, утверждение и исполнение местного бюджета;

— содействие охране общественного порядка;

[1] © Нагнойная-Орлова А. П. Текст. 2019.

— создание условий для организации досуга, развития физической культуры и массового спорта;

— организация осуществления мероприятий по работе с детьми и молодежью и другие полномочия.

Частой проблемой социально-экономической политики местного самоуправления является недостаточная материально-финансовая база как основа существования и развития местного самоуправления. Именно от того, насколько развита финансово-материальная база муниципального образования, зависит эффективность решения вопросов местного значения. В связи с этим правовое регулирование экономической основы местного самоуправления является приоритетным в его организации.

Европейская хартия местного самоуправления приводит следующие принципы финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления:

— органы местного самоуправления имеют право получать достаточные собственные финансовые средства, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих функций;

— финансовые средства органов местного самоуправления должны быть соразмерны предоставленным по конституции или закону полномочиям;

— часть финансовых средств органов местного самоуправления должна поступать за счет местных сборов и налогов;

— финансовые системы, на которых основываются средства местных органов самоуправления, должны быть достаточно разнообразными и гибкими, чтобы следовать за изменением расходов, связанных с осуществлением местными органами своих полномочий;

— порядок предоставления перераспределенных средств необходимо должным образом согласовывать с органами местного самоуправления.

Вызывают опасения и существующие механизмы взаимодействия органов местного самоуправления и общественных организаций. Зачастую отсутствует прозрачная четкая и непротиворечивая система правовых регуляторов, которые могут обеспечить процедуру партнерства и сотрудничества.

Совершенствование механизмов взаимодействия между органами местного самоуправления и общественными организациями, а также четкое законодательное обеспечение будут способствовать развитию муниципальных образований.

В Донецкой Народной Республике вопросами социально-экономического развития как на республиканском, так и на местном уровне занимается Департамент стратегического развития экономики Министерства экономического развития ДНР.

Названный департамент осуществляет деятельность, направленную на управление социально-экономическими процессами республики для создания стабильных условий выполнения заданий государственной программы социально-экономического развития.

Основными направлениями в указанной деятельности являются:

— подготовка комплексных прогнозных и информационно-аналитических материалов, осуществление анализа и мониторинга процессов, происходящих в экономике, определение тенденций и приоритетов в развитии экономики;

— разработка системы мониторинга основных социально-экономических показателей развития городов и районов, анализ основных тенденций развития экономической ситуации, складывающихся в экономике административно-территориальных единиц;

— разработка стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики;

— координация разработки стратегий социально-экономического развития административно-территориальных единиц, подготовка и внесение предложений по формированию государственной политики в сфере социально-экономического развития.

Так как ДНР уже более четырех лет находится в нестабильной социально-политической ситуации, основной проблемой в сфере социально-экономической политики является, прежде всего, стабилизация. Дальнейшими шагами в сфере социально-экономической политики, в том числе политики местного самоуправления и развитии муниципальных образований, могут стать принятие в полной мере документов, регулирующих деятельность органов местного самоуправления, и достаточное финансирование экономической и социальной отраслей.

Выводы. Под социально-экономической политикой местного самоуправления понимают систему конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение населения, проживающего на территории данного муниципального образования.

Социально-экономическая политика местного самоуправления дополняет государственную централизованную политику, обеспечивая население социальными услугами на основе принципов адресности, доступности, гуманности, приоритетности, а также развивая отрасли социальной сферы через интересы местного населения.

К особенностям социально-экономической политики Донецкой Народной Республики можно отнести высокую степень нестабильности, а также необходимость окончательного формирования правовой базы социально-экономической политики, в том числе правовой базы политики местного самоуправления в развитии муниципальных образований.

Печенская М. А., к. э. н.
Вологодский научный центр РАН, г. Вологда

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА[1]

В статье дан анализ основных тенденций социально-экономического развития административных центров Северо-Западного федерального округа России. Выявлено, что в 2012–2016 гг. административные центры СЗФО (Архангельск, Великий Новгород, Вологда, Калининград, Мурманск, Псков, Сыктывкар, Петрозаводск) функционировали в условиях падения темпов роста экономики, резкого снижения деловой активности, сужения потребительского рынка, обусловленного сокращением реальной заработной платы при опережающем повышении инфляции.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, административный центр, промышленное производство, инвестиции

В результате проводимых в Российской Федерации реформ в области местного самоуправления и межбюджетных отношений муниципальные образования представляют собой территориально и экономически самостоятельные структурные единицы страны, деятельность которых направлена на выполнение социально-экономических функций. Эффективность экономического развития муниципальных образований является своеобразным индикатором преобразований экономики субъектов Российской Федерации и государства в целом. Особый научный интерес представляет анализ социально-экономических тенденций городских округов Российской Федерации, поскольку именно городские округа являются точками роста, обладают наиболее развитой инфраструктурой и материальной базой для развития территории.

Система муниципальных образований субъектов СЗФО включает в себя 40 городских округов, 159 муниципальных районов и 1497 городских и сельских поселений. В этой системе особое место по своей роли в социально-экономическом развитии занимают городские округа — столицы регионов СЗФО. На начало 2017 г. в них проживало 36 % населения, здесь сосредоточено 30 % промышленного производства, 33 % розничного товарооборота, 27 % прибыли организаций, 23 % капитальных инвестиций, занято 30 % работающих в экономике.

На фоне общего снижения численности населения в регионах СЗФО демографическая ситуация в их административных центрах характеризовалась положительной динамикой, за исключением Мурманска (табл. 1).

Основу экономики городских округов Северо-Запада составляют предприятия обрабатывающей промышленности, за исключением г. Архангельска, являющегося крупным морским портом. Доля обрабатывающих производств в структуре экономики городов варьируется от 40 % в Мурманске до 73 % в Великом Новгороде. Наиболее развитыми отраслями промышленности являются машиностроение, деревообработка, производство пищевых продуктов, строительных материалов.

Важнейшим макроэкономическим индикатором, отражающим уровень деятельности хозяйствующих субъектов, является объем отгруженной продукции собственного производства в расчете на одного жителя города (табл. 2).

Как можно увидеть по данным таблицы 2, лидерами по объему промышленной продукции на душу населения являлись Калининград, Великий Новгород и Сыктывкар, где данный показатель в разы превышал среднее значение по городским округам. В Калининграде это обусловлено высоким уровнем развития промышленного производства[2]. Вологда за весь исследуемый период находилась в середине рейтингового списка. В других городах более 50 % отгруженной продукции приходилось на предприятия экспортоориентированных отраслей (химической — в Великом Новгороде, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной — в Сыктывкаре), в силу чего в 2014–2016 гг. были получены существенные объемы валютной выручки вследствие девальвации рубля. Низкие подушевые показатели в городах-аутсайдерах объясняются тем, что в экономике этих городов превалируют другие виды хозяйственной деятельности: торговля — в Пскове; транспорт — в Архангельске; производство электроэнергии, газа и воды — в Петрозаводске.

Развитие любого городского округа не может быть устойчивым без позитивной динамики инвестиций. По объему инвестиций на одного жителя абсолютным лидером являлся Мурманск, где данный показатель составил в среднем 114 тыс. руб., в два раза превысив средний уровень по городским округам. Еще в двух городах — Великом Новгороде и Калининграде — объем инвестиций сложился выше среднего значения. В остальных городах подушевая обеспеченность капиталовложениями была в разы

[1] © Печенская М. А. Текст. 2019.

[2] Калининград входит в число 25 крупных промышленных центров России.

Таблица 1

Динамика численности населения городских округов СЗФО, чел.

Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г., %
Калининград	433532	441376	448548	453461	459560	467289	107,8
Петрозаводск	265263	268946	272101	275346	277111	278551	105,0
Псков	203974	206154	206730	207571	208145	209840	102,9
Вологда	312419	314939	316614	319408	320605	320702	102,6
Сыктывкар	254489	256077	257921	258708	259406	260448	102,3
Великий Новгород	219947	219925	219971	221954	221868	222594	101,2
Архангельск	355623	358005	357409	358054	358315	358594	100,8
Мурманск	305034	302468	299148	305236	301572	298096	97,7
Итого по ГО	2350281	2367890	2378442	2399738	2406582	2416114	102,8
СЗФО*, тыс. чел.	6931	6895	6862	6833	6805	6782	97,8

* Здесь и далее в целях более объективной сопоставимости данные приводятся без города федерального значения Санкт-Петербурга и Ленинградской области, органы власти которой находятся в Санкт-Петербурге.

Источник: рассчитано автором по отчетности Федерального казначейства России и Федеральной службы государственной статистики, [1].

Таблица 2

Объем товаров, отгруженных обрабатывающими производствами, тыс. руб. на душу населения

Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г., %
Калининград	468	542	556	566	409	448	498
Великий Новгород	291	307	308	357	465	440	361
Сыктывкар	176	181	194	214	271	305	223
Мурманск	90	102	114	147	191	199	140
Вологда	90	103	107	106	116	150	112
Псков	74	81	96	79	89	96	86
Архангельск	44	43	35	35	40	47	41
Петрозаводск	30	28	31	38	41	50	36
В среднем по ГО	173	193	200	212	208	225	202
В среднем по СЗФО	178	191	213	223	257	258	220

Источник: рассчитано автором по отчетности Федерального казначейства России и Федеральной службы государственной статистики, [2].

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. на душу населения

Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	В среднем за 2011–2016 гг.
Мурманск	64	64	91	144	179	142	114
Великий Новгород	47	77	95	96	96	96	85
Калининград	74	51	50	75	82	91	70
Архангельск	50	49	40	43	38	47	45
Сыктывкар	37	39	48	48	38	43	42
Петрозаводск	33	40	35	34	35	44	37
Вологда	41	36	32	38	29	39	36
Псков	39	36	29	33	30	37	34
В среднем по ГО	51	49	52	65	67	69	59
В среднем по СЗФО	89	108	91	101	90	108	98

Источник: рассчитано автором по отчетности Федерального казначейства России и Федеральной службы государственной статистики, [3].

ниже и варьировалась в диапазоне 34–45 тыс. руб. В Вологде ее значение за 2011–2016 гг. не превышало 41 тыс. руб. (табл. 3).

Если в 2011–2013 гг. динамика потребительского рынка городских округов в целом была повышающейся, то в 2014–2016 гг. падение денежных доходов населения и высокая потребительская инфляция сдержали товарооборот. В Вологде, Архангельске и Мурманске даже наблюдалось падение темпов роста розничной торговли до 4 % (табл. 4).

В целом результаты анализа динамики основных социально-экономических показателей городских округов Северо-Запада за 2011–2016 гг. позволили выделить следующие тенденции:

— постепенное улучшение демографической ситуации, опирающееся преимущественно на миграционный прирост;

— разнонаправленная динамика промышленного производства — рост в городах с экспортоориентированными отраслями и падение в городах с ориентацией производства на внутреннее потребление;

Таблица 4

Индекс физического объема оборота розничной торговли, % к предыдущему году

Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	В среднем за 2011–2013 гг.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	В среднем за 2014–2016 гг.	2016 г. к 2011 г., %
Сыктывкар	110,1	105,6	107,6	107,8	108,5	107,0	102,0	105,8	134,6
Псков	129,0	120,1	100,1	116,4	108,2	92,7	102,4	101,1	123,5
Петрозаводск	106,3	121,1	99,6	109,0	112,2	86,8	104,1	101,0	122,3
Великий Новгород	107,5	109,7	105,1	107,4	107,2	96,4	99,7	101,1	118,8
Калининград	102,6	109,2	95,4	102,4	98,2	105,8	108,4	104,1	117,3
Вологда	109,3	128,9	101,4	113,2	102,0	89,8	94,1	95,3	112,7
Архангельск	118,7	112,1	100,9	110,6	97,5	92,5	109,1	99,7	111,3
Мурманск	112,8	121,7	100,9	111,8	101,2	79,5	107,3	96,0	106,0
В среднем по ГО	112,0	116,0	101,4	109,8	104,4	93,8	103,4	100,5	119,1
В среднем по СЗФО	106,3	108,2	103,3	105,9	102,5	89,9	95,1	95,8	97,9

Источник: рассчитано автором по отчетности Федерального казначейства России и Федеральной службы государственной статистики, [4].

— сужение потребительского рынка, обусловленное падением реальной заработной платы при опережающем повышении инфляции;

— снижение мотивации предпринимательства к инвестированию в основной капитал, определенное растущей инфляцией, удорожанием кредитных ресурсов и девальвацией национальной валюты.

Список источников

1. *Полтерович В. М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3. — С. 24–50.

2. *Поварова А. И.* Бюджетная обеспеченность муниципальных образований Вологодской области: состояние, проблемы, пути повышения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2010. — № 1 (9).

3. *Бухвальд Е. М.*, *Печенская М. А.* О бюджетных ограничениях муниципального стратегического планирования // Самоуправление. — 2016. — № 9. — С. 16–19.

4. *Валентей С. Д.*, *Глигич-Золотарёва М. В.*, *Лыкова Л. Н.* Старые и новые проблемы российского федерализма // Федерализм. — 2012. — № 4. — С. 7–38.

Россошанский А. И., к. э. н., Белехова Г. В.
Вологодский научный центр РАН, г. Вологда

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА[1]

В статье представлены краткие результаты разработки и первичной апробации методики оценки финансовой грамотности населения на примере регионов Северо-Западного федерального округа. Методика позволяет определить то, насколько хорошо человек знает, понимает и применяет финансовую информацию с учетом мотивационно-ценностных аспектов.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовые знания, финансовые навыки, установки, методика оценки

Тенденции последних лет свидетельствуют о перманентном снижении реальных располагаемых доходов граждан, несмотря на многочисленные попытки органов власти повысить уровень жизни отдельных категорий населения и социальных групп. В исследованиях зарубежных и отечественных ученых показывается, что обеспечение роста материального благосостояния во многом зависит от уровня финансовой грамотности населения, его готовности осуществлять обдуманные и заранее запланированные решения, которые связаны с управлением личными финансами. Важность решения задачи по формированию финансово грамотного поведения населения в настоящее время выступает одним из необходимых условий материального благополучия домохозяйств и обеспечения устойчивого развития экономики.

Целью настоящего исследования явилась разработка и апробация методики оценки финансовой грамотности, основанной на одноименной авторской концепции, описанной в работе [2]. Ключевая идея авторской концепции состоит в том, что финансовая грамотность характеризует уровень знаний и понимания населением финансовой информации, навыки и умения населения в части управления денежными средствами и другими финансовыми ресурсами с учетом мотивационно-ценностных аспектов. Таким образом, финансовая грамотность операционализируется через финансовые знания и финансовые навыки.

Информационную базу исследования составили данные социологического опроса «Финансовая грамотность», проведенного ФГБУН «ВолНЦ РАН» на территории 4 регионов СЗФО в 2018 году. Общий объем выборки составил 2000 человек в возрасте от 18 лет и старше. Опросы проводились в Калининградской, Псковской, Архангельской и Вологодской областях. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты и города); половозрастной структуры взрослого населения.

В рамках авторской концепции под финансовой грамотностью понимается способность человека, предполагающая сочетание знаний, навыков и установок, а также информированности, ответственности и отношения, которая помогает ему принимать обоснованные финансовые решения для обеспечения собственного материального благосостояния [2]. Используемое определение отражает в себе подход к пониманию финансовой грамотности населения, разработанный специалистами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

За основу методики оценки финансовой грамотности населения был взят инструментарий, разработанный и применяемый ОЭСР [1]. Предметные области финансовой грамотности отобраны на основании предложенной Министерством финансов РФ рамки финансовой компетентности взрослого населения [3]: доходы и расходы; семейный бюджет и финансовое планирование; сбережения и вклады; кредитование; инвестирование и налоги; страхование и пенсии; риски и финансовая безопасность; защита прав потребителей.

Расчеты выполняются в несколько этапов. На первом этапе проводится унификация шкал отобранных вопросов, отражающих уровень финансовых знаний и умений по отобранным предметным областям. Анкета социологического опроса состоит из открытых и закрытых вопросов, порядковых и интервальных шкал и качественных вопросов, которые позволяют установить степень согласия респондента с предложенными утверждениями или наличие опыта по тем или иным финансовым практикам. Если респондент обладает необходимыми знаниями или навыками, ему присваивается один балл, в случае их отсутствия — ноль баллов. В итоге отдельно по знаниям и навыкам в соответствии с предметными областями каждый респондент может набрать от 0 до 33 баллов. Далее рассчитывается численная оценка уровня финансовой грамотности в виде индекса в интервале от 0 до 1, который

[1] © Россошанский А. И., Белехова Г. В. Текст 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 18–010–00919 «Повышение финансовой грамотности как фактор снижения социально-экономических рисков для населения».

Таблица 1

Оценка финансовой грамотности населения в разрезе регионов СЗФО

Регион	Доходы и расходы	Семейный бюджет и финансовое планирование	Сбережения и вклады	Кредитование	Инвестирование и налоги	Страхование и пенсии	Риски и финансовая безопасность	Защита прав потребителей	Индекс финансовой грамотности
Вологодская обл.	0,411	0,485	0,407	0,394	0,482	0,261	0,337	0,243	0,376
Калининградская обл.	0,445	0,502	0,499	0,467	0,454	0,228	0,420	0,258	0,407
Псковская обл.	0,446	0,488	0,408	0,458	0,458	0,288	0,350	0,234	0,389
Архангельская обл.	0,449	0,544	0,513	0,493	0,504	0,320	0,415	0,203	0,434
Всего	0,432	0,500	0,447	0,441	0,476	0,272	0,372	0,236	0,396

Источник: социологический опрос «Финансовая грамотность»; ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год.

Таблица 2

Оценка финансовой грамотности населения в возрастном разрезе

Возраст	Доходы и расходы	Семейный бюджет и финансовое планирование	Сбережения и вклады	Кредитование	Инвестирование и налоги	Страхование и пенсии	Риски и финансовая безопасность	Защита прав потребителей	Индекс финансовой грамотности
До 30 лет	0,449	0,477	0,403	0,427	0,453	0,249	0,389	0,206	0,383
От 30 до 55 (60) лет	0,424	0,511	0,467	0,486	0,493	0,301	0,409	0,247	0,420
Старше 55 (60) лет	0,436	0,497	0,440	0,381	0,462	0,238	0,306	0,235	0,368
Всего	0,432	0,500	0,447	0,441	0,476	0,272	0,372	0,236	0,396

Источник: социологический опрос «Финансовая грамотность»; ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год.

определяется отношением фактического числа баллов к максимально возможному. Полученный индекс финансовой грамотности интерпретируется следующим образом: чем ближе значение индекса к единице, тем, при прочих равных условиях, выше уровень финансовой грамотности у респондента, и наоборот.

Полных аналогов разработанной авторами методики нет, материалы указанных источников были проанализированы и частично использованы. Компоновка вопросов для измерения знаний и навыков в каждой предметной области и определения сводного индекса, характеризующего уровень финансовой грамотности населения, являются оригинальными.

Расчеты по предложенной методике показали, что среди исследуемых регионов СЗФО наибольший уровень финансовой грамотности населения наблюдается в Архангельской области, далее идут Калининградская, Псковская и Вологодская области (табл. 1). Лидирующее положение первых двух регионов вполне объяснимо, поскольку они являются пилотными площадками[2] для реализации региональных программ по повышению финансовой грамотности, реализуемых по инициативе и при поддержке Минфина России и Всемирного банка в рамках проекта «Банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». В частности, в данных регионах население более информировано о важности и необходимости ведения семейного бюджета и финансового планирования, о возможных финансовых рисках и правилах финансовой безопасности.

В возрастном разрезе уровень финансовой грамотности также имеет свои различия (табл. 2).

Согласно результатам опроса именно население в возрасте от 30 до 55 (60) лет является, относительно других возрастных групп, наиболее финансово грамотным. Причиной этому служат как более высокие знания и навыки в решении финансовых вопросов в отличие от молодежи, так и большая мобильность и динамичность, которой во многом лишены представители старших возрастов [4].

Оценка финансовой грамотности в группах населения с различным уровнем образования позволила выявить отчетливую положительную зависимость (табл. 3). Уровень финансовой грамотности у групп с послевузовским образованием является самым высоким. Представители данной группы набрали наибольшее количество баллов как по знаниям, так и по навыкам в рамках рассматриваемых предметных областей.

Положительная связь прослеживается между уровнем финансовой грамотности и уровнем доходов (табл. 4). Так, финансовые знания и навыки по всем предметным областям значительно выше именно

[2] Калининградская область стала пилотным регионом в самом начале проекта, в 2011 г.; Архангельская область присоединилась к проекту в 2013 г.

Таблица 3

Оценка финансовой грамотности населения в зависимости от уровня образования

Уровень образования	Доходы и расходы	Семейный бюджет и финансовое планирование	Сбережения и вклады	Кредитование	Инвестирование и налоги	Страхование и пенсии	Риски и финансовая безопасность	Защита прав потребителей	Индекс финансовой грамотности
Неполное среднее	0,411	0,444	0,362	0,344	0,407	0,225	0,267	0,199	0,327
Средняя школа	0,426	0,443	0,391	0,405	0,441	0,230	0,319	0,234	0,357
Среднее специальное образование	0,426	0,479	0,417	0,428	0,479	0,256	0,349	0,235	0,383
Незаконченное высшее	0,380	0,526	0,450	0,436	0,438	0,303	0,423	0,200	0,402
Высшее	0,456	0,568	0,531	0,495	0,509	0,321	0,442	0,250	0,449
Послевузовское	0,469	0,606	0,667	0,613	0,575	0,344	0,557	0,313	0,523
Всего	0,432	0,500	0,447	0,441	0,476	0,272	0,372	0,236	0,397

Источник: социологический опрос «Финансовая грамотность»; ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год.

Таблица 4

Оценка финансовой грамотности населения в зависимости от уровня доходов

Доходные группы	Доходы и расходы	Семейный бюджет и финансовое планирование	Сбережения и вклады	Кредитование	Инвестирование и налоги	Страхование и пенсии	Риски и финансовая безопасность	Защита прав потребителей	Индекс финансовой грамотности
20 % наименее обеспеченных	0,426	0,428	0,366	0,406	0,473	0,240	0,335	0,206	0,359
60 % среднеобеспеченных	0,407	0,482	0,435	0,437	0,474	0,280	0,359	0,240	0,389
20 % наиболее обеспеченных	0,500	0,612	0,529	0,488	0,489	0,287	0,429	0,265	0,448
Всего	0,430	0,497	0,440	0,441	0,477	0,273	0,368	0,238	0,395

Источник: социологический опрос «Финансовая грамотность»; ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год.

среди населения, относящегося к 20 % с наибольшими располагаемыми доходами. Стоит отметить, что высокое материальное благосостояние накладывает сильный отпечаток на уровень финансовой грамотности, определяемый не только большими возможностями в части распоряжения собственными ресурсами, но и более высокими требованиями при выборе определенной финансовой услуги.

Обобщая вышесказанное, отметим, что предлагаемая методика оценки финансовой грамотности направлена на решение комплекса задач, к которым относятся: выявление ключевых «проблемных зон» финансовой грамотности; определение целевых групп, на которые могут быть направлены эффективные программы финансового образования и целевые мероприятия; определение предпочтительных форм и способов предоставления информации по интересующим темам с целью повышения финансовой грамотности населения; изучение особенностей финансовой грамотности в разрезе социально-демографических групп населения. На данном этапе ставилась задача разработки и апробации методики оценки финансовой грамотности, позволяющей расширить инструментарий изучения финансового поведения. Первичная апробация методики позволила выявить как ряд отличительных, так и общих особенностей финансовой грамотности населения.

Список источников

1. *Atkinson A.*, *Messy F.* Measuring Financial Literacy: Results of the OECD / International Network on Financial Education (INFE) Pilot Study / OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions No. 15. — OECD Publishing, Paris, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1787/5k9csfs90fr4-en.

2. *Белехова Г. В.*, *Калачикова О. Н.* «Век живи — век учись»: концептуальный дискурс о финансовой грамотности населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. –2018. — Т. 11. — № 6. — С. 143–162. — DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.9.

3. Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Том 1. 2011–2015 / Справочно-информационное издание. Минфин России. — 2016. — С. 75–76 [Электронный ресурс]. URL: http://вашифинансы.рф/upload/medialibrary/Obzor_O_proekte.pdf.

4. *Шабунова А. А.*, *Россошанский А. И.* Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. — 2018. — № 3 (95). — С. 7–19. — DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.1.

Фурсенко Н. О.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕГИОНОВ РФ [1]

В работе сделана оценка диверсификации экономики регионов РФ по трем аспектам экономики: производство, занятость, обрабатывающая промышленность. Проанализирована динамика структурных изменений региона. Регионы демонстрируют разные направления изменений в экономической структуре по разным аспектам. Выявлены регионы, в которых за последние годы произошли заметные структурные сдвиги одновременно по нескольким параметрам.

Ключевые слова: диверсификация региональной экономики, динамика экономической диверсификации

Диверсификация экономики, являясь целью промышленной политики многих регионов России, представляет интерес как сама по себе, так и вследствие ее ожидаемого влияния на экономический прогресс. Считается, что она не только снижает зависимость от доминирующего сектора экономики, как правило сырьевого, но и повышает эффективность, конкурентоспособность регионов на внутреннем и мировом рынке, расширяет возможности для роста и снижает флуктуационные риски рынка.

Разные исследователи в теории и на практике подтверждают связь экономической диверсификации и развития экономики. Однако ввиду сложности и многоаспектности самого понятия, а также отсутствия единого подхода к его измерению, существует большой пласт еще неразрешенных вопросов, связанных с оценкой состояния и динамики структуры экономики и оценкой результативности промышленной политики в отношении диверсификации.

Мы предполагаем, что специфика региона, его исходное состояние и его стратегические цели во многом определяют выбор подхода к оценке диверсификации экономики. Анализ динамики диверсификации регионов позволит выявить особенности изменения структуры экономики в разных регионах, что позволит описать основные направления изменения структуры экономики за последние годы.

Целью статьи является оценка состояния и динамики диверсификации экономики регионов РФ с точки зрения нескольких аспектов за 2009–2016 гг. и выявление закономерностей их развития.

Оценке экономической диверсификации и ее динамике в разных городах, регионах и странах посвящено множество отечественных и зарубежных работ. Кроме того, исследователи осуществляют оценку с разными целями, они зачастую опираются на различные методики и теоретические предпосылки, а также применяют разные типы данных. Вследствие этого некоторые результаты не подтверждали, а скорее противоречили другим. Более подробный обзор состояния исследования можно увидеть, например, в работе Kaulich [1].

Работы, которые так или иначе анализируют структуру экономики российских регионов, публикуются каждый год. В нашей работе [2] были проанализированы 12 таких недавних исследований и сделана попытка сопоставить их результаты. Результаты тех работ, которые проводили типологизацию регионов по уровню их диверсификации и его динамике, показали мало совпадений.

Был сделан вывод, что результаты в значительной степени зависят от набора показателей, используемого каждым исследователем. С точки зрения разных подходов регион показывает разную динамику и состояние структуры экономики. Все исследователи использовали разные наборы показателей и данных, оценивали разные аспекты экономики: экспорт, валовую добавленную стоимость (ВДС) и занятость.

Наиболее интересны работы, анализирующие структуру экономики не только по одному аспекту, а по нескольким одновременно, например [3,4], а также оценивающие изменение структуры во времени, например [5,6]. Большая часть эмпирических исследований региональной диверсификации посвящена динамике структуры экспорта. Исследователи [7–9] используют декомпозицию экспорта на интенсивный и экстенсивный прирост и применяют индекс экономической сложности (*ECI*), учитывая «сложность» товаров, а также сравнительные преимущества экономик, показатели близости товаров, показатели экспортного потенциала. Работа [7] выделяется качественной обработкой таможенных данных по фактическому месту размещения производства и позицией, что российские регионы выступают отдельными единицами в международном экономическом пространстве, а не только в национальной экономике.

Мы провели оценку уровня диверсификации экономики регионов РФ на основе обратного значения известного индекса Херфиндаля — Хиршмана (*HHI*). Для оценки мы взяли три характеристики: отгруженной продукции обрабатывающей промышленности, величины занятости и величины валовой добавленной стоимости (ВДС) за период с 2009 по 2016 год. Также мы оценивали уровень диверсификации экономики по доле обрабатывающей промышленности в ВДС региона.

[1] © Фурсенко Н. О. Текст. 2019.

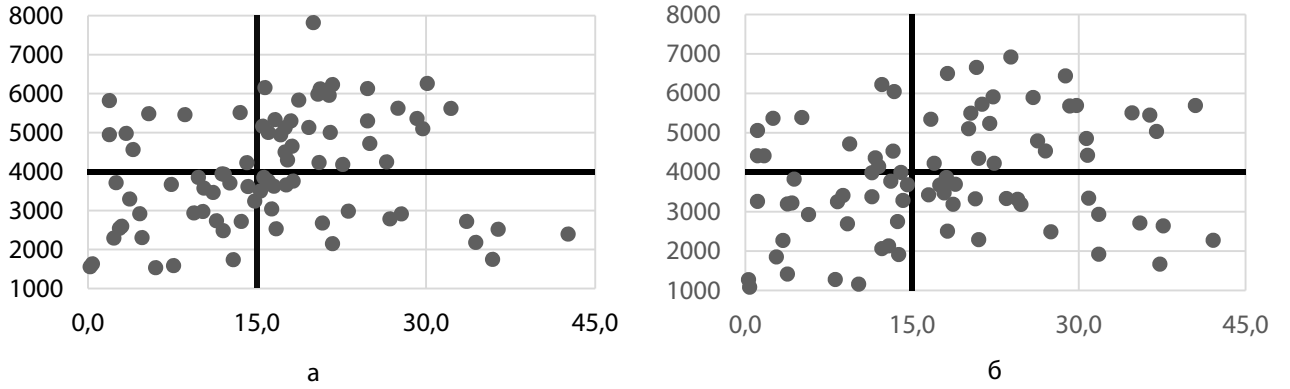


Рис 1. *Диверсификация обрабатывающей промышленности регионов РФ: а — 2009 г., б — 2016 г.*

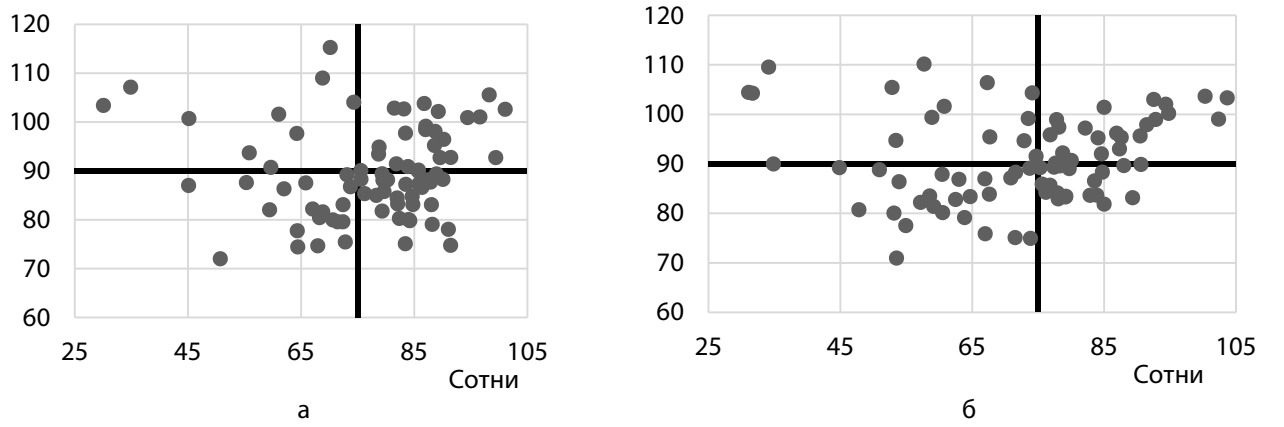


Рис. 2. *Диверсификация ВДС и занятости регионов РФ: а — 2009 г., б — 2016 г.*

$$Diversification\ \ Index = DI_J = \frac{1}{HHI} = \frac{1}{\sum_{i=1}^{n}\left(S_{ij}\right)^2} \quad (1)$$

где S_{ij} — доля i-го вида деятельности или отрасли в экономике региона j; n — количество видов деятельности/отраслей в экономике региона; $i = 1, 2, \ldots, n$. В приведенных ниже расчетах $n = 10$ для обрабатывающих производств, $n = 15$ для показателей численности занятых и ВДС. *DI* принимает значение от 0 до ∞. Чем выше этот показатель, тем более равномерно распределена экономическая активность по видам деятельности и тем выше диверсификация. При низком *DI* диверсификация экономики считается низкой. Для удобства и наглядности анализа мы умножили полученные результаты на 103.

Процессы диверсификации, как и любые структурные сдвиги, осуществляются в течение длительного периода. Для того, чтобы оценить динамику структурных изменений, мы рассчитали темпы прироста по выбранным показателям за период 2009–2016 гг., который охватывает посткризисное восстановление и активизацию промышленной политики

Во всех расчетах использовались данные Федеральной службы государственной статистики [2]

Развитие обрабатывающей промышленности региона считается одним из показателей роста диверсификации экономики. На рисунке 1 показаны уровни диверсификации регионов по двум показателям: доле обрабатывающей промышленности в валовом региональном продукте (ВРП) — по горизонтали и диверсификации внутри нее — по вертикали.

Мы условно разбили все регионы на 4 группы (4 квадранта на графике) по степени диверсификации (высокая, низкая) по обоим параметрам. Можно увидеть, что:

1) Регионы распределены по всем 4 квадрантам. Хотя и наблюдается большее скопление регионов в областях с высокими показателями по обоим параметрам и низкими показателями по обоим параметрам, нет прямой связи между долей, которую занимает обрабатывающая отрасль в регионе, и диверсификацией внутри нее.

2) В динамике же не наблюдается какого-то единого направления изменения диверсификации, наоборот, за 7 лет каждый регион двигался своим путем.

На рисунке 2 представлено аналогичное сопоставление диверсификации ВДС (по горизонтали) и занятости (по вертикали). Этот анализ показал похожие тенденции, однако в динамике наиболее часто проявляется снижение диверсификации ВДС и рост диверсификации занятости.

[2] См.: http://www.gks.ru.

Таблица 1

Изменение диверсификации обрабатывающей промышленности за 2009–2016 гг.

			Доля обрабатывающей промышленности			
			Рост		Падение	
			большой	средний	среднее	большое
Диверсификация обрабатывающей промышленности	Рост	большой	Коми	Алтай Башкортостан	Курская обл. Владимирская обл.	Камчатский кр. Хабаровский кр. Ингушетия
		средний	Карачаево-Черкесия	Дагестан Свердловская обл. Нижегородская обл	Ставропольский кр. Смоленская обл.	Кабардино-Балкария Тамбовская обл. Мордовия
	Падение	среднее	Новосибирская обл.	Северная Осетия — Алания		
		большое	г. Санкт-Петербург Тыва	Магаданская обл.	Калмыкия Томская обл. Сахалинская обл	Амурская о.

Таблица 2

Изменение диверсификации ВДС и занятости за 2009–2016 гг.

			Диверсификация занятости			
			Рост		Падение	
			большой	средний	среднее	большое
Диверсификация ВДС	Рост	большой	Псковская обл.		Чечня	
		средний			Ингушетия	
	Падение	среднее	Карачаево-Черкесия Курская обл.			
		большое	Калмыкия Марий Эл	Ульяновская обл.	Чукотский АО	

В целом анализ показателей диверсификации за 2009–2016 гг. показывает разный уровень диверсификации и направленность процессов изменения структуры ВДС, занятости, обрабатывающей промышленности и ее доли в ВРП.

На основе анализа были выявлены регионы, продемонстрировавшие высокие темпы изменения структуры экономики по обоим показателям. В таблице 1 показаны результаты анализа диверсификации обрабатывающей промышленности.

В таблице 2 показаны результаты анализа диверсификации валовой добавленной стоимости и занятости.

Максимальную динамику демонстрируют регионы как с высоким исходным уровнем диверсификации, так и с низким. Вероятно, другие факторы оказывают большее влияние на структурные изменения. Изучение этих факторов может стать актуальной задачей дальнейших исследований и быть полезно при разработке промышленных стратегий регионов и оценке их эффективности.

Список источников

1. *Kaulich F.* Diversification vs. specialization as alternative strategies for economic development: Can we settle a debate by looking at the empirical evidence? — 2012.

2. *Фурсенко Н. О.* Проблемы измерения диверсификации региональной экономики // Мир экономики и управления. — 2018. — Т. 18. — № 3. — С. 126–139.

3. *Volchkova N.* Russian regions and Russian firms: output and export diversification Centre for Economic and Financial Research. — 2011. — 30 p.

4. *Кравченко Н. А.* Оценки диверсификации региональной экономики (на примере субъектов Сибирского федерального округа) // Регион: экономика и социология. — 2015. — № 4. — С. 65–89.

5. *Антонюк В. С.*, *Капкаева Э. Р.* Инициация структурных сдвигов как элемент региональной отраслевой политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2010. — №. 20 (196). — С. 4–13.

6. *Михеева Н. Н.*, Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: экономика и социология. — 2016. — № 4. — С. 196–217.

7. *Любимов И. Л.*, *Гвоздева М. А.*, *Казакова М. В.*, *Нестерова К. В.* Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах //Журнал Новой экономической ассоциации. — 2017. — № 2 (34). — С. 94–22.

8. *Farra F.*, *Klos N.*, *Schober U.*, *Sigalova O.*, *Zhukov A.* Improving Regional Performance in Russia: A Capability-Based Approach. EBRD Working Paper. — 2013. — No. 155. — 46 c.

9. *Кадочников С. М.*, *Федюнина А. А.* Динамика экспортной диверсификации в условиях экономического роста: эмпирический анализ для российских регионов 2003– 2010 гг. // Вестник Уральского федерального университета. Экономика и управление. — 2013. — № 5. — С. 73–89.

Хлыстова М. К.

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ [1]

В данной работе исследуется вопрос о взаимосвязи качества образования и уровня экономического развития регионов России, а именно, какое влияние оказывает доля занятых с различным уровнем образования на показатель валового регионального продукта в 77 регионах Российской Федерации в период с 2005 по 2016 гг. В ходе исследования частично подтвердилась гипотеза о том, что распространение высшего образования оказывает большее положительное влияние на экономически более развитые регионы.

Ключевые слова: региональная экономика, образование, охват образованием, валовой региональный продукт

В современных условиях образование является и семенем, и цветком экономического развития. Можно привести в пример как минимум два механизма, опираясь на которые образование оказывает влияние на экономическое развитие. Во-первых, согласно неоклассической модели роста, образованное население формирует человеческий капитал, тем самым повышается производительность труда [1]. Во-вторых, согласно теории эндогенного роста, образование повышает инновационный потенциал экономики и способствует передаче знаний, а последующий научно-технический прогресс способствует экономическому росту [2, 3].

Стандартный подход к оценке влияния образования на экономическое развитие в предыдущих исследованиях заключался в построении межстрановых регрессий, в которых в качестве объясняемой переменной выступал либо показатель реального ВВП на душу населения, либо средние индивидуальные доходы населения. В качестве объясняющих переменных в модели включались факторы, характеризующие образование, и переменные, считающиеся существенными для экономического роста. В ранних исследованиях в качестве переменных, характеризующих человеческий капитал в экономике, использовались показатели грамотности взрослого населения или степени охвата школьным образованием [4, 5]. Авторы этих исследований обнаруживали значимую положительную связь между количественными показателями обучения и экономическим ростом. Однако важно признать, что один год обучения не увеличивает человеческий капитал в равной степени, независимо от качества системы образования, в которой он проходит. Очевидно, что средний учащийся в школе Ганы или Камбоджи не получит тот же самый объем знаний на любом году обучения, что и средний учащийся в школе Швейцарии или Норвегии. Аналогично странам разнородны и регионы Российской Федерации.

Большой шаг в развитии данного направления исследований сделали E.A. Hanushek и D.D. Kimko [6]. Ими был построен показатель качества, основанный на результатах международных тестов по математике и естественным наукам, который измеряет когнитивные навыки учащихся в ряде стран, в которых эти тесты проводились. Процедура перемасштабирования обеспечила сопоставимость различных международных тестов, а стандартизованные результаты можно было использовать как характеристику качества образования. При учете данного показателя качества образования в модели экономического роста резко возрастает доля дисперсии уровня экономического развития между странами, объясняемая за счет различий в человеческом капитале [7]. Хорошим показателем служит тот факт, что результаты действительны и устойчивы для взаимоисключающих периодов времени: 1960–1980 и 1980–2000 гг. На последний приходится валютный азиатский кризис — потрясение, которое могло сказаться на влиянии качества образования на экономический рост, но этого не произошло.

В реалиях ограниченной доступности баз данных очень сложно собрать данные средних результатов итоговых государственных экзаменов в учебных заведениях регионов РФ. Поэтому в качестве совокупных переменных, отражающих роль и положение конкретной ступени образования в регионах с разным уровнем ВРП на душу населения, были выбраны показатели доли занятых, имеющих высшее/среднее профессиональное образование, в общем числе занятого населения. Выбор этих показателей даст возможность наглядно сопоставить разницу между влиянием показателей, характеризующих результаты функционирования системы образования, на уровень экономического развития региона. Целью исследования является сравнение влияния степени охвата населения разными ступенями профессионального образования на уровень социально-экономического положения регионов Российской Федерации.

Наше исследование исходит из предположения о том, что эффективность той или иной ступени образования проявляется в положительной и сильной корреляции между степенью охвата занятого населения образованием и показателем ВРП на душу населения в регионе. Перед началом исследования были выдвинута гипотеза о том, что охват населения высшим образованием оказывает большее

[1] © Хлыстова М. К. Текст. 2019.

влияние на более развитые регионы страны, в то время как охват населения средним образованием оказывает более сильное положительное влияние на регионы с низким показателем ВРП.

В основе проводимого нами исследования лежит эконометрический анализ панельных данных, то есть применение статистических методов оценивания взаимосвязей между различными переменными. Эконометрическое исследование представляет собой построение функции зависимой переменной от ряда факторов.

Исследование проводилось по данным за период с 2005 по 2016 гг. по 77 регионам Российской Федерации. В выборку не вошли Республика Крым и г. Севастополь как субъекты, вошедшие в состав РФ в 2014 году, данные для которых имеются только за 3 рассматриваемых в данном исследовании года; Ненецкий и Чукотские автономные округа как малонаселенные субъекты, не имеющие на своей территории собственных образовательных учреждений; ХМАО и ЯНАО как субъекты, расположенные на территории Тюменской области. Данные для исследования были взяты из ежегодного сборника «Регионы России. Социально экономические показатели», публикуемого Федеральной службой государственной статистики.

В качестве объясняющей переменной в модели выступает *grp* — ВРП на душу населения (в фактически действовавших ценах, руб.) как совокупный показатель, определяющий уровень экономического развития и рост экономики региона.

В качестве объясняющих факторов в модель входят:

а) Контрольные переменные для ВРП на душу населения:

— *cost* — доля расходов консолидированных бюджетов на образование в ВРП (%) — относительный показатель;

— *inv* — инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах, руб.);

— *un* — уровень безработицы (%);

— *ipp* –индекс промышленного производства (в % к предыдущему году);

— *f* — отношение стоимости основных фондов к ВРП (%);

— *wm* — число женщин на 1000 мужчин;

б) Переменные, характеризующие степень охвата населения разными ступенями образования:

— *vzan* — доля занятых, имеющих высшее образование, в общем числе занятых (%);

— *szan* — доля занятых, имеющих среднее образование, в общем числе занятых (%).

Для учета неоднородности в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации была проведена кластеризация на основе критерия среднего уровня ВРП на душу населения за рассматриваемый период. В результате каждый из регионов был отнесен к одному из пяти кластеров, относительно однородных между собой. Затем для каждого кластера была построена и оценена модель следующего вида:

$$\text{ВРП}_i = a + b_i * [\text{контрольные переменные}]' + c_1 * \text{доля_занятых_имеющих_высшее_образование} + \\ + c_2 * \text{доля_занятых_имеющих_среднее_профессиональное _образование} + e_i.$$

Для избежания возможной асимметрии данных и для удобства интерпретации были прологарифмированы переменные *grp*, *inv*, *wm*.

Результаты оценивания коэффициентов построенных моделей представлены в таблице. Стоит отметить, что в кластер 5 вошли только 2 субъекта Российской Федерации — Тюменская область и Сахалинская область. Вследствие слишком малого числа наблюдений нельзя адекватно оценить зависимость между объясняемой переменной и факторами. Однако и отнести эти субъекты к кластеру 4 нельзя, так как максимальное значение среднего ВРП на душу населения у региона кластера 4 более чем в 2 раза меньше, чем минимальное значение среднего ВРП на душу населения региона кластера 5. Такой выброс можно объяснить тем, что Тюменская и Сахалинская области являются лидерами по добыче нефти и газа, улову рыбы и морепродуктов, а территория регионов отличается одновременно низкой плотностью населения и высоким процентом урбанизации.

Для остальных регионов наблюдается прямая зависимость между показателем ВРП на душу населения и долей занятых, имеющих высшее образования, и обратная зависимость между показателем ВРП на душу населения и долей занятых, имеющих среднее профессиональное образование. Однако максимальное значение коэффициента при переменной *vzan* наблюдается в модели для кластера 2, а для регионов всех кластеров, кроме кластера 1, показатель *szan* оказался незначимым.

Не значимость (как минимум на 10 % уровне значимости) охвата занятого населения средним профессиональным образованием объясняется тем, что в экономически развитых регионах активно развиваются наукоемкие отрасли, требующие высококвалифицированных специалистов, и сфера услуг. Сфера производства статична, что находит отражение в том, что вклад в ВРП работников со средним профессиональным образованием отходит на второй план. Если все же обратить внимание на силу взаимосвязи переменной *lgrp* с фактором *szan*, то связь отрицательная, влияние фактора на объясняемую

Таблица

Результаты оценивания моделей для разных кластеров

Кластер 1.		**Кластер 2.**		**Кластер 3.**		**Кластер 4.**	
lgrp	*Coefficient*	*lgrp*	*Coefficient*	*lgrp*	*Coefficient*	*lgrp*	*Coefficient*
linv	0,5547***	*linv*	0,5768***	*linv*	0,5812***	*linv*	0,5630***
un	–0,0130***	*un*	–0,0182**	*un*	–0,0308***	*un*	–0,0223**
f	–0,2022***	*f*	–0,1050***	*sal*	–0,0143***	*sal*	–0,0135***
sal	–0,0115***	*sal*	–0,0106***	*lwm*	–5,5557***	*lwm*	–1,4272***
vzan	0,0079***	*vzan*	0,0271***	*vzan*	0,0165***	*vzan*	0,0151***
szan	–0,0092***	*szan*	–0,0042	*szan*	–0,0029	*szan*	–0,0022
cons	7,8433***	*lwm*	–1,9352**	*cons*	46,5429***	*cons*	17,4817***
		cons	20,19***				

*** — значимость на 1 % уровне, ** — значимость на 5 % уровне, * — значимость на 10 % уровне.

переменную уменьшается при переходе к кластеру, включающему регионы с более высоким уровнем экономического развития.

Наибольшее положительное влияние увеличение доли занятых, имеющих высшее образование, оказывает на ВРП на душу населения регионов преимущественно Приволжского и Центрального федеральных округов, входящих в кластер 2. Это регионы со средним по стране значением уровня экономического развития за рассматриваемый период. Полученный результат объясним теорией предельной полезности. При достижении определенного уровня предельная полезность вклада каждого отдельного специалиста с высшим образованием в ВРП региона начинает снижаться.

После анализа полученных результатов можно сделать вывод, что выдвинутая в начале исследования гипотеза подтвердилась лишь частично. Охват занятого населения высшим образованием оказывает значимое положительное влияние на экономически развитые регионы, в то время как охват занятого населения средним профессиональным образованием оказывает значимое влияние только на регионы, занимающие низший уровень социально-экономического положения, при этом влияние отрицательное. Кроме этого, осталось множество неизученных и незатронутых аспектов, побуждающих продолжить исследование.

Список источников

1. Mankiw N. Gregory, David Romer, David Weil. A contribution to the empirics of economic growth // Quarterly Journal of Economics. — 1992. — Vol. 107. — No. 2 (May). — Pp. 407–437/

2. Aghion Philippe, Peter Howitt. 1998. Endogenous Growth Theory. — Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

3. Romer P. Endogenous technological change // Journal of Political Economy 99. — 1990. — Vol. 99. — No. 5, pt. II. — Pp. 710–102.

4. Romer P. Human capital and growth: Theory and evidence // Carnegie Rochester Conference Series on Public Policy. — 1990. — Vol. 32. — No.:2510286.

5. Barro Robert J. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly Journal of Economics. — 1991. — Vol. 106. — No. 2 (May):4070443

6. *Hanushek E. A., Kimko D. D.* Schooling, Labor-Force Quality, and the Growth of Nations // American Economic Review. — 2000. — No. 90. — P. 1184–1208.

7. Woßmann Ludger. Specifying human capital // Journal of Economic Surveys. — 2003. — Vol. 17. — No. 3:2390270.

Научное издание

Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики
Материалы XVI международной научно-практической конференции молодых ученых

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института экономики
Уральского отделения Российской академии наук.
Протокол №2 от 25.06.19. Рег. № 02(19).

Ответственные за выпуск Трынов А. В., Трушкова Е. А.

Редактирование: Сафьянова О. Л., Уминская А. Б.
Компьютерная верстка Кузовковой С. В.

Подписано в печать 02.09.2019. Формат 60×84 1/8. Бумага ВХИ.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 25.
Тираж 500 экз. Заказ № 224.

Институт экономики УрО РАН.
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, тел. +7(343) 371-45-36.
Сайт www.uiec.ru.

Отпечатано с оригинал-макета.
Типография «ЮНИКА».
620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. Тел. 8(343)371-16-12.